Министерство образования Новосибирской области

Государственное автономное учреждение дополнительного образования Новосибирской области «Областной центр развития творчества детей и юношества»

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»

Народная ЛЕТОПИСЬ

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

2022

ББК 63.3(2Рос–4Нос)
Н 30

Инициаторы проекта
К.К. Гиберт, С.Л. Соколов,
С.В. Ковалёв, Ю.И. Бернадский

Руководитель проекта
С.В. Федорчук

Координатор проекта
Р.О. Вершинин

Составитель и главный редактор
Н.А. Александров

Оргкомитет:
Л.Г. Албутова, О.В. Бушмакина, Е.П. Быкова, А.С. Галстян, Е.Г. Гридчина, Е.Н. Гудова, Т.Н. Егорушкина, Е.М. Жаркова, С.Н. Заика, И.Л. Звягинцева, А.А. Киселёва, Л.А. Кислых, Н.В. Клименко, Т.В. Колтышева, Е.А. Лаврентьев, Ю.В. Лисина, А.В. Лукан, О.К. Макаренко, С.В. Марченко, Е.В. Мосеевская, Т.Д. Ольховик, С.Н. Поварова, Л.В. Потеряева, Л.А. Пыхтеева, К.А. Рахимова, Н.В. Савостеева, Т.А. Степанова, М.В. Сударева, А.С. Фурсова, О.А. Шарапова

Научный консультант
Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН
В.А. Ламин

Экспертный совет
О.Н. Вялкова, В.И. Кирпиченко, О.М. Мазаева

Информационно-программное сопровождение
и техническое обеспечение
Э.Э. Сапрыкин, Д.С. Медведев

В реализации проекта приняли участие
Музей города Новосибирска им. Ю.В. Кондратюка,
Государственный архив Новосибирской области, ООО «Сибтэк», ООО «Норд Сити Молл»,
Общероссийская общественная организация «Опора России»,
Союз «Новосибирская городская
торгово-промышленная палата»

Н 30 Народная летопись. Новосибирская область : [краеведческая художественно-публицистическая хроника : исторические статьи] / составитель проекта Н. А. Александров. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2022. – 472 с. : ил.

В Летопись вошли статьи о местных легендах, уникальных природных уголках, памятниках археологии и архитектуры, знаменательных событиях, знаменитых людях, героях войны и труда. В книге использованы фотоматериалы из личных архивов участников проекта, а также из фондов краеведческих и школьных музеев.

ISBN 5–8402–0101–4

© Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2022

ДЕНЬ ТОРЖЕСТВА

Наступил торжественный год 85-летия Новосибирской области и столетнего юбилея СССР, продолжателями которого мы имеем честь быть. Мы создали книгу, которая открывает дверь в прошлое, и позволяет узнать великое и героическое, трудное и победное, помогает понять и наполнить сердце глубочайшим уважением к предкам, очистить их могилы от наветов и мусора, а наши чувства сделать ясными и легкими в обретении счастливого смысла жизни.

НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ – СОЮЗ ПОКОЛЕНИЙ

При слове «летопись», естественно, возникает канонический образ летописца, человека с выражением задумчивости на лице и гусиным пером в руке. О чём повествовали эти первые самодеятельные историки? Преимущественно о мудрости своих государей, их территориальных завоеваниях, героических походах, талантливых полководцах и победоносных сражениях.

Отечественное летописное творчество – явление более позднее, чем западно-европейское, и значительно более мифологичное. Эти специфические его свойства вполне объективно объясняются экстремальными условиями возникновения, формирования и развития российской государственности.

Идея подготовки и издания «Народной летописи Новосибирской области», несомненно, принадлежит Издательскому Дому «Историческое наследие Сибири», творческий коллектив которого заслуженно можно назвать коллективным историографом Новосибирска и области. Поскольку именно благодаря организаторскому таланту, неиссякаемой энергии, творческому участию в качестве авторов, редакторов и издателей за весьма короткое время реализован ряд крупных проектов: «История Новосибирска», «История промышленности Новосибирска и Новосибирской области» в пяти томах, «История Новосибирской области», «Историческая энциклопедия Сибири» в трёх томах и ещё более сотни совместных с Институтом истории СО РАН исследований истории Сибири.

Говорят, что кто-то из великих физиков когда-то одному своему ученику, пришедшему за одобрением своей идеи, сказал, что она хороша, но недостаточно «сумасшедшая», чтобы стать реальной. Мне же, как и некоторым другим сомневавшимся, идея создания «Народной летописи» показалась уж слишком «сумасшедшей», совершенно фантастической для реального исполнения.

Первую мою реакцию на проект «Народной летописи» вполне справедливо можно назвать инертной, но определялась она некоторыми фактическими обстоятельствами. В частности, общеизвестным фактом, что летописные повествования, весьма распространённые на Руси с XI века, к концу XVII века как способ и средство фиксации исторических событий и процессов и обобщения, анализа их оказались в фазе угасания. Не входя в детальные изыскания причин этого угасания, всё же это обстоятельство необходимо заметить и запомнить. Да и просто, где взять летописцев, которые и в лучшие для летописных сочинений времена в Сибири если и были, то, как говорится, числом раз, два и обчёлся.

Но было и третье реальное обстоятельство, обязывающее к участию в осуществлении инициативы подготовки и издания «Народной летописи». Эта причина явилась в облике так называемой постсоветской историографии.

Профессиональный состав этих ваятелей новейшей Отечественной истории вполне объективно можно назвать весьма сборным. Передние позиции в нём занимали так называемые диссиденты, явившиеся на свет в годы правления государством и КПСС Н. С. Хрущева и особенно после его доклада, разоблачающего культ личности И. В. Сталина.

С приходом на должность генсека КПСС Л. И. Брежнева власть начала «закручивать гайки» в головах, как их именовал ещё Хрущёв, «отщепенцев» советского общества. Некоторых из них через судебные процедуры, как бы законно, успокаивали в психиатрической клинике института имени В. П. Сербского, других парализовали перспективой исправительно-трудовых лагерей. Третьих, уже изрядно обгадивших советскую власть и за эти подвиги обласканных прогрессивной западной общественностью и правозащитниками, пришлось выпроваживать в мир нетленных демократических ценностей с билетом в один конец.

Но главное сомнение в успехе предлагавшегося начинания подготовки и издания региональной народной летописи являлось, пожалуй, важнее первых двух, вместе взятых. И диктовалось оно так называемой постсоветской историографией, первые «цветочки» которой распустились

во времена горбачевского «нового мышления», открытого, гражданского общества, построения правового государства, свободы самовыражения и прочих либеральных, демократических ценностей.

И вот что поразительно, а точнее омерзительно – первый урожай этого буйно помешанного расцвета постсоветской историографии возделывался учёными-историками, как бы законными авторитетами ещё вчера...

Историографическая вакханалия продолжается и сегодня. Но вот что необычно – летописцами Народной Летописи Новосибирской области стали сотни жителей города и села, которые рассказали истории своей семьи, описали уникальные легенды и уголки природы родного края, написали передаваемые из поколения в поколение истории и события, в которых участвовали предки, и ещё многое и многое. Да, эмоционально, да, относительно собственного приятия или неприятия, собственного суждения и оценки, но что удивительно, через народное рукописное творчество сложился совершенно объективный исторический портрет и народа, и его истории. Отсутствие политических или коммерческих интересов у многочисленных создателей летописи стало поводом для рождения правдивой и объективной истории, а правдивая история и есть – сбалансированное распределение света и теней. История – это и есть союз поколений умерших, живущих и ещё не родившихся.

Народная Летопись Новосибирской области стала историографическим подвигом, во-первых, сотен авторов-летописцев, во-вторых, организующего Издательского Дома «Историческое наследие Сибири» и поддержавшего проект Министерства образования Новосибирской области.

Народная Летопись Новосибирской области, без сомнения, стала новаторским, инновационным, оригинальным проектом и, что крайне важно, честным и объективным источником знания, познания и изучения истории родного края и России.

Владимир Ламин,
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН

Болотнинский район

Гонец

Со спокойствием и сладостной печалью я захожу в величественный Бор над речкой Болотной, сажусь под реликтовой сосной, поднимаю голову, чтобы увидеть самую душу этого чудодерева, а потом погружаюсь в сон памяти – дивный и счастливый. Я вспоминаю прошлые, прожитые мною века.

Я родился еще до великого мора, который опустошил Сибирь, потом пришли кочевники: многие народы жили здесь, но тихий Бор и Болотная река оставались в стороне от бурной и непримиримой жизни. Там, вдалеке, шла тревожная человеческая жизнь, рождались и умирали люди, шли войны, совершались подвиги и предательства, а здесь, на этом берегу, множились птицы, которые пищали, кричали, щебетали, орали лягушки, а одноногие цапли искали их настороженно и метко.

Приходила осень, вяли густые травы, покрывались утренним холодным туманом, первой заледеневшей росинкой – эту красоту не видели люди, но она жила и радовалась вечной жизни. Потом падал нескончаемый снег, крупными снежинками, закрывал сосновую округу белым занавесом, сугробы нагуливали бока, а потом позёмка струилась по холодному простору. Я был здесь и всё видел, так из века в век жила моя Родина, чтобы потом уставшие сугробы с первым теплом устремились робкими ручейками в речку Болотную. А та сытно принимала паводок, заливая низины и луга, напитывая новую жизнь, и скоро расцветала миллионами оттенков разнотравья. У природы так – расцвести и завять, превратиться в землю, перенести холод и явиться новой цветущей жизнью – всё, как у людей.

Смерть – это часть жизни, черта, за которой новое бытие. Нет смысла и даже глупо бояться перевоплощения и смены старого тела на молодое, тем более, если ты старался жить честно и не плодил тяжкого зла, если жил с любовью. А разве можно жить без любви к родителям или детям, или друзьям и тем, кто проходит мимо твоего окна? Разве можно не любить свою Родину и историю своих предков, разве можно не любить свой народ?

Я помню, как в тот день всполошились вдруг птицы, загалдели, а стрижи начали, будто опасным ножом, резать небо, на неуверенный мосток через речку Болотную, прямо на меня выехал всадник. Он лежал на спине коня, его шея была прострелена кровавой стрелой с чёрным оперением. Конь подошёл ко мне и смиренно опустил голову. Я снял всадника, положил в тени дерева, отломил оперение и осторожно выдернул стрелу из шеи несчастного. Передо мной был, очевидно, очень везучий человек, стрела не перебила артерию. Он застонал, но я уже приложил к ране болотную траву и наложил плотную повязку.

– Рахмаш, – произнес всадник.

– На здоровье, – ответил я и дал ему вдоволь напиться воды.

Он потерял много крови и был крайне слаб. Я внимательно осмотрел стрелу и спросил:

– Пришёл Кучум?

– Да, Едигер убит. Я должен предупредить о беде свой народ.

Вот и наступила новая смута, – понял я, – которая продлиться более двух веков. На сибирскую землю пришёл из Бухары хан Кучум, злой и беспощадный и к своим и к чужим. Он не будет платить ясак русскому царю, как это делал Едигер, защиты у сибирских народов больше нет. Кучум мечом и огнём заставит малочисленные сибирские народы платить дань и принять веру мусульманскую. Потом придёт Ермак, он будет заставлять покориться Кучума. Два кровавых века Сибири! Чаты скоро уйдут под руку русского царя, а гордые телеуты никогда не станут вассалами русского царя, но уже в новые века их останется чуть больше двух тысяч человек. Народы Сибири не смогли противостоять Кучуму, а Кучум не смог противостоять ружьям и пушкам русских ратников. Началась эпоха многих жертв за ясак и межусобные интересы.

Я приготовил отвар из полевых трав.

– Тебе нужна сила, на, ешь, – я протянул гонцу кусок вяленого мяса и чашу с тёплым отваром.

– Что это? – спросил он.

– Дару и куш. Ешь, мне не нужна твоя жизнь.

Утром гонец с трудом, но самостоятельно сел на коня.

– Как звать тебя, рус?

– Арефа.

– Мои потомки будут чтить тебя!

Я остался один у Болотной реки, на краю величественного Бора. Впереди меня ждал бурный поток междоусобной и алчной крови. Впереди был ясачный оброк, лихоимство и обман сборщиков дани, беспредел и насилие чиновников, угнетение и ограбление простых людей, и тех, кто приехал сюда на свободные земли – они тоже настрадаются от царских чиновников и купцов. Потом родится очень сильное поколение, которому надоест жить в рабстве, и они свергнут бесправие, выйдут из землянок, оденутся и наедятся, но новые правители сами захотят стать царями и купцами, и снова народ попадет под ясачный оброк: русские, татары, телеуты, калмыки, украинцы, белорусы – все.

В тот день, когда я помог выжить гонцу, я знал, что встретил судьбу своего народа: подло преданного, опасно раненного, беспредельно сильного, высокоблагородного и божественно благодарного. Народа, который черпает свою силу в спасении других. Народа, который находит силы в страдании. Народ, который умирая, не умирает. Народ, у которого только в бедствии рождается здоровая человеческая сила. Да разве можно не любить такой народ? Да разве можно не гордиться быть малой частью такого народа? Да разве не есть ли величайшая честь и достоинство служить такому народу верой и правдой и до конца дней своих?!

Такая у меня была жизнь – яркая и тяжёлая, но перевести дыхание и набраться сил я мог только в этом мирном и спокойном месте – у речки Болотной, где под каждой кочкой живёт тишина, каждая былинка родная, а утро раннее и, главное, всегда вовремя встаёт солнце, чтобы, проснувшись на заре, вновь подняться на бой за право жить достойно и счастливо.

Бор

В 1555 году хан Кучум – сын правителя Бухары Муртазы из рода Шейбанидов – после четырнадцатилетней войны сломал сопротивление местных племён и стал единовластным правителем Сибири, но в сибирском ханстве оставалось не мало людей, преданных поверженному Едигеру, вот почему высокопоставленные мурзы не останавливались на ночлег в татарских поселениях, а искали отдыха здесь, на берегу скрытой средь кочек болотной речке Сазсу – тихое место, отдаленное от дорог, с чистейшими родниками и с необычайно величественным и красивым сосновым Бором. Останавливался здесь и сам хан Кучум, а чуть позже это место приглянулось его старшему сыну – Али, который не раз отдыхал на этом берегу, когда дорога его лежала на север.

Отряд Али-хана проезжал мостком над речкой Болотной, спешивался, и скоро несколько костров уже дымили на полянке в кругу высоких сосен, а походные таганки возвышались над

огнём, который с ярым наслаждением облизывал бока чёрного казана. Закипала ароматная шурпа, служка переливал чай из чаши в чашу, чтобы набрался чай с молоком вкуса ароматного и живительной силы, усиленный дозор караулил покой хана, караучи-воины собирали сухой валежник для ночного костра, а в это время кумыс в кобыльих турсуках заботливо остывал в прибрежных бурных родниках.

Над станом возвышалась только походная юрта хана Али, обтянутая лоснящейся бычьей кожей. Сам молодой хан скоро выходил с распущенными дегтярно чёрными волосами в атласном мягком, как прикосновение матери, халате, и садился на любезную подушечку под древней, царственно возвышающейся сосною. Отдыхал. Смотрел на покойную болотную даль, слушал песню камыша, трогательный пересвист мирных куличков и редкий, скандальный крик выпи. Любил Али чистый Бор, полный лёгкого воздуха, запаха смолы, перемешанного с полевым разнотравьем – лекарство для его больных лёгких.

Много лет прошло с тех пор, а я всё прихожу на край Бора, сажусь на место Али. Хорошо под сосной сидеть на горке, наблюдать простор. Глянешь вверх – так Али делал, а там иголочки в царской кроне, миллионы иголочек, как судеб людских.

А река наша Болотная в древние времена Сазсу звалась, что значит по-татарски – болотная река. Русские путешественники по нашим краям случились давно и создали первые Чертежи всей Сибири, а Семён Ремезов поместил на них реки и прочие озёра и города. Вот тогда черти эти – чертёжники, долго не думая, начертали по-русски, мол, река Болотная, а мне и невдомёк было проверить!

И приток-ручеёк, что из Лоханки течёт, звали Бала – малыш, так чатские татары его называли.

Бала – малыш – трогательно, и Иня – мама – нежно, и Обь – бабушка – ласково, и Ояш – низина – по месту, и Кунчурук – сторона восходящего дня – по делу, и Ача – горькая – по вкусу, а у нас Лоханка – по форме.

До сих пор над болотным простором стоит царственная сосна – хозяйка Бора, под ногами – смиренная Сазсу с Малышом-Бала, а в Водокачке – вода чистотой знатная. И в этом цветнике райском ты живёшь, как бабочка порхаешь, али комариком гудишь, радуешься и счастья своего не понимаешь.

Хан Али

Я увидел отряд хана Али, когда он миновал Ояшинское урочище, он не стал останавливаться на отдых, а только принял подарки своих подданных и продолжил путь на север. Я уже знал, где остановится на отдых хан Али, и решил непременно встретиться с ним.

И когда Али сел отдохнуть под царственной сосной, я был уже на месте и, уличив момент, пошел к нему с поклоном. Но злой сакча-часовой не пустил

меня, чуть не заколол. Прогнал с угрозами и пикой, ещё тыкнул напоследок пониже спины.

Али услышал шум и спросил сакчу:

– Что хотел этот человек?

– С тобой говорить, великий хан!

– Пусти его.

Сакча выдернул из моих кожаных ножен короткий меч, который чаще служил мне ножом.

– Иди, владыка ждёт, – приказал и почтенно склонил голову.

Вот же гад, думаю, сначала задницу мне пикой проколол, а теперь поклоны раздает.

Я прошёл к огромной сосне, под которой сидел молодой хан Али, снял платок с головы и поклонился до земли.

– Что ты хотел сказать, славянин?

Худое лицо Али было болезненно желтым, глаза окаймляли синие круги, он был молод и стар одновременно, а по печали в глазах я догадался, что он думает о смерти.

– Ты назвал меня необычно – славянин.

– Я много читал. Говори.

– Хочу отдать честь отважному воину Али – хану Сибирскому, отроку легендарного рода Шибанидов, предку великого Чингисхана, сыну достопочтенного хана Кучума!

– Ты разве не знаешь, что русы напали на Сибирское царство и идет бой?

– Знаю, но прежде этого похода русских достопочтенный хан Кучум напал на Сибирское царство, убил повелителя Сибири хана Едигера и отказался платить ясак.

– Лжешь, собака! – блеснул чернотой глаз Али, но сдержался. – Что ты делаешь здесь? Ты лазутчик?

– Нет, я живу здесь.

– Где же дом твой?

– Везде, но зимую я у чатов в юртах Акбалыцких.

– Откуда так хорошо знаешь язык наш?

– Я много знаю языков и наречий, достопочтенный хан. Ещё до великого мора. Вёз с отрядом ратников дань Ибаку – хану Большой Орды. На отряд напал огромный шатун, я был ранен и оставлен в юртах Акбалыцких. Местный шаман-ведун лечил меня. Три года там был, пока не научился снова ходить.

– Ложь твоя изрядна, Ибак-хан – старший сын Чингисхана, значит, ты живешь уже триста лет? Сколько же лет тебе сейчас, лжец.

– Не знаю, великий хан, давно живу, а как давно – уже и не помню.

– Как смеешь ты лгать мне?! – юноша задумался, откинулся на ствол дерева и посмотрел в царственную крону. – Дерзость твоя велика. Никто не знает день своей смерти, а ты – знаешь – ты умрешь сегодня, – хан выразительно посмотрел на сакчу. Тот понял всё, и я понял, что Али приказал меня убить.

– О, великий хан, неужели ты никогда не лгал? Если скажешь – нет, то уже солжёшь.

Юноша опустил голову, молчал минуту, думал неторопливо и основательно.

– Было. Но потом я узнал, что лжец не достоин памяти потомков! – в его словах угадывалась способность глубоко мыслить.

– Я не встречал более хитрого народа, чем твой народ, добрый хан.

– Хитрость в бою – это не твоя трусливая ложь! – и этот ответ, понял я, был плодом долгих раздумий молодого хана.

– Почему же «трусливая»? Как видишь, я не боюсь смерти.

– Лгут только трусы, а если лжёт мужчина, то он трус вдвойне.

– А если лжёт правитель?

– Такой правитель недостоин своего народа, и судьба его – смерть и презрение.

– Ты мудр, хан Али. Пусть вечна будет душа твоя, пусть долог будет жизненный путь великого воина, пусть жены твои будут плодовиты, а войско смелым, а народ единым как кулак, в котором соединятся все племена ваши, – я знал, что говорил, я говорил как раз то, чего не было ни у Али, ни у Кучума, залившего землю сибирскую кровью единоплеменников, когда насаждал огнём и мечом веру мусульманскую. С тех пор у огромного Сибирского ханства не осталось и намёка на единство.

– Ты смелый человек, славянин, оказывается, ты умеешь не только лгать, но и говорить правду. Говори только правду, и тогда, может быть, я подарю тебе жизнь, – Али помолчал, внимательно глянул на меня и произнёс: – Мне шестнадцать лет и я скоро умру... Юноша сказал эти слова неожиданно доверительно и спокойно.

Мне было жаль юношу, много его родных отличались слабым здоровьем, и всему причиной были семь тысяч женщин Чингисхана, которые подарили Орде более шестисот детей. Через пару веков близкими родственниками друг другу приходились уже около семнадцати миллионов мужчин и ещё больше женщин.

– Великий хан, сегодня не день моей смерти. Ты едешь лечиться на север к кунчурукским шаманам, они ждут тебя, тебя ждут подарки и лечебные травы. Тебя повезут на неприступный остров Кучума, сухой хвойный воздух вековых кедров, кумыс и травы вылечат тебя.

– Я люблю тот остров! Он неприступен, как крепость, – успокоился и удивился Али. – Но как ты много знаешь, лазутчик! И почему тебе до сих пор не отрезали язык? Говори ещё…

Вдруг Али закашлялся, видимо, внутреннее волнение и надежда на выздоровление, посеянная мной, вызвали этот приступ, он кашлял долго, глубоко и хрипло и скоро сплюнул сукровицу, откинулся спиной на теплую сосну. Халат его распахнулся, и я увидел тщедушную впалую грудь, он дробно дышал, но глаза горели огнём и желанием жить.

– Скоро твой отец будет предан своим народом, его убьёт не враг, а друг. Скоро ты поведёшь войско Кучума и будешь пленён. Тебя не убьют, но ты будешь жить со своими подданными среди русов, русский царь помилует тебя. А в Сибирь придут жить славяне. Остатки твоего народа будут жить с ними в мире.

– Нет! Мой народ – великий народ! Он не позволит чужеродам топтать мою землю.

– Твой народ – великий народ, но после великого мора и междоусобной войны за власть твой народ устал жить, жёны уже целый век приносят слабых

духом мужчин, народ устал воевать и умирать, он начал вырождаться. Самые сильные останутся и будут жить в мире со славянами и вместе защищать потом твои земли. Но, великий хан, наступит время, и славяне, в свою очередь, начнут вырождаться, и их жёны устанут ждать смелых мужчин, и их начнёт губить жадность и междоусобица, и Сибирь, по которой опять пройдет мор, вновь станет такой же пустынной, как сейчас.

– Неужели, ты говоришь правду? – Али посмотрел на сакчу, будто ища поддержки.

– Великий хан, – продолжил я, – пройдут годы, много лет, здесь будет стоять город, вон там – на холме, а на месте болота раскинется рукотворное море и по нему поплывут быстрые струги. Я расскажу людям о тебе и о горе твоего народа, уставшего жить и позволившего поссорить свои роды!

– Как зовут тебя, лазутчик?

– Арефий, добрый хан.

– Арефий, – повторил Али и вдруг глянул на меня пристально и даже с вызовом: – Ты знаешь день моей смерти?

– Да, великий хан. Знаю. Но ты будешь жить долгую жизнь.

– Почему ты не говоришь день? – Али уставился на меня с настороженным любопытством.

– Человек не должен знать день своей смерти, великий хан, – я отступил назад, смиренно склонил голову и приложил руку к груди. – Прости, великий хан, но таков закон жизни.

Хан поднялся. Передо мной стоял высокий, худой юноша, но я знал, что скоро его тело нальется силой и он поведет свои отряды в бой. А сейчас он вдруг заторопился, потому что у него родилась уверенная надежда, и я его понимал, ему не терпелось в бой, но прежде предстояло победить болезнь.

– Верни оружие, – приказал юноша. – Живи, лазутчик.

Хан не прощаясь и более не глянув на меня поспешил в свой шатер. Я вновь приложил руку к груди, склонил голову и стоял так, пока хан не скрылся в шатре. Мимо прошел сакча. Остановился и отдал мне меч.

– Без обид, – произнёс он и пошёл прочь.

«Да, конечно, – подумал я, – какие могут быть обиды, просто я просижу сегодня весь вечер в шайке с травами, чтобы рана не загнила. Но ладно рана! Она-то заживёт, а шаровары теперь новыми уже не назовёшь».

Утром я вернулся на место стоянки отряда хана Али, посидел на его месте под древней сосной, поглядел в изумрудную царственную крону, которая блестела и переливалась в хвое, отражавшей лучи восходящего солнца. Потом прошёлся по поляне, на которой остались чёрные пятна костров.

Хан Али ушёл в йорт-поселение Кунчурук.Тамошний шаман, сухой кедровый воздух острова Кучума, болотные травы и местный багульник спасут его и больше он никогда не вернётся под нашу древнюю сосну.

До начала строительства дамбы через речку Болотную – Сазсу оставалось триста лет.

Дед Арефа

Доволенский район

Мой заповедный уголок

У каждого человека есть своё заповедное место, где прошло детство, куда захочется вернуться через много лет. Нам хочется, чтобы там оставалось всё прежним. Моё детство ещё не закончилось, но заповедный уголок у меня есть. Это – наше озеро.

Баклушевское озеро. Для многих баклушевцев это просто большой водоем, где можно искупаться в жаркий день. Но для самих Баклушей это озеро – жизнь и судьба. С ним тесно связана история села. Много лет назад переселенцы из Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Черниговской, Полтавской губерний остановились на берегу большого озера. Вода в озере чистая, много рыбы, а в лесах полно дичи. Понравились эти места переселенцам и решили они: «Хватит баклуши бить, жить будем здесь». Стали люди строить дома, обрабатывать землю. Выросла на берегу озера деревня, которая получила название Баклуши, так же назвали и озеро.

Много лет озеро кормило и поило людей. Шли годы, в каждый дом провели водопровод, у всех есть подсобное хозяйство, есть машины. Перестали люди беречь озеро. Леса на берегу вырубили. Водоплавающую птицу каждый охотничий сезон отстреливают без всякой нормы, ставят сети. На берегу, который был когда-то чистым, моют машины и стирают паласы. Молодежь, которая отдыхает на берегу, оставляет после себя бутылки и бумажки. Люди кругом хорошие, но почему-то немного дикие.

Но, несмотря ни на что, в начале лета озеро встречает своих гостей прозрачной водой. Где-то глубоко есть подводные ключи, которые не позволяют воде застаиваться. А в 80-е годы на берегу построили водонапорную башню. Пробурили скважину и наткнулись на один из подземных ключей. По каким-то техническим причинам башню поставили рядом, а вода из подземного источника уже много лет бежит в озеро и радует жителей села. Вода эта вкусная, чистая и чудесно теплая, даже зимой. Часто жители других деревень приезжают за нашей водой, слава о ба-

Вода из подземного источника уже много лет бежит в озеро и радует жителей села

клушевской воде разлетелась по всему району.

А ещё озеро очень красивое. В тихий, солнечный день озеро спокойное, гладкое, голубое. Солнышко, редкие камыши отражаются в нём, словно в зеркале. Набежит тучка, заволнуется озеро, а если поднимется ветер, станет озеро тёмным, почти чёрным. Побегут волны, вспенятся, и кажется, что это не озеро, а Чёрное море.

Анастасия Гутова

Венгеровский район

Следы прошлого

Озеро Ложка. Один из красивейших уголков нашего района. Ягодные, грибные места. Не случайно летом сюда спешат венгеровцы за дарами природы.

Но не только этим знаменита Ложка. Здесь на протяжении десятилетий, с семидесятых годов прошлого века, ведут раскопки археологи. И каждый сезон приносит новые находки, новые открытия. В прибрежных лесах исследователи прошлого уже обнаружили немало памятников различных эпох и культур. А сколько ещё таится под слоем земли!

Небольшая болотинка на окраине леса. Сколько раз проходили мы здесь в поисках грибов (здесь «водятся» боровики, обабки, подосиновики). Взгляд скользил по углублениям в земле – то ли дёрн кто-то когда-то снимал, то ли ямы рыл. Непонятно.

Для нас – непонятно. А вот археологам очень даже понятно. Именно здесь много тысяч лет назад поселились люди. И эти углубления – следы их жилищ. Шёл неолит – новый каменный век. Человек уже освоил орудия из камня. До эпохи металлов оставался один шаг. Но этот шаг надо было сделать…

Планомерные раскопки этого памятника, открытого В. И. Молодиным в 1998 году, с 2003 года ведёт Кузбасская археологическая экспедиция Кемеровского госуниверситета и Института экологии человека СО РАН, руководит которой Владимир Васильевич Бобров, профессор кафедры археологии Кемеровского госуниверситета, доктор исторических наук.

Орудия труда древних людей

Шесть тысяч лет назад до нашей эры

Происходящее напоминает, скорее, небольшую стройку. Широкая яма – раскоп, вынутый грунт тачкой отвозится в сторонку. Лопатой зачищается дно раскопа. Что ищут здесь эти люди? Зачем приехали сюда аж из Кемерова?

– Мы ведём раскопки одного из самых древних поселений на территории вашего района, – говорит Владимир Васильевич Бобров. – Самый первый посёлок с южной стороны этого небольшого озерка возник примерно за шесть тысяч лет до нашей эры. По нашим данным, это наиболее древняя часть поселения.

Раскопки древнего посёлка на Ложке

Люди жили здесь на протяжении какого-то времени. Затем поселение прекратило своё существование. Откочевали ли жители в другие места, или исчезло оно по какой-либо иной причине – сказать трудно.

– Пройдёт время, и здесь снова появятся люди, устроят посёлок, но уже с северной стороны озера, более обширный, – продолжает профессор свой рассказ. – Это произойдёт примерно за 4 тысячи лет до нашей эры. Но люди, жившие и там, и тут, ещё не знали металла. Охотники, рыболовы, они изготавливали орудия из камня, дерева, кости. Наверняка были у них и ловушки какие-то для зверей, и сети – в эпоху неолита люди уже умели изготавливать ткани, знали различные способы плетения и вязания. Но главным оружием, конечно, были лук и стрелы.

Мы здесь находим каменные наконечники стрел, множество различных скребков для выделки шкур. Так что, охота и рыбалка занимали в жизни этих людей ведущее место и были основным источником существования. Ну, конечно, и собирательство – ягоды, съедобные коренья, растения. Сама эпоха эта очень интересная, но вместе с тем – сложная, потому что этот период – заключительный период каменного века – изучен очень плохо на территории Западной Сибири и особенно слабо – в лесостепных районах. А ведь Барабинская степь, пожалуй, крупнейшая и самая интересная с археологической точки зрения зона. И нам необходимо выяснить, что же происходило здесь в то время. Это первое.

Второе. Одна из особенностей Западной Сибири – отсутствие камня или низкое, плохое его качество. Тем не менее, человек освоил эту огромнейшую территорию Западно-Сибирской низменности. Но чтобы её освоить, нужна была постоянная поставка сырья для производства орудий. Мы исследовали не одно жилище, материал у нас накопился. Представили образцы геологам, и те дали заключение: камни поступали сюда из Кузнецкого Алатау (как раз откуда мы приехали – Кемеровская область) и Центрального Казахстана.

Каким путём доставляли камень – сами ли поселенцы отправлялись за сырьём или происходило это всё в форме обмена – трудно сказать. Но думаю, оба варианта могли существовать. Именно это обстоятельство приводило к тому, что местные поселенцы знакомились с достижениями южных соседей. Там раньше перешли на уровень производящего хозяйства: к скотоводству, к земледелию. Естественно, это стимулировало общественное развитие, приводило к изменению социального развития. Там раньше освоили цветной металл – и это не могло не вызвать реакцию здесь.

А вот поступали ли сюда камни с Урала, геологи нам ответить не могли. Не было материала. И только в этом году нам посчастливилось найти (правда, относится эта находка к более поздней эпохе) обломок литейной формы, изготовленной из талька. А это уже стопроцентный уральский камень. Так что в древности, несмотря на невысокую плотность населения, между различными группами шёл постоянный обмен, поддерживались контакты. И это, в целом, не могло не отразиться на историческом развитии людей, освоивших Западную Сибирь.

Памятник, на котором мы ведём раскопки, уникален. Такого масштаба памятника нового каменного века, и в целом эпохи камня, мы пока ещё не знаем. Он единственный в Барабинской лесостепи крупный, масштабный и дающий чрезвычайно важный материал для науки, для исторического познания, – отмечает Владимир Васильевич.

Изобретатели из неолита

Для большего удобства древние мастера вставляли каменные пластинки в деревянную или костяную основу, то есть соединяли два разноплановых материала. Это был своего рода прообраз биметаллических изделий. Отсюда они берут своё начало, из каменного века. Пусть технология изготовления их иная, но принцип-то один.

Посуда – тоже изобретение каменного века. Именно тогда человек додумался лепить из глиняной массы горшки и плошки. Неизвестно, кто первым сообразил, что в такой посуде можно готовить пищу, но это было одним из величайших изобретений человечества. С тех пор мы не придумали ничего нового – только совершенствуем то, что было изобретено древними.

– А вот очень интересная технология, – Бобров показывает обломок керамики. – Видите? Сначала, при изготовлении, ещё влажное горлышко обвязали верёвочкой и продолжили лепить. Потом, при обжиге, верёвочка сгорела, а след остался… Зачем? Может быть, чтобы придать сосуду определённую форму?

Посуду лепили вручную, до изобретения гончарного круга оставалось ещё немало лет. На ещё влажную поверхность наносили узоры – точки, чёрточки, волнистые линии, а после обжигали на огне. Возможно, с нашей точки зрения, эти горшки выглядят неказистыми, но главную свою задачу они выполняли исправно.

Как выглядели люди, жившие здесь? Точный облик их, увы, воссоздать сейчас невозможно. Для этого необходимо обнаружить погребение, чтобы по скелету и черепу воссоздать облик. Но погребения эпохи неолита вообще большая редкость, а на этом памятнике не обнаружено ни одного. Возможно, потому, что почва здесь болотистая, кислотная. За прошедшие тысячелетия в ней бесследно растворились и дерево, и кость, и прочая органика. Так что «улов» археологов составляют изделия из камня и обломки керамики.

И всё же, если проводить аналогии с уже исследовавшимися подобными памятниками, можно с большой долей вероятности предположить, что люди, жившие здесь, были, скорее, европеоидного типа. Низкорослые, коренастые, словом, приспособленные к жизни в лесу.

Сколько веков минуло, сколько раз менял лес вокруг Ложки свой наряд. Вставало и заходило солнце, падал снег, лил дождь. Разные люди устраивали свои поселения вокруг Ложки. Разные эпохи, разные народности, разные обычаи. Сходным, пожалуй, было одно: чувства. Так же, как мы, они печалились и радовались, восхищались и негодовали. Мы такие разные – и такие похожие. И познавая быт и обычаи, царившие в глубине веков, мы познаём себя. Тем и важна история: не узнав прошлого, нельзя в полной мере оценить и понять настоящее.

Керамика эпохи неолита

Надежда Тисканова

Здвинский район

Городище

Деревня Городище расположена в Западно-Сибирской низменности в Юго-Западном районе Новосибирской области Здвинского района на живописном берегу озера Малые Чаны. Она находится в очень укромном месте, со всех сторон окружена водой. Городище граничит на севере с территорией ЗАО «Петраковское», на востоке с землями

ОАО «Родина», на западе с Купинским районом, на северо-западе с Барабинским.

Рельеф представляет собой волнистую равнину. Встречаются гривы высотой 2–3 метра: Малое Резаново, Большое Резаново, Тринадцатое, Калдейская, Жилая, Майдар, Песчанка, Силитрина, Телячья. Межгривные понижения заняты небольшими болотистыми озерками: Песчаное, Тринадцатое, Майдарское, Беззубово, Казенное, Аверино.

Большим по площади считалось озеро Дичи. В 1952 году оно сильно разлилось, появилось много рыбы. По словам старожилов, ловились щуки до 15 килограммов. Но неожиданно оно начало мелеть, а затем исчезло совсем. В настоящее время на месте бывшего озера Дичи – покосы: Калиновка, Волчьи Норы, Песчанка, Казаки. Место, занимаемое деревней, является островом, но вокруг имеются ещё острова: Столбик, Талажанка, Малое Голое (Голенькое), Черёмушкино, Большое Голое и полуостров Вертково.

Местность характеризуется континентальным полузасушливым климатом. Средняя температура июля +21 – +23° С, января –19 – –20° С, годовое количество осадков 290 мм.

Флора отличается большой неоднородностью. В луговых степях произрастает тысячелистник, клевер, земляника, зопник, пижма, конский щавель, ковыль, овсяница. Древесная растительность представлена берёзовыми и осиновыми колками, а также черёмухой, боярышником, дикой смородиной. Некоторые растения занесены в Красную книгу. Понижения рельефа заняты солонцами и солончаками.

На территории, в основном, обитают представители степной фауны. Из животных встречаются: мышь полевая, тушканчик, суслик, заяц, лиса, ондатра, барсук, колонок. Очень богата фауна птиц, особенно водоплавающих, среди которых гуси и лебеди. Белый лебедь! Какой восторг вызывает он у местных жителей, когда прилетает весной, начинает гнездиться и выводить потомство! А в конце лета огромная лебединая стая начинает готовиться к отлёту в тёплые края, напоминая о приходе зимы. Пара лебедей – символ вечной верности! Своим присутствием на этой земле, всякий раз напоминают они людям о нравственности, о супружеском и родительском долге.

Озеро Малые Чаны! О нём можно говорить бесконечно. Его название пришло из тюркского языка: чан – сосуд больших размеров. В народе озеро Чаны называют морем, и это справедливо. В настоящее время площадь водного зеркала составляет 219,6 ква-

дратных километра, длина – 12, ширина – 2 километра, средняя глубина – 2 метра. Но старожилы помнят, как озеро высыхало «до донышка». Это было в самом начале XX века. Тогда на бывших рыбных нерестилищах вольно паслись табуны лошадей, и жеребцы начинали драки за первенство, вздымая к небу клубы чёрной пыли, как дым от пожарищ. Деревенские ребятишки бегали босиком на Черёмушкино за черёмухой. Жители села напрямую на лошадях ездили в Широкую Курью. Постепенно вновь начала появляться вода, и озеро взяло свою прежнюю силу и красоту.

В нашем озере обитают разнообразные виды рыб: щука, карась, судак, лещ, карп, окунь, сазан, язь, плотва и другие. Растения и животные, населяющие водоём, распределяются неравномерно. Каждый вид обитает в тех условиях, к которым приспособлен. Вдоль береговой линии растёт камыш озёрный, осока. В займищах гнездится большое количество птиц: утки, гуси, лебеди, кулики. Обитают ондатры, лягушки. Питание озера происходит за счёт талых снеговых, дождевых и подземных вод. Уровень воды подвержен значительным колебаниям в течение года. Самый высокий уровень воды в озере наблюдается в мае, иногда в июне.

Поистине сказочное место представляет собой Государственный ландшафтно-биологический заказник «Чановский». Под территорию заказника отведена приустьевая часть рек Чулым и Каргат и обширный комплекс озёрно-займищных угодий, включающих два залива озера Малые Чаны, – Белуху и Мыс, с окружающими их массивами тростниковых займищ и болот. Общая площадь заказника 10191 гектар.

Заказник предназначен для охраны и восстановления типичных ландшафтов и экосистем Барабинской лесостепи и её водно-болотных угодий, имеющих международное значение как место обитания водоплавающих и околоводных птиц в периоды их сезонных миграций. Уникальность и экологическая значимость этой территории заключается в том, что здесь пролегают магистральные миграционные пути многих

видов птиц, в том числе и трансконтинентальных видов. Обширные тростниковые займища, занимающие большую часть заказника, являются местом массового гнездования водоплавающих и околоводных птиц и служат им для отдыха при ежегодных сезонных миграциях. Кроме того, здесь встречается целый ряд полезных, редких или занесённых в Красную книгу Российской Федерации и Новосибирской области растений и животных.

Территория заказника сильно обводнена. Грунтовые воды залегают здесь близко к поверхности (0,5–4 м), питая озёра, болота и реки. Заливы Золотые Россыпи и Глухая Курья имеют вязкое, илистое дно, они обширны по площади, но глубины в них небольшие, до полутора метров. Это место является благоприятным для массового нереста большинства видов семейства карповых. Основные виды рыб в заливах: плотва, окунь, язь, карась, сазан, судак, щука.

Также для заказника характерен своеобразный гривно-лощинный рельеф. Займища заняты зарослями болотных растений – тростником, рогозой, камышом, осокой и различными кустарниками, среди которых преобладает ива сибирская. Песчаные гривы заняты лугами и берёзово-осиновыми колками. На склонах грив растут различные злаки, полынь, солодка уральская, горчичник Морисона, василёк шероховатый, солонечник двуцветковый, тысячелистник азиатский, горицвет весенний, лук, лебеда, пастушья сумка, бодяк, лабазник, девясил и целый ряд других травянистых растений, около 440 видов. Среди редких лекар-

ственных встречаются ковыль, колокольчик, пустырник, мята, молочай, шиповник, черёмуха и другие.

Исследованиями зоологов и особенно сотрудников лаборатории орнитологии Зоологического института на территории нынешнего заказника и его окрестностях установлено пребывание 259 видов птиц. Среди них встречаются лебедь шипун, пеганка, выпь, кряква, журавли, гуси, чайки, шилоклювка, кроншнеп и другие. Из животных здесь встречаются косуля, заяц беляк, ондатра, барсук, колонок, горностай, лисица.

Большое значение для Чановского заказника имеет сотрудничество с академической наукой. На его территории находится экспедиционная опорная база Института систематики и экологии животных СО РАН (биостационар). Биологический стационар – это небольшое селение из добротных летних домиков, предназначенных для проживания и работы учёных-исследователей, сотрудников заказника и нередких для этих мест гостей. Оборудована научная лаборатория, причал для лодок, проведено электричество и телефонная связь. Ежегодно здесь проводят практику студенты-биологи, ведут исследования российские и зарубежные экологи, зоологи, ботаники.

Также на землях, принадлежащих нашему селу, находится уникальное место – грива Вертково. Она с трёх сторон омывается водой. По кромке берега растут белоствольные берёзы, боярышник, черёмуха, шиповник, земляника, грибы. Реликтовая роща тянется несколько километров. Уникальному месту быть уникальным! Оно должно служить человеку. Вертково – излюбленное место отдыха не только местного населения, но и гостей из Новосибирска, Кемерова, Омска. В течение всего лета стоят палатки, варится уха, слышатся голоса людей, наслаждающихся красотой природы нашего родного края.

Именно богатство и разнообразие природы сыграло ведущую роль в образовании деревни в этих отдалённых местах. Озеро Малые Чаны – основная база рыболовства местного населения. В Городище рыбачили всегда, причём не только на лодках, но и вброд. Не было такого мальчонки, который не умел бы с раннего детства плавать на вёслах, ставить сети. Рыба спасала от голода в тяжёлые военные годы. Сохраняя традиции предков, вся муж-

ская часть населения – или охотники, или рыбаки, или одновременно и то, и то. Поймать зайца, подстрелить дичь, поставить сеть – науки, которые передаются от отца к сыну.

Каждый житель деревни знает, что озеро – наше богатство, наша визитная карточка, и эту ценность надо беречь.

Роман Заворин

Барабинский район

Бараба

Мы непроизвольно привязаны к тому месту, где нам было суждено появиться на свет. Словно невидимая ниточка соединяет нас с малой родиной.

Вы никогда не замечали такую удивительную вещь: отправляясь в путешествие, с каждым километром удаляясь от дома, чувствуешь какую-то тревожность? А по возвращении, чем ближе дом, тем сильнее бьётся сердце, тем радостнее становится на душе. Не зря говорят: «В гостях хорошо, а дома лучше».

Мне посчастливилось родиться на прекрасной земле – в городе Барабинске. Наш Барабинский район уникален. Здесь живут замечательные люди, прославленные своими трудами и заслугами. А природа у нас просто восхитительная. На сотни километров раскинулась Барабинская степь. И не видно ни конца её, ни края. А звучит-то как – Бараба! В этом слове слилось женское начало, призывные звуки, барабанная дробь. Благодатные наши поля завораживают своей красой и бесконечностью. Выйдешь в полюшко, утонешь по пояс в зелёной траве, вдохнёшь пряный её аромат, и так становится спокойно и радостно, что хочется петь. А посреди полей, словно островки, стоят изумрудные опушки лесов, белоснежные стволы красавиц берёз так и манят своей нежностью и кротостью. Ветви их, склоняющиеся до самой земли, словно здороваясь с тобой, привечают. Кусты шиповника, как будто стражники, раскинули свои лапки с шипами, защищая лес от непрошенных гостей. В густой траве красными каплями горит земляника. В конце лета наши леса щедры на грибы. Каких тут только нет: подберёзовики, подосиновики, белые грибочки – боровики, груздочки, волнушки, сыроежки и многие другие. Зайдешь в лесочек, они начинают играть с тобой в прятки, только будь внимательным – не упусти! Под деревцем, под кусточком, под листиком прячутся эти хитрые друзья.

Рек у нас в районе немного, зато нет счёта озерам. Самое знаменитое – Чаны. Это удивительное озеро больше похоже на огромное море, не видно его берегов. Бескрайние просторы, чистая вода, живописная местность издавна привлекают туристов со всей России. Здесь есть и курортная зона – бухта «Лазурная», но обычно люди любят отдыхать, разбивая на берегу палаточные лагеря.

Прекрасное место для отдыха в нашей области – озеро Карачи. Оно славится своими лечебными свойствами. В нём удивительно солёная вода, богатая микроэлементами и минералами, полезными для здоровья. На берегу озера находится курорт «Озеро Карачи».

Есть у нас и заповедные места. Это государственный природный заказник федерального значения «Кирзинский». Здесь обитают редкие виды птиц и животных. На территории заказника запрещены рыбалка и охота. Многие виды представляемой фауны занесены в Красную книгу.

Заказник Кирзинский

Берег озера

А на севере нашего района раскинулись истинно волшебные дремучие леса. Огромные ели с пушистыми лапами, изумрудные сосны, словно корабельные мачты, плавно раскачиваются на ветру. Идешь, а под ногами ароматный хрустящий мох. Будь осторожен! Один неверный шаг, и окажешься в болотной топи. Тяжело будет выбираться. Но и рямовская болотина не оставляет нас без щедрых даров. Глянь! На кочках словно яркие бусы рассыпалась клюква! На вкус горько-кислая сибирская ягода, а прихватит её первым морозцем – очень даже ничего! Зато сколько от неё пользы! Клюкву иначе в народе зовут «сибирская целительница»: любую простуду махом вылечит.

Ну и какой сибирский лес без брусники, голубики! Эти две подружки – коренные жительницы дремучего ряма. Манит, зовёт к себе непроходимая чаща. Много в ней чудес и загадок. Все хочется узнать да разгадать, только больно это опасно. Без взрослых туда никак нельзя. А вместе – пожалуйста! Всегда рады лесные хоромы! Только с пустыми руками не приходи. Прихвати орешек для озорной белки, зёрнышек для лесных проворниц-птиц.

А весной приглашает нас берёзовый хоровод в свои хоромы. Здесь и первые подснежники найдёшь, и вкусного берёзового сока попробуешь. Чудит-бурлит он в стволах берёзовых. Пожалуйста, бери его да пей, только с умом, не погуби дерево. Аккуратно надрез на стволе сделай да баночку поставь. Через час–другой готово лакомство! Ценен и полезен берёзовый сок – настоящее чудо!

Нередко на полянках наших лесов можно встретить маленькие домики. Это пасека. Здесь в ульях обитают трудяги-пчелы. Целый день они собирают пыльцу с сибирских цветов, чтобы приготовить вкуснейший мёд. Его потом соберёт пасечник и угостит нас целебным лакомством.

Андрей Макаров,
Татьяна Степанова

Озеро Чаны

Новосибирский район

Последний бой хана Кучума

Первое проникновение войск Русского царства в Приобье произошло в 1598 году. В пятидесяти километрах от южной черты будущего города Новосибирска произошло известное Ирменское (Ирменьское) сражение – последняя битва с сибирским ханом Кучумом.

4 августа 1598 года из города Тара вышел отряд из 700 русских ратных людей, казаков и 300 служилых татар под предводительством помощника воеводы Андрея Матвеевича Воейкова. При воеводе находился также ещё один ермаковский атаман Иван Гроза и голова Черкас Александров. 15 августа войско достигло Убинского озера. От местных жителей стало известно, что Кучум кочует на Чёрных водах (река Карасук) и при нём находятся «в собранье» 500 татар да ещё 50 бухарских торговых людей. Захваченные в плен татары подтвердили, что «пошол деи Кучюм царь, с Черных вод, на Обь реку, с детми и со всеми своими людьми, где у него хлеб сеен», что он собирает отовсюду людей, чтобы идти войной под Тарский городок. К тому же в двух днях пути от кочевий Кучума было замечено большое сосредоточение воинов-калмыков. Намерения их оставались неизвестными. Воейков решил не терять времени. Бросив обоз, конный отряд в 405 человек скакал днём и ночью, преодолев за 5 дней около 400 километров.

Место, где произошло последнее сражение между Кучумом и царским отрядом Воейкова, установлено совершенно точно. 4 сентября в отписке в Москву воевода сообщал: «А сам я холоп твой, покиня кош на Ике озере, и пошол на Кучюма царя, наспех, и день и ночь, и сшол Кучюма царя на Оби на реке, выше Чат три днища, на лугу на Ормени, от Калмаков в дву днищах». Утром 20 августа у устья р. Ирмень, на её правом берегу (сейчас на месте битвы – Обское море) Воейков напал на главную ставку Кучума, в которой было около 500 воинов. Побоище началось на заре и закончилось в полдень. В Ирменском сражении отряд Кучума был уничтожен. По донесению Воейкова от 4 сентября: «…Кучюма царя побил, <…>; да со сто, Государь, человек потопло на Оби на реке как они поплыли за Обь реку, и твои Государевы <…> люди их побивали, с берегу, из пищалей и из луков; да с пятьдесят, Государь, человек служивых людей взяли живых, и я холоп твой велел их побить, а иных перевешать». Около 150 татар погибли при отступлении или утонули в Оби, в бою погибли двое внуков Кучума, 6 князей, князь Моймурат «с товарыщи», 10 мурз и 5 аталыков и 150 человек ханской гвардии. Более 30 человек, членов ханской семьи, взяты в плен, в том числе семь царевичей, из них пять сыновей Кучума в возрасте 1–30 лет, восемь «цариц» – жён Кучума и тринадцать царевен. Кучума не было ни среди убитых, ни среди пленных.

Битва закончилась почти в 50 км ниже по Оби (район Новосибирской ГЭС), куда сумел отойти Кучум с остатками гвардии. Здесь, прикрывая отход хозяина, гвардия Кучума окончательно полегла, а сам хан ушёл на лодке вниз по Оби с несколькими приближёнными. Воейков счёл за благо оставить старика в покое, так как воевать далее ему было не с руки – неподалеку стояло войско «белых калмыков». «А в Чаты, Государь, я холоп твой воевать не пошол, потому что <…> летним походом, до заморозов, извоевати их не мочно». Впереди была зима. Войско вернулось в Тару.

Победители не знали о судьбе самого Кучума и Воейков указывает: «А про Кучюма, Государь, царя языки многие сказывают, что Кучюм в Оби реке утоп, а иные языки сказывают, что Кучюм в судне утек за Обь реку; и я холоп твой плавал на плотех за Обь реку, <...>, и Кучюма царя, за Обью рекою, по лесом в крепях, и по островом на Оби реке, искал и нигде его не нашол». В следующей отписке от 17 октября Воейков уже сообщает следы поверженного хана, полученные накануне от чатских мурз: «сшол деи он Кучюма царя за Обью рекою, на лесу, вниз по Оби реке, от Кучюмова побою в дву днищах, <…>, а утек деи Кучюм с бою, в судне, вниз по Оби реке, сам-третей».

Разгром войск Хана Кучума на реке Ирмени. Акварель Николая Николаевича Каразина (1842 -- 1908)

Считается, что беглецы пристали к берегу и устремились вверх по берегу впадавшей здесь в Обь речки Каменки под защиту чатской крепости Цаттыр («Чёртово городище»). Эта последняя ханская ставка оказалась местом, где уставший от поражений Кучум принял своё знаменитое решение отказаться от короны Сибирского Царства. После чего Кучум вместе с приближённым ханом Тул-Мухаммед-сеидом вернулся на место последнего сражения, в течение двух дней хоронил убитых, а потом послал гонца в соседнюю волость к мурзе Кожбахтыю, «просил лошадей и платья, на чом бы ему мочно поднятца». Мурза прислал ему коня и шубу, а затем сам прибыл к Оби и предложил Кучуму свидеться. Но хан не стал встречаться с мурзой и ночью бежал прочь. Больше того, кто гордо называл себя «Вольной человек Кочюм Царь», никто не видел.

Знатные пленники, взятые в Ирменском сражении, были отправлены в Москву, где в январе 1599 года были торжественно приняты царём Борисом Годуновым. Вся столица вышла на улицы посмотреть на их приезд. Н. М. Карамзин сообщает, что царское правительство разработало специальную церемонию торжественного въезда в Москву сибирских царевичей и цариц. Царь Борис Годунов пожаловал царевичам Асманаку, Шаиму и Бипатше богатые шубы, меховые шапки, кафтаны, сафьяновые сапоги. Салатным-царице – кунью шубу, покрытую атласом с серебром, с пуговицами из драгоценных камней. Суйдимжан-царице – соболью шубу, покрытую золотым атласом, с серебряными пуговицами. Сопровождавшим их мурзам также были преподнесены богатые одежды, кафтаны, шапки, сапоги и т. п. Царский двор взял семью Кучума на своё содержание, регулярно присылал различные подарки, продовольствие, одежду, скот, птицу, вино, мёд, дрова, посуду, сукно, шелка, шубы и т. д.

Ирменское сражение изобразил на своём полотне Николай Николаевич Каразин (1842–1908). Военный корреспондент, художник и этнограф Н. Н. Каразин длительное время жил в Сибири и Средней Азии как солдат, а затем как летописец местных событий. Альбом его произведений предназначался в подарок цесаревичу Николаю II и был подарен ему летом 1891 года, когда он возвращался через Сибирь из поездки на Дальний Восток России.

В 1998 году в устье реки Ирмень, неподалёку от места битвы установлен памятный камень, а пятью годами ранее крест.

Далее продвижение Русского царства на восток пошло севернее: в

1604 году был основан город Томск, в 1618-м заложен Кузнецк. Уйдя далеко «навстречь солнцу» на Амур, а к последней трети XVII века уже выйдя к Тихому океану, здесь, на юге Сибири русские не могли укрепиться и на сотню километров. Всю Верхнюю Обь в XVI – начале XVII в. контролировал Теленгетский улус, представляющий собою централизованное феодальное государство с армией, судебными и налоговыми органами, своей знатью (лутчими людьми) и своим курултаем. Русские называли их «белыми калмыками», или телеутами.

Константин Голодяев

Искитимский район

Озеро Круглое

В середине 80-х годов прошлого XX века в шести километрах от деревни Сосновка в Искитимском районе трудящимся Бердского электро-механического завода были выделены земельные наделы под дачи. Так возникло дачное товарищество «Сосновское». Оно раскинулось на несколько километров вдоль дороги до озера Круглого. По правую сторону от дороги – пашни, по левую – дачные участки. Люди обживались на выделенных землях основательно, строили дома, некоторые заводили живность: гусей, кур… Появились свои пчеловоды.

Места те замечательные: тишь и благодать. Воздух настолько чистый, что его пить можно. Там отдыхаешь душой. Все дачные участки утопают в зелени. Лога и ложбинки, овраги и балки полны черёмухой, яблоней, ивой, боярышником, рябиной красной. А по бокам взбираются более высокие берёзы и тополя. Вокруг озера водят свой зелёный хоровод ива и камыш, заросли облепихи.

А птички? Каких только пернатых там нет! Многие любят кушать спелую ягодку, но не все помогают дачникам, уничтожая насекомых. Поэтому дачники приспособились накрывать спеющую викторию широкими сетками, но и это порой не помогает.

А то прежде как было, едешь на дачу с вожделением: вот наберу ягоды! Ведра два точно! Ан нет! Приезжаешь – а грядки лысы – дрозды прилетали, красную спелую ягоду сожрали. Мужики бывало дроздов даже воздушкой отпугивали.

Воробушки тоже всегда найдут лазейку. Да и находчивые они птички. Сама не раз видела… Наша кошка Нюша, которую все дачники называют королевой Сосновки, – охотница и мышеловка. Как только начинаем дачный сезон, Нюша выходит на охоту, тут держись мыши и кроты, она и бурундучков вылавливает, оставляет от них только хвостики, скромно складывая их между грядками. Охотится она и на птичек. Воробьи разделяются на два отряда – первый отряд отвлекает внимание кошки на себя: воробьи не только сидят на заборе, но и летают над кошкой, при этом громко чирикая. В это время второй отряд пасётся на грядках и кушает ягодку. Потом они меняются.

Озеро Круглое

А ласточки? Сколько много у нас там ласточек! И под крышей нашего домика тоже есть маленькое ласточкино гнёздышко. Забавно смотреть, как взрослые учат молоденьких. Сама видела: электрические провода рядом с нашим домиком облепила стая ласточек, штук сорок их насчитала, и взрослые, и молоденькие, галдят, не умолкая. Тут взрослые поднимаются в воздух и начинают летать кругами, молодых зовут, а те ни с места, продолжают сидеть на проводах. И только на третий раз молодняк поднялся в воздух.

Вокруг озера полно полянок с душистой клубникой. Смотришь, бабы в цветастых платках, с корзинками да ведрами в руках идут по ягоду. А в ку-

Сбор клубники в высокой траве. Наталья Семьянова

старниках по берегу озера птичка чечевица поёт: «Витю видел? Витю видел?». Да видел, видел – отвечаем ей. Порой и куропатка бродит по полям, зовёт своих птенцов.

На противоположном от дач берегу озера гнездятся журавли. Так приятно наблюдать, как они обучают своих журавлят летать, с какой заботой опекают их.

Прилетают на озеро и уточки. Птенчиков они выводят в тихой заводи. Плывёт мама уточка, за ней – маленькие утята, потешные такие. Но не раз мы были свидетелями и трагедий, такова жизнь. Коршун налетел, схватил утенка, и летит за ним уточка, криком кричит, надрывается… В тот год коршуны почти всех утят потаскали…

А какой запах у трав, нагретых летним солнцем! Надо сказать, что травы вокруг озера почти с человеческий рост. Настоящая кладовая лекарственных растений – колышатся сиреневые метёлки душицы, пахнет мёдом белая пена цветов лабазника, золотятся цветы зверобоя, скромно прячется под берёзами влаголюбивая володушка, в высокой траве издалека видны малиновые звездочки иван-чая.

В ближайших лесках и околотках дачники собирают грибы: грузди, подберёзовики, маслята, белые грибы. Однажды тётя Маша Цыцкунова пошла по грибы и встретила лосиху с лосёнком. Те попили воды в озере и ушли по полю в ближайший лесок.

На географической карте нашего озера нет и названия у него тоже нет. История появления озера такова: раньше здесь протекал широкий ручей, который уходил дальше в глубокий и длинный лог. Наполнялся сей ручей за счёт ключей и родников, кругом – поля и пастбища. В Сосновке кроме птицефабрики была ещё и животноводческая ферма. И колхозники гоняли на этот ручей коровушек на водопой. Когда бердчанам здесь выделили земли под дачи, была построена высокая насыпь – дамба, насосная и сливная в лог. За счёт подземных ключей и родников быстро образовалось озеро. В длину оно чуть больше километра и в ширину метров 200, в глубину метров восемь. Там хорошая рыбалка – карасики и малюсенькие гальяны, в прошлом году даже появились раки. Народ приезжает сюда на рыбалку не за ради улова, а отдохнуть душой на берегу озера в тиши и благодати.

Так откуда взялось название Круглое, если оно овальной формы? С этим связана одна история, которая произошла с моей мамой. Водила она по молодости мотоцикл «Иж-Юпитер 5», оранжевого цвета с люлькой. Кошка наша, тоже заядлая дачница, ездила либо в люльке, либо у мамы за пазухой. Та надевала штормовку, подвязывалась по поясу бечёвкой и садила кошку за пазуху. Обычно кошка там всю дорогу спала.

Однажды мама, набрав литров 15 виктории и погрузив урожай в люльку, рулила домой в Бердск. В тот день были какие-то нелады с аккумулятором, да и работали только первая и третья скорости. Выныривает она на оранжевом из большого лога, а на повороте дороги в сторону Сосновки около теперь уже развалин бывших коровников стоит высокий военный с автоматом в руках и тормозит её. Мама моя перепугалась, остановила мотоцикл, сняла каску, а ключ из зажигания вытащить забыла.

Мужик сперва был изумлён, что баба за рулем, потом попросил подсказать ему, как добраться до озера Круглого. Ну мама и подумала, что это наше дачное озеро, и стала рисовать палкой на дороге путь до озера с подробными объяснениями. Тут слышит какой-то шум

за спиной, поворачивается, а из небольшого ложка один за другим выныривают такие же высокие молодые парни в военной форме с автоматами в руках. Обступили её, лыбятся… И тут мамина запазуха зашевелилась, высунулась пушистая кошачья морда и как мявкнет громко. Изумились уже военные, вежливо извинились, поведали, что у них учения – ориентир на местности до озера Круглого, и попросили никому не рассказывать, что она их встретила и объяснила, как добраться до озера… Ну, конечно же, моя мама никому не сказала про этот случай, поэтому и рассказываю вам о нём. А мотоцикл-то заглох, пока мама общалась с военными, потом парни помогли его завести.

С тех пор и зовём мы наше дачное озеро Круглым, хотя никакое оно не круглое, а овальное… А военные просто заплутали, в Искитимском районе действительно есть озеро Круглое, но это вблизи посёлка Линёво, совсем далеко от деревни Сосновки. Другое его название – озеро Линёвское.

Букет лекарственных трав. Наталья Калашник

С оранжевым «Иж-Юпитером 5», который с люлькой, произошла ещё одна потешная история. Решила моя бабушка завести поросёнка. Приезжает к нам в Бердск: «Поехали дочь в Искитим на рынок за поросёнком».

– Зачем обязательно в Искитим? Давай в Бердске на нашем рынке посмотрим.

Стоял сентябрь месяц, день был пасмурный, моросил мелкий дождь. Бердский рынок был почти пуст, но в одном закутке мужик с бабой из какой-то деревни продавали поросят. Бабушка выбрала свинюшку, погрузили её в мешок и запихали в люльку мотоцикла бабушке под ноги. Сарайка у бабушки в посёлке Геологов была добротная, но требовалось много сена на подстилку для свинюшки Маньки. Где взять сено в конце сентября?

Вид на озеро Круглое с дамбы

Решили стырить у колхозников. Вот моя мама Евгения со своей сестрой Валентиной поехали за сеном за Ботанический сад Академгородка в сторону малюсенькой деревеньки Мельничихи. Там протекает также речушка Мельничиха. Колхозники не успели ещё убрать всё сено с полей. Девчонки нагребали сено в мешки на небольшой поляне среди березняка и укладывали в люльку мотоцикла. Вдруг послышался звук ботала и на поляну из-за берёз вышло небольшое стадо, там были и бурёнки, и телята, и козочки. А пастуха не было. Заместо пастуха был огромный бык с мощным кольцом в носу. Бык-пастух. Увидев девчонок, как он рыкнул. Девчонки кинулись в разные стороны. Валентина сама не поняла, как забралась на берёзу. Помнила только, что берёза оказалась хилая. Евгения спряталась за ствол большой берёзы и стояла, боясь пошевелиться. Стадо резвилось на полянке. «Иж-Юпитер 5» оранжевого цвета стал новой игрушкой. Его и пинали копытами, и бодали рогами, рогами вытащили мешки с сеном, уже упакованные в люльку, сено раскидали по полянке. Каскам оранжевого цвета

также досталось от копыт и рогов. Наигравшись вволю, стадо ушло с полянки. Последним уходил бык-пастух… Девчонки на дрожащих ногах подобрали каски, вновь упаковали сено в мешки и вернулись в посёлок Геологов. Свинюшка Манька была обеспечена подстилкой из мягкого, душистого сена на зиму…

Наталья Семьянова

Барабинский район

Озеро Сартлан

Озеро Сартлан расположено на границе Барабинского и Здвинского районов Новосибирской области в 30 км к востоку от озера Чаны, самого крупного озера Западно-Сибирской низменности. Водоём пополняется талыми водами из нескольких ручьёв, собирающих воду в окрестных низинах, самый крупный из них – Карапуз.

Озеро Сартлан

Озеро пресное, бессточное, только в половодье из него вытекает речка Сарайка. Оно имеет форму овала.

Сартлан – популярное место летней и зимней рыбалки. Здесь рыбачат не только местные жители, любители рыбалки приезжают из Омска, Новосибирска, Барнаула, бывают даже из Кемерова и Екатеринбурга. Природная чаша водоёма в глубину достигает четырёх метров, поэтому в озере практически не бывает зимних заморов рыбы, даже при толщине льда 1,2 м. В озере ловятся сазан, плотва, карась, окунь, язь, щука и пелядь. Летом рыбачат с лодок у кромки тростника и с берега. На поплавочную и донную снасть ловят сазана, карася, язя и плотву.

Погоду на Сартлане определяет резко континентальный климат Барабинской степи, в центре которой и расположено озеро. Здесь холодные зимы и жаркое засушливое лето. Водоём освобождается ото льда в конце апреля, а замерзает в конце октября. В жаркие месяцы воздух прогревается до +25° С, а вода у берегов до +24° С. Уровень воды в водоёме имеет свойство меняться раз в несколько лет. От этого зависит общая минерализация озёрной воды и площадь зеркала. Берега пологие, плавно уходящие под воду, дно илистое, вязкое, кое-где у берега встречается песок. Береговая линия частично открытая, частично заросшая тростником. Подъездные грунтовые дороги становятся сложными для проезда только в межсезонье и после затяжных дождей.

Инна Григорьева

Коченёвский район

Путешествие в прошлое

В древности люди, расселяясь на широких просторах Сибири, оставляли повсюду следы своего пребывания: поселения, могилы, клады, жертвенные места, наскальные изображения, рудные разработки и др. В результате всех проведённых и проводимых на территории Новосибирской области исследований открыто более тысячи археологических памятников, в том числе 122 – на территории Коченёвского района.

Возможность восстановить страницы истории нашего края дают археологические раскопки, которые проводятся вот уже на протяжении нескольких десятков лет.

Так на территории района расположены ничем не приметные на первый взгляд два поселения – Вахрушево и Крохалёвка. Вместе с тем именно эти места позволяют заглянуть в далёкое прошлое и даже разгадать некоторые загадки истории.

При ремонте колодца в селе Вахрушево обнаружен кусок бересты, на котором выжжено: «1628 год Томская губерния. Вахрушев Е. П.». Возможно, что именно в это время на территории района и появилось село Вахрушево, известное удивительными находками.

В 1940 году, играя в лапту, мальчишки на берегу реки Оёш в окрестностях села Вахрушево обнаружили кости мамонта и сообщили о них в Новосибирск. Впоследствии при проведении раскопок обнаружен полный скелет самки мамонта.

В августе 1958 года на территории фермы обнаружены относящиеся к бронзовому веку следы андроновской культуры – курганный могильник.

Из-за разрушения культурных слоёв большинства стоянок андроновской эпохи именно могильники остаются основными источниками информации.

В настоящее время Вахрушевский курганный могильник насчитывает 23 курганных насыпи диаметром от 10 до 25 м, высотой от 30 до 60 см. В настоящее время на памятнике исследовано 11 погребений, обнаружено 40 сосудов и бронзовые изделия.

Считается, что андроновцы появились на территории Коченёвского района в XIII веке до нашей эры. Все захороненные в могильниках люди были кремированы. Согласно одной из версий археологов был сделан вывод о большом количестве военных столкновений, так как кремация применялась для погребения погибших в бою храбрых воинов.

Небольшая, расположенная в 20 км к северо-западу от Новосибирска деревня Крохалёвка своим возникновением обязана старому Московскому тракту. Она так и осталась бы в списке многочисленных, мало кому известных деревень Новосибирской области, если бы в 70 –80-х годах XX века не вписала своё имя в историю сибирской археологии.

В 1973 году директором Катковской средней школы В. Я. Есиным обнаружены первые памятники в Кудряшовском бору, обследованные позднее сотрудниками Новосибирского государственного педагогического института.

В разные годы здесь велись раскопки, давшие материалы эпохи развитой бронзы, относящиеся к самусьской культуре; открыт целый ряд разнотипных и разновременных памятников – городища, поселения, стоянки, курганные могильники; найдена стоянка эпохи развитого неолита; зафиксированы слои, относящиеся к эпохе доандроновской бронзы, ирменской культуре и русскому населению XVIII – XIX вв.; получены материалы эпохи ранней бронзы, на основании которых в последующем выделена крохалёвская культура.

Археологические работы в Кудряшовском бору

Об уникальности этих мест раскопок можно рассказывать много. Так в 2012 году археологический сезон приготовил множество открытий и находок. Археологи работали на разновременном и разнотипном памятнике археологии «Крохалёвка-13».

Это комплекс древних поселенческих слоёв, курганных и грунтовых могильников, датированных концом 3-го тысячелетия до нашей эры – X веком нашей эры. В частности в нём сохранились могильники Еловской культуры – северных племён европеоидов, обитавших на территории современной Томской и Новосибирской областей, а также Ирменской культуры – восточных племён, населявших территорию Юго-Западной Сибири.

Так на этом месте менее чем за месяц раскопок найдено более 70 предметов: бронзовые украшения (серьги, браслеты, ременные бляшки), серебряные иранские монеты, керамика, шёлк. Такого на территории области не было более двадцати лет.

В 2014 году новосибирские археологи проводили раскопки курганного

Археологические находки в Коченёвском краеведческом музее

могильника, расположенного на территории пятого кордона Кудряшовского лесничества. Часть его скрыта под жилыми домами и сельскохозяйственными постройками, а раскопки археологи проводили в одном из огородов по согласованию с его владельцами.

По мнению начальника отдела археологии Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия по Новосибирской области Владимира Сумина, подобных памятников в регионе практически нет, археологический памятник насчитывает более ста курганов, относящихся к Средневековью, а в его глубоких слоях обнаружены и более древние захоронения, относящиеся к бронзовому и железному векам.

По предположению археологов, курганы принадлежат предкам современных селькупов – коренного сибирского народа, проживающего по берегам Оби севернее Новосибирской области.

В нескольких курганах обнаружили 17 человеческих погребений, восемь из которых относятся к эпохе бронзы, остальные – к периоду Средневековья. На территории могильника археологи нашли более тысячи предметов – это керамическая посуда и её осколки, орудия труда и предметы быта. Одной из самых интересных находок является жилище, в котором обнаружилась литейная форма. Она позволяет сказать, что жители поселения занимались выплавкой металла, хотя самого металла не найдено.

Всего на территории Коченёвского района в Кудряшовском бору находятся более ста разнотипных и разнокультурных археологических памятников (от VI в. до н. э. до XVII в. н. э.), позволяющих проиллюстрировать развитие древних культур и цивилизаций на юге Западной Сибири.

Коченёвский район – место с интересными археологическими памятниками, позволяющими совершить путешествие в прошлое, узнать историю, опираясь на сохранённые веками доказательства.

Марина Смирнова

Купинский район

Озеро надежды

В Сибирском царстве, в Кулундинском государстве степи просторные расстилаются ковром шёлковым, ветры вольные дуют из одной стороны в другую сторонушку и разносят слово доброе по всей земле-матушке.

Жила в той земле девушка-красавица, стройная, как лебёдушка, румяная, как красно солнышко. Все смотрели на неё и любовались красотой её неземной. Но случилась беда-горюшко, прицепилась хвороба к девице. Стала её кожа белая зудиться, шелушиться. С каждым днём девушка всё больше

Озеро надежды

чахла и увядала. Никто не знал и не ведал, как помочь ей.

Мать каждый вечер уходила на берег озера, молилась о здоровье дочери и плакала горькими слезами. Они, как маленькие алмазики, скатывались и падали в спокойную гладь воды.

Однажды тихим летним вечером мать стояла на берегу озера и молилась. Мягкий ковыль гладил её босые ноги, как будто хотел утешить бедную женщину. Вокруг летали проворные стрижи и как будто тоже успокаивали её своим щебетом. Вдруг женщина увидела, как в небе что-то камнем летит и вот-вот упадёт в озеро. Это была раненая птица. Как только крыло птицы прикоснулось к спокойной поверхности озера, она встрепенулась, внезапно подул резкий ветер и как будто помог птичке подняться ввысь, и она полетела как ни в чём не бывало. Женщина удивилась такому чуду-чудному и подумала: «А что если и моей дочери поможет вода из озера?»

Каждый день мать набирала водицу, омывала ею дочь и надеялась на излечение. Стало девушке лучше. Появилась улыбка на её алых губах, она стала вставать на свои ноженьки и вместе с матерью ходить к озеру, чтобы вдохнуть целебный воздух и омыться водой живительной. Через некоторое время хворь как рукой сняло. И вернулась к девице прежняя красота. А весть о целебном озере разнеслась по всей земле-матушке. Многие стали приходить к целебному озеру, надеялись на излечение и выздоравливали. Забирало озеро всю горечь людскую, поэтому и стали его называть Горькое.

Юлия Роенко

Маслянинский район

Волшебное зеркало

В 20-е годы XIX века в Елбани учил грамоте в молитвенном доме и в доме Дранишниковых Пётр Тимофеевич Попов, слепой. И учил не одно десятилетие. Уже сам факт достоин восхищения: как удавалось ему, незрячему, учить грамоте? Это по архивным материалам. Народная же память называет первым учителем кержацкой школы попа Василия. Скорее всего, здесь произошло наложение: Поповы — попы. Вот так и рождаются легенды.

60-70-е годы XX века

Есть ещё одна история, больше похожая на легенду, и связана она с семьёй Лебедевых-Архиповых, проживавших в Елбани. Вышла Марья Архипова замуж за Харитона Лебедева, не остановило её, что избранник был слепой. Научила его сети и невода плести. И жили они душа в душу. Куда бы ни отправлялся Харитон, давала ему Марья с собой кису с двумя серебряными рублями и говорила: «Всякое, Харитон, может случиться в пути. Ничего не жалей. Всё отберут разбойники, а ты им ещё и кису с серебром отдай». Дважды грабили Харитона разбойники, снимали сапоги, тулуп, избивали, толкали в сугроб. А он им каждый раз вдогонку:

— Мужики, вот у меня ещё и киса с серебром…

Жадность одолевала грабителей, прихватывали они и кошель с серебром.

Кое-как, босой, в синяках добирался Харитон до людей. Находила его Марья, целовала, приговаривая:

— Милый мой, живой! Как хорошо, что я тебе кису не забыла вручить…

Ни разу Харитон с Марьей не подавали прошение о поиске обидчиков. Только вскорости после случившегося узнавали люди о смерти тех, кто посмел тронуть слепого.

Кстати, Пётр Тимофеевич Попов (тот, который учил детей в Елбани), хоть и слепой, тоже жену себе взял — красавицу, Елизавету Окладникову (после этого и переехали в Елбань). Так

Местный пруд

что, не по хорошему мил, а по милу хорош.

Наше село, окаймлённое берёзово-осиновыми лесочками с вкраплёнными ёлочками, находится в низинке. Многие годы всех, въезжающих в него, встречали две сосны, которые называли Тарадановскими, — в честь Марии Тарадановой. Вышла она замуж за барнаульского солдата Герасима Вершинина. Живут молодые пять лет, и вот слух прошёл про Марию, что знается она с нечистой силой. Вроде как, есть у неё зеркало, подаренное отцом, и зеркало то — не простое. Сидит она днями перед ним: то молится, то плачет, то смеётся, то просит прощения за сельчан. И всё, что ни говорит она, всё сбывается.

Вид на Елбань при въезде в село

Дошёл этот слух до начальника Колывано-Воскресенских заводов Меллера. Пришёл он с сопровождающим в дом к Вершининым. Видит: Марья сидит перед зеркалом, а в нём — жена Меллера да с полюбовником. Как закричит Меллер, тут все изображения в зеркале и пропали. Тут же велел он зеркало вынести и разбить. Разбилось оно на осколки-лоскуты, но что удивительно, через какое-то время они опять соединились. Ходит по осколкам начальник, топчет, а осколки вновь собираются. Распорядился Меллер отправить Вершининых в Елбань, а осколки зеркала закопать. Удалось Марии один осколочек сберечь, увезла с собой. И уже в Елбани бегала к соснам и там смотрела в него.

Проезжал как-то мимо Елбани Кондратий Ударцев. Видит: женщина сидит, что-то разглядывает и хохочет. Остановился и тоже решил полюбопытствовать, а в зеркале — грозное лицо мужика, кулаком машет, угрожает. Признал Ударцев в нём отца своего. Поднял глаза, а Марьи уже нет, увидел только, как на одну сосну таракан побежал. В ужасе рванул мужик от этих мест. И велели тогда Вершининых приписать к Егорьевскому прииску.

Очевидцы рассказывают, что сельские бабы под Ильин день ходили к Тарадановским или, как их ещё называли, Тараканову соснам с лопатами. Очень уж им хотелось найти осколок

зеркала, которое закопала там Мария. Вот тогда бы они узнали всю подноготную про своих мужей, вывели бы их на чистую воду.

Об этих двух легендах я рассказала с разрешения А. И. Садырова, который первый «раскопал» их, работая в Барнаульском архиве. Кого бы я ни спрашивала из старожилов села (многим уже под 90 лет), никто из них про эти истории не слышал. Это только доказывает их давность. Никто не может указать, где находился дом Вершининых, хотя фамилия на слуху. Не проживают в селе Лебедевы, а вот Архиповых много, причём из разных родов. Тем правильнее, наверное, будет вернуть и семьям, и селу теперь уже ставшие легендами истории.

Лариса Коноплёва

Чистоозёрное

Ермак и Кучум

Современники Ермака и Кучума, как с татарской, так и с русской стороны, никак не могли считать этих двух исторических персонажей хоть в чём-то равными друг другу. Кучум был представителем «царского рода» – потомком Чингисхана, а Ермак – всего лишь одним из казачьих атаманов, «гулявших» на «Поле». И то, что сибирский хан потерпел поражение от простого, незнатного человека, а не от равного себе по рангу правителя, придало «Сибирскому взятию» особое звучание, напрямую отразившееся даже в сибирском летописании, – это во-первых.

Ермак Тимофеевич

А во-вторых, если рассматривать обе эти фигуры с позиций современной морали, этики и занимаемого ими в истории места, то об их «равновеликости» тем более говорить не придётся. Кучум, конечно, был незаурядной личностью. Он отличался независимым и гордым нравом, сильной волей. За относительно короткий срок Кучум сумел подчинить и объединить разноплеменное население значительной части Урала и Западной Сибири, начал активно (и поначалу успешно) распространять своё влияние к востоку от Уральских гор, решительными мерами укрепил позиции ислама на подвластной территории. И вместе с тем как политик хан Кучум был крайне недальновиден, близорук.

Захватив власть в «Сибирском юрте» с помощью Бухары и ногайцев, он казнил представителей местной татарской династии Едигера и Бекбулата и правил своим ханством столь жёсткими методами, что восстановил против себя множество подданных, которые были готовы при первой же возможности избавиться от его власти и даже открыто выступить против неё. Разорвав установленные Едигером и Бекбулатом вассальные отношения с Москвой, Кучум стал проводить по отношению к ней неоправданно враждебную политику. Стремясь распространить своё влияние на народы не только Уральского, но и Поволжского регионов, он стал подстрекать к антирусскому бунту марийцев, а в 1573 году бросил открытый вызов Москве: по его приказу был убит вместе со своей татарской свитой направлявшийся к казахскому хану Хакк-Назару царский посол.

На уральские владения Московского государства начались регулярные вооружённые нападения со стороны Сибирского ханства, его вассалов и союзников. С 1572 по 1582 годы было совершено не менее пяти опустошительных рейдов по русской территории, которые возглавляли то мансийские князья (Бегбелей, Кихек), то родичи самого Кучума (племянник Маметкул, сын Алей). Они уничтожали русские поселения по Чусовой, Сылве, Косьве,

Каме, осаждали Чердынь – главный город Пермского края, а Соликамск захватили и сожгли, вырезав жителей. От этих набегов более всего страдали владения купцов и солепромышленников Строгановых, и своими авантюрными действиями Кучум как раз и спровоцировал ответные действия с их стороны, столь дорого ему впоследствии обошедшиеся: приглашённый и снаряжённый Строгановыми отряд Ермака разгромил Сибирское ханство, в 1582 году «сбил с куреня» (по казачьему выражению) его незадачливого «царя» и обрёк его на многолетние скитания.

Закончились они около 1600 года позорной (для человека его ранга) смертью в полной нищете – то ли по естественным причинам, то ли от рук калмыков или ногайцев, не пожелавших принимать и укрывать царственного изгоя. Однако прежде чем отправиться в «мир иной», Кучум, отвергая все предложения русской стороны о почётной капитуляции, успел пролить ещё немало крови своих бывших подданных, поскольку, совершая набеги на ранее подвластные ему земли, мстил прежде всего их татарскому населению – за переход в российское подданство. И не случайно в 1598 году в походе, завершившимся окончательным разгромом Кучума, вместе с русскими приняли участие триста сибирских татар – довольно большой (по меркам того времени) отряд.

Предпринимаемые кое-кем в последнее время попытки сделать из Кучума «героя татарского народа» абсурдны не только потому, что этническим татарином он не был, но и потому, что от его действий более всего пострадали именно татары. После военных поражений своего хана они поняли, что от него «отвернулось небо» и стали массово переходить на сторону «белого русского царя», а записанные в XVII веке (т. е. по горячим следам «Сибирского взятья») татарские предания о Кучуме его отнюдь не героизируют и не превозносят.

Другое дело – Ермак. Как талантливый военачальник и «грозный завоеватель» он, конечно, внушал «страх и трепет», но вместе с тем – и уважение. Тем более, что вёл он себя в Сибири пусть и в соответствии с суровыми нравами своего времени, но благородно, как мудрый государственный деятель: быстро нашёл союзников среди местного населения, освободил от ясака впавшее в нищету татарское племя туралинцев, отказался принять в дар от одного из татарских «князцов» его дочь (и запретил казакам прикасаться к ней), принял «с честью» и отправил в Москву пленённого «царевича» Маметкула, пролившего немало русской крови. И как следствие – сибирские татары, по сути дела, обожествили Ермака: согласно преданиям, его тайная (для русских) могила источала лишь татарам видимый свет, земля с неё считалась ими целебной, а снятый с тела «покорителя Сибири» панцирь они хранили как святыню.

Что уж говорить об отношении к Ермаку русского народа! «Покоритель Сибири» стал одним из самых его любимых эпических героев. Достаточно сказать, что большинство дошедших до нас исторических песен о событиях XVI века посвящено именно Ермаку. Известно также множество легенд и сказаний, где Ермак выглядит сказочным, былинным богатырём, соратником самого Ильи Муромца. И причины того элементарны и не имеют никакого отношения к какому бы то ни было шовинизму, в чём нередко обвиняется русский народ.

Дело в том, что поход Ермака стал одним из завершающих эпизодов тяжелейшей, изнурительной борьбы Руси с

Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем

наследием ордынского ига. После его свержения в 1480 году образовавшиеся на развалинах Золотой Орды «царства» (в числе которых был и «Сибирский юрт») ещё долго терзали Русь опустошительными набегами, сжигая сёла и города, уводя в рабство или убивая самым жестоким образом множество мирных жителей. А покончить с исходящей от «осколков» Золотой Орды опасностью удавалось только после их включения в состав России. Поэтому нетрудно представить, какой отклик должна была получить в стране весть о том, что уже не «грозный царь», а какой-то казачий атаман разгромил ещё одно «татарское царство»! На большей части российской территории реальная сторона событий, связанных с именем Ермака, вскоре забылась, но память о нём как о великом ратоборце, народном заступнике и герое навеки осталась, воплощаясь даже в былинные образы. Примечательно, что никто из прошедших по проложенному Ермаком пути первопроходцев не был удостоен подобной чести и славы. И уж, конечно, ничего подобного татарский народ никогда не связывал с именем Кучума…

Что мог предложить своим подданным хан Кучум в том случае, если бы его «царство» сохраняло независимость? При самом благоприятном раскладе – участь жителей слабого подобия хорошо известных нам среднеазиатских государств (Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств), которые, наживаясь на работорговле и контроле за торговыми путями, даже в конце XIX века, накануне утраты независимости, являли собой редкий заповедник экономической, социальной, культурной и политической отсталости. А Россия, раздвинув благодаря Ермаку свои пределы до Тихого океана, к тому времени стала одной из мировых держав, достигла грандиозных успехов в развитии экономики и культуры как в центре страны, так и на её окраинах. Даже ярый ненавистник России Фридрих Энгельс был вынужден признать, что она играет прогрессивную, цивилизаторскую роль по отношению к Востоку, особо выделив бассейны Чёрного и Каспийского морей, башкир и татар (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. / Изд. 2-е. – М., 1962. – Т. 27. – С. 241).

Хан Кучум

Это понимают и образованные, знающие историю и адекватно воспринимающие действительность представители сибирско-татарской общественности – такие, как глава Омской татарской культурно-национальной автономии Рафаэль Забиров. Он, в частности, заявил: «Ермак принёс сюда государство Российское, чему мы рады. Поэтому, я думаю, таким людям, как Ермак, мы сейчас обязаны тем, что у нас прекрасная страна, крепкая, сильная. Мы живём в мире. Мы не делились, мы делали общее дело – государство Российское мы поднимали все вместе. Нам нечего делить, мы должны радоваться, что у нас такая прекрасная страна!»

Николай Никитин

Маслянинский район

Сказка на ночь

У каждого из нас есть детские воспоминания о волшебстве, будь то детская фантазия, вера в чудо или же старые добрые сказки, которые нам рассказывали наши бабушки, мамы и папы. О таком воспоминании я и хочу рассказать.

Мой папа вспомнил сказку, которую ему рассказывала бабушка-хохлушка, говорившая на украинском языке. В этом году бабушке исполнилось бы сто двадцать лет, а ей эту сказку рассказывала её бабушка, а значит сказке, как минимум, двести лет.

Немного предыстории…

Бабушка моего папы родилась в 1900 году. Когда она переехала в село Новостройка, что находилось близ Ду-

Это мой папа с сёстрами

бровки, у неё уже было двое детей: Маруся и Иван, ну а в Новостройке родились Пётр, Анатолий. А через 14 лет (в 1941 году) родилась моя бабушка, мама моего папы – Валентина. Когда она выросла и вышла замуж, то поселилась в селе Бочкари, что расположилось между сёлами Чудиново и Жерновкой. Когда мой папа готовился пойти во второй класс, то они переехали в село Елбань, а с ними из Новостройки переехала и бабушка.

Как правило, когда дети маленькие, то спят они все вместе, так было и в семье моего папы. Выпив стакан молока, надев ночные, застиранные рубашки, Света, Алла и Володя ложились в кровать, накрывались тёплым байковым одеялом и дожидались бабушку. Через несколько минут, казавшихся ребятам вечностью, она приходила и ложилась рядом. Все вечерние сказки начинались с присказки.

– Жил-был бедный охотник. Пошёл он однажды в лес и поймал лису. Кому шуба?

На этом месте ребята наперебой кричали: «Мне, мне, мне!» А кто крикнул первым, тот считался самым быстрым и проворным до следующего вечера. И дальше начиналось самое интересное: бабушка начинала сказывать…

«Жили-были дед да баба, и не было у них детей. Бабка и говорит деду:

– Поедь, дед, в лес да сруби мне лозинку. Положу я лозинку в колыбельку да буду качать, будет мне забава.

– Поеду, раз ты хочешь.

Срубил дед лозинку, отдал бабе. Стала она колыбельку качать. Качала-качала, да и уснула.

Проснулась баба утром, видит: лозинка пропала, а появился мальчик. Назвали мальчика Ивасиком, Ивасиком-Телесиком.

Просит Ивасик у деда:

– Батька, выруби мне челночок да вёселко, пойду я на реку рыбку ловить!

Вырубил дед, что просил Ивасик, а бабка ему говорит:

– Сынок, будь осторожен! По берегу ходит Змеишна!

Плавает Ивасик по реке, рыбку ловит. Вдруг слышит:

– Ивасико-Телесико, приплынь, приплынь до бережка, дам тебе исти, пити, поскорей подходити!

– Швыдче, швыдче, челночок, до бережка, то моя матинка пришла!

Дала бабка ему поисти, попити, взяла рыбку, что Ивасик поймал, да в избу пошла.

Поплыл дальше Ивасик. Ловит рыбку. А в это время ходила по берегу Змеишна, увидела Ивасика, спряталась за кустами, а сама думает:

– Мальчик, да какой жирненький! Как бы мне его достать?

А тут и бабка пришла да зовёт Ивасика:

– Ивасико-Телесико, приплынь, приплынь до бережка, дам тебе исти, пити, поскорей подходити!

Услышал Ивасик бабкин голос и говорит:

– Швыдче, швыдче, челночок, до бережка, то моя матинка пришла!

Дала ему бабка поисти, попити, забрала рыбку, что Ивасик поймал, да в избу пошла.

Услышала Змеишна, как баба Ивасика зовёт, а немного погодя сама Ивасика зовёт своим грубым, хриплым голосом.

– Ивасико-Телесико,приплынь,приплынь до бережка, дам тебе исти, пити, поскорей подходити.

А Ивасик думает про себя:

– То не моей матинки голос, швыдче, швыдче, челночок, от бережка.

Побежала тогда Змеишна к кузнецу и говорит ему:

– Кузнец, кузнец, скуй мне голос, как у Ивасиковой матинки, а то я тебя съем!

Сковал ей кузнец голос. Побежала Змеишна к реке и зовёт Ивасика тоненьким голоском:

– Ивасико-Телесико, приплынь, приплынь до бережка, дам тебе исти, пити, поскорей подходити.

Услышал Ивасик голос и говорит:

– Швыдче, швыдче, челночок, до бережка, то моя матинка пришла!

А Змеишна его ка-а-ак схватит, да и бегом к своей избушке. А там её дочка Алёнка ждёт, дожидается. Змеишна и говорит Алёнке:

– Усади его на лопату да в печку поставь, а я к соседям пойду соли позычить.

– Хорошо, матинка.

– Садись на лопату, – говорит Алёнка.

– А ты покажи как?

– Держи лопату!

А Ивасик её взял и в печку сунул, а сам бежать! Залез на высокий дуб и смотрит. Увидала то Змеишна и к кузнецу побежала, и говорит:

– Кузнец, кузнец, скуй мне железные зубы, а то съем!

Сковал ей железные зубы кузнец, она побежала обратно к Ивасику. Грызёт-грызёт дуб, вот-вот Ивасика достанет. Летит стая гусей.

Ивасик кричит:

– Гуси-гуси, гусенята, возьмите меня на крылята!

– Некогда нам!

Вот Змеишна уже лапы протягивает. Летит отсталый гусёнок. Ивасик взмолился:

– Гуся-гуся, гусенёнок, посади меня на крылёнок!

– Садись! Да швыдче!

Прилетели Ивасик с гусёнком да слушают, о чём разговор у бабы с дедом идёт.

Баба плачет, а дед успокаивает: срублю я тебе ещё деревинку! Открыл Ивасик дверь, а баба с дедом обрадовались, что сынок к ним вернулся. Накормили они гусёнка пшеном, напоили водой ключевой и жили потом долго да счастливо!»

Вот так мне рассказал эту украинскую сказку мой папа, рассказал, как бабушка сказывала, с украинскими чудными словами: «матинка, швыдче, крылёнок». Кому я её потом не рассказывала, никто её не слышал, хотя мотивы из других русских народных сказок, конечно же, угадываются. Много позже я её нашла в Интернете, посмотрела мультфильм по этой сказке, вышедший в 1989 году. Мультфильм добрый, красочный. Мне очень понравился певучий украинский язык. Вот так благодаря бабушкиным сказкам не прерывается связь между славянскими народами.

Елизавета Каширская

Село Елбань

Новосибирск

Нажитое место

Двенадцать протогородских поселений Новосибирска XVII–XIX века

Здесь – на месте Новосибирска – люди живут очень давно. Со времён неолита – 6 тысяч лет назад. И ещё до прихода русских поселенцев, до XVIII века, здесь тоже жили люди. Они также рождались здесь, любили, работали, мечтали, строили, радовались и выживали – переживали всё, что выпадало на их долю. Они передали это нажитое место нам.

В ходе непростых отношений Русского царства и Телеутского улуса, занимавшего территорию юга Западной Сибири в XVII веке, граница между государствами была смещена южнее. Новая межа отмечена на рукописных картах Семёна Ремезова – «Хорографической книге» 1697 года и «Чертёжной Книге Сибири» 1699–1701 годов. На «Чертеже Земли Томского Города» южнее реки Ирмень мы видим подпись «з[емля] Телеуцка», а на противоположной стороне Оби южнее Берди: «межа с Телеуцкой землею», то же ещё южнее по реке Лайлахан (совр. Каракан): «межа с телеутами». Принимая во внимание «рубеж Томской з Барабинским уездом» на левом берегу Оби чуть южнее реки Толо (Тула), можно с некоторой долей погрешности, но с большой уверенностью сказать, что на рубеже XVIII столетия граница Русского царства и Телеутского улуса проходила немного южнее современного Новосибирска.

Про первое русское поселение на территории современного города – Никольский погост, или деревню Кривощёково, написано уже много, а вот про остальные сельские поселения, на остатках которых стоит город Новосибирск, хотелось бы рассказать отдельно.

Их в пределах нынешних границ города – двенадцать (ранее было принято считать – десять). Восемь на левом берегу: Кривощёково, Бугры, Вертково, Ерестная, Малое Кривощёково, Огурцово, Верхние и Нижние Чёмы, и четыре – на правом: Усть-Иня, Ельцовка, Кривошапкино и Кривощёковский выселок.

Это мы говорим о деревнях до XX века. Более поздние – Чербусы (Чербузы), пос. Коммунаров, Большое Кривощёково на ул. Большой и окрестности города – мы пока не трогаем.

Первопоселенцы предпочитали к заселению левый берег Оби, потому что здесь был более ровный рельеф, подходы к реке, обширные земли для пашни или пастбищ. Правый же берег мало того, что был поросшим густым сосновым Приобским бором и изрезан сетью оврагов, был ещё и кабинетским.

Признано, что первая русская деревушка на правобережье нынешней территории нашей области поставлена в 1687 году на реке Иксе в нынешнем Болотнинском районе. Это деревня Черново. На левом берегу Оби первенство за деревней Анисимова, основанной старообрядцами-переселенцами с Ишима. Это место, на котором в 1713 году был построен Чаусский острог. Шведский путешественник Фальк, побывавший в Приобье в 1771 году, отмечал датой его основания 1671 год.

С 1695 года, после основания на реке Иксе деревни Кругликово, одна за одной зачернели запашки на правобережных реках Ояш, Иня, Бердь, появились деревни Кругликово, Гутово, Пашково, Красулино, Морозово.

В конце века место «колмацкого торга» из Томска тоже передвинулось на межу. Здесь, на левобережье будущего Новосибирска появляется Никольский погост, или деревня Кривощёково. Документальных доказательств датировки её основания нет. Исследователи указывают следующий диапазон основания деревни – от 1697 до 1708 года.

Точные даты основания русских поселений в Приобье определить достаточно сложно. На абсолютное их большинство никаких документов нет и не было. Обоснование на данном месте первых поселенцев нигде не отмечалось. В первом советском «Списке населённых мест Сибирского края» дата основания указывалась не документально, а со слов жителей. Скажет старик «400 лет уж прошло», так и запишут – 1526 год. Это пресловутая деревня Верх-Сузун, которая собирается справить своё 600-летие. А что в те годы русских поселенцев за Уралом ещё и духом не было, никого не волновало.

Малая Кривощёковская. Эта деревня отпочковалась от Кривощёково в начале XVIII века. Раннее её документальное упоминание есть в допросе рабочего колыванских заводов крестьянина Ванкова. Из него выясняется, что не позднее 1702 года он родился в деревне Малой Кривощёковской. Следовательно, в 1702 году деревня Кривощёковская не просто была, а ещё и успела отделить от себя Малую и «возникла не позднее последних лет XVII века».

Историки указывают, что Малая Кривощёковская была основана тем же Фёдором Креницыным, что образовал собственно и первую деревню. Разойдясь с односельчанами, Креницын вместе с товарищем Иваном Мордвином поднялся на семь вёрст выше по реке и заложил ещё одну деревню – Мало-Кривощёковскую. Но и здесь Креницын тоже прожил недолго. В 1716 году он уже жил ещё выше по Оби, в новой Кривощёковской деревне, через год ставшей основой Белоярской крепости (ныне окраина Новоалтайска). Так что нашим мало-кривощёковцам в шутку можно претендовать на основателей города Барнаула.

Один из домов, перенесённых из Кривощёково по ул. Тульской, 1970-е годы

В 1719–21 годах в Малой Кривощёковской проживало всего 15 разночинцев и 5 крестьян. Часть жителей работала на алтайских заводах, другие распахивали девственную плодородную землю, занимались скотоводством, извозом («кормились бичиком»).

Вот её план, датируемый по «осьмой ревизии», т. е. около 1835 года. Одна улочка вдоль Оби. В «Списке населённых мест Томской губернии 1911 года» в деревне Мало-Кривощёково было: «Число наличных душ – мужского пола 753 и 795 женского пола. Земли во владении селения – 7414 десятин, 1 училище Министерства народного просвещения, 1 пивная лавка, 2 торговые лавки и 1 хлебозапасный магазин».

Ранее учащиеся деревни были приписаны к Кривощёковскому сельскому училищу, старейшему заведению на территории нашего города, школе-преемнице которого уже почти 155 лет, а в начале XX века в деревне построили

Малое Кривощёково. Школа №64, 1939 г.

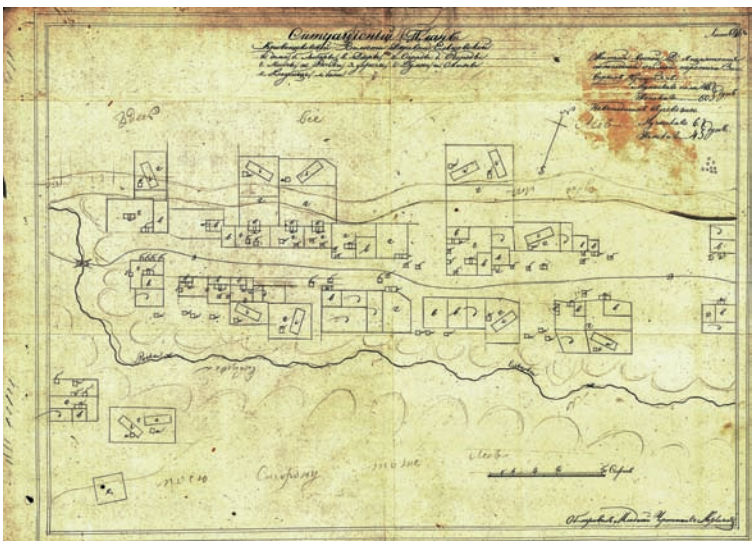
собственное училище. Долгое время прихожане деревни были приписаны к Никольской церкви в волостном селе Кривощёково, а зимой 1916-го уже при школе всем миром построили свою церковь. Называлась она Введенская.

Ельцовка

Современники свидетельствуют: «Строили в такое тяжкое время, когда многие жители взяты на войну, всё так дорого и, к довершению всего, минувшим летом был неурожай хлеба», но не прошло и 20 лет как Введенскую церковь постановили «ликвидировать как религиозный пункт, обратив здание церкви на культнужды».

Вторую жизнь село получило при строительстве второго железнодорожного моста, который официально называется именем Коммунистического интернационала молодежи (Комсомольский). Начавшаяся индустриализация требовала угля и металла Кузбасса. Срочно стал нужен второй железнодорожный мост через Обь. Его строительство началось в 1930 году, а 17 октября 1931 года по новому мосту через Обь прошёл первый пробный состав. Реальная же эксплуатация моста началась с января 1932 года.

Деревня Ельцовская



Ельцовка. К 1717 году (по данным Н. А. Миненко) поселения переходят на правый берег Оби. Первая правобережная деревня – Ельцовка, упоминаемая ещё как Чёрное село или Полянка. Она находилась на правом берегу речки Ельцовки при впадении её в Обь.

Правобережные деревни относились к Каменской волости с административным центром в селе Каменка. На 1911 год в Ельцовке наличных душ – 290 мужского пола и 300 женского пола, 1739 десятин земли удобиц и 260 неудобиц. В селе есть школа грамоты, 1 лавка.

От старой Ельцовки не осталось ничего. На месте школы № 53 сейчас стоит церковь, на месте поселкового клуба – обелиск в память о сельчанах, ушедших на войну. Там располагался призывной пункт. Нижняя Ельцовка вошла в черту города уже в 1958 году с образованием Советского района.

Верхние Чёмы и Нижние Чёмы. Эти две деревни, как и Ельцовка, упомянуты уже в документах первой ревизии. Это 1719 год. В некоторых источниках их ещё называют как Правые Чомы и Чомская большая. Здесь почти вдоль Оби бежала небольшая речка Чом. Вдоль неё и располагались эти деревушки.

Исторически место это связано с последним боем сибирского хана Кучума. Здесь, на берегу Оби, прикрывая отход хозяина, окончательно полегла гвардия Кучума, а сам престарелый хан ушёл на лодке вниз по Оби с несколькими приближёнными – «в судне вниз по Оби, сам-третий», чтобы укрыться на правом берегу.

Когда-то к Верхним Чёмам приходила от Бердска конная паромная переправа Барнаульского тракта, который далее на север смыкался с Московским трактом. На 1911 год в Нижних Чёмах число наличных душ – мужского пола 311 и 313 женского пола, 4465 десятин земли, 1 училище Министерства внутренних дел, 3 торговые лавки, хлебозапасный магазин. В Верхних Чёмах число наличных душ – мужского пола 260 и 292 женского пола, 2897 десятин земли, 1 торговая лавка, 1 школа грамоты и 1 хлебозапасный магазин. Остался план деревни после восьмой ревизии 1835 года. Сегодня Верхние Чёмы покоятся на дне Обского моря.

В Нижних Чёмах была и своя церковь. Она находилась на берегу Оби, примерно там, где сейчас расположено панно «Покорителям Оби». При Советской власти церковь закрыли и отдали под хозяйственные нужды. А на месте Нижне-Чемского кладбища сегодня хозяйственные корпуса предприятия «ГидроОГК». Когда здесь решили возводить ГЭС, кладбище перенесли в посёлок Огурцово.

Усть-Инская основана в промежутке между 1720 и 1734 годами, в один период с деревнями Каменка, Издревинская, Кубовая. Находилась она там, куда сегодня выходит правая сторона Бугринского моста. Переселенцы из Усть-Инской образовали в посёлке мостостроителей одну из первых улиц – Инскую.

У деревни Усть-Иня интересная история. Пахотных земель было совсем немного, поэтому жители её занимались огородничеством, пимокатным, шорным производством, гнали древесный дёготь, выделывали кожу, шили шапки и рукавицы. А кроме того, в Усть-Ине было некое подобие верфи – здесь делали небольшие деревянные суда для плавания и по Ине и по Оби. На 1911 год в Усть-Инской наличных душ – 598 мужского пола и 560 женского пола, 2838 десятин земли удобиц и 714 неудобиц. В селе – школа грамоты, 1 лавка.

Была в Усть-Ине и собственная церковь – Михаила Архангела. В 1925 году её закрыли, превратили в склад, в клуб, потом снесли, а в 1990-е неподалёку от

Усть-Иня

прежнего места, в бывшем кинотеатре «Заря» открыли новую. Так же как на кладбище в Кривощёково, на Усть-Инском хоронили первых жителей образовавшегося посёлка. Сейчас на его месте расположена часть корпусов бывшего Инструментального завода.

Между городскими и деревенскими Инюшки были сложные отношения и в области элементарного хулиганства, и из-за дележа леса и земель. В 1929 году городские власти самостоятельно включили земли деревни в территорию Новосибирска, «инские» пожаловались в Москву. Из Москвы пришёл нагоняй, вылившийся в специальное постановление ВЦИК о недопустимости в стране самовольного административного деления, Усть-Иня снова стала деревней, но уже через год опять вошла в городскую черту вместе с сёлами Левобережья.

Кривошапкино – одна из малоизученных, практически неизвестных, пропавших приобских деревень XVIII века. Или Каменская, как иногда её называли в документах. Она располагалась на заливных лугах левого берега реки Ини при впадении её в Обь. Местечко «Камешок» у Чёрного озера. Там до недавнего времени был остановочный пункт кузбасской ветки железной дороги – ОП «Чёрное озеро». Сейчас рядом сооружения 3-й насосно-фильтровальной станции.

Тоже остался план деревни после восьмой ревизии 1835 года. На 1859 год в Кривошапкино всего 12 дворов, наличных душ, крестьян, приписанных к Алтайским горным заводам – 36 мужского пола и 40 женского пола. Деревню постоянно подтапливало, и

Луговое, церковь, 1954–55 гг.

в 80-х годах XIX века жители переселились выше по правому берегу Ини и образовали село Новолуговое, но на старом месте ещё оставались мельница и три пасеки. На 1911 год в Новолуговом наличных душ – 390 мужского пола и 400 женского пола, 1289 десятин земли удобиц и 338 неудобиц.

Есть у нас в городе длинная-длинная сельская улица. Её длина почти восемь километров, и до совсем недавнего времени она была самой длинной улицей Новосибирска. Речь идёт об улице Тульской. Она начинается у реки Обь, вьётся по левому берегу реки Большая Тула, что с татарского означает «наполнение», и нанизывает на себя три бывшие деревни – Бугры, Вертково и Ерестную, разделённые одним-двумя километрами. Этакая продольная деревенская агломерация. В принципе, это была типичная для Сибири картина: «большая деревня» при речке или дорожном тракте, состоявшая из небольших поселений, расположенных недалеко друг от друга.

Жители деревни Бугры

Бугры были «нижним концом» этой агломерации. Сама деревня была образована во второй половине XVIII века, и её название объясняется, вероятно, тем, что относительно прибрежного Кривощёково место нового поселения находилось на возвышенности, и первые переселенцы туда съехали «на бугор».

Основателем Бугров считается Герасим Быков, который со своей семьёй и семьёй своего брата переехал из Большого Кривощёково на три версты выше по реке и поставил первые дома на левом берегу реки Тула. В 1823 году здесь проживало 28 семей (78 душ мужского пола), в 1842-м – 34 семьи (114 душ мужского пола), а в 1858 году – 41 семья и 283 жителя (143 мужчины и 140 женщин). Официально деревня (как, собственно, и всё в округе) была приписана к Колывано-Воскресенским горным заводам. Часть бугринцев работала на этих заводах, другие занимались земледелием, скотоводством, извозом, изготовляли конскую упряжь, выделывали кожу.

Строительство по соседству «чугунки» в корне изменило быт и уклад Бугров. В 1895 году на средства железнодорожного ведомства из Кривощёково в Бугринское перевезли деревянную церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, волостное правление, каталажную тюрьму и ещё несколько добротных общественных домов.

Также в Бугры перевели Кривощёковское сельское училище. Это старейшее на территории Новосибирска учебное заведение. Этой школе, которая сегодня носит номер 63, уже 155 лет, и это, к сожалению, мало кто знает.

С обретением церкви и управы деревня Бугринская сменила статус. Она стала селом и новым волостным центром. Почти 30 лет Бугры оставались административным центром Бугринской волости Томского уезда одноимённой губернии.

В 1899-м в селе было уже 120 дворов (из них 9 некрестьянских) и 631 житель (312 мужчин и 319 женщин). На 1911 год в Бугринском наличных душ – 343 мужского пола и 350 женского пола, 5516 десятин земли. В

селе волостное правление, 1 церковь, 1 мужское училище Министерства внутренних дел, 1 женское церковно-приходское училище, 1 солодовенный завод, 1 паровая и 1 водяная мельница, 1 казённая винная лавка, 1 трактир, 1 пивная лавка, 5 торговых лавок, 1 хлебозапасный магазин. Было здесь и собственное производство, первые иностранные инвестиции, паровая мельница, пивоварня и кабинеты.

Бывшая деревня и сегодня во многом сохранила свой уклад. Преимущественно одноэтажная частная застройка, грунтовые дороги, печное отопление и вода из раздаточной колонки.

Улица Тульская пересекает Ватутина, участок которой назывался пьяной дорогой, Сибиряков-Гвардейцев и приводит нас в новую деревню.

Вертково основано в 1735 году. Первыми жителями деревни были опять же Быковы (две семьи), Важеновы (две семьи), Вертковы (две семьи) и Томиловы (одна семья).

Вертковцы жили небедно. В 1823 году всё общество насчитывало 11 семей. В 1858 году в 8 дворах деревни проживали 54 человека. Они имели по 17–20 голов скота и около 10 десятин пашни на работника. Наследники Быковых на паях с Епанчинцевыми имели добротную колёсчатую мельницу на реке. Её четырёхэтажное деревянное здание разобрано было уже при Советской власти. На 1911 год в Вертково наличных душ – 214 мужского пола и 187 женского пола. Земли во владении селения – 2317 десятин, 1 паровая и 1 водяная мельница, 1 торговая лавка и 1 хлебозапасный магазин. Середняцкие дворы в Вертково составляли до 43 %. Богатеев было до 28 % и примерно столько же бедняков. Опять же совершенно типичный расклад для сельских поселений Западной Сибири.

Сейчас это район типографии Советская Сибирь и котлован бывшего каменного карьера. До середины 50-х годов прошлого века летом движение транспорта через Тулу ежедневно перекрывалось: с 12.00 до 14.00 в котловане взрывали камень и по узкоколейке перевозили на «Гидропресс» и другие заводы. Мост через реку тогда был даже без перил, и люди шли прямо по шпалам. В конце 1940-х был построен капитальный мост, который просуществовал до 1989 года. Он и сейчас виден, если ехать в сторону площади Сибиряков-Гвардейцев.

Далее, состыковавшись с концом ул. Станиславского, наша Тульская магистраль прибегает в следующую деревню.

Ерестная всегда была крупной деревней. Ей тоже уже почти 300 лет и по количеству жителей она даже переросла сам волостной центр – село Кривощёково. Это связано ещё и с тем, что в последней четверти XVIII века деревня значилась как поселение «при тракте» из Барнаула в город Колывань на Чаусе, и её население обслуживало этот тракт. Именно через это поселение шла дорога, связывавшая Москву и Барнаул.

«Отводная запись» на 1899 год говорит о принадлежащих обществу 5397 десятинах земли удобиц и 780 десятинах неудобиц на 478 душ мужского пола. На 1911 год в Ерестной число наличных душ – 539 мужского пола и 549 женского пола. Земли во владении крестьян 6941 десятина. 1 училище Министерства народного просвещения, 4 торговые лавки, 1 хлебозапасный магазин.

Сейчас на месте бывшей деревни дома Станиславского жилмассива и многочисленные садовые общества. Но старожилы ещё помнят и остатки деревенского кладбища «в яме», недалеко от берега реки, и глиняный большой карьер, бывший сырьевой базой для ближайших кирзаводов.

На западном краю бывшей деревни улица Тульская, как спица, насквозь протыкает две стороны так называемого «Тёщиного языка», крутого поворота с Троллейной на Толмачёвскую. Здесь находится ещё один загадочный объект – из воды торчат быки железнодорожного моста, вокруг которых множество слухов. И Колчак де его взорвал, и диверсия была в 1937 году, из-за которой строивший его немец застрелился. На самом деле мост этот был построен в 1930-м году вместе с уже упоминаемым Комсомольским мостом через Обь и после войны не справлялся с грузопотоком. Рядом проложили новую нитку и

более мощный мост, а старый демонтировали. От него остались только опоры по берегам.

Ну и далее, пересекая улицу Петухова, 543-м домом Тульская официально заканчивается, но сотню лет назад дорога здесь продолжалась и вдоль речки шла до деревни Верх-Тула и далее. Теперь её функции выполняет Ордынское шоссе.

20 октября 1930 года на левом берегу Оби был образован Заобский район города Новосибирска, куда вошли и бывшее село Бугры, и Вертково, и Ерестная[10], а 2 декабря 1934 года Заобский район был переименован в Кировский.

Огурцово Нижне-Чёмского сельского общества – одно из более поздних поселений. Образовалась деревня в 1800 году. В 1859 г. здесь было 37 дворов, и проживал 261 человек (112 мужчин и 149 женщин). Крестьяне занимались преимущественно сельским хозяйством и рыболовством. На 1911 год в Огурцово число наличных душ – мужского пола 279 и 283 женского пола. Земли во владении селения – 3415 десятин, 1 школа грамоты, 2 торговые лавки, 1 хлебозапасный магазин.

В начале 1930 года Огурцово и Чёмы отметились в криминальной хронике города разбойными нападениями на крестьян, везущих на рынок продукты, дрова и т. п. В деревне пытались создать опорно-показательное хозяйство, а перед самой войной открыли метеорологическую станцию, работающую и в настоящее время (синоптический индекс 29638). После образования Советского района Новосибирска большая часть посёлка Огурцово вошла в городскую черту.

Кривощёковский выселок, последнее догородское селение на территории города, появился на правом берегу Оби, на краю густого соснового бора примерно в 1877 году. Это сегодня правый край железнодорожного моста и парк «Городское начало». Выселок был образован переселенцами из России, которые сначала прибыли в Кривощёково. Но из-за тесноты община не смогла их принять, тогда переселенцы переправились через Обь и обосновались на её правом берегу, образовав поселение из «26 избёнок, окружённых со всех сторон непроходимым бором».

В известном послании тридцати крестьян, датированном 20 июля 1894 года, сказано: «Семнадцать лет тому назад, приехав из России и усмотрев место на правом берегу Оби, против села Кривощёковского, мы, взяв приёмные приговора с дозволения Общества, поселились здесь, построили дома – каждый по своим средствам…».

Здесь и до этого времени были постройки. Стояли домики объездчиков лесничества Приобского бора, на Каменке давно работали мельницы, была организована переправа через Обь. В связи со строительством железной дороги выселок был расселён и полностью снесён. О нём напоминает только название улицы Кривощёковская.

Константин Голодяев

Новосибирск

«За труды на пользу города…»

Начало XX века. Молодой город Ново-Николаевск* бурно растёт и развивается, довольно быстро входя в число ведущих торгово-транспортных центров Сибири. Ещё в середине 1900 года «Сибирская торговая газета» сообщала: … *Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: Новониколаевск со временем будет одним из больших сибирских городов. Вообще Новониколаевск производит приятное впечатление… пожелаем ему сделаться исполином в смысле просвещения и промышленности.* Население молодого города к 1910 году составляет уже более 60 тысяч человек. С 1 января 1909 года в Новониколаевске вводится полное городовое положение, согласно которому жители города получают право выбирать городскую думу и иметь городскую управу. Городу требовался хороший, деловой организатор. И такой человек нашёлся.

Владимир Ипполитович Жернаков – из семьи известных купцов и промышленников Сибири. Его отец, Ипполит Александрович, в 1885 году ос-

* В архивных документах того времени существуют два варианта названия города: Ново-Николаевск и Новониколаевск.

Жернаков В.И. с родителями

новал в Колывани крупный свечной и мыловаренный заводы. Товарищество «И. А. Жернаков с сыновьями» имело магазины по всей Сибири, в которых продавали буквально всё – от хомутов и механических сенокосилок до мяса и тропических фруктов.

20 марта 1894 года дядя будущего городского головы, Евграф Александрович Жернаков, открыл в посёлке Александровском первый магазин «Универсальный». Это было настолько значимое событие, что дату открытия магазина местное купечество предлагало считать датой основания Новониколаевска.

Первый магазин Жернакова

Предприимчивость, честность и порядочность в делах, свойственные известным купеческим родам, хорошее образование (Владимир Жернаков окончил юридический университет в Петербурге, знал несколько языков), индивидуальные черты характера создали незаурядную личность.

Впервые имя В. И. Жернакова появляется в документах управы в июне 1905 года – на закрытых выборах кандидатов уполномоченных. По количеству набранных голосов он стоит на третьем месте (74 голоса «за», 17 – против). К сожалению, в фондах Государственного архива Новосибирской области не обнаружено документов о его деятельности в 1906–1907 годах, но уже в январе 1909 года появляются записи: «Председательствовал: Городской голова В. И. Жернаков».

Владимир Ипполитович Жернаков

В эти годы В. И. Жернаков занимается делом исключительной важности, практически он руководит своеобразным «штабом» по защите проекта строительства железной дороги Новониколаевск – Бийск – Семипалатинск. В борьбу за этот проект включаются Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Семипалатинск. Единственная Сибирская магистраль не могла полностью обеспечить интересы местной буржуазии, так как основная масса грузов попадала на сибирскую дорогу только в короткий летний навигационный период по Оби, а зимой товарное движение ограничивалось возможностями гужевого транспорта. Отсутствие постоянной связи с рынком и невозможность быстрого оборота капитала тормозили развитие промышленного производства и способствовали проявлению активности алтайской буржуазии при обсуждении вопросов о направлении железнодорожного строительства.

В созданный «штаб» входили руководители городских дум вышеназванных городов, регулярно встречавшиеся и обменивавшиеся телеграммами и письмами. Кроме того, известно, что летом 1908 года Жернаков посылал министру путей сообщения, министру финансов, государственному контролеру и начальнику Сибирской железной дороги ходатайства Новониколаевского город-

Мост Алтайской ж.д. через Сибирский путь. Ново-Николаевск. 1916 г.

ского общественного управления о переводе Управления дороги из Томска в Новониколаевск, так как он «находится в срединном пункте Сибирской магистрали». В октябре 1908 года он вместе с С. Ф. Дуниным-Марцинкевичем, Г. И. Жерновковым и К. Ф. Леншкевичем отстаивал интересы алтайских городов в Петербурге в Комиссии по железным дорогам. В ноябре того же года в Томске проходило совещание по выработке плана железнодорожного строительства в Томской губернии, на котором присутствовали представители Кабинета и городов губернии. В ходе совещания окончательно выявились противоречия между Томском и алтайскими городами. Томск постепенно утрачивал своё экономическое влияние, а молодой Новониколаевск превращался в господствующий экономический пункт окружавшей его области. Новониколаевск рос в центре обширного сельскохозяйственного района, и к нему тяготела богатейшая полоса Томской губернии – Барнаульский, Бийский, Кузнецкий и Змеиногородский уезды. Станция на главной сибирской железнодорожной магистрали и пристань на среднем течении Оби способствовали развитию города как транспортно-торгового центра.

В 1909 году В. И. Жернаков посылает в столицу свои «Соображения о стратегическом значении железнодорожной линии Семипалатинск – Барнаул – Бийск – Новониколаевск», «Записку о развитии Обского пароходства», направленную губернатору Томской губернии, с аргументацией выгоды для Обского пароходства проведения новой железной дороги именно через Новониколаевск и «Ходатайство алтайских городов перед Управлением Кабинета Его Императорского Величества».

В период 1909–1911 годов Жернаков несколько раз сам ездил в Петербург и пытался убедить членов Комиссии по железным дорогам поддержать Новониколаевскую и отклонить другие

г. Новониколаевск. Центральная часть. Вид из Закаменской части (Октябрьский район) города. Фото 1913–1915 гг.

линии магистрали. 27 апреля 1910 года Комиссия проголосовала за дорогу через Новониколаевск с Бийской веткой – 20 голосов, против – три; затем 10 марта 1912 года вопрос был положительно решён на заседании Государственного совета, а 3 июня 1912 года Высочайше утверждён. Таким образом, большую роль в решении вопроса о направлении Алтайской железной дороги сыграла активная деятельность Городской думы Новониколаевска и лично В. И. Жернакова.

Приведённые факты убедительно свидетельствуют, что в 1909–1914 годах Новониколаевском руководил человек достойный, умный, волевой, видящий возможности города и плодотворно работающий для его блага. И это, надо сказать, были годы наибольшего взлёта деловой активности, развития культуры и образования дореволюционного Новониколаевска.

Бюджет города за это время вырос в три с лишним раза. Стоимость промышленной продукции составила 11 млн рублей, по её выпуску город вышел на первое место в Сибири, торговый оборот Новониколаевска достиг 25 млн рублей, население к этому времени увеличилось до 89 тысяч человек.

Одновременно с ростом города, появлением многочисленных торговых заведений, фирм, банковских отделений, промышленных предприятий, расширением экономических связей с другими городами формируется и так называемая городская среда. После крупного пожара 1909 года больше внимания стало уделяться строительству каменных зданий, в некоторых кварталах Центрального района возведение деревянных построек было даже запрещено (Положение от 28 августа 1909 г.). В 1910–1912 годах владельцы частных усадеб обязывались за свой счёт засадить лиственными деревьями участки улиц против домов, обустроить тротуары. На 10 лет вводится новый налог – на мощение улиц, причём готовые участки принимаются по акту только через год – после проверки временем. Проектируется водопровод, строится первая электрическая станция, появляется городской телефон, открывается паромная переправа. Рассматриваются проекты понтонного моста через Обь, прокладки трамвайных путей, организации справочной службы и т. д.

В мае 1910 года Новониколаевская Городская управа в лице городского головы В. И. Жернакова заключила с известным сибирским архитектором Андреем Дмитриевичем Крячковым договор, в котором тот принимал на себя «общее заведование техническим надзором, составление планов и смет для постройки Новониколаевским Общественным Управлением каменных зданий – базарного корпуса и тринадцати городских школ». Было решено

Магазин наследников Ипполита Александровича Жернакова. 1912–1913 гг.

построить 13 городских школ различной вместимости. По переписи от 25 января 1910 года число жителей Новониколаевска достигло 52695 человек, из них – 4130 детей. Обучением должно было быть охвачено 3776 детей. Строительство школ вполне разрешало проблему, даже при односменных занятиях в них, и должно было быть осуществлено за два сезона. Постройкой столь необходимых школьных зданий город вплотную подошёл к решению вопроса о введении всеобщего начального обучения. И в 1911 году всеобщее обучение в Новониколаевске было введено, а в 1913-м город признали лучшим в России по организации начального школьного образования.

…Прошло 20 лет с того дня, как был открыт универсальный магазин купца Е. А. Жернакова в поселке Александровском, всего четыре года с того дня, как Новониколаевск стал «полноправным городом России», а комиссар русского отдела Международной выставки

во французском городе Лионе обратился в Управление Государственного банка в Петербурге с просьбой рекомендовать на выставку, открывающуюся 1 мая 1914 года, сибирский город, *желательно Новониколаевск*. И банк поддержал эту инициативу.

Николаевский (Красный) проспект. Вид с путепровода Алтайской железной дороги. 1915–1916 гг.

Состояние здоровья, к сожалению, не позволило Владимиру Ипполитовичу Жернакову и далее занимать пост градоначальника Новониколаевска, но впоследствии он представительствует в органах власти города, работает в комиссиях и организациях, занимается коммерческой и финансовой деятельностью. Совершенно очевидно, что этот человек не мыслил своей жизни без общественно полезного дела.

18 марта 1914 года «за понесённые им труды на пользу города в течение пяти лет руководства городской Думой» Владимир Ипполитович Жернаков удостаивается звания «Почётный гражданин города Новониколаевска».

В.И. Жернаков в здании думы г. Новосибирска

В целом послужной список В. И. Жернакова выглядит весьма внушительно и достойно: в 1909–1914 годах он – голова Городской управы Новониколаевска, в 1915–1916 годах – директор новониколаевского Мукомольного товарищества, в 1920 году – директор новониколаевского отделения Сибирского банка, в том же году – технический секретарь в институте физкультуры в Томске, в 1920–1922 годах – коммерческий директор в томском Губсоюзе, в 1922–1929 годах – товарищ управляющего новосибирского Госбанка, в 1929–1930 годах – коммерческий директор в «Сибрыбтресте» Новосибирска.

С 1917 года В. И. Жернаков – член партии конституционных демократов.

До последнего времени исследователям были недоступны хранившиеся в архиве ФСБ материалы о судьбе этого видного муниципального деятеля Сибири, особенно относящиеся к 30-м годам. Ныне появилась возможность восполнить данный пробел.

В 1931 году В. И. Жернаков расстался с женой Ольгой Васильевной и переехал на Украину. Детей в браке у него не было, а из родственников оставались только мать в Томске и сестра Глафира в Новосибирске. В феврале–марте 1931 года сотрудниками ОГПУ в Новосибирске «была раскрыта контрреволюционная вредительская организация в системе потребительской кооперации и Госбанке», якобы возникшая в 1921–1923 годах. По делу арестовали 24 человека. За одним из основных фигурантов «дела», В. И. Жернаковым, чекисты отправились на юг России, и он был арестован 2 марта 1931 года в Харькове. Ему вменялось в вину членство в партии кадетов, работа по сбору военных налогов во время колчаковского режима, эмиграция в Томск вместе с белыми после разгрома Колчака, а также то, что у него до революции было несколько домов в Новониколаевске и что он «являлся лидером местной буржуазии». Главное же обвинение со-

стояло в том, что «контрреволюционная организация, одним из руководителей которой он являлся, ставила своей политической задачей борьбу с Советской властью и её свержение, для достижения чего проводилось вредительство в народном хозяйстве».

Из всех осуждённых только шестеро не признали себя виновными и ни на кого не дали «обличающих» показаний, в их числе был и Владимир Ипполитович Жернаков. На всех допросах он пытался доказать следователю, что «не был вредителем, никогда не проводил мероприятий, могущих принести вред хозяйству», и всё произошедшее – чудовищная ошибка. Так 17 апреля 1931 года Жернаков собственноручно пишет уполномоченному 3-го Отделения ОГПУ Бурундукову следующее:

«Я сам являлся служащим 21 год в разных должностях и прекрасно понимал, что единственный путь народов – это власть трудящихся. По приказу Сибревкома в 1922 году я пошёл работать, имея одно желание – отдать свои знания, опыт на пользу строительства новой жизни. В 1917 году я по своей инициативе внёс в кассу Совдепа 2400 рублей и получил благодарность. Во времена Колчака, когда первый председатель т. Романов был приговорён к расстрелу, то я по его просьбе был вызван свидетелем, и благодаря моим показаниям, расстрел был отменён. В бытность мою городским головой, я скрывал и держал нелегально т. Александрова Л. П., партийца… и т. Петухова…, что свидетельствует о моём отношении к власти трудящихся. Прослужив 11 лет, я имел дело с сотнями партийных товарищей. Знаю, что я честно служил и никакими другими мотивами не руководствовался».

На протяжении всего следствия В. И. Жернаков очень плохо себя чувствовал, к нему неоднократно вызывали врача, начались галлюцинации. Так, в акте медицинского освидетельствования от 29 марта 1931 года было записано: «больной периодически плачет, но определённых жалоб нет, кроме как на боль в голове и на ощущение пустоты в голове, пульс 120 ударов в минуту, тоны сердца глухие, размеры увеличены, поверхностные сосуды склерозированы. Общий вид: блуждающий взор, всё время точно к чему-то прислушивается и приглядывается в пространство… в месте не ориентируется, окружающих не узнаёт. Со стороны психики острая спутанность…»

11 июня Жернакова обследовали ещё раз и теперь уже записали, что он «не обнаруживает признаков душевного расстройства», т. е. практически здоров. 16 июня ему предъявляют обвинение, где отмечается, что ранее он симулировал психическое расстройство. Дело его сразу направляют для рассмотрения во внесудебном порядке в Коллегию ОГПУ, которая и выносит приговор – пять лет лагерей.

Жернаков после освобождения из заключения

21 сентября 1932 года вышло Постановление Президиума ЦИК СССР, подписанное секретарем ЦИК А. Енукидзе, о сокращении срока заключения В. И. Жернакова в лагере до трёх лет, учитывая его ходатайство о помиловании. Как сложилась дальнейшая судьба В. И. Жернакова, к сожалению, до сих пор не известно. Есть только скупые данные, что срок он отбывал где-то под Новосибирском и был реабилитирован лишь в октябре 1991 года.

Ирина Косарева

Новосибирск

Зачинатель кинодела

След, оставленный в летописи города Федотом Фадеевичем Махотиным – актёром, акробатом, предпринимателем-кинематографистом, основателем первого городского кинотеатра, кинооператором-лаборантом, кинолетописцем, – навсегда сохранится в исторической памяти города.

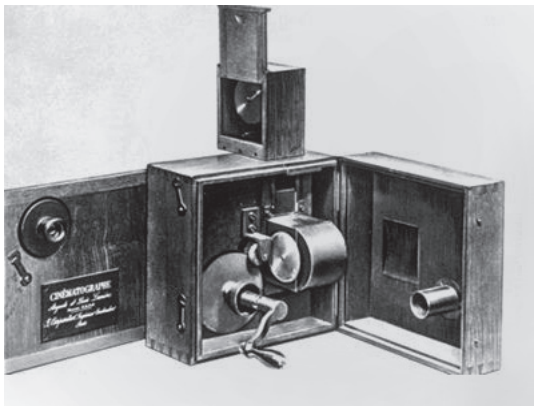
Родился Ф. Ф. Махотин в 1871 году в деревне Ледовский Выселок Тульской губернии Каширского уезда Колотовской волости в крестьянской семье. Учиться в школе не пришлось, зани-

мался самообразованием. С 15-летнего возраста начал самостоятельную жизнь, ездил артистом с цирками и театрами в качестве акробата и актёра. Освоил немецкий и французский языки.

В тот период по России кочевало множество цирковых и театрально-цирковых групп, которые создавались на один сезон, иногда только на один маршрут. В июне–июле 1896 года Махотин находился в Нижнем Новгороде, где функционировала цирковая биржа – место формирования таких групп. В это время здесь проходила Всемирная Нижегородская выставка, где французская фирма братьев Люмьер представляла киноаппарат, предназначенный одновременно для съёмки и для проекции на экране движущихся изображений, названный ими «Синематографом». Такой аппарат на выставке приобрёл и Ф. Ф. Махотин.

Справка. Первый в мире публичный показ «движущихся фотографий» прошёл в Париже 28 декабря 1895 года. Киносеанс продолжался 20 минут. Были показаны 10 документальных и один игровой фильм. Этот день признан днём рождения новой, десятой музы – музы киноискусства. В России «синематограф» начал действовать в Петербурге в летнем саду «Аквариум» 4 мая 1896 года, а три недели спустя – в Москве, в саду «Эрмитаж», в июне – в Нижнем Новгороде, на Всемирной выставке в кафе «Шантан» француза Шарля Омона.

В конце 1896 – начале 1897 года Махотин совершал гастроли по городам Сибири с небольшой группой зверей и впервые демонстрировал здесь кинематограф, в том числе, посетил и Ново-Николаевск. Тогда в поселке было два места, где можно проводить киносеансы: Будаговская школа в Кривощёково и Железнодорожная – на станции Обь. В то время Махотин являлся членом цирковой группы цирка-зверинца Г. Эйгуса, приписанного к Пензе. Это зрелищное предприятие пользовалось достаточной известностью. Цирк был награжден большой серебряной и золотой медалями, и единственный в России по величине состоял из 10 вагонов зверей.



Киноаппарат братьев Люмьер, модель 1895 г.

В первые годы своего существования кинематограф рассматривался как новый вид развлекательных аттракционов. Посетителям показывались короткометражные фильмы (15–20 минут). Вот их примерный репертуар: «Прибытие поезда на вокзал», «Виды главнейших европейских городов», «Купанье с плотов в Сене», «Священное коронование Их Императорских Величеств», «Пожар», «Игра детей в чехарду», «Ссора за картами», «В волшебном замке» и др. Со временем тематика фильмов менялась, создавались картины, осуждавшие такие людские пороки, как жадность, ревность, ханжество, зазнайство, взяточничество, воровство и т. д. Новизна этого вида зрелищ принесла кино большой успех.

В связи с введением в эксплуатацию Транссибирской железной дороги появилась возможность чаще проводить гастроли по городам Сибири. В 1907 году Ф. Ф. Махотин решил порвать с кочевой жизнью и поселиться в Ново-Николаевске.

Развитие сложных по сюжету и полнометражных фильмов вызвало необходимость создания стационарных кинотеатров. Под театр Махотин арендовал на базарной площади участок в 55 квадратных саженей да купил деревянный барак, расположенный на участке. Помещение слегка облагородил, разгородил на две части. В меньшей размещались касса и место для ожидания, в большей – зал со скамейками (мест чуть больше сотни) и кинобудка.

15 августа 1908 года открылся первый в городе электротеатр «Синематограф Ф. Ф. Махотина». Аппаратом он управлял сам, а на кассе и в зале помогала жена Мария Николаевна. На следующий день после открытия газета «Обь» отметила: «За теснотой помещения и большим стечением публики сре-

ди посетителей происходила чуть ли не давка». И в последующие дни в зал набивалось значительно больше нормы, люди добровольно уплотнялись, соглашались постоять – ни теснота, ни духота никого не смущали. Фильмы сопровождались музыкой – вальсами и польками.

Демонстрировались фильмы: «Смерть Иоанна Грозного», «Воскресенье», «Дама с собачкой», «Макбет», «Мазепа», «Отелло» и другие.

В 1909 году был показан фильм о капитуляции Порт-Артура, запрещённый цензурой. После этого полицмейстер взял с владельца кинотеатра подписку о том, что он не будет показывать этот фильм, иначе грозило наказание.

Кинематограф во многом изменил ритм жизни – появилось искусство, доступное каждому по уму, по цене и на любой вкус. Каждодневно сотни людей получали возможность приобщаться к киноискусству.

В 1909 году Махотин смог увеличить арендуемый участок и провести переустройство театра, расширить и возвысить здание. Увеличил зрительный зал до 200 с лишним мест, сделал наклонный пол, чтобы удобнее видеть экран. Пристроил фойе с буфетом, проектор вынес в отдельную пристройку, провёл телефон. Установил горизонтальный двигатель системы «Колле» с щунтовой динамо-машиной, от которого питался кинопроектор, 42 лампочки в помещении и два дуговых фонаря при входе.

Театр Махотина стал одним из первых электрифицированных общественных зданий в городе.

В первый год существования театра Махотина у него не было конкурентов, но вскоре желающих получить «хороший доход с малой затратой» оказалось немало. В 1910 году в городе уже работало несколько кинотеатров: «Москва», «Гигант», «Заря», «Модерн». Кроме того, картины демонстрировались в помещениях Железнодорожного и Коммерческого клубов, в летних театрах садов «Альгамбра» и «Сосновка». Но 1-й электротеатр Ф. Ф. Махотина находился всегда в курсе всего интересного и нового в кинематографическом мире, он приобретал и демонстрировал лучшие картины.

Здание кинотеатров «Центральный» (1909 г.), «Москва» (1909–1912 гг.)

9 января 1910 года газета «Сибирский коммерсант» писала: «*Беспристрастность заставляет сказать, что интересен и хорош только один электро-синематограф Ф. Ф. Махотина. Здесь демонстрируются новые картины, здесь хороший аппарат, здесь удобное помещение*».

Махотин первым ввёл нумерацию мест в зале – вроде, мелочь, а насколько стало удобнее зрителям. Первым поставил второй кинопроектор, ликвидировав паузу между частями при показе длинных фильмов.

В марте 1910 года газета сообщала: «Только Махотин может дать такую гигант-картину, идёт 90 минут беспрерывно, 2400 аршин». (Речь шла о «Каторжнике» по «Отверженным» В. Гюго).

Все новшества российского кинопроката Махотин стремился внедрить в своём театре, поэтому даже с появлением в городе более комфортабельных и модерновых театров публика не изменяла ему.

Театр Махотина предоставлял зрителям возможность вместе с билетом приобрести аннотированную програм-

Николаевский (Красный) проспект. 1911–1914 гг.

му сеанса или анонса, либретто фильма. Нечто подобное практиковалось и в других театрах, но у Махотина это делалось регулярно и готовилось более тщательно. Вот как об этом писал сам Махотин: «*Не вступая в полемику с людьми малосведущими, отрицающими положение картин, мы со своей стороны считаем долгом давать точные определения картины, дабы уважаемая публика могла точно судить о её качестве и шла смотреть с уверенностью, что она не ошибётся и не потратит нужного времени и денег на какую-нибудь бессмыслицу. С почтением, Ф. Махотин*».

Только он в городе в дни знаменательных событий каждому пришедшему в театр вручал вместе с билетом визитный фотографический портрет великих людей (снимок в рост) на память.

Такие портреты были вручены к 110-летию со дня рождения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, где он запечатлен на смертном одре в декабре 1910 года, М. В. Ломоносова к 200-летию со дня рождения и других. Ему принадлежит почин проведения киносеансов в селе Бугры в 1910 году и в городе Бердске в 1912 году.

В первые годы существования кинофильмы покупались в собственность, затем появились прокатные фирмы.

Благодаря прежним связям Ф. Ф. Махотина по цирку-зверинцу, который базировался в Пензе, а там было открыто отделение прокатной конторы А. Н. Аргасцева (она первой в России ввела рациональный прокат и пользовалась доброй репутацией), новониколаевцы имели возможность получать картины прямо со столичной базы, что позволило перейти на чёткую «перемену картин два раза в неделю».

Кино знакомило жителей с историческим прошлым Сибири и России в целом: «Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири», «Степан Разин», «Дмитрий Донской», «Жизнь А. С. Пушкина», фильмы по романам Ф. М. Достоевского – «Преступление и наказание», Л. Н. Толстого «Война и мир», А. И. Куприна «Гранатовый браслет» и другие.

В 1912 году Махотин вновь увеличивает земельный участок и реконструирует кинотеатр, расширяет зрительный зал до 400 мест. Сооружает второе фойе, чтобы у зрителей более дорогих мест (40–50 коп.) и дешёвых (20–30 коп.) были разные «ожидальные» зоны.

Устраивает центрально-водяное отопление, «хоры» для ансамбля музыкального сопровождения фильмов, комнаты для приведения в порядок, туалеты.

Впервые в истории города 1 февраля 1913 года демонстрировалась кинематографическая картина «Виды Ново-Николаевска», снятая Ф. Ф. Махотиным. В ней запечатлены крестный ход и жизнь на Николаевском проспекте, зрители, выходящие 25 и 27 января с дневного сеанса в театре Махотина. 12 февраля 1913 года газета «Сибирская Новь» так отрецензировала махотинский дебют: «*Первая кинематографическая картина местной работы имела большой успех у публики. Вместо набившей оскомину иностранщины перед взорами обывателя на экране промелькнули знакомые уголки родного города, оживлённые праздничным движением. Владельцы Томских театров заинтересовались картиной, обратились к Махотину с просьбой о прокате, но последний, признавая несовершенство исполнения, которое он в будущем надеется устранить, отказал*».

В феврале 1913 года Махотин снял вторую серию «Видов города Ново-Николаевска», затем «Ново-Николаевские юбилейные торжества дома Романовых», «Масленица в Ново-Николаевске», «Прогулка на пароходе», «Кормилец», «От Ново-Николаевска до Бердска». После этого он откликнулся на

заявку из Томска, там сняты две серии ленты: «Виды и события города Томска».

Приобретя операторскую сноровку, Махотин в апреле 1914 года снимает «Гимнастический праздник реального училища» и показывает его вечером в день съёмки.

С весны 1914 года хроникальные выпуски Махотина становятся регулярными (раз, иногда два раза в месяц) и подрастают в метраже. Обычно это два сюжета о наиболее примечательных событиях, происшедших в городе: «Путешественник вокруг света Фердинанд Лейбвин в Ново-Николаевске» и «Похороны первого городского старосты Ивана Сурикова», «Пребывание в Ново-Николаевске Московского митрополита Макария» и «Путешественная прогулка на пароходе «Гуллет», «Полёты авиатора Седого на «Фармане» и «Бега и скачки с ипподрома».

Все эти выпуски выходили под единой рубрикой «Ново-Николаевская хроника». Вот когда было положено начало киножурналу города. Жаль, что эта идея не получила развития в дальнейшем. В советский период первый номер киножурнала «Сибирь на экране» вышел только 17 июля 1928 года. Киножурнал города так и не появился, а Махотин – один смог.

В мае 1914 года Махотин снял «Первый пожарный съезд и выставка в городе Томске». Его фильмы завоевали симпатии и уважение большинства зрителей города. В связи с начавшейся войной поставка пленки и прочих материалов прекратилась. На оставшихся запасах Махотину удалось провести лишь несколько съёмок: «Торжественное молебствование о ниспослании победы русскому воинству», «Манифестация в ознаменование взятия Львова и Галича», «Торжественный парад 41-го Сибирского полка», «Сбор белья в пользу воинов», «Торжественная закладка Дома инвалидов». Последняя дооктябрьская лента, снятая Махотиным, называлась «Великий праздник революции в г. Ново-Николаевске, снимки с натуры воспроизведены в день 1917 года марта 27».

В Ново-Николаевске Ф. Ф. Махотин активно включается в общественную жизнь города и играет в нём заметную роль. Он никогда не оставался в стороне от тех событий, которые разворачивались в городе. 4 ноября 1909 года он входит в число учредителей общества попечения о народном образовании, устраивает регулярные детские сеансы, ежемесячно проводит благотворительные сеансы, сборы с которых идут на школьные и приютские нужды, вносит личные средства на содержание дома инвалидов, общества увековечения памяти героев мировой войны, на создание площадок для малоимущих семей, на реализацию замысла общества попечения – сооружение Народного дома (его строительству помешала война).

Ф.Ф. Махотин с помощниками на крыше своего кинотеатра выбирает точку съемки во время праздника революции в Новониколевске. 27 ноября 1917 г.

Общество попечения выходило далеко за рамки школьного шефства и становилось, по существу, неофициальным центром культурно-просветительской деятельности. Здесь проводились лекции и выставки, существовали бесплатные библиотеки и приюты, школы для взрослых и курсы по разным профессиям. Махотин стал в обществе одним из активных исполнителей его инициатив и начинаний. В театре Махотина проводились лекции, репертуар формировался с учётом познавательных и образовательных целей, а также подбирались фильмы, отвечающие насущным нуждам горожан. К примеру, март 1911 года: городу грозит эпидемия – на экран выходит картина «Научное исследование чумы»; июль 1910 года: в городе нехватка рабочих мест, общество попечения решает открыть

курсы ткачей – на экране хлопчатобумажное производство и т. д. За усердие и помощь в деятельности общества попечения о народном образовании Ф. Ф. Махотин избран почётным членом общества. Большое внимание, которое он уделял работе с детьми, было высоко оценено Западно-Сибирским учебным округом. В 1911 году Ф. Ф. Махотин утверждён почётным блюстителем приходского училища, а 1 октября 1913 года – почётным попечителем Новониколаевского женского высшего начального училища, 15 октября 1913 года – почётным попечителем мужского высшего начального училища.

Городское начальное училище. 1912–1913 гг.

6 мая 1913 года состоялось публичное открытие Ново-Николаевского отдела Петербургского общества «Изучение Сибири и улучшение её быта». Отдел ставил задачу «возбудить интерес к познанию края, исследовать его историю». Махотин активно подключился к работе отдела общества. Он многое видел, многое знал и умел, занимаясь кинодокументалистикой.

После Октябрьской революции махотинский театр назван «Народным электротеатром». В период власти колчаковцев театр был возвращён Махотину. С восстановлением советской власти кинопроизводство и прокат фильмов национализировали в соответствии с декретом Совнаркома от 27 августа 1919 года.

Ф. Ф. Махотин как опытный организатор и профессиональный кинооператор был направлен на службу в караульный полк заведующим клубом студии Политпросвета в эвакопункте. В целях урегулирования кинодела в сентябре 1920 года организован «Сибирский фотокиноотдел Сибполитпросвета», которому специальным постановлением Сибревкома передано имущество бывших кинофирм. 19 декабря 1921 года Махотин назначен заведующим кинолабораторией при Губфото Кино.

5 сентября 1922 года постановлением Сибревкома в Ново-Николаевске создан Сибирский фотокинокомбинат, работавший на хозрасчете. К нему перешло монопольное право проката кинофильмов в Сибири, эксплуатации кинотеатров, находящихся в распоряжении Сибполитпросвета, и организация кинопроизводства. В это же время проводится формирование аппарата и создание структуры управления «Сибфотокино», поэтому идут частые перестановки кадров. 21 марта 1923 года Ф. Ф. Махотин освобождается от заведывания кинолабораторией, а 30 марта назначается заведующим экспедиции. В то же время он остаётся управляющим кинотеатрами «Гигант» и «Художественный» в Ново-Николаевске. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, он справляется с тем и другим, попутно проводя ещё и несколько киносъёмок; в частности, по просьбе губкома комсомола он снимал 2 сентября 1923 года праздничную демонстрацию и карнавал молодёжи. 6 сентября по просьбе Политуправления Западно-Сибирского военного округа Махотин направляется в его распоряжение.

11 декабря 1923 года по приказу Сибгоскино Ф. Ф. Махотин (управляющий театрами) увольняется ввиду сокращения штатов с выдачей ему законной компенсации. 14 декабря 1923 года Ф. Ф. Махотин умер от туберкулёза лёгких в возрасте 53 лет.

Его жизнь – это ещё один пример неистребимого стремления человека к разуму и свету, справедливости и красоте. Его жизненный опыт в сочетании с природными способностями, талантом предпринимателя, честностью и порядочностью, общественной активностью помогали Федоту Фадеевичу Махотину вести дело просветительства в любых условиях, которые пришлось пережить. Ему по праву принадлежит место в ряду достопамятных людей Новосибирска.

Иван Цыплаков

Болотнинский район

Дамба

Осталась у меня на земле одна радость – родина моя, говорят, малая, а я не соглашусь, ну какая же она малая, если даже после смерти, её только и люблю.

Все уже забыли, что до того, как начаться изысканиям Николая Меженинова, где пройти-пролечь железной дороге, а по-прежнему «чугунке» – так она в народе называлась, были до того времени изыскания военных топографов Военно-топографического отдела Западно-Сибирского военного округа, основанного еще в 1867 году. Откуда знаю? Работал я в том отделе, числился в экспедициях и коновозом, и шурфы копал, а однажды поваром подвизался. Ничё, хорошо готовил, никто не обгадился за весь изыскательский сезон, а было это в 1870 году.

Через двадцать лет вслед за военными топографами, как бы по второму кругу, поручили исследовать нашу местность Николаю Павловичу Меженинову. Я и в его экспедиции поработал, и как самый опытный и трезвый человек – был на разных работах, но от поварского дела отказывался, уж очень это хлопотное дело спирт от мужиков прятать.

Прошел я вновь по Средне-Сибирскому пути, по реке Болотной, на этом месте задержались, тут-то и было принято решение ставить железнодорожную станцию, но не в самом селе Болотнинском, а восточнее, как раз напротив намеченной у реки Болотной дамбы, откуда и запланировали качать воду чистую и в достатке. И площадь впадины и обилие родникового и паводкового водосбора позволяли надеяться на стабильный уровень воды в будущем водохранилище.

А думаете, кто подсказал? Да, правильно, потому и они не дураки, сразу поняли мысль мою, но мне полегче догадаться было запруду здесь сделать, потому как я всякую тут пумпочку помню, бугорок всякий, дерево любое, одно условие сказал – Бор не трогать, потому как такой красоты больше нигде нету. И без упрёка должен отметить, и в прежние времена, да и нынче к Бору реликтовому отношение у людей бережное, ни одна рука не поднялась на дерево живое, даже во время войны с фашистами охраняли лес милицией и следили, чтобы на топку только сухостой да ветки собирали.

И уже в конце того века началось строительство железной дороги от стан-

Водонасосная станция (водокачка)

ции Обь до самого Красноярска – везде и сразу. Ох и грохоту было, движуха, как нынче молодёжь говорит.

Уже в 1895 году почитай вокзал станции Болотная к завершению шёл, а что там за вокзал-то – барак огромный, ну с вензелями на фасаде, башенки – а, для деревни и так сойдёт. Не понравился мне вокзал, благо через сорок лет его увезли к чёрту, по брёвнышку раскатали, а на его месте каменный поставили, наконец-то красоту навели.

А еще до вокзала, на пару лет ранее, затеялись с дамбой через речку Болотную. Вот тогда мне, за особые в исследовательских делах заслуги, определили пост наблюдателя за работами, в подчинение двух десятников дали. Стали мы землю возить с двух сторон, по правому берегу понятно – вон какой бугор высоченный, но не весь пригоден был, поскольку часть склона родниками сочилась. Не поверишь, родник на роднике, струйками из глины вытекают, живые, чистые, как детки малые, и по склону вниз, к реке, к мамке, значит.

А по левой стороне стали брать ниже по течению, потому что выше Бор стоял. Десять подвод по левому берегу землю на дамбу возят, десять – по правому. Работы велись, конечно, под приглядом инженеров. А те молодые, задорные и воспитанные. Это мы вечно рты поразявили, а они нет, всё с толком и по бумажке. Бегают вдоль плотины будущей, колышки велят вбивать где укажут, поглядят-померяют в прибор затейливый и опять побежали колышки переставлять и спорят, но интеллигентно, без матюков и мордобоя, но громко.

Вот мы возим землю, в одном месте грузят, а тут, значит, разгружают, и одна подвода за другой – любо-дорого посмотреть. А подводы все из деревень, роптать мужики начали, мол, лошадей загоним, но я-то знаю, что лукавят. А потом, как получка случилась, посчитали они гроши и с другим настроением работать принялись. Я следил, чтобы лошадь не простаивала и чтобы не обидели кого, десятников держал в узде, а то по харе, бывало, врежешь. Кулак-то у меня работящий, натруженный, пару зубьев сразу выносил. Не крали у рабочего класса, не позволял.

Лошадёнку мне выделили, хорошую, смирную. А жара в то лето случилась просто страсть какая лютая, невыносимо работать. Уже без сапог, чуть не в исподнем, обдашь себя водой, ведра два выльешь на голову, охлынёшься и опять в пекло закипать идёшь. Но хорошо иное, земляные работы в слякоть делать не с руки, скорбно в грязи возиться. И комар, вот, ни комара, ни мошки, только овод изредка с дуру ударит лошаденку по крупу, та махнет хвостиком, и опять благодать. С того года и возненавидел я жару, а особливо зной. И думаю, как они там, на югах, живут-маются.

Обед. Бабы все те же деревенские или из Болотной, варят тут же на печах из кирпича, солидно, печи с плитой чугунной. Под навесами от дождя и пекла – столы из плах и скамейки. Обед, по рельсе как дашь, аж косынки у девок с голов срывает, значит, обед. Спиртного ни-ни, у одного ухаря увидел и об рельс бутылём, у того аж слезу вышибло. А я ему, мол, сукин сын, в следующий раз штраф назначу. И всё.

А сам я в Бор уходил, к сосне древней, что на взгорке. Подойдёшь к дереву, обнимешь ствол необъятный, а кора солнцем и теплом пахнет. Тенёк кругом, солнце к обеду к Павинскому мосту утекает, за лесом не видать его.

Сяду прям на корневище у ствола, где хан Али любил сидеть, огляну простор и стройку великую и представлю, как плещется огромный пруд, а в нём рыба всякая, хочешь – неводом тяни, а хочешь – ведром черпай. И думу думаю: и за что человеку такую благодать Бог дал, а потом вспомнишь жизнь людскую, и напротив мыслишь, почему у людей жизнь такая неустроенная, почему Бог попустил? Но то знать нам не велено. Да, не велено, коль сами дураки. Закрою глаза, придремлю, и так потом вставать не хочется, так и жил бы здесь где-нибудь под корневищем, будто медведь какой.

А больше спорили инженеры из-за уреза, мол, одни говорят, что мокрый откос надо в пруд вести, а другие, что стену бетонную ставить – дешевле будет, потому как на один метр дамбы надо шесть метров в воду откос отсыпать. А дамбу спроектировали на три метра выше уровня воды, вот и выходило, что отсыпать в сторону воды надо склон восемнадцати метров. Чуть не дрались, но экономнее, конечно, было стену бетонную со стороны воды поставить. Поставили, а лет через тридцать поняли, что выгода была временная, бетон потрескался, волны выбили щели и начали точить дамбу. И щебень на дамбу в ямы возить, и камни кидать начали в воду, чтобы волны резали, да смягчали удары волн, а дамба-то с подветренной стороны, ветра у нас юго-западные, как погонит волну от самого Павинского моста, версты две будет. И к концу пруда огромные крутые волны, будто бычьи лбы, с боевым рыком налетали на бетонное препятствие, от удара рассыпались, взметнувшись вверх, а яростный ветер, будто ножом, срезал пенные брызги и перекидывал через дамбу. Какой бетон такое выдержит! Вода – сила страшная.

Русло речки Болотной почитай посередь дамбы проходило. Инженеры по плану своему новое русло копать велели, прижать его надо было к правому берегу. А землю лишнюю – всё на дамбу сыпали. Прокопали русло новое, у шандор огромную яму для обустройства водозабора. Сам водозабор камнями заложили, чтобы вода текла, а рыба не попадала в насосы. От водозабора две трубы закопали по двадцать пять сантимов каждая, под дорогой они идут прямиком к насосной станции. Самотёком всё течёт, в насосную втекает, а там в желоб бетонный, из которого насосы её по трём трубам к железной дороге гонят, прямиком в красную водонапорную башню. Что всосать не успевают, обратно в реку Болотную возвращается и всё самотёком. Вот как умно сделали.

Потом мост над новым руслом навели, под ним шандоры устроили, рельс справа и слева, а в их прорезь – плахи. Старое-то русло уже дамбой перекрыли, а на новом русле шандоры стенкой встали и наткнулась река наша Болотная, закрутилась, запенилась, да куда денешься, за месяц наполнила полную чашу пруда и поверх шандорных плах водопадом пошла, а там в кусты да в кочки родные спряталась.

Вот так, голубчик, было, за лето всю дамбу отсыпали, наполнили пруд доверху, построили водокачающую станцию. Паровозы скоро загудели, воды просят, а вода – вот она, сколько хочешь. Казарма с солдатами тут же, у плотины, охраняют водокачку, потому как объект стратегически важный, от него дорога зависит, без нашей воды дорога не повезёт, а она ехать должна.

Уехали инженеры и выяснилось вдруг, что вдовы да молодки деток ждут. И ведь нарожали, их так и прозвали инженерные дети. А и хорошо. Дети это всегда хорошо. Распутство – плохо, а дети хорошо. Вот во всем так: в хорошем есть плохое, а в плохом – хорошее. Вот и разберись ты в этой жизни. Я долго жил, не один век, а ничё так и не понял – почему Бог попустил, а человек не устроил.

Столыпин

Вот ты кочевряжишься, думаешь, и что там дед Арефа может рассказать-поведать, а я тебе скажу так – многое. Вот, к примеру, ты знаешь, что летом в самом что ни есть 1910 году в нашу Болотную сам Пётр Аркадьевич Столыпин приезжал? Вот, нос задираешь, а сам ничего не знаешь.

А дело было так. Поехал, значит, Пётр Аркадьевич инспектировать Сибирь, проверить, как там чиновники и

П.А. Столыпин

прочий служивый народ делом занят. Едет себе, едет, к губернатору в Томск направляется, а по дороге станция Болотная. Паровоз чёрный, от лоску блестит, и четыре вагона за ним, а третий особый – бронированный, с апартаментами царскими. Там и столовая, и кухня с посудою, разумеется, по нужде место есть и ванная с водой горячей. А откуда в вагоне вода горячая? Правильно, от титана. Никто его, этот вагон бронированный, средь других не различит, а я могу, потому как в ту пору осмотрщиком вагонов работал и был за правильное мышление и добрые навыки определён на осмотр состава поезда самого министра правительства Столыпина. Впрочем, мне Егор Потапыча дали в помощники, он местный пристав, видимо, чтобы диверсий каких не случилось.

Пропыхтелся паровоз, отцепился и за водичкой по рельсам уплыл, а я с Потапычем ходовую часть осматриваю. А сам думаю, вот, Столыпин по Сибири ревизию наводит, а я его вагон ревизую. Идём мы вдоль вагонов, молоточком стук, а звон должен быть как у колокола-подголоска – тонюсенький и непрерывный, значит, трещин или иных каких вредительств нет. Потом крышку буксы крючочком открыл, уровень масла проверил, по надобности из маслёнки ливанул и дальше идёшь, а сам всё видишь, как оно там вся ходовая часть настроена. С одной стороны прошли, на перрон забрались и дальше стук да бряк. А тут это и случилось. Вдруг дверь вагона открывается, и слышу я голос:

– Пётр Аркадьевич, не планировали мы на этой станции прогулку совершать!

Выходит на перрон мужчина высокий и лысый – он – сам Столыпин, а за ним Кривошеин главноуправляющий по земле всей Российской. Что это Кривошеин, это я после узнал, а так смотрю – барин, сытый такой, холёный. Из соседнего вагона охрана хлынула, саблями гремят, Столыпина в плотное кольцо взяли.

– Нельзя вам, – причитает Кривошеин, – опасно Пётр Аркадьевич.

А и то верно, к тому году на Столыпина уже десять покушений было. Я хоть и в Болотном живу, а что они там творят-ладят, из газетки «Народная летопись» знаю.

А Столыпин стоит, эдакий орёл, высоченный – вылитый Император, не зря Николашка – царь наш – нервничал – ни того ума, ни того росту.

– Да не пойду я никуда, – махнул Столыпин рукой, – здесь постою, ноги разомну. Что за станция?

К нему кинулись разом волостной старшина и начальник станции, а Столыпин, как увидел их холуйский прыжок, так рукой махнул в сторону, мол, уйдите с глаз долой, и ко мне поворачивается.

– Скажи-ка, любезный, как станция называется?

– Болотная! – встал я во фронт и руки по швам, а в правой молоток на длинной ручке, а в левой – маслёнка с носиком гусиным. И вдруг кто-то сзади у меня молоток хвать, и маслёнку тоже отобрал.

Я обернулся, говорю офицеру:

– Верни струмент, я за него в отчёте, а тебе без надобности! Да ещё измажешься ненароком, – а тут и понимаю всё, и такой на меня смех напал, ну и Пётр Аркадьевич вместе со мной засмеялся.

– Не обижайся на них, – говорит мне Пётр Аркадьевич. – Скажи лучше, как вы тут в вашей Болотной живёте? – И смотрит на меня эдак внимательно.

– Хорошо живём, спокойно, вашими молитвами, Пётр Аркадьевич!

– Моими, говоришь, молитвами, ну что, Александр Васильевич, если дерзит, значит, не врёт. Кто врёт – тот холуйствует. – И опять ко мне повернулся, – откуда сам-то?

– Здешний я, болотнинский.

– Это понятно, родом откуда?

– А, местный я, всегда здесь жил, уж и не помню сколько, но очень давно. Ещё до великого мора.

– Ты смотри что, – удивился Столыпин. – А Чингисхана помнишь?

– Нет, ваше благородие, сыну его Ибаку – хану Большой Орды, когда

дань везли, я проводником был, да меня шатун помял, так и не повидался с ним.

– Прямо-таки шатун? – не поверил Столыпин.

– Как есть шатун, ваше благородие, я таких крупных более не видел, – я снял форменную фуражку: от самого темечка по затылку шли три бурундучьи полосы, оставленные когтями зверя. На них никогда не росли волосы.

– Ты смотри-ка! – опять удивился Столыпин.

– А Кучума я видел, но издалека, а с его старшим сыном достопочтенным ханом Али разговор имел. Хороший юноша, он на лечении у нас состоял.

– На лечении, говоришь… его что, тоже медведь помял? Велики чудеса твои, Господи! – Пётр Аркадьевич перекрестился и все, кто слышал, грохнули единым смехом.

– Как звать тебя, любезный?

– Арефий я.

– Работай, Арефий, не будем тебе мешать. А байки складывать ты хорошо умеешь! И послушайте, ведь все имена знает! А если и работает так же складно, как врёт, то цены такому нет.

– Лжец не достоин памяти потомков, – сказал мне хан Али. – Я не лгу, ваше высокоблагородие. Завтра кому скажу, что с самим Петром Аркадьевичем Столыпиным беседу вел, мне не поверят. Скажут уверенно, что лгун я отменный. Не так ли, Пётр Аркадьевич?

Министр задумался, и тишина наступила, даже охрана саблями греметь перестала.

– А ведь молодец, сукин ты сын, Арефий, а! А как точно подметил! А что ещё сказал хан Али?

– Он сказал, что лгут только трусы и предатели своего народа.

– Вот! – тряхнул кулаком Столыпин. – Вот это должен знать и помнить денно и нощно всякий член Государственной Думы! Вот именно! «Лгут трусы и предатели» – как это верно. Изолгались господа наши, только мошну свою неуемную набить да гордыню потешить. Не то что Родину продадут – мать по миру пустят! Вот так, Александр Васильевич, я начинаю верить в реинкарнацию. А ты хотел, чтобы я в вагоне сидел, а я тут, в Болотной, чуть ли не с Христом встретился. Прощай, Арефий, не будем больше тебе мешать, – и прочь пошёл, за ним все.

– А пойдём-ка, брат, – услышал я, как Столыпин Кривошеину говорит, – глянем за кулисы. Я, понимаешь ли, заядлым театралом стал, люблю за кулисы заглядывать.

И пошли они всею оравою за вокзал, в самую Болотную, ну, думаю, наконец-то дороги отремонтируют, а то с перрону и прямиком в грязь. Вон как получается, без моего догляду – вагон не пойдёт, а без его догляду – в грязи утонем.

А потом начальник станции меня с вестовым зазвал, и червонец даёт, и говорит, мол, от Столыпина благодарность. А сам я вижу, что недоволен начальник станции, что не с ним, а со мной Столыпин разговор затеял. Долго я эти деньги хранил, а потом добротный тулупчик у знакомого крестьянина сосватал, как раз за десять рублей. А Столыпина всё-таки убили, застрелили в театре, в Киеве, стрельнули и попали. Жаль мужика, хороший был человек, у меня глаз на хороших людей зрячий.

Перрон на ст. Болотая, на который выходил П.А. Столыпин

Дикость

Ну, как ты понял, до самого 1816 года села Болотнинского даже в мыслях ни у кого не было. А как француза побили, нюх лягушатнику прочистили да сами слегка очухались, Царь-батюшка, Император Александр I озаботился устроить наше село.

Не было железной дороги, но село уже появилось, и строились дома по одну и другую строну Московского тракта, а место для кладбища определили недалеко от села, тут же, за огородами. И кто бы знал, что железная дорога пройдет по огородам – ровно между селом и кладбищем. Считай, восемьдесят лет на этом месте людей хоронили. Все первые жители Болотной на нём покоятся. Провели-разделили, а позже железнодорожные власти, эти самые кладбищенские земли выкупили и недолго думая, но с расчётом, построили Кондукторский резерв – двухэтажное здание аж с тремя входами, в котором всё поместилось: и контора, и столовая, и магазин, и склад, откуда одежда и фонари кондукторам выдавали, и даже душевая была, доселе в Болотной невиданная вещь – без пару-жару мылся трудовой железнодорожный люд.

А кондуктор – это человек, и было их два вида, первый – главный кондуктор в грузовом составе, он ездил на тормозной площадке второго от паровоза вагона, а был ещё и старший кондуктор, тот ездил на тормозной площадке последнего вагона. И следили они за порядком, и чтоб аварию не допустить. И в мороз, но в тулупах, и в жару, все в пыли – ездили по свету, а если что, фонарём сигнал машинисту подавали. Если по кругу фонарём крутит, то, значит, тормози – лихо пришло.

Для болотнинских покойников новое просторное место определили – с западной стороны, около железнодорожного переезда и стало оно самым большим и вторым по счёту.

Прошли годы, лет пятьдесят, и задумалось железнодорожное начальство, а что это у нас большая часть старого кладбища пустует. И приняли решение жилой городок на том месте строить.

Ставили дома двухэтажные, четырёхквартирные прямо на старых могилках, и в каком году дом строился, тот номер ему и приписывали, а номера там по ряду 44, 45, 46, 47 и 51. Сортиры четырёхочковые у каждого дома заботливо поставили. А как же, куда-то жильцам гадить-то надо. И до сего дня, кто если погреб копает, где косточку, где череп обнаружит…

Время шло, наше село резко начало строиться по Московскому тракту в сторону вокзала всё дальше и дальше от западного кладбища. И власти решили третье кладбище организовать, чтобы покойника по пять верст через всю Болотную не таскать. Кто в какой стороне помер, тот на ближнем кладбище и покой находил. Умно.

Московский тракт искривили, чтобы для железнодорожного хозяйства место появилось. Но при строительстве Московской-угловой чуть было третье восточное кладбище не зацепили, но удержались и стороной прошли.

К тому времени уже и дома ставили ровные, добротные, а купеческие – те и вовсе двухэтажные, да с резными наличниками, да с воротами из толстого листвяка, во дворах конюшня, и опять же флигелёчек для прислуги – всё чинчинарём, прям по-барски, по доходу и расход.

Растет Болотная не по дням, а по часам, грузопоток увеличился, крестьяне ожили, кустарники о заводах задумались – хорошо. Росло село, будто на дрожжах, и третье восточное кладбище скоро средь домов оказалось. Нехорошо. Покойник, он должен сам по

себе жить, а человек сам по себе – раздельно. И кладбище закрыли. Решили пусть будет одно – западное, у переезда, не графья, покойника донесёте. И потянулись длинные процессии по Московской каждый день, село-то уже большое, как город выросло.

Прошли годы, и опять зачесалось у начальства, но уже городского, что место кладбищенское без дела стоит, пропадает. И решили на том кладбище школу соорудить. Дело-то благородное, о будущем думать надо – так решили и построили двухэтажную, деревянную. Некоторые могилки под школу ушли, а прочие разровняли и будто не было их. Теплицу соорудили, спортплощадку. Стояла школа, кому двойки, а кому и пятёрки раздавала, да вдруг под самую ночь вспыхнула-загорелась.

Видел я тот пожар, на Линейной жил, со второго этажа всё видать было, да и проснулся-то от света яркого. Гореть начала с крыши – знать, спасти не удастся. Ну и понятно, что подожгли: или по злому умыслу, или по случайности, но школу сожгли начисто. И тут все вдруг вспомнили, что на костях школа покоилась. И пошло-поехало, мол, духи подожгли, бесчинства не выдержали. Но ничему нас жизнь не учит, и райком партии постановил дать бой мракобесию и новую школу, уже каменную, опять на том же месте построить. Пока новый фундамент копали, пацаны черепами играли-тешились, а обнаруженные кости куда-то потом свезли вместе с лишней землей.

В 1978 году в ночь на Ивана Купала решила наша болотнинская молодежь пошалить, собственно, так шалили каждый год. Как стемнело, прокрались на Западное кладбище, повыворачивали кресты и вдоль дороги и около остановки расставили. И в ближайшие дома кому в палисадник крест воткнули, кому у ворот оставили, чтобы хозяев повеселить-порадовать. Надоели эти шалости милиции и народу, и выловили вандалов. Руководил облавой товарищ мой – лейтенант молоденький Андрей Ведерников, он в ту пору возглавлял работу с несовершеннолетними преступниками. Родителей нашли, всех собрали и вот пошли строем на кладбище парни с крестами, да средь народа.

А солнце яркое, день прям радуется, а люди хмурые вдоль дороги стоят, молчат. А что говорить, на кого кричать, в кого плевать? В себя? В свое отражение?

С того раза будто что случилось с людьми, как прозрели, в тот же день пошли люди на кладбище прибираться, и кресты восстановили и мусор сожгли, очистились. А мой крест не вернулся. Да и могилка моя – чуть холмик видать, а зимой у всех ровно. Память и уважение не покойнику нужны, а вам, чтобы вы себя уважать научились.

Время было такое, что рушили кресты, вроде как можно – мракобесие, а теперь звёздочки с памятников сбивают. Дикость и то и другое. На границе между Здвинским и Куйбышевским районами могила лежит красным партизанам ещё со времен гражданской войны, более сотни ополченцев полегли от беляков. Так отпилили недавно тамошние умельцы звёздочку на памятнике и крестик прилепили. Вот это зачем? Вот чем тот администратор лучше болотнинских пацанов-вандалов? А в Колывани ещё дальше пошли, там монастырю земельку прирезали вместе с братской могилой, так ведь не удержались православные, сбили звёздочку и молчат. Вокруг памятника плотненько кустами обсадили, как землёй прикопали. Хотели люди звёздочку на место вернуть, ну куда там, монахини насмерть встали. И тут у меня вопрос: Как же тот священник, который монахинь благословил вандализм совершить, жить после

смерти собирается? Это как он Бога не боится или не верит, а потому и не боится. В администрацию люди обратились, а там такие же вандалы сидят. Вандалы-дикари! Первобытные люди, духовные получеловеки, недоделки – одним словом. Правильнее было бы собрать монахинь, попика впереди поставить, руководителей районной администрации к ним же пристроить, и прогнать по всей Колывани со звёздочкой, как в Болотном с крестами когда-то сделали, может, тогда в мозгах у людей что-то светлое мигнёт?

Для чего я это всё рассказал? А для того, чтобы ты узнал, что у слова дикость – в основе – кость – мёртвая основа, то есть то, что не обросло нравственной силой, или то, что стало трупом, который потерял эту силу духа, потому что дух покинул тело. Дикий – это грубый, костный человек, не образованный, не имеющий полноценного, то есть полного образа человеческого достоинства.

Как можно имея столь глубоко смысловой и образный язык, который сам и есть дорога к высокой культуре цивилизованного, то есть высоконравственного человека, как можно оставаться дикарём – символом первобытности, мощами кощея – сказочным символом недочеловека – имея такой глубокий и умный язык? Как смеем мы оставаться дикарями через столько лет испытаний, в которые спасало нас – людей, только проявление высоких нравственных чувств. А всякая дикость губила!

Доколе будем слышать слова и не понимать смысла их: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» или «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Всё это сказал великий Пушкин своему глухому до правды и совести народу двести лет назад. Сколько же горя вам ещё надо выхлебать, люди мои любезные, чтобы стать человеком добрым, честным, любящим. Какие слова и какой поэт ещё тебе должен сказать, чтобы ты понял: пока ты гадишь на могилы своих предков, плюешь на их жертвы, даровавшие тебе великую страну, презираешь их жизнь, дела и идеалы – ты недочеловек, ты – мёртвые мощи, на которых такие же нравственные мертвецы непременно построят свой новый дом и будут мучительно и долго умирать в нём – собственно, то что сейчас и происходит.

Дед Арефа

Новосибирск

Судьба Стефана Завадовского

Жизнь этого удивительного человека была яркой и недолгой.

Сибиряк по рождению, поляк по происхождению, музыкант по духу и образованию, выпускник Московской консерватории, социал-демократ по убеждению, революционер по действиям, организатор по призванию, он являлся основателем первой музыкальной школы и музыкально-драматического общества в городе, депутатом первого избранного после февральской революции городского народного собрания и главным комиссаром городской народной милиции.

Родился Стефан Николаевич Завадовский в 1886 году в заштатном городке Нарыме Томской губернии, в семье политических ссыльных. Его дед, участник Польского восстания 1863 года, в числе нескольких десятков поляков сослан в Нарым, в то время глухой гибельный край, затерянный среди беспредельных, дремучих болотисто-лесных пространств, о котором шла недобрая молва: «Бог создал рай, а чёрт – Нарымский край».

Многие из тех поляков умерли, другие бежали или уехали после отбытия срока ссылки, некоторые же, из числа предприимчивых, остались в Нарыме.

«Их внуки – Завадовский, Родюков и другие, – указывается в «Сибирской советской энциклопедии», – вели здесь торговлю, имели магазины колониальных товаров и, скупая у остяков и тунгусов пушнину, у местных крестьян – рыбу, мясо, кедровый орех, скупленное за бесценок отправляли в Томск и Тюмень, наживая большие прибыли». (Том 3, стб. 667)

Родители Стефана Завадовского принадлежали к той категории ссыльных польских повстанцев, которые

оставили о себе добрую память в Сибири. На его развитие благотворное влияние оказали не только близкое знакомство с бедным населением обширного края, но и жизнь и учёба в Томске.

Уже во время пребывания в гимназии (средняя общеобразовательная школа, срок обучения – 8 лет) у Завадовского проявился интерес к общественным делам. После знакомства с произведением Н. Г. Чернышевского «Что делать?» он стал называть себя «демократом». В Томске он познакомился с членами подпольного марксистского кружка и был активным его участником.

После окончания курса Томской духовной семинарии в 1906 году Завадовский был приглашен преподавателем в Новониколаевское частное мужское учебное заведение первого разряда, готовившее юношей для поступления в технические вузы. Оно существовало с октября 1906 года, в 1908-м было преобразовано в частное реальное училище, а с 1 июля 1910 года – в правительственное.

В Новониколаевске Завадовский вскоре сближается с местными социал-демократами. Служащий городской управы, видный деятель Обской группы РСДРП Б. А. Блюм писал, что в течение 1907 года наиболее активное участие в революционной работе принимали С. Завадовский, Н. Самойлович, А. Петухов, Н. Холкин, семья Шамшиных и др. В январе–феврале 1908 года С. Завадовский вошёл в состав Новониколаевского комитета РСДРП.

Знакомясь с партийными документами тех лет, сохранившимися в областном архиве, невольно обращаешь внимание на то, с каким глубоким уважением и симпатией люди относились к Стефану Завадовскому. В частности, учительница литературы железнодорожной школы К. С. Полянская, активная участница революционного движения в городе, вспоминала, что среди молодых революционеров он выделялся глубоким интересом к жизни, ко всему, с чем сталкивался. Он близко к сердцу принимал нужды и боль людей. По его инициативе была учреждена городская училищная комиссия, установлены связи с различными городскими предприятиями и организациями. Ему не раз приходилось бывать в разных перипетиях. В ночь на 6 августа 1912 года Стефан Завадовский вместе с группой товарищей арестован и отправлен в Томск.

После трёхмесячного тюремного заключения за недостаточностью вещественных доказательств его освободили.

Выйдя на свободу, Завадовский уезжает из Сибири, чтобы продолжить своё музыкальное образование.

Стефан Николаевич Завадовский

В 1915 году он оканчивает Московскую консерваторию и направляется в Уфимское музыкальное училище. Но казённая рутина, царившая в «императорских» училищах, его не устраивала. Он искал пути создания собственной школы, чтобы иметь возможность привнести в дело музыкального образования больше свободного искусства.

И как истый сибиряк он стремился приложить свои знания только в Сибири. Возвратившись в Новониколаевск, он вновь устраивается преподавателем в реальное училище им. Дома Романовых.

1 сентября 1916 года Стефан Завадовский открывает свою частную музыкальную школу. Для проведения занятий он арендует просторный деревянный дом по ул. Кузнецкой, при-

Реальное училище имени Дома Романовых. 1913–1916 гг.

надлежащий семье домовладельца И. Т. Сурикова.

Кроме специальных курсов игры на фортепиано, скрипке, виолончели и других оркестровых инструментах, в школе изучались история и теория музыки, хоровое пение и ряд других дисциплин.

Создание школы явилось огромным событием в культурной жизни города. Школа положила начало систематическому распространению музыкальной грамоты, более широкой пропаганде музыкальных знаний. Уже в конце сентября 1916 года преподаватели школы дали большой концерт, на котором исполнялись произведения Бородина, Чайковского, Шопена, Грига, Крейцера и других композиторов.

4 сентября того же года в городе начала действовать подготовительная музыкальная школа Я. Ч. Свентержецкой. А 5 февраля 1917 года в зале городского корпуса ученики музыкальной школы свободного художника С. Н. Завадовского дали первый публичный концерт.

Кабинетская (Советская) улица. Фото 1910-х гг.

В это же время по инициативе С. Н. Завадовского создаётся городское музыкально-драматическое общество. В состав его учредителей вошло 19 человек. Разработан Устав общества, заботой которого стало «содействие музыкальному образованию и способствование развитию всех отраслей музыкально-драматического искусства в городе».

В концерте, который в феврале 1917 года дали в городском торговом корпусе, исполнены такие серьёзные произведения, как «Пер Гюнт» Грига и «Вильгельм Телль» Россини.

Попытки объединения местных музыкальных сил предпринимались и раньше. Первый любительский музыкально-драматический кружок, объединявший представителей немногочисленной интеллигенции – врачей, учителей, служащих, был образован ещё в 1902 году.

Оживление музыкальной деятельности приносит открытие реального училища, женской гимназии и перевод в город в 1912 году учительской семинарии из села Павловского, где проводились уроки музыки; появились первые профессиональные специалисты. Они вели пропаганду классических музыкальных образцов (камерных и симфонических), ставили оперные отрывки, а иногда и целые оперы.

Кстати, в апреле 1912 года полиция приостановила деятельность музыкально-драматического кружка за постановку пьесы Черешнева «Частное дело», отразившей действительное положение в российской школе, что вызвало недовольство директора реального училища Г. А. Бутовича, который возбудил дело против создателей спектакля.

В 1913 году при обществе приказчиков по инициативе Г. Е. Авксентьева создан первый в городе оркестр, в котором играли 25 балалаечников, скрипачей, свирельщиков и др. музыкантов. Позднее оркестр перешёл в ведение местного общества попечения о народном образовании.

В составе оркестра получили музыкальную подготовку свыше 200 человек.

В городе работала театральная труппа, выросшая из самодеятельного драматического кружка. Её возглавил артист Г. А. Соколов. Труппа не имела своей сцены и выступала в различных помещениях. Весной 1916 года городская управа передала в её распоряжение летний театр в саду «Альгамбра».

Однако систематическая музыкальная деятельность начинается лишь с открытием музыкальной школы. В это время возникают кружки: хоровые, русских народных инструментов, оркестры симфонического типа.

Организация школы далась С. Н. Завадовскому нелегко. Целиком ушедший в неё, полный сил и желания поставить любимое дело на должную высоту, совершенно бескорыстно, он был, по существу, одинок. И как отмечали его современники – отсутствие надёжных помощников, также преданных делу, как он сам, делало его работу подчас слишком тяжёлой.

С половины учебного года он стал подготавливать почву для передачи школы в какую-либо общественную организацию, так как частная фирма «Завадовский» тяготила его как по принципиальным соображениям, так и по практическим. Об этом он думал и раньше, но отсутствие в городе каких бы то ни было организаций служило препятствием. Попытка привлечь к этому городскую Думу также не имела успеха.

В самый разгар работы по организации музыкально-драматического общества, которое могло бы взять на себя музыкальную школу, грянула революция. И тут все его общественные устремления, жажда общественной работы неожиданно получили широкий простор и властно позвали в первые ряды борцов за свободу и устройство новой жизни.

На первом же заседании комитета общественного порядка и безопасности, избранного 3 марта 1917 года, С. Н. Завадовский назначается комиссаром почт и телеграфа. Но через три дня, когда встал вопрос о создании народной милиции и потребовался хороший и авторитетный организатор, выбор вновь пал на С. Н. Завадовского.

Наступил период, когда энтузиазма было больше, чем опыта и умения.

6 марта 1917 года комитет общественного порядка и безопасности освобождает С. Н. Завадовского от должности комиссара почт и телеграфа и назначает главным комиссаром городской народной милиции. Он принял это назначение как партийное поручение.

Новое дело стало содержанием его жизни. Он со всей свойственной его художественной натуре увлечённостью отдался этому общественно необходимому делу и работал с необычайной энергией.

Форма полицмейстера

Форма полицейского надзирателя

Принципиально положение в городе в этот период не отличалось от общероссийского, но традиционная бесконтрольность сибирских чиновников и предпринимателей обуславливала здесь наибольший размах чиновничьего самодурства и насилия, деспотизма и произвола.

Каждый маленький чиновник мнил себя самодержцем, ставил всякие препятствия, чтобы показать свою значимость.

На плечи С. Н. Завадовского свалилась самая тяжёлая и ответственная работа по организации милиции и поддержанию порядка и безопасности в городе. И это произошло не потому, что он искал этой службы. Нет! Он не выбирал себе работу, а шёл туда, где нужна была помощь, он не разбирал, трудно или легко, а спрашивал только, где нужны его силы.

И это вполне понятно. В первые послереволюционные дни больше делали чувствами, нежели разумом.

При получении вести о свержении старого ненавистного режима, при первых словах свободы люди были так оглушены, что не сразу могли сориентироваться в создавшемся положении. К тому же различные политические прихвостни тянули город к безудержной демократии и произволу.

С. Н. Завадовский выступал за новый порядок вещей и стремился к его организации. Это можно проследить по

Работники милиции Сибирского участка г. Новониколаевска

его обращениям к населению, которые регулярно публиковались в газетах «Алтайское дело» и «Голос Сибири».

Вот несколько примеров.

17 марта 1917 года. О немедленном предоставлении в комиссариат аппаратов и всех принадлежностей винокурения. Предоставления добровольные не подлежат ответственности, а у которых будут обнаружены или будут замечены в продаже спиртных напитков, будут привлечены к ответственности.

23 марта 1917 года. Просьба к гражданам сообщить по своим участкам о различных взысканиях, произведенных бывшими полицейскими чинами в 1915–1917 годах, и о получении денег, выданных по временным распискам.

30 апреля 1917 года. Обращение к лицам, устраивающим платные публичные зрелища, представлять в Главный комиссариат (Асинкритовская, 51) о месте проведения зрелищ, дабы комиссариат мог своевременно направить человека для контроля за правилами взимания благотворительного сбора и налога.

С. Н. Завадовский призывал комиссариат милиции повысить внимание к реальным проблемам людей. Как истинный художник, он понимал и близко к сердцу принимал чужую радость и чужое горе. Это влекло к нему людей.

Народная мудрость гласит: «Разделённая радость – это удвоенная радость, а разделённая печаль – это половина печали».

Его общественная репутация, завоёванная многими необыкновенными поступками, великодушием и доброжелательностью, высокая образованность и культура повышали его авторитет и помогали решать многие задачи.

Он нёс в милицейскую среду новые настроения, новые методы работы, был организатором новых человеческих отношений. Рядом с ним люди становились лучше и добрее. У него имелось немало задумок и оптимистических прогнозов.

И вдруг 9 июня 1917 года в 4 часа дня за рабочим столом – неожиданная внезапная кончина. Врачи констатировали смерть от нервного переутомления. Это была утрата, омрачившая не только близких, но и всё городское общество.

На следующий день газеты сообщали, что народ глубоко потрясён случившимся, многие граждане плакали. В последний путь его провожал буквально весь город.

Во время шествия граждан церковное пение чередовалось с похоронным маршем и игрой военного оркестра. Похоронная процессия останавливалась около комитета общественного порядка и безопасности, комиссариата милиции, Совета рабочих и солдатских депутатов, у музыкальной школы. У часовни на проспекте после литии священник обратился с речью, в которой охарактеризовал Завадовского как видного общественного деятеля и яркую личность.

Стефан Николаевич не умел беречь себя и жил в напряжённом режиме, взвалив на себя массу дел.

Много раз друзья советовали ему поберечься, потому что нельзя было так расточительно относиться к своим силам и здоровью, но он каждый раз говорил: «Всё в порядке». Болея за судьбу революции, он не смог учесть своих собственных сил и сгорел в такой момент, когда его силы нужны были как никогда.

В свидетельствах современников перед нами встает обаятельный, целеустремленный человек, преданный делу до самопожертвования.

Секретарь Союза крестьянских товариществ Г. Сушкин вспоминал:

«Когда на первом заседании городского народного собрания 25 апреля

1917 года социал-демократическая фракция огласила декларацию о том, что она отказывается входить в исполнительные органы и снимает с себя ответственность за действия народного собрания, так как, ввиду своей малочисленности, лишена возможности оказывать на него какое-либо влияние (из 80 депутатов лишь 7 членов РСДРП и в их числе С. Завадовский), Стефан Николаевич с грустью заявил: «Значит и мне надо отказываться от комиссарства в милиции, а я, было, так сжился с ней…». Но мы его успокоили, что социал-демократы не дезорганизуют общественную работу, и он не должен уходить из милиции, пока ему не дадут достойного заместителя».

Здание на ул. Рабочей (Чаплыгина), где в 1922 г. находилось Управление милиции Новониколаевской губернии

Ему пришлось уйти значительно раньше и навсегда.

Вот ещё несколько строк из воспоминаний учителя женской гимназии, гласного городской Думы В. Н. Холкина:

«Стефан Николаевич, убеждённый социал-демократ, в первые же дни обновления России ни на минуту не задумался взять на себя тяжёлый и ответственный труд по реорганизации «авгиевых конюшен» старого строя, застенка царизма – полиции – в городскую народную милицию.

И он блестяще справился с этой задачей. Он сумел искоренить всё принятое наследие царизма, связанное с этим гнусным институтом, и на развалинах полиции, на том же самом месте заложил фундамент демократического учреждения – городской милиции».

Стефан Завадовский был пионером в этом деле, закладывал первый опыт народной милиции, самое главное – он не боялся ошибок, дерзал. Люди видели, что им двигало служение и долг, а не корысть и выгода.

Этот исторический факт появления в городе после февральской революции народной милиции был предан забвению.

Датой рождения городской милиции считается 17 декабря 1919 года, когда после взятия города Красной Армией Ново-Николаевским ревкомом образована городская рабоче-крестьянская советская милиция (РКСМ). Её начальником назначен Данненберг. В стране, как известно, рабоче-крестьянская милиция образована по декрету СНК РСФСР от 12 ноября 1917 года.

И всё же, истины ради, дату 6 марта 1917 года и имя первого главного комиссара городской народной милиции С. Н. Завадовского для истории надо восстановить.

Подвиги срока давности не имеют. Исторические события, чем они более удаляются во времени, тем становятся ярче и зримее.

За всю свою историю Новосибирску редко приходилось выражать всенародную скорбь и оплакивать своего достойного сына, прожившего короткую, но яркую жизнь длиною в тридцать один год. Люди, подобные ему, являются гордостью города. Будем помнить о них.

Погружённые в суету сегодняшнего дня мы не замечаем, как мимо нас проходят неповторимые лица, вынесшие немало испытаний во благо нашей малой родины.

Иван Цыплаков

Новосибирск

Первый

В летопись Новосибирска вписано немало биографий замечательных людей. Особое место занимают первостроители: они, зачинатели многих дел, и определили характер нашего города. Один из выдающихся деятелей новониколаевской эпохи – Николай Павлович Литвинов, удивительно энергичный, деятельный, предприимчивый человек. Судите сами:

– приехав с первым обозом строителей железнодорожного моста из Колывани 30 апреля 1893 года, Литви-

Н.П. Литвинов

нов-фельдшер организовал первую больницу для строителей-железнодорожников! Уже один этот факт достоин быть в летописи Новосибирска;

– организовал первый читальный зал на станции Обь (теперь станция Новосибирск-Главный);

– организовал информационное агентство для местных купцов и проезжающих, где всякий любопытствующий за умеренную плату мог узнать цены на тот или иной товар;

– активно участвовал в градообразующих мероприятиях. В частности, будучи в депутации из трёх представителей жителей Ново-Николаевска, был в Санкт-Петербурге и добился выделения земель из Кабинета его Величества на нужды города;

– открыл первый книжный магазин, который торговал и канцтоварами, и детскими игрушками – и всё это впервые!

Затем были:

– первая типография;

– первая газета «Народная летопись»;

– выпуск первого фотоальбома с видами Ново-Николаевска, посвящённого 10-й годовщине города;

– ещё два альбома к 20-ти и 30-летию города! Именно благодаря Литвинову мы можем сегодня ВИДЕТЬ, как рос и развивался наш город.

– Литвинов был избран в 1907 году городским старостою, но губернатор не утвердил его кандидатуру из-за того, что Литвинов первым установил по собственной воле, а не по требованию рабочих, 7,5-часовой рабочий день и ввел договорные отношения, где оговаривались как обязательства рабочего, так и работодателя.

Он построил первый курорт «Лебяжий» около Рубцовска на озере «Горькое», который в самом начале назывался «Сибирские Ессентуки», потому что лечебные свойства сибирского курорта ничем не уступали всемирно известным «Ессентукам».

Я приостановлюсь перечислять добрые дела, которые совершил этот человек для нашего города, для Родины, для нас с вами. Знаю, что убедил, – и не только в том, что он десять раз достоин быть в это книге, но достоин и мемориальной доски (которой до сих пор мы, «благодарные» горожане, не установили) на фасаде Областной научной библиотеки, которую, кстати, он, Литвинов, построил на свои средства.

Николай Павлович активно участвует в общественной жизни города:

– он помогает в организации общества содействия развитию образования;

– ему доверяют возглавить ново-николаевский отдел Петербургского общества по «изучению истории Сибири и улучшения её быта»;

– его избирают председателем комиссии по оценке недвижимости для

Первый фотоальбом с видами Ново-Николаевска, посвящённого 10-й годовщине города

определения первых участников в выборах руководства города.

Как общественный деятель Литвинов был непременным участником всех важнейших событий жизни города. Он входит в состав различных делегаций и комиссий, являясь членом многих обществ и советов. Вот как характеризует Литвинова исправник Попов в рапорте Томскому губернатору:

«Желательно назначение председателем комиссии Литвинова как лица хорошо осведомлённого с нуждами вновь образуемого города и постоянно ходатайствующего за жителей Ново-Николаевска в качестве их поверенного…»

Он начинает первым и добивается значительных успехов в различных сферах деловой и общественной жизни молодого города; его популярность и авторитет среди простых людей и в деловых кругах поразительны; его без преувеличения можно назвать любимцем города! Он и внешне был привлекателен: высок, статен, с пышной шевелюрой, благородное мужественное лицо, умные, чуть грустные глаза. Ему просто невозможно было остаться незамеченным.

Где бы Литвинов не появлялся, он сразу оказывался в центре внимания собравшихся – таковы были свойства не только его незаурядной внешности, но и деятельной натуры. Но вот странность: ко всем своим выше перечисленным начинаниям и предприятиям, едва они претворялись в жизнь, он скоро остывал, оставляя их без сожаления или передавая другим. Складывалось впечатление, что ему достаточно просто удовлетворить собственное любопытство. Другие продолжают начатое им и преуспевают, живут безбедно. Для Литвинова деньги не являются целью жизни или стимулом к действию, но они всегда у него были. Как-то уж очень легко всё у него получалось, чуть ли не по принципу: пришёл, увидел, победил. Но это только первое впечатление.

Недавно наш известный историк Иван Федорович Цыплаков выяснил, где Литвинов мог заработать средства, которые позволили ему построить здание типографии и купить очень дорогое во все времена типографское оборудование. Это случилось, когда Литвинов заведовал речным пароходством.

Типография Литвинова до 1909 г.

Но Литвинов только на первый взгляд романтик, удовлетворяющий своё любопытство к деловой жизни. Он покупает оборудование и строит типографию, деньги тратит все подчистую, берёт кредит и при всём безденежье страхует свою типографию на большую сумму. То есть на занятые деньги покупает страховой полис! Деловые друзья Литвинова удивлялись ему, но когда через три года, в 1909-м, деревянный Ново-Николаевск сгорел…

Пожар начался на улице Каинской, а она расположена не так далеко от типографии Литвинова, которая размещалась в самом начале улицы Кабинетской (теперь эта улица – Советская). Литвинов получил огромную страховку и тут же построил новую типографию, но не деревянную, а каменную! Вот так в нём удивительным образом сочета-

Типография Литвинова, 1920 г.

Книга издательства Литвинова

лись, казалось бы, несочетаемые качества – эмоциональная увлечённость и холодный расчёт.

Город рос и обустраивался быстро, буквально на глазах, потому что этому способствовали в основном приезжие – люди предприимчивые и честолюбивые, та поросль, которой трудно было пробиться к солнцу среди крепко сидевших на своих исконных местах томских, колыванских и барнаульских купцов, которые и поделили меж собой, выражаясь современным языком, все экономические ниши на тех промышленных площадях.

Эти люди – молодые, дерзкие, полные сил и энергии предприниматели – не боялись оставить обжитые, но истощённые и полуголодные земли российского нечерноземья и по призыву П. А. Столыпина приехали осваивать неведомую, но сказочно богатую Сибирь, прибыли в несуществующий пока город, чтобы построить его. И строительство велось удивительными темпами, на одной улице в соседях оказывались землянка, деревянный дом и кирпичная новостройка. В городе ещё не было дорог, но уже тревожили тишину клаксоны автомобилей, и в первом десятилетии существования города в нём уже проводились международные состязания по борьбе.

Николай Павлович горел работой, но не сгорал, а всегда помнил о прибыли. Романтик Литвинов не печатает в своей типографии ни одной «романтической» книжки, его деловой полиграфический интерес – это бланки бухотчетности, он тиражирует годовые отчёты и прочую мелочёвку, которая не требует особых затрат. Но сколь выгодна эта «мелочёвка»! И сегодня любой полиграфист мечтает о крупном и стабильном заказе бланков, например, для Западно-Сибирской железной дороги. В таком заказе и стабильный объём работы, и плановые взаиморасчёты, и предсказуемая и регулируемая прибыль! Но главное – объём! При котором себестоимость неустанно падает, а доходы всё растут и растут! Ай да Литвинов! Он первый осуществил мечту новосибирских коммерсантов – быть монополистом! Правда, компьютеризация скоро поубавила пыл современных полиграфистов, бланки в типографии уже не печатают, а перешли на электронный бумагооборот.

Но вот что интересно: при столь ярко выраженных способностях видеть рынок, обладая незаурядными качествами делового человека, он вдруг позволяет себе такую прихоть, как укороченный рабочий день для трудящихся типографии, как трудовой договор с рабочими. Он что, не догадывался, что этот «дурной пример» не понравится его друзьям, ново-николаевским буржуа? Он что, не думал, что эти новации будут раздражать власти?

Литвинов ступил на этот путь сознательно. Он не был революционером, но остро чувствовал социальную несправедливость. Вот строки из его письма Г. И. Жерновкову, датированного 12 октября 1918 года, которые напрочь отметают какие-либо попытки сделать из Литвинова революционера:

«Издательство для меня не было пустым делом, это было дело огромной важности, как известно, я охотно шёл об руку с Новицким, Бахметьевым и другими, пока они шли, «не стрелял в портрет». Революция выбила нас из колеи, народ шёл к гибели, сдержать его не в наших было силах, надо было посторониться, чтобы обрушившаяся лава миновала нас, – мы посторонились…»

Литвинов даже в критических ситуациях совершал точно просчитанные

поступки. Но вот удивительная строка в приведённом абзаце: «сдержать его не в наших было силах». Откуда вдруг такой поэтический слог? Думаю, потому что он говорит от души, а душа у него добрая, вчитайтесь в следующие строки того же письма:

«Но без дела нельзя было сидеть, жизнь коротка, любовь к Родине сильна, если это не фраза, а потому надо было применить где-то своё знание, свой опыт».

В этих словах и гражданская позиция Литвинова, и патриотизм, и человеколюбие, и смысл его жизни! В этих словах – основа, стержень, суть нашего героя, и не только его, но и многих и многих наших земляков-созидателей.

Литвинов – продукт удивительной романтической эпохи. Он щедро хлебнул от своей заботы о ближнем. Из его жалобы от 13 мая 1913 года председателю Совета Министров по поводу обыска типографии:

«Я способствовал средствами, временем и личным трудом развитию нашего города имени Его Величества, при моём ближайшем участии город Ново-Николаевск встал на верный путь, развивается и блестит, как лучший алмаз в короне Государя императора, мною выполнен долг по пребывании в армии во время Японской войны, наконец, косвенно, работая у книжного дела, я работал для просвещения Родины. Что же ещё надо в доказательство, что я гражданин своего отечества, что надо, чтобы отношение чиновников ко мне было справедливо вежливым?»

Помните, я говорил о честолюбии первостроителей Ново-Николаевска? Вышеприведённые слова только подтверждают мою гипотезу: «…как лучший алмаз в короне Государя императора…»

Ничего нет в архивах об отношении Литвинова и Церкви, но вот то, что он всю свою жизнь, невзирая на количество заработанных денег, действительно по-братски относился к окружающим людям, об этом говорит вся его энергичная и долгая жизнь.

Откуда в нём это обострённое чувство социальной несправедливости? Вот что мне видится из тех разрозненных документов и свидетельств о нём.

Николай Павлович родился в Пензе 16 апреля 1865 года в семье мещанина, видимо, весьма скромного достатка. Воспользуемся им же написанной автобиографией.

«До одиннадцати лет, отец, что называется, души во мне не чаял, одевал, холил и уговаривал: «учись, сынку». Отец – малоросс из Воронежской губернии. Одиннадцати лет он меня оставил на попечение матери, сойдя в могилу. Мать тоже говорила: «учись, Коля, без ученья плохо жить».

Он жадно учился и после фельдшерской школы поступил на работу под руководство опытного врача в инфекционное, а после в психиатрическое отделение. Как он сам пишет, «мы превратили «сумасшедший дом» в лечебницу, но я сам «изнервничался», устал, переутомился».

Александра Александровна Литвнова – первая жена Литвинова

Покровская церковь и приют «Ясли». Открытка типографии Литвинова. 1912 г.

Детство, юность, молодость – время становления личности. Он видит много людского горя, сам ведёт «жизнь трудную». Теперь, поработав и применив свои таланты, Литвинов становится «благородием», но он слишком совестлив, чтобы подняться над простыми людьми, и вместе с тем обладает достаточным благородством, чтобы не скатиться до уровня «грубого люда».

Думается мне, что трудно жилось Николаю Павловичу, он был одинок: он никогда не чувствовал себя своим среди рабочих, но и скучал в избранном обществе состоятельных людей.

Книга издательства Литвинова

После фельдшерской школы он и ещё три его товарища организовали коммуну помощи обездоленным и больным, для этого они купили 10 соток в селе Болотникове. Первое соприкосновение со свободомыслием познакомило Литвинова с жандармами, и, может быть, поэтому он более никогда не примыкал ни к одной из партий. Только в 1923 году из соображений самосохранения он подал заявление в партию большевиков – это факт неоспоримый, но мы не смогли найти подтверждения его партийной принадлежности ни в одном партийном архиве, а они-то у нас всегда содержались в порядке. Значит, хитрил.

Литвинов много хитрил. Он чувствовал время. В мае 1917 года он продает типографию «Закупсбыту», издание газеты «Свободная Сибирь» передаёт своим сотрудникам. Новому издательству Николай Павлович также передаёт договор с пенсионным капиталом в 2000 рублей, учреждённый для инвалидов-рабочих типографского дела. Вот как оценивал его поступок коллектив рабочих типографии:

«Гражданская доблесть этого дара особенно драгоценна, как завещание старого демократа, упорно горевавшего душой ещё в те ветхозаветные дни, когда удушливые газы самодержавия возбуждали против него незаслуженные нападки близоруких недорослей от демократии».

Сравните эти страстные строки «революционеров» со словами из обращения Литвинова к губернской власти. В одном случае слова благодарности смешаны с желчью и ненавистью, а в литвиновском обращении – искреннее негодование – с благородством. Одни употребляют слова: «удушливые газы», «близорукие недоросли» – другой: «лучший алмаз в короне», «гражданин своего отечества»…

Пришло новое время, пришли новые люди, и потому Литвинов занялся строительством лечебницы в Алтайском округе. С новыми людьми ему явно было не по пути.

В смутное время Николай Павлович начинает новостройку. Гражданская война уже лютовала по всей России, и Литвинов составляет, как потом сам с издёвкой писал, «кооперативный устав в стиле большевизма». Он делает всё, только бы стройка не сорвалась. В 1919 году Литвинов продаёт дом по улице Воронцовой 1 (ныне ул. Свердлова) и уезжает на Алтай, где все свои средства вкладывает в строительство курорта.

За всю свою многотрудную, энергичную жизнь в смутном и очень непростом времени, Литвинов ухитрился-таки никого не предать, и его не предали, когда арестовали в Рубцовске за «разбазаривание» средств! В те годы Николай Павлович увлечённо, невзирая на революцию, разруху и тиф, продолжал строить курорт. По навету был арестован и заключен в Змеиногорскую тюрьму. Все уездные врачи вдруг подняли такую тревогу, забили в такие колокола, что и Москва услышала и специальным решением трибунала обвинение было снято, а Литвинова освободили.

Приведу только одну выдержку из письма заведующего здравоохранением Уисполкома Яковлева:

«Работа Литвинова крайне необходима для народного здравоохранения. Принимая во внимание работоспособность, добросовестность и честное отношение к выполнению работы, выражаю полную уверенность в его полной политической благонадёжности и что вся работа, не говоря о постройке санатория, ведётся им в напряжённых условиях успешно и умело».

Этот феномен смелости уездных врачей 1922 года удивляет, как и тот факт, что в Рубцовской районной больнице есть музей Литвинова, где до сих пор хранят о Николае Павловиче добрую память.

Последующие годы Литвинов занимается организацией здравоохранения в Рубцовском уезде, осуществляет руководство всей противоэпидемической работой по ликвидации холеры и тифа. Затем возглавляет подотдел охраны материнства и младенчества в уездном Рубцовском отделе здравоохранения. Заведует курортной секцией, является заместителем заведующего уздравом и по совместительству продолжает руководить строительством.

С 1922 года ведёт активную работу с последствиями голода и детской беспризорностью, организовывает детские приюты. При его непосредственном участии организовано 9 приютов, в которых находилось 580 детей.

В 1924 году Литвинов назначен заведующим отделом здравоохранения.

И всё-таки о главном. О фотоальбомах с видами Ново-Николаевска. Много ли денег заработал Литвинов на этом альбоме? Думается мне, что мало, если вообще заработал. Фотоальбом – и сегодня дело дорогостоящее, что уж говорить про технологию подготовки фотографий в начале прошлого столетия.

Литвинову, как и другим ново-николаевцам, город был дорог, потому что он был построен ими, он был родным, и они не только любили его, но и гордились им. Выпущенная фотолетопись Ново-Николаевска, наверное, во многом подтверждает мою догадку: люди дела первых десятилетий нашего города были уверены, что строят город будущего! Город, который станет лидером среди российских городов. И он стал – третьим после Москвы и Санкт-Петербурга. Как они умели видеть так далеко вперёд! И ещё одно подтверждение этой версии – Красный проспект – главная артерия города. Он запроектирован таким широким, будто знали новониколаевцы, что наступит время, и помчатся по нему автомобили безудержным широким потоком. Они спасли нас от автомобильных пробок, в которых задыхается сегодня большинство городов.

В 1925 году Литвинов возвращается в Новониколаевск и поступает на работу в городскую клиническую больницу № 4. Ему шестьдесят лет, а молодой жене Ирине – 25, свою молодую жену он только что спас от тифа. И Литвинов вновь включается в общественную жизнь города. По его инициативе издаётся адресно-справочная книга на 1924–1925 год «Весь Ново-Николаевск». В ней содержатся очень ценные статистические и исторические сведения о развитии города за три десятилетия. Воистину Николая Павловича Литвинова можно без каких-либо натяжек назвать неутомимым летописцем Ново-Николаевска.

Николай Павлович становится живой историей города. В краеведческом музее сохранилась запись его выступления на заседании отдела Общества изучения Сибири в секции «История Новосибирска». В ней впервые указана дата приезда Литвинова в село Кривощёково вместе с первыми строителями моста, которые и положили начало рождению города – 30 апреля 1893 года.

Удивительные люди жили в нашем городе с первого дня его существования: молодые, энергичные, дерзкие, умные, расчётливые, смелые и немного романтичные. А разве другие смогли бы построить такой огромный город, каким мы видим Новосибирск сейчас?..

Литвинов прожил трудную жизнь ломки: становление его прошло при одном социальном строе, а жить и доживать пришлось в другом. Нам тоже пришлось. Как мы, оказывается, похожи! Но что удивительно – прожив бурную, интересную, непростую жизнь, невзирая ни на что Литвинов остался верен «любви к ближнему». Вот бы и нам с вами сегодня смочь, как когда-то Литвинов, невзирая на всю мерзость разрушения духовных традиций, невзирая на навязываемые нам инородные жестокие законы бизнеса, решая прагматические задачи, оставаться романтиками с неизменной любовью друг к другу.

Умер Николай Павлович Литвинов в 1937 году собственной смертью (инсульт) на 72-м году жизни. Похоронен в Новосибирске.

Павел Родин

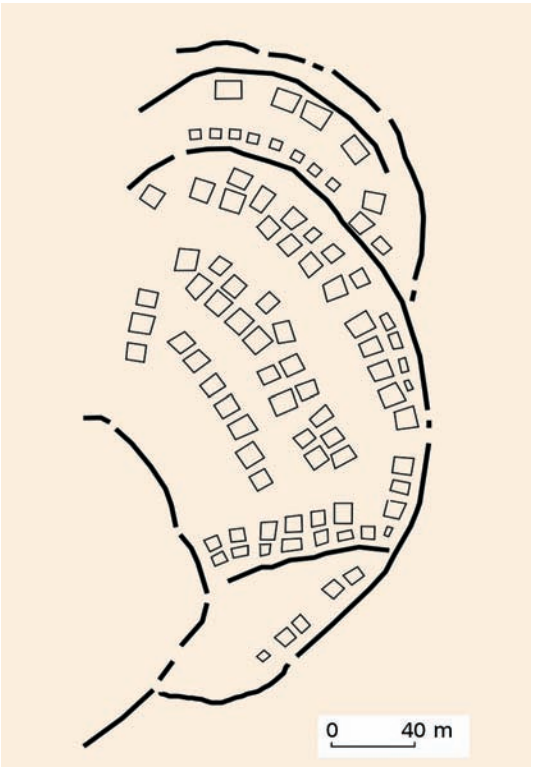
Барабинский район

Бараба глубинная

Барабинцы являются коренным населением нашей области, чьи потомки до сих пор живут на этой земле, предки которых закрепились на ней ещё до нашей эры, более двух тысяч лет назад. Недавнее открытие археологов под Венгерово позволило даже выделить новую культуру древнего человека, которую так и назвали – «барабинской».

Чича

Схема Чичабурга



Барабинцы.
Автор А. Кастелли

А недалеко от Здвинска находится старейший археологический памятник на территории нашей области. Почти три тысячи лет назад здесь, на берегу озера Чича, был расположен город. Его население учёные определяют до двух тысяч человек. Древнему городу дали название Чичабург.

У барабинцев была уникальная, интереснейшая культура. Например, если муж с женой разводились, то дети оставались с отцом. Если дети умирали вскоре после рождения, их хоронили следующим образом: гроб с ребёнком привязывали к верхушке дерева, и он находился там пока не свалится сам. А уж потом хоронили в землю – мол, «эти дети ещё не ступали на землю и поэтому ещё не достойны быть в неё зарытыми».

Барабинцы долгое время сохраняли языческие верования, поклонение деревьям – берёзе, сосне. Во главе отдельных групп барабинцев стояли мелкие правители, именуемые князцами, вокруг которых были «лучшие люди» из числа наиболее зажиточных и знатных жителей. Достаточно широко была распространена и работорговля, в том числе и своими сородичами.

Много веков барабинцы жили в одиночку, сами по себе. Лишь в 1563 году с приходом к власти бухарского хана Кучума Бараба была фактически завоёвана Сибирским ханством и обложена данью.

Сегодня озеро Чаны – прекрасное место отдыха, рыбного промысла, охоты. А ещё 400 лет назад здесь разворачивались целые воинские сражения. Первые русские появились в этих местах весной 1595 года, когда казаки

начали последний поход против хана Кучума. Вооружённые огнестрельным оружием поначалу они быстро привели Барабу к присяге «белому царю» – Борису Годунову.

Были поставлены военные укрепления – Барабинский, Убинский остроги. Местное население обложили непомерными налогами, ясаком, началось насильственное крещение, разрушение «бесовских» идолов, вырубка священных деревьев. Конечно, всё это вызывало недовольство барабинцев. Летом 1628 года в Барабинской степи начинается ряд восстаний. Сожжены пограничные русские остроги, перебиты служилые люди. У озера Чаны вновь возникает Сибирское ханство, хотя и ненадолго.

Заселению Барабинской равнины также способствовало строительство и обслуживание Московского тракта. «Барабинский» участок тракта по протяжённости и открытости пространства не имел себе равных, «здоров климатом и богат природными землями», бескрайними запасами и сенокосами.

Сюда бежали раскольники, ссылали наказанных крестьян. Барабинцы, потомки туземцев и казаков, поселенцев, по доброй воле пришедших в Сибирь, сохранили свободолюбивый нрав предков. Они привечали арестантов, проходящих по этапу, – вдоль дорог специально сеяли горох и репу в помощь прохожим; «милостынею несчастненькому обязывает себя всякая домовитая и сердобольная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочке первый подвернувшийся под руку харч».

Жили неплохо: «Бараба живёт домовито, и по ней на каждых 20 верстах вытянулись людные деревни, которые и сыто едят, и в рабочем, при богатстве угодий, нуждаются… Барабинские жители, которые живут благодушно и богато…, умеют издавна обращать слово в дело».

С конца XIX эти места стали разительно меняться. Сюда пришла железная дорога – Великий Сибирский путь. Станция Барабинск (ранее она называлась Каинск-Томский) была образована в один год с Новосибирском, в 1893 году.

Барабинск. 1915 г. Депо. Построено в 1898 г.

Основателем Барабинска можно считать инженера путей сообщения Григория Васильевича Адрианова. Есть легенда о взятке, которую каинские купцы якобы давали инженеру, чтобы провести трассу Транссибирской железнодорожной магистрали через их город. Но на самом деле виновата заболоченная поймы реки Оми и большое наводнение 1892 года, когда Московский тракт, проходящий через Каинск, на два метра оказался под водой. Поэтому «железку» было решено отодвинуть на 12 вёрст южнее. Скоро по ней побежали паровозы.

Барабинск. 1955 г.

Первое здание железнодорожного вокзала построено в 1894 году. Оно было деревянным, одноэтажным, но уже вскоре его заменили каменным, которое прослужило почти сто лет. В 1916-м была осуществлена и планировка посёлка. В нём имелись электро-

Когда шла война

станция, две мельницы, кожевенный завод, мастерские по производству и ремонту часов, сапог, мужской одежды и головных уборов, белошвейное производство, шорное производство, кузницы; работали 24 торговых заведения, 3 школы, библиотека, клуб, больница, аптека. Ему хотели дать имя Ново-Черново, Алексеевск, но в 1916 году назвали – Барабинск. Согласно истории места. Были введены названия улиц, нумерация домов.

В марте 1917 года, когда население посёлка превысило 5600 человек, он получил статус уездного города.

Далее бурные события гражданской войны – приход белочехов в 1918-м, сражения за город с переменным успехом и лавинообразное наступление Красной Армии в декабре 1919-го.

Великая Отечественная навсегда останется в памяти нашего народа. В Барабинске размещалось три эвакуационных госпиталя, несколько детских домов, железнодорожных училищ.

Безмерен сельский труд, произведённый барабинцами, – ведь из деревни на фронт тоже ушли и мужики, и лошади. А кто же на лесозаготовках, в поле? «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

Газета «Советская Сибирь» пишет: «В колхозе «Трудовик» 70-летняя Аграфена Васильевна Устьянцева одна выжала 18 соток. В колхозе им. Чкалова работает такое же звено. Пример здесь всем показывает 80-летняя Татьяна Устьянцева. Ежедневно жнецы выкашивают по гектару ржи».

100 центнеров зерна на коровах». «На элеватор прибыл красный обоз от колхоза имени Андреева Барабинского района. Восемь возчиков привезли на собственных коровах 40 центнеров зерна… – Если бы мы ещё весной не привлекли к работе рогатый скот, то не посеяли бы вовремя и убирать нам сейчас было бы нечего».

«Единодушно было решено колхозниками сельхозартели «Красная Заря» Здвинского района изготовить для фронтовиков 200 кг пельменей. Не отстают также и колхозы «Коминтерн» и «Возрождение». Итоги подарков фронту – 612 кг пельменей, 2757 рублей наличными деньгами. Собрано и сдано 230 пар пимов, более 200 овчин и много тёплых вещей».

На территории Барабинского и окружающих районов сформированы несколько крупных воинских соединений. В марте 1942 года на фронт отправился построенный в депо бронепоезд «Сибиряк-барабинец». Потом паровозоремонтный поезд № 3, осуществляющий ремонт паровозов в полевых условиях.

В 1942-м из добровольцев-барабинцев также было создано два стрелковых батальона, вошедших в 150-ю, Сибирскую добровольческую дивизию. Почти все они остались лежать под городом Белым Тверской области. Тогда в «долине смерти» погибли свыше двенадцати с половиной тысяч советских солдат и офицеров.

Почти полностью погибла и 29-я отдельная лыжная бригада, сформированная в Барабинске в 1942-м. Бойцы проходили подготовку тут же, в Кожевниково. В боях под городом Севском Брянской области эти 20–22-летние ребята показали пример безграничного мужества. Из 2,5 тысяч человек в живых осталось лишь 300. Об их подвиге снят фильм «Снежные призраки».

Бронепоезд «Сибиряк-барабинец»

Из Барабинска же родом 75-я лёгкая Кавалерийская дивизия, которая в составе 62-й армии отстояла Сталинград.

Помнят барабинцы своих героев – Нину Крылову, создавшую единственный в стране женский пехотный батальон, Героев Советского Союза Максима Апарина, Николая Сологуба, Ивана Воронкова, Ивана Орехова, Алексея Шубина, Андрея Перевозникова и многих других.

Велик вклад барабинцев в Победу нашей страны. Есть чем гордиться, на кого равняться и к чему стремиться.

Константин Голодяев

Доволенский район

Русская изба и прочая утварь

Русская изба всегда была ладной, добротной.

Изначально избы в России строили из дерева. Чаще всего в ней была всего одна комната: у богатых семей – большая и просторная, у бедных – маленькая. Но центром комнаты была русская печь с лежанкой. В ней готовили пищу, на лежанке спали дети и старики. От печи до стены под потолком устраивали деревянный настил – полати, где тоже спали. Бревенчатые стены никогда ничем не красили, не оклеивали обоями. Они тепло пахли древесиной.

Шкафов русская изба не знала, вещи и книги хранили в сундуке, шкатулке или ларце. Обычно в хозяйстве имелся стол и полки на стенах. По периметру избы у стен крепились неподвижно лавки, где стояла домашняя утварь, тут сидели в случае необходимости гости. Мужчина в семье обычно спал у двери на лавке, хозяйка – в закутке за печью, дети – на печи или полатях. Самым нарядным местом являлся передний угол избы, где висели иконы и стояли лампадки. На праздники передний угол украшали вышитыми полотенцами.

В будние дни изба выглядела довольно скромно. В ней не было ничего лишнего: стол стоял без скатерти, стены без украшений. В печном углу и на полках была расставлена будничная утварь. В праздничный день изба преображалась: стол выдвигался на середину, накрывался скатертью, на полки выставлялась праздничная посуда, хранившаяся до этого в клетях.

Русская печь

Как я уже говорила, самым важным элементом избы была печь. Располагалась она сразу слева или справа от двери. Важная функция данного устройства – приготовление пищи. До сих пор нет более полезного способа приготовления еды, чем в печи. С печью связано много поверий. Например, считали, что она являлась любимым местом отдыха для домового. Или, когда ребёнок терял молочный зуб, его учили бросать зуб под печку и говорить: «Мышка, мышка, на тебе репяной зуб, а мне дай костяной». Свои первые молочные зубы я тоже бросала у бабушки под печку именно с этими словами. С печью связано много представлений, поверий, обрядов, магических приемов. В традиционном сознании печь была неотъемлемой частью жилища; если в доме не было печи, он считался нежилым.

О печи уже сказано достаточно. Но нельзя не упомянуть и те инструменты, которые использовались в работе с русскими печами. Кочерга – самый известный предмет. Представляет собой железный прут с перпендикулярно загнутым концом. Применялась ко-

черга для сгребания углей. Помело же использовалось для очищения печи от углей.

С помощью ухвата можно было перетаскивать или передвигать горшки и чугунки. Он представлял собой металлическую дугу, которая позволяла захватывать горшок и переносить его с места на место. Ухват позволял ставить чугунок в печь без боязни обжечься. Ещё одним предметом, используемым в работе с печкой, является хлебная лопата. С помощью неё хлеб помещают в печь и вытаскивают после приготовления. А вот слово «чапля» знают не многие. Этот инструмент по-другому называют сковородник. Использовался он для захвата сковороды.

Необходимой частью красного угла являлся стол. Именно в этом углу вкушали пищу наши предки. Стол же считался неким алтарем, на котором всегда находился хлеб.

Поэтому даже сегодня традиция не позволяет сидеть на столе. А оставлять ножи и ложки считается дурной приметой. До сегодняшних дней сохранилось ещё одно поверье, связанное со столом: молодёжи запрещалось сидеть на углу стола, дабы избежать участи безбрачия.

Предметы быта в русской избе играли каждый свою роль. Скрыня, или сундук для одежды, являлся важным элементом дома. Скрыня переходила по наследству от матери к дочери. В него складывалось приданое девушки, которое она получала после замужества. Располагался этот элемент интерьера русской избы чаще всего рядом с печкой.

Конечно, всё, о чем я пыталась рассказать, было очень и очень давно. Русские печи стали в наших домах редкостью. Когда были живы мои дедушка и бабушка, мне нравилось бывать у них в гостях и валяться на русской печке, где тепло и уютно. Когда у деда начинала болеть спина, он тоже грелся на печи. Сундука с приданым уже не было у бабушки, не говоря о моей маме и тёте, поэтому представление о скрыне я имею только по фотографиям. Что такое полати, я тоже знаю из рассказов дедушки, хотя у них в избе такого постельного места не было, наверное, это было очень удобно для больших семей, где всем детям не хватало места на печи, а мне было бы интересно поспать на полатях, главное – весело!

Мне очень нравится слушать рассказы о тех далёких временах. Дедушка мой, Владимир Антонович Рачковский, был интересным рассказчиком, историй увлекательных знал много. Нам, его детям и внукам, было чему у него поучиться. В моих планах составить родословную нашей большой семьи, возможно, когда-нибудь и вы её сможете увидеть и оценить.

Ольга Черни

Чулымский район

Путешествие

Совершим небольшое путешествие по Чулыму. Приехав в наш город и оказавшись на перроне, вы сразу сможете увидеть вокзал станции Чулымская. Он был построен в 1960 году. (Старое здание было деревянным).

Мы решили узнать у краеведов нашего города, чем же Чулым может привлечь внимание своих гостей? И вот, мы беседуем с преподавателем Истифеевой Екатериной Сергеевной, с методистом Заика Светланой Николаевной («хранительницей» школьного музея) и

библиотекарем отдела краеведения Чулымской межпоселенческой библиотеки Орел Евгенией Александровной. В 2017 году городу Чулыму исполнилось 70 лет. Узнаем, как всё начиналось.

1. История образования Чулыма

Ко времени прихода русских в Сибирь на территории нынешней Новосибирской области проживало не более 2,5–3 тысяч человек кочевых тюркоязычных групп барабинских татар и чатов. Заселение русскими в начале XVII века юга Барабы оказалось безуспешным, основная дорога из Тары в Томск шла севернее территории Чулымского района, южнее линии р. Омь – оз. Убинское – слобода Уртам (Томского уезда) была «зона риска». В этот период существовали сёла Секты, Иткуль, Каяк.

Деревня Чулымская

Заселение земель нашего района продолжалось в первое десятилетие 18 века. Но существовала постоянная угроза со стороны кочевников, которые одним набегом могли снести с земли всё, что создавалось трудами русских людей. Вот тогда, в первые годы XVIII века, и началось «государственное» освоение Приобья и Барабы. В эти годы на территории Чулымского района возникли сёла Дуброво, Алабуга, Зырянки, заимка Евстафеевка. Возникновение и развитие населённого пункта Чулымского связано со строительством Московского тракта. В мае 1756 года последовал указ Сибирской Губернской канцелярии о том, чтобы отныне обслуживание Тарско-Томского участка Московского тракта производилось ямщиками. Тогда на пересечении реки Чулым и Сибирского тракта возникло ямское село Чулымское (предположительно в 1762–1780 гг.).

В 1875 году, в трёх километрах севернее села Чулым, на реке возникло переселенческое село Романовское. Деревня Романовская являлась «забочной», так как находилась чуть вдали от тракта. К 1895 году в ней было 70 дворов – 593 человека. В деревне был хлебозапасный магазин-склад, который крестьяне пополняли ежегодно после уборки зерновых. Впоследствии переселенцы из России основали заимки, посёлки, деревни, хутора, которые в основном располагались по берегам рек и озёр.

Московский тракт способствовал развитию сибирского коневодства и производству телег, саней, колёс, изготовлению кожевенных изделий, дёгтя, кроме того, распространению посевов серых хлебов и разведению крупного рогатого скота. В результате освоения Барабы для строительства и обслуживания Московского тракта приехали переселенцы из различных районов Центральной России.

При проведении Транссибирской железнодорожной магистрали, в 1893 году, среди болотистой местности, на берегу реки Чулым был выстроен разъезд «Чулымский», который позднее превратился в станцию «Чулымскую». В начале прошлого столетия станция насчитывала 120 дворов, большинство её жителей были переселенцами из европейских районов России, часть жителей была занята на железнодорожной станции в небольшом паровозном депо. Вдоль железной дороги строились населённые пункты для обслуживания железнодорожного пути и подвижного состава: разъезды, казармы, полуказармы, кордоны, будки, пристанционные посёлки. Так возникло более 20 населённых пунктов на железной дороге, от западной до восточной границ Чулымского района.

Другая часть населения занималась сельским хозяйством, ямщиной, обслуживала связь железнодорожной станции с глубинами района, торговлей, скупая по окрестным деревням дешёвое сельскохозяйственное сырьё. Наиболее предприимчивые торговцы продавали его агентам-перекупщикам для вывоза в западные районы России и за границу.

Станция Чулымская

В начале прошлого века через станцию Чулымская отправлялось по железной дороге до 90 тысяч пудов разного груза, в основном хлеба, масла, кожи и скота.

Сейчас город Чулым – районный центр Новосибирской области. Население составляет 11567 человек, среди них: русские, немцы, украинцы, казахи, татары и люди других национальностей. Люди здесь живут работящие: держат скот, занимаются огородничеством, летом заготавливают на зиму ягоды и грибы. Благо, лес рядом. Мужчины и ребята рыбачат.

2. Достопримечательности города

Единственный исторический памятник Чулымского района, доживший до наших дней, – водонапорная башня для заправки паровозов, построенная в 1893 году, состояла из двух разновысоких корпусов и являлась системой серьёзного гидротехнического сооружения. В 1892 году при строительстве Транссибирской железной дороги возникла необходимость в строительстве станции для заправки паровозов. На берегу реки Чулым была построена водонапорная башня, которая соединялась чугунными трубами с насосной станцией на берегу озера Иткуль. Вода забиралась из озера, фильтровалась и под напором поступала в Чулым. Протяжённость трубопровода составила пять километров. Позднее, на реке Чулым была выстроена деревянная плотина, в результате чего образовалось водохранилище, достаточное для забора воды в целях заправки паровозных котлов. На берегу сохранилось водозаборное сооружение, которое сейчас используется железнодорожной радиостанцией.

Историческая достопримечательность г. Чулыма – водонапорная башня для заправки паровозов, 1893 г.

А теперь отправимся в центр нашего города на Комсомольскую площадь в парк Победы, для этого пройдём по Чулымской улице. На перекрёстке улиц Кожемякина и Чулымской мы видим дом, на котором табличка с именем Героя Советского Союза Петра Павловича Кожемякина, старшего сержанта, участника Великой Отечественной войны. К июлю 1944 года старший сержант Пётр Кожемякин командовал взводом 877-го отдельного сапёрного батальона 36-го стрелкового корпуса 31-й армии 3-го Белорусского фронта. Отличился во время освобождения Белоруссии в 1944 году. Взвод Кожемякина успешно навёл переправу через Березину в районе деревни Новосёлки Борисовского района Минской области, а затем построил мосты через протоку между озёрами Белое и Рыбница в районе деревни Озёры Гродненской области и через реку Неман в районе Гродно.

Когда мы спрашивали у ребят, что они считают главной достопримечательностью города, то 16 человек из 38 назвали городской парк. Конечно, наш город невозможно представить без парка Победы. Здесь находятся Монумент Славы воинам Чулымского района, Памятник Петру и Февронии, детская и спортивная площадки.

Монумент Славы воинам Чулымского района, погибшим в годы Великой

Отечественной войны 1941–1945 годов, был разработан по предложению главы г. Чулыма Степанова А. Н. в 2011 году. Открытие мемориала состоялось 22 июня 2012 года.

В монумент Славы входят:

– Стела памяти павших, на которой высечены 4370 фамилий воинов-чулымцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

– Доска Героев Советского Союза: Ворошилов Геннадий Николаевич, Иванов Георгий Яковлевич, Кожемякин Пётр Павлович, Леончиков Николай Петрович, Михайлов Терентий Михайлович, Осинный Иван Иванович, Погорельцев Александр Егорович, Полянский Пётр Павлович, Сидельников Василий Михайлович, Черненко Василий Фёдорович.

– Обелиск с журавлём. Чаша вечного огня, который зажигается в память воинов-сибиряков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Аллея памяти

8 июля 2013 года в Чулыме был открыт памятник Петру и Февронии Муромским.

Главной достопримечательностью нашей малой Родины является необыкновенно красивая церковь. Храм Рождества Пресвятой Богородицы является украшением Чулыма, в солнечную погоду купола поражают своей красотой и золотым блеском.

Одиннадцать ребят назвали одной из достопримечательностей – музеи города. В Чулыме есть комната краеведения, которая находится в районной библиотеке, в Молодежном центре можно посетить музей Боевой Славы, но самый замечательный музей находится в нашей школе № 1. В нашем музее три зала: «Русская изба», «Бабушкина горница» и «Зал истории школы № 1». Чего только нет в нашем музее – зуб мамонта и настоящий лапоть, ткацкий станок и коллекции утюгов, рубелей, самоваров, но больше всего мы любим кровать в «Бабушкиной горнице»… Она такая высокая, накрытая лоскутным одеялом, так хочется на ней полежать! Наш музей любят чулымцы, они приходят к нам семьями. К нам в музей приезжают даже из других городов! Мы решили побеседовать с создателем музея Заика Светланой Николаевной. На третьем этаже школы есть Зал воинской славы воинов-интернационалистов, где собрана информация о наших земляках – участниках локальных конфликтов. 54 из них являются бывшими учащимися и выпускниками школы № 1.

На здании школы 5 мая 2017 года открыта мемориальная табличка в честь Героя Советского Союза Геннадия Николаевича Ворошилова. Геннадий Ворошилов – участник Великой Отечественной войны, командир пулемётного расчёта 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, младший сержант. Участвовал в боях за освобождение Польши. Отличился в январе 1945 года в боях при прорыве вражеской обороны на Магнушевском плацдарме и форсировании реки Пилица: 14 января 1945 года в бою у полустанка Грибово, где во время огневого налёта младший сержант Ворошилов со своим расчётом зашёл в тыл немцев и неожиданно открыл пулемётный огонь. Было уничтожено два взвода вражеских солдат. За два дня боевых действий при прорыве обороны противника расчёт Ворошилова уничтожил 62 гитлеровца и 5 огневых точек. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками младшему сержанту Геннадию Николаевичу Ворошилову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В составе своего

В комнате краеведения. Районная библиотека

полка сержант Ворошилов форсировал реку Одер, сражался на улицах Берлина. За годы войны был трижды ранен, контужен.

В нашем городе чтят Героев Советского Союза. В честь героя Василия Сидельникова летом в 1967 году на территории школы № 40 был открыт обелиск. В честь П. П. Полянского 2 марта 2010 года установлена на доме, где он жил, мемориальная доска. 4 октября 2010 года на территории Чулымского Лицея открыт памятник погибшим учителям в годы ВОВ. В честь Героев названы улицы.

В центре города имеется досуговый центр – Дворец Культуры, в котором проходят концерты, организованы кружки для населения разных возрастов. Имеется сеть библиотек, центр искусств для детей, художественная и музыкальная школы, молодёжный центр.

3. Природа Чулымского района

Название нашего города переводится как «гнилая вода», но несмотря на это, у нас замечательная природа на территории Чулымского района. Через наш город протекает река Чулым, она течёт с северо-востока на юго-запад, берёт начало в Васюганских болотах (это самое большое в мире болото) и впадает в озеро Чаны. Озеро Чаны – третье по площади в Сибири, оно уступает только озеру Байкал и озеру Таймыр. А ещё Чулым – единственная река, которая впадает в озеро. Вокруг Чулыма много берёзово-осиновых лесов. Весной можно услышать, как поют птицы. А как красивы летом поляны с цветущими ромашками и земляникой!

Недалеко от Чулыма находятся озеро Солёное и пресное озеро Иткуль. Озеро Солёное расположено между Чулымом и Иткулем. Когда-то оно было огромным – от дороги на Иткуль и до кладбища, что в Старом Чулыме. В Солёном озере – лечебные грязи, которые по составу не уступают Карачам и Ессентукам. Через гриву, прямо напротив Солёного озера, было Сладкое озеро, а в двухстах метрах от него на восток – пресное озеро Иткуль. Такое в природе встречается крайне редко. На берегу озера Иткуль находится старинное село Иткуль. С тюркского языка название «Иткуль» переводится как «мешок с рыбой». Сладкое озеро заросло тальником, а раньше оно считалось святым, из него воду брали только на питьё.

Наша экскурсия подошла к концу.

О Чулыме ещё много можно рассказывать, но это в следующий раз.

Есть на Земле места, которые будоражат воображение и пробуждают в человеке непреодолимое желание побывать там. Чулымский район – одно из них. Наша гипотеза нашла своё подтверждение. В Чулыме есть достопримечательности, которые могут привлечь туристов. Несомненно, Чулым и Чулымский район несут в себе культурно-историческое, природное и духовное наследие. Мы остановились лишь на некоторых достопримечательностях, привлекающих к себе внимание, но их гораздо больше. Мы попытались создать путеводитель, чтобы привлечь внимание к нашим достопримечательностям.

Пусть говорят, что наш Чулым –
болото.
Пусть говорят, что город наш плохой,
И пусть кому-то жить здесь неохота,
Но для меня он самый дорогой!

Данила Истомин,
Ирина Осечкова

Доволенский район

История села Травное

Село Травное расположено на юге Доволенского района. От районного центра находится на расстоянии 31 км.

1734–1735 годы. Сузун. Тысячи каторжников работают на Екатерининских заводах. Многие убегают. Вот и три мужчины с Урала, Заковряшин, Речкунов и Ярославцев, решили бежать. Они хотели скрыться в глубинке. Подходящим местом стала территория, где сейчас расположено село Травное. Здесь было большое озеро, богатое рыбой. В последующем его назвали «Домашнее».

Вокруг озера росла высокая густая трава, откуда и пошло название села Травное. Были здесь также густые берёзовые леса. Заковряшин, Речкунов и Ярославцев называли себя сибиряками. Они вели единоличное хозяйство и обеспечивали себя всем необходимым.

В 1861 году в России было отменено крепостное право. Началось переселение безземельных крестьян в Сибирь, особо крупные масштабы освоения Сибири начались при Столыпине. Постепенно село Травное Карасукской волости (ныне Краснозёрский район) Барнаульского уезда Томской губернии стало заселяться переселенцами из центральных областей России. В 1892 году прибыли переселенцы из Курской губернии, всего около 30 семей. В 1893 году прибыли переселенцы из Харьковской губернии – 60–65 семей. Среди них был Фоменко Е. Д., который умел делать конные мельницы.

В 1893–1896 годах в Травном случилась сильная засуха. В это время озеро почти высохло, но люди пережили этот год.

В 1897 году прибыл самый большой поток переселенцев из Черниговской губернии, примерно 120 семей, потом воронежские переселенцы и скоро ещё 15 ссыльных польских семей. Это были очень трудолюбивые крестьяне. Женщины-полячки хорошо шили, ткали, вышивали. Мужчины прослыли прекрасными сапожниками, пимокатами. Благодаря своему трудолюбию поляки очень быстро повысили свои доходы и вошли в число зажиточных крестьян.

К 1905 году село Травное сформировалось окончательно. Населения насчитывалось около 6000 тысяч человек, дворов – 800. В 1906 году открыли церковь на 1000 прихожан. В это же время открылась церковно-приходская школа.

Учеников набирал поп по своему усмотрению. В 1-й класс шли в 10 лет. Занятия начинались 1 октября и заканчивались 1 мая. Учились в основном мальчики. Только 5 % всех учащихся составляли девочки. Учительницей работала Заковряшина А. С. – дочь попа.

Позже прибыли новые учителя – супруги Солянкины. Они проработали в Травном до 1945 года. До революции главным предметом был закон божий. Кроме этого изучали грамматику, арифметику, чтение. Дети учили молитвы, церковные песнопения, знакомились с религиозными обрядами. Позже открылась государственная или министерская школа. Там вначале обучалось 5 детей, в основном дети богачей.

Село Травное

В 1910 году власти решили разукрупнить волости. В это время образовалась Травнинская волость, в которую вошли населённые пункты: Кулёма, Троицк, Покровка, Согорное, Шагалка, Фёдоровка.

В 1910–1913 гг. усиленно развивается торговля: местный житель А. М. Зингер построил маслозавод.

Село Травное

В эти годы в селе насчитывалось 12 ветряных мельниц, 5 маслобоен, 3 крупорушки и 42 двухэтажных дома.

1914 год. Началась 1-я мировая война. На фронт ушёл каждый 10-й человек. Семье, из которой на войну забирали мужчину, платили 5 рублей. Всего из Травного на войну ушло 70 человек, 20 из которых не вернулись на Родину. Потом революция и гражданская война.

К 1925 году жизнь стала улучшаться. Появились товары, деньги, увеличились посевные площади. В селе открылись ещё три начальные школы, в которых стали преподавать различные предметы. Ввели уроки пения, рисования и физкультуры. В 1926 году построили новый маслозавод. В этом же году сгорела церковь.

В 1929 году началась коллективизация. Многие не хотели вступать в колхозы. Потому они оставляли дома и уезжали. На территории села образовалось 5 колхозов: «Красный пахарь», «12-я годовщина октября», «Непобедимый», «им. Жданова», «День Парижской коммуны».

Последний просуществовал недолго. Самым сильным колхозом стал «Красный пахарь», председателем которого был Чиняков Г. А. Потом образовался один колхоз «40 лет октября».

В 1933 году в селе Травное открылась семилетняя школа. Школа была небольшая, всего 6 классных комнат и учительская.

Вскоре пришла новая беда – Великая Отечественная война. На фронт из села ушло всё мужское население 654 человека, не вернулись – 250 человек.

Трудности коснулись и школы: не было тетрадей, учебных пособий, чернил. Писали ученики на газетах, картоне. Чернила изготавливали из сажи, свёклы, подсолнечника.

Во время войны и жители села Травного помогали бойцам, высылая на фронт мясо, хлеб, вещи. В 1945 году наступил долгожданный мир, село Травное начало расти.

В марте 1961 года образовался совхоз «Травнинский», который объединил несколько отделений: Брянск, Плеханово, Согорное, Фёдоровку, Шагалку. Первым председателем совхоза назначили Сизикова П. С.

В 1968 году самостоятельными хозяйствами стали Согорное, Брянск, Плеханово, Фёдоровка. До этого года выпускники Травнинской семилетней школы доучивались в районном центре Довольное. И лишь в 1968 году была построена Травнинская средняя школа. В 1969 году состоялся первый выпуск. В настоящее время в селе проживают 562 человека. На территории села находятся Дом Культуры, библиотека, школа. Никакого производства нет.

Ольга Боцман

Новосибирск

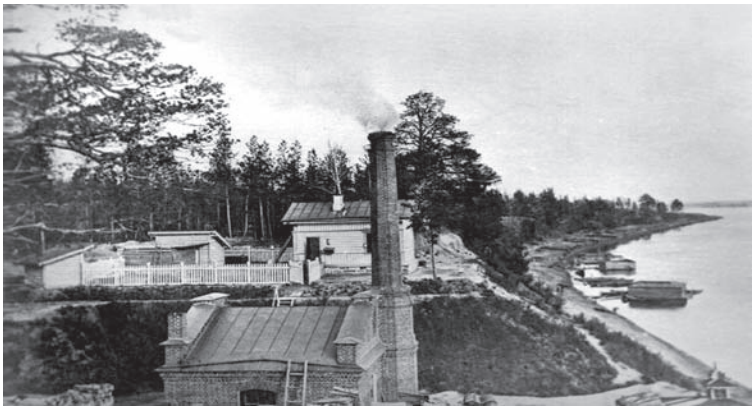
Живая вода

В Новониколаевске начала XX века не было центрального водоснабжения. Вода доставлялась водовозами. Ее брали из Оби, Каменки, пяти колодцев и стольких же родников. Родниковая вода считалась вполне удовлетворительной, вода из мелких речек Каменки и Ельцовки не отличалась родниковым качеством, потому что нерадивые жители использовали живописные берега под свалку мусора. От того водовозам строго запрещалось набирать воду за пределами мест, установленных властями, а водовозные бочки и ведра для розлива воды должны были отвечать определенным требованиям, за этим строго следили, а в случае заразного заболевания в семье водовоза он прекращал свою деятельность до полного выздоровления и получения соответствующего разрешения врача.

В 1910 году городская управа вынесла «Обязательное постановление», где в полутора десятках параграфов расписывалась и регламентировалась деятельность лиц, занимавшихся водовозным промыслом в Новониколаевске. Тем не менее, объекты водохозяйственного назначения в городе имелись, они обязаны своим рождением Транссибирской магистрали, большинство элементов городской инфраструктуры, в том числе связанных с водоснабжением, имело отношение к железной дороге. А первыми объектами водохозяйственного назначения стали водонапорная башня номер 1, построенная в 1894 году между вокзалом станции Обь и депо, и водоподъемное здание на берегу реки Оби напротив станции. В 1897-м возведена вторая водонапорная башня на железнодорожной станции Обь (ныне Новосибирск-Главный), а в 1912-м – третья, близь станции Новосибирск-Южный.

Оказавшись на пересечении водного и железнодорожного путей, Новониколаевск быстро развивался, поэтому с первых же лет местная власть стремилась решить вопрос о строительстве общегородского водопровода. В 1906

Мельница на р. Оби. 1900-е гг.

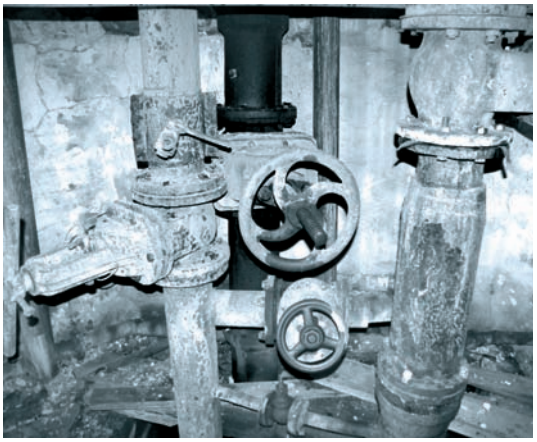


Станция Обь. Водоподъёмное здание. Вид с правого берега р. Обь. 1890-е гг.

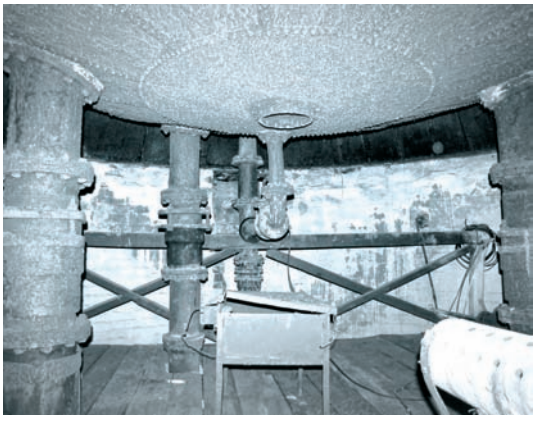
Водовоз набирает воду из Оби для жителей Новониколаевска

На берегу Оби. 1920-е гг.

Первая водонапорная башня, построенная в 1894 г.



Бак внутри башни



году инженер Готлиб предложил первый его проект, но в силу целого ряда причин он оказался нереализованным.

Между тем нужда в водопроводе росла с каждым годом. Огромной проблемой стала пожарная безопасность почти сплошь деревянного города. Ее угрожающую серьезность подчеркнул катастрофический пожар, возникший в мае 1909 года. Он уничтожил более двадцати кварталов из почти восьмисот домов, оставив без крова шесть тысяч жителей Новониколаевска.

Пожар в г. Новониколаевске 11 мая 1909 г.

Впрочем, местные власти многое делали для городского водоснабжения. Двухэтажные школьные кирпичные здания оборудовали центральным водяным отоплением и так называемым домашним водопроводом, под крышей школ разместили баки с водой. В том же 1912 году соорудили две водокачки, которые наполняли школьные баки, а так же использовались водовозами и жителями. На одной из них стоял нефтяной двигатель, на другой – паровой. В 1915 году Новониколаевск обеспечивался водой из трех артезианских колодцев. Но на окраинах города остро ощущался недостаток воды.

В 1914 году предполагалось, наконец-то, начать строительные работы. Заказы на оборудование были размещены на уральских заводах. Но Первая мировая война перечеркнула эти планы. Затем последовали годы революций и гражданской войны. В конце 1919 года в Западной Сибири окончательно утвердилась Советская власть. Вся городская управа и подведомствен-

Вторая водонапорная башня на улице Владимировской. 1897 г.

Третья водонапорная башня Октябрьского района. 1912 г.

ные ей предприятия перешли в ведение отдела городского коммунального хозяйства Новониколаевского уездного ревкома. А в августе 1921 года город становится губернским центром с губернским отделом коммунального хозяйства, который вскоре был объединен с губсовнархозом в единый промышленно-коммунальный отдел, получивший название отдела местного хозяйства.

В 1923 году, учитывая быстрое развитие Новониколаевска и принимая во внимание, что он является центром Сибкрая, президиум губисполкома постановил признать неотложной задачей сооружение в городе водопровода и канализации и поручить губкоммунотделу в месячный срок разработать проект их строительства. Но лишь к концу 1924 года приняли постановление о проработке всех имеющихся материалов по постройке водопровода и изысканиям источников водоснабжения. Для этой цели создали специальную Водопроводную комиссию, которая при участии Ленинградского гидрологического института провела в 1925–1926 годах необходимые предварительные изыскания различных источников водоснабжения – подземных и поверхностных. В качестве основного была принята река Обь.

В мае 1927 года началось строительство централизованной системы снабжения Новосибирска с расчетным сроком действия пятнадцать лет. Она включала в себя затопленный русловой водоприемник, два самотечных водовода, береговой колодец, насосные станции первого и второго подъема, водоочистную станцию с двухступенной (отстаивания и фильтрования) технологией очистки воды, резервуары чистой воды, водоводы и водопроводные сети с водонапорной башней в Закаменской части города. Расчетная производительность водопровода составляла одиннадцать тысяч кубометров в сутки. Водопроводная сеть включала два главных кольца (по одному в Центральной и Закаменской части города),

Мост через речку Каменку

соединенных трубопроводом, проходящим под мостом через речку Каменку. От этих колец отходили разводящие линии.

Финансов на такой грандиозный по тем временам проект (сметная стоимость более двух миллионов двухсот тысяч рублей) не хватало, и горсовет принимает решение о выпуске марок на воду под будущий водопровод для населения.

Очень важен тот факт, что работы по постройке водопровода, расширению и эксплуатации центральной электростанции (ЦЭС) были объединены в одном общем управлении при горкомхозе. То есть сразу же и бесповоротно развитие водоснабжения, канализации и энергоснабжения города стало рассматриваться как одно целое. В результате в 1927 году возник Новосибирский коммунальный трест «Водосвет» с двумя важнейшими функциями: поить людей и освещать их жилища. Водопровод в условиях слаборазвитой промышленности являлся самым крупным энергопотребителем и развитие водоснабжения сыграло определяющую роль в становлении и развитии городской энергетики. Новый трест организационно объединил эксплуатацию и расширение ЦЭС, жилищное строительство, строительство водопровода, расширение и эксплуатацию канализации центрального и южного районов.

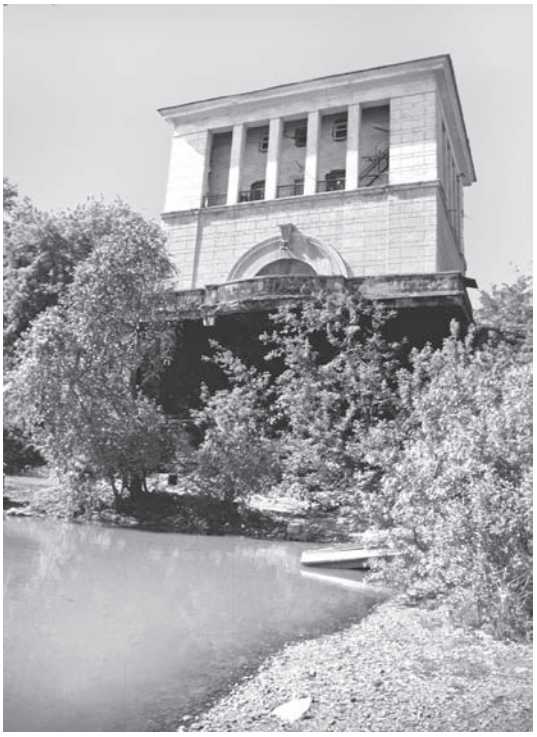
В июле 1927 года произвели закладку 29-метровой водонапорной башни для централизованной системы водоснабжения, строительство которой продолжалось до января 1929 года. Она была поставлена на самой высокой точке города на углу улицы Гавриловской (нынешней Добролюбова) и Карла Либкнехта. Рядом с ней построили насосную станцию третьего подъема. Все сооружения для приема и очистки воды и резервуар башни были сделаны из железобетона, а силовые установки водопровода электрифицированы.

Водонапорная башня, построенная в 1929 году

Городская электрическая станция. 1913 г.

Первую очередь новосибирского водопровода (без фильтров) ввели в действие в ноябре 1928 года, а весь комплекс сооружения – в 1929 году (в феврале он был торжественно открыт, а в мае полностью введен в эксплуатацию). Протяженность нового водопровода составила 55 километров. К нему было подключено 140 домов и 23 водопроводные колонки. Сеть оборудовали 373 пожарными гидрантами.

Одновременно со строительством водопровода началась прокладка пер-



Насосная станция I подъема НФС-2

вой в Сибири канализационной сети. В 1926 году только что переименованный в Новосибирск город приступил к постройке главного канализационного коллектора по проекту профессора Томского технологического института Н.С. Макерова. Коллектор длиной 3200 метров с очистной станцией мощностью 360 кубометров в сутки канализировал в первую очередь новые капитальные постройки – здания госучреждений, Сибкрайкома, Промбанка, корпуса «Доходного дома», госторга, Дворца труда, Сибгосоперы (ныне «Красный факел») и некоторые другие. Первую очистительную станцию построили летом 1928 года, к ней было подключено 24 дома.

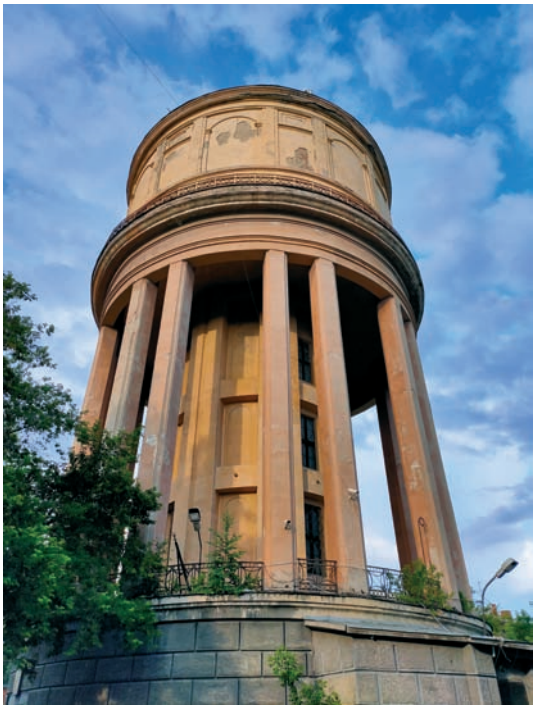
Но воды все равно не хватало. Значительная часть отдаленных районов вынуждена была пользоваться водой из Оби и ее притоков. К тому же, в начале 1930-х годов стала активно развиваться левобережная часть города. Пришла пора думать над проблемой ее водоснабжения. И в 1938–1939 годах завод «Сибсельмаш» построил левобережную систему водоснабжения производительностью 30 тысяч кубометров в сутки. Тогда же была возведена знаменитая водонапорная башня, давшая название целому микрорайону левобережья.

Почти вся история новосибирского водопровода – это история строительства, расширения, попыток попасть в единый с городом темп роста. Не успевали горожане порадоваться очередному приращению в водном хозяйстве города, как сразу становилось очевидным, что этого уже недостаточно.

Положение особенно усугубилось в годы Великой Отечественной войны. Протяженность водоводов и сетей практически не увеличилась, а водопотребление росло за счет промышленных предприятий и их работников, эвакуированных в Новосибирск. Кроме того, за военные годы, обогнав всякие расчеты, стремительно возросла численность населения города.

Но и в тяжелейшее военное лихолетье развитие водного хозяйства города не останавливалось. Продолжалось строительство водопровода в Кировском и Заельцовском районах. Эвакуированный в Новосибирск ленинградский «Госводоканалпроект» создал в 1942–1943 годах рабочий проект реконструкции правобережного водопровода, реализованный уже после войны.

Водопровод Новосибирска с самого начала войны был переведен в раз-



Водонапорная башня, построенная в 1939 году

ряд особо важных объектов, наравне с предприятиями, выпускавшими продукцию для фронта. Мера вполне обоснованная, поскольку без устойчивого водоснабжения невозможно обеспечить никакое производство. Вода теперь тоже работала на оборону, поэтому, без преувеличения, в каждом выпущенном новосибирскими заводами патроне, снаряде, самолете заключалась толика труда и тех, кто поил город.

А условия работы работников «Горводоканала» были неимоверно тяжелыми. Люди (среди них совсем еще мальчишки и девчонки) творили поистине чудеса героизма. И никакое производство военной поры ни разу не останавливалось из-за срыва водоснабжения.

Подводная лодка «Новосибирский комсомолец»

Годы Великой Отечественной войны стали особой, яркой страницей в истории новосибирского водопровода.

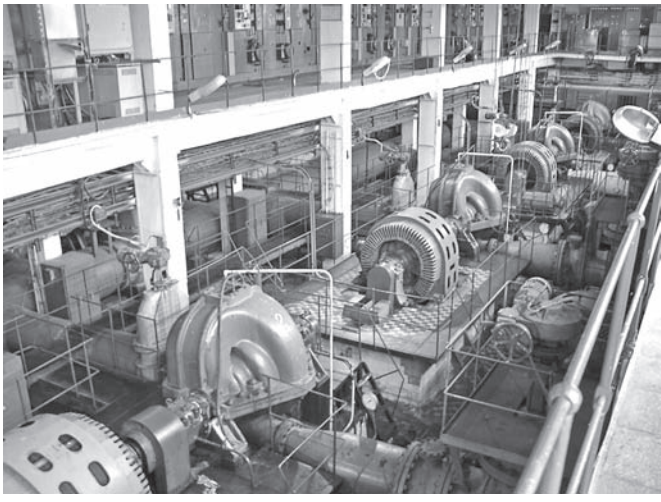
За десять послевоенных лет для развития водоснабжения Новосибирска было сделано очень многое: появилось более 130 километров новых водоводов и сетей; осуществлялась реконструкция очистных сооружений как правобережной, так и левобережной частей города; завершилось строительство водопровода в Заельцовском районе.

И все-таки положение по обеспечению водой населения, промышленных и коммунальных предприятий в ряде районов города продолжало оставаться неудовлетворительным.

В 1956–1957 годах институт «Сибгипротранс» разработал первый комплексный проект развития водоснабжения Новосибирска, в частности, обеспечения водой жителей правобережья, включавший в себя новую насосно-фильтровальную станцию (НФС-3). Водозаборные сооружения этого комплекса располагались на правом берегу Оби. Очистные сооружения, построенные по типовому проекту института «Гипрокоммунводоканал», были рассчитаны на обработку 150 тысяч кубометров в сутки. Вода очищалась по следующей схеме: коагулирование, отстаивание, фильтрование и обеззараживание жидким хлором.

Создание научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР, ставшего Советским районом Новосибирска, добавило забот работникам водоканала. Здесь был построен водопровод, обеспечивавший нужды Академгородка. Водозабор производительностью 15 тыс. кубометров в сутки располагался в 20 километрах от центра города и в качестве источника использовал подземные напорные и инфильтрационные воды, добываемые с помощью скважин. Однако из-за возросшей потребности в воде и недостаточной мощности водопровода Академгородка позднее построен водовод от правобережного городского водопровода.

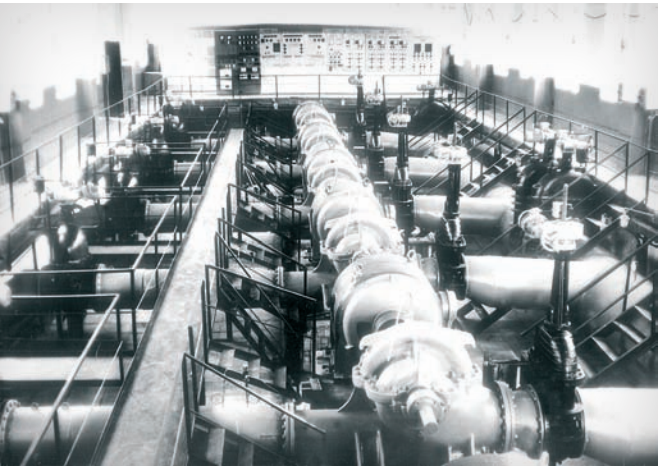
В 1961–1964 годах по проекту «Сибгипротранса» шла дальнейшая реконструкция и расширение левобережной системы водоснабжения. Производительность НФС-2 была доведена до 140 тысяч кубометров в сутки очищенной воды, а неочищенной, подаваемой на ряд предприятий, – до 220. Протяженность водоводов и сетей резко возросла, и водопроводная сеть была разделена на две зоны.



Насосная станция 3-го подъёма до реконструкции в 2015 г.

К концу 1965 года протяженность сетей горводопровода достигла 451 километра, а суточное водопотребление на одного жителя – 215 литров.

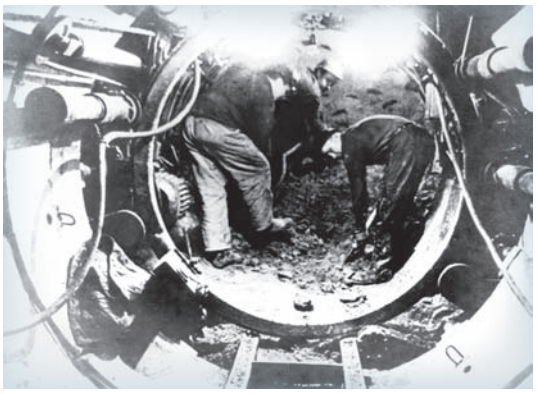
Население Новосибирска к тому времени превысило миллион человек, шло массовое строительство жилья, появлялись новые микрорайоны, вводились в строй промышленные предприятия, а все вместе взятое требовало дальнейшего укрепления и развития водопроводной сети. В связи с чем институтом «Сибгипротранс» разработан второй комплексный проект развития системы водоснабжения Новосибирска (1962), который предусматривал строительство еще одной (пятой) станции очистки воды производительностью на перспективу до 600 тыс. кубометров в сутки.



Водопроводная насосная станция третьего подъёма. 1965 г.

Необходимость НФС-5 рассматривалась изначально не только в плане приращения мощностей горводопровода, но и в немалой степени как создание резерва на будущее для бесперебойного водоснабжения постоянно растущего города. К началу 1980-х такой резерв в объеме 200 тысяч кубометров воды в сутки практически появился.

Случай, когда в миллионном городе создан резерв на уровне почти сорока процентов производительности водопровода, можно считать уникальным. Ни в каком другом российском городе не удалось достигнуть ничего подобного. Благодаря созданному НФС-5 резерву и сегодня, почти четверть века спустя, водопровод Новосибирска функционирует достаточно устойчиво, опираясь именно на заложенный тогда



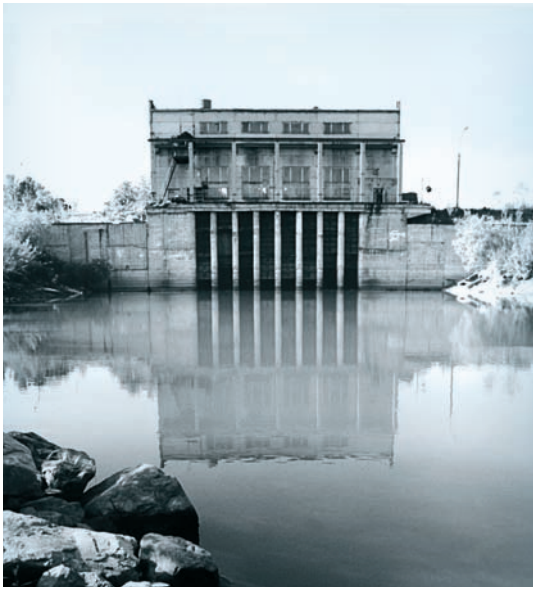
Прокладка коллектора шахтным способом, 1980 г.

фундамент. И с высоты сегодняшнего дня особенно хорошо видно, насколько стратегически верно и прозорливо решали вопросы водоснабжения те, от кого они впрямую зависели («Горводоканалом» в те годы руководил заслуженный строитель РСФСР, кавалер ордена Ленина, лауреат премии Совета Министров В.И. Соловьев).

На посту первого руководителя «Горводоканала» В.И. Соловьев сразу высоко поднял планку работы предприятия, нацелил его на далеко идущие перспективы. А реальная картина тех лет была такова, что система водоснабжения катастрофически отставала от темпов роста города. К тому же, один за другим стали появляться города-спутники (Академгородок, ВАСХНИЛ, ОбьГЭС и др.), образуя единый мегаполис. С каждым годом увеличивались отходы жизнедеятельности, а системы канализационной очистки не было, и стоки текли прямо в Обь. Свою «лепту» вносили и новосибирские предприятия, которые тоже сбрасывали отходы в реку. Именно тогда вызрела идея комплексного развития водопроводно-канализационного хозяйства города. Воплощалась она трудно – слишком большие требовались финансовые вложения. Но целеустремленность, настойчивость и последовательность работы «Горводоканала» сделали свое дело: масштабный план был принят.

Соловьев Василий Иванович (1926-1997)

Быстрыми темпами в 1970-е годы велось строительство водоводов диаме-



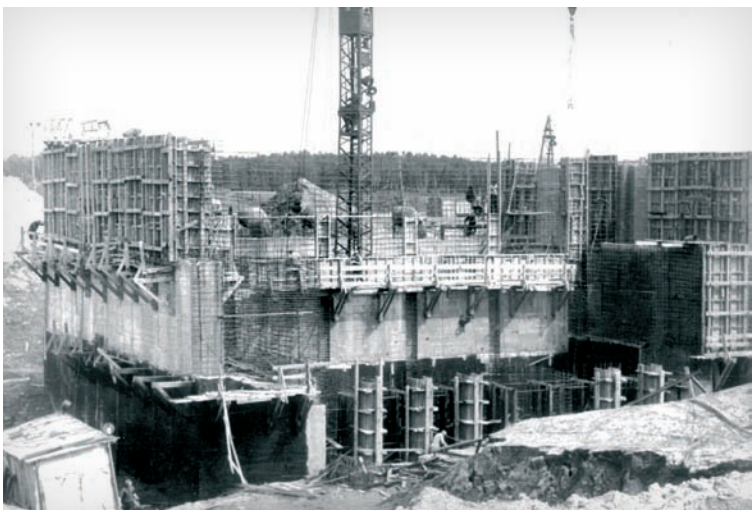
Водозабор НФС-1, 2002 г.

тром семьсот и восемьсот миллиметров для подачи воды в Академгородок и поселок Кольцово, с попутным водообеспечением потребителей Первомайского района. Построили также водопроводы в поселке Пашино и в средней зоне Центрального района. Завершили строительство водоводов от водоочистных сооружений до Академгородка.

К 1975 году в город подавалось уже 610 тысяч кубометров в сутки питьевой воды и эксплуатировалось восемьсот километров водоводов и разводящих сетей. Но город продолжал расти и требовал дальнейшего развития систем водоснабжения.

До 1970-х годов весьма плохо обстояло дело в Новосибирске с канализацией. В городском хозяйстве она являлась, пожалуй, наиболее узким местом. Поэтому в 1966 году был запроектирован главный правобережный канализационный коллектор с внутренним диаметром 1840 миллиметров и протяженностью восемь километров, проходящий по территории Центрального, Железнодорожного и Октябрьского районов. К концу 1970-х его строительство завершили. В эти же годы уложены два трубопровода дюкера через Обь для переброски канализационных стоков с правого берега на левобережный загородный коллектор.

Новым этапом развития канализации Новосибирска стал переход на строительство коллекторов глубокого заложения и щитовую их проходку (по типу метростроевских технологий). Здесь уже требовалась мощная перегруппировка сил и средств. Если с финансированием у города-миллионера особых проблем не возникало, то сама практика строительства коллекторов глубокого заложения и их проектирование была для Новосибирска в новинку. Поэтому потребовалось изучение опыта других крупнейших городов и привлечение специальных организаций, как проектных, так и субподрядных. Само же строительство осуществлялось горнопроходческими предприятиями. В итоге, Новосибирск сегодня надежно канализирован, а опыт строительства коллекторов глубокого заложения пригодился в дальнейшем при строительстве новосибирского метрополитена.



Строительство станции первого подъема НФС-5. 1965 год

Важнейшим событием в жизни городского коммунального хозяйства стало начало строительства в 1973 году комплекса общегородских канализационных сооружений для полной очистки промышленных и бытовых сточных вод производительностью 1,2 миллиона кубометров в сутки. 28 сентября 1968 года распоряжением Совета Министров РСФСР Новосибирскому отделению «Гипрокоммунводоканала» и «Сибгипротранса» поручена разработка комплексного проектного задания канализации Новосибирска (вторая очередь).

О масштабах строительства можно судить хотя бы по тому, что работы велись на площади в сто гектаров, из которых пятнадцать отводилось под

иловые поля мощной фабрики органических удобрений. Стоимость строительства очистных сооружений канализации (ОСК) в Кудряшах была соизмерима с затратами на возведение Октябрьского моста через Обь. Кудряшовские ОСК стали крупнейшими в Сибири и на Дальнем Востоке. Они включали в себя около восьмидесяти различных объектов.

Строительство удалось завершить в течение пяти лет. В конце 1980 года первая очередь очистных сооружений принята в эксплуатацию. Город получил логическое и безопасное завершение всей системы водоотведения. Резко улучшилась экологическая обстановка, а река Обь была спасена от неминуемых загрязнений.

Восьмидесятые годы стали для города важным этапом. Многолетние усилия строителей и эксплуатационников привели, наконец, к тому, что Новосибирск вышел на уровень полной обеспеченности своих хозяйственных и бытовых потребностей в водоснабжении. Водопотребление в расчете на одного жителя к этому времени составило более четырехсот литров в сутки. По этому показателю Новосибирск опередил все крупные города России.

С пуском в сентябре 1990 года второй очереди очистных сооружений с циклом механической и биологической очистки в Кудряшах сброс канализационных вод в Обь прекратился полностью.

Последнее десятилетие XX века оказалось очень трудным для новосибирского водоканала. Сказалась непродуманность экономических реформ и новых условий хозяйственной деятельности. Общая изношенность основных средств, обвал финансирования и, как

Песколовки на ОСК, 2002 г.

следствие, невозможность производить в полном объеме работы по капремонту и реконструкции, обновлять парк машин и механизмов, выплачивать достойную зарплату и т.д. создали общую неблагоприятную ситуацию, в которой вынужден был не по своей воле действовать коллектив «Горводоканала». И не просто действовать, а – подчеркнем – на высоком уровне надежности, в полном объеме выполняя задачи по обеспечению жизнедеятельности города. В тяжелейшие годы всеобщей неразберихи и сумятицы работники водоканала, сохраняя верность своему делу и высочайшее чувство гражданской ответственности, помогли предприятию выстоять и выйти из тяжелого положения с наименьшими потерями.

Вторичные отстойники ОСК

ОСК, 2001 г.

Огромное хозяйство водоснабжения и водоотведения Новосибирска и сегодня требует неусыпного внимания, неустанной заботы, постоянного совершенствования. Но о его настоящем разговор особый…

Михаил Щукин

Бердск

Горохов

В мае 2008 года произошло событие, вызвавшее всплеск интереса к биографии человека, связанного с историей Бердска, Новосибирска и других сибирских городов. Со дна Обского водохранилища были перенесены останки купца Владимира Александровича Горохова.

Интерес не утихает по сей день. Очень уж много будоражащих фактов скрывает эта история: умер в Москве – похоронен в Бердске, разграбленная могила, саркофаг на дне Обского моря, гроб иностранной работы...

Горохов Владимир Александрович

Однако обстоятельства жизни этого уникального человека интересны не меньше, но запросы по словосочетанию «купец Горохов» нередко выводят на недостоверную или устаревшую информацию.

В этом материале впервые публикуются данные, полученные в ходе работы бердского музея по теме: «Ранний период биографии купца 1-й гильдии В. А. Горохова».

Весной 2020 года из хранилища бердского историко-художественного музея были извлечены аудиоплёнки с записями, сделанными в 80-годы прошлого столетия. Голоса бердчан, родившихся в первое десятилетие XX века, донесли из прошлого воспоминания о старом Бердске. Некоторые эпизоды удивили даже знатоков истории этого города.

Особый интерес вызвал рассказ Шешковой Евдокии Михайловны 1902 года рождения. Из её памяти являлись на свет картины того периода, когда жил ещё на свете купец Горохов, а Бердск был селом Томской губернии.

Сохранность аудиозаписей оказалась не так хороша, чтобы, например, запустить в радиоэфир, но достаточна для того, чтобы расшифровать.

Вот что рассказала Евдокия Михайловна.

«От Горохова мы всегда получали большую поддержку: к Пасхе, ко всем праздникам всем даёт муку, а к Рождеству и к Новому году даёт мешки с сахаром. Бесплатно. <...>.

Только приходишь в школу, учительница сразу: «Дети, поднимите руки, кто нуждается в пальто». Подняли, кто нуждается в пальто. «Кто нуждается в валенках» – подняли руки. Тогда привозят всё и наряжают нас. <...>.

А потом ещё праздники всякие устраивали. Семь человек у них только именинников было, у Гороховых. Когда были именинники, то делался в школе праздник. А потом после этого – чаепитие, приглашают наших матерей, угощают всех. Там мы впервые узнали, что такое шоколад. <...>.

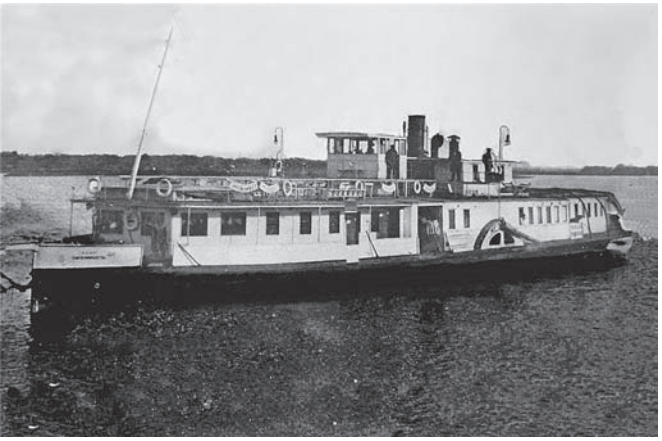
Большие огороды у них были! У них всё на огороде было. И нам доставалось. И управлял огородом немец или американец: он по-русски говорил немного, но чувствовалось, что он иностранец. <...>.

Дом Горохова

Автомобиль Горохова

И вот картошку они выкапывают: вывернут то, что на клубне, а то, что осталось там – запускают плуг, и население выбирает. Картошка, огурцы, помидоры... Но помидоры мы никто не ели, даже запаха не хотели помидорного. А вот тогда считалось, что это не вкусная еда. Бывало, на огороде наберём, принесём домой, а мама нас наругает. <...>.

Хоронили Горохова в Бердске. Это было в седьмом году. Мы как раз только переехали. Все приезжали школьники встречать его гроб... Хоронили его так: с утра пароход идёт, «Мельник» его. Дошёл он до пристани, его вынесли на руках и перенесли к Церкви. <...>.



Пароход «Мельник»

Всё село было на этих похоронах. Там вой такой был, знаете, когда хоронили его! Пароход воет – и народ ещё сильнее воет. Все плачут, все воют. Все боялись перемен больших. <...>.

Гороховы, я, когда я о них вспоминаю, я только вспоминаю с благодарностью».

Сами по себе эти аудиозаписи стали открытием, однако впереди был ещё более неожиданный рассказ Евдокии Михайловны.

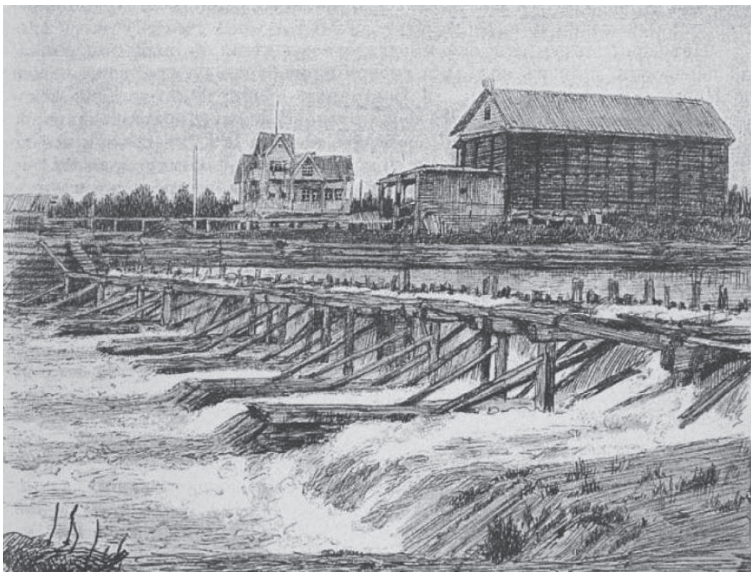
«Сам-то Горохов был простой мужик. Горохов сам-то разбогател случайно. Он был сам работником какой-то там мельницы. Выше там по Берди была какая-то мельница. Он жил там рабочим на этой мельнице.

А потом начали у хозяина сдыхать утки. Перевернётся хвостиком кверху и сдохла. Хозяин сказал: «Ну мёртвых выбрасывайте. Копайте яму, складывайте». В то время люди не нуждались, не считали еду за какую-то проблему.

Реклама 1895 г.

А он, Горохов, заинтересовался, почему они так пропадают вверх хвостиком, почему головой тонут-то, почему? Так бы тонули-то хвостом, наоборот, там же тело-то большое. Он взял одну утку, распорол. И нашел в ней песок золотой. А Бердь-то ведь была светлая и мелкая. И утки это глотали, и тяжесть зоба их то-

Гороховы. Теннис



Гороховская мельница. 1907 г.

пила. Он [Горохов] сообразил это и промолчал сначала, хозяину ничего не сказал.

Хозяин сказал: «Ну ладно, чего они у меня будут утки эти дохнуть, я их сейчас порешу, ну их к чёрту, раз они такие дуры! Что это – дохнут и дохнут!» Разболтанный такой, наверное, хозяин был или слишком богатый, уже не скупой.

И он [Горохов] тогда говорит: «Давай я уток куплю, без уток скучно». Он понял, что он уток купит и будет собирать.

Двухклассное училище. 1903 г.

Пойдёт на пруд смотреть, ага, утка вверх ножками, он её вытаскивает, зоб ей выдавит и опять отпускает, кусочек выйдет из зоба, и она живая. И живут у него утки.

Потом когда узнал хозяин, что он так делал, он ему дал ещё денег: «Давай, будь хозяином, ты хозяин!»

Вот он ему дал и первую мельничку – Горохов строил на деньги своего хозяина. Вот отчего он разбогател. Долго это скрывали. А я узнала это от Гороховской семьи уже».

Вполне понятно, почему за этим рассказом закрепилось название «Легенда о золотых утках Горохова». Но всё же мнения разделились. Одни считают услышанное откровенной чепухой, другие, задумавшись, начинают рассуждать и строить предположения о том, что в этой истории действительно может быть правдой.

Но, так или иначе, сам собою обозначился вопрос: а что на самом деле известно о жизни Горохова до Томского/Бердского периода? Вряд ли нашёлся бы человек, сумевший аргументированно дать развёрнутый ответ.

Недолго думая, бердский музей снарядил экспедицию в Иркутск, где началась интереснейшая исследовательская работа. Проект так и назвали: «Ранний период биографии купца 1-й гильдии В. А. Горохова», а его результаты уже вскоре дали основания к серьёзным корректировкам жизнеописания известного сибиряка.

Всем, кто хотя бы однажды работал в архиве, известно, что результат поиска – это сочетание хорошей подготовки с удачей. Можно пролистать тысячи страниц всевозможных документов и не найти ничего по заданной теме. А бывает и так, что с первой страницы начинают открываться архивные сокровища.

Из более миллиона дел, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), нашлось именно то, которое рано или поздно должно было попасть в руки исследователей биографии В. А. Горохова. Уже на титульной странице в заголовке важнейшая информация: «Дело по прошению Минусинского мещанина Владимира Горохова о взыскании с купца Домбровского денег за службу» (Ф. 24, оп. 5, ед.хр. 1142).

Горохов – мещанин. Из Минусинска. То есть не был рождён в купеческой се-

мье, как можно было услышать ранее. А география поисков документов расширилась ещё на один город, ранее неизвестный в биографии Горохова.

Из этого же документа узнаём имя отца: Александр Акимов[ич] Горохов – минусинский мещанин.

И далее, написанная рукой самого Владимира Горохова, следует история того, как начиналась его трудовая деятельность. Вот что пишет выпускник Иркутской мужской гимназии 1867 года (орфография и пунктуация сохранены):

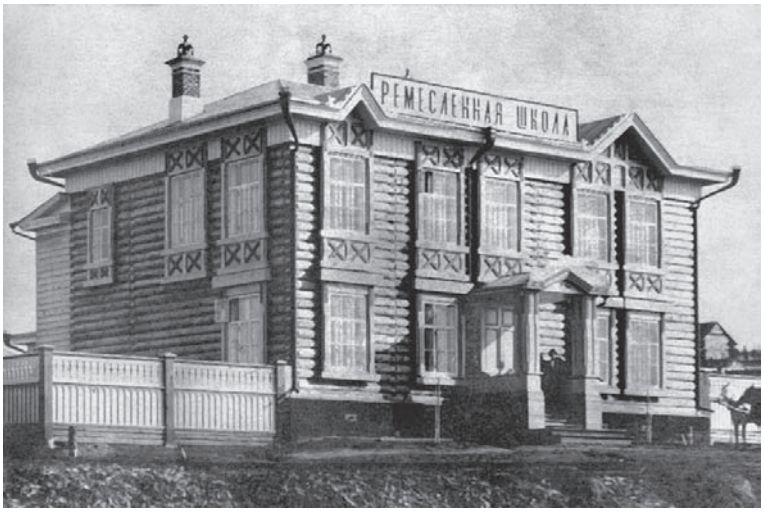
«В 1868 году я поступил на службу к Иркутскому первой гильдии купцу Якову Савельеву Домбровскому в качестве доверенного при одном из оптовых его винных складов. <…>. Кроме того я должен был исполнять и другие возлагаемые на меня обязанности, за что заключенным контрактом и договорились получать жалование с Домбровского 300 рублей серебром в год с готовым со стороны Домбровского столом.

В скором времени я получил назначение поехать в село Витимское Киренского округа для заведования вновь открываемым оптовым складом вина, торговли припасами, разного рода товарами и виноградными винами. А так как с открытием упомянутого торгового дома торговля под моим управлением стала расти и достигла больших размеров так что в течение двух с половиной месяцев равнялась 300 тысячам и мне самолично стало невозможным заведовать всеми делами, то я должен был нередко приглашать для помощи посторонних известных мне лиц, производя им, разумеется, плату из собственного жалования 300 руб., во внимании чего Домбровский обещал мне вдобавок к жалованию переплачивать по 10 копеек с каждого проданного со складов литра вина и по 5 коп. с рубля товаров, припасов и виноградных вин.

Но письменного факта на прибавку мне жалования от Домбровского я не требовал, а верил его обещаниям за ручательствами честного слова. Подобного рода доверие с моей стороны было сделано на видах того, что он мой хозяин и что средства его всегда позволяют уплатить мне договоренные проценты с рубля вдобавок к жалованию. <…>.

Причина же раздоров между мною и Домбровским следующая: в июне месяце 1870 года Домбровский по приезду в Витим требовал от меня продажи вина 35 градусов с таким, чтобы приобретение было в его пользу. Исполнение подобного рода предложения влекло за собой мою личную ответственность перед законом, а равно и перед Домбровским. <…>.

Но так как на подобного рода предложение я не согласился, то Домбровский прикомандировал к витебскому складу служащего еврея Гусинского, приказав мне сдать ему все наличные остатки вина, припасов и товаров, которых отпуски должен был производить Гусинский, имея, вероятно, в виду что Гусинский независимо от меня будет буквальным исполнителем противозаконных распоряжений Домбровского».



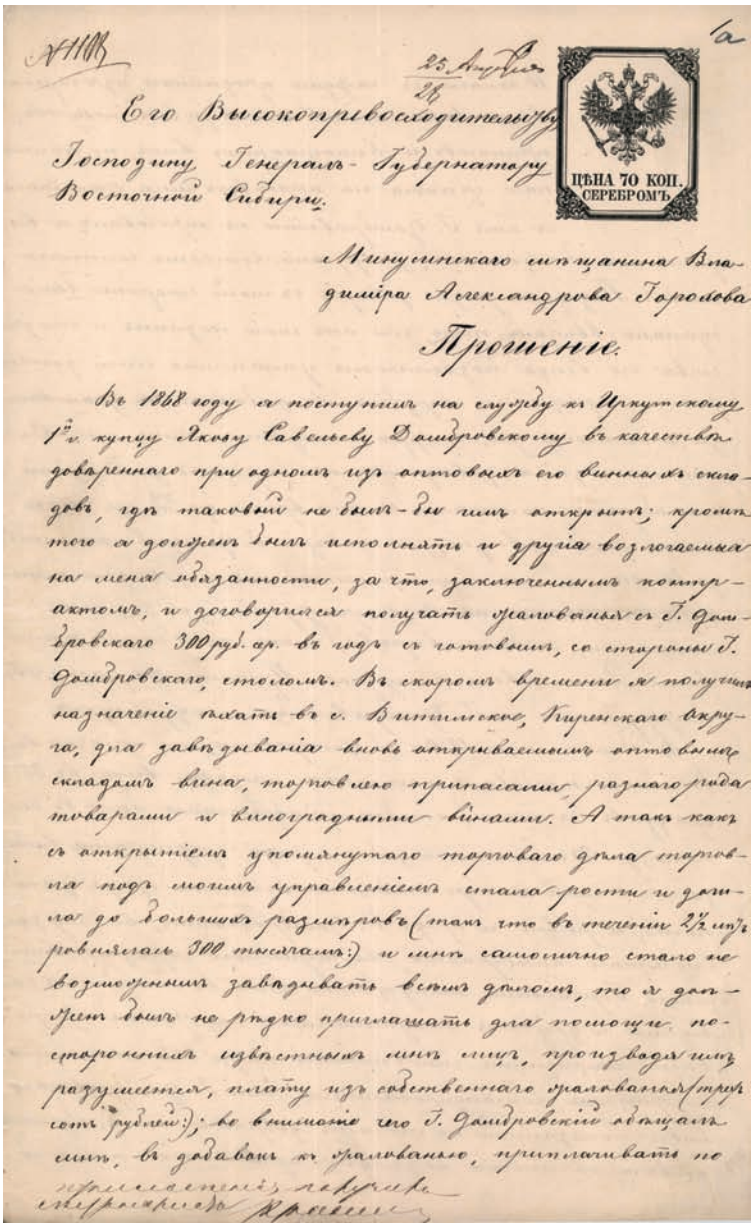
Ремесленная школа купца Горохова

Далее последовала проверка Витимского склада и решения проверяющего не в пользу Горохова, что послужило причиной его увольнения по собственному желанию.

«Теперь же мне оставалось только одно, чтобы покорнейше просить и ожидать милости от Домбровского, который на просьбы мои не хотел обратить никакого внимания, а между прочим, требовал от меня возвращения от меня таких фактов, которые

в настоящее время и при моем положении могут служить для меня единственной опорой; в этих письмах проглядывают несколько неблагородные действия со стороны Домбровского и отступление от законов правительства. Но на подобного рода сделку я не согласился и тем окончательно вооружил его против себя. После чего Домбровский уже стал выказывать свою влиятельность, выразившись так: «если ты представишь против меня что-нибудь (те самые письма), то я постараюсь, сколько бы мне это не стоило, сослать тебя в Якутск».

Прошение, написанное рукой Горохова



Его Высокопревосходительству
Господину Генерал-Губернатору
Восточной Сибири.

ЦѢНА 70 КОП. СЕРЕБРОМЪ

Минусинскаго мѣщанина Владимира Александрова Горохова

Прошеніе.

Все вышеизложенные действия и угрозы Домбровского как человека богатого, заставляют меня искать защиты Вашего Высокопревосходительства и, в тоже время покорнейше просить об удовлетворении меня Домбровским причитающимися по расчету деньгами и возвращения неправильно задержанного им моего векселя на сумму 4600 руб.»

В этом документе прослеживается не только ход конфликта, но и наглядно проступают деловые и человеческие качества ещё молодого Горохова.

К сожалению, дело было перенаправлено в другое отделение. Но из дальнейшей биографии мы знаем, что Горохов не оказался в якутской тюрьме, куда, по всей видимости, Домбровский и грозился упечь неудобного законопослушного служащего – биография продолжилась в других сибирских городах.

Кстати, в этом же документе имеется адрес, по которому на момент написания прошения проживал Горохов: *«Жительство имею в Иркутске, по 3 части, в Соломатовской ул., в д. Кудреватых».*

В многочисленных статьях о Горохове попадается информация о том, что у него были дома в Москве, Томске, Красноярске, Иркутске, Новониколаевске. Однако, что касается Иркутска, пока документально подтвердился лишь факт проживания по улице Соломатовской. Но очевидно, что на тот момент дом принадлежал человеку по имени Кудреватых.

Впрочем, неподтверждённой, зачастую придуманной информации о В. А. Горохове, увы, очень много. Так, например, кочует из источника в источник фантазия о том, что купец завещал похоронить себя в Бердске. И якобы именно поэтому его тело спустя полтора месяца после похорон на Ваганьковском кладбище эксгумировали и перевезли в Сибирь. Однако никто никогда не видел этого завещания, а, «появившись» как версия, это предположение пустило корни, и стало выдаваться за факт.

Возможно, когда-то и станет известна истинная причина, но пока можно

Склады Горохова

лишь предполагать, почему понадобилось совершить столь непростое посмертное предприятие.

Возвращаясь к документам ГАИО нужно сказать, что «Дело по прошению» (Ф. 24, оп. 5, ед.хр. 1142) стало не единственным, пролившим свет на ранний период биографии В. А. Горохова. Важную информацию предоставили метрические книги.

Так из книги Нижне-Илимской церкви за 1876 – 1881 гг. (Ф. 790, оп. 1 ед.хр. 32) застаём В. А. Горохова с женой Анной Ивановной восприемниками при крещении младенца Марии, рождённой 27 марта 1880 года. Сам по себе этот факт не был бы столь важным, если бы в метрических книгах не было информации о социальном положении. И вот она – долгожданная находка: в 1880 году Горохов – Киренский купец 2-й гильдии. Эта информация даёт надежду узнать ещё больше фактов о периоде биографии между окончанием гимназии и получением Гороховым купеческого удостоверения. Появление географических названий – это всегда новые зацепки в исследовании.

В этой и ещё одной книге за 1882 – 1885 гг. (Ф. 790, оп. 1, ед.хр. 33) обращает на себя внимание тот факт, что супруги Гороховы, а также, кстати, и отец Горохова – минусинский мещанин Александр Акимов[ич] часто становятся крёстными. О чём говорит и как характеризует Гороховых это наблюдение? Оставим читателям возможность самим поразмыслить над этим.

Отправляясь в Иркутск, была надежда пополнить небогатый личный фотоархив Горохова. Снимки, возможно, могли храниться в гимназии, где учился Владимир Александрович. Однако сотрудники музея истории Иркутска рассказали о большом пожаре 1879 года, уничтожившем бóльшую часть города и, вероятно, и архив гимназии. Так что пока удалось увидеть лишь снимок самой гимназии (сегодня в этом здании находится художественный музей). А запечатлённый в хорошем качестве образ Горохова по-прежнему остаётся мечтой историков и исследователей.

Зато другие фотодокументы, привезённые из ГАИО, позволяют увидеть Иркутск таким, каким его видел совсем ещё молодой Владимир Горохов. Частицу уклада большого города позже перенёс он в Томск и Бердск.

Итак, работа в Государственном архиве Иркутской области позволила установить происхождение Горохова, изначальный город проживания, имя отца и место получения гильдейского (2-й гильдии) купеческого свидетельства. Также стало известно, что начинал будущий купец с торговли вином, а из «Дела о прошении» явственно проступили черты характера будущего купца и мецената.

Легенда о золотых утках не получила своего подтверждения и осталась лишь легендой. Но кто знает, что ещё явится исследователям с непролистанных пока страниц истории?! Главное – не прекращать поиски. Своего часа ждут ещё сотни документов.

Татьяна Свиридова

Мошковский район

История Московско-Сибирского тракта

Тракт шёл от Москвы через Муром, Арзамас, Козьмодемьянск, Казань, Осу, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Большие Уки, Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Колывань, Томск. Северная ветка шла на Енисейск, Якутск, Охотск. Южная ветка шла на Иркутск, Верхнеудинск. Восточная ветка шла на Нерчинск и вдоль Шилки и Амура до Кряхты и называлась «Великий чайный путь». Из более поздних карт известно, что за Чаусским острогом далее по Московскому тракту следовал почто-

Переправа через Обь

вый станец Орской Боръ, следом через 13 вёрст находился летний перевоз через реку Обь в д. Дубровино, после неё – д. Ташаринская (Ташара), Умрева, Вороново, а за ним ещё через 20 вёрст – село Ояшинское на р. Ояш, Балта, Бурлиха, далее тракт проходил через Болотное.

Своей протяжённостью тракт превзошёл все восемь государственных трактов вместе взятых и являлся самой длинной гужевой дорогой мира. На Сибирский тракт переселяли ямщиков из европейских регионов России, здесь же селили ссыльных, помещичьих крестьян, сданных в зачёт рекрутов, обживали эти места и вольные переселенцы из России, других районов Сибири. Постепенно он стал линией наибольшей густоты сибирского населения. Переселенцы на тракт освобождались от всех повинностей на два года, кроме подушной подати за то, что на них возлагалась перевозка курьеров и чиновников по службе.

По положению Дорожного Устава Российской империи все дороги России были поделены по своему значению на пять классов. Но в Сибири даже главный гужевой тракт – Московский, связывающий между собой Сибирь и Европейскую Россию, относился к 3-й категории, т. е. – «обыкновенных почтовых сообщений из губернии в губернию».

Так как на содержание госказной были отнесены только дороги 1-го класса, то все остальные дороги содержались за счёт региональных источников финансирования и несения местным населением натуральных дорожных повинностей. В результате ежегодно в течение десятилетий до четверти работоспособного населения притрактовых поселений на один-полтора месяца привлекались к работам по поддержанию дороги.

Срок доставки грузов от Иркутска до Москвы (это 5 тыс. вёрст) составлял 2–3 месяца. Казённая же почта из Петербурга в Иркутск приходила в 31 день, в среднем делая по 285 вёрст в сутки. А вот фельдъегерям-курьерам государевым на путь от Москвы до Иркутска давалось лишь 20 суток – и не более!

В архивных источниках отмечается дешевизна Западно-Сибирских путей сообщения: перевозка товаров на лошадях обходилась «от полушки (четверть медной копейки) до полуполушки с пуда и версты».

Цена пассажирских перевозок в Западной Сибири также была невысока – не более гроша (2 копейки) с лошади и версты. Да ещё за перевоз через реку в летнее время надо было доплатить по 30 копеек с лошади. В обе стороны шли обозы и караваны с товаром, перевозилось золото, почта, ехали чиновники, переселенцы, воинские команды. Ежегодно по тракту (по тележному и санному пути) проходило до 100 тысяч подвод.

Московско-Сибирский тракт стал крупнейшей государственной транзитной сухопутной дорогой, связывающий Центральную Россию с Сибирью. На всём его протяжении были созданы почтовые станции, получившие тюркское название – «ям», а людей, занимавшихся грузоперевозками или пассажирскими перевозками на гужевом транспорте, стали называть ямщиками. Ямщики владели лошадьми, предназначенными для перевозки почты, царских посланников, государственных деятелей и других важных особ; находились на государственной службе, получали жалование и были наделены пахотной землёй. Возглавляли ямские слободы приказчики и выборные старосты.

Ямским организациям оказывала помощь местная сибирская администрация. Благодаря этому ямщики, начав свою деятельность в качестве «охочих» людей, превратились в особое сословие (дожившее до 25 февраля 1825 года и перераспределённое в другие сословия указом Сената), отличавшееся от государственных крестьян.

Ведущая роль в товарном извозе принадлежала крупным фирмам. Наиболее известной из них была транспортная гужевая фирма томского купца Евграфа Кухтерина. Вторая в Сибири крупная транспортная фирма по гужевому извозу принадлежала бывшим крестьянам – братьям Фёдору и Филиппу Пушниковым, родом из Тюменской области. Денежный оборот составлял 1 672 891 рубль, а прибыль – 23 635 рублей.

Помимо гужевого транспорта по большому Сибирскому тракту пешком передвигались партии ссыльных. Согласно административной реформе арестантские партии следовали по своему пути, разбитому на 61 этап. Заключенные после двух дней пути по маршруту могли отдохнуть в пересыльной тюрьме. Служили для этих целей и этапные избы, которые находились практически на всех почтовых станциях. Иногда в пути следования арестант мог заболеть и умереть. Тогда его труп клали на подводу и продолжали везти следом до очередного этапа. За период с 1783 по 1883 годы по маршруту Сибирского тракта прошло приблизительно 1,5 млн заключенных. Были среди них и политические бунтари.

За месяц арестантская партия должна была проходить около 500 вёрст. Для предупреждения «побегов и удобнейшего распознавания ссыльных» им брили правую половину головы. Этап у любой деревни представлял собой обширный огороженный двор, внутри которого располагались несколько низеньких одноэтажных деревянных зданий, окрашенных в грязно-жёлтый цвет. В одном из помещений размещались на ночь офицеры, в другом – солдаты, в третьем, самом большом – арестанты. В арестантской казарме было несколько камер с кирпичными печами и двумя рядами нар из досок. Пешее передвижение по тракту было очень изнурительным, а длительность перехода от Петербурга до Иркутска доходила до двух лет.

По Сибирскому тракту были отправлены в ссылку: А. Н. Радищев за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой он критиковал самодержавие и крепостное право; Н. Г. Чернышевский за создание революционной организации «Земля и воля» и призывы к революции; писатель В. Г. Короленко за участие в студенческом движении.

Из 121 декабриста, осуждённого Верховным уголовным судом на каторжные и крепостные работы и на поселение, были этапированы 115 человек. Вопреки действовавшему законодательству, декабристов, приговорённых к каторжным работам, везли в ножных кандалах. В соответствии с утверждённым порядком предписывалось: маршруты следования сохранять в тайне; в Сибирь из Петербурга отправлять только по Ярославскому тракту, минуя Москву; отправку производить не в один день, а группами по 2–4 человека через сутки, тайно и по ночам; при каждом преступнике иметь 1 жандарма, а при группе – 1 фельдъегеря.

В 1826 году через Обь проследовали в нерченские рудники декабристы: Волконский, Трубецкой, Давыдов, Муравьёв, Оболенский и Якубович. Следом за своими мужьями в добровольную ссылку по «Владимирке» проследовали их жёны. Отправляясь в Сибирь, они лишались дворянских привилегий и переходили на положение жён ссыльнокаторжных, ограниченных в правах передвижения, переписки, распоряжения своим имуществом и т. д. Они не имели права брать с собой детей, а возвращение в Европейскую Россию не всегда разрешалось даже после смерти мужей. На выезде из Дубровино, как раз по движению тракта, растёт огромная ветла, которой больше 100 лет, местные жители говорят, что её посадила жена декабриста, княгиня М. Волконская по пути следования на каторгу к мужу.

Влияние тракта на развитие села Дубровино

Ямская служба на тракте

По данным историка Н. А. Миненко, деревня Дубровино была основана в ведомстве Чаусского острога в начале XVIII в. (1715 г.). Село Дубровино раскинулось на правом берегу Оби. На противоположном берегу Оби сохранились остатки старой деревни – старого Дубровина, которое называли Заречьем и через которое на паромах и лодках переправляли тех, кто ехал Московско-Сибирским трактом. Переправа через Обь как раз и обеспечивала функционирование этого тракта, служившего до конца XIX в. На тракте от Тюмени до Кяхты было 22 переправы через крупные реки. Первоначально переправа через Обь находилась в 58 верстах от Чаусского острога в районе Ташары, но позже переправу перенесли выше по реке в с. Дубровино и там сделали государственный паром. Упоминание полуэтапа в Списке 1859 года и этапного здания в Списке 1893 года снова напоминает нам о том, что тракт до конца XIX в. был предназначен не только для перевозки почты, грузов и пассажиров, но и для передвижения на восток под конвоем ссыльных и каторжан. В Дубровино колонны ссыльных делали остановку для отдыха.

В 1893 году впервые фиксируется наличие в селе образовательного учреждения – сельского училища, а также телеграфа, пароходной пристани с переправой через Обь, крупчаточной мельницы, пункта забоя скота, что свидетельствует о разрастании сельской инфраструктуры. В селе десять улиц. Самая старая улица – Советская, раньше она называлась Большой, по ней и проходил тракт. Здесь шли ссыльные, в том числе и декабристы. По этой дороге проезжал А. П. Чехов, когда направлялся на Сахалин... «Наказание с этим разливом! В Колывани мне не дают почтовых лошадей; говорят, что по берегу Оби затопило луга, нельзя ехать. Задержали даже почту и ждут насчёт её особого распоряжения. Станционный писарь советует мне ехать на вольных в какой-то Вьюн, а оттуда в Красный Яр; из Красного Яра меня повезут вёрст 12 на лодке в Дубровино, и там уж мне дадут почтовых лошадей».

В 1904 г. в Дубровино проживало 589 человек, в 1911 году – 1220 человек, село занимало 8540 десятин земли, здесь располагались сельское училище, почтово-телеграфное отделение, земская станция, хлебозапасный магазин, 10 торговых лавок, казенная винная лавка, пивная лавка. Жители с. Дубровино заготавливали фураж для лошадей (увеличение запашек под посевы овса, использование залежей в качестве сенокосов), занимались реализацией товарного хлеба, разводили лошадей, в селе строилась кузница, а также развивались промыслы, связанные с обслуживанием тракта: тележный, колёсный. Жители села занимались извозом (почтовая гоньба, ямщина), содержали постоялый двор.

Андрей Казаринов

Тогучинский район

Помнят изылинцы мастера

Попов Спиридон Тимофеевич

Роста он был невысокого, напоминая формой своей груздок, что перерос из-за хорошей погоды. Когтист был мой земляк, имел сильные руки. А всё, видно, потому, что, складывая русскую печь с плитой, надо было уложить не менее тысячи кирпичей, а каждый из них весил три кило.

Стало быть, работая с подсобником, коим чаще всего был его сын, Спиридон Тимофеевич Попов перемещал от точки А до точки Б не менее трёх тонн. Добавьте к этому тщательный просев песка, который доставлял изылинец с реки Ини, подготовку глины и цемента для приготовления раствора, старательное перемешивание его компонентов. Причём все это делалось, вроде бы и неспешно, но у мастера не было ни одного лишнего движения: всё было

за десятилетия кладки печей в деревенских избах выверено до миллиметра. Словом, мастер, повторюсь, может быть, торопился медленно. А сына, кажется, звали Василием, но вот продолжил ли он отцовскую линию в жизни, не могу вспомнить.

Свидетельствую с полной ответственностью перед памятью Мастера: по 50–70 лет стоят в Изылах творения печника Спиридона Попова. Хорошо греют и в лютый мороз, и в зимние вьюги.

Правда, цивилизация 20-го века, сильно двинувшая вперед и машиностроение, и авиацию, и атомную науку, побудила некоторых изылинцев русские печи демонтировать и заменить печами, сделанными из чугуна. Но я вдруг увидел, как проницательный мужик, нет, мужики, один за другим заулыбались, усмехаясь тонко: «Что и трубы заменили чугунными продуктами?»

Нет, та часть печей, что означают трубами, подвешивалась на толстых вагах, так что присоединение чугунного тела печи к её продолжению в виде трубы из кирпича осуществлялось почти бесплатно.

Попов Спиридон Тимофеевич

Строил Спиридон Попов и голландские печи, что красовались в изылинской начальной школе. Правда, морозы в 1938 – 1976 годы были такими, что воробьи замерзали, порой, на лету. И всё равно, голландские печи грели исправно, а топливом для них служили дрова.

Могу сообщить, что Спиридон Попов мог обращаться с кровельным железом. Он крыл железом, довольно толстым, и изылинскую начальную школу, которая сначала была семилетней, но после перевода центра объединенного колхоза в Чертенково-Заречное она стала начальной и ещё 31 год таковой оставалась.

Так вот, Спиридон Попов так покрыл железом крышу школы, что она служила не менее 55 лет исправно и не протекала.

Пастух и гармонист

Роман Фёдорович Левин

Это – о Романе Фёдоровиче Левине, который до 1904 года носил фамилию «Федореев». Именно в 1904-м, в год начала русско-японской войны, когда он призывался в Порт-Артур, он поехал в город Томск. «Сибирские Афины», как его называла губернская пресса, и покопавшись в церковных записях Воскресенской церкви, стал Левиным. Лично я не вдавался в причину перемены фамилии, а вот с семи лет я видел и знал его жизнь.

Принадлежал он к незажиточным крестьянам села Изылы, имея трёх лошадей и четыре коровы, а овцы почему-то у него не приживались, хотя у соседей их было по двадцать – тридцать.

Сколько помню его, он пас колхозных коров, причём не на лошади, а пешком. Никому и в голову не приходило, что за рабочий день пастух проделывает путь, пожалуй, километров в 40, не меньше. Если бы сейчас кого-то попросили пасти коров таким макаром, вряд ли бы кто согласился на такую должность.

Однажды Роман Фёдорович взял с собою гармонь, на которой недурно играл и сыграл своим бурёнушкам вальс «На сопках Маньчжурии».

– Знаешь, корреспондент, – делился он со мной своими впечатлениями, – коровы, оказывается, очень впечатлительны к музыке. Они собираются вокруг тебя, сидящего на пеньке, и внимательно слушают музыку. Самые умные плачут, слёзы крупными горошинами бегут из их глаз. А ещё я заметил, что и змеи могут слушать музыку. Тут их немало водилось, потому что кругом – отроги Салаирского кряжа. Змея, свернувшись колечком, лежит на пеньке в солнечный день, и по всему видно, что слушает музыку. И глаза змеи в такой момент совсем не кажутся злыми.

Пастух и гармонист Роман Федорович Левин

На мой вопрос, сразу ли он вошёл в колхоз, созданный в Изылах в тридцатом, он не сразу отвечал. Но однажды всё-таки признался: «Нет. Поколесил по области, тогда – Западно-Сибирскому краю, был, например, в Чистоозёрном районе. Но везде шла коллективизация – и бурными темпами. В Изылах, кстати, образовалось сначала три колхоза – «Весёлый труд», «Красный самолёт» и «Путь Ильича». В 1938-м они объединились в колхоз «Советская крепость», который имел 500 трудоспособных. Когда началась война, более 156 человек призвали в Действующую, причём в первые же дни войны. Правда, часть призывников отправили на Восток, а больше всего – на Запад, под Смоленск и Москву.

Потом уже Роман Фёдорович окончательно осел в Изылах, вступил в колхоз, стал работать пастухом и гармонистом. Слушали его коровы, слушали звери лесные, слушали люди, работающие в полях, и радовались красивой музыке, улетающей далеко за пределы видимого края и мирной жизни.

Вячеслав Кажаев

Бердск

Острожный

Вокруг возраста Бердска и самого его жизнеописания существует множество легенд и сказок. Даже в самом его названии: ранее оно часто писалось без буквы «д» – Берск. И хотя мы отсчитываем возраст поселения от 1716 года, упоминания о бердчанах есть в документах и 1708 – 1710 годов.

До русских здесь жил народ под названием теленгеты. Русские называли их «белыми калмыками», или телеутами. После основания Томска русские предприняли несколько попыток привести теленгетов в подданство «Белого царя», но они не удались. А 31 марта 1609 года был даже заключен единственный в истории покорения Сибири межгосударственный Договор о военно-политическом союзе между Русским царством и Теленгетским улусом.

Отношения между соседями то смягчались, то вновь осложнялись. Военные стычки, малые и побольше, происходят на территории Южной Сибири весь XVII век. Беспрестанно происходит борьба за промысловые угодья, «учиняется разорение», угоняются лошади и рогатый скот, у телеутов укрываются беглые.

Во второй половине XVII века позиции Русского царства укрепились и условная граница между государствами (межа) тогда прошла чуть южнее будущего Новосибирска, по линии реки Бердь. Появление русских на Берди (д. Морозова) фиксируется 1708, 1709 годами. А в 1716 году на южном её берегу был заложен новый острог. Он стал первым выжившим русским укреплением, построенным уже за «телеутской межой».

Сохранилось и его описание: «Соединение обеих рек, которые окружают острог с двух сторон, делает необходимым укрепление лишь одной трети его окружности, и стена, состоящая из брёвен и кольев, проведена в виде дуги от

Макет Бердского острога

Оби до Берди. За стеной есть ещё ров с поставленными вокруг рогатками и надолбами. Жилые дома вместе с публичными зданиями: церковью Сретения Богородицы, домом приказчика, судной избой и амбарами, – все находятся внутри острога. Гарнизон состоит из беломестных казаков, которые из артиллерии имеют лишь одну трёхфунтовую железную пушку».

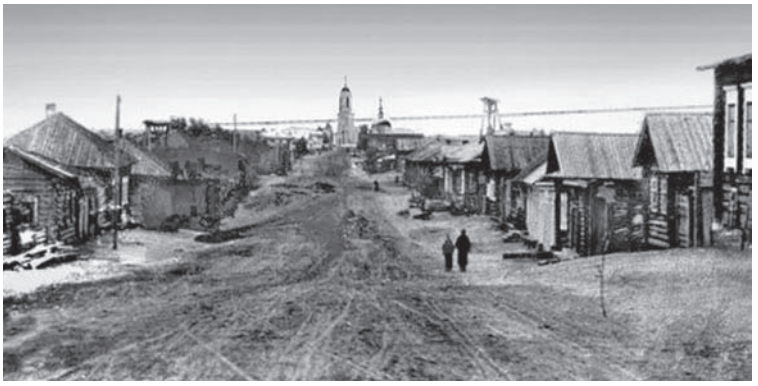
Вокруг острога стали активно заселяться крестьяне, вскоре образовалось уже 45 деревень. Жители их за мизерную плату использовались на трудоёмких вспомогательных работах Колывано-Воскресенских заводов: вырубке леса, заготовке дров, перевозке руды, поставке продовольствия.

С 20-х годов XVIII века через Бердский острог проходил тракт из Барнаула, созданный для связки алтайских горных заводов с Московским трактом. Эта дорога добавила бердчанам новых хлопот. Теперь они ещё были обязаны нести повинность по её содержанию, ремонту и извозу. Но тракт этот превратил село Бердское в один из ключевых пунктов перевалки водного и гужевого транспорта. Он, называемый ещё «казачьей дорогой», вился по берегу Оби, доходил до пристани, а далее подводы-телеги грузились на паром, переплывали через Обь в Верхние Чёмы, и на Ерестную (нынешний Станиславский жилмассив), Катково до деревни Тырышкино, где уже выходили на Московский тракт.

Здесь необходимо отметить, что по правому берегу Оби проезжего тракта от села Бердское на север до начала XX века не было. Даже после возникновения посёлка Ново-Николаевский первые десять лет попасть в него можно было той же переправой на левый берег, потом после Верх-Чём дорогой на Бугры, снова на паром и обратно на правый берег, на улицу Трактовую (Большевистская). И только в 1904 году городские власти начали прокладку на юг более короткой дороги, в проектировании которой, кстати, принимал участие будущий знаменитый архитектор А. Д. Крячков.

Но вернёмся обратно в XVIII век. Робостью бердчане явно не страдали. Сначала они успели повоевать с телеутами, а в 1724 году начали гонять своих высокопоставленных мздоимцев. Местные приказчики и чиновники, начиная с кузнецкого воеводы Серединина, требовали с крестьян подношения, в первую очередь, меха лисиц и белок. Несогласных избивали, держали в «каморе».

И вот бердский житель Прокофий Соколов открыто выступил против поборов, собрал вокруг себя недовольных и пожаловался в Томск – губернатору. Противостояние продолжалось два года. После нескольких попыток усмирения власти схватили смутьяна, но крестьяне отбили его обратно, тонко намекнув пришедшим: «А у нас де на реке Бочанке прежде сего бывало много бивали и в воде прятали».



Село Бердское

На следующий год против упорствующих «государевых противников» был послан целый казачий отряд в 40 человек. Крестьяне опять не подчинились «воровскому указу» воеводы и отказались выдать Соколова, а после очередной попытки арестовать вожака разъярённые бердчане «в скопе» побили слу-

жилых людей дубинами. Начальников – сотника и приказчика – буквально чуть живых унесли с площади. Власть в Бердском фактически перешла в руки бунтарей. Лишь тогда в дело вмешался губернатор – крестьянам пришлось «принести вину». Спустя пять лет после начала бунта его руководители публично биты кнутом, а сам Соколов заключён в застенки Тобольска.

Но Прокофий бежал, вернулся в Бердский острог и «наипаче прежнего жителей научал и бунтовать возмущал» против взяток приказных людей. Тогда дело имело за собой следствие и отстранение чиновников от власти. Но и новые были не лучше, и крестьяне стали исполнять свои намёки. Так в январе 1737 года новый приказчик Хабаров неожиданно «умре».

Бердский острог стал крупным поселением. В середине XVIII века в нём и окрестных деревнях насчитывалось 433 двора, в которых проживало 1582 человека мужского пола. Острог никогда не подвергался атакам неприятеля, его не подновляли и со временем земляной вал осыпался и зарос, почти столетние стены и башни стали ветшать, разрушаться. Они были разобраны и пущены на дрова.

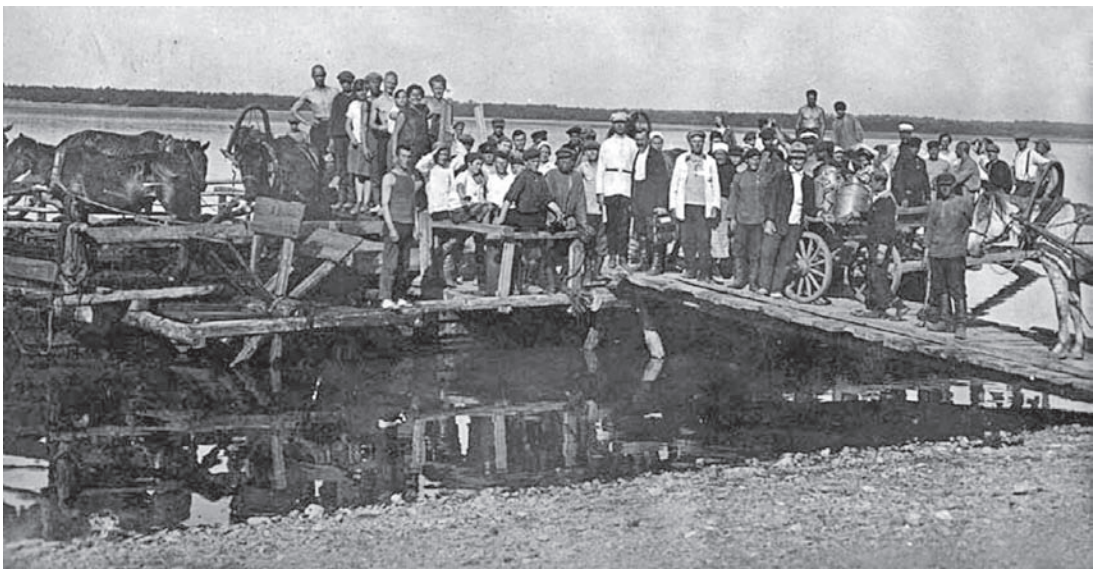
Так закончилась история острога и началась следующая жизнь Бердска, успевшего побывать и крепостью, и губернским городом, быть утопленным и воздвигнутым вновь.

Столичный

В конце XVIII века Бердский острог на полтора десятка лет неожиданно становится городом – и не рядовым, а губернским (!), с именем… Колывань. Весной 1783 года Колыванская область была переименована в губернию, и вышел именной указ императрицы Екатерины II: «Повелеваем Губернскому городу быть в Бердском остроге, именовав оный Колывань». В состав новой губернии было включено пять уездов: от Иртыша до восточного Красноярья. Так Бердск стал центром огромной по площади губернии – около 557 500 кв. вёрст, 1 266 селений.

В Колывань (Бердск) привезли десятки строителей. Пространство вокруг острога быстро застраивалось. Появились новые дома, мастерские, склады, конторы, целые улицы. Но вот губернские учреждения пустовали. Чиновники вовсе не спешили перебираться из своих уютных гнёздышек в захолустье. Они предпочитали оставаться с семьями в обжитых Барнауле, Бийске, Кузнецке, а в «центр» наведываться лишь по делам. Что говорить о полицмейстере или прокуроре, если даже сам губернатор, назначенный в Колывань по совмещению с Иркутском, даже не собирался выезжать из последнего.

Лишь Бердская судная изба работала исправно. Её документы пестрят делами о сборе пошлин, сыске беглых



Бердск. Паром

и других нарушениях. Например, навсегда осталось в истории дело 1798 года «о покраже из бердского питейного дома денег».

В общем, новый город активно бойкотировался, и уже в конце 1798 года, через месяц после смерти императрицы её преемник Павел I также именным указом упраздняет Колыванскую губернию, а потом и сам город Колывань, который стал «безуездным знатнейшим селением» Бердское.

Далее длительное забытьё. К середине XIX века в селе насчитывалось всего 140 дворов с 293 жителями.

Но что в Бердском осталось прежним, так это его «бунташный» дух. Как известно, 19 февраля 1861 года правительство издало манифест об отмене крепостного права, а следом, 8 марта сибирские крестьяне освобождались от принудительных заводских отработок с предоставлением пользования «всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодьями».

Но на заманчивой почве обещанных свобод выколачивание из крестьян заводских недоимок продолжалось, и в 1869 году события разразились «Бердским бунтом». Территория волнений ширилась, в Бердское даже приехал томский губернатор Н. В. Родзянко. Он же вызвал из Барнаула солдат, которые в количестве 150 человек прибыли в село Ирменское, где в это время проходил волостной крестьянский сход. В результате столкновений один бунтовщик был убит, двое ранены. 38 человек были арестованы там же. Дальше солдаты пошли по соседним селениям. Более 200 крестьян было наказано розгами, а главных смутьянов специально учреждённый военно-полевой суд приговорил к ссылке в Восточную Сибирь на каторгу или на поселение. Но сбор недоимок был прекращён.

Вошло Бердское и в российскую историю землетрясений. Западно-Сибирская тектоническая плита отличается низким уровнем естественной сейсмичности активности. Но тем не менее Бердск находится на чуть более напряжённом её участке. Есть даже такое понятие «Бердский региональный разлом». Здесь могут происходить небольшие землетрясения.

Крупнейшее зафиксированное из них произошло 4 марта 1882 года. Эпицентр землетрясения магнитудой 5,7 балла находился немного севернее города Камень-на-Оби, в так называемой Каменской зоне сейсмичности. По категории интенсивности оно относится к вилке «довольно сильное – сильное». Наиболее полно это событие описано в многостраничном «Каталоге землетрясений Российской империи», изданном в 1893 году. «В 6 часов утра в селах Бердском и Каинове, в деревнях Мельтюше и Тальменках, Больших и Малых Чёмах и Огурцово вдруг раздался резкий подземный гул, послышались подземные раскаты, а затем началось сильное землетрясение, так что стены домов затрещали. Некоторые крестьяне говорили, что у них от сотрясения попадали иконы с божниц, несколько труб и печей было повреждено. Между Большими и Малыми Чёмами на реке лёд под зимовавшими на нём баржами раскололся, и баржи было немного затоплены. В этой местности землетрясение было последний раз в конце ноября прошлого года». Землетрясения в Бердском зафиксированы и в 1829, 1914 годах, а последнее, самое сильное, произошло 15 февраля 1965 года. В эпицентре близ Камня-на-Оби тогда было 7 баллов.

В 1911 году в селе насчитывалось 466 дворов, 3044 наличных душ, была церковь, двухклассное училище, ремесленная школа, бесплатная библиотека, почтово-телеграфная контора, волостное правление, почтовая и земская станции, вольная аптека, пароходная пристань и т. д. Даже кумысолечебница. Основным занятием бердчан рубежа XIX – XX веков были кустарные промыслы, в первую очередь – изделия из шерсти и кожи, а также маслоделие и мукомольное производство.

Село Бердское стремительно стало расти с конца XIX века. И это вовсе не случайно. Понятно, что сказалось и соседство Ново-Николавска, но ведь окружающие его сёла не имели таких темпов роста. Этому прорыву село обязано купцу первой гильдии Владимиру Александровичу Горохову, человеку, который создал «цивилизованный» Бердск.

Константин Голодяев

Мошковский район

По улице в прошлое

Из документальных видеосъёмок, хранящихся в сельском доме культуры, из воспоминаний старых жителей, а также со слов моего дедушки Владимира Власовича Ляховка мы узнали, что село наше – Кайлы – основано во второй половине XVIII века, и как поселение упоминается ещё в 1777 году. И изначально располагалось вдоль речушки Кайлинка, которая впадает в реку Иня. Разрастаться оно стало, когда из Европейской части России крестьяне отправились на свободные земли Сибири «за лучшей жизнью». Сюда в 1910–1914 годах приезжали из Рязанской, Воронежской, Новгородской, Полтавской, Могилёвской губерний. Переселенцы строили дома из леса, который рос на месте современных улиц. Северная часть села, находящаяся возле реки Кайлинка, называлась «Рязанью», так как там проживали переселенцы из Рязанской губернии. На холме проживали большей частью приезжие с Украины, и эту часть называли «хохлами». Западную часть холма заселили жители с Могилёвщины, эта часть называлась – Мигили. С левой стороны Кайлинки располагалась улица, в простонародье называемая «16 республика». Старые люди и сейчас пользуются этими названиями.

Считается, что название «Кайлы» произошло от татарского «койлы» – привлекательный голос. По-видимому, в прошлом здесь жили хорошие певцы, умевшие хорошо петь, а может быть, это место было излюбленным для певчих птиц. С приходом русских название было приспособлено к русскому произношению – «Кайлы». По второй версии название «Кайлы» – в переводе с тюркского «скала». Однако можно соотнести и с тюркским «кай» – «шипение», «ворчание», т. е. «шипящая».

После революции и гражданской войны в стране стали образовываться коммуны, артели, колхозы. На территории деревни до 1932 года образовалась коммуна, а потом сельскохозяйственная артель.

Улица «Кооператорка». Мельница №4, сельхозартель «Новый мир»

На берегу Ини на склонах холмов ещё до основания артелей в 1915 году была построена водяная мельница, которая после «экспроприации» стала собственностью сельскохозяйственной артели «Новый мир» и получила название «Кооператорка».

Сейчас от неё ничего не осталось, только название этих холмов – «Мельничные горы».

Колхозы в селе появились после 1930 года. Их было пять: «Красная пятилетка» – середина деревни; «Завет Ильича» – за рекой Иня; «Пролетарий» – ближе к деревне Глядень; «Сибирячка» – у реки Кайлинка; «Герой труда» – территория у старой амбулатории.

До Великой Отечественной войны это была очень большая деревня, в ней насчитывалось 500–550 дворов. Сейчас в селе проживает 579 человек.

Паром через реку Иня соединял два берега. На противоположном берегу располагался посёлок Сорочинский, который тоже являлся частью нашего села.

Названия улиц присваивались постановлениями сельского совета. В

1999 году восьмой сессией первого созыва Кайлинского совета депутатов «Об обязательной нумерации домов и наименовании улиц населённых пунктов Кайлинского сельсовета» было принято решение: «Утвердить в населённом пункте с. Кайлы – 10 улиц и домов к ним». В сельской администрации мы взяли копию плана расположения улиц.

Самая протяжённая и самая старая – улица Цибизова. Она протянулась вдоль правого берега реки Иня на 4 км. Своё имя она получила в честь нашего земляка – Героя Советского Союза Цибизова Ивана Андреевича.

Цибизов Иван Андреевич родился в 1915 году в селе Кайлы, после окончания семилетки обучался на курсах механизаторов и работал в колхозе трактористом, бригадиром тракторной бригады. Был комсомольским вожаком, увлекался спортом. В 1938 году был призван на военно-морской флот. В годы войны участвовал в обороне Одессы, в освобождении Новороссийска и Крыма. За мужество и отвагу, проявленные при форсировании Керченского пролива, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. Иван Андреевич погиб в бою за Керченским проливом в посёлке Эльтиген, который был переименован после войны в посёлок Героев.

Примерно в 2003–2004 годах на здании Администрации Кайлинского сельского совета была установлена мемориальная доска с именем героя Советского Союза И. А. Цибизова. В 2017 году установлена мемориальная доска на современном здании школы.

Дом, где проживала семья героя, находился на этой улице. На этой улице ещё сохранились старые кулацкие дома.

В феврале 1964 года был организован совхоз «Восход», центральная контора которого построена на этой улице.

(фото сделано в 1969 году)

С этого года началось строительство производственных объектов и жилого фонда с. Кайлы: здание сельского совета построено в 1975 году. На улице стоит памятник воинам-односельчанам. (фото 1975 г. и 2016 г.)

В архиве школьного музея найдены фотографии зданий, которые уже разрушены, например, на улице Советская находилось здание школьного интерната, в котором до 1983 года проживали учащиеся из сёл Глядень и Ёлтышево. С 1984 года был организован подвоз учащихся из ближайших деревень. Здание осталось бесхозным и очень быстро пришло в негодность.

На улице Школьной в 1957 году на народные деньги было построено здание средней школы. Благодаря этому улица и получила такое название.

Сейчас на этой улице находится новая современная двухэтажная школа, построенная в 1987 году.

Наше село в 2017 году отметило свое 240-летие, по его улицам и домам можно изучать историю. На одних улицах сохранились дома, построенные до революции, на других – дома построенные на средства колхоза, когда он был «миллионером» – это здание медпункта, здание старого детского садика, была построена общественная баня (сейчас столярная мастерская). Последние дома были построены в 1997 году. В последние годы был построен частный магазин (сейчас почтовое отделение), который отражает исторический период нашего времени.

Ул. Школьная в 1957 г.

Очень хочется, чтобы наше село росло и развивалось, чтобы окна домов по вечерам светились, а морозной зимой из труб поднимался дымок, чтобы в родное гнездо вернулась молодёжь и продолжалась жизнь нашего села.

Анастасия Лиманова

Ордынский район, Сузунский район

Самовольные переселенцы

Судя по воспоминаниям моих родственников, мой прадед Андрей Денисович Грива и его жена, моя прабабушка Мария Петровна, жили на Украине в Харьковской губернии, в слободе Юноковка Юноковской волости Сумского уезда.

Прадед был плотником, никакой работы не боялся, всё мог сделать своими руками. Прабабушка Мария Петровна, тихая, спокойная женщина, вела домашнее хозяйство, умела ткать, вышивать, вязать, очень хорошо готовила. На тот момент у них было трое детей – Пётр, Феодосья (Феня) и Степан. Жили они дружно, но острая нехватка земли сказывалась на их жизни, так же как и на жизни многих других крестьянских семей. Урожая хватало только на прокорм, а продавать или менять было нечего – никаких излишков уже не оставалось.

И вот в стране началась переселенческая реформа. Сначала они с опаской отнеслись к этим событиям. Но земельный голод гнал людей в сказочную Сибирь. Стали доходить слухи, что там получают большие наделы земли и являются полными её хозяевами. Дорога, по слухам, была «тяжкой», но прапрадеда манили вольные земли, и он решил ехать в далёкую Сибирь. Посоветовались с роднёй и друзьями, и три семьи решили переезжать – мол, вместе не пропадём. Отправляли ли эти семьи ходоков – неизвестно, однако судя по тому, что не сохранилось воспоминаний о каких-либо льготах или субсидиях государства, скорее всего, они были как раз «самовольными переселенцами».

Прабабушка ехать не хотела, горевала, плакала, но деваться некуда: «Куда иголка – туда и нитка», как любила повторять прапрабабушка. В день отъезда, летом, она испекла лепёшку и сказала братовой жене: «Засуши на память, не свидимся больше».

До станции ехали на лошадях, а там на поезде до Москвы. Дорога для семьи прапрадеда Андрея стала очень тяжёлой и трагичной. Ехали на поезде в обычных вагонах, без каких-либо условий, продукты экономили, т. к. не знали, что их ждёт впереди. В дороге заболел младший сын – Степан, а позже, когда уже доехали, он умер «от жара», не вынес дороги. Прабабушка Маша

очень переживала, плакала. Но ничего не поделаешь, жить надо дальше…

В Москве на вокзале было много народа – в основном переселенцы. Из столицы прадед, его семья и ещё две семьи ехали поездом до Новониколаевска, а оттуда на барже добрались до Завьялово. Эта баржа была специально отведена для перевозки переселенцев. В Завьялово приехали во второй половине дня, знакомых никого нет. Попросились переночевать в крайней избе. Хозяин дома поведал им, как здесь живут, чем занимаются. Сказал, что за восемьдесят вёрст находится село Битки, там уже живут переселенцы, но есть много свободных земель. Посоветовавшись, семьи решили добираться до этого села. Ехали туда на лошадях двое суток и, наконец, добрались до заветных свободных земель. Тот факт, что прапрадед и его родные не знали, куда именно ехать, говорит также в пользу версии о самовольном переселении, ведь семьи, отправлявшие ходоков, ехали уже на конкретный участок.

Самовольным переселенцам также выдавались участки, выдали их и прапрадеду с его родственниками, в необжитом ещё месте. Они были одними из первых, кто поселился здесь. Позже они назвали своё поселение в честь той губернии, откуда они родом. Так на карте Битковского района появилось поселение Харьковка, основателями и первопоселенцами которого стали и мои предки – прапрадед Андрей Денисович и прабабушка Мария Петровна Грива.

Что же это за место, куда они так долго добирались? Село Битки сейчас входит в состав Сузунского района Новосибирской области. Раньше Сузунская и Битковская укреплённые волости долгое время существовали параллельно как самостоятельные территориальные единицы и относились к разным округам. С 1882 года Битковская волость входила в состав Томской губернии Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1911 году образовалось и поселение Харьковка.

Этот район расположен в лесостепной зоне: равнина, пересечённая гривами и оврагами, много мелких озёр и рек. Сосновый бор богат грибами и

ягодами. В лесу водится лось, встречается косуля, заяц-беляк, белки, волки и рыси. Из птиц много глухаря, тетерева, рябчика, куропатки. Большие сельскохозяйственные угодья позволяют выращивать пшеницу, овёс, ячмень, заниматься скотоводством.

Местность, куда они переехали, вполне их устраивала, только вот сибирские морозы, к которым они не привыкли, да короткое лето… Всё остальное можно было преодолеть.

Они удивлялись и радовались, что всё же добрались до заветных свободных земель. Теперь надо было обустраиваться. Сначала построили землянки, затем все вместе стали строить один большой дом, где предстоящую зиму три семьи могли пережить вместе.

Жили дружно, по вечерам, когда собирались все вместе, занимались хозяйством: мужчины делали из дерева коромысла, кухонную утварь, женщины и девушки ткали, вязали, шили, готовили. Вся эта работа сопровождалась песнями, которые прапрабабушка очень любила петь и знала великое множество.

Позже, когда уже обстроились на новом месте и каждая семья жила отдельно, они всё равно в суровые зимние вечера, как и прежде, собирались

в одной избе, как прапрабабушка говорила – «повечерять».

Наконец наступила долгожданная весна. И с новыми силами они принялись работать на обретённой земле. Вспахали небольшой участок и засеяли пшеницей и картошкой, посадили семена, которые привезли собой с Украины.

Всё лето мужчины занимались строительством домов и пригонов.

Избы были небольшие рубленные и тоже «из соснового кругляка», между брёвнами накладывали мох, а пазы (щели между брёвнами) замазывали глиной, чтобы дом был тёплый. Вся мебель была деревянной: столы, скамейки, сундуки – и всё сделано своими руками.

Посреди дома стояла печь, она была такой большой, что занимала треть избы. Сначала печи были из глины, т. к. кирпич был слишком дорог для крестьян. Позже печи стали кирпичными, с железной плитой.

Всего в семье Андрея Денисовича и Марии Петровны было семеро детей. Старшие дети присматривали за маленькими, помогали по дому. Три дочери убирали избу, мыли, стирали, готовили. Один раз в неделю, в субботу, брали ножи и скоблили дочиста деревянные половицы, потом стелили длинные самотканые дорожки и круглые половики.

Лежанку русской печи обмазывали простоквашей; когда она высыхала, то становилась гладкой и от глины не пачкалась. На печь стелили овчинные полушубки, чтобы мягче было спать.

Стирали вручную, полоскали бельё на реке. Любимым занятием девочек было вышивать и вязать, делать тряпичных кукол. Мальчики помогали отцу по хозяйству. В шесть лет мальчик уже помогал отцу пахать землю. Прадед вспоминал: «Посадит меня отец верхом на лошадь, даст вожжи и говорит – держи ровно, сам идёт позади с плугом, а я сижу и боюсь пошевелиться, чтобы затрещину не получить». Все вместе заготавливали сено на зиму для коров и лошадей. Мужчины и парни поутру с литовками уходили косить, пока роса на траве, к обеду женщины и девушки с граблями приходили на поле сгребать высохшее сено в валки, а мужики потом это сено складывали в копёшки. Так же вместе, дружно заготавливали дрова на зиму.

Оправдались надежды переселенцев и на долгожданный щедрый урожай. Большую часть его оставили на семена, а часть поменяли в Битках.

Дела спорились, поселение разрасталось, приезжали люди из разных уголков России: Подмосковья, Белоруссии, Украины… Участки осваивали, строили дома, разводили домашних животных.

Большинству из новосёлов, судя по воспоминаниям моих родных, жилось в Сибири гораздо лучше и зажиточнее, чем прежде. Люди жили дружно и весело, вспоминала прабабушка. На праздники собирались в одном доме и гуляли. Каждый с собой что-то приносил на стол. Праздники всегда сопровождались забавами, песнями, играми.

Сибирь стала их второй Родиной.

Елена Горобченко

Чистоозёрный район

История села Варваровка

В 1905 году из деревни Трактомировка Каневского уезда Киевской губернии прибыло 50 человек переселенцев. На месте сегодняшней Варваровки было небольшое озеро с зарослями камыша и лозы. За озером на небольшой возвышенности стоял аул. Самым бога-

тым был казах Арынка, и поэтому аул назывался Арынкина ставка. Строили пластянки, начинали выкорчёвывать лозу, пахать и сеять. Переселялись из Арынкиной ставки на новое место перед религиозным праздником святой Варвары (это был 1908 год), оттого село назвали – Варваровка.

К 1917 году в деревне насчитывалось 100 дворов. Тяжело продвигалась жизнь в деревне. Страна была измучена гражданской войной, разрухой, голодом, обострившейся классовой борьбой. В рядах стихийного выступления части сибирских крестьян против Колчака были и жители деревни Варваровки. Многие ушли в партизаны. Первыми из них были: Красюк Е. З., Ивченко Николай, Кущ Николай, Балковой Тихон, Чигирь Иван и др. Мало кто из них остался в живых.

Первый колхоз «Будённый» образован в 1927 году из крестьянских единоличных хозяйств. Было в нём 12 дворов. Массовое вступление в колхоз началось в 1930 году. Образовалось ещё два коллективных хозяйства: «Просвет» и «Украина».

Людей этого поколения отличало трудолюбие, мужество, честность, правдивость. Природа была сурова, морозы были жестокие, с ветром, снежными буранами. Для борьбы с природой, для работы с людьми в трудных условиях нужен крепкий человек, который руководит людьми, работой. Первым председателем стал Семилетко Григорий Минович, он был грамотным, что по тем тяжёлым временам было редкостью. Семилетко Григорий принимал участие в работе съезда. При нём было вылито из глины два корпуса для скота. Земли в колхозах обрабатывали сообща, зерно убирали лобогрейками, вязали снопы, складывали в копны, потом в скирды. Работа по обмолачиванию зерна была очень трудоёмкой, работы велись до поздней осени и даже зимой.

С 1937 года председателем был Помазун Михаил Антонович, который сделал на Сладкой гриве мелиоративный участок, чтобы орошать пшеницу. Завезли из г. Татарска трубы, женщины копали траншеи, но вода, к сожалению, так и не появилась.

22 июня 1941 года люди узнали страшную весть – началась война с фашизмом. Не обошла она и наше село: всех трудоспособных мужчин забрали на фронт. Не вернулись с войны 89 варваровцев. Остались в живых и вернулись домой 43 человека.

Мы всегда чествуем, с любовью и почтением относимся к людям преклонного возраста нашего села. Сельские ребятишки рано узнали, что такое труд, а те, чьё детство выпало на годы войны, по существу, были основной рабочей силой наравне со взрослыми. Им приходилось с утра до ночи трудиться: растить пшеницу, пасти скот… Сев, сенокос, уборка – всё узнали они. Позже многие из тех детей были награждены орденами и медалями за доблестный труд в годы ВОВ.

Возложение венка к обелиску

До 1949 года было два колхоза: «Будённый» и «Красная Нива», затем они объединились в один, и стал он носить имя Я. М. Свердлова. Колхоз занимался разведением крупного рогатого скота, свиней. В 1958 году вся техника из МТС была передана в колхозы, к 1960 году в колхозе появились самоходные комбайны.

В 1965 году принял правление от Георгия Ивановича Евдокимова Иван Васильевич Демченко. При нём были построены маслозавод, мельница, автогараж, бригадный дом, здание конторы, столовая и много объектов жилья. Главным агрономом с 1963 г. до ухода на пенсию проработал Сергей Влади-

мирович Бондарь. Быстрыми темпами, без потерь и только с высоким качеством убирали зерновые.

С 1976 года колхозом руководил Виктор Александрович Коровин, в эти годы быстрыми темпами шло строительство жилья, объектов социально-культурного назначения, производственных корпусов.

С 1987 года колхоз возглавлял Сергей Геннадьевич Ганихин, хозяйство занималось выращиванием молодняка КРС, было большое дойное стадо, выращиванием зерновых и кормовых культур. Развивалась переработка собственной продукции: мини-пекарня, цех переработки.

Вахта памяти

В 1924 году житель Варваровки И. С. Ерёменко образовал небольшую школу в своей хате, где были учениками в основном мальчики (девочки были заняты домашней работой). Дети учились с утра до вечера, за две зимы проходили четыре класса. Первая саманная школа была построена в 1926–1927 гг. Учителями были И. С. Ерёменко и Иосиф Витько.

В 1935 году была построена деревянная школа. Директором был Лопатин, учителями были Патин, Чехов А. Н., Жанин К. Ж., Воронецкий С. П., Тимошенко Н. В., Шимко В. Ф., Голубочко П. Л., Дюжева А. Н.

В 1948–1949 гг. была построена большая саманная школа, директором был Пётр Леонтьевич Голубочко, затем Пётр Павлович Филенко, Пётр Степанович Бородин. И уже в 1969 году была построена школа, в которой учатся по нынешний день. Первым директором в новой школе был Николай Матвеевич Лукашов, проработавший 14 лет, потом Валентина Леонидовна Красюк, проработавшая 12 лет, Людмила Григорьевна Александренко проработала 10 лет, а на данный момент директором является Ксения Александровна Горохова. Сейчас сформирован новый, молодой педагогический коллектив, где уделяется много внимания воспитанию, обучению, патриотическому и историческому знанию учащимися своей малой Родины.

В 1968 году в центре села вырос Дом культуры. Открытие Дома культуры состоялось осенью на ноябрьские праздники, работали в то время директор Григорий Аполлонович Лысенко и художественный руководитель Тамара Федоровна Гусева (Александренко). В клубе с 1968 года проработало много людей; среди многих долгое время работала Валентина Николаевна Лобойко, молодая, красивая женщина, сколько интересных мероприятий прошло под её чутким руководством. Много лет отдала работе в клубе Тамара Викторовна Корзун (Балагина). С 1988 года и по сегодняшний день директором работает Татьяна Андреевна Семилетко, которая занимается культурно-массовой работой, сохраняя местные традиции.

Первая библиотека была организована в Варваровке в 50-е годы в старом здании клуба, библиотекарь Юлия Николаевна Красюк. Первыми библиотекарями в новом Доме культуры были Галина Алексеевна Демченко, Нина Фёдоровна Долганова, Нина Васильевна Дудко, Наталья Васильевна Дудко, которая проработала в библиотеке более 35 лет, имеет много наград и благодарностей – своим личным примером прививала молодёжи любовь к книге, к чтению, к общению в коллективе.

В 1968 году было построено отделение связи, где работали: Иван Иванович Зенков, Вера Николаевна Крупко, Лидия Васильевна Ланг. В 1980 году построено здание детского сада «Малыш», первая заведующая – Валентина Егоровна Вегель. Затем заведующей

работала Нина Ивановна Ивченко, которая постоянно занималась изучением и внедрением новых форм воспитания молодого поколения, вкладывая немало личных сил в становление коллектива, содержание и благоустройство территории и здания.

Решением Чистоозёрного райисполкома 07.03.1974 был образован Варваровский сельский совет. Председателями в разные годы были: Алексей Николаевич Акатьев, Тамара Фёдоровна Александренко, Николай Платонович Навоев.

С 1997 года по 2021 год главой Варваровского сельсовета являлась Людмила Васильевна Ферле. В селе были построены новые водосети – более 6 км, реанимирована буровая скважина, организована бесперебойная подача холодной воды. Одними из первых в Чистоозёрном районе организовали пожарный пост. Благодаря привлечению федеральных средств отремонтировано 2,8 км автомобильных дорог (подъезд к селу). Заменена вся тепло- и водотрасса к объектам социально-культурного назначения, оборудована новая кочегарка для отопления объектов. Проводилось много иных работ. Жизнь продолжается, и впереди нас ждут лучшие времена.

Надежда Бондарь

Ордынский район

История села Рогалёво

Село Рогалёво Ордынского района зародилось в 1781 году, в ноябре, 16 дня – официальная дата рождения. Именно в этот день по распоряжению Её Императорского Величества Екатерины II был опубликован Манифест о ревизской сказке – переписи населения. Первую перепись населения в Рогалёво-Агафонове (так изначально называлось село) провёл десятник Агафон Школдин.

Более двух веков назад это было небольшое поселение. Через 100 лет, к 1880 году, в Рогалёво насчитывалось 40 дворов, да небольшая часовенка-церквушка, в которую время от времени привозили Ордынского попа. Исповедовались ему, причащались, крестили детей, венчали молодых. В конце XIX века поселение стремительно разрасталось, и в 1905 году в Рогалёво было уже почти 400 дворов с численностью населения около 2500 человек.

Уборка зерновых

Первая мировая война унесла немало жизней крестьян, но это было только начало трагедии. Вскоре грянул 1917 год, а за ним гражданская война…

Год 1926. В Рогалёво насчитывается 399 дворов, население составляет 2352 человека. Крестьяне объединились в три колхоза «Папанинский», «Путь Ленина», «Политотдел».

1941–1945 гг. Вторая мировая война. 220 рогалёвцев сражались с фашистскими захватчиками, 140 из них не вернулись, отдав свои жизни за счастье и свободу, за мирное небо.

В 1951 году все три колхоза объединились в один – «Путь Ленина».

В Малиновой яме

С 1961 года Рогалёво было третьим отделением Луковского совхоза.

В 1984 году – создан совхоз «Рогалёвский». Директором назначен Вощенко Николай Васильевич. Село быстро разрасталось, появились новые дома, улица Алтайская, были построены детский сад, здание администрации, почтовое отделение, дом быта, магазины, пекарня, свинокомплекс, разводили карпов, в животноводстве было более 1000 голов крупного рогатого скота. На предприятии задействовалось от 150 до 200 человек.

У совхоза были грандиозные планы, но перестройка…

Численность населения: 2002 год – 817 человек, 2007 год – 952, 2012 год – 715, 2015 год – 677.

Село Рогалёво расположено на берегу реки Орда, являющейся притоком Оби. Протяжённость Орды составляет 40 километров. Её исток находится километрах в пяти от села Филиппово, где небольшой ручеёк пробивается из оврага. По берегам Орды раскинулось несколько сёл и деревень: это Филиппово, Рогалёво, Сушиха, Усть-Луковка и посёлок Ордынское.

Весной 1994 года жители села Рогалёво Ордынского района Новосибирской области сообщили в Институт археологии и этнографии СО РАН, что в русле реки Орда между селами Рогалёво и Сушиха после паводка в массовом количестве встречаются ископаемые кости крупных млекопитающих. По сообщению была предпринята научная экспедиция.

Место раскопок

В этом месте р. Орда во время весеннего паводка размыла осадки древнего займища (займище – это полоса земли у реки, заливаемая весенним

За селом

разливом). В результате проведённых раскопок долины реки Орда на протяжении полутора километров учёными было обнаружено и изъято 209 костных остатков, относящихся к 12 видам древних млекопитающих (мамонт, бизон, лошадь, сайга, пантера и т. д.), а также каменные изделия и орудия позднепалеолитического периода.

На 2019 год в селе функционируют: сельская администрация, средняя школа, фельдшерско-акушерский пункт, дом культуры, почтовое отделение, 4 небольших продовольственных магазина, 1 смешанный, 1 хозяйственный и несколько фермерских хозяйств.

Сергей Тихонов

Куйбышевский район

Лён в селе Балман

В нашем краеведческом музее хранятся экспонаты, рассказывающие об обработке льна в селе в давние годы. Здесь можно увидеть и сам лён. Для установления места посева льна в колхозе мы изучили найденные в музее старые карты колхоза и расспросили об этом у старожилов села: Алексеева Александра Михайловича и Зонова Андрея Николаевича, бывших колхозников. В интернете прочитали много материалов об истории возникновения льна в России. Нашли в музее учебную коллекцию, где показан способ обработки льна. Рассмотрели льняные вещи и орудия труда, с помощью которых его обрабатывали. Провели небольшую лабораторную работу по установлению прочности льняного полотна и сравнению его с другими тканями. Изучили находящийся в музее ткацкий станок – кросна. В сборнике «Песни села Балман» нашли и проанализировали текст песни «Сею-вею белый-то леночек».

Считалось, что если 25 марта утром появлялся туман, то год даст большой урожай льна. А чтобы примета сбывалась, разбрасывали семена льна по двору на угощение птицам. И на Масленицу молодёжь каталась с горы не просто для удовольствия – так велел обычай. Люди верили, что чем дольше будет спуск с горы, тем выше поднимутся на полях посевы льна, и лён будет долгим.

Приехавшие на поселение в нашу область жители увидели, что местность пригодна для выращивания льна, и стали его засевать. Они завезли сюда и культуру обработки льна, которую постепенно стали осваивать в нашей лесостепной зоне. Так появилась это растение в Балмане.

Гребни, которыми чесали лён

Зонов Андрей Николаевич рассказывал, что за Балманом, примерно в километре от окраины, возле озера, лён сеяли на большой территории – примерно до 400 гектаров. В наших сибирских условиях выращивание льна было очень выгодно. И вот почему.

Во-первых, каждая часть растения использовалась, отходов почти не было. «Русский шёлк», как его раньше называли – удивительная культура. Это не только прядильное, но и масленичное растение. Из семени льна изготавливали масло и жмыхи. А из стеблей и соломы тоже делали волокно, только грубое. Лён расчёсывали, чтобы он был мягким, деревянными гребнями, а из очёсов делали паклю, которую широко использовали при строительстве домов, бань и сараев. Ведь у нас суровые зимы, жильё нужно было утеплять.

Станок кросна для изготовления льняных изделий

Во-вторых, лён не нуждается в большом количестве удобрений и не требует тщательного ухода. Его легко сеять, растёт он без особых затрат.

В-третьих, это неприхотливое растение. Вокруг Балмана столько полей, что лён можно было сеять где угодно. И природные условия подходящие: с одной стороны села – озеро, с другой – река. Отсюда хорошая влажность. К тому же, по материалам из интернета, известно, что лён не любит слишком тёплые погодные условия. Поэтому наша местность идеально подходит для выращивания льна.

Соколов Николай Васильевич, житель Балмана, работал в молодости на поле. Он рассказывал, что лён убирали теребилками. Это такие небольшие комбайны с ремнями, которыми срезали лён. Вместе с ним на поле работали Ловцов Виктор и Зонов Арсентий. Он рассказывал, как в колхоз привезли заводскую железную мялку, похожую на пресс, чтобы облегчить крестьянский труд. Но она была более 5 метров высотой и очень тяжёлая. Колхозники отказались на ней работать, так как не всякий мог с ней справиться.

В Балманском краеведческом музее собраны орудия труда, которыми работали со льном наши прабабушки. Мы изучили паспорта этих экспонатов. Фомченко Пелагея Никитична рассказывала своим детям и внукам, как ими работали. Чтобы сшить льняную вещь, нужно было приготовить холсты. Для этого лён приносили в сарай, мочили, сушили, мяли. Очень большую работу нужно было проделать, чтобы растение стало тканью.

Вначале лён обрабатывали мялкой для смягчения стеблей. Потом железной густой щёткой чесали стебли, чтобы они стали мягче и чище. К нам в село были завезены гребни, которые были в быту у переселенцев с Европейской части России до 50-х годов. Ими и чесали лён.

Потом начинался процесс прядения. Для него использовались воробы и тюрик, на которые наматывались обработанные стебли. Предмет служил для развивания мотков пряжи. На мотовило наматывали пряжу. Потом женщины в долгие зимние вечера пряли пряжу на прялках. Также все знают, что для разглаживания льняных вещей применяли валёк.

Далее шла работа на ткацком станке. Его называли кросна. Это довольно сложный станок, который использовался в Балмане примерно до 1980 года. В нашем музее он есть. Причём в рабочем состоянии. В данное время на уроке технологии учащиеся школы учатся ткать половики под руководством учителя Соколовой Натальи Ильиничны и жительницы села Носовой Татьяны Николаевны.

Пелагея Никитична говорила, что качество льняной ткани зависело не

Льняные полотенца

только от уровня её обработки, но и от размеров челнока, ниченок и пришвы – необходимых деталей станка.

В нашем краеведческом музее есть льняные вещи. Это рубаха, порты и поголёшки. Такая одежда была очень удобной. Например, Носова Нина Григорьевна, основатель музея, объясняла назначение поголёшек. Их надевали на ноги и завязывали верёвками во время покосов. И тогда ноги не кусали насекомые и не колола острая трава.

Человек, носящий одежду из льняной ткани, испытывает комфорт в любую погоду. В жаркую погоду у человека в одежде изо льна температура кожи на 3–4 градуса ниже, чем в одежде из хлопчатобумажных или шёлковых тканей. Лён хорошо впитывает влагу, в том числе и пот, хорошо проводит тепло. Поэтому льняная ткань очень хорошо подходит для нательной одежды, постельного белья. Учёные говорят, что, впитав влагу, льняная вещь становится намного прочнее, чем обычно, она могла растягиваться. Недаром полотенца-рукотёрты изготавливали из этого материала.

Мы провели тестирование такого полотенца на умение держать влагу. Намочили его и немного растянули. Мокрый край полотенца увеличился, стал шире. Значит, льняная ткань при намокании становится больше. И во время работы в поле человеку не жарко, а, наоборот, прохладнее. Такая ткань не допускает жар к телу.

Ещё вещи изо льна можно носить людям, страдающим аллергией. В то время как вещи из других (чаще всего искусственных) материалов могут вызвать у аллергиков приступ.

Лён – масленичное растение. К сожалению, мы только слышали о льняном масле, но ни разу не видели его. А вообще, пишут различные сайты, оно полезно. Его применяют и в косметике. Из льняных волокон даже делают лекарства.

И ещё мы установили одну особенность таких вещей: чем чаще их стирали, тем крепче и мягче они становились. Доказательством этому могут служить полотенца из музея. Некоторым более 60 лет. Мы провели небольшой эксперимент: попробовали порвать одно из полотенец, которому примерно 70 лет. И не смогли этого сделать. Возможно, пройдёт ещё 50 лет, прежде чем такие вещи начнут портиться и потеряют прочность. Самые старые полотенца оказались очень мягкими, а новые – грубыми. Из этого можно сделать вывод, почему в старину широко использовались в быту льняные вещи. Они долговечные и крепкие.

Софья Александрова

Баганский район

Прялка – неизменная спутница крестьянской жизни

Сегодня мы расскажем о нашей семейной реликвии, которая передаётся по наследству в семье Мингалёвых уже четвёртое поколение, – деревянной прялке. Наши предки были одними из основателей нашего села Вознесенка в начале прошлого века, когда они переселились из Украины. С собой они привезли совсем немного домашней утвари и целый багаж знаний, как вести домашнее хозяйство и семейный быт. И среди предметов домашнего быта была деревянная прялка, чёски и веретёна. Благодаря этой прялке все члены семьи были в тёплых шерстяных носках и варежках. Она помогала семье выживать в суровых условиях сибирской зимы.

Прялка

Сделал эту прялку донской умелец, ещё когда моя прапрабабушка, донская казачка Предатченко Матрёна Серафимовна, жила на Украине. Потом они переехали в поисках свободной земли и хорошей жизни в степи юго-западной Сибири в село Лепокурово. Здесь она вышла замуж и родила пятерых детей, среди которых была и моя прабабушка Екатерина Андреевна. Прабабушка вышла замуж за Ивана Ищенко и вместе с мужем переехала в село Вознесенка в 1915 году. Так

Веретёна

в скором времени у них в семье тоже появились дети: Надежда, Владимир и Лидия.

Так как моя бабушка Надя – старшая в семье, ей и перешла по наследству деревянная прялка. Она вышла замуж за моего деда Анатолия Мингалёва. Потом у бабы родилось двое детей: Виктор (мой папа) и Таня. Когда мой папа женился на маме Светлане, то баба Надя передала ей эту прялку и меня тоже стала обучать, как прясть пряжу на ней. Мне было очень интересно пользоваться ею, но пока ещё не сильно получается. Буду улучшать своё умение прясть пряжу этим интересным приспособлением ещё и потому, что эту вещь можно назвать нашей семейной реликвией.

Откуда же появились прялки?

Прялки пришли к нам из далёкой древности. Это был исконно женский труд – прясть пряжу. Простая прялка из двух досок в Древней Руси называлась пряслицем, так же сейчас называется и грузик на веретено. С осени до Великого Поста в низеньких светёлках при лучине с тихой песней пряхи сидели за своей работой до полуночи. Прялки, пришедшие к нам из далёкого прошлого, ни одна не повторяет другую. У каждой есть своя особенность. Видимо, каждая хозяйка прялки, да и хозяин, скорее всего, приложили свои усилия, выдумку и фантазию для украшения, удобства, для облегчения труда. Сначала было ручное скручивание пряжи, а затем изобрели веретено и прялку. На Руси прялки делали из клёна, осины, берёзы и липы.

Чёски

Первоначально прялку изобрели в Древнем Риме. Пряжа от первых старинных прялок получалась разной по качеству и толщине. Это зависело от породы овец, в какой период времени года была пострижена овца и от многих других факторов.

Как выполнялся весь процесс прядения? Правой рукой приводили в движение большое колесо, а левой рукой вытягивали прядь и подносили к веретену. В зависимости от угла наклона пряди к веретену происходило закручивание или наматывание пряди.

Учили прясть девочек с 6–8 лет. Им надо было самим приготовить себе приданое. Таким образом, прялка была верной спутницей крестьянского быта на протяжении всей жизни. Прялка была не только орудием труда, но и произведением искусства. Чтобы скрыть тяжёлую жизнь, украсить своё жилище, её украшали резьбой и росписью. Часто прялка была подарком, её дарили невестам. И каждый хотел сделать подарок на радость и на удивление. Тут творческая фантазия мастера не имела границ.

Нитки пряли из льна, из овечьей шерсти. В нашем селе разводят овец и коз, поэтому сырья для пряжи много. Бабушка Надя тоже использует шерсть животных в своём любимом занятии – прядении и вязании различных шерстяных изделий: носков, варежек, шарфов и шалей. В её семье двое взрослых детей и двое внуков, которым нужны тёплые, мягкие и практичные вязаные вещи. А как же она это делает?

Изначально происхождение тех или иных тканей было привязано к определённому месту. Но есть волокно, которое принадлежит всему миру, – это шерсть.

Овец разводили повсеместно. Шерстью принято называть волокна волосяного покрова животных, обладающие определенными качествами, необходимыми для производства разнообразных материалов. Основную массу перераба-

тываемой в промышленности шерсти составляет овечья.

Из шерсти вырабатывают пряжу, ткани, трикотаж, валяльно-войлочные изделия и др. Свойства шерсти: теплостойкость, валяемость, эластичность.

Шерстяные волокна отталкивают грязь, их легко чистить. Шерстяные ткани обладают хорошими гигиеническими свойствами – в одежде из шерсти наша кожа «дышит».

Перед началом прядения бабушка делает первичную обработку шерсти:

1) сортирует, то есть подбирает волокна по качеству;

2) треплет – разрыхляет и удаляет засоряющие примеси;

3) промывает горячей водой с мылом и содой;

4) сушит в сушильной машине.

После того как шерсть прошла первичную обработку, получилась кудель – пучок волокон. Его тщательно пропускала через иголки (чёски) бабушка Надя, где она шерсть растягивала и расчёсывала, пока та не становилась мягкой и эластичной. Затем привязывала её к прялке и понемногу вытягивала волокна, одновременно скручивая их, и получалась нить. Готовую нитку наматывала на веретено.

Прядение – работа трудная. От сноровки пряхи зависит толщина и прочность нити, а значит, и будущая ткань. Чтобы облегчить этот труд, придумали ножную прялку с колесом.

А уже с готовых мотков пряжи получаются разным размером носочки и варежки с замысловатым рисунком. Ещё бабушка ввязывает в нитку шерсти цветные нитки для красоты и прочности изделия. А в пятку всегда добавляет капроновую нить, ведь именно пятка всегда первой протирается в носках. Прилагаю фото нескольких изделий моей бабы Нади.

Шерсть во все времена ценилась за свои целебные свойства. Ещё в старину люди избавлялись от зубной и головной боли, обматывая голову шерстяным платком. Шерстяные изделия особенно рекомендуются людям, страдающим радикулитом, остеохондрозом и ревматизмом.

Подводя итог моего рассказа, можно сказать, что необходимо сейчас и в будущем задумываться о воспитании у подрастающего поколения чувства патриотизма и любви к своему селу, уважения к семейным традициям народа, потому что не каждый молодой человек знает удивительную историю села, в котором он родился и вырос, его традиции и народные промыслы.

Артём Мингалёв за прялкой

Мы рассказали о нашей семейной реликвии и познакомили с прядением шерсти кустарным способом.

Самое важное в любом ремесле – это любовь к своему делу! Может, потому так хорошо и уютно носить вещи, сделанные своими руками, так как они сохраняют тепло рук своих создателей.

Светлана Мингалёва,
Артём Мингалёв

Куйбышевский район

Село Булатово – одно из самых первых

Волостное село Булатово возникло в 1752 году. Это одно из старейших поселений нашего района. Есть и легенда о названии поселения.

Ранее здесь у озера стояло несколько татарских юрт, в которых жили барабинские татары рода Булата, главы татарского поселения. Когда поселились первые русские крестьяне, казаки и ямщики, то они и дали название русскому поселению – Булатово. Его возникновение связано было с необходимостью обслуживания Сибирского тракта. Жителями села стали казаки и крестьяне, переселённые из Тобольского и Тюменского края. Они держали (обслуживали) извоз по Московскому

тракту. В связи с выгодным положением на тракте Булатово стало быстро застраиваться домами, а в округе начали осваиваться земли приехавшими с запада переселенцами.

До революции наша местность входила в состав Каинского уезда Томской губернии. Территория была заселена очень редко, кочевыми татарскими и ногайскими племенами, встречались также разбросанные селенья остяков (ханты) и вогулов (манси).

В начале XVIII века (1722 г.) с целью охраны местных жителей от опустошительных набегов калмыков и киргизов был построен Каинский форпост. По словам старожилов села, до советской власти дома здесь были, в основном, из «плетня» (сплетённые и обмазанные глиной стены), а сверху покрыты пластами земли. В домах стоял стол и кровать. Вдоль стен тянулись лавки. Стояли сундуки для одежды, полати под потолком возле печей. Вечером зажигали лучину. Делали также коптилки: из картофелины вырезали подставку, наливали в неё сало, вставляли фитиль. Позже появились керосиновые лампы. Матрасов и одеял не было, использовали солому.

Булатовское сельское общество располагалось между рекой Узаклой и озером Булатовка. Село значительно разрослось. Население составляло 1089 человек. Мужчины – 528 чел., женщины – 557 человек. Только в строительстве дворовых мест были заняты 95 человек. К этому времени село имело: волостное правление, резиденцию земского председателя с тремя участками, одно сельское училище, два хлебозапасных общественных магазина и кроме того – 5 лавок. Из них – 2 с мануфактурными товарами и 3 мелочных, а также – 2 кузницы и 1 питейное заведение. Церковь «Во имя святителя Николая Чудотворца» стояла на возвышенном месте (сейчас на её месте – памятник павшим в Великой Отечественной войне). В воскресенье звонили заутреню и обедню. Рядом стояла школа, построенная в 1914 г., но учились в ней не все. Многих не отдавали родители: надо было помогать дома вести хозяйство. А те, кто учился, заканчивали, как правило, 2–3 класса из четырёх. Всего учащихся было примерно 60 человек.

Рядом с церковью был, соответственно, поповский дом (после – детсад и продуктовый магазин). Поп имел рабочих для ведения своего хозяйства. Место, где располагались его земли, теперь называется Поповской гривой. Хорошей одежды у большинства жителей не было. Жили бедно, плохо. Носили полотняные, вязаные рубахи; ткали зипуны, опояски к длинным шабурам, которые ткали из льняной и шерстяной нитки. Из овчин шили шубы. До советской власти жили единолично. Каждый вёл своё хозяйство, в котором производил всё необходимое для семьи: одежду, пищу, обувь. Выращивали лён, пшеницу, овёс, ячмень. Пахали на конях деревянной сохой. Пшеницу и ячмень сеяли вручную, а жали серпами. Молотили цепами или палками, а потом зерно мололи на мельнице. Если были излишки хлеба, то сдавали купцам в город. Сено косили вручную, косой. Лошадей держали немногие. Крестьяне держали по 3 коровы, середняки по 5–6 коров и столько же лошадей. У богачей было до 12 коров. У Кондратьева было 40 коров. В семьях, где было много детей, подросшие шли батрачить.

У купца Александра Михайлова был приёмный сын Дмитрий. В 1911 г. он имел двухэтажный дом, молочный завод и лавочку, в которой продавал масло, пряничные изделия и керосин. Для ведения хозяйства он нанимал работников сроком на год, платил им 35–40 руб. в год. При себе имел прислугу.

Большими богачами были Свиридовы. У них было много земель (сейчас эти места называют Свиридова грива). На 8-м километре в сторону Трёхречки стоял маслозавод «Исаевский» – по фамилии хозяина. Была и водяная мельница, которая переходила из рук в руки, и в конце-концов её купил Исаев.

Очень богатым был Д. Каган. Он жил в хорошем доме и был у него молочный завод и большая лавка. По деревням он имел молочные отделения, собирал сливки. Каган скупал земли у богатых татар. Самое знаменитое место было у реки. Там был большой табун лошадей, где их откармливали. Каждую зиму он отправлял обозы с мясом в Омск, Томск, Иркутск, а оттуда привозил много хороших товаров, которые продавал в лавке. Был у него и винокуренный завод.

Надвигалась революция. В селе была организована ячейка. Её разбили, активистов расстреляли.

Началась гражданская война. В 1919 году через село проходили колчаковцы. Их гнала Красная Армия со стороны Венгерово. Колчаковцы грабили население, отбирали скот (коров, лошадей), хомуты, овёс, хлеб, снимали валенки с ног, убивали партийных. Бывало, что крестьяне свозили хлеб на зады и прятали в навоз. В сарае Ольги Васильевны Карповой до прихода красных прятался красноармеец.

Однажды в село пришли три парня. Их колчаковцы арестовали и посадили в заброшенный сарай. Выдал их Ковалюнс – колчаковский прихвостень. Он и расстрелял их и не разрешил хоронить. Но кто-то тайком их похоронил или на кладбище, или за огородами (сейчас на кладбище стоит памятник этим неизвестным парням).

Из воспоминаний Василия Семёновича Слегина, 1905 г. р.:

«Зимой 1919 года прибежал дед, сказал, что колчаковцы забирают всех лошадей. А у нас было две лошади и жеребёнок, я их решил увести, но, как на грех, наткнулся на офицера, который, не получив от меня ответа на вопрос: «Куда едешь?», ушёл в дом за винтовкой и – за мной в погоню. Он стал стрелять, но навстречу шёл обоз из Таганова. И я сумел спрятаться у

Заднего озера. В Васильевском посёлке жили ходоки-ямщики из России. Коней спрятал там. И они своих спрятали в больших камышах и сами спрятались.

Когда вышел запас еды, ходоки послали меня домой. На Филатовой гриве колчаковцы гнали скот на убой и встретили меня. Я им сказал, что ездил за соломой, и меня пропустили. Дома была полная изба колчаковцев. Мать потихоньку дала мне запас еды. Так повторялось несколько раз. Однажды мы зашли в избушку согреть чаю. В окно увидели всадников, это были колчаковцы. Мужики убежали, а я залез в «стену» (солома между жердями). Никого не найдя, колчаковцы уехали в деревню Ново-Каменево. Там жил председатель Пискунов – кулак. Он скупал скот, отобранный колчаковцами у жителей. Когда стали наступать красные, он убежал в Каинск.

Красная Армия пришла в октябре 1919 года. В 1922 году было вынесено решение об установлении Советской власти в селе».

Из материалов Ленинградского центрально-исторического архива:

«1920–1921 годы в Булатовской волости было 6 школ I ступени, 2 школы для взрослых, пять учителей, 4 избы-читальни, 1 больница, 1 фельдшер, детский приют, культурно-просветительский кружок. Население волости составляло 5322 человека.

В волость входили населённые пункты: село Булатово – 145 дворов, 835 душ; посёлок Суворовский – 70 дворов, 254 души; посёлок Трёхреченский – 50 дворов, 301 душа; аул Осинцевский – 38 дворов, 254 души; деревня Мангазёрка – 170 дворов, 877

душ; деревня Ново-Каменево (Притычкино) – 94 двора, 525 душ; посёлок Васильевский – 12 дворов, 90 душ; деревня Ярково – 75 дворов, 406 душ; деревня Тоганово – 48 дворов, 315 душ; посёлок Кириевский – 2 двора, 11 душ.

Промышленные заведения: водяных мельниц – 8, ветряных мельниц – 11, маслодельных заводов – 13, кузниц – 2, машиноремонтных мастерских – 1».

В 1928–29 гг. на территории села Булатово было образовано два колхоза: «Сталинский» и «Карла Маркса».

Вступали неохотно. Сначала собирались батраки, потом уже остальные. В личном хозяйстве оставались куры, гуси, одна корова, остальное отводили в колхоз.

Когда начали работать в колхозах, на полях стало больше хлеба. Стали давать деньги. Жизнь стала лучше. В 1928 году появился первый трактор. Первыми трактористами были: Харитонов и Карпов. В числе создателей колхоза были: Ивашкин Павел Фёдорович и Карпов Иван. При создании колхоза в хозяйстве был 1 трактор и 140 лошадей. В 1930–33 гг. появился комбайн.

Улица Центральная

Во время посевной жили в поле. Там стояли избушки, где спали и ели, там же была и баня. Жали серпами. Собирали все колоски, чтобы ничего не пропало. В 1936 году построили школу-семилетку. Здесь учились дети из д. Антошкино, Осинцево и Васильевки.

На смену соломенным домам пришли деревянные. Все крестьянские дома были покрыты дёрном, только школа, магазин, клуб и сельский совет – железом. Внутри домов так же оставались полати. Для хранения хлеба и посуды появились прибитые к стене шкафы с дверками. В некоторых домах на окнах были занавески. Всё мастерили сами. Посуда была глиняной или деревянной. Ложки – только деревянные. Вместо стаканов были фарфоровые чашки с ручками. Кастрюль почти не было. Готовили пищу в чугунках в русской печи. Чай кипятили в самоварах. Освещали избы при помощи керосиновых ламп. Вместо стульев были скамейки. В каждом доме стояла русская печь, в которой пекли хлеб. Зимой ставили ещё и железные печки (буржуйки). Одежду носили своего изготовления. Для этого выращивали лён, обрабатывали его, ткали на кроснах полотна, красили полотно и шили одежду. Из выделанных шкур (овчин) шили шубы, тулупы (длинные, до пола). А из шерсти готовили пряжу и вязали рукавицы, носки, катали валенки. Делали потники, которыми укрывались.

Из воспоминаний Александры Карпеевны Станишевской:

«Жили как и многие. Работали. На Поповской гриве росла пшеница, ходили её полоть. Было две мельницы в стороне Трёхречки. На одной был хозяином Степан Журавлёв. Когда в 1928 году появился трактор, то прицепили телегу, посадили народ кататься. Все радовались.

Церковь разбирали в 1937–38 гг., перед войной. Иконы увозили в Куйбышев. Почта тогда была рядом со старым магазином – бывший поповский дом. После попа здесь размещался сельский совет, больница, детские ясли, магазин (сейчас этого здания нет).

В 1930-м году образовался один колхоз им. Ленина. Было 12 ферм.

Война. Страшное пришло время. Для всех страшное. За годы Великой Отечественной войны из нашего села на фронт ушли 266 человек. Не вернулись – 191 человек.

А люди продолжали ждать, жить и трудиться. В 1943 году появился колёсный трактор Т-80 (трактористом был Григорий Иванович Афанасьев). Жители села всячески помогали фронту: сдавали мясо и молоко государству (и частники, и колхозники). Вязали рукавицы, носки, шили кисеты и всё отправляли на фронт.

В военные годы в селе была семилетняя школа, в которой работало восемь учителей. Директором школы был А. В. Сараев, эвакуированный из Ленинграда, инвалид войны.

Деревянная школа в центре села, в которой занимались до войны, была занята эвакуированными детьми. Это был детдом. Его директором была Елена Михайловна Воробьёва. Занятия проходили в трудных условиях: классные комнаты были маленькие, парт входило мало. Сидели по три человека. Не хватало учебников, чернил и тетрадей. Занимались при свете керосиновых ламп по 2–3 часа.

Школу отапливали дровами, которые каждую весну готовили сами ученики и учителя. Так было до 1960 года. Техничка начинала топить печь в три часа ночи, чтобы чуть-чуть было тепло и чтобы чернила не замерзали, но это не помогало – чернила замерзали. Сумки были сшиты из холста. Ходили, кто в чём мог. С обувью было ещё хуже. Если в семье было несколько учеников, то в школу ходили по очереди, сначала один, потом другой – обувается и идёт.

У многих семей не было не только хлеба, но и картошки. Ребята ходили в школу голодные. Но всё-таки у детей было сильное желание учиться. И они старались и учились хорошо. С четвёртого класса сдавали экзамены. В школе было три пионерских отряда. В военное время пионеры помогали колхозу в уборке овощей с колхозных огородов, копали картофель, убирали лён, собирали колоски пшеницы со сжатых полей, заготавливали дрова в лесу. Собирали лекарственные травы. Но и умели отдыхать: готовили номера художественной самодеятельности и выступали в школе для родителей и в клубе для жителей села.

Детдом в селе просуществовал до 1948 года, после чего здание, занимаемое им, вновь перешло к школе.

Вот и конец войне!»

После войны стали восстанавливать хозяйство. Работы было не меньше. Увеличилось поголовье скота и расширились посевные площади. Крыши домов, наконец, стали крыть тёсом и железом.

В 1958 году был организован совхоз «Сталинский». В 1963 году в результате разукрепления совхоза «Комсомольский», куда и был прикреплён прежде наш совхоз, организован совхоз «Булатовский».

В 1960–63 годах за озером вырос целый посёлок – центральная усадьба совхоза. Почти в один год построили улицу с жилыми домами, контору, баню, хлебопекарню. Чуть позже построили большой Дом культуры, в помещении которого находилась библиотека.

Новую среднюю школу построили в октябре 1972 года. Ребята были очень рады, и все помогали переезжать из старой и маленькой школы, где приходилось учиться в две смены (180 человек), в просторную двухэтажную школу. В скором времени рядом со школой выросли детский сад и два двухэтажных дома. Местные жители дали название новой улице – «Центральная». У самого озера в одной из половин жилого дома находился медпункт. Рядом с центральной конторой находилось отделение связи. Наладилась в деревне жизнь, но…

В 1985 году в стране началась «перестройка»… Прошлась эта беда и по нашей земле, а такие деревни, как Трёхречка и Ново-Кондаково, которое стояло на берегу реки Омь, так и вовсе исчезли с лица земли…

Лидия Ковалёва

Кыштовский район

Моя малая Родина

Сегодня мало кто знает название и историю происхождения заветных мест для жителей села Камышинки и Ивановки, которые являются частью жизни наших предков, а следовательно, и нас, хотя в самых различных ситуациях мы с ними соприкасаемся.

Одной из первых достопримечательностей жителей наших сёл является – река Майзас. Как известно из истории появления поселений, первоначально переселенцы селились на местах вблизи рек и водоёмов. Так в 1893 году 24 семьи переселенцев основали на берегу Майзаса деревню Камышинка, а через год вновь прибывшие деревню – Ивановка.

Школьный омут

Наша река интересна омутами, названия которых даны по приметам, зданиям или домам жителей, у каждого омута своя история. Так Илюхин омут получил своё название от проживающего близко к омуту человека по имени Илья.

По преданию старожилов села, «этот человек любил поздними летними вечерами долго сидеть около реки и наблюдать за её течением». Подобное название в честь имени человека носят и Труфанов омут, и река Варварка. Школьный омут напоминает о рядом расположившейся школе и о том, что в летнее время школьники после прохождения трудовой практики с удовольствием купались в реке. Теперь понятно, почему так названы омуты Кирпичный и «Старая мельница».

Кроме омутов сама же река делится на четыре речки. Поэтому и не случайно даже сегодня можно услышать такие высказывания: «Между первой и второй речкой находится клубничник». Среди охотников большой популярностью пользовалась «Старица» – это маленькое озерцо, где можно добыть уток, и крестьянский стол пополнить дичью.

И конечно же, немыслим крестьянский стол без крынки молока. Не случайно славилось наше сливочное масло в Европе, где нет таких сочных и сладких трав. Лучшие покосы находились около болот и ежегодно распределялись на сходе. У покосов тоже были свои названия: «Мамаево болото», «Карасёво болото», «Фёдорово болото», «Бугаёвское болото», «Цвыхово болото». Сейчас, к сожалению, многие из них уже пересохли, поросли камышом. Остались только «Водяное болото» и «Куликово болото».

Интересна история названия сельскохозяйственных угодий – пашен, которые были кормильцами переселен-

Первая речка

Тюлеевское озеро

цев (сеяли рожь, колбу, лён, коноплю, ячмень, репу, гречиху и т. д.) и носили имена своих владельцев: «Васильевы пашни», «Евсикова избушка», «Берчукова избушка», «Бардышевы пашни», «пашни семьи Мельниковых», «Избушка музыкантов».

Много в названии старых пашен словосочетаний имени и слова «лука». Как известно, пашня, огибаемая рекой, называется лукой. Это «Сергеева лука», «Архипова лука», «Ходорина лука». Интересна история Ходориной луки. В этом месте деревенский мужик серпом зарубил свою сноху Ходору. Появилось поверье, что с тех пор каждой весной здесь расцветает черёмуха белым цветом, как бы символизируя судьбу невестки, а летом это место славится красными ягодами – клубникой, земляникой – каплями крови невинной девушки.

Но нередко в названии пашен указывались и другие признаки деятельности крестьян. Такое название получили «Матвеев сруб», «Треугольник», «Горелая крышка». Во время полевых работ, длившихся от восхода до заката, люди жили на «культанах». Нашим сельчанам хорошо известен «Жековский культан». На местах пашен занимались не только выращиванием сельскохозяйственных культур, но и другими хозяйственными делами. Известны «Романовы корчаги», «Асылов завод» (по производству дёгтя). Корчаги – круглые ямы в земле, в которых жгли берёзовую кору на дёготь.

Названия получили даже те места, где просто ступала нога сельского жителя. Мало кому известна «Сухая Курунцаска» – это название ровка, по которому вешняя вода впадает в реку Майзас, а тот ровок является границей между полями Ивановки и Верх-Майзаса.

С пашен ли, с покосов ли, с рек ли, где бы человек ни прибывал, но выходил на дороги. Дороги были грунтовыми, насыпных трасс не было. Такая сельская дорога называлась «большак». Из деревни Камышинки на юг шёл Тюлеевский большак, который соединял с Ивановкой Верх-Майзас, а из Ивановки на север шёл Беспаловский большак до Аникино через Беспаловку.

Дороги соединяли не только близлежащие сёла, деревни, но и людей,

проживающих по их сторонам, образуя улицы деревень, на которых сообща отмечали «Престольные праздники». В Камышинке это был Покров, который отмечается 14 октября, собирались на «помочи», всей улицей провожали в армию, гуляли свадьбы, участвовали в едином трудовом фронте, но при этом каждый занимался индивидуальным личным хозяйством.

Сегодня в каждом селе или деревне имеются чисто официальные, административные названия улиц. Так в Камышинке – Центральная и Молодёжная, в Ивановке – это Сибирская и Школьный переулок, с обязательной нумерацией жилых домов и административных помещений. Но по-прежнему на языке и на слуху остались те, которые дали когда-то сами жители этих сёл и деревень.

Деревня Ивановка делилась на три части. Каждая имела своё название, что и было улицей. А так как деревня располагалась на одной линии, то каждая улица, каждая часть была отделена от другой границей, рвом. Начало деревни от крутихинской трассы до кладбища – это одна из первых улиц, которая носит название «Бугаёвка». По словам старожилов села, название этой улицы произошло от живших там «здоровых, крепких мужичков – «бугаёв».

За рвом, где заканчивалась «Бугаёвка», в центре находилась улица Центральная, которую часто называли как всю деревню – Ивановка. За улицей Центральной вверх до горы Хохловой тянется Чубаровка. Это название произошло от деревьев, расположившихся на Хохловке, стремящихся кронами ввысь, создавая образ «чуба».

Сегодня ещё можно услышать старинные названия улиц, пашен, лесов, болот, но история их появления молодому поколению уже неизвестна. Уходит в прошлое история, уходит память…

На сегодняшний день ни в Ивановке, ни в Камышинке нет ни одной пашни, которая бы засевалась. Полностью разрушилась деятельность колхозов, которые раньше считались незыблемо-

Труфанов омут

Гора Хохлова

стью крестьянского труда, появилась безработица, сократилась до минимума рождаемость населения, увеличилась смертность населения. Оставшаяся молодёжь, покидает свои места в поисках работы, новой жизни – порой оставляя сиротами дома. И наши красивые деревни приобретают довольно мрачный вид.

Алина Бондарева

Венгеровский район

И скорбь, и вера в победу добра над злом

Немногим ушедшим деревням поставлены памятники. Среди этих счастливчиков деревни Шадово и Байсогала (существует несколько вариантов названия второй деревни; мы же используем то, что закрепилось на Кресте-мемориале в честь основателей и жителей двух деревень). Двум соседкам – вечная память!

Необычные эти соседки: в конце 19-го века их заселили литовцы, латыши, примкнувшие к ним поляки, а позже – калмыки. Судьбы всех непростые, о них исписаны страницы в истории нашей страны. Сегодня практически никто не вспоминает об этом соседстве, политики – прежде всего. Сегодня Россия – не страна, пригревшая и накормившая тысячи прибалтов. Их потомкам она представляется угрозой безопасности на полном серьёзе: Россия в их представлении – враг номер один. Больные беспамятством, они сносят и уничтожают памятники красноармейцам, их командирам, положившим головы за освобождение прибалтов от коричневой чумы.

«Какая жестокая несправедливость! Какое умопомрачение!» – думаю я, пересматривая и изучая страницы незаслуженно забытой истории. И моё воображение рисует образы литовцев: трудяг, вояк, переживших вместе с русскими и поляками тяготы истории нашей страны, гражданскую, Великую Отечественную войны. Все вместе клали головы за новую и счастливую жизнь… Об этом же я думала у памятника деревням, автором которого стал бывший житель деревни Байсогала, соседки Шадова, преподаватель Новосибирского строительного института Станислав Викторович Линовский…

Деревня Шадово входила в Усть-Тартасскую волость Каинского уезда Томской губернии, а с 1911 года вошла в только что образованную Меньшиковскую волость. По соседству находилась ещё одна деревня. Стоило пройти по мосту – и ты уже в Байсогале.

Что же привлекло в нашей сибирской глубинке прибалтов, чтобы преодолеть такой огромный путь и поселиться на малознакомой, суровой местности? На просторах Интернета ответ на этот вопрос трактуется следующим образом: причиной переселения послужила реформа 1861 года. По ней крестьяне были наделены землёй, но этим наделом распоряжалась община. Крестьянские семьи росли, земли в общине становилось всё меньше. Начался голод, люди переселялись в города и на свободные земли. Активно заселялись Заволжье, Юг, Предкавказье, Сибирь, Дальний Восток. К концу 19-го века степные губернии Новороссии, Предкавказье и Заволжье стали районами земледельческого капитализма.

В 1880-е гг. главным районом переселения стала Сибирь: там не было помещичьих хозяйств, существовали огромные массивы свободных земель. Проведение дорог до Челябинска, а затем строительство (с 1891 года) Великой Сибирской дороги дали толчок росту переселения в Сибирь и её освоению. За 10 лет в Сибирь переселились около трёх миллионов человек. За это время посевные площади здесь

увеличились в два раза. Сибирь стала поставлять на внутренний и внешний рынки зерно, сливочное масло. Но не все могли прижиться на новом месте: с 1907 по 1914 гг. официально зарегистрировано свыше миллиона семей «обратников».

О переселении из Прибалтики рассказывает в своих работах Михаил Николаевич Колоткин, заведующий кафедрой гуманитарных наук СГГА, доктор исторических наук, он утверждает, что выходцы из Балтики появились в Сибири ещё в 16-м веке. Основной контингент – ссыльные, каторжане, военнопленные. Тогда же были основаны первые поселения. Однако наиболее крупную группу выходцев из Балтики, осевших в Сибири в конце 19-го – начале 20-го веков, составили добровольные переселенцы. К переезду на новые места прибалтийских крестьян принуждало, как упоминали выше, жестокое безземелье.

Как мы видим, причины переселения народов различны. Оно происходило как добровольно, так и по принуждению. Что касается истории переселения на просторы Сибири шадовских жителей, конкретнее об этом можно узнать из книги «Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии», автор А. А. Кауфман: «Мысль о переселении возникла как у витебских, так и у ковенских под влиянием возвратившихся на родину «польских переселенцев», сосланных в 1864 году, которые рассказывали о сибирском приволье и многоземелье и вообще расхваливали сибирскую жизнь; затем окончательный толчок к переселению дали письма родных и земляков, выселившихся в 1886 и в 1888 годах, образовавших пос. Байсогальский. Пускаясь в путь, новосёлы имели в виду водвориться именно с этими земляками и шли прямиком в названный посёлок.

Из четырнадцати семей ковенцев, прибывших в 1888 г., десять семей шли одной партией: они вышли из дому первого апреля и дошли паровыми сообщениями до Тюмени, где их поджидали две семьи, вышедшие ранее, около 20 марта; здесь же их нагнали ещё две семьи, вышедшие по одиночке несколько позже. И все четырнадцать семей сели на один пароход и прибыли в Байсогальский около 15 мая, пробыв в пути от четырех до шести недель. Из числа витебских же прибыло тринадцать семей… Они также шли на Тюмень; отсюда первая партия пошла на лошадях, вторая – пароходом до Карташовой.

Как витебские, так и ковенские новосёлы имели в виду, как было сказано, подвориться с прибывшими ранее земляками в Байсогальском посёлке, где и собралось к началу июня 27 семей; но оказалось, что земля была отведена Байсогальскому посёлку без всякого запаса, на одних только хлопотавших ранее об образовании участка 16 семей. Вновь прибывшим 27 семьям пришлось поэтому поселиться отдельно (имеется в виду, на прилегающей территории; после – деревня Шадово). По совету байсогальцев, они выбрали для поселения смежную с Байсогальским участком местность, куда их привлекла, главным образом, одна очень хорошая «грива», и в августе 1888 г. им был отграничен здесь участок, опять-таки без запаса на прибывшие семьи.

Участок расположен по смежности с Байсогальским, в степной местности, с изредка разбросанными перелесками. Хорошая пахотная грива имеется только одна, остальные пашни – по «мысам», с явно солоноватой почвой, притом сильно выпаханная. Пашнями участок обеспечен, несомненно, значительно хуже Байсогальского; зато пастбища очень изобильны и доброкачественны, а равно много покосов по окраинам озёр и займищам – на надельную душу может быть накошено до 200 копен; в 1894 г. накошено 5400 копен, что составляет по 164 копны на домохозяйство, а затем довольно значительные площади были сданы на съём травы посторонним лицам. Лес на участке совершенно истреблён; топят частью валежником и хворостом, частью – дровами, которые покупают в 30 верстах.

Расположен посёлок на гриве, так что занял значительную часть лучших пахотных земель; распланирован в одну улицу; избы, большею частью, из берёзового леса, плохо выстроены, гряз-

ные и крытые дёрном. По общему виду посёлок совершенно не может идти в сравнение с Байсогальским, который выглядит довольно зажиточно…»

При реке Изес, на живописнейшем месте, окружённом богатыми лесами и бескрайними неосвоенными землями, в 1888 году был основан посёлок Шадово (год основания в различных источниках отличается, мы полагаемся на книгу «Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии», автор А. А. Кауфман). Есть версия о происхождении необычного названия деревни Шадово. Некогда существовал заштатный город Шадово (Шадов) в Ковенской губернии Шавельского уезда, при реке Невдуве, станции Любаво-Роменской железной дороги. В этом городе проживало порядка 2695 евреев и 1612 литовцев. Именно из Ковенской губернии, к которой и относился город с аналогичным названием основанной деревни, двинулись будущие шадовские жители. Согласитесь, такой интересный факт не может оказаться простым совпадением (по материалам «Памятная книжка Ковенской губернии на 1898 г.»). А основателями деревушки стал пришлый народ: литовцы, латгальцы, встречались и русские. В годы Великой Отечественной войны, со слов бывшего жителя Шадова А. П. Глебуса (ныне проживающего в с. Заречье), на территорию основанных поселений были присланы ещё и калмыки.

Отдельная тема – взаимоотношения с жителями вблизи расположенных поселений. Недовольство со стороны соседнего села Усть-Изесского ожидаемо по той причине, что малознакомым людям другой национальности, да к тому же пришлым, отвели их «кровную» территорию. «Отношения со старожилами с. Усть-Изесского, из пользования которого был отведён Шадовский участок, были очень враждебны: между прочим, старожилы, чтобы насолить новосёлам, вырубили на участке большую часть леса – новосёлы, в отместку, захватили и засеяли паханные старожилами пары. Первое время старожилы даже не хотели нанимать новосёлов на работу, ссылаясь на то, что не знают, «что за народ». Но со временем (на тот момент 1896 г.) отношения, по-видимому, совершенно сгладились, и старожилы отзываются о новосёлах с большим уважением. С соседним, Байсогальским обществом, у шадовцев возник спор из-за границы, создавший довольно обострённые отношения.

С. А. Гудайкис благодарит строителей памятника

Просуществовать первое время шадовцам было очень трудно: отчасти потому, что старожилы, как было уже сказано, очень неохотно нанимали их на работы; значительной части новосёлов пришлось поэтому прибегнуть к сбору подаяния (13 семей). Довольно многие (14 семей) имели подспорный заработок в различных ремёслах, таких, которыми занимались на родине, но главную роль всё-таки играл наём на земледельческие работы, причём, однако, только четыре семьи отпускали работников в срочный наём: нанимались главным образом косить сено, по 4–5 р. с сотни копен (при заборе вперёд – 3 р.), по 5–6 р. с десятины, зимой молотили по 8–10 к. в день; нанимались работать помесячно, зимой по 2 р. 50 к. – 3р., в рабочее время по 10 р. в месяц.

Обзаведение собственным хозяйством шло медленно: правда, большинство – 23 семьи – по приходу обзавелось избами, но завести тотчас же запашку не удалось никому, и даже со второго года начали самостоятельно пахать только шесть семей, на третий год – ещё девять… Десять семей не имеют пахотных орудий и хотя и сеют хлеб (кроме одной), но на земле, обрабатываемой чужим инвентарём. Почти все остальные домохозяйства имеют не

более 2–3 лошадей, и только два имеют 4 лошади… В среднем на семью здесь приходится по лошади и по 2,3 дес. посевной площади; только 4 семьи продовольствуются круглый год собственным хлебом, и не одна из них не имеет продажных излишков хлеба.

Продовольственные дефициты и прочие расходы в значительной мере покрываются доходом от очень развитого в этом посёлке скотоводства: в среднем на семью здесь приходится по 5 дойных коров, по 4 головы холостого скота и по 8 овец: ни один двор не имеет менее 2–3 коров; 20 семей имеют от 4 до 6, шесть – по 7 и более дойных коров. Тем не менее, большинству – 19 семьям – приходится ещё прибегать по-прежнему и к работе по найму, условия которой однако в последние годы, благодаря хорошим урожаям и хорошей репутации, приобретённой новосёлами, значительно улучшились, а девять семей продолжают заниматься теми или другими ремёслами. Что же касаемо земледелия: хозяйство вольное, залежно-паровое с преобладанием пшеницы, яровой ржи и овса, каждая из этих культур занимала около четвёртой части всей площади посевов» (по книге «Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии», автор А. А. Кауфман).

Отсюда нам становится известно, что скотоводство было развито довольно хорошо и служило основным средством существования. Но в связи с низкой материальной базой люди не могли приобрести собственный инвентарь, что осложняло ведение хозяйства.

В материалах хозяйственной книги говорится, что жители деревни Шадово также выращивали: горох, картофель, табак, просо. Жизнь в деревушке постепенно развивалась, подсобное хозяйство этому способствовало. На 1899 год в Шадово – 35 дворов (94 мужчины и 73 женщины, всего 167 человек). В 1911 году были открыты сельский хлебозапасный магазин и маслодельный завод. Улучшение условий жизни, обустройство деревни новыми общественно значимыми пунктами с дополнительными рабочими местами способствовали приросту населения. Так уже на 1926 год приходится 42 двора, зарегистрировано 230 человек.

Данные годового отчёта за 1936 год говорят о том, что колхоз имени Жданова (ранее фигурировало название «Литовская победа») преимущественно занимался земледелием, зерновыми (рожь озимая, пшеница озимая, овёс и т. д). Из всего земельного богатства хозяйства, а это 1796,4 га, 111,8 га занято зерновыми и бобовыми, 640 га пашней, 324 га отдано под выгон, 331 га под сенокос, 176 гектаров – лес. Развивалось и животноводство: на январь 1936 г. численность крупного рогатого скота составляла 54 головы, имелось 28 лошадей. На 1940 год в колхозе числилось 89 человек. На этот же год было засеяно в общей сложности 369 га зерновых и бобовых; насчитывалось 166 голов крупного рогатого скота, 93 овцы и 48 лошадей. В 1951 году колхоз имени Жданова был переименован в колхоз «Гигант», где допонительно занимались птицеводством и звероводством (выращивали лис).

Вот как вспоминает о жизни в Шадово уроженка деревни Валентина Викентьевна Буйвис, ныне проживающая в с. Заречье: «В деревне была одна улица. Все люди были трудолюбивые, добрые, такой доброты, как в Шадово, я больше нигде не видела. Но вот стали прибывать в деревню самые настоящие пензенские бродяги. Картошку садить надо – «на», морковку сеять – опять «на». Моя мама им просто так двух гусей отдала. Делились с приезжими всем, что было… Всё отдавали безвозмездно. Я помню, как маме сказали: «Зачем отдаёшь нажитое чужому человеку, у тебя вестись не будет». Она и говорит: «Я с душой отдала – и у других будет, и у меня будет».

Занимались сельским хозяйством. Центральная ферма колхоза была в д. Меньшиково. А то, может быть, была ферма № 1: ведь туда входили и деревни Осоевка, Митрофановка, Лисино. Люди работали в колхозе, пасли скот, было дойное стадо, телятюк пасли, куры были, лошади. Народ очень хорошо жил – «сметаной мазал голову». Что говорить, уже появились и совхозы, и деньги. Мой отец мог купить машину, и это всё в то время! Свой скот

держали, птицу: и куриц, и уток, и гусей. Люди жили зажиточно. И было где сено косить, и ягоды кругом были, и грибы были…

Бывало, тятя запряжёт лошадь, и мы полную бричку грибов набирали, может, десять, может, двадцать вёдер. И рыба была».

Жизнь только-только стала настраиваться, а тут – война. Бремя трудного лихолетия легло и на плечи шадовцев. Вот как вспоминает о пережитом Валентина Ивановна Матисон, бывшая коренная жительница Шадово (ныне проживает в селе Меньшиково): «На войне, в 1942 году, у меня умер отец. Нас оставалось у мамы четверо детей. Старшую сестру забрали на военный завод. Жили мы плохо. Работали ночами. Коров пасли, а есть нечего было, дров не было. Ходили собирали сухостой. Потом, в 16 лет, работать пошла. В 1945–46 годах совсем плохо стало с питанием, вот мы и ушли из Шадово в Тибисский совхоз. Там, конечно, было лучше. Паёк давали. Иждивенцам 200 граммов хлеба, а рабочим – 500. В 1956 году вернулась в Шадово. Вышла замуж, родила троих детей. Дети у меня хорошие, не бросают, помогают».

Ещё Валентина Ивановна исполнила песню на родном языке, но перевод, увы, она не знает. Но и воспоминания, и песня связывают её с прошлым Шадово, где были и труды нечеловеческие, и, конечно, счастливые мгновения. Особенно тогда, когда деревня встречала своих победителей.

Сегодня мы назовём имена тех, чьи данные сохранили архивы: Станислав Борисович Краваль участвовал в наступлении на реке Одер в составе 172-го гвардейского стрелкового полка 57-й гвардейской дивизии в должности стрелка. Воевал в должности телефониста. Награждён медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны II степени. Демобилизовался в 1946 году. Проживал в с. Меньшиково, работал в колхозе «Сибирь». Умер в 1990 году.

Отважно воевал на фронтах Великой Отечественной войны и Валентин Леонтьевич Лапшинский в составе артиллерийских частей, шофёр. Младший сержант был награждён медалями за «Боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ», «60 лет Вооружённым силам», орденом Отечественной войны II степени. В мирное время проживал и работал в селе Меньшиково.

Храбрым воином был и Сидор Петрович Синкевич. Воевал на Западном фронте, получил тяжёлое ранение, демобилизован по ранению. Награждён орденом Отечественной войны I степени. Проживал в деревне Шадово, работал в колхозе «Сибирь». Руки у него были золотые: многое умел делать по хозяйству. Умер и похоронен в 1951 г. в Литве, в г. Вильнюс.

Но многие с полей сражений не вернулись. Это Ф. И. Буйвис, И. Л. Гумалевский, П. Л. Гумалевский, К. К. Кисаржевский, А. А. Карашевский, Н. Н. Лебедев, И. А. Павловский, Ф. В. Лоцан, М. И. Станкус, У. И. Станкус, И. П. Синкевич, И. П. Синкевич, И. Б. Синкевич, И. Ф. Шулус. Их имена увековечили авторы памятника, что установлен в д. Шадово.

Александр Петрович Глебус утверждает, что Шадова не стало в 1973 году: закрыли начальную школу, и люди покинули обжитое и дорогое для них место. Разъехались, кто в соседние сёла, кто в Литву и Латвию, к себе на родину. Но долгое время шадовцы поддерживали связь: перезванивались, писали письма, приезжали в гости. И сошлись во мнении: надо увековечить память литовцев, живших на русской земле почти сотню лет, трудившихся в поте лица, любивших, создававших семьи, рожавших детей, которые стали достойной сменой дедам и отцам. Этой идеей особенно «заболели» бывшие жители д. Шадово и Байсогала А. Шулус и С. А. Гудайкис, как утверждает А. П. Глебус, – большие друзья: один остался в сибирских краях, другой уехал в Литву.

И ещё. Поставив точку в своей работе, я снова хочу вернуться к натянутым прибалтийско-российским отношениям. Люди! Ведь мы были вместе в своё время и были счастливы. Что мешает нам вернуться к тем золотым временам?!

Дарья Воликова

Новосибирск

Гражданская война. Применение авиации в Западной Сибири

Давно это было… Сто лет отделяют нас от тех страшных событий Гражданской войны. Не нам судить, кто тогда был прав, кто виноват… Мы там не были… Подлинных документов тех времен практически не сохранилось. Одни и те же события в воспоминаниях белых и красных трактуются поразному. Попробуй разберись, у каждого своя правда, а истина – она где-то посередине…

К началу Первой мировой войны (1914 г.) стало очевидно, что война приобретает третье измерение. На океанских просторах всё увереннее обосновываются подводные лодки, которые в самое ближайшее время зарекомендуют себя как новое страшное оружие. А научно-технический прогресс явно указывал на появление ещё одной угрозы: с воздуха.

Вот некоторые исторические факты: 23 октября 1911 года, во время итало-ливийской войны капитан итальянских ВВС Карло Мария Пьяцца совершил первый удачный разведывательный полёт на аэроплане «Блерио XI». А уже 1 ноября лейтенант Джулио Кавотти осуществил первую бомбардировку с воздуха турецких позиций, сбросив четыре гранаты весом по 1,8 кг. Но, как выяснилось, аэропланы могли действовать вполне успешно не только днём, но и ночью. 24 января 1912 года Пьяцца выполнил первую результативную разведку, а 4 марта Кавотти произвёл первую ночную бомбардировку.

В 1912 году русский воздухоплавательный отряд под командованием подполковника Щетинина также сбросил свои первые бомбы на турецкие позиции в Болгарии. Однако встретившись в воздухе, противоборствующие стороны чаще всего обменивались выстрелами из личного оружия. Получив положительный опыт, многие страны, в которых зарождалось воздухоплавание на аппаратах тяжелее воздуха, с невероятной быстротой начали вооружать свои аппараты.

Уже к началу Первой мировой войны свою военную авиацию получили Франция, Германия, Англия, Голландия, Австро-Венгрия. Россия также стремилась получить свой военно-воздушный флот. Недаром первый воздушный таран совершил русский лётчик П. Н. Нестеров 27 августа 1914 года, а 23 декабря в России была создана первая в мире «эскадра воздушных кораблей» – прообраз стратегической авиации, вооружённая самолётами «Илья Муромец». Окончательно стало ясно, что на арену вышло новое серьёзное оружие.

25 октября 1917 года в России произошла Октябрьская революция. В стране пришла к власти партия большевиков во главе с В. И. Лениным. Но далеко не все слои населения приняли новые преобразования. Накал противоречий дошёл до такого уровня, что грянула Гражданская война. Советская Россия как правопреемница царской России на территориях, поддержавших её идеи, получила в наследство и воздушный флот. Это около 1300 самолётов, в основном полученных во время Первой мировой войны от стран Антанты, либо выпущенных на российских заводах по зарубежным образцам. В России на тот момент было 18 авиационных заводов, 11 самолётостроительных, 5 моторостроительных и два завода, выпускавших пропеллеры. Но они выпускали свою продукцию буквально поштучно.

Однако большинство доставшихся нам аэропланов находились в крайне изношенном состоянии, либо вообще были неисправны. У аэропланов того периода, производившихся из дерева и обтянутых полотняной обшивкой, к тому же хранившихся часто под открытым небом, век был недолгим.

За годы Гражданской войны на имеющейся производственной базе удалось выпустить свыше 650 самолётов. Использовались также около 250 трофейных самолётов. Всего же во время Гражданской войны Советская Россия использовала около 2300 самолётов. В сравнении с этим можно упомянуть, что такие страны, как Франция и Англия, выпускали самолёты тысячами. Так, например, Франция одних только самолётов «Ньюпор» выпустила более пяти тысяч штук.

И тем не менее Советская Россия энергично приступила к формированию первых авиационных отрядов для Рабоче-Крестьянской Красной Армии. По штату в каждом отряде должно было быть по шесть самолётов. Уже к августу 1918 года было сформировано девять отрядов, все они были направлены на наиболее угрожавший Советской власти Восточный фронт.

Что касается Белой армии, то своей авиапромышленности, в условиях полной нестабильности на фронтах, она не имела. На её вооружении в основном находились самолёты, поставляемые капиталистическими странами. Доставка этого оружия могла производиться в основном через Крым и Владивосток. К тому же довольно часто самолёты поставлялись недоукомплектованными. Были случаи, кода самолёт есть, а винта к нему нет. Даже если учесть, что начавшаяся интервенция против Советской России, а это 14 государств, использовала свои авиаотряды, всё равно, практически на всех фронтах Гражданской войны Белая армия численно уступала Красной Армии, по количеству применяемых самолётов.

В начале марта 1919 года над Советской Россией нависла угроза прорыва к Москве 107-тысячной армии адмирала Колчака. В марте – апреле войска армии Колчака взяли Уфу, Ижевск и Воткинск, овладели всем Уралом и двигались в направлении Самары и Казани. Однако в силу крайне неблагоприятных для армии Колчака причин Красная Армия 28 апреля перешла в наступление. К августу Красная Армия захватила Екатеринбург, Челябинск и с боями вошла в Западную Сибирь.

Несмотря на успешное наступление на Восточном фронте, часть авиаотрядов Красной Армии к сентябрю была переброшена на другие угрожающие участки, в частности на Западный и Южный фронты. Хотя из 18 отрядов красных осталось только четыре, правда, в увеличенном составе, численный перевес оставался на стороне красных (100 самолётов, против 58 у белых). Осознавая это, «верховный правитель» адмирал Колчак, заказал для своей армии 84 самолёта. Но первые 25 самолётов типа «Сальмсон», прибыли во Владивосток только в декабре 1919 года, когда колчаковское движение доживало последние дни.

При таком количественном составе противоборствующих сторон о каких-либо фронтовых операциях с участи-

ем авиации говорить не приходится. Всплеск боевой активности авиаотрядов как с одной, так и с другой стороны приходится на октябрь – ноябрь 1919 года. Основное место применения – Тобольск, Ялуторовск, Курган. С обеих сторон были задействованы очень малые силы, не способные оказать заметного влияния на ход военных событий.

Так против красных действовал 10-й колчаковский авиаотряд, имевший всего шесть самолётов (три «Сопвича» и три «Ньюпора-23»). Со стороны красных – 28-й и 29-й авиаотряды, также численностью по шесть самолётов. При этом наблюдалась нехватка лётного состава и неисправность авиатехники. С первых чисел октября 1919 года у станции Зырянка под Курганом был развёрнут 5-й воздухоплавательный отряд с привязным аэростатом, для разведки и корректировки артиллерийского огня.

Со стороны армии Колчака были сделаны попытки подготовки лётных кадров. Организовано что-то наподобие лётных школ в Кургане и Омске. Однако обе школы так и не подготовили ни одного лётчика.

Из сохранившихся исторических документов известно, что боевые столкновения между красными и белыми всё же были. Так, например, тот же 10-й авиаотряд белых неоднократно нападал на аэростат 5-го красного отряда с целью его уничтожения, однако без особого результата. 7 октября 1919 года красвоенлёт Батурин на самолёте типа «Сопвич» обстрелял однотипный самолёт, принадлежавший белым. Пилотировавший его прапорщик Волковойнов был ранен. А у его самолёта был пробит бензобак.

К северу от Кургана у станции Вагай под Ялуторовском базировались 3-й и 14-й авиаотряды белых. Туда же 9 октября 1919 г. прибыл 10-й авиаотряд красных. Целью как одних, так и других было скорее обозначение присутствия, нежели реальные боевые действия. Но уже 11 октября противники, встретившись в воздухе, обменялись пулемётными очередями.

12 октября лётчик 3-го авиаотряда белых прапорщик Снегирёв обстрелял, правда, безрезультатно, красный самолёт. 14 октября красные сбросили бомбы на лётное поле 3-го авиаотряда белых и опять без особых результатов.

14 октября 1919 г. Красная армия перешла в стремительное наступление в направлении Петропавловска, который и был взят 30 октября. 14 ноября без единого выстрела был взят Омск (между прочим – столица колчаковской Сибири).

Несмотря на поспешность и неорганизованность отступления, колчаковские авиачасти успели эвакуироваться в Новониколаевск (ныне Новосибирск). К концу ноября 1919 года там собралось около 150 авиаторов (включая работников штабов) и 58 самолётов. Однако боевой дух Белой армии упал до крайне низкого уровня. В победу уже никто не верил. Кто-то собирался бежать в Китай, кто-то готов был сдаться в плен красным.

14 декабря 1919 г. Красная Армия вступила в Новониколаевск. Часть белых авиаторов бежала по Сибирскому тракту на восток. Однако свыше 100 человек во главе с полковником Бойно-Родзевичем сдались в плен. Так закончилась «воздушная война» в Западной Сибири.

Многим может показаться, что ВВС, как белых, так и красных, не сыграли сколь-нибудь заметной роли в Гражданской войне в России, особенно на её сибирских просторах. Может быть и так. Но следует вспомнить, что за каких-то 10 лет до этого аэропланы были вообще абсолютным чудом, поглазеть на которое собирались огромные толпы зевак.

Я уже упоминал, что в силу некоторых обстоятельств век тогдашних боевых самолётов составлял от силы 1,5–2 года. Реальный радиус действия был 30–60 километров, а боевая нагрузка 2–4 пуда боеприпасов. Сюда можно добавить почти полное отсутствие прицельных систем. Постоянно беспокоили многочисленные отказы и поломки. Многие конструкции проектировались буквально «на глазок». К тому же подготовка лётного состава не выдерживала никакой критики (по современным меркам, конечно же). Сам факт полёта уже был героическим поступком. В раз-

личных источниках указываются различные цифры, но все они сводятся к одному: небоевые потери того периода превышали 60 % от всех потерь авиации тех времён.

Но вот прошло ещё 18 лет. Грянула Вторая Мировая война и без авиации уже не обходилась ни одна сколь-нибудь крупная боевая операция…

Не обошла стороной Гражданская война и город Бердск. Конечно, сто лет назад Бердск находился совсем в другом месте. До появления Обского водохранилища и переноса города на новое место было ещё очень далеко. Местечко, которое нынешние жители называют Водозабором, и где многие имеют сейчас дачи, в те времена, сто лет назад, называлось Ельцовка, и там шли ожесточенные бои Красной Армии с войсками адмирала Колчака. В 60–70-х годах 20-го века народ сажал там картошку, и частенько бывало, во время полевых работ собирали не только урожай, но и откапывали, правда, ржавые уже, винтовки, наганы, гильзы от патронов, попадались даже небольшие бомбочки.

Памятник погибшим партизанам в г. Бердске

В центре Бердска стоит Памятник погибшим партизанам. Из старого Бердска он был перенесен в 1957 году. Там покоятся останки первых бердских милиционеров и первый председатель исполкома города, расстрелянные колчаковцами в годы Гражданской войны.

Давно это было…

Александр Парфёнов
Наталья Семьянова

Колыванский район

История будущего

1.

В 2017 году жители Колывани, по совету настоятельницы монастыря, обратились в Новосибирскую епархию с просьбой разрешить зайти на территорию Женского монастыря и отремонтировать осквернённый вандалами памятник на братской могиле земляков, замученных в дни «Кулацкого мятежа» в 1920 году. К сожалению, ответа из епархии мы не получили.

Последующие устные обращения к настоятельнице ни к чему не привели. И тогда мы опубликовали открытое письмо, на которое недавно пришли ответы и от настоятельницы, и от главы Колыванского района, в которых нам отказано в просьбе вернуть на памятник утраченные символы советской власти.

Сотрудники администрации подготовили письмо, которое практически полностью дублирует ответ из монастыря, а в конце прикрепили свой вердикт: «*В связи с тем, что территория, на которой находится памятник, передана Новосибирской епархии Русской Православной Церкви, по вопросу установки звезды на памятнике Вам необходимо обратиться в Московский Патриархат Новосибирской Митрополии Покровский Александро-Невский монастырь р.п. Колывань*».

Храм Александра Невского

Администрация оставила без внимания тот факт, что мы уже обращались в епархию, и потом, мы не претендуем на монастырские земли, нам нужно только пройти к памятнику, который, как мы понимаем, остаётся в ведении муниципального образования, и за его сохранность отвечает именно светская власть. Это как российский самолёт, прилетевший в иностранное государство, который является неприкосновенной территорией России. Так и памятник со всеми кирпичами и скелетами не есть собственность монастыря, а наше, мирское бремя. Мы понимаем ответ главы района как отписку и нежелание решать этот вопрос.

Храм уже без куполов

Ответ настоятельницы удивил нас ещё больше. Вот несколько цитат из её письма: «*за памятником защитникам советской власти ухаживают сёстры монастыря уже четверть века*». Да, это правда, но не двадцать пять лет, а лишь последние годы. До этого лет двадцать памятник стоял заброшенный, он облупился, зарос высокой травой и не нужен был ни монастырю, ни жителям, ни власти. Несколько лет назад памятник окружили кустарником, покрасили светло-зелёной краской, и его не стало видно. Было очевидно, что такая забота продиктована единственным желанием – скрыть памятник от людских глаз.

Далее настоятельница пишет о табличке с именами: «*На верхней части орнамента имеется изображение символа советской власти – звёздочка*». Понятна её мысль, мол, звёздочка на памятнике есть, что вам ещё нужно? Хорошо, но представьте такую картину: какие-то нехорошие люди сбили с маковки церкви крест. Вы, естественно, обращаетесь к власти за помощью, а вам отвечают, что у вас, мол, в церкви есть кресты, вот и молитесь, а на куполе крест оскорбляет чувства атеистов и иноверцев. Как бы мы оценили такое заявление? Правильно, как нравственное и уголовное преступление, потому что в этом случае власть взяла бы под защиту действия вандалов. В конкретной ситуации позиция настоятельницы монастыря крайне двусмысленна и уязвима.

Заключается письмо настоятельницы следующими словами: «*И любые изменения в памятнике не выразят этой заботы и памяти убиенным, которую выражают сёстры, ухаживая за памятником без «указаний сверху или партийной указки»*. Хотя на заре организации монастыря инициативная группа жителей проявила готовность ухаживать за памятником, но сёстры выразили желание делать это сами. Но что значит «любые изменения»? Вернуть сбитую вандалами звёздочку – это изменения? И что, «забота» компенсирует варварский поступок вандалов? Надо понять простую вещь: забота о могиле не может быть принята как аргумент, оправдывающий акт вандализма.

Мы только что проследили технологию рождения лжи: немного лукавства, изменение оттенков, акцентов, направления мыслей, и является новая «историческая правда». Но в таких случаях защитник вандализма сам неминуемо становится вандалом.

Из ответов на наше обращение очевидно, что глава района и сама настоятельница монастыря невольно встали на защиту тех, кто осквернил памятник. Но, дорогие мои земляки, живите долго, однако справедливая смерть не минует никого, и наступит ваш, и их, и мой срок умирать. Как вы не боитесь, что придут к вам эти двадцать четыре убиенных и спросят, почему не допустили восстановить обелиск, почему взяли под защиту злодеяние. И вандалов найдут, и тех, кто приказал сбить звёздочку и осквернить обелиск – всех найдут и призовут на суд Божий, суд праведный!

Вы, настоятельница монастыря, взяли под защиту зло, но вы более иных людей знаете: где живёт зло – там Бога нет! Бог там, где в душах людей любовь ко всем независимо от вероисповедания, партийной принадлежности и материального достатка. Примером для нас может служить сила любви, которая соединилась в красноармейцах, защищающих нашу страну от фашистского рабства. На груди крестик, в душе молитва, а в атаку бежал с языческим кличем «Ура!», с русским призывом «За Родину!», советскими – «За Сталина!» и «Считайте меня коммунистом». Перед лицом смерти тогда в человеке соединилось всё: все боги, все религии и все идеологии. И они явили великую жертву и готовность отдать свою жизнь «за други своя»! Вот истинная вера в Бога – когда есть жертва за ради людей грешных, и только эта жертва очищает человека до святости и дарует ему любовь Божию и жизнь вечную. Ложь помрачила наши умы, братья и сёстры, корысть и самомнение опутали и задушили душу нашу православную. Беда это, беда наша большая и общая.

2.

Что же такое вандализм? Вот что написано в словаре Ожегова: «*Бессмысленно жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей, варварство*». Варварство же – это отсутствие цивилизации, дикость, то есть животный, не человеческий образ поведения. Но размеры варварского, дикого поведения сегодня

поражают. Под видом вполне цивилизационного поведения устанавливаются памятники, символизирующие якобы примирение белых и красных. Но обратите внимание: символов красных, то есть звёздочки, уже на таких памятниках не наблюдается. А некоторые пошли ещё дальше: на границе между Здвинским и Барабинским районами стоит памятник на могиле партизан, где был бой с колчаковцами, который позже назвали «Сарайской трагедией». В братской могиле похоронено 111 человек – крестьян, ставших на защиту советской власти. Теперь на памятнике звёздочки нет, её убрали во время ремонта, а вместо неё прикрепили православный крест. Это как понимать? Как примирение сторон, или нечто иное?

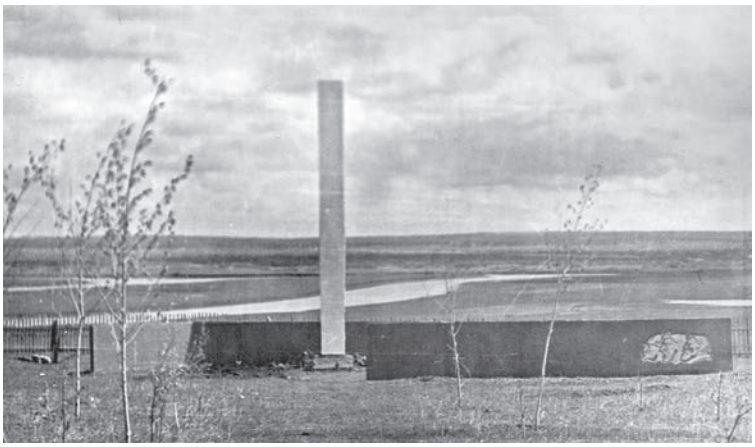
Расстрел возле церкви

И так повсюду: в Томске напротив Университета, кстати, дважды орденоносного, стоял памятник В. В. Куйбышеву. Чем помешал этот памятник, неизвестно, но утащили его на ходвор.

В Новосибирске затеяли переименования площади Свердлова и инициаторы опять клянут и проклинают советскую власть, говоря, что «*на федеральном уровне уже дана оценка*» злодеяниям и прочему, прочему. Если так дело и дальше пойдёт, то новое поколе-

Пионерский сбор, посвящённый 50-летию гибели комсомольцев, коммунистов и советских активистов г. Колывани

ние когда-нибудь опять начнёт судить время и нас, и наши перестроечные реформы, уверен, что они их оценят крайне неудовлетворительно, прибегая к авторитету всё тех же правоведов, историков и юристов, но объектом стенания станет Ельцинцентр – символ пьяного предательства, памятники колбасе и огурцу – символы безумия. И так до бесконечности – вечная Гражданская война и судилище прошлого. И новое поколение уже привычно будет справлять нужду на могиле родителей.



Стелла на месте расстрела активистов Советской власти в 1920 году

Памятник в наши дни

В Москве вандалы разрушили памятник Ф. Э. Дзержинскому. Потом вдруг мэрией было объявлено голосование, какой памятник поставить на этом месте: Феликсу Дзержинскому или Александру Невскому. Когда город разделился на два «фронта», мэр остановил голосование и принял решение никакого памятника не ставить. Попытка забыть факт вандализма хитрым путём не прошла. И подобных фактов в последние десятилетия на территории России не счесть.

Звёздочка или крест? Это важно, очень важно и принципиально, но не главное. Главное в том, что мы становимся варварами-вандалами, потому что рушим, искажаем, издеваемся над памятниками культуры, которые создали наши предки – деды и их родители. Все мы: и главы, и те, кто писал письма, и сёстры-монахини, которые оправдывают вандалов своею заботой о памятнике, виновны в разрушении исторической памяти, и наше поведение сегодня – это факт одичания! Нужно ли знать и помнить их имена? Да, нужно! И молчаливое равнодушие многих – всё это варварство! Но надо помнить и другое, что зло никогда не наведёт порядка ни на наших улицах, ни вокруг памятников, ни в наших душах, потому что всякое зло – это смерть.

3.

Недавно я был приглашён для встречи с младшими классами в школу почитать новые рассказы для детей. Директор вдруг просит:

– Очень прошу, поговорите с выпускниками.

– Зачем? Им сейчас не до духовно-нравственного и патриотического воспитания, у них выпускные экзамены на носу.

– Понимаете, чуть не половина за границу уезжать собрались, не просто учиться, вообще уезжать или сейчас, или после университета.

– Молодцы, – удивился я, – вы за десять лет не смогли воспитать патриотов, а я за полтора часа должен всё исправить? Так не бывает.

– Вы не правы, учителя у нас хорошие, программы все выполняем, мероприятия патриотической направленности проводим на высшем уровне, но что мы можем сделать против телевидения и интернета? Попытайтесь, а? Пожалуйста, поговорите с детьми.

Собрали выпускников в актовом зале, стою перед ними, а на меня смотрят ясные глаза, такие милые и родные – мальчишки и девчонки, улыбаются, радуются нечаянному отдыху от уроков.

И вот что я сказал:

Вы не любите Родину, потому что её оболгали, а мы её не смогли защитить, а вы поленились узнать правду о своём великом Отечестве. Вы уедете за границу, и ваши дети родятся на чужбине, а это значит, что все жертвы наших предков были напрасны, и на нашу землю придут, и здесь будут жить другие народы. Да, нам трудно, и мы не свободны, но нет большей чести служить своему Отечеству в самые трудные годы его истории, как это делали ваши деды и прадеды. Теперь наступила пора вам защищать свою свободу, но вы бежите с поля боя. «Почему я? – вопит трусливый голос в душе. – У меня одна жизнь!» Если бы ваши предки не цыкнули на эту трусливую тварь, которая живёт где-то под сердцем у каждого из нас, и не посвятили жизнь вам, вы или не родились бы вообще, или родились бы в фашистском концлагере и ели свинячью баланду, а наиболее удачливые чистили бы сортиры своим хозяевам. Но вы сидите в светлом зале, дома вас ждут любимые родители, вы талантливы и чувствуете, как знания наполняют вас светом, но это не ваша заслуга, а тех, кто подарил вам свою любовь – ваших предков. Их оболгали, над ними глумятся по всем средствам массовой информации, и вы вместо того, чтобы изучить историю, понять подвиги и ошибки своих предков и склонить с благодарностью свои гордые головы, готовы уже бежать из страны сломя голову, и при этом мечтаете стать счастливыми. Но так не бывает. Все, кто уже убежал, живут с чувством тоски по Родине или с чувством ненависти к Родине, и эту ненасытную ненависть они кормят каждый день, чтобы не чувствовать тоски, потому что тоска горше и тяжелее ненависти.

Вам лгали про Революцию, Ленина и Сталина – чудовищно лгали. Вам лгали про коллективизацию и индустриализацию – изощрённо и подло лгали. Вам лгали про репрессии – истерично и пугающе лгали, потому что воры и предатели боятся тюрьмы, они лгут, потому что боятся повторения истории – лагерей и тюремной баланды. Но воры должны сидеть в тюрьме, и они там сидели. А особо ретивые лгут уже и про Великую Отечественную войну, придумывая истории, как красноармейцы насиловали и грабили немцев, и про бессмысленные жертвы войны в блокадном Ленинграде, а наши предки-ленинградцы не хотели жить в рабстве, они были просто мужественными и свободными людьми. Могут ли их мужество понять сегодня молодые? Наверное, могут, но не все. И обратите внимание, какая тоска в глазах ветеранов войны и труда, их чествуют в день Победы, а они сидят грустные, а рядом у ног каждого рекламный красный пакет с логотипом «супермаркета» и подарочками: кило гречки, кило сахара, консервы и бутылочка водочки. Нет у них радости победы, потому что у них

В День Победы

подлым способом украли вас – будущее, за которое они воевали.

И молчат, потаённо молчат ярые пропагандисты ненависти к нашей Родине, о том, что наша русская цивилизация создала великую культуру, величайшие произведения искусства, удивительный своим реализмом и правдой кинематограф, мы создали лучшую сферу социальной защиты, которая всегда была поперек горла капиталистам всего мира. У нас была лучшая школа, которая стала примером подражания для многих стран.

Они молчат о победах в науке, технике, космосе. Жители «цивилизованных» стран не знают, что первый космонавт – советский человек, они это скрывают от своих граждан. Прежде чем опубликовать материал о первом космонавте, лгуны и предатели всех мастей торопливо стирают с помощью фотошопа со шлема Гагарина ненавистные им четыре буквы СССР. Через СМИ и Интернет они добились уже многого – неуважения и даже презрения нашей молодёжи к своей Родине. С каким наслаждением разные юмористические телешоу издеваются над нашей историей, а учёные за гранты, как за тридцать сребреников, перетрясают тему репрессий и удивляют мир всё новыми подробностями от воспаленной фантазии про насилие, пытки и расстрелы. А молодежь отдана в руки клеветников России и уже не хочет знать правду о своём великом народе и о его мужественной истории. Это делается для нашей деградации и погибели.

Полтора часа я рассказывал о нашей Родине, о России, о Советском Союзе, не приукрашая историю, но в ключевых, решающих моментах раскрывал мотивацию поступков и мудрость наших предков. И слушали меня выпускники внимательно и тревожно. После встречи ко мне подошло несколько девочек, попросили вместе сфотографироваться, а я им подписал свои книжки. А потом подошло несколько парней, они пожали мне руку и сказали: «*Спасибо, мы многое поняли, поверьте, даже на душе стало легче*». И мне стало легче, потому что в нашем полку прибыло.

Ложь рождается не только за границей, и у нас много своих доморощенных предателей-лгунов. И если бы собрать сегодня всех воров и предателей со всех пределов нашей Отчизны, это число превысило бы масштабы побывавших в «сталинских» лагерях. Невинные жертвы были! – вопят пропагандисты. А сейчас нет невинных жертв за решёткой или нет воров, которые нагло и безнаказанно, с вызовом, остаются на свободе в ворованных бриллиантах и дворцах. Но когда-нибудь мы узнаем их чёрные имена, и гоните их взашей, к своим друзьям в Европу и Америку, пусть там визжат, трусливо и злобно. Не сто́ят они нашей жалости или нашего гнева. Поверьте, они там никому не нужны. Гиблые, гнилые люди, пускай протухают в цивилизованном рабстве европейского фашизма.

У меня к чёрным пропагандистам нет вопросов, им за эту ложь деньги платят, у меня вопрос к нам: кто мы, если при нашем трусливом молчании у нас крадут детей? Опять власть виновата? Нет. К нам относятся так, как мы позволяем к себе относиться.

Президент России в 2013 году выступил с замечательной инициативной – создать единый учебник истории для учебных учреждений России. Долго думали идеологи рыночной экономики, как не создавать учебник, и придумали: в 2016 году приступили к изучению «*российской истории в школах по учебникам, переформатированным под новый историко-культурный формат*». Как сформулировано-то! Это что за формат? По Чубайсу была приватизация экономики, а по Грефу теперь модернизируем образование? Ведь у нас «Сбер» – «это больше чем банк». Теперь ростовщики занимаются образованием наших детей, они растят для себя потребителей. Но при этом замалчивают, что главный закон общества потребителей – это зависть.

4.

В начальные классы я пришёл уставшим, но шумная детвора скоро разбудила ответные чувства, я смеялся, радовался и размышлял вместе с ними о героях рассказов, а потом сам читал недавно написанные строки про таких же девчонок и мальчишек. Но вот только одна, одна гадкая мысль

скребла мозг и тревожила душу: что же мы посеем в этих аккуратно причёсанных головках за несколько ближайших лет, какую ложь о своей Родине они поймут? И скоро, очень скоро кто-то из них засобирается в дальний путь подальше от родимой стороны, чтобы забыть и никогда больше не помнить, в какой великой и святой, неугомонной и противоречивой, светлой и вечно ищущей правду стране ты родился.

Закончился урок, мы фотографировались все вместе: и ученики, и учителя, – и вдруг подходит девочка и протягивает ко мне руки:

– Можно я вас обниму?

– Масенькая ты моя, да конечно можно!

И вдруг все ринулись ко мне обниматься, а мальчишки тянули руки для рукопожатия – по-мужски, солидно, с достоинством и благодарностью.

– Так, дети! – громко и требовательно остановила нашу канитель одна из учительниц, – выходим, всё, встреча окончена. Выходим!

Когда дети покинули зал, учительница подошла ко мне и сказала:

– Вы извините меня, пожалуйста, но вы нарушили «дистанцию», вас фотографировали, сегодня дети выложат эти фото в соцсети, но эти фото могут использовать против вас и завести на вас уголовное дело.

– На меня? За что? – не понял я.

– Родители могут посчитать такую близость неприемлемой.

В кабинете директора я не смог унять своего возмущения:

– Какая к черту дистанция?! А уроки физкультуры вы как проводите, они и на перекладину лезут, и через козла прыгают, что – без страховки?

– А мы уроки гимнастики отменили у себя в школе.

– Вы с ума все посходили, если всех мужчин, которые ещё работают в школе, уже подозреваете в педофилии.

Такая, вежливо говоря, перестраховка повергла меня в изумление! И это исходило от профессионалов, в чьи руки государство вверило целое поколение. Им ли не знать, что само слово «дети» символично восходит к ветхозаветному понятию «верящие старшему без доказательств». Удручает поистине детская наивность, с которой они «без доказательств» доверились тем лукавым инструкциям, что формой губят содержание и само доверие.

Я ехал домой и бил ребром ладони по рулю:

– Дураки и дороги! Мы – дураки! И дороги в будущее у нас нет! Мы полные дебилы! Мы своими руками рушим школу семейного типа – лучшую в мире систему! У нас тысячу лет учитель был вторым мамой и папой. Это же варварство – рушить наше величайшее достояние – школу!

Через семьдесят километров я остановился, вешняя вода подмывала трассу, она бурным потоком текла поверх асфальта, водопропускной трубопровод не справлялся. Дураки и дороги, – пульсировало в голове, – неужели так будет уже всегда? Но мы же могли создать, выстрадать цивилизацию высокой культуры, да с жертвами, но необычайно благородную страну! Справедливо ли рождение ребенка через боль и страдание матери? Мы же не задаёмся этим вопросом, а только радуемся явлению новой жизни! И зачем было разрушать великое, чтобы убедиться, что оно действительно было великим и наши предки – созидатели этого великого! И за великое и пребла-

гое, в благодарность за премногое, мы залили их могилы ложью!

На этом можно было бы и закончить своё полное исповедальной горечи повествование, но я знаю, что всякая ложь слабее правды, а мы великий народ – потомки победителей, и у нас на роду написано победить нового Чуду-юду, очистить свою душу от лжи и строить новое и светлое будущее. Мы же народ ищущий, неугомонный, мы в вечном поиске счастливой жизни, и малое нас не устраивает. Пока на нашей земле есть несчастные, мы счастливыми быть не можем.

1966 г.

Наша история требует защиты, вот почему надо по-отцовски шлепать по губам всяким провокаторам и болтунам и надо прекратить устанавливать памятники примирения – это только провоцирует новое противостояние и новую ложь. Необходима единая цель, которая наполнит нашу жизнь высшим смыслом бытия и объединит нас таких разных в единый народ и научит уважительному осмыслению прошлого – вот единственный и верный выход из затянувшейся на целый век Гражданской войны. Только в этом случае прошлое станет цементом в созидании будущего, а не ядом раздора.

Как бы нам запомнить простую истину, что народ, сохранивший свою историческую память, непобедим, это так же верно, как и то, что в обществе потребителей нельзя воспитать патриота. История будущего зависит от нашего с вами труда сегодня. Нам необходима Книга по истории будущего, благо, что светлых умов у нас предостаточно, и не велик труд, если он объединён заботой о великом и многонациональном русском народе.

Николай Александров

Чулымский район

От героев былых времен...

История заселения долины реки Чулым, освоения «свободных земель», казалось бы, давно изучена, описана, известна… Но есть исторические факты, о которых мало кто знает и возникает опасение, как бы не растерять их за давностью лет, не забыть имён, не исказить информацию, потому что в отделе архивной службы сведений об этих событиях нет. И тогда на помощь приходит Память, которая хранится в воспоминаниях родных и очевидцев в музейных архивах. С любовью к истории сёл Зубари, Преображенка, Печёново, Золотая Грива и состраданием к чужой боли эту память односельчан собрала в 1970–80-е годы прошлого столетия старшая пионервожатая Преображенской школы, основатель военно-патриотического клуба «Подвиг» и школьного краеведческого музея Афанасьева Фрида Ивановна.

Фриду Ивановну приводила в отчаяние мысль, что со временем многое будет забыто, и новым поколениям не будет ведомо, какими достойными и мужественными были её земляки, как им хотелось жить и служить высоким идеалам. По крупицам собирала она ценнейший краеведческий материал. Давно нет в живых депортированной с Поволжья девочки Фриды, удивительного человека, подвижницы, патриота своей приобретённой малой Родины Фриды Ивановны Афанасьевой, но результаты её кропотливого труда бережно хранит дочь, Боленкова Людмила Юрьевна, и бескорыстно, в память о маме, делится ими с нами. На основании музейных архивов МКОУ Преображенская ООШ я и пишу этот рассказ.

Чулымский район… Далёкая сибирская глубинка, где никогда не было военных действий… Так считают многие, забывая о том, что чуть более 100 лет назад по сёлам района прокатилась жестокая, братоубийственная гражданская война. Смутное, беспощадное, кровавое было время…

В начале 20-го века к югу от железнодорожной станции Чулым располагались село Каяк, 46 эстонских хуторов, посёлки Преображенское, Печёново, Зубари. Они являлись «забочными» поселениями с крепкими крестьянскими хозяйствами. Октябрьская революция 1917 года всколыхнула крестьян далёких окраин России на борьбу за свои права, за власть Советов. Весть о революции пришла в Преображенку с некоторым запозданием, её вестниками были участники Октябрьской революции солдат Василий Сударев и матрос Григорий Тельпуховский. Они привезли с собой революционную литературу, газеты со статьями Ленина, оба повели большую работу по организации крестьянских масс, за создание комитетов бедноты.

Однако недолго просуществовала Советская власть в Сибири – летом 1918 года станция Чулымская была занята войсками А. Колчака и белочехами. С осени 1918 года в селе Чулым работала колчаковская администрация. Начались массовые преследования советских активистов. По малейшему подозрению рабочих и крестьян расстреливали без суда и следствия, в сёлах свирепствовал произвол военщины и полубандитских групп, посылаемых для наведения порядка.

Всё это заставляло крестьян объединяться в борьбе с колчаковским режимом. На территории юга района действовал партизанский отряд под руководством Копейкина. В. Сударев и Г. Тельпуховский сформировали партизанский отряд из жителей Преображенки, в отряд записались Андрей и Иван Исаченко, Максим и Михаил Слыткины, Афанасий Антропянский, Ерофей Кондратьев, Алексей Козырев, Капитон Борисовский, Федор Глазунов и др. Партизанами была налажена связь с железнодорожниками станции Кокошино, осуществлялись вылазки для подрыва железнодорожного полотна. Бесстрашно действовал руководитель группы подрывников Василий Сударев, его группа не только подрывала составы с белогвардейцами, но и добывала взрывчатку, винтовки, а однажды захватила четырёх языков, которых передали в отряд Копейкина. Штаб партизанского отряда находился в доме Ерофея Кондратьева. На случай захвата деревни колчаковцами на одном из Голубовских хуторов было определено место, где могли укрыться партизаны.

Село Печёново, восстановление памятника на братской могиле, 1976 г.

В декабре 1919 года в селе Печёново разыгралась трагедия. С приходом армии Колчака в селе начались расправы, грабёж. Один из жителей по фамилии (или кличке) Кошелёк выдал коммунаров и партизан. На следующий день на Гадатской Гриве, по словам казаха Абрая, мобилизованного в колчаковский обоз, было расстреляно 12 человек, из них три – из села Печёново: Либерц, Копос и Сапрыкин. Расстреливали в грудь, затем переворачивали и стреляли в затылок.

Из воспоминаний свидетелей событий, старожилов Лаврентия Фёдоровича и Марии Антоновны Шадровых:

«В 1919 году через сёла Печёново и Преображенку шла колчаковская дивизия. В это время в Печёново находился комитет партизанского отряда.

Печёново, 1987 г.

Сапрыкин Иван Григорьевич (сидит)

Фрол Степанович Копус был его секретарём. Колчаковцам удалось арестовать членов комитета во главе с секретарём. После допроса и издевательств они убили Фрола Степановича Копуса, Ивана Григорьевича Сапрыкина и совсем молодого Бориса Либерца. Убиты они были в лесу, но, по просьбе родственников, похоронены в одной могиле на кладбище».

Из письма дочери одного из расстрелянных коммунаров И. Г. Сапрыкина, Тамары Ивановны:

«Мой отец, Сапрыкин Иван Григорьевич, родился в 1877 году в семье крестьянина Орловской губернии. 7 лет служил в царской армии. По Столыпинской реформе приехал на «свободные» земли и поселился в деревне Печёново. Почти сразу с Павловым Василием Гавриловичем и Яковом Кобелевым организовали артель. Построили водяную мельницу на реке Чулым. Окрестные гривы были плодородные, сёла были хлебные, решили построить паровую мельницу, заложили фундамент под двигатель, который и сейчас стоит на месте, где когда-то располагалось село… Когда началась Германская война, стройка мельницы прекратилась.

В коммунистическую партию отец вступил в 1914 году. Участвовал в собрании коммунистов Сибири в Омске. Собрание проводилось в глубоком подполье. Его проводил С. М. Киров. Здание, где проводилось собрание, было подожжено царской охранкой, часть делегатов погибли. Когда в 1917 году победила Октябрьская революция, то в Печёново, в присутствии представителей Красной армии, был избран Совет крестьянских депутатов из пяти человек, фамилии четырёх я знаю: Сапрыкин, Либерц, Копос, Дмитриев. Отец был избран председателем. В 1919 году, когда в Печёново вступили войска Колчака, для дознания, кто выбран в Советы, белогвардейцами были избиты мужчины и часть женщин. Выдал выборных Кошелёк. Назавтра, на Гадатской Гриве, отца и ещё 11 человек расстреляли… После смерти отца у мамы на руках осталось пять детей, из которых после 1928 года в живых осталось трое».

Артефакты времён гражданской войны, 1987 г.

О братской могиле расстрелянных колчаковцами партизан я – руководитель туристического поисково-краеведческого отряда «ВЕГА» – узнала весной 1987 года, и уже в июне мы с веговцами были в Печёново… Села, расположенного на правом берегу реки, уже не

было. Единственный дом – пятистенок, в котором ночевали пастухи, стена маслозавода, фундамент паровой мельницы, несколько тополей и кладбище – это всё, что осталось от прежде богатейшего села Печёново, основанного в 1860 году русскими переселенцами с Орловщины. На братской могиле – металлическая пирамидка с красной звездой, сосна в изголовье, полусгнившая деревянная оградка, звенящая тишина и трель жаворонка в голубом небе… Я рассказала веговцам о партизанах, казнённых колчаковцами, их имён на пирамидке не было, и я не знала, как правильно звучат их фамилии: Копос (Копус, Копосов), Либерц (Либерт, Либертц), – по-разному прописаны они в документах школьного музея, и только фамилия Сапрыкин называлась в воспоминаниях без изменения. Но это не умаляло подвига печёновских активистов, храбрых партизан, погибших в то далёкое время, лежащих в родной чулымской земле.

В Печёново мы побывали ещё раз, спустя девятнадцать лет. В 2006 году нами был выигран международный грант «Глобал Грингрантс Фонд», организована экспедиция по реке Чулым в пределах района от северо-восточной до юго-западной границы с целью мониторинга её экологического состояния. Мы прошли 98 километров от села Гуськи до села Печёново, которых ни на карте, ни на местности уже не существует… Только кладбища свидетельствуют о том, что когда-то здесь кипела жизнь. Братская могила была ухожена. Дочь Ивана Григорьевича Сапрыкина рядом с железным четырёхгранным обелиском, увенчанным красной звездой, установила памятник своим родителям: Ивану Григорьевичу и Наталье Алексеевне, жене партизана, пережившей мужа на 29 лет, так и не вышедшей больше замуж. Рядом со мной, в скорбном молчании, стояли дети первых веговцев, которым родители перед экспедицией рассказали о братской могиле в селе Печёново…

«Уважение к прошлой жизни людей, к идеям, к их жертвам, которые неизбежны в переломные периоды истории, достигается общим вниманием каждого человека, государства и общества. Это уважение подразумевает сохранение и изучение истории, памятников своего края. В этом заключается нравственная преемственность прошлых и нынешних поколений», – так говорила мудрая Фрида Ивановна Афанасьева.

«Помнить нельзя забыть…» – где поставить запятую?

На братской могиле, 2006 г.

Сегодня с экранов телевизоров, в сетях Интернета нас убеждают, что нельзя жить прошлым, нельзя загадывать будущее, нужно жить днём сегодняшним… А я уверена, что без памяти о прошлом, мы – дерево без корней…

Помнить! Вот главная наша задача.

Светлана Заика

Краснозёрский район

Ячейка большевиков

В горячую рабочую пору 1914 года, как обухом по голове, ударила весть:

– Война!

– Германский царь пошёл войной на нашего!

– Цари дерутся, а нам… Эх!

На площади полно народу. Человек сто лотошан выезжают к уездному воинскому начальнику в Барнаул. Шум, крик, плач.

На дороге у готовой к отъезду подводы, перед плачущими отцом и матерью стоит на коленях сын-солдат, бьёт земные поклоны:

П.И. Кайгородов

– Простите, Христа ради! Ещё раз прошу! И в третий раз прошу!

Вот подводы тронулись, а за ними с душераздирающим плачем и криком – хвост провожающих.

Месяца через три – ещё призыв, а потом ещё и ещё, пока в селе не остались одни старики.

Не стало спичек, керосину, ситцу и торговлю купцы закрыли. А с фронта вести: ранен, убит.

За что воюют? Возвращавшиеся в село раненые рассказывали, что в армии измена, не хватает винтовок.

Каждое воскресенье поп Лука провозглашал в церкви здравицу государю императору и всему царствующему дому, произносил проповеди.

Во время войны царское правительство объявило об обмене золотых денег на бумажные. Поп Лука говорил мужикам:

– Вы дома хозяева, а золото ваше и сыновья принадлежат царю, и он ими распоряжается.

В марте 1917 года весть:

– Царя прогнали!

Андрей Гаврик, первый попечитель школы, говорил старикам и солдаткам:

– Народ триста лет в тюрьме держали, а теперь всем вышла свобода.

Село наводнили газетами разных наименований и попадали они в школу к первой учительнице села Прасковье Михайловне Богатырёвой. Она читала новости вслух, а чаще раздавала газеты другим.

– Нате, читайте, граждане, товарищи!

Эти слова вошли в обращение и очень нравились.

Из всего, что говорилось в народе и писалось в газетах, в Лотошном ухватились за слово «мир». Ждали конца войны с нетерпением, потому декрет Ленина о мире встретили с большим одобрением. Войне конец! И действительно, с фронта стали возвращаться солдаты. Шли непрерывно, и к марту 1918 года почти все оставшиеся в живых были дома. Кто-то захватил гранату-лимонку, а Иван Быхкало привёз с фронта пуд гирь. Кроме избы-завалюхи у него ничего не было, но он собирался богатеть.

В селе стали проводить бурные собрания. Говорили обо всём и все вдруг. Стоял невероятный крик, доходило до драк.

На одном из первых собраний в марте избрали Совет крестьянских депутатов и делегатов на волостной съезд.

Досталось попу Луке. У него собрание отобрало крестовый дом, построенный самоуправно на общественной земле и на церковные деньги. Дом заняли под Совет.

Обиженный поп собрал всё имущество и на восемнадцати бричках выехал из села.

Потом на собрании решили другой, по мнению многих, неотложный вопрос: «Есть ли бог?» По предложению Анания Левченко постановили: «Бога нет».

До того малозаметный, Ананий Дементьевич Левченко стал выделяться среди односельчан. То спорит, то громко читает газету, то с молодёжью в школе мастерит сцену. Однажды он вычитал в книжке слова Ленина: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию».

Именно в это время у Левченко и его единомышленников зародилась мысль объединиться. На трёх страницах ученической тетради был составлен устав или заявление, в котором говорилось, что нижеподписавшиеся вступают в «организацию революционеров» села и посвящают себя делу революции, строительству светлого будущего – социализма, где не будет частной собственности, все будут трудиться и жить в равных и справедливых условиях. Вступившие в организацию будут собираться для обсуждения сельских дел и потом обдуманно и сплочённо выступать перед народом.

Далее говорилось об обязанностях председателя собрания, о голосовании и даже о том, что собрания в селе должны проводится «правильно», то есть если один говорит, все обязаны слушать, а не так, как бывает, что говорят сразу человек десять, все кричат, и ничего не поймёшь. Члены организации должны помогать друг другу и

относиться друг к другу как добрые товарищи.

Первыми подписали устав Ананий Левченко и Алексей Николаенко, только что вернувшийся из поезда – штаба Антонова-Овсеенко, командующего Красной гвардией на юге России. Подписали соседи Левченко – братья Максим и Степан Чумак. Степан состоял делегатом в солдатском комитете Румынского фронта.

Далее, после беседы с каждым в отдельности, подписались Нестреляй П., Плескун Д., Маховский К., Когуй М., Савченко Д., Хороняк Ф., Плахотниченко П., Петуховы Алексей и Артём, Помогаев Л., Корниенко, Кайгородов П., Ерохин П. и еще человек десять. Некоторые из них ещё в армии, как тогда говорили, «записались в большевики».

В мае 1918 года в школе состоялось первое собрание, выбрали постоянного председателя и спели «Смело, товарищи, в ногу».

Так родилась большевистская ячейка села Лотошного – инициатор всего передового и направляющая сила в селе.

Организаторы ячейки, не говоря об остальных, не знали, как будет строиться социализм, но надеялись, что светлое будущее наступит скоро.

Мария Примаченко

По материалам книги С. П. Савченко «Лотошное», 1964 г.)

Здвинский район

История села Сарыбалык

Освоение русскими юго-восточной части Барабы началось в первой половине XVIII века. В Сибирь переселялись крестьяне почти со всех губерний Европейской России. В 1782 году около озера, в устье небольшой речушки, остановились переселенцы. Это были Фотей Маркелович Крысин с семьей. В семье девять сыновей: Иван, Мокей, Пётр, Простофан, Игорь, Игнат, Михаил, Кузьма, Николай, с жёнами и детьми. С ними пришли и их товарищи: Литвинов, Ваганов, Лисьин, Храпов, братья Бобровы (Сидор, Карпий, Илларион).

Вскоре на крутом взгорье появились первые избушки – пластянки, которые и стали первым поселением, названным в честь первого поселенца – Крысина. Фотей Маркелович, мужик крутой и сильный, захватил лучшие угодья, быстро стал на ноги и окреп. Переселенческую бедноту притеснял нагло и беззастенчиво.

Первые дома села Сарыбалык

Подъезжали новые семьи, поселение росло, в основном за счёт ссыльных и каторжан из Центральной России. Жилось тяжело: скот «косила» сибирская язва, земля не давала хороших урожаев. 1802–1807 годы были самыми голодными. Холера «душила» переселенцев. Жаркие дни высушили богатое озеро Сарыбалык, разделив его на две части, исчезла и небольшая жёлтая речушка. Большая часть переселенцев ушли в другие места.

Страшное несчастье постигло жителей деревни летом 1900 года. Пожары случались часто, но этот был особенным. Огонь перекидывался с одного дома на другой, с улицы на улицу. Метались люди, тревожно гудел набат. Когда угасли последние языки пламени, перед жителями открылась картина: от всей деревни осталась одна улица.

Жители покинули деревню. Новое поселение, названное Сарыбалык, возникло на берегу другого озера, получившего название Жилое. В озере в достаточном количестве водился жёлтый карась, который стал дополнительным питанием для людей. Поселенцы не теряли надежды на лучшую жизнь. Пахали, сеяли, разводили скот, строили жилища. В 1900 году в деревне насчитывалось 200 домов и избушек. Жило в них 1100 человек. Ещё было два каба-

ка, на подворьях имелось 190 деревянных борон, три веялки, одна молотилка, 192 сохи, 100 лошадей, 511 коров, 132 голов свиней, 2583 овцы. Село разбилось на улицы: Первая, Морковная, Забегаловка, Тарская, Задняя.

1917 год. Грянула Октябрьская социалистическая революция. В начале 1918 года фронтовики привезли с собой в Сарыбалык новую власть. До этого в деревне верховодили староста Степан Бобров с кучкой богатеев. С возвращением фронтовиков А. Т. Снегирёва, М. Г. Кулагина, Е. П. Канева, М. В. Лапоногова, О. И. Косилова, Я. Н. Левченко, А. К. Степанова, Ф. Н. Дьячука, Я. П. Буримова всё в деревне изменилось. Сразу была собрана сходка деревни, на которой провозгласили Советскую власть. Председателем ревкома был избран комиссар Андрей Терентьевич Снегирёв. Недолго просуществовала Советская власть в районе. Уже осенью 1918 года она была свергнута, установился жёсткий колчаковский режим.

В селе вновь стал староста С. Бобров. Активисты Советской власти: фронтовики, бедняки, батраки вступили в партизанский отряд и ушли в леса. В него входили: Ф. А. Иванов, А. Степанов, Я. Дёмкин, А. Бойко, Г. Гуриненко, М. Кулагин, А. Косилов, М. А. Щербаковский и другие. Командиром отряда был назначен наш односельчанин А. Т. Снегирёв.

Колчаковцы грабили сёла, убивали крестьян, но сибиряки противились колчаковской власти. При своём отступлении командование колчаковской армии ужесточило репрессии в тылу, посылали карательные отряды по деревням для подавления партизанского движения в нашей волости.

Больница

Из Барабинска был послан карательный отряд особого назначения из 300 человек, под командованием штабс-капитана Корнеева и поручика Храпова. Группа под командованием Анохина прибыла в Сарыбалык. Почти все жители ушли в лес на дальние заимки. Кулаки указали хату комиссара, и она была разгромлена. Каратели, обходя дворы, взяли в плен партизана Дьячука, не успевшего скрыться.

Прочёсывая лес и заимки, белогвардейцам удалось схватить нескольких партизан и возвращавшегося из разведки Ф. А. Иванова. Взяли они в плен и З. П. Ваганова, бывшего белогвардейца, бежавшего от Колчака. Все они были расстреляны за огородами села, у ряма. Перезахоронение их останков было произведено в 1957 году, и был установлен обелиск в их память.

Удалось колчаковцам на отдалённой заимке найти женщин и детей. В их числе была жена командира отряда Марина Яковлевна Снегирёва и её дети. Женщина была зверски избита нагайкой, шомполами. Её увезли в село и оставили полуживую, потерявшую сознание умирать. Она выжила, но прожила недолго.

Колчаковский отряд покинул село. Жители, узнав, что в деревне снова красные, стали возвращаться с заимок. Партизаны села влились в 9-й партизанский отряд и участвовали в боях, освобождая волость от белогвардейцев.

А. Т. Снегирёв вернулся из армии в 1922 году. В 1923 году в деревне была создана сельхозартель «Беднота». Середняки не пожелали идти в артель, не говоря уже о богатых. В артель вошли бедняки, вдовы-солдатки. Обобщили лошадей, инвентарь, семена. А. Т. Снегирёв был избран председателем этой артели. Артель приняла бедняков – братьев Ефима и Василия Литвиновых, солдатскую вдову Евдокию Листьеву, Якова Ракина, Ивана и Захара Храповых. Как ни потешались над артелью богачи, какие ни сочиняли насмешки, но артель работала. Государство выделило пашню в одном месте – Горькую Гриву. Артель получила ссуду на покупку лошадей, открыла кредит на приобретение сельхозма-

шин, инвентаря, семян, пароконных бричек. Весной 1924 года провели посев. Было засеяно около 2000 га зерновых – это по 6–7 га на семью, что было неслыханно для бедняков. Осенью собрали хороший урожай пшеницы. Существовала артель до 1927 года.

Большой радостью было для сельчан, когда 7 ноября открыли клуб. Его назвали «Нардом». Позднее сделали пристройку – избу-читальню, это было культурно-просветительное учреждение на селе. Изба-читальня сыграла немалую роль в ликвидации неграмотности, приобщении селян к культуре. Со сцены клуба звучали песни, на ней ставили спектакли, инициаторами которых была молодёжь, комсомольцы. Изба-читальня заменяла библиотеку, школу, дом культуры.

В 1926 году в селе проживал 1561 человек. Всего было 294 двора. Была школа, маслозавод, лавка общего пользования.

Очередной переворот в деревне начался со сплошной коллективизации, зимой 1926 года. Началось создание колхозов. В деревню прибыл уполномоченный райкома, один из двадцатипятитысячников. Собрали сход жителей. Первыми записались в колхоз члены артели, члены сельского Совета. Деревня шумела ещё не одну неделю. На собрание стали приходить женщины. Колхоз был создан, записалось большинство. Только 30 дворов отказались от вступления в колхоз. Разбили село на двадцатидворки, выбрали комитет по переписке хозяйства, стали свозить хлеб, инвентарь, сгонять скот.

Зимой в 1930 году началось первое выселение кулаков из деревни. Более двадцати семей с лишением имущества были высланы из деревни: Бобровы, Усольцевы, Меньшиковы и многие другие. В марте получили газету со статьёй И. В. Сталина «Головокружение от успехов», где была дана критическая оценка организации колхозов. На сходе граждан шумно обсуждали статью. После этого многие стали выходить из колхоза, забирать свой скот, вот тогда-то колхоз почти и распался. Вновь стали агитировать в колхоз, но восстановить его уже было гораздо труднее. Стали применять меры, которые заставляли вступать в колхоз – налоги, штрафы и т. д.

Из воспоминаний старожилов:

«В 1930 году в колхоз имени 7 Ноября направили помощником счетовода И. А. Снегирёва. В июне приехала в колхоз зоотехник комсомолка Люба Иванова. Был в селе и толковый заведующий избой-читальней Никифор Смоленко. Вместе мы организовали инициативную группу и создали комсомольскую ячейку. Правда, в селе ещё в 1920 году была комсомольская организация из семи человек. Секретарём ячейки был горячий, подвижный Андрюха Исаков. Но потом все эти ребята разъехались кто куда, ячейка распалась, и до 1930 года комсомола в селе не было.

И вот вновь создана ячейка. В ней насчитывалось 15 человек: Д. Грязнов, И. Лошадкин, Ф. Семёнов, С. Куликов, С. Щебетун, В. Вандакуров, А. Ефремов и др. Секретарем ячейки была избрана Люба Иванова (Л. М. Кузнецова). Комсомольская ячейка направила своих членов по бригадам на заготовку кормов: на сенокосилки, силосорезку, стогометание. И везде они показывали пример ударного труда, особенно отличились Дмитрий Грязнов, Семён Щебетун, Фёдор Семёнов». (Из воспоминаний И. А. Снегирёва).

«Особенно большой вред нанесло второе выселение кулаков летом 1931 года. Выселили ещё 10 семей «кулаков». В них попали те, кто не хотел вступать в колхоз. А какие это были «кулаки»? Они сами надрывались и мучили домочадцев, изводили своих жён и детей. Это были не те кулаки, которых выселяли зимой в 30-м году.

1933–1934 годы дали хороший урожай. Колхоз обзавёлся новшествами: построили электростанцию. Осветили контору, сельсовет, сельпо, школу, склады. Смонтировали радиоузел, повесили громкоговоритель у клуба. Поставили ещё один движок мельницы и соломорезки. А вот ветряные мельницы, их было около 30, забросили. Мельницы принадлежали Никифору Фиктисовичу Думенко и Панюковым.

В 1934 году колхоз назвали имени 7 Ноября, но вскоре его разделили на

два колхоза: «7 Ноября» и «Пастышева», по имени председателя колхоза, также из числа присланных. Это был человек, который плохо разбирался в сельском хозяйстве. После ареста Пастышева колхоз переименовали в колхоз «8 марта». Создали предприятия: сапожную мастерскую, пимокатную, шорную. Сапожной мастерской руководил Даниил Егоров, его помощником был Емельян Щебетун. Валенки катал Иван Демьяненко, в войну в этом же цехе работала его дочь Александра. Кузнецами были Кузьма Спасских, Ефим Вандакуров, Толстошеев.

В колхозе в 1939 году насчитывалось 478 работающих, было 28 тракторов, 7 комбайнов, 7 автомашин. Впервые выбрали народных заседателей в суд: Зою Павловну Максимову, Семёна Павловича Канева. Деревня перед войной зажила хорошо. Конституция 1936 года поднимала дух народа. После её принятия начались небывалые в жизни выборы в Верховный Совет, в местные Советы». (Из воспоминаний Думенко Дмитрия Петровича).

Война ударила по деревне как гром среди ясного неба. Всей деревней провожали первых мужчин на фронт. А потом начались мобилизации одна за другой. Кого на фронт, кого на лесозаготовку, на угледобычу в Кузбасс, на военный завод Новосибирска. В колхозе остались старики да дети.

В 1942 году осталось 328 человек, 15 тракторов, остальные забрали на фронт. В колхозе было большое хозяйство: лошадей – 158, волов – 141, коров – 567, молодняка – 1104, овец – 585. Работали в основном на лошадях и волах. В селе было две мельницы, три кирпичных завода, три школы (расположенные в маленьких домиках), один детский сад.

Девушки и женщины осваивали трактора и работали на них. Трактористка Поля Воронова и комбайнёрка Маруся Касьянова – девчата боевые, но машины изношенные, запчастей нет – день работают, два стоят, так всю уборочную вручную и работали.

Трудно было, но все жили одной мыслью: помочь фронту, разбить врага, покончить с войной. Люди трудились не покладая рук. Зимой собирали тёплые вещи для фронта.

Артели «7 Ноября» и «8 Марта» Сарыбалыкского сельсовета решили ко Дню Красной Армии приготовить и послать славным защитникам Родины 270 килограммов сибирских пельменей. К 1 февраля колхоз должен был сдать 10 голов крупного рогатого скота, и из запасов выделили 180 килограммов мяса и 250 литров молока. Отправили на фронт 580 килограммов пельменей, 520 стаканов табака, 3 килограмма масла, 10 килограммов жаренного мяса. («По страницам «Здвинского колхозника», 24.11.1994).

В артели «8 Марта» активное участие в прополочных работах принимали учащиеся начальных классов.

Самым большим горем были похоронки (в этой страшной войне погибло 127 наших односельчан). А большой радостью было встречать мужей и сыновей с фронта, хоть и инвалидов, но живых. И большим счастьем для всего села стало известие о победе.

Колхоз набирал силу. В 1947 году в колхозе «8 Марта» председателем стал Пётр Иванович Демьяненко, а в колхозе «7 Ноября» была женщина – все её ласково называли Калиновна.

«Радостно встретили жители новый 1948 год. Газета сообщает, что учительский коллектив Сарыбалыкской начальной школы, под руководством В. И. Вашнева, приготовил для учащихся красиво украшенную ёлку. На утренник пришли 70 учеников и многие родители. Ученики второго класса Маня Тырышкина и Юра Кобылин

Игра «Зарница». 1970-е годы

исполнили три танца, Шолковникова и Петрова из четвёртого класса спели песню о Сталине». («Любопытные факты из жизни района», 1948 год, январь – апрель. «По страницам «Здвинского колхозника», 09.11.1995).

В начале 1950-х годов к работе фельдшера приступила приехавшая Таисия Новосёлова.

В 1950 году в колхозе «7 Ноября» населения было 575 человек, а в Кировском, где была центральная усадьба, насчитывалось 1450 человек.

Шестидесятые – семидесятые годы стали годами становления деревни Сарыбалык, годами её расцвета и активного строительства. Зимний день короток, и как только спускаются сумерки, вдоль берега озера Жилое загорается цепочка электрических лампочек. Это светятся огни в домах рабочих, на фермах, в других производственных помещениях.

На месте пластянок возводилось добротное жильё. Были выстроены двухэтажные здания: больница с грязелечебницей, с административным зданием, Дом Культуры на 400 мест, детский сад, первые жилые дома… Были построены РТМ и автопарк, молокоприёмный пункт. Строительные успехи совхоза заслужили высокую оценку. На первом этапе Всесоюзного смотра-конкурса на лучшую застройку и благоустройство сёл совхоз был удостоен Диплома 3-й степени ВДНХ СССР. Активную помощь в строительстве оказывали шефы – 14-й цех Новосибирского завода «Сибсельмаш».

Осенью 1963 года ученики школы, под руководством В. И. Штерцера, произвели разбивку 24 гектаров пашни под сад. 14 октября 1963 года на общем субботнике были произведены первые высадки полукультурок яблони и стланцевых яблонь. Позднее были высажены смородина и вишня (сад сейчас запущен, уже почти не плодоносит).

В тот период коллективы всех организаций были связаны каким-то единым порывом. Все принимали активное участие в проводимых мероприятиях. Не было равнодушных людей, все радовались победам нашей школьной хоккейной команды, которую знали не только в районе, но и за его пределами. Всей деревней «болели» за наших мальчишек, которые сами расчищали каток на озере (тогда ещё не было хоккейной коробки). И стар и млад ходили за деревню смотреть, как играет футбольная команда взрослых, а около клуба каждый вечер играли в волейбол.

Посвящение в хлеборобы. 1980-е годы

Сельское хозяйство. Сарыбалык стал центральной усадьбой Сарыбалыкского совхоза в 1960 году. Тогда его возглавил Иван Михайлович Толмачёв, коммунист, учитель по образованию, участник одного из Пленумов ЦК КПСС. Вся жизнь в деревне связана с сельскохозяйственным производством. Сельское хозяйство за весь период постоянно подвергалось реорганизации: менялась форма собственности, организационная структура, налоговая политика, правовой статус. Артели, колхозы, совхозы, коллективный подряд, акционерное общество закрытого типа, закрытые акционерные общества, фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы. Все эти изменения происходили и с нашим хозяйством. Но это не меняло сути – хозяйство должно производить сельскохозяйственную продукцию. Пик развития сельского хозяйства приходится на 60-е годы. Основным производственным направлением является производство молока, выращивание крупного рогатого скота и выращивание зерновых культур, в основном – пшеницы.

Использованы воспоминания старожилов села: Думенко Д. П., Щебетун А. К., Кушнарёва В. Д., Богданенко М. И., Внукова Д. К. и архивные данные.

Тамара Кушнарёва

Краснозёрский район

Матрос Тихон Сорокин

Летом 1912 года из Севастополя приехал в Лотошное на побывку матрос Черноморского флота Тихон Сорокин. По этому случаю богатые родственники Тихона собрали гостей. В числе их был и поп Лука. Молодого матроса называли почтительно, по имени и отчеству. Перед тем, как выпить чарку, приговаривали:

Т.Е. Сорокин

– Дал господь повидаться со служивым!

– Если он, милосердный, пошлёт, то Тихон Егорович службу царю закончит и к будущей осени совсем домой возвернётся!

А матрос, к удивлению гостей, называл попа не батюшкой, как полагалось, а Лукой Степановичем и сразу же вступил с ним в спор. Все так и обмерли, когда Тихон заявил:

– Всё обман! Бога нет! Иконы – деревяшки!

Разгорячившись, матрос так стукнул кулаком о стол, что посуда подпрыгнула. Ошарашенный поп не знал, как отвечать, и стал говорить смущённым гостям, что Тихон тронулся умом.

А потом матрос ходил по знакомым и открыто поносил порядки и царя.

Первая учительница с. Лотошное Прасковья Михайловна Богатырёва

На Сибирской улице, в избушке Ивана Камардина матрос задержался, заливисто хохотал, переписывая стихи о деревенских богачах в свою небольшую записную книжку, а хозяину оставил печатную брошюру.

– Эта книжка о свободе. Её нам дали добрые люди в Севастополе, когда наши корабли пришли из Владивостока в Чёрное море. Во флоте поднимался за свободу один броненосец. Есть, брат, геройские люди! Но тогда другие корабли опоздали, и броненосец ушёл за границу.

Матрос встал, выпрямился и поднял руку. Глаза его заблестели, и он убеждённо продолжал:

– Теперь будет не так! Поднимутся все. Будет революция, и всё пойдёт по-другому!

Зашёл матрос и к учительнице П. М. Богатырёвой. Он слышал, что она в девятьсот пятом году сидела в томской тюрьме, в селе собирает деньги на покупку книг для библиотеки. Матрос выложил пять рублей.

– Библиотека – дело хорошее, – заметил он.

Перед отъездом Тихон на прощание сказал братьям:

– Может быть, не увидимся, а увидимся в такое время, когда всё в этой жизни изменится: будет братство, равенство, свобода.

– Мы не знали тогда, что нам делать и как быть. С перепугу и по совету попа Луки сожгли привезённые Тихоном книги, – рассказывал потом брат матроса.

Матрос уехал, а зимой взбудоражило многих пришедшее от него из Севастополя письмо, с вымаранными царской цензурой строками. Оно бережно хранилось в семье.

«Дорогие мои, здравствуйте и прощайте! Пока не наступило время исполнения приговора, я решил написать вам письмо… Нас осудили сто сорок человек. Семнадцать человек признали главарями и приговорили к смертной казни, в том числе и меня. Шестьдесят восемь человек – по восемь лет каторжных работ, а остальных – по пять-шесть лет каждому…»

Далее шли поклоны родным и знакомым. А кончалось письмо так:

«Но смерти смотрю прямо в глаза и не устрашуся. 10 ноября 1912 года, бывший моряк Тихоокеанский и Черноморский Тихон Сорокин».

После революции стало известно, что Тихон Сорокин состоял в подпольной организации матросов военных кораблей Черноморского флота и рабочих Севастополя. Готовилось восстание. Но организация была раскрыта. Сорокина в числе руководителей подпольной организации по приговору Севастопольского военно-морского суда расстреляли. По решению Севастопольского горсовета, в 1923 году прах революционеров был перенесен на городское Кладбище коммунаров.

О матросе в селе говорили много. Шло время, и поглощённые работой люди замолчали. Впрочем, след остался. На Земеровской улице в своей пластяной избушке портной Ананий Левченко сидел за машиной с неоконченным заказом. Эти дни не покидала его дума о матросе, и шитьё с рук валилось.

– Как же так?!

Пришёл заказчик Лука Деповской, а работа не сделана, и Ананий вроде нездоровый сидит.

– Что скажешь, Лука, про Тихона? – спросил Ананий заказчика.

– Что? Борец за свободу. Я о таких ещё мальчишкой, в Харькове, в пятом году слышал. У нас на паровозном я раз бумагу нашёл о борцах за свободу и стал читать, а старик-конторщик остановил: «Ты, щенок, ещё не был битым, так будешь», – и отобрал у меня ту листовку.

С того разговора между Ананием и Лукой завязалась не то чтобы дружба, но более близкое знакомство, чем между остальными односельчанами.

Мария Примаченко

По материалам книги С. П. Савченко «Лотошное» 1964 г.

Искитимский район

Первые шаги

Согласно протоколу заседания Президиума Искитимского исполкома от 12 марта 1935 года, хранящемуся в от-

Администрация Преображенского сельсовета

деле архивной службы администрации Искитимского района, было принято решение «временно присоединить д. Горевка к Бородавкинскому сельсовету, а пос. Преображенский к Атамановскому… Одновременно просить крайисполком ускорить утверждение протокола согласительной комиссии по вопросу образования в Искитимском районе нового сельсовета в посёлке Преображенском».

Организационный Пленум Преображенского сельского Совета состоялся 6 июня 1935 года. Председателем Президиума избран «товарищ Храмшин Аким Алексеевич, заместителем Ершов Иван, секретарём Зуева Ефросинья».

Часовня на Преображенском кладбище

В 1935 году в Преображенский сельский Совет вошли: с. Преображенка (это колхоз имени Ленина, председатель Иващенко Аким Егорович), с. Горевка (это колхоз имени Кагановича и колхоз «Новый мир», председатель Коноплёв). В 1936–1937 гг. в состав сельского Совета вошли с. Каменка, с. Пионер, п. Весёлый.

Депутатами сельсовета в 1935 году избраны 14 человек: Храмшин Аким Алексеевич, Ананченко Пётр Егорович, Зуева Ефросинья, Иващенко Аким Егорович, Пивовар Алексей Павлович, Ершов Иван, Коноплёв Василий, Алеференко П. С., Гонякин Иван Петрович, Кунгурцев Семён, Светикова Татьяна, Долгушин Григорий, Цыбин Фёдор, Карпенко Ефим.

Среди важнейших задач, стоявших перед исполнительной властью Советов в 30-е годы, были: ликвидация неграмотности, организация стахановского движения, работа школ, медицинское обслуживание, благосостояние сельчан.

Важнейшими вопросами на заседаниях были: подготовка к весенне-полевой кампании, подготовка к хлебоуборке. Это и не случайно, ведь люди на территории сельского Совета жили одной семьёй.

Колхоз ремонтировал дороги, мосты. Правление выделяло деньги на строительство и ремонт школ, на заготовку дров для них.

На одном из заседаний стоял вопрос по ликвидации неграмотности, выступала секретарь партийной организации Круковская: «…Каждого неграмотного учесть и обучить. Председателям колхозов, сельсовету позаботиться о приобретении учебников, тетрадей, карандашей. Создать секции по ликвидации неграмотности…» Взрослые мужчины и женщины, а порой и старики, по вечерам сидели за партами, складывали слоги. Учились считать, писать. Так общими усилиями была побеждена неграмотность.

Вопрос о работе школ на президиумах ставился неоднократно. Количество учащихся в школах стало увеличиваться, на заседании от 25 июля 1935 года постановили: «Обязать председателей колхозов и директоров школ закончить строительство школы в Горевке до 13/VIII 1935 года». В 1936 году выносится вопрос о расширении школ с. Преображенка и с. Пионер, постановили: «Просить райисполком отпустить на эти школы средства… выделить лес в количестве 300 куб. м в Атамановской даче, вырешать кулацкие дома для расширения школ».

Протоколом Президиума от 2 сентября 1935 года № 10 были утверждены списки лучших сноповязальщиц, включившихся в краевой конкурс «На лучшую вязальщицу». Пусть потомки прочтут фамилии своих прабабушек. Так по колхозу имени Ленина: «Таран Екатерина – 700 снопов, Мигунец Федора – 600, Марченко Федора – 520, Тихонович Анна – 570, Орешок Екатерина – 550, Бобырь Матрёна – 520, Тихонович Парасковья, Иващенко Мотя, Лебедко Анастасия, Ермакова Александра, Проява Варвара по 500 снопов»; по колхозу «Красный ударник»: «Пальчун Ирина – 700 снопов и догнала до 1120 снопов».

На заседаниях президиума Преображенского сельского совета от 2 июля 1937 года был поставлен вопрос «о распространении займа для обороны страны».

В 1937 году на территории сельского совета работал кружок военной подготовки. На одном из заседаний президиума руководитель кружка Несин Максим Никитович доложил о проведённых занятиях и нехватке противогазов, снарядов для практической подготовки. В своём решении президиум постановил: «Обязать председателей колхозов закупить снаряжение, занятия кружковцев посещать бесперебойно».

Будет интересным для потомков узнать, что в протоколе от 1936 года № 2 зафиксировано предложение «о переименовании Преображенского сельского Совета на Ключевской сельский Совет и село Преображенка на село Ключи ввиду природных условий». В дальнейшем это переименование не получило поддержки.

Н. Кузьминых, М. Сухих

Каргатский район

Эхо далёкой войны

Гражданская война в Сибири прошла по жизни россиян бело-красной полосой, оставив во многих семьях боль от гибели отцов и сыновей. Особенно страшно было, когда брат убивал брата, отец шёл против сына.

На уроке истории мы говорили о событиях Гражданской войны на территории Новосибирской области. Наше село Озёрки – единственное из сёл Каргатского района входило в район массовых повстанческих и партизанских движений. Никаких исторических сведений о партизанах на территории поселения в исторической литературе нет. В нашем школьном музее есть воспоминания старожилов о трагических событиях той войны. На местном кладбище есть братская могила павших земляков от рук колчаковцев с именами жертв. Чтобы восстановить картину тех событий, я провёл исследовательскую работу, и вот что выяснил.

«Было это в конце лета 1919 года. Мужики были в поле. Кто-то работал, кто-то воевал, а кто-то скрывался от войны. Игнат Яковлевич вернулся с войны домой и работал на жатве. До деревни дошли слухи, что по сёлам рыскают колчаковцы – мобилизуют молодёжь, реквизируют лошадей и фураж. В этот день прискакал посыльный из села Озёрки и просил дядю собраться с мужиками у сельсовета. Ещё не успели собраться мужики все вместе, как нагрянули белые. Стали стрелять и народ побежал кто куда. По берегам озера рос высокий камыш – вот туда и бежали прятаться. Но спастись удалось не всем: пули колчаковцев настигали и в камышах. Часть людей ушла за реку Баган и оттуда наблюдала за событиями. Из домов никто не выходил. Через сутки колчаковцы ушли, а люди пошли к озеру и забрали тела своих родственников. Семерых погибших схоронили в общей могиле. Вот их имена: И. Г. Линник, И. Я. Кириенко, Н. И. Тропин, Н. И. Крайнюк, В. П. Скороходов, Н. С. Будко, П. И. Рожмань. Остальных схоронили рядом со своими родственниками на кладбище». (Из воспоминаний О. П. Петроченко).

Братская могила павшим землякам в годы Гражданской войны

В музее села Кочки, в воспоминаниях командира партизанского отряда Н. Т. Попова я нашёл более подробные сведения о событиях Гражданской войны в наших сёлах. Н. Т. Попов рассказывает о нападении на село Озёрки банды Бессмертных (25 человек). Карателя ворвались в село с разных сторон, на четырёх бричках. Они вели беспорядочную стрельбу для устрашения местного населения. Тех, кто пытался сопротивляться, убивали. Мои земляки пали от рук карателей банды Бессмертных. Оказалось, что каратели – это жители села Кочки. Их руководитель – местный богач Бессмертных – имел до революции свою мельницу. А один из его помощников Михеев – «верёвочник», имел сыновей – офицеров царской армии. Теперь сыновья служили у Колчака. Отряд Бессмертных на то время насчитывал 500 человек и занимался мобилизацией молодёжи в армию Колчака. Он имел связь с «голубыми уланами» атамана Аненкова. Им противостояли местные жители – партизаны под командованием Н. Т. Попова, бывшего фронтовика. Их задача состояла в том, чтобы мешать насильственной мобилизации.

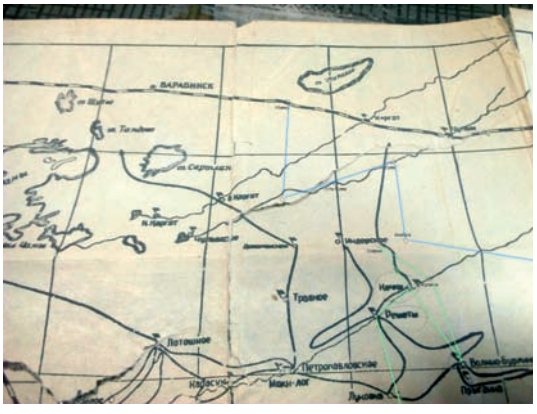
Учащиеся Озёрской средней школы у Братской могилы павших земляков

Для освобождения села Озёрки от бандитов был послан отряд партизан из Кочек под командованием Скорнякова Ивана Ефремовича, в количестве 25 человек. А на следующий день в Озёрки выехал командир отряда Н. Т. Попов с десятью партизанами. Карателей в это время в селе уже не было, они ушли в село Жуланка. В это время в соседнем селе Алабуга стояли белые, и было решено нанести удар по этому селу. В это же время произошло столкновение партизанского отряда Твердохлебова с колчаковским отрядом, прибывшим из Убинки. Бой произошёл у села Ярки. В результате боя партизаны отступили в село Индерь. Приехавший связной просил о помощи. Н. Т. Попов вынужден был идти на помощь Индерскому отряду, а в Алабугу послали небольшой отряд для проведения разведки боем. Как оказалось, этого было достаточно, чтобы внести панику в ряды колчаковцев. Белые бежали из села.

В своих воспоминаниях жительница села Алабуга А. Н. Трошина рассказывает: «Когда пришли белые, жители села прятали лошадей и молодых парней на заимках. Люди уже знали, что будут отбирать лошадей и овёс, а молодых парней заберут в их армию. Мой старший брат Захар участвовал в «германской» войне и попал в австрийский плен. Поэтому его дома не было, а вот отец и брат Петя (семнадцати лет) остались дома, так как не хотели меня оставлять одну в такое тревожное время. Моя мать умерла от тифа ещё до войны. На тот момент мне было 13 лет, и я уже была хозяйкой в доме. Вот мне и пришлось спасать моих мужиков. Когда к нам пришли военные, то задали вопросы: « Где лошади? Где мужики?» На эти вопросы я отвечала: «В степи». Обыскивать дом они не стали и ушли дальше. А отец и брат, в это время сидели в голубце.

Белые в селе стояли недолго. Забрали лошадей, овёс и мужиков, кто помоложе. Казней не было, только деда Чекрыгина выпороли на площади шомполами. Старик был крепким ещё, выдержал. Правда, с месяц ходил в женской юбке, так как штаны не мог одеть. Его задержал разъезд белых, что дежурил вокруг села. Старик вёз целый воз хлеба на свою заимку. Они жили очень богато: более 20 голов дойных коров держали, много лошадей, овец. Сенокос у Чекрыгиных находился в районе сегодняшнего посёлка Петровский (в 15 километрах от села Алабуга). Там у них был построен дом, хлев для зимовки и загон для летнего содержания скота. У них были работники – доили и кормили коров, косили сено, убирали хлеб. Вот для них-то и вёз дедушка хлеб, который напекла хозяйка. «Беляки»-то думали, что хлеб – для партизан и не поверили деду. Решили его так вот, принародно испытать. Привязали к коновязи и дали 10 шомполов. Могли и расстрелять, наверно, пожалели старого человека.

То, что они боялись партизан – это так. Как раз в это время в лесу нашли убитого священника нашего при-



Карта рейда партизан Н.Т. Попова

хода. Его убили в деревне, а уж потом вывезли в лес. Кто убил, я не знаю, но попа ненавидели многие люди в селе. Он только делал вид, что служил Богу, а сам творил всякие непотребства. Вот и воспользовался кто-то смутным временем – убил его. Попа привезли в село, на кладбище. Выкопали могилу, опустили гроб, но закапывать не разрешали, ждали команды из Сумов. В Сумах у белых был штаб, так говорили, и к вечеру прискакал вестовой. Решили попа не хоронить в Алабуге, боялись, что если его убили партизаны, то могут тело выкопать и выбросить или ещё как надругаться. Говорили, что в Сумах схоронили.

Через несколько дней в селе поднялся шум – идут красные. Колчаковцы бежали, даже полевую кухню бросили впопыхах. Каша молочная была уже готова. Но шёл пост – молочное есть нельзя, и всю кашу люди вывалили свиньям. Как оказалось, красных было мало, может, десяток или чуть больше. Белые ускакали в направлении Ужанихи.

Когда всё улеглось, красные пошли по домам с теми же вопросами «Где кони? Где мужики?». Мои мужики сидели опять в голубце, а кони были на заимке. Те хлопцы, что ушли с белыми или красными больше в село не вернулись. Брата моего будущего мужа Ивана Тищенко, Мину, забрали белые, и больше его мы не видели. Лошадей больных оставили в селе, а здоровых забрали. История со священником сыграла злую шутку с другим священником по фамилии Смирнов. Этого батюшку прислали на смену погибшему. Весной, на Пасху, батюшка вышел из церкви после всенощной и стал освещать куличи. В это время парни стали салютовать из ружей. Батюшка испугался и случился «удар» у него. Вскоре он умер. Хороший был священник…»

В другом соседнем селе – Сумы местные жители пытались сопротивляться мобилизации, но силы были неравными. «Мужики, зная о приближающихся к селу колчаковцах, решили не пустить их в село. Подумали и решили, что лучшим способом для этого станет заслон на мосту через реку Сума. Стали стаскивать на мост металлические тяжёлые вещи: бороны, плуги и прочее. Все это сложили в кучу так, чтобы нельзя было проехать конному по мосту. Получилась небольшая баррикада. Вооружившись топорами, вилами, цепами, дробовиками, решили держать оборону.

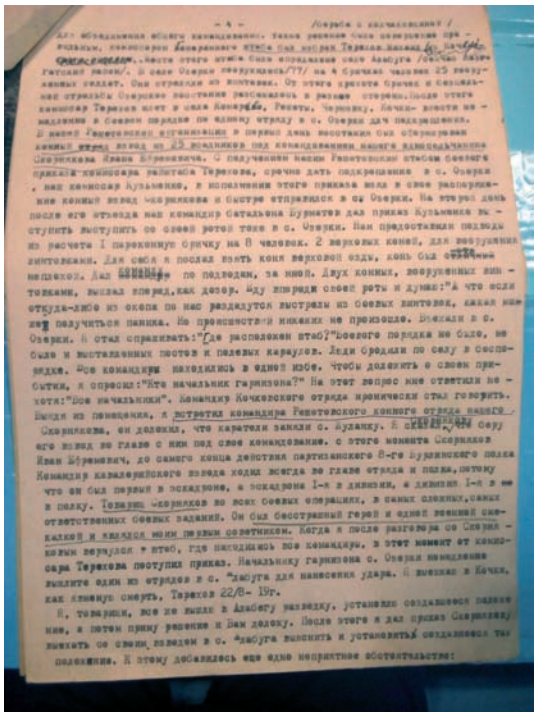
Когда подошли белые, то сначала предложили разойтись мужикам «по-хорошему». Защитники отказались. Колчаковцы пригрозили стрелять и тогда мужики разбежались по домам. Белые вошли в село и стали искать зачинщиков и участников «обороны» села. Им помогла местная жительница по фамилии Гурьянова. Она прислуживала местному священнику. Вот она и показала дома, где проживали те люди, кто участвовал в столкновении на мосту. Этих мужиков арестовали и погнали в займище в «Заячий остров». Один из суминских мужиков пошел следом за ними и проследил, что с ними стало. Этих мужиков казнили и там же бросили. На следующий день суминцы забрали своих родственников и похоронили их в братской могиле». По воспоминаниям старейшего жителя села Н. Т. Орлова, семнадцать сельчан покоятся в той могиле на высоком увале на берегу реки Сума.

Карта военных действий в годы Гражданской войны на территории родного края

Да, мои земляки не хотели войны. Но они были вынуждены сопротивляться мобилизации мужчин, изъятию лошадей и фуража, физическому насилию над собой со стороны как белых, так и красных.

Весной 2019 года мой одноклассник Вадим Клаус с помощью металлоискателя на пустыре за озером нашел патроны от винтовки и пистолета. Мы долго очищали их от коррозии, пытались определить, что написано на гильзе, но безуспешно. И тогда мы

Страницы воспоминаний Н.Т. Попова



решили продолжить поиск на том же месте. На площади в 9 квадратных метров на глубине 10–15 см мы обнаружили более 10 фрагментов и уцелевших патронов. К нашей радости, у некоторых гильз сохранилась надпись «Remington 16». Откуда у нас в Озёрках американские патроны? Для ответа на этот вопрос я обратился к материалам интернет-ресурсов. Проанализировав материалы, я понял, что патроны калибра 7,62 выпущены американской фирмой «Remington» в 1916 году для российской армии.

Шла первая мировая война, патронов в русской армии не хватало. Правительство России обратилось к американцам за помощью, так как патроны этой фирмы подходили к нашей винтовке «трехлинейке» Мосина. Заказ американцы выполнили в конце 1916 – начале 1917 года, но как поставить в Россию, если в стране идут революционные события? Патроны решили поставлять через Владивосток. Началась Гражданская война, и в европейскую часть России патроны не попали. Как же патроны попали в Озёрки? Сегодня можно с уверенностью ответить – это эхо Гражданской войны. И белые, и красные после прихода в населённый пункт заставляли сдать оружие «под страхом смерти». Сдавать было жалко или опасно, хранить также было опасно. Вот и появлялись «схроны». Нередко боеприпасы и «обрезы» находили при чистке колодцев. Так эта братоубийственная война периодически напоминала о себе.

Винтовочный патрон «Remington» и патрон от револьвера «Наган» пролежали в озёрской земле 100 лет

И хотя война закончилась сто лет назад, она не забыта потомками! Волонтёры нашей школы следят за порядком на братской могиле, возлагают цветы и венки. Администрация местного сельсовета планирует установить в селе достойный памятник всем, кто участвовал и пострадал в этой войне. Памятник станет символом примирения старших поколений – наших предков, и напоминанием поколению живущему сегодня о той страшной трагедии российского народа.

Артём Котляров

Здвинский район

Увековечены ваши имена

Гражданская война оставила кровавый след в памяти коренных сибиряков на многие поколения.

Западная Сибирь стала ареной ожесточённой борьбы между сторонниками красной и белой России. Вооруженная борьба между противниками велась с конца весны 1918 года и до окончательного разгрома и изгнания с территории Западной Сибири белогвардейцев в 1919 году.

Военный министр Сибирского правительства адмирал Колчак 18 ноября 1918 года был провозглашен Верховным Правителем России, который уста-

новил жёсткую военную диктатуру. В отличие от большевиков, он не стал церемониться с депутатами Учредительного собрания, протестовавшими против переворота. Они были арестованы, доставлены в Омск в товарных вагонах, а затем расстреляны.

Колчак установил в Сибири один из самых жёстких и беспощадных военных режимов. Лично он карательными отрядами не руководил, но самая кровавая карательная экспедиция генерала Розанова, которая прошла по Енисейской губернии, была инициирована им. С именем Колчака тесно связано самое жестокое явление Гражданской войны – атаманщина.

Правительство, возглавляемое Колчаком, не считалась и с крестьянством, составлявшим 80 % населения Сибири. Мобилизации в белую армию, реквизиции, аресты и расстрелы привели к крестьянским волнениям. Стали возникать стихийные, а потом и организованные повстанческие отряды, переросшие в целые партизанские армии.

Активно действовали многочисленные отряды партизан. Крупные партизанские армии Мамонтова – Громова, Кравченко – Щетинкина отвлекали на себя значительные военные силы Колчака, что содействовало успеху Красной Армии на Восточном фронте.

Сибирское народное ополчение времён Гражданской войны сыграло важную роль в восстановлении Советской власти.

Одним из свидетельств широкой поддержки партии большевиков явилось массовое повстанческое движение против белых, всколыхнувшее сибирскую деревню в конце 1919 – начале 1920 года. Ко времени окончания борьбы с Колчаком партизанское движение достигло 140–150 тысяч участников.

В августе 1919 года партизанское движение разворачивалось и в сёлах Здвинского района.

С. Ф. Старостин в своей книге «Возвращение к памяти» (2001 г.), опираясь на документальные источники, воспоминания очевидцев, раскрывает моменты истории партизанского движения Нижне-Каргатской, Лянинской, Нижне-Чулымской волостей и прилегающих к ним населённых пунктов, историю формирования 2-го батальона 9-го Каргатского полка, рассказывает о борьбе партизан с карателями за восстановление Советской власти в деревнях и сёлах Нижне-Карагатского района.

Борцам за Советскую власть в годы Гражданской войны, которые боролись и верили в счастливое будущее своей Родины, установлены памятники в д. Барлакуль, с. Верх-Каргат, с. Верх-Урюм, с. Здвинск, с. Лянино, д. Михайловка, с. Нижний Чулым, с. Светлое, с. Сарыбалык, д. Щелчиха.

с. Здвинск

В 1926 году в центре Здвинска был установлен памятник «Борцам за Советскую власть». Памятник увековечивает имена участников событий Гражданской войны.

Осенью 1919 года в бою с карательным отрядом погибло 80 человек из Здвинского района. Бой проходил на реке Сарайке (граница Здвинского и Барабинского районов). Погибшие партизаны, жители Здвинского района, были похоронены на общем кладбище. В 1926 году перезахоронены в братскую могилу в Здвинске.

Памятник Борцам за Советскую власть, с. Здвинск, 1926 г.

д. Барлакуль

В 1918 г. колчаковцы захватили Барлакуль. Для борьбы с ними в Барлакуле и близлежащих сёлах сформировались партизанские отряды. В боях против карателей погибли командир партизанского отряда П. Д. Лазорский и партизан С. Н. Усов. В 1934 году установлен памятник в честь жителей деревни, погибших в годы Гражданской войны.

с. Верх-Каргат

Памятник увековечивает имена жителей – участников событий Гражданской войны.

Осенью 1919 года в боях с карательным отрядом колчаковских банд погибло восемь партизан – местных жителей с. Верх-Каргат. В 1957 году, по решению исполкома сельского Совета, в центре села установлен памятник «Борцам за власть Советов».

Памятник Борцам за власть Советов, с. Верх-Каргат, 1957 г.

Памятник Борцам за власть Советов, с. Лянино, 1927 г.

с. Верх-Урюм

В 1927 году в центре села был установлен деревянный памятник «Борцам за власть Советов». В 1950 году его реконструировали.

Памятник увековечивает имена участников событий Гражданской войны против колчаковских банд.

В 1919 году, на подступах к селу Верх-Урюм, в неравном бою с колчаковцами погибли сельчане-партизаны: Коструб Л. К., Рымарев К. Ф., Седых Д. Г., Крылов П. Д., Наконечников Е. Е., Решетников М. В., Тарареев А. А. Имена погибших вписаны на мемориальную доску памятника.

Памятник Борцам за власть Советов, с. Верх-Урюм, 1927 г.

с. Лянино

В 1927 году в центре села открыт памятник «Борцам за власть Советов».

Памятник увековечивает имена участников событий Гражданской войны против колчаковских банд.

Осенью 1919 года в бою с карательным отрядом погибло 11 местных партизан. Погибшие захоронены в братской могиле в центре села, где и установлен деревянный памятник. В 1938 году установили кирпичный памятник. По решению исполкома сельского Совета, памятник реконструировали в 1955 году.

д. Михайловка

Осенью 1919 года в Михайловке колчаковскими карателями были схвачены и расстреляны пятеро местных жителей – партизан: Авдонин Ф. П., Егоров И. Е., Кривошапов К. Ф., Садченко Е. Ф., Сигин Г. Т.

Первоначально установили деревянный памятник.

с. Нижний Чулым

В 1951 году здесь был установлен кирпичный памятник, который увековечивает имена участников событий Гражданской войны. А уже в 1957 году в центре села был установлен памятник «Борцам за власть Советов». Он увековечивает имена участников событий Гражданской войны против колчаковских банд.

В августе 1919 года началось партизанское движение в селе Нижний Чулым и прилегающих к нему сёлах и деревнях. В селе Нижний Чулым партизаны создали центральный руководящий орган восставшей местности – Военно-революционный Совет. Председателем Военно-революционного Совета избрали Г. А. Семенихина, а членами – М. Н. Юрченко, Козлова, Илью Михеева и других. На местах, в каждом селе назначили военных комиссаров. Формировали отряды, велась разведка, устанавливалась связь Военно-революционного Совета со всеми сёлами, ежечасно посылали донесения

Памятник Борцам за власть Советов, с. Нижний Чулым, 1957 г.

Военно-революционному Совету, а последний давал нужные распоряжения отрядам.

с. Светлое

В центре села установлен памятник «Борцам за власть Советов».

Отступающий полк колчаковцев проходил по маршруту через Светлое. По пути следования каратели чинили зверства. За связь с партизанами в Светлом были убиты 17 местных жителей. Их похоронили в братской могиле. В 1921 году установили деревянный памятник, в 1954 – кирпичный.

Памятник увековечивает имена участников событий Гражданской войны против колчаковских банд.

Памятник Борцам за власть Советов, с. Светлое, 1921 г.

с. Сарыбалык

В центре села установлен памятник «Борцам за власть Советов».

Памятник увековечивает имена участников событий Гражданской войны против карательных отрядов Колчака.

За памятником ухаживают учащиеся Сарыбалыкской общеобразовательной школы.

Галина Некрестова

Колыванский район

Противостояние

С началом коллективизации и ликвидации кулачества возникла вражда между коммунарами и некоторой частью жителей Середино не только на социально-политической почве, но и на религиозной. Коммунары объявили себя безбожниками. Коль скоро административная власть оказалась у них в руках, ибо их поддерживали «верха», то и другие сферы власти принадлежали им. Они могли публично насмехаться над верующими. Разумеется, верующие не желали оставаться в долгу.

В нашей семье верующими были дед, моя мать и тетка (молодая девчонка). Я же считал обязательным атрибутом каждого дома образа в переднем углу. В двух комнатах нашего дома в передних углах были устроены божницы, на которых стояли иконы. Отец к ним относился безразлично, но к верующим, в силу тактичности, – с уважением.

Однажды мать, выйдя из-за стола после обеда по обычаю перед образами трижды перекрестилась. Отец, усмехнувшись, сказал: «Помахала рукой кругом носа, и что это тебе даст?»

Мать посмотрела на него с укоризной, но ничего не сказала. Этот инцидент положил для меня конец «махать рукой кругом носа». Вступив в пионеры, я ещё больше удалился от религии, прочнее укрепился в атеизме, хотя никогда не стучал себя в грудь кулаком, я, мол, безбожник, не потому, что боялся Бога, а потому, что я мог обидеть верующего, особенно деда и мать.

Усадьба в д. Середино. 1960-е годы XX века

В те годы ходило много по домам нищих. Дед, да и мать если не кусок хлеба, который в своей семье был дефицитом, то хотя бы клубень картофеля подадут просящему обязательно, если он войдёт в дом и, перекрестясь, попросит подаяния. Но помню такой случай: вошёл нищий, по выражению лица видно, что голодный, и, не перекрестясь, попросил милостыню. Дед гневно его выгнал, сказав: «Для таких у нас хлеба нет!»

Время от времени в Середино приезжал священник и обходил дворы верующих. И вот однажды я увидел, что он идёт к нам. Я громко крикнул: «Мама! К нам поп идёт!» Священнослужитель был на крыльце и, услышав мой выкрик, повернулся и ушёл. Обиделся: надо было сказать не поп, а батюшка. За это дед меня крепко взгрел.

Итак, несмотря на формировавшийся во мне атеизм, иконы в доме я считал обязательным атрибутом. Странным, непривычным казался дом, где жили коммунары, в котором не было икон, а вместо них в переднем углу висел портрет Маркса, Ленина, Ворошилова, Блюхера, а у Алёшки Костина – портрет Демьяна Бедного. Ни он, Алёшка, ни мать его, ни старшие сёстры не имели представления об этом человеке, но портрет в красном углу дома висел!

Наивными и нелепыми казались рассуждения моего деда и других верующих о Боге. Но в спор, как другие, есть Бог или нет Бога, я не вступал, ибо мне казалось, что я со своими скудными знаниями о Боге спор непременно проиграю. А проигрывать не хотелось. Лучше помолчать. Как я считал тогда, так и считаю сейчас: надо не спорить, а убедить человека, а чтобы убедить, надо самому знать хорошо, твёрдо, иначе можно просто остаться побеждённым или оскорбить собеседника.

Дед Филимон был человеком весьма набожным. Библии он не читал, потому как был неграмотным, но где-то когда-то общался с таким человеком, который был с Библией знаком. Благодаря памяти он многое помнил и рассказывал. Слушать его наивные рассказы было интересно, хотя мы, конечно, этим рассказам не верили. Дед Филимон был родным дядей Николая Сергиенко (будущего Героя Советского Союза). Колька не только не верил рассказам дяди, но и постоянно вступал с ним в пламенный спор. За это дед Филимон племянника своего недолюбливал.

Однажды был такой случай. На большой религиозный праздник – на весеннего Николу – стояла отличная погода, светило солнце, было тепло, благоухала зелень. Разгар весенне-полевых работ. В одной стороне за деревней, в другой – за околицей весело гудели трактора. Вышел на улицу дед Филимон, и его возмутил этот весёлый шум. Встал он лицом к солнцу, перекрестился и, смотря на небо, заговорил:

– Никола-чудотворец! Много у тебя чудес, как много в море песку! Сотвори ты ещё одно чудо, поломай ты у энтих антихристов-безбожников их дьявольское творение – трактора!

Через час-полтора оба трактора заглохли. Пришли оба тракториста со сломанными деталями тракторов. Это случайное совпадение подняло престиж деда Филимона в глазах верующих в деревне чуть ли не до уровня пророка.

Нельзя сказать, что атеистическая пропаганда бездействовала. На сцене постоянно ставилась художественная самодеятельность, устраивали спектакли на атеистические, политические, особенно на социальные темы, проводились беседы. Но это всё было так примитивно, безграмотно, топорно, что вместо желаемого результата получался отрицательный эффект. После таких спектаклей верующий не только не шёл в клуб, а у него возникало отвращение, чувство оскорбленного достоинства. На улице, да и со сцены можно было услышать вульгарные, обидные куплеты, частушки.

Верующие тоже не оставались в долгу. У них не было сцены, зато была улица. Великим грехом для православных было есть мясо лошади. Коммунары же, да и в колхозе, конину ели. Верующие использовали этот факт для отместки и пели частушки:

Коммунисты – люди чисты,
Кобылятину едят.
У них хлеба не хватает –
Они бога матерят.

Всё это вызывало обострение между верующими и неверующими. Хотя надо заметить, не все колхозники были безбожниками, и не все единоличники – верующими. Были и «нейтральные».

Особо нужно сказать о школе. Самым грамотным народом в деревне были учителя. Но их было ничтожно мало. В первые годы – всего двое, потом при открытии семилетки – 6–7 человек. В основном это были семнадцати – восемнадцатилетние парни и девчата, с бедным жизненным опытом, преклоняющиеся перед возрастом сельчан. Тем не менее они оказывали незримое и сильное воздействие на жителей во всех сферах их жизни и особенно в атеизме. Учителя играли роль буфера между безбожниками и верующими. У учителя была тактичность в разговоре с верующими, не допускающая оскорбления чувств, и не менее тактичное влияние на слишком «воинствующих» атеистов.

Кстати сказать, одними из таких учителей были Ивако Анастасия Михайловна и Мальцева Мария Виссарионовна. Они не критиковали верующих учеников или их родителей, не читали лекций на атеистические темы, а как-то незаметно влияли на сознание верующих, формируя у них атеистические взгляды.

Коль зашёл разговор об учителях тридцатых годов, то следует добавить в их адрес, что они работали и по патриотическому воспитанию. Опять же незаметно, ненавязчиво воспитывали в нас дух любви к своей Родине. А дух в нас был здоровый.

В сентябре 1941 года учительница Серединской школы Анастасия Михайловна Ивако на паре добрых коней увозила из военкомата на Колыванскую пристань трёх добровольцев-комсомольцев: Ведения Михайлова, Ивана Васильевича Сафронова и автора этой статьи. Когда пришло время столкнуться с фашизмом лицом к лицу, никто из нас, тогдашних мальчишек деревни Середино, не опозорил надежд наших учителей.

К началу войны все точки противоречий: социальных, политических, религиозных, – в деревне были ликвидированы – нелегкая колхозная жизнь и тревожное время нарастающей угрозы войны не только не обострили взаимоотношений, а наоборот, крепко сплотили людей.

Рождение деревни

В 1930-е годы один из основателей деревни Середино Константин Алексеевич Сваровский сказал: «Деревня существует лет семьдесят». Стало быть, сегодня ей лет сто шестьдесят – сто семьдесят.

Рассказывают, предок Сваровских по прозвищу Середа, промышляя зверя, забрёл на берег небольшой реки Тои, облюбовал живописное место, поставил дом: благо зверя здесь – лес кишит: и лося, и медведя, и пушного. К дому Середы прибавился другой, третий, и образовалась заимка деда Середы или, как тогда называли, Середина заимка. Отсюда к ней и «присохло» название Середино. Сначала Сваровские, Колмаковы, Тамбаровы, потом другие. И пошла заимка расти. Через полсотни лет заимка превратилась в деревню, более чем в триста дворов.

Когда дед Середа жил на берегу Тои один, по лесу бродили варнаки (бродя-

Встреча земляков-серединцев на берегу р. Тоя

ги). Однажды варнаки заглянули и в жилище Середы с недобрыми намерениями:

– Дедушка! У тебя золотишко есть? Ты отдал бы его нам.

– Што вы, ребяты! Откуда у меня золото? Я промышляю зверя. Чо выручу, то и проживаю. Концы с концами еле свожу. Много промышлять – силы нет. Я уж стар.

– Дедушка! Ты бы по-доброму… грех на душу брать нам бы не хотелось…

И, действительно, дело доходило до греха. Старик решил «уступить».

– Ладно, ребяты. Пусть будет по-вашему. Только золото я храню в сарайке.

Д.И. Дулин с супругой и внуками. 1996 год

Вышли из дома. Дед открыл сарайку:

– Ату их!

Из сарайки, перескакивая друг через друга со злобным рычанием и лаем, как на медведя, вывалились семь свирепых псов, каждый чуть поменьше медведя. Полетели клочья и без того рваной одежды пришельцев. Истошный крик, вопли… С трудом Середа успокоил разъярённых собак. Пришельцы скрылись в березняке.

– Вот вам моё золото, варнаки! – проворчал старик, посмотрел на березняк, в котором скрылись несостоявшиеся грабители, и пошёл снова в дом.

В основном здесь жили зверобои-промысловики. Били лося, медведя, промышляли и лисицу, хоря, колонка, горностая, реже – выдру, росомаху, волка. Попадал и соболь. Охота – дело серьёзное. Летом раскорчёвывали лес, делали поля, сеяли хлеб, обрабатывали огород. Тоя оказалась на редкость рыбной рекой. Да и воду давала питьевую и для скота.

Плодородные земли привлекали людей, далёких от охоты. Деревня росла. Здесь были поселенцы из Саранска, Симбирска, Тамбова, Мордовии, Чувашии. Костяк составляли коренные сибиряки: Сваровские, Колмаковы. Имея двойной доход от охоты и от земледелия, мужики быстро укрепляли свои хозяйства. Однако охотничьи угодья на месте истощались. Зверобои, окончив полевые работы, обеспечив кормами скот, топливом дома, уходили всё дальше в тайгу на промысел: на Шегарку, на Галку, на Бокчар. Не знали они, что некоторые из них подневольно придут сюда на поселение. Били зверя, снимали шкуры, сдавали местным купцам-заготовителям.

Старый промысловик Алексей Алексеевич Михайлов рассказывал: «По семнадцать лосей за сезон убивал, кожу снимал, а мясо бросал на съедение росомахам, лисицам и другим зверям (волка было мало, снег глубок). Если случалось убить зверя близко от деревни, то нуждающиеся в мясе жители забирали его».

Однажды промышляя зверя, Михайлов забрёл на берег Галки, притока Бокчара, и добрался до жилья друга, тоже зверобоя, полагая здесь дать себе отдых день-другой. Друзья встретились радушно, пошли разговоры о житье-бытье. Шестнадцатилетнюю дочку хозяина разговоры друзей не привлекали, и она, надев шубу и привычным движением бросив на плечо берданку, сказала отцу:

– Тятя! Я выйду в тайгу, может быть, рябчика подстрелю.

Отец согласно кивнул головой как ребёнку, решившему заняться игрушкой на крылечке дома. Надо заметить, зверобой жил на берегу Галки без жены, вдвоём с дочерью. До ближайшего селения десятки верст. Так что летом сообщался с миром на лодке.

Полтора – два часа спустя дочь вернулась и, сбрасывая шубу, равнодушно сказала:

– Ни рябчиков, ни глухаря нет. Подстрелила медведя.

– Как медведя, где он? Ушёл? – озабоченно спросил отец. – Подстреленного медведя отпускать опасно. Если он останется жив – станет шатуном, а шатун в тайге опасен.

– Нет, не ушёл. Он свалился в берлогу…

Держа берданку на изготовке и осматривая кроны кедров, девушка искала цель «рябчика, глухаря или другую птицу». Подбитые камусом (кисами) лыжи раскатились с пригорка и… перед ней вдруг оказался корч с заиндевевшими ветвями над ним. «Берлога», – мгновенно сообразила девушка. Одно мгновение – и вместо дробового патрона в берданке патрон с картечью. В это же мгновение куржак с веток посыпался, и из берлоги показалась голова зверя. Всё произошло в мгновение: выстрел – и голова зверя медленно скрылась в берлоге.

Алексею Михайлову пришлось оставить отдых, помогать хозяину свежевать зверя. Медведь оказался гигантом. Такие крупные звери встречаются редко.

Зверобои до некоторой степени специализировались: одни били больше лося, другие – медведя, некоторые были лисятниками или по мелкому зверьку. Подходит дело к весне – зверобой идёт в обратный путь. Вернувшись домой, берётся за инвентарь, за землю. По мере оскудения местных лесов зверем, жители продолжили раскорчёвку леса, расширяли поля, и ко времени прихода Советской власти деревня оземледелилась. Охота начала отходить на второй план.

Дмитрий Дулин

Тогучинский район

Гутовская трагедия

Март, 1919 год. В Западной Сибири разгорелась борьба против колчаковских сил. В январе 1918 года в Кудельном Ключе Тогучинского района был организован сельсовдеп. Председателем его был избран Василий Иосифович Козлов. Одновременно была организована и партячейка, в которую вступили Алексей Монетов, Никита и Сафон Другаковы, Иван Липский, Степан Ковальков. В ячейку вступил и Аксён Фёдоров из Зверобойки, который впоследствии оказался провокатором и предателем.

По приходу колчака численность ячейки была уже 15 человек и был организован партизанский отряд. Перед этим провели маёвку. От Коурака и Болотного присутствовали более 50 человек. Был избран штаб: Иван Митченко из д. Мостовского – командиром, Василий Козлов – заместителем, Тимофей Янченко из с. Гутово – комиссаром. Восстание было назначено на 28 июня 1919 года (или 11 июля по новому стилю). На этой маёвке присутствовал провокатор Фёдоров. Он своё злодейское дело сделал в этот же день. Все были преданы им и Кандаковым из Кусково. К тому же Сафон Янченко, не согласовав, не посоветовавшись ни с кем, хотя и знал об организации отряда, семь раз выстрелил из нагана в начальника колчаковской милиции Галагана. Убить Галагана ему не удалось, а вот список членов партизанского отряда, который лежал у него в кармане, попал в руки Галагана. В июле 1919 года в с. Гутово были расстреляны белогвардейцами 36 человек.

Митченко Иван Кузьмич – командир Гутовского партизанского отряда

Козлов Василий Иосифович – заместитель командира Гутовского партизанского отряда

Сонная тишина мёртвых улиц сменилась стуком конных копыт и лязгом оружия. Начались массовые, одиночные и групповые аресты. Как бешеные собаки, рыскали каратели по селу и вылавливали одного за другим участников партизанской группы.

Янченко Тимофей, комиссар Гутовского партизанского отряда

Первыми были схвачены братья Тимофей, Иван и Егор Янченко, Калмыков и другие. Десять вооруженных солдат, прихватывая по пути новых арестованных, вели их к волости. Но прежде чем посадить их в каталажку, всех привели к дому, где остановился Галаган. Когда арестованных ввели в ограду, Галаган уже стоял на крыльце. В дикой злобе он рявкнул: «Всыпать, всыпать!» – и жгучими змеями впились в тела нагайки. На рубашках заалели пятна крови. Больше всех били Тимофея Янченко.

Очевидцы трагических событий в с. Гутово тов. Пермеков и Янченко на пионерском сборе, проходящем у могилы партизан

– А ну шомполами! – крикнул озверевший Галаган. Блеснули шомпола, впиваясь в избитые окровавленные тела, вбивая клочки одежды в зияющие свежие раны.

Над селом стоял раздирающий стон матерей, жён, сестёр, братьев и детей.

После десяти часов вечера было приказано не ходить по улицам и не открывать окна домов.

В коридоре каталажки тускло горела лампа. Утомившийся часовой присел в углу и дремал. Послышался топот тяжёлых сапог. Группа пьяных офицеров во главе с Галаганом приближалась к камере. Щёлкнул тяжёлый замок. Дверь с силой распахнулась, и на пороге показалась длинная фигура Галагана.

– Бей красную сволочь! – крикнул он и орава пьяных офицеров ввалилась в камеру.

– Изверги, – крикнул Вячеслав Шубин.

Ему сломали руку, прибили её гвоздями к плечу.

– Господа, у меня есть предложение: засолить большевиков, чтобы не протухли, – прохрипел Галаган.

И горячие кровавые раны были засыпаны солью.

К вечеру на третий день арестованных выставили в колонну по четыре. Их было 36. Синие лица, опухшие губы с запекшейся кровью, ввалившиеся глаза, вздувшиеся синими, красными рубцами тела.

В 1952 году борцам революции в с. Гутово установлен новый памятник. Тогучинские школьники у могилы героев

– Куда погоните-то их? – спросил кто-то из толпы собравшихся сельчан.

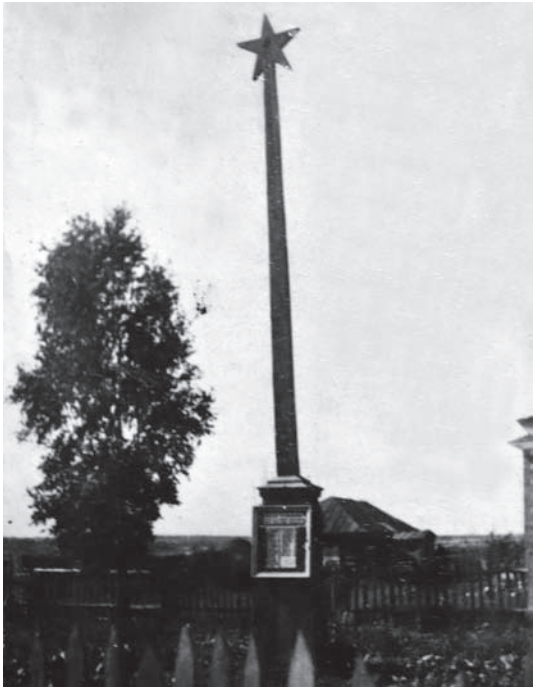
– В Новониколаевск, – ответил офицер, пряча ехидную усмешку в усы.

Кое-кто из родственников побежал домой. Возвращались с узелками хлеба, сухарей, пытались проститься, но их не подпускали.

Из дома вышел Галаган, поп Стефан и несколько офицеров. Арестованных повели через мост за Иню.

– Мама, прощай! – бессильным голосом крикнул Вячеслав Шубин. Сзади ревела толпа женщин и детей. Бежали за арестованными, но их отталкивали, били прикладами.

Арестованные медленно спускались под гору, к мосту. Они еле-еле двигали ноги, а Вячеслава Шубина вели двое. Он был избит сильнее всех. В нём трудно было узнать человека – в этом теле с поломанными костями, вырванным глазом, вывернутой рукой, вырезанны-



Первый памятник расстрелянным партизанам в с. Гутово

ми на спине лентами. А ему было только 23 года. Подобные муки переживали и другие арестованные.

Привели их к месту расстрела – на мысок за Иню. Ещё раз избили почти до смерти. У ямы поставили пятерых. К ним направился священник. Подошёл к Тимофею Янченко, но тот оттолкнул его: «Заткнись, долгополая крыса», – крикнул он, и забыв про боль, мужественно выпрямился, разорвав ворот рубашки и обнажив грудь, сказал спокойно: «Стреляйте, сволочи, – всех не перебьёте, с нами миллионы!»

Раздался залп, второй. Так погибли 36 партизан.

Вячеслав Кажаев

Черепановский район

Народное сопротивление

«Летом 1918 года в Сибири произошёл новый политический переворот: власть захватили вооружённые отряды белочехов – бывших военнопленных русской армии, которых царское правительство не успело репатриировать через порты Дальнего Востока. В их руках оказалась вся территория, прилегающая к Транссибирской магистрали и Алтайской железной дороге.

Один из гарнизонов, состоявший преимущественно из польских солдат, разместился на станции Черепаново.

В августе 1919 года против войск белочехов и колчаковских отрядов местное население открыло вооружённую партизанскую борьбу. К протесту подтолкнули бесконечные опустошающие реквизиции продовольствия и лошадей у крестьян, проводимые военной администрацией Колчака, к тому же в самой грубой форме. Другим поводом послужила насильственная мобилизация местной молодёжи в белую армию». (Папков С. А. «Очерки истории Черепановского района»).

Весной и летом 1918 года отряды алтайских красногвардейцев, объединённые И. В. Присягиным и М. К. Цаплиным, в количестве 186 бойцов, наступали на Новониколаевск с юга и создали Черепановский фронт, заняли г. Бердск и продвинулись до реки Иня. Но против партизан выступали местные кулаки. Командующий Черепановским фронтом штабс-капитан Иванов отвёл войска к станции Евсино и вскоре сбежал со своим штабом в тыл, оставив Черепановский фронт без руководства. Красногвардейцы отходили в сторону Черепаново, затем к станции Тальменка. После шестидневных жестоких боёв отряды красногвардейцев были разбиты. Многие бойцы Черепановского фронта влились в отряд Петра Сухова и осенью 1918 г. были зверски изувечены и убиты обозлёнными кулаками и казаками в долине реки Катунь.

Прощание с товарищем. Февраль 1920 г.

В деревнях до января 1918 г. власть сохраняли земские управы, основу которых составляли богачи. В январе, по указанию большевиков, были созваны волостные сходы крестьян. В Медведской волости на сход собралось 100 человек. Председателем схода был учитель Дмитрий Севастьянович Скрипченко. Сход заслушал декрет Совнаркома «О переходе власти к Советам, о передаче всей земли крестьянам». Сход принял эти декреты к исполнению и выбрал волостной Совет. Были также избраны делегаты на губернский крестьянский съезд, который проходил в

Железнодорожный тупик. Место расстрела красных партизан в 1919 г.

Памятник партизанам на ст. Безменово, 1920 г.

Томске с 21 февраля по 10 марта 1918 года.

С 25 на 26 мая 1918 г. белогвардейцы и белочехи подняли мятеж в Новониколаевске и арестовали многих большевиков.

В Медведске, в Карасево, в Зимовье тоже были аресты советских активистов. В Медведске были арестованы Скрипченко и Дятлов и отправлены в Черепаново. Но медведские крестьяне собрались на собрание и написали белогвардейцам прошение о том, чтобы помиловали учителя Скрипченко и Дятлова, что они не виноваты. И их отпустили.

Памятник партизанам в с. Карасёво, 1920 г.

Каратели арестовывали, избивали, пытали и расстреливали. Так были расстреляны в Бураново Бутарев Иван Павлович, Манюхин Михаил Аркадьевич, Беляев Филимон Порфитович, Шаманаев Фёдор Васильевич.

Осенью 1918 г. Новониколаевский комитет большевиков послал по деревням рабочих, своих членов. В Карасево и в Шурыгино прибыло пять человек во главе с Крутским. В Шипуново – Юрков, в Заковряшино – Устинов. Они тайно начали организовывать бедноту в подпольные группы. В Карасево и других деревнях подпольные группы приступили к сбору пороха, свинца и дроби, охотничьих ружей.

Крестьяне боялись и ненавидели кулаков, белочехов и белополяков, которые стояли по деревням.

Но винтовок не было. Крестьяне просили в Новониколаевске, но там отказались выдать винтовки и велели добывать их в бою. Так они и сделали. В Карасево создали отряд в 17 человек, командиром выбрали М. Богданова, который взял себе псевдоним «Чистяков». Ночью в деревне Иня напали на белогвардейские посты, разоружили белых и захватили у них девять винтовок и патроны. В следующую ночь отряд карасёвских партизан в 17 человек уничтожил боевое охранение чехов, и, захватив пять винтовок, отошёл в пос. Свободный. В Свободном партизаны организовали свою базу под вывеской «Мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин», и там тайно отливали из свинца пули, ковали шашки, штыки, кинжалы.

Следующий удар Богданова был нанесён по селу Шурыгино. Он разоружил охрану, захватил три винтовки и отошёл в Сузунский бор.

В группу по подготовке восстания в Верх-Каракане входило 12 бывших фронтовиков под руководством И. И. Силаева и В. П. Комарова.

В августе 1919 года крестьянские восстания охватили всю территорию района. Особенно активно работали подпольщики в Верх-Каракане, Шурыгино, Шипуново, Карасево, в Верх-Мильтюшах.

13 августа 1919 года отряд из 100 человек, сформированный в сёлах Ильинское, Киприно, Селезнёво, под командованием Одаркина переправился через Обь, занял Мереть, Завод Сузун. Местные крестьяне их поддержали и присоединились к ним. Комиссаром был избран В. Н. Зятотов, его помощником – Д. Суворов, начальником штаба – Н. Супатов. Так же было сформировано четыре отряда под командованием лесника Антона Захаровича Степанова, А. Ф. Семьянова, Г. Д. Мальцева и В. Живодёрникова. В каждом из отрядов было около сотни человек.

В это же время Сузунский штаб решил организовать партизанские рейды к железной дороге на станцию Черепаново и к Оби, на Ордынку и Каменьна-Оби. Верх-Караканский отряд под командованием В. П. Комарова и И. И. Силаева двинулся к станции Евсино и Бердску.

Наибольших успехов добились повстанцы под командованием А. З. Степанова и его заместителя Богданова, действовавшие вдоль дороги Сузун – Черепаново. Они заняли Шипуново, где подпольная группа во главе с Григорием Акимовичем Чанкиным сформировала отряд под командованием Ивана Алексеевича Чанкина. Комиссаром у него был Ефим Николаевич Бессонов. В октябре в отряде было уже около 1000 человек.

Лариса Рябинина

Маслянинский район

Колчаковцы

Умирая, не умрет герой –
Мужество останется в веках.
Муса Джалиль

С течением времени исчезают и уходят в прошлое многие события давно минувших лет. Но в памяти народной останутся навсегда годы борьбы за власть Советов, имена людей, которые сражались за лучшую жизнь. От поколения к поколению будут передаваться рассказы о героических днях гражданской войны, о тех, кто защищал молодую Советскую республику от многочисленных врагов.

Летом 1919 года в сёлах, которые сейчас находятся на территории Маслянинского и Тогучинского районов, сложилась напряжённая обстановка. В соседних с ними Тогульской, Сорокинской и Залесовской волостях Алтайской губернии разгоралось народное восстание, действовали партизанские отряды. В Бубенщиково, Суенге, Серебренниково, Александровке и Кураке были сильные кулацкие дружины, а в Маслянино – значительный отряд колчаковских войск. Егорьевск, Суенгу, Мостовую занимали то каратели, то партизаны.

Оплотом Советской власти в этом районе стал прииск Егорьевск, закрытый с началом войны. Многие рабочие ушли на шахты Кузбасса, остальные были призваны в армию. После революции большинство рабочих и солдат вернулись в родные места.

К середине 1919 года север Омской и юго-запад Томской губернии были охвачены партизанским движением. Уже в июле, когда восстание охватило 56 волостей Томской губернии, которые объявили себя партизанским краем и на территории которых были созданы военно-революционные штабы и ревкомы, сформированы пять повстанческих армий, насчитывающих около 20 тысяч бойцов, «Верховный Правитель» адмирал Колчак был вынужден признаться, что он не понимает этот народ (то есть сибиряков-повстанцев), не знает, что ему нужно.

По-разному в Сибири возникали партизанские отряды и в разное время. Одни сразу поддерживали большевиков, а другие мстили за жестокость колчаковцам.

В середине ноября 1919 года, после очередного налёта кулацкой дружины, подпольная группа И. А. Чусовлянова собрала сход и на нём сформировала значительный отряд добровольцев. Командиром избрали старателя-фронтовика Михаила Лазаревича Вершинина. Фронтовики откопали винтовки, рабочие собрали ружья, отковали сабли, добыли пики, конфисковали лошадей у кулаков и купцов. Согласно рукописной книге И. Н. Худякова «Конец дружины святого креста» очевидцы тех событий сообщали, что отряд конным строем выступил на Бубенщиково, но в пути стало известно, что из Маслянино и Александровки на Егорьевск вышли каратели, поэтому решили вернуться на прииск и дать бой. Каратели и партизаны подошли к Егорьевску одновременно. Бой начался на горе Полдневой. Под давлением численно превосходящих сил колчаковцев, вооруженных пулемётами, партизаны мелкими группами стали отходить в лес. При отступлении погиб командир отряда М. Л. Вершинин. Кулаки-дружинники захватили до десятка раненых партизан и учинили над ними зверскую расправу. К. С. Пятунина повесили на воротах родного дома, В. Куликова, Я. Плотникова, Х. Шатуло зарубили шашками на площади, остальных расстреляли.

В лесу егорьевцы избрали нового командира Ивана Моисеевича Иванова. Был образован «летучий» отряд разведки, во главе которого стоял Василий Лобанов. Отряд по ночам, с горсткой разведчиков, под носом у карателей и дружинников совершал рейды в деревни за тридцать, сорок вёрст от Егорьевска. В селе Никоново обнаружили большой обоз с оружием, но захватить его было не так-то просто.

Колчаковцы грабили население и забирали всё с собой, нагружая обозы, жестоко расправлялись с людьми, примером служила расправа над травниковским мальчишкой Митькой Исаевым, который ушёл в партизаны. Узнав что он приехал к родителям, колчаковцы окружили дом, но родители успели его предупредить, и он спрятался в копну сена, но так как выпал снег то следы были заметны, они, окружив копну, штыками прошили её и ни в чём не повинного парня, он и крикнуть не успел. «А тут и другие в охоту вошли. Штыками измолотили, искривили копну. Натешившись до устали, скинули сверху поалевший пласт сена. Человека не было, не было и трупа. Был изуродованный кусок мяса. Жутко, видно, палачам стало, забыли в семье расправу учинить, на коней скорее и вскачь от дома». Такую же расправу они учинили в Егорьевске, повесив на воротах молодого партизана Шатулу и избив нагайками многих мужчин и женщин, которые за заступались за партизан.

Началось «усмирение» непокорных волостей – расстрелы без суда и следствия, порки, грабежи. Всё усиливающиеся репрессии колчаковцев вызывали обратное действие: ряды сторонников Советов росли с каждым днём. Война стала всенародной. Колчаковский тыл превратился во второй фронт. Егорьевский кавалерийский партизанский отряд влился в Чумышскую дивизию, а затем – в пятую Красную армию, и вместе с красноармейцами отправился далее на восток.

Многие погибли в сражениях, многие были замучены колчаковцами, но на место павших бойцов поднимались сотни новых.

Для ведения партизанской войны в Маслянинском районе и в селе Егорьевское были благоприятные условия:

– непроходимые таёжные леса делали недоступными для колчаковцев

Памятник героям Гражданской войны в селе Угорьевское

партизанские базы, где можно было накапливать резервы и скрываться при приближении крупных карательных отрядов;

– хорошее знание местности обеспечивало манёвренность партизанских отрядов.

Попытка уничтожить партизан окончилась полным разгромом карателей. Белая армия «таяла» под ударами красноармейцев и партизанских соединений. Немалую роль в освобождении сыграли партизаны нашего района и наш Егорьевский красноармейский отряд, влившийся в пятую Красную Армию.

Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколений, а имена их будут с гордостью произносить потомки.

Партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны давно стало историей, и мы должны помнить эти страницы нашей истории.

Евгения Эллерт,
Татьяна Колесникова

Краснозёрский район

Погиб за власть Советов

Советский Союз как государство возник в результате страшной и кровавой борьбы старого и нового строя. Большевики стали главной партией. Рабочие, солдаты и крестьяне составили основу советской власти. Появились новые молодёжные организации, главной из них стал комсомол. Комсомольцы были лекторами, агитаторами, информаторами. Наверное, всё это покажется с позиции сегодняшних дней очень наивным, но так было. Молодые комсомольцы искренне верили в идеи Октября, которые должны были принести всем народам справедливость, равенство, братство и ещё много того, о чём они мечтали.

История утверждения Советской власти в нашем районе хранит немало имён юных героев, сражавшихся рядом со своими товарищами, отцами и братьями за мирную жизнь, за свободу и равенство для своих земляков. В годы борьбы за хлеб, за коллективизацию погиб комсомолец-активист из посёлка Садомное Николай Захаров.

Николай Захаров

Комсомольцы ячейки, которую возглавлял Николай, разъясняли колеблющимся крестьянам преимущества коллективного труда в коммунах и колхозах. За что Николай и заслужил ненависть кулаков.

Эта ненависть копилась уже давно. Когда на Семёна Макаровича Ярых, местного кулака, наложили продналог, он категорически отказался платить. Ночью с женой и сыном под окном своей избы он вырыл яму и спрятал в ней шестнадцать мешков чистой пшеницы. Эта проделка не ускользнула от зоркого глаза комсомольца Захарова. Он разоблачил злостного неплательщика продналога, хлеб был откопан и сдан государству. Злыми глазами смотрел тогда Ярых на комсомольца Николая Захарова. Лютая ненависть затаилась у него к молодому комсомольцу.

Летом 1928 года в посёлке Яровое, что в четырёх километрах от посёлка Садомное, было назначено совещание комсоргов, куда был приглашён Николай Захаров. После комсомольского собрания в Яровом Николай спешил домой в Садомное, чтобы встретиться и рассказать молодёжи о том, что решили вместе с секретарями комсомольских ячеек. Тогда и подкараулили комсомольца кулаки – отец и сын Ярых, давно накопившие злобу на Николая.

Жестоко расправились они с комсомольцем: Егор Ярых зарубил Николая топором. Испугавшимся своего же преступления убийцам не удалось скрыться от ответа, поскольку убийство было совершено в дневное время и при наличии свидетелей – местных пастухов, пасших неподалёку скот. Убийца был опознан, и тут же во всём сознался.

6 января 1929 года, спустя пять месяцев поле убийства, в селе Карасук состоялся суд. На скамье подсудимых сидели три человека: основной фигурант по делу об убийстве – 20-летний Егор Ярых, а также его родители – Семён и Ирина Ярых. Судебный приговор гласил: «Егора и Семёна Ярых расстрелять, Ирину Ярых за соучастие в убийстве и сокрытие следов преступления

(спрятала бельё сына, которое было в крови, и не пустила к себе в хату народ, который пришёл для обыска) приговорить к трём годам лишения свободы со строгой изоляцией.

Краснозёрский Райком комсомола решил похоронить своего боевого товарища Николая Захарова в селе Краснозёрское. От посёлка Садомное до Краснозёрского 12 километров.

Воскресный день был солнечным. В этот день были назначены похороны павшего за народное дело комсомольца Захарова. С утра на похороны стекались в посёлок Садомное сотни людей из разных населённых пунктов. В полдень тронулась похоронная процессия. Медленно ехала повозка, запряжённая парой вороных коней, на которой был установлен красный гроб с телом комсомольца. Гроб утопал в цветах. В передней части повозки на древке ярко колыхался красный флаг, окаймлённый чёрной лентой. А за гробом тянулась длинная вереница людей. Для встречи траурной процессии в Краснозёрском собралось много краснозёрцев. На красном полотне были написаны слова гнева и клятвы: «Смерть убийцам! Спи спокойно, дорогой товарищ, мы победим!»

С большим почётом похоронили комсомольца Николая Филипповича Захарова в селе Краснозёрское возле клуба рядом с братской могилой павших за власть Советов красных партизан. Потом на его могиле на средства, собранные районной комсомольской организацией, был воздвигнут памятник павшему от злостной руки комсомольцу. Коммуна «Большевик» была переименована в колхоз имени Николая Захарова.

По предложению комсомольцев района 27 апреля 1957 года было принято решение в Краснозёрском соорудить памятник на площади около Дома культуры, перенесённый затем в сквер в райцентре.

Мною был обнаружен документ, подтверждающий факт строительства памятника. Он находится в архиве Администрации Краснозёрского района. Тогда был установлен скромный обелиск, на несколько десятилетий ставший символом «героической борьбы молодого поколения за советскую власть».

Повторно, на пожертвования комсомольцев и молодёжи района, был установлен бюст вожаку садоменской молодёжи Николаю Захарову. Этот бюст стоит в небольшом сквере нашего посёлка.

В ходе работы над своим исследованием я не раз задумывалась о том, что за простым каменным памятником стоит целая жизнь одного человека. И как это важно, чтобы имя его стало известно всем, так как есть ещё много людей, которые никогда о нём не слышали. Я надеюсь, что моя работа будет полезной и, возможно, кто-то последует моему примеру и тоже займётся изучением истории памятников, которые есть у нас в маленьких сёлах, но о которых мало кто знает.

Я считаю, что всё это надо знать и хранить память о наших героях-земляках. И знать памятники своего посёлка. Ведь, называя имена участников былых событий, мы словно перелистываем страницы огромной книги, в ко-

торой отразилась история нашей страны, история нашего посёлка и судьбы участников тех событий.

Знать, помнить историю своей страны, историю своего посёлка – долг и обязанность каждого жителя посёлка. И вечной памятью, напоминанием нам будут стоять памятники-символы славы, несокрушимости, величия наших односельчан – неотделимой части нашего народа. И теперь я с гордостью могу говорить, что малую часть истории, которая для нашего поколения – как в тумане, я открыла для себя и на пользу землякам. Памятник – дань признательности тем, кого нет больше с нами. Размышляя о прошлом и вглядываясь в будущее, живые всегда будут вспоминать мёртвых, чьи имена навечно вписаны в летопись героических свершений своего народа, страны, города, семьи.

Анна Фоменко

Каргатский район

Моё мнение

1917 год – переломный в истории России. Это настоящая эпоха в историческом развитии страны. 1917–1922 годы, именно в это время произошли сразу две революции, Гражданская война, изменился весь принцип управления страной и сама власть. Революция началась с забастовки на Путиловском заводе, а после переросла во всеобщую забастовку в Петрограде. 26 февраля началось вооруженное восстание, вследствие чего Николай II отрёкся от престола, положив конец монархии, Россия стала республикой, власть была передана Временному правительству, народом же управляли Советы. Однако Временное правительство не справилось с поставленными задачами, в стране не прекращались волнения, люди ждали перемен, а они не наступали.

По этой причине в октябре 1917 года разгорелась уже социалистическая революция.

Октябрьская революция делит историю нашей страны на жизнь до этого события и после, но именно народ восстал против социальной несправедливости, существовавшей веками между богатыми и бедными, это привело к победе рабочего класса в борьбе за свои права, к образованию первого в мире социалистического государства. В результате мир разделился на две системы – капиталистическую и социалистическую.

Свержение царизма, провозглашение демократических свобод, с одной стороны, а с другой, это многочисленные жертвы, ненависть, деление на своих и чужих, красных и белых. Страна разделилась на два лагеря, что привело к Гражданской войне, унёсшей многочисленные жизни, приведшей к экономической нестабильности в стране. Гражданская война – это народная трагедия, которая выпала на долю Российского государства. И не случайно её называют братоубийственной: стоявшие по разные стороны баррикад отцы, сыновья и братья, долго проливали кровь друг друга, русские стреляли в русских. А ведь каждая из сторон сражалась за свою Россию, за её завтрашний день, который она видела и понимала по-своему.

Кровопролитные бои, голод, холод и болезни подкосили Россию. Советская страна лежала в развалинах. Экономика была в упадке. Те, кто не смог смириться с новым режимом, навсегда покинули свою Родину. На внешнеполитической арене Россия также ослабила свои позиции, но смогла сохранить себя как единое государство и стала ядром для объединения народов. Величайшим свершением было создание регулярной армии. Советская власть вернулась к армии старого типа, а это дисциплина, строгая иерархия и максимальная боеспособность. Большевикам удалось мобилизовать все хозяйственные ресурсы.

Оценить Октябрьскую революцию 1917 года однозначно невозможно, были как положительные, так и отрицательные стороны. Однако это событие полностью изменило ход развития России: было свергнуто самодержавие, пришла власть трудового народа, усилился её авторитет, наша страна превратилась в сильнейшую державу мира.

Дарья Еркина

Тогучинский район

Земляк, похожий на монаха Пересвета

Александр Иванович Горячев

Он, наверное, был рождён не для крестьянской работы, а для цирковой карьеры, может, для выступлений на аренах больших городов. По крайней мере, когда я видел его задумавшимся на высоком яру Ини летней порой, когда я видел его физические данные – рост в два метра, ручищи, рассчитанные, видно, на троих, но доставшиеся одному, основательный корпус и ноги атлета, которые могли выдержать нагрузку в несколько десятков пудов груза, я всегда думал, что такой человек мог прославить Изылы на многие сотни или тысячи километров окрест.

Но он родился в крестьянской семье, где было много детей – мал мала меньше, которых надо было помогать родителям подымать. Да и родился он в такое время, когда часто случались войны: большие, требующие больших жертв. На две войны он сходил – на русско-японскую и первую империалистическую – сходил не для прогулки, а чтобы заработать медаль «За храбрость» – за взятие двух языков, которых изылинец Горячев, оглушив, притащил сразу обоих, держа под мышками.

Поначалу хохота было от солдатской кобылки-братии, но потом начальство пожаловало Александру медаль за отважное поведение в бою.

У Александра Ивановича был очень красивый профиль: и лицо, и нос, скорее орлиный, но очень прямой, и волосы, чёрные, смоляные, как крыло ворона. Словом, я всегда думал, что именно таким, как Александр Иванович Горячев, был знаменитый и бессмертный монах Пересвет, который 8 сентября 1380 года сошёлся с татарским богатырём Челубеем на Куликовом поле, чтобы вбить первый гвоздь в создание Русского государства. Это мы говорим к тому, что профессор Ключевский из МГУ имени Ломоносова в 19-м веке единожды изрёк, что государство Российское возникло на Куликовом поле. Да, в поединке Пересвета и Челубея победителей не было: оба они, ударив друг друга копьями, упали замертво, и началась битва та – жёсткая и кровавая…

Трудился Александр Иванович на своём поле в пять десятин, имел четыре коровы и столько же лошадей, тридцать овец, числясь в середняках.

Но вот пришли тридцатые годы 20-го века, когда устои патриархальные стали сдвигаться со своих якорей. Да… Стали создаваться колхозы. Но наш герой пошёл на строительство «железки» Новосибирск – Новокузнецк, проходившей в полутора километрах от Изылов.

И сразу стал на стройке той – знаменитостью. Начальство поручило ему сделать загон для лошадок, которые использовались на подвозе грунта для насыпи железной дороги. Задание было не из лёгких, а главное – срочное. Мой односельчанин, выкопав ямы по периметру загона, поставил в них столбы, утрамбовал землю и, увидав бракованные рельсы, используя проволочные петли, крепко привязал их в несколько рядов к столбам. Утром десятник был страшно изумлён, когда услышал, что наш земляк вместо осиновых или берёзовых жердей использовал рельсы, метр погонный каждого из которого весил не менее 40 килограммов.

…Никто и никогда не ввязывался в ссоры с Горячевым – Пересветом: кому же хотелось наткнуться на кулаки-кувалды. А пьяных драчунов ежели ему приходилось мирить, то делал он это вот таким способом: он слегка ударял их друг о дружку собственными головами, после чего брал под мышки и нёс в чей-нибудь двор, где укладывал отдохнуть на траву.

…Когда я прибывал в Изылы из дальних городов своей страны, то при встрече с Александром Ивановичем считал за честь с ним поздороваться.

– Ну что, приехал родину попроведовать, Лёньша? – спрашивал он тихим и приятным голосом, в упор пронизывая меня умным взглядом из-под кустистых, как у Брежнева, бровей.

– Пуповину-то никак нельзя совсем перерезать, Лёньша, – журил он меня, если мы с ним виделись редко.

– Эх, вы, Аники-воины, – бросал он беззлобно. – В города им захотелось, лапотникам, а сапожек-то и не заработали пока…

Однажды он рассказал мне, как в Чите получил по зубам от одного царского офицерика, когда он, отдав ему честь, что-то промямлил про свободу, полученную по случаю царского манифеста.

– Офицерик был небольшеньким, словно в засушливую погоду родился он, а саданул по санкам так, что три зуба как не бывало.

– Эх-ма! – говорил он, раскачиваясь из стороны в сторону. – Мало чего мы тогда ещё понимали, а соображали и того меньше.

В 1953-м увидел я его сидящим на Тогучинском деревянном мосту, что соединял левый и правый берега Ини. Сидел он как древний кудесник: чёрные волосы, чёрная борода, но взор его был каким-то отрешённым и потухшим. Я поздоровался с ним. Он вяло ответил, сухо как-то. И тут только увидел я возле него кепку, в которой лежали монеты и бумажные деньги. И я положил тогда в его кепку мой трудовой целковый. Я не стал расспрашивать его, что случилось с ним. И так было ясно, что какая-то чёрная полоса в жизни землянка заставила его просить милостыню. Потом он уже не сидел на мосту, так что чёрная полоса в его жизни миновала. Хотя потом он жил уже без супруги, которая ранее его определилась в «Могилёвскую губернию». Да, вспомнил: в тот чёрный период его жизни у него не заладились отношения с невесткой, которая любила приложиться к рюмочке-другой горячительных напитков.

Мой односельчанин дожил до 91 года. Сын его погиб где-то под Сталинградом. А внук его, Витя Каменев, герой и мастер жатвы многих битв за хлеб и силос, прожил лет на тридцать меньше, чем его дед-долгожитель. Витя всю жизнь работал на тракторах, знал все их марки, держал большое хозяйство, но больше всего почему-то любил гусей, которых в его стаде было более сотни. И почти все они были белыми.

Когда я иной раз, бывая в деревне, прохожу мимо Витиного дома, я всегда вспоминаю, что во втором классе мы сидели за одной партой. Вспоминаю, что

Александр Иванович Горячев, похожий на Монаха Пересвета

при жизни Витя иной раз заходил ко мне во двор (почему не в дом?) и всегда сжимал мою руку так, словно прощался со мной навсегда. Рука моя потом долго не могла разжаться – вот какие односельчане жили в наших Изылах!

Да, вспомнил ещё: часто сидел Александр Иванович Горячев на мысу, который огибает Иня, направляясь к мельнице и плотине, где в 1943 году была построена, под руководством Ивана Трофимовича Судакова, председателя правления колхоза, 30-киловаттная электростанция.

Он сидел там часами. И вылавливал порой либо несколько подъязков, либо солидного язя. Но больше там никто не мог поймать такую рыбу. И все думали, что Александр Иванович знает какое-то «Слово»…

Он был талантливым человеком

Николай Егорович Еремеев

Речь пойдёт о Николае Егоровиче Еремееве, который прожил на земле всего 63 года и который был по-настоящему талантлив. Моё знакомство с ним началось, видимо, в годы Ве-

Николай Егорович Еремеев

ликой Отечественной войны. Прекрасный пловец, он и нас, пацанов, в 8–13 лет стремился научить хорошо плавать. Для этого он придумал заплывы вниз по течению Ини. Мы плыли вслед за ним, а он успевал зорко следить за пловцами. «Коля Маршал» — звали его все в Изылах. И нам казалось, что пройдут годы, а сначала война, и наш кумир обязательно вернётся из какого-нибудь дальнего плавания в форме офицера высокого ранга. Но прошла война, а Николай Еремеев продолжал трудиться в колхозах «Советская крепость», а затем и в «Знамени коммунизма».

Он — самоучка — имел познания в телевидении, и он первым в Изылах купил огромный телевизор. Николай Егорович имел познания в автоделе, он мог отремонтировать автомобиль. Он был и сварщиком, он же был и комбайнёром, он первым купил «Жигули». Он первым в колхозе из всякого хлама, который отреставрировал на своём токарном станке, собрал трактор, который мог развивать скорость в 30–50 километров в час и на котором можно было привезти сено и дрова.

Но была у него ещё одна страсть, которую все мы, изылинцы, осуждали: любил он выпить. Причём выпить немало. Кончилось это тем, что семья у него распалась, правда, детей своих — дочерей и сына — он успел вырастить и выучить.

Последние годы Николай Егорович работал кочегаром в клубе села Изылы. Работал превосходно, хотя пагубная страсть точила его жестоко. Всегда клуб был в тепле, так что киносеансы можно было смотреть без верхней одежды. Удивительно, но он мог правильно предсказывать ход некоторых событий не только в нашей стране, но и за рубежом.

Потом я только узнал, что он много читал, особенно по ночам, когда работал кочегаром. Отец и мать его были колхозниками, работящими, не скандальными. О таких говорят в народе: «Он и мухи не обидит». Приезжая в Изылы, хожу по деревне и обязательно останавливаюсь возле дома «Николая Маршала». Как мало прожил мой кумир на белом свете! Какой разговор завели бы мы с ним вечерком… А прожил талантливый изылинский Кулибин, комбайнёр и кочегар Еремеев Николай Егорович всего 63 года!

Он был постоянно скептиком…

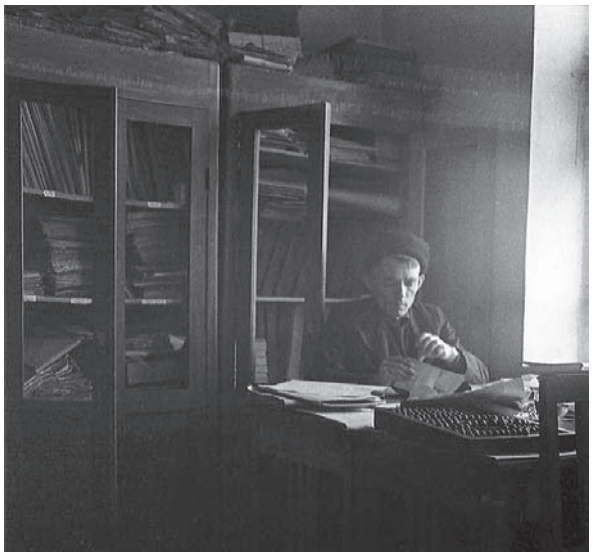
Анатолий Сергеевич Маркин

В действующую армию его призвали где-то в конце сорок четвёртого, а может быть, в середине сорок четвёртого. Обучали в то время маловато, надеясь больше всего на всеобуч, который определялся 110-ю учебными часами. Вернулся он легко раненым, рассказывать о войне не любил, но вот однажды, подойдя к Александру Яковлевичу Якубовичу и Василию Богданову, разговорился. Оказывается, был он в 21-й стрелковой бригаде Резерва Верховного Главнокомандования.

«РВГК, — начал он свой рассказ, — это, как огнемётчики, — смертники. Где надо оборону удерживать, а где прогрызать её — туда нашего брата и бросали. Бои под Минском. Он (враг) там за три года всё укрепил, понастроил дзотов и дотов множество, а тебе дают конкретную задачу: к такому-то часу занять местечко Иваново, а сколько Иванов поляжет при этом — никого не волнует. Главное — чтоб была победа! И прёт матушка–пехота в лоб, а многие ничего ещё не кумекают, так они, неумехи, сразу же и погибают. У нас был один

и командир-неумеха, старший лейтенант. Ему боевую задачу поставят, ему старики подсказывают, как меньше людей оставить на поле боя, — нет, по-своему делает. И вот под Шяуляем, браточки, решили его старики порешить, это в нашей роте было. И вот — бой. И кто-то ему затылок и продырявил. Особый отдел лютый был. Всю роту, оставшуюся после боя, таскали к особистам. Но никто ни словом не обмолвился. Вот какие пирожки, мужики, бывают на фронте…»

И Якубович рассказал о разведке немецкой, пойманной в пути, когда наши шли тоже — в разведку. Нельзя было их стрелять, иначе нам бы был карачун, так финками кололи со спины. И много их было — двадцать девять человек. После такого сообщения молчим какое-то время. А потом Александр Яковлевич Якубович снова начинает: «А один у нас очень бойкий был. Больше всех уничтожил фашистов. Так у него и оба лёгких сгнили после войны, и почку отняли. Вот это кто делает — Господь или не Господь какой-то, скажите мне?»



Якубович говорил не «мне», а «менэ», отчего весь его рассказ ещё больше приобретает какой-то фантастический оттенок.

После короткого молчания спрашиваю: «Чего их было так много-то?».

Якубович насмешливо смотрит на меня, а потом говорит: «Скорее всего, в какой-то точке нашей территории они должны были разделиться на две группы… По-другому их многочисленность не объяснишь».

Опять молчим. Анатолий Сергеевич Маркин, вдруг, запевает: «Шяули, Шяули, до чего вы довели…» Потом он поясняет, что под Шяуляем были такие яростные бои, что от наших рот к концу боя оставалось по 18–20 солдат. Анатолий Сергеевич навеселе. Вдруг он спохватывается: «Ну, братки, сердце не хочу рвать, сердце-то одно», — и уходит.

Леонид Левин

Венгеровский район

Гурково: деревня-семья

…Белая «Волга» председателя Тартасского сельсовета Дмитрия Владимировича Чубарова свернула с асфальтированной трассы на примыкающую дорогу, накатанную автомобилями по неглубокому снегу. Когда мы (Дмитрий Владимирович Чубаров, я и Егор Гавенко, участник краеведческого кружка) в рамках исследовательского проекта «Следы ушедших деревень» совершили эту поездку, снежного покрова уже было достаточно. Едем по сибирской лесостепи, впавшей в зимнюю спячку. Я начинаю замечать, что есть немало признаков того, что место, куда мы подъезжаем, когда-то было весьма обжитым. Теперь же два кладбища – «старое» и «новое» – всё, что осталось от деревни Гурково. Не так давно был памятник в честь участников Великой Отечественной войны, но кто-то не в меру предприимчивый забрал его, скорее всего, на металлолом. Можно пытаться судить, можно сказать многословную речь о пошлом меркантилизме, отравившем жизнь, но не в этот раз.

Анатолий Сергеевич Маркин

Деревня Гурково, или как она называлась тогда, 2-я ферма 52-го совхоза появилась в 1933 году в Тартасском совхозе Венгеровского района почти одновременно с образованием самого совхоза. Появление 2-й фермы и самого Тартасского совхоза связано было с коллективизацией.

…Надо сказать, что место для новой фермы выбрали очень красивое. Как вспоминает Анна Николаевна Матве-

ева (род. в Гурково в 1946 г.), деревня располагалась на поляне в окружении лесов. Начало жизни деревни пришлось на тяжёлый период советской истории. Название «Гурково» 2-я ферма получила в 1954 году в честь директора Тартасского совхоза Гурко. Приняли его на общем сходе. Жило там примерно 250 человек, точно сложно сказать, так как высока была текучка кадров. И десятки тысяч таких посёлков были в Советском Союзе, на трудолюбии их жителей держалась страна.

Деревенские улаживали возникавшие проблемы внутри своей деревни, что давало некоторый запас гибкости в отношениях с государством. Закололи, к примеру, телушонку, когда закол скота был запрещён, а односельчанин увидел. Хозяин телушонки шёл к этому односельчанину и прямо с ним говорил, чтобы язык не распускал. Надо было как-то выживать.

После того, как деревенская жизнь, болезненно перекроенная на новый лад, устоялась, судьба подвергла страну страшному испытанию – началась Великая Отечественная война. Столько сказано было и написано о тех событиях, что сложно добавить что-то новое. Сами за себя могут сказать строчки стихотворения человека, испытавшего войну на себе, жившего в Гурково 10 лет, – Ивана Дмитриевича Першина:

Тяжёлые годы, суровые годы
Досталось нам всем пережить.
Страданье и голод, нужду и невзгоды
Никак мы не можем забыть.
Как грома раскаты, как тяжкое
бремя,
Объявлено было внезапно: «Война».
И в это суровое, грозное время
С врагами на бой поднялась
вся страна…

2-я ферма испытала на себе последствия борьбы не только с внешним врагом, когда дети, жёны и родители не дождались с фронта своих родных. Борьба с внутренними, потенциально опасными, по мнению верховного руководства, элементами также оставила свой след в истории деревни. Семьи ссыльных немцев и прибалтов поселились здесь в то время. После начала войны сотни тысяч советских немцев, из-за боязни государственных руководителей, что они могут быть в сговоре с германскими шпионами и диверсантами, были переселены из Поволжья в Западную Сибирь, Казахстан и другие отдалённые области. Огромную массу народа, как это часто случалось в Советском Союзе, «причесали под одну гребёнку» и вырвали из привычного жизненного уклада, отправили за тысячи километров от родного дома. А. Н. Матвеева вспоминает три семьи таких немецких переселенцев: Еусты, Гартманы и Германы. Ещё среди переселенцев помнит она тётю Шуру Ярчик из Прибалтики (работала воспитателем в детсаде) и одного мужчину, отправленного ввиду контузии в глубокий тыл из Ленинграда. Очень образованный и умный был человек, настоящий представитель «культурной столицы». Почти все немцы и прибалты, переселённые принудительно, после амнистии 1956 года вернулись обратно в Поволжье.

Жилищные проблемы, послевоенная нищета, вместе пережитое лихолетье – всё это удивительно сплачивало жителей 2-й фермы. Нехватка жилья сохранялась в поселении ещё долгое время. Так в книге протоколов заседаний совета депутатов Тартасского совхоза за 1960 год отмечалось, что от плана строительства жилых домов отставали значительно: надо было построить шесть домов, а построили только один. Происходило это от того, что рабочих постоянно отвлекали от строительства и кидали на выполнение других заданий. Дел у людей тогда было невпроворот, и не хватало дня, чтобы всё успеть. Однако, хоть и тесно жили, но дружно.

Случалось, что в однокомнатном доме ютилось две семьи. Жители таких домов, не являясь друг другу кровными родственниками, сроднялись по духу. Их даже в похозяйственных книгах, в которых переписывали все дворы, имеющиеся в населённом пункте, записывали как одно хозяйство. Детишек было полным-полно – до 20 штук бегало в некоторых домах. Очень тесно жили, но весело. Праздники, вспоминает А. Н. Матвеева, справляли так, что душа радовалась. Разливались по

улице песни, деревенские плясали под весёлую музыку, молодёжь качалась на качелях, сооружённых специально к празднику.

Было у молодых парней и мужиков своё развлечение – бегать «вбегунца». Делали это так: брали под уздцы лошадь и пускали её галопом, а сами бегом, следом за ней. Заряд бодрости бегуны получали на неделю вперёд.

Секрет хорошего отдыха – в хорошем труде. А трудились гурковцы много, трудолюбивые были люди. В протоколе заседаний Совета депутатов от 10 июля 1958 г. есть такая запись: «На 2-й ферме люди работают хорошо». Казалось бы, ничего примечательного, но диву даешься, что стоит за этой весьма сдержанной похвалой. Летом люди буквально жили в поле, чтобы при нехватке сельскохозяйственной техники успеть выполнить весь огромный фронт работы. Трудились все – от мала до велика, к тяжёлому крестьянскому труду дети были приучены с ранних лет. Во время покоса в деревне оставались только самые младшие и совсем пожилые.

А. Н. Матвеева вспоминает, что был у них в деревне работник по имени Лазарь, передовик труда, который вручную сметывал сено в стога по 150 центнеров в день, а потом ещё косил траву для своей скотины. Если он видел, что кто-то догонял его, то начинал «рвать и метать», лишь бы оторваться от преследователя.

Работы было огромное количество не только в поле. За деревней было три скотопункта, при них в саманных домиках жили доярки и телятницы. Чистота в телятниках была удивительная, а в родильном отделении – близкая к стерильной. Пол скребли дочиста, а потом ещё и мыли, стены белили регулярно. Работа со скотом – это тяжелый каждодневный труд, с которым отлично справлялись на второй ферме.

От жизни ждали улучшения. Оно действительно приходило. К 1957 году отмечалось, что было построено за последние годы около ста жилых домов. Линия электропередачи появилась в 1962–63 гг.

Государство много спрашивало с населения, но и дало немало: две школы – четырех- и восьмилетка, медпункт, магазин, клуб. Массовое образование, ликвидация неграмотности – главная заслуга советской власти, главный её дар народу. В начальной школе было две учительницы – Надежда Петровна Журавлёва и Таисия Степановна Гавенко. Учились вместе разновозрастные учащиеся, все четыре класса в одном помещении, а учительницы за урок каждая успевали дать материал сразу двум классам.

Жители деревни Гурково. 1980 г.

То, что школа является для деревни чуть ли не главным системообразующим учреждением, руководители от низшего до высшего уровня поняли давно. Поэтому в 1967 году, чтобы удержать молодёжь в Гурково, директор Тартасского совхоза С. А. Гудайкис построил школу-восьмилетку.

Построена она была в центре деревни. Директором новой школы стал Иван Дмитриевич Першин. Ирина Ивановна Краваль отозвалась о нём, как об «учителе от Бога». В школу эту съезжались дети из нескольких сёл и жили в интернате. Но в 1977 году С. А. Гудайкис обмолвился на собрании в местном клубе: «Ферма неперспективная». Молодых специалистов с семьями, «костяк» деревни, переселили в д. Заречье, после этого жизненные силы деревни были подорваны. Школу вскоре пришлось закрыть. Разъехались и остальные жители. В 1980 году там оставалось всего 13 семей, в 1983-м – и того меньше. Через два года деревня Гурково окончательно опустела.

…Морозный ноябрьский день клонился к закату. Белая «Волга», прорываясь через небольшие снежные заносы, удалялась от бывшей деревни

Гурково. Уж не бескрайние ли просторы вокруг, не это ли изобилие леса и земли породило в нас расточительность, которая не раз уже била по нам же? Вот ведь очередной урок перед глазами: как легко можно разрушить не что-нибудь там, а целую деревню.

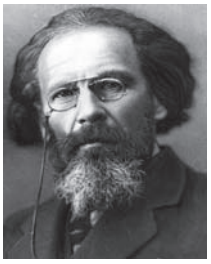
Мир вокруг нас хрупок, разрушить его легко, а сберечь – трудно.

Константин Лобанов

Новосибирск

Наукоград: как всё начиналось

Говоря о зарождении научного потенциала Новосибирска, не лишним будет вспомнить и дореволюционную обсерваторию реального училища им. Дома Романовых, и научное общество врачей, функционировавшее в городе с 1920 года, и деятельность «Общества изучения Сибири и её производительных сил» во второй половине 1920-х.



Вегман Вениамин Давидович

Нельзя пройти и мимо личности Вениамина Давыдовича Вегмана, внесшего уникальный вклад в широкий спектр научной работы в Сибири – он руководил вышеозначенным обществом, был редактором Сибирской советской энциклопедии, по крохам собирал брошенные документы и стал основателем Сибирского архива. В центре Новосибирска была даже улица Вегмана, переименованная после его ареста и смерти.

В 1920-х годах силами местных учёных: М. А. Кравкова, П. И. Кутафьева, П. П. Хороших, – несколько раз проводились археологические раскопки на месте предполагаемого «Чёртова городища» в Закаменском (Октябрьском) районе Новосибирска.

Обсерватория в реальном училище им. Дома Романовых

В 1926 году в городе состоялся I краевой научно-исследовательский съезд. Тогда же стали осуществляться регулярные экспедиционные выезды в регион учреждений Академии наук СССР. Один из руководителей Академии, известный ученый-геолог И. М. Губкин писал: «Чтобы охарактеризовать значение Сибири в плане Академии наук по изучению производительных сил страны, я укажу следующее: в прошлом году (1929 – К. Г.) на эти работы не было никаких ассигнований, а в этом году из 2 800 тыс. руб., ассигнованных на экспедиционные работы, 2 млн руб. уделяются Сибири».

В октябре 1929 года Сибирский крайисполком обращается к АН СССР с предложением организовать для изучения региона специальную комиссию, и через 1,5 года при президиуме Академии создаётся Урало-Кузнецкая комиссия, а в 1932-м в Новосибирске проводится специальная выездная сессия АН СССР во главе с её президентом В. Л. Комаровым. Она была посвящена вопросам развития Урало-Кузбасса.

Подготовка организации сессии была возложена на учёный комитет при Запсибкрайисполкоме с установкой необходимости активного участия в ней «передовых рабочих-ударников, рационализаторов, изобретателей, инженерно-технических работников крупнейших предприятий и строек края, бригад от заводов, шахт, колхозов».

На сессию приехали 70 человек – такие видные учёные, как Г. М. Кржижановский, С. И. Вавилов, А. Н. Самойлович, Н. Н. Семенов, А. А. Байков и др. Было прочитано более 30 докладов. Выступили и ведущие учёные Сибири: профессора М. А. Усов, В. А. Хахлов, М. К. Коровин, Н. Н. Горностаев, В. В. Ревердатто, К. П. Горшенин.

Следом проходит I краевой энергетический съезд, на котором в том числе были подняты вопросы развития гидроэнергетики, ветросиловой энергии, поисково-разведочных работ в области нефти, а также актуальность создания в Сибири стационарных учреждений АН СССР.

В интервью газете «Советская Сибирь» Президент АН СССР академик А. П. Карпинский сказал: «База Академии наук в Новосибирске будет служить тем центром, куда будут стекаться все запросы по местным делам научных исследований и практического характера и вокруг которого сосредоточатся культурные силы Западной Сибири».

Пока же, в 1930-х, в регионе функционировала широкая сеть производственных «шарашек», в которых работали различные, высланные в Сибирь учёные, в частности, выдающийся горный инженер Н. А. Чинакал, один из пионеров отечественной космонавтики Ю. В. Кондратюк (Шаргей). В 1929 году в Новосибирске он издал книгу «Завоевание межпланетных пространств», где описал этапы освоения космического пространства, предложил решения ряда гравитационных, энергетических проблем, принципы траектории движения космических аппаратов, полностью подтверждённые и реализованные в дальнейшем. Позднее Кондратюк создал и воплотил оригинальный проект самого большого в мире деревянного элеватора «Мастодонт», а уже находясь в «спецбюро № 14», запатентовал два изобретения в области горношахтного оборудования, работал над небывалой по мощности Крымской ветряной электростанцией.

В 1939 году местные власти, основываясь на наличии региональной материальной и кадровой базы, вновь обращаются в Совнарком СССР с просьбой о создании в Новосибирске филиала Академии. Но Москва вновь не пошла на «распыление» научного потенциала.

Новосибирск хорошо прирастал и медицинской наукой. В 1931 году из Томска в Новосибирск переводится Государственный институт усовершенствования врачей. К тому времени вводятся в эксплуатацию первые корпуса окружной больницы, ставшие его материальной и учебной базой. Через четыре года здесь образуется Новосибирский медицинский институт с блестящим профессорско-преподавательским составом: профессора В. М. Мыш, П. В. Бутягин, А. И. Бейгель, И. И. Розенблюм, А. А. Боголепов, Г. Д. Залесский и др.

Мыш Владимир Михайлович

Новосибирск становится крупнейшим центром подготовки медицинских кадров. Это был серьёзный качественный научный шаг, правильность и важность которого очень явно проявились в годы Великой Отечественной войны. Уже в первые месяцы войны в Новосибирске было создано 26 госпиталей. Их главным консультантом стал Владимир Мыш. Его хирургическая школа давала весомые результаты. Весть о том, что в Новосибирске «ставят на ноги», облетела все фронты. Уровень лечения и реабилитации раненых в городе был очень высоким – 218611 раненых солдат и офицеров (84 %) из новосибирских госпиталей вернулись в строй.

В июле 1941-го в городе был создан «научный совет по мобилизации ресурсов области для обороны страны», в который вошли Н. А. Чинакал, В. М. Мыш и др. Осенью того же года начал работу филиал Центрального аэрогидродинамического института под руководством академика С. А. Чаплыгина (ныне СибНИА), в котором собрали единственную на то время в стране аэродинамическую трубу. Сергей Алексеевич успел поставить дело на новом месте, но сам, к сожалению, осенью 1942-го умер от кровоизлияния в мозг и был похоронен на территории института.

Новосибирск стал «авиаградом». Здесь расположились эвакуированные ОКБ конструктора бомбардировщиков Н. Н. Поликарпова, конструктора истребителей А С. Яковлева, работали академики А. А. Скочинский, Г. П. Передерий. В январе 1942-го были созданы Новосибирский и Томский городские комитеты учёных. В 1943 году в Новосибирске работали 25 научно-исследовательских учреждений, в которых трудились 83 профессора и 400 доцентов.

Филиал Академии наук на Фрунзе, 11

Оборонное значение города выросло настолько, что он привлёк серьёзное внимание немецкой разведки. Летом 1943-го руководитель области М. В. Кулагин отправляет в ЦК ходатайство «о необходимости отнесения города Новосибирска в разряд городов республиканского подчинения». Он пишет: «Новосибирск… превратился в один из крупнейших индустриальных центров республики». И 3 ноября 1943 года Новосибирск был отнесён к числу режимных местностей I категории и категории городов республиканского подчинения.

21 октября 1943-го Правительством страны принимается решение об организации в городе Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР: «1. Разрешить Президиуму АН СССР организовать в 1943 году в Новосибирске Западно-Сибирский филиал АН СССР в составе: а) Горно-геологического института; б) Химико-металлургического института; в) Транспортно-энергетического института; г) Медико-биологического института. 2. Обязать Новосибирский облисполком предоставить Западно-Сибирскому филиалу АН СССР производственные и жилые помещения».

Областной комитет отвёл для филиала Академии большой отдельный квартал в центре города, выделил два здания, уже освободившихся от эвакогоспиталей, по улицам Фрунзе и Мичурина, с их капитальной реконструкцией, выполненной архитекторами А. Д. Крячковым и Н. Г. Васильевым.

Первая группа научных сотрудников состояла всего из 28 человек. Председателем Президиума филиала избран академик А. А. Скочинский. В него вошли профессор К. Н. Шмаргунов, доцент А. Т. Логвиненко, доктора наук И. Н. Бутаков, В. В. Ревердатто, Ю. В. Грдин, Н. А. Чинакал.

В победном мае 1945 года состоялась первая отчетная научная сессия Западно-Сибирского филиала.

Следующий большой шаг академической науки пришёл в Новосибирск в мае 1957 года, когда Совет министров СССР принял постановление – «Организовать Сибирское отделение Академии наук СССР и построить для него научный городок близ города Новосибирска, помещения для научных учреждений и благоустроенные жилые дома для сотрудников».

Началась новая эра наукограда Новосибирск.

Константин Голодяев

Чулымский район

Судьба городского сада

«Старый сад на Советской», «Сад на Садовой», «Советский сад» – у этой заброшенной территории много названий, много тайн и историй…

На территории старого городского сада в южной части Чулыма мы впервые оказались 8 октября 2021 года. Площадь его составляет 78 750 кв. м. Территория не огорожена, местами сохранились фрагменты полусгнившего деревянного забора. По северной границе сада растут тополя и один раскидистый вяз, по западной – вековые ивы в три обхвата, по южной – яблони, клёны. Территория сада заросла непроходимыми зарослями кустарников и деревьев, среди которых просматриваются меридианальные и широтные аллеи акации, клёна, калины, яблони сибирской (ранетки), сирени, черёмухи, шиповника. В центре сада широтная линия тополей, скорее всего, какая-то граница.

В зарослях акации мы нашли чудо необыкновенное – кустарник с широкими листовыми пластинками и красны-

ми звёздочками раскрывшейся коробочки с жёлтыми слезинками семян в центре. В поисковике определили – бересклет обыкновенный, произрастает в странах Западной Европы! Повсюду лежат стволы упавших и гниющих деревьев. К югу от границы сада расположено болото. Вся территория захламлена.

Старый городской сад… У нас сразу возникла масса вопросов: когда был заложен сад? Кто его заложил? Для каких целей? Какую роль он играл в жизни чулымцев? Что образовалось раньше – сад или улица Садовая? Никто из знакомых точного ответа нам не дал. И тогда мы стали искать информацию у старожилов города и жителей микрорайона, в отделе архивной службы Чулымского района.

В сороковых – семидесятых годах прошлого столетия озеленению города придавалось большое государственное значение. На заседаниях Исполкома Чулымского районного совета депутатов трудящихся (до 1947 года Чулым был посёлком), Исполкома городского совета депутатов трудящихся (18 августа 1947 года Чулым получил статус города), комитета по благоустройству, общих собраниях жителей улиц, сессиях депутатов горсовета рассматривались вопросы о благоустройстве, о ходе проведения работ по озеленению улиц города, о проведении Недели сада, выносились конкретные, а порой и жёсткие решения: «Весной посадить деревья: тополя, берёзы, осины и др., не менее шести против каждого дома, сделать палисадники»; «озеленить усадебный участок, сделать палисадник»; «начальнику ж/д больницы тов. Лященко дополнительно посадить плодово-ягодные, декоративные кустарники и деревья, не менее 1500 корней; обязать председателей уличных комитетов, силами граждан улиц, произвести посадку 10 корней на занимаемых ими приусадебных участках; 10 октября объявить всеобщий воскресник в целях озеленения имеющих площадей и стадиона города». Так же подводились итоги: «Посажено саженцев на улицах города: пять тысяч американского клёна, 4,5 тысячи фруктовых деревьев» – 1948 год.

В те годы была озеленена улица Чулымская, осушено болото и создан сад в центральной части города – между улицами Молотова (переименована в 1957 году в ул. Московская) и Кооперативной. Каждое предприятие или учреждение (кирпичный завод, школы № 4, 40, 7) обязаны были высадить на своей территории деревья. Большой сквер, в котором стоял памятник Сталину в полный рост, украшал территорию школы № 1. Высаживали тополя, клёны, яблоню сибирскую, реже сосну, ель. В 70–80-е годы город был неповторимо зелёным.

Но пришла предательская «перестройка», которую лукаво называют «лихие 90-е»… Нарушение дренажной системы, которая создавалась с 1911 по 1984 годы, отсутствие стока, поднятие уровня засолённых грунтовых вод привели к тому, что городские сады на улицах Садовая – Советская – Калинина и между улицами Московская – Кооперативная «вымокли». А старожилы нам рассказали, что в городском саду на Садовой росли фруктовые деревья и кустарники, плоды которых они в детстве, тайком от сторожа, воровали…

Садовник Брумм Яков Петрович с сестрой Марией и сыном Ваней, 1952 год

Взяв интервью у старожилов, мы получили противоречивые сведения о времени образования улицы, сада и о человеке, который этот сад заложил. Называли фамилии Овсянников, Брумм, а Тамара Терентьевна Сиротенко, 1933 г. р., рассказала: *«Сад был посажен ещё в довоенное время. Его основателем был… Кирюнин. Он являлся как владельцем этого сада, так и сторожем и садоводом. В саду были посажены культурные растения: яблони, ранетки, вишня, черёмуха. Постоянно собирались вечорки. Люди играли на гармошке, пели песни и плясали. Я со своей подругой Верой Кирюниной ещё в 1943 году ходила в этот сад, и дедушка Веры угощал нас яблоками и ранетками».*

Изучив архивные документы, мы не смогли определить точного времени за-

кладки сада, не узнали, что появилось раньше – сад или улица Садовая…

Первое упоминание о саде мы нашли в протоколе заседания Исполкома Чулымского районного совета депутатов трудящихся от 10.05.1940: «10 мая 1940 года Исполком отмечает, что посадка яблонь-дичков 3000 корней, земляники 2000 корней, перекопка малины между рядьев на площади 0,10 га из-за отсутствия средств в Чулымском плодоягодном питомнике до сих пор не начата, разнаряженная РайЗО малина в количестве 7000 корней колхозами не выбирается.

Исполком решил:

1. Обязать зав. Чулымским плодоягодным питомником тов. Кирюнина с 10 мая с/г приступить к посадке яблонь, земляники и перекопке малины между рядьев. <…>

3. Поручить зав. РайЗО тов. Городецкому довести до сведения руководства ОблЗО вопрос о полном отсутствии руководства и аккуратного финансирования Чулымского плодоягодного питомника».

Итак, мы узнали, что в южной части посёлка был расположен плодоягодный питомник, заведовал которым тов. Кирюнин. Мы поняли, что линия тополей – это граница между фруктовым садом и районным плодово-ягодным питомником, который обслуживал колхозы Чулымского района.

Из воспоминаний В. Я. Быхкаловой, 1930 г. р.: «Помню, что в 1936 году мы переехали в Чулым из Орловки, вырыли землянку на улице Калинина. Тогда сад уже был у нас за огородами. Яблоки в нём росли, я первый раз такие большие видела. На территории сада был домик смотрящего. Как сейчас его помню – маленький, седой, с белой бородой, в картузе. Он ходил с одноствольным ружьем, которое было заряжено солью. Я помню случай, когда мы подростками лазили в сад, и одному из ребят охранник выстрелил солью в бедро…»

Опираясь на эти воспоминания, мы предположили, что для того, чтобы яблоня начала плодоносить, должно пройти 5–6 лет, значит, заложен сад был не позднее 1930–1931 года. Скорее всего, на южной окраине поселка заложили сад и в его направлении от улицы Элеваторной стала застраиваться улица с вектором на сад.

А сад кормил чулымцев фруктами… Из воспоминаний В. Я. Быхкаловой: «Я помню, что в этом саду росли ранетки, полукультурки, стелющиеся яблони с крупными яблоками. Нанимались женщины, которые собирали яблоки и ранетки, а потом их вывозили в коробах, наверное, для продажи».

В декабре 1941 года, в отчете о работе Райисполкома по отраслям н/х за 1941 год прозвучала публичная похвала садоводу, из которой мы узнали имя: «Садовод-мичуринец Василий Кирюнин вырастил сад на солонцах посёлка Чулым на площади 2 га, в котором имеется 9 различных сортов мичуринских яблонь. В 1941 году собрал 500 кг яблок с 250 деревьев и 35 кг малины для отправки на фронт…»

Сад и питомник находились в ведении Райпищекомбината, финансовой поддержки, помощи садоводу не было, его действия постоянно подвергались критике на заседаниях районного исполнительного комитета депутатов, на страницах газеты «За коммунизм».

В газете № 30 от 12.08.1942 автор И. Дамберг пишет о проблемах сада: «Сад этот площадью в два гектара находится в запущенном состоянии. В нём имеется много молодых яблонь, кустовой и стелющейся формы, которые обещают хороший урожай в текущем году. Но площадь между деревьями используется в качестве сенокоса. Малинник зарос пыреем и другими сорняками. Срочно нужна подпора для ветвей, отягощённых яблоками. В таком же состоянии находится и питомник. Ограда с одной стороны разрушена, и тов. Кирюнин ежедневно должен отгонять поселковый скот, который пытается прорваться на площадь сада. Не раз приходилось тов. Кирюнину выгонять из сада местных жителей. Всё это мешает правильному развитию садовых деревьев и ягод.

Руководители Райпромкомбината утешаются тем, что в мирное время состояние сада было не лучше, а сейчас и подавно не до него».

15 марта 1948 года состоялось заседание Горисполкома, на котором был

заслушан доклад садовода тов. Кирюнина о состоянии фруктового сада и принят ряд решений: «Сад находится в крайне неудовлетворительном состоянии, а именно: почва, где расположен фруктовый сад, не пригодна к дальнейшему развитию фруктовых деревьев, сбор фруктов в 1947 году убыточный, далеко не выполнен план, сад не огорожен. Сторожа нет. Контроль за работой садовода тов. Кирюнина отсутствует со стороны руководства Пищекомбината.

Исполнительный комитет решил:

1) Поручить руководству пищекомбината осуществить контроль понастоящему за работой фруктового сада и добить к 1948 году работы сада с прибылью.

2) Поручить тов. Артамоновой оградить, произвести очистку, внести удобрение в почву фруктового сада к 1 мая 1948 г., для чего выделить определенное количество рабочей силы.

3) Обязать председателей уличных комитетов улиц: Калинина, Пушкина, Трудовая, Садовая, Максима Горького оказывать ежедневно практическую помощь садоводу тов. Кирюнину по охране фруктового сада».

Решением исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 10.11.1948 городской сад был передан в ведение городского коммунального хозяйства. Садовником оставлен тов. Кирюнин.

На общем собрании жителей улицы Советская 14 марта 1948 года было решено огородить сад своими силами, по всему периметру был сплетён ивовый плетень. В 60-х годах Ремстройучасток горкомхоза поставил деревянный забор, фрагменты которого сохранились в восточной части сада. Проверяющих и ответственных за сад горкомхоз назначал много, а вот помощи не было. Устав бороться с поселковым скотом, с местными жителями, 2 июля 1950 года В. Г. Кирюнин уволился с работы садовода. Так из приказа об увольнении мы узнали инициалы человека, который жизнь и здоровье отдал любимому делу.

С 5 июля 1950 года по 14 ноября 1951 года В. Г. Кирюнина заменил Антон Фомич Гузеев. После его увольнения садовником с декабря 1951 года работал вернувшийся из трудармии Яков Петрович Брумм. По словам младшего сына Ивана, 1950 г. р., «отец – немец Поволжья, сохранил в себе любовь к садоводству, ведь все люди, жившие там, очень любят заниматься садом, благоустройством и озеленением; почти пять лет его жизнь была связана с городским садом, мы и жили на улице Садовая».

Яков Петрович передавал свои знания не только старшему сыну, но и всем, кто этим вопросом интересовался. «Мой брат Борис, 1941 г. р., кандидат физико-математических наук ИЯФ СО РАН Новосибирского Академгородка, человеком был увлекающимся. Он сохранил в себе увлеченность мичуринством и садоводством на всю жизнь, считая своим первым учителем садовода из чулымского сада, который научил его секретам прививок плодовых деревьев в самом начале 60-х…» – вспоминает Г. И. Карфидова.

В 50–60-е годы для сбора урожая нанимали женщин, укладывавших фрукты и ягоды в короба, которые сдавали в буфет и киоски ОРСа, на рынок и в магазины для продажи чулымцам. И в голодные, послевоенные годы сад кормил наших земляков.

После смерти Я. П. Брумма садом занималась его жена, Брумм Елизавета Ивановна. Ей помогал сын, ученик 10-го класса школы № 40 Владимир, который по достижении 18-летия официально был принят 21 июня 1956 года на должность садовода с окладом согласно штатному расписанию.

Последний садовник Брумм В.Я. с семьей. 1971 г.

В 1962 году окончивший заочное обучение в Новосибирском сельскохозяйственном институте Владимир Яковлевич Брумм был переведён в районное сельхозуправление, впоследствии назначен главным пчеловодом района.

В начале семидесятых сад потерял значение фруктового, мичуринские сорта яблок переродились в дичку, но он ещё долго радовал жителей окрестных улиц крупными ранетками, вишней, калиной, черёмухой и сиренью. До начала 90-х сад был любимым местом отдыха молодёжи, в нём была танцплощадка, под кронами деревьев праздновались свадьбы, отмечались дни кооперации, железнодорожника, в саду проводились учебные экскурсии по биологии, географии, уроки физической культуры учеников школы № 40, сдача норм ГТО. Сегодня – это заброшенная, захламлённая территория города…

Мы считаем, что сад необходимо возродить, он нужен нам, молодёжи микрорайона, он нужен городу, в котором нет садово-парковой зоны, он нужен старожилам, как память об их тревожной, но такой интересной молодости: «В моём детстве около сада со стороны улицы Советская была вытоптана поляна, днём, в свободное от домашней работы время здесь собирались дети, играли в чехарду, прятки, догонялки, убить-бежать, третий лишний, вышибалы, лапту. Вечером собиралась молодёжь, мой брат Иван приходил в сад с гармошкой, мы плясали под неё, а потом брат оставался с девчонками, а я тащила гармошку домой», – вспоминает В. Я. Быхкалова.

Субботник

В октябре 2021 года мы организовали субботники по очистке территории старого сада, за два дня было вывезено 6 машин бытового мусора. А потом в южной части сада мы заложили две аллеи, высадив в три ряда 174 саженца сосны сибирской.

Саду быть – решили мы…

Переселенцы с Украины, Поволжья и Центральной России были великими тружениками и мечтателями… В 1937 году был заложен фруктовый сад в селе Ужаниха, в 1941 году в селе Иткуль, переселенцы-украинцы принесли в Сибирь культуру садоводства, разбив сад на 13 гектарах Иткульской гривы. У этих садов такая же печальная судьба, но всё в руках трудолюбивых и неравнодушных людей.

Садовская Анна,
Никитина Дарья

Северный район

История колхоза в лицах...

За 1906–1914 годы в таёжную Сибирь переселились свыше трёх миллионов крестьян, из них кто-то нашёл здесь свою судьбу, став хозяином, кто-то нанимался в батраки. По-разному складывалась судьба людей.

Заселение северных районов Новосибирской области началось в конце 19-го века. С большим трудом добирались в глухие и болотистые места малоземельные и безземельные крестьяне из Могилёвской губернии Белоруссии, Смоленской и Калужской губерний, бедняки с берегов Дона. Трудной была борьба с незнакомой и суровой природой Сибири. Но победил человек. Отступила могучая сибирская тайга, потеснились болотистые топи, ушли дальше дикие звери. Хозяином стал человек. Он построил на берегах рек свои жилища, протянулись прямые улицы деревень в тайгу. Но каждый метр земли, пашни приходилось отвоёвывать у вековых деревьев. Здесь в Сибири свободной земли было много. Переселенцы селились в основном по берегам рек. Один из братьев Назаровых оста-

новился на берегу реки Тартас. Это было в конце 19-го века, когда в наши края приехали три брата Назаровых. Вот от них-то и пошла земля Гражданцевская. В 1892 году уже к первым появившимся поселениям на берегу реки Тартас начали примыкать родные и знакомые семьи Назаровых. Первый брат назвал своё село Нижне-Назарово, потом наше село называлось Ударник, затем стало называться Гражданцево.

Тяжело было переселенцам в первые годы: строили жильё и обустраивали быт, корчевали лес и распахивали целину. Тучи гнуса и неласковое короткое сибирское лето способствовали тому, чтобы люди разочаровывались в свободе сибирской земли. Однако, жить нужно было…

Начало 1930 года ознаменовалось бурным ростом колхозного движения в стране. Коллективизация в нашем крае проходила естественным путем, главным образом на основе принципа добровольности. Пока ещё учитывалась степень готовности крестьянства трудиться сообща, и темп коллективизации планировался невысокий. Шла в колхозы, главным образом, беднота; зажиточные крестьяне пока присматривались, не торопились.

В марте 1931 года в Северный район приехал рабочий-двадцатипятитысячник из города Новосибирска. Вместе с жителем села Лосевым Кузьмой Ивановичем начал вести разъяснительную работу среди сельчан. Пошли по дворам жителей села, чтобы поговорить с народом, предложить земледельцам вступить в колхоз. Трудности были немалые. Агитируя вступить в коллективное хозяйство, активисты в то же время выявляли, кто сколько может дать семян для весеннего сева, у кого какой есть инвентарь. Вспоминал Н. С. Лопухов: «Первыми вступили в комсомол Михаил Лосев, Мартемьян Сомов, Фёдор Пуговкин и я. Мы, комсомольцы, вступили и в колхоз первыми. Я привёл жеребёнка-трёхлетка. Моему примеру последовали и другие. Это были бедняки. Кто в колхоз корову привёл, кто лошадёнку. Набралось нас десятка полтора. Кулаки и зажиточные смотрели на нас косо». В колхоз сдавали лошадей, коров, инвентарь. Машин не было, были вилы, молотилки. Пахали на лошадях и быках, их в колхозе тоже было мало. Тяжелое наступило время: нужен корм для скота, семена, которые доставали из других мест.

Добровольно сразу вступили в колхоз 14 семей, это хозяйства: Шурмелёва Матвея Петровича, Приёмникова Сильверста Петровича, Митяева Афанасия Григорьевича, Митяева Романа Афанасьевича, Назарова Емельяна Васильевича, Гришманова Ивана, Алешкина Романа, Курбатова Ивана Ивановича, Юркина Егора Яковлевича, Лосева Михаила Ивановича, Томашенко Михаила Климовича, Дрючина Кузьмы Ивановича, – но были и сомневающиеся.

Осенняя уборка хлеба

Поставили первого председателя вновь созданного предприятия, им оказался Лосев Кузьма Иванович. Выбрали название для своего колхоза: он стал называться «6-й съезд Советов». Это было в октябре – ноябре 1931 года.

В декабре 1931 года все жители села вступили в колхоз. Через полмесяца все, кто вступил в декабре 1931 года, вышли из колхоза. А те 14 семей так и остались в нём.

В апреле 1932 года Кузьму Ивановича Лосева избрали вторым секретарём райкома партии. Земляки села Гражданцева стали возмущаться. Жительница села Гражданцева, в разговоре её кликали Приёмничиха, на собрании села сказала: «Пустите Кузьку Лосева председателем – пойдём все в колхоз». Райком разрешил вернуться К. И. Ло-

севу в Гражданцево. И в мае 1932 года он приехал в село председателем, снова организовывал всех войти в колхоз. Все жители села к 1933 году вошли в колхоз. Было три бригады и КТФ (конно-товарная ферма). Бригадиром первой бригады был Назаров Никита Иванович, 2-й – Лосев Михаил Иванович, 3-й – Терентьев Иван. Работать было очень тяжело. Потом К. И. Лосева снова забрали в Райисполком.

В 1933 году Михаила Ивановича Лосева избирают членом правления после отъезда брата в райком партии. В 1933 году его избирают председателем колхоза. Всего год он отработал на этой должности, продолжая дело своего родного брата. В 1934 году председателем избирают Ивана Александровича Курбатова. Так же не хватало семян, тягла почти не было, работали чаще на коровах. Всё делали вручную. Но не сдавались трудностям.

Ручной труд

Район был в курсе, что первый колхоз образовался в Гражданцево. В этом колхозе района было 40 лошадей, 2 доярки, 14 плугов, молотилок не было, были косилки с приводом. Урожайность была хорошая. В 1935 году организовали МТС (машинно-тракторную станцию) в селе Верх-Красноярка Северного района. В 1935 году в колхозе появилось два колёсных трактора. Первым трактористом колхоза был К. Л. Забоев, он проработал на тракторе до начала Великой Отечественной войны. Сеяли разные культуры: пшеницу, рожь, ячмень, гречку, лён, колбу, картошку. Совсем немного времени наши односельчане были заняты строительством мирной жизни. Перед войной наш колхоз был уже крепким. Колхозники хорошо зажили. Да война помешала.

Снова настал роковой час для нашей Родины и для наших односельчан. Небывалые трудности выпали на долю колхозников в годы Великой Отечественной войны. Люди сообща выстояли в трудную годину, сохранили коллективное хозяйство. Тяжело было обрабатывать землю. Пахали, возили зерно на крестьянских коровах. Тракторов не хватало. Урожайность зерновых была низкой. «Всё для фронта, всё для победы!» Этот призыв Родины поднимал дух, придавал новые силы.

На тракторах работала бригада женщин: Усова Татьяна Егоровна, Тестова Мария Тимофеевна, Алешкина Елизавета Андреевна, Вишнякова Анна Егоровна, Вишнякова Ульяна Артёмовна, Дрючина Полина Александровна, Забоева Татьяна Лукинична, Кравченко Галина Корнеевна, Шурмелёва Елена Матвеевна.

Заменив ушедших на войну мужчин, женщины сели за рычаги тракторов. Работали эти женщины на колёсных тракторах. Эти машины были тяжёлыми в управлении. М. Т. Тестова имела трудовой стаж механизатора с 12 лет. Весной работала на тракторе, осенью садилась за руль комбайна. Трудовые и умелые руки везде были нужны. За свой труд она имеет правительственные награды.

Первые комбайны в наше село пришли в 1937 году. Они были прицепными. Ф. Ф. Дорощин и Н. И. Назаров первыми сели за эти комбайны. С первых дней войны они ушли защищать Родину, оставив комбайны женщинам. С войны они не вернулись, погибли, защищая мир на нашей земле.

Через год или два появились гусеничные тракторы и молотилки. Председателями работали совсем немного времени: Томашенко М. К., Поляков Моисей, Антоненко Пётр Григорьевич, Обросимов Иван Петрович, Деревянкин из Омска, Приёмников Григорий Григорьевич, Бухтияров Алексей Алексеевич, его сменил Шурмелёв Иван Матвеевич. Все они старались работать так, чтобы колхозники дожили до Победы, чтобы сохранить то, что было до войны.

9 мая 1945 года Великая Отечественная война закончилась полной победой над немецкими фашистами. Мирная жизнь входила в свою колею. «Тяжёлое это было время, – вспоминает Т. Е. Усова, – работать приходилось много. Почти весь труд ложился на плечи женщин, потому что ещё не все мужчины пришли с фронта».

Как вспоминает о тех первых послевоенных годах М. Т. Тестова: «После войны на работу словно второе дыхание открылось. Здорово мы (женщины) трудились с хлопцами в колхозе в войну. Вот и войне конец. Она отдалилась, жизнь налаживалась, деревня на ноги стала подниматься, из нужды по-настоящему вылезать».

Первого декабря 1945 года был назначен председателем колхоза «6-й съезд Советов» Афанасий Иванович Агрызков, который проработал до 1955 года. Он многое сделал для хозяйства, при его председательстве началось строительство коровников, телятников, свинарников. Колхоз первым в районе перешёл на денежную оплату труда, были построены ремонтные мастерские, несколько жилых домов. Под его чутким взглядом и планами на хорошую жизнь в 1950 году к колхозу «6-й съезд Советов» присоединилась деревня Курчавая. В 1952 году колхоз укрупнили за счёт присоединения сёл Северное и Кобатово. Теперь большой колхоз назвали «Заря коммунизма». В селе построили первую электростанцию, появилось электричество в сёлах колхоза. В 1954 году колхоз «Заря коммунизма» стал миллионером, получив доход от продажи зерна в миллион рублей. Председатель А. И. Агрызков доволен был достижениями колхоза, радовался вместе с колхозниками. Появилась возможность радиофицировать колхоз. Купили свой радиоузел. В этом же 1954 году колхоз купил первую в районе легковую машину «Победа» и грузовик. Первым шофёром в колхозе был К. У. Васильев. Первая машина была куплена двумя колхозами: «6-й съезд Советов» и «Ударник». У нас она работала мало, её передали в село Ударник. Топливом для первых машин служили дрова. Размер дров был 5 сантиметров.

Всё делалось вручную

Потом А. И. Агрызкова поставили председателем сельского Совета, а на его место пришёл в 1956 году работать председателем колхоза П. К. Блохин. В это время ещё продолжалось объединение сёл в один колхоз. В 1959 году к колхозу «Заря коммунизма» присоединились сёла Малиновка (тогда колхоз имени Калинина), Ударник, Образцы; потом объединили в наш колхоз сёла Витинск, Чебаки, Долгая грива. Колхоз стал называться «имени XXII съезда КПСС». МТС передала технику в распоряжение колхоза. Урожай с полей добывали хороший, животноводство и свиноводство пошло в гору. Строили дома. Люди стали жить и радоваться каждому дню.

Агрызков А.И., достойный председатель колхоза

В 1966 году председателем большого колхоза стал И. Н. Копытин, а П. К. Блохин перешёл работать в село Северное. Бригадиром при И. Н. Копытине работал Ф. А. Пфафенрот. В колхозе стало четыре бригады: Малиновская, Кобатовская, Северная, Гражданцевская. Техники имелось много. Пришла необходимость строить большую мастерскую. Работалось легче, и желание появилось работать ещё лучше.

В 1972 году председателем колхоза стал Александр Петрович Панов, бригадирами – Василий Семёнович Аленников и П. Ф. Фёдоров. Появилась необходимость в гараже – построили. И его стало мало, сделали пристройку для «Кировцев». Одних тракторов «Беларус» было 10 штук, гусеничных – 30

штук. Очень много колхозников работало в бригадах и на технике, и вручную. Инженерами работали Сергей Иванович Голиков, Александр Николаевич Савчиц.

Построили сушилку. Первая сушилка называлась «Кузбасс», она была мощностью небольшой, такая же стояла в Малиновке Северного района. Многие на ней работали. В 1989 году запустили новую сушилку, заведовали ею мужчины: Моисеев Дмитрий Александрович, Лопухов Василий Васильевич, Драган Сергей Викторович и др.

Уважаемые жители села Гражданцева рассказывают с удовольствием, с улыбками на лице, как стояли первые колхозные постройки. «Первые колхозные постройки были в сторону Ударника, т. е. за нынешним кладбищем, – говорит Л. И. Устьянчик. – Вторые колхозные постройки стояли на берегу реки Тартас (за огородами улицы Зелёной). Были коровники, примитивники, свинарники, телятники, кроме этого сделали водокачку, красный уголок и другие постройки. Одних корпусов было девять штук. С годами эти все постройки перенесли за село, где начинается улица Центральная. Коров развели более 1000 штук, ещё телята, нетели, кони существовали».

Природа села Гражданцева. Осень

Люди стали работать с желанием, много народу работало, хотя всё делалось вручную. Заготавливали в большом количестве корма: и сено, и силос, и сенаж, и солому. В корпусах, где работали доярки, скотники, телятницы, было светло и тепло, всегда всё подбеливали, убирали, чистили. Районные комиссии по проверке колхозов приезжали часто. За работу награждали медалями и орденами, значками, подарками. Благодаря упорному труду колхозников, умелому руководству правления колхоза, хозяйство все эти годы достигало значительного роста производства продукции полеводства и животноводства.

Вот они достойные труженики колхоза имени XXII съезда КПСС, которые имели ордена.

Орден Ленина:

1. Фёдорова Мария Максимовна – бывшая доярка колхоза.

Орден Трудового Красного Знамени:

1. Агрызков Афанасий Иванович – бывший председатель колхоза;
2. Багров Иван Сергеевич – бывший тракторист колхоза;
3. Пфафенрот Фридрих Александрович – бывший бригадир, механик;
4. Довгулёва Мария Егоровна – бывшая доярка колхоза;
5. Дрючина Мария Михайловна – бывшая доярка колхоза;
6. Устьянчик Анна Васильевна – бывшая телятница колхоза.

Орден Трудовой Славы:

1. Безгин Виктор Савельевич – орден Трудовой славы III степени, бывший тракторист колхоза;
2. Шаурко Василий Алексеевич – орден Трудовой славы III степени, орден Трудовой славы II степени, бывший тракторист колхоза.

Орден Знак Почета:

1. Кашкадарова Степанида Михайловна – бывшая доярка колхоза.

Книга Почёта колхоза имени XXII съезда КПСС

(Год открытия Книги Почёта – 1968. За долголетний и безупречный труд, высокие производственные показатели, за активное участие в общественной жизни колхоза):

1. Шаурко Василий Алексеевич;
2. Тарасенко Филалей Филалетович;

3. Моджаро Екатерина Романовна;
4. Зубко Анна Яковлевна;
5. Винникова Ольга Давыдовна;
6. Подскрёбышева Екатерина Антоновна;
7. Кошкадарова Степанида Михайловна;
8. Безгин Демьян Васильевич;
9. Суглобов Павел Иванович;
10. Митракова Александра Иосифовна;
11. Васечко Ольга Венидиктовна;
12. Демчихин Владимир Петрович;
13. Агрызков Михаил Афанасьевич;
14. Алексеев Пётр Арсентьевич;
15. Подскрёбышев Фёдор Артемьевич;
16. Сазонов Василий Константинович;
17. Багров Иван Сергеевич;
18. Безгин Виктор Савельевич;
19. Беспалов Владимир Семёнович;
20. Власенко Иван Никитович;
21. Михалевич Семён Климентьевич;
22. Томошенко Татьяна Корнеевна;
23. Слободчикова Екатерина Филалеевна;
24. Тишечко Нина Ивановна;
25. Зубко Анна Яковлевна;
26. Подскрёбышева Екатерина Антоновна;
27. Баталов Александр Степанович;
28. Безгин Яков Васильевич;
29. Юркин Анатолий Иванович;
30. Лопухов Василий Семёнович;
31. Кановалов Павел Алексеевич;
32. Слободчиков Тихон Васильевич;
33. Кыштымова Зинаида Кандратьевна;
34. Зубко Анастасия Михайловна;
35. Шурмелёв Иван Никандрович;
36. Кайгородов Александр Фёдорович;
37. Кейль Виктор Александрович;
38. Безгин Николай Савельевич;
39. Устьянчик Анна Васильевна;
40. Демчихина Мария Андреевна;
41. Фёдорова Мария Максимовна;
42. Багрова Екатерина Ильинична;
43. Кротенок Игнатий Яковлевич;
44. Филиппов Семён Степанович.

В 1978 году председателем колхоза имени XXII съезда КПСС стал Анатолий Александрович Зайцев. Он встал на пост председателя богатого колхоза. Хозяйство – одно из сильных в районе. И в то же время было в числе лидеров по показателям сельхозпроизводства района. Много пашни, сельхозугодий. В колхоз входили четыре полеводческие бригады, молочно-товарные фермы.

Фёдорова М.М., кавалер Ордена Ленина

Наряду с земледелием и животноводством, постоянному развитию которых в хозяйстве придают одинаково важное значение, особое место в работе председателя занимало и строительство. За одиннадцать с половиной лет построено: четыре гаража, животноводческие помещения, два склада, сушилки, пристройка третьей группы детского сада «Колокольчик», Гражданцевская средняя школа, медпункт, а также 3,5 км водопровода. А главное, что в годы его руководства люди стали получать новые дома, которые росли как грибы.

У председателя много забот, и самый тяжёлый день недели – понедельник. Как правило, все личные проблемы у людей начинаются именно с началом недели. И решать Анатолию Александровичу все вопросы приходилось, не откладывая в долгий ящик. Посевная, заготовка сена и кормов, уборка урожая, содержание животных и подготовка к следующему году – вот эти заботы изо дня в день, из года в год лежали на плечах и в голове у председателя. В своей работе всегда держал дисциплину и опирался на добросовестных, трудолюбивых людей. Он мог сказать жёсткое слово в адрес прогульщика. А вот рядовых тружеников и специалистов он ценил и уважал. В 1988 году А. А. Зайцев становится председателем сельского Совета.

И вновь пошла смена одного председателя на другого: в этой роли побывали В. Ф. Агрызков, А. А. Неупокоев, Сергей Егорович Ведерников. Время работы председателя С. Е. Ведерникова пришлось на начало перестройки. Вот что он рассказал о том времени: «В

стране началась странная «ваучеризация», в приказном порядке колхозную землю поделили на паи, прекратилось финансирование, закрылись с/х банки, и колхоз, как и другие хозяйства, оказался на самовыживании, а как можно было выжить?»

В 1999 году пост председателя приняла умная, жизнерадостная, решительная женщина, Дардонова Людмила Петровна. Ей досталось расшатанное колхозное хозяйство, которое поднять и восстановить не получилось, но до 2017 года ещё существовал колхоз имени XXII съезда КПСС или СПК «Гражданцевское».

Дардонова Л.П. – последний председатель колхоза

Людмила Петровна так сказала о состоянии жизни в колхозе, что «и дефицит кадров, и техника старая, и сокращались посевы зерновых, НО предприятие пыталось решить проблемы, чтобы перспективы работы и жизни на селе были более оптимистичны».

У председателя болела голова и о том, чтобы сенаж заложить вовремя и правильно.

Побывает несколько раз за день Людмила Петровна в корпусах или на летних выпасах и очень огорчится, что фермы старые, а строить новые нет финансов, что доярочки и скотники требуют достойные зарплаты, а закупочная стоимость молока низкая. Где взять ресурсы, чтобы всё было так, как желает колхозник? А работать колхозники всегда умели. И Л. П. Дардонова все эти 18 лет старалась для колхоза, для людей.

Это был девятнадцатый председатель. Жизнь и работоспособность колхоза длилась, как и человеческая жизнь – 86 лет, в последние три года его мучила болезнь – нехватка «витаминов» для жизни. На этом история о колхозе заканчивается… НО, я думаю, колхоз и труженики хозяйства оставили чёткий след в истории Новосибирской области.

Наши гражданцевцы – крестьяне, они живут на земле и живут своим трудом, выращивают овощи, разводят скот… Что бы ни случилось, живёт наше село!

Раиса Гришко

Северный район

Заметки о Родине

Рассказ первый. Родные мои

Мой род по отцу – это род Лавровых-Санниковых (бабушка до замужества носила такую фамилию), род коренных жителей Сибири, которых именуют чалдонами.

В детстве окружающие часто говорили мне, что внешностью: лицом, манерой двигаться, говорить, – я здорово напоминаю свою бабушку, мать моего отца, Наталью Тимофеевну. «Шустрая такая же была, говорила так же быстро», – утверждали те, кто знал хорошо бабушку. Оценить сходство с бабушкой, к сожалению, я смогла лишь по портрету: Наталья Тимофеевна ушла из жизни очень рано, едва переступив пятидесятилетний порог. Мне в то время было чуть больше года. Но, по воспоминаниям моих родных, знаю, что была бабушка человеком работящим, светлым. Слова дурного никому не говорила. Вместе с мужем Иваном Константиновичем вырастили пятерых детей.

Дед Иван Константинович, ветеран войны, в отличие от бабушки, прожил долгую жизнь, много трудился. И до конца своих дней стремился быть полезным людям: часто бывал на встречах с молодёжью, рассказывал о своих фронтовых товарищах.

Было у деда Ивана и бабы Натальи пятеро детей, как я уже сказала. Белокурая, длинноволосая красавица тётя Маша с детьми и мужем жила в Новокузнецке, старшая папина сестра тётя Мотя с четырьмя дочерьми – в Куйбышевском районе. Здесь, в Остяцке, находились двое родственников – дядя Илья и тётя Тася, моя крёстная.

Дядя Илья… Определяющими в его характере были две черты: вечная неугомонность и вечная забота о родных и близких. Проработав в сельском производстве более тридцати лет, сначала шофёром, потом бригадиром, Илья Иванович, перенеся в конце семидесятых тяжелую операцию, не оставался в стороне от колхозных дел, участвуя, по мере возможности, в трудовом процессе.

К работе относился с большой ответственностью.

А каким он был добрым и внимательным к людям, я знаю не понаслышке. Помню, как меня, пятилетнюю, больную, с высокой температурой вёз в больницу в соседнее село. Вёз на своей дребезжащей полуторке по наводнению, по большой весенней воде. Вёз и постоянно спрашивал у отца, держащего меня на коленях: «Дышит? Жива?» Отец трогал мой горячий лоб холодными руками, и от этих родных вопросов и прикосновений, казалось, становилось и дышать легче, и жить.

В мои студенческие годы, в пору, когда не было ещё хороших дорог в районе, дядя Илья отвозил меня в соседний район, в Межовку, где раньше был аэропорт.

«Ну, лети, Рая. С Богом, а то опоздаешь на занятия после праздников, будешь плохо учиться», – напутствовал он меня.

Держа в хозяйстве пасеку, Илья Иванович каждое лето считал своим долгом обнести вкусным медовым кушаньем не только родных детей, братьев и сестёр, но и многочисленных племянников, крестников, кумовьёв… Такая широкая, хлебосольная душа у него была!

Горе, пришедшее в дом дяди Ильи и его жены тёти Клавы, чёрной тучей легло на нашу родню. Не верилось: Нет больше Нади, дочери дяди Ильи, добродушной, гостеприимной, молодой, красивой, едва перешагнувшей за 30… Какой-то подонок убил прямо в собственной квартире.

Помню, пришла я в дом дяди Ильи в день похорон, не решаясь заглянуть в комнату, где лежало бездыханное тело двоюродной сестры. Стою в углу, боюсь даже глаза поднять. И вдруг чувствую чью-то руку на плечах. Дядя Илья! «Это ты, Рая? Не бойся. Держись!» И потом в сторону, отцу: «Вот что, братка, делается в больших-то городах».

И в каждом слове – боль, боль… И желание поддержать в трудную минуту более слабого. Слабой, как ни странно, в этой ситуации была я.

Под стать своей добротой мужу и Клавдия Ивановна, жена дяди Ильи. Когда-то давным-давно взяла она в дом младшую сестру, тётю Надю, ставшую инвалидом в голодные военные годы. Тётя Надя, мастерица на все руки, в далекие годы дефицита товаров обшивала всю деревню, не то что многочисленных родственников. А ещё помогала тёте Клаве нянчить пятерых детей. Они так её и звали – «нянька». Дети выросли, живут уже отдельными семьями.

А тётя Клава живет теперь одна в доме. Потому что нет уже дяди Ильи, ушла в лучший мир тётя Надя… Как живет одна в доме, где много комнат, моя тётя и крестная Анастасия Ивановна Коростелева.

В доме тёти Таси всё блистает чистотой: и окна, вымытые особым способом, и посуда в шкафу, и пол, и потолок, и стены. На плите – борщ, а на столе – пышные, неземной вкусноты пироги.

Пожалуй, радуется она лишь тогда, когда навещают её дети и внуки. Потому что скоро уже 9 лет, как ушёл из жизни муж тёти Таси, Николай Васильевич. Но ни единого дня не проходит, чтобы не вспоминала тётя Тася своего мужа. Ведь сорок два года вместе прожито. Не было в совместной жизни моих родственников клятв в вечной любви, дорогих подарков, романтических путешествий куда-нибудь на Канары или в Египет, что так модно сейчас в свете.

Нет, не было ничего такого. Было одно желание – находиться рядом, встречать вместе солнце, радоваться новому дню. И радовались, и трудились вместе. Вырастили пятерых детей. Старшая дочь Галина больше тридцати лет работала директором Остяцкого Дома культуры, Людмила была сельским библиотекарем. Много лет приобщали они сельчан к Красоте и Добру.

О себе тётя Тася рассказывает просто, без всяких словесных изысков: «Училась я в школе хорошо, была грамотной, но учиться мало пришлось. Война. Твой папа Ваня нянчился с Марусенькой (отцу тогда было лет 7–8, тёте Маше несколько месяцев), а я пошла работать с мамой в колхоз. Замуж первый раз вышла рано. Писала письма Терентию в армию. Красивым почерком писала, без ошибок. Сослу-

живцы его думали – я учительница, а я в колхозе работала. Ждала его, родила двух дочек. А не сложилось вместе. Расстались». Вот тогда-то и встретила тётя Тася свою вторую и настоящую любовь – дядю Колю.

Вообще, семейные отношения многих моих родственников можно сформулировать словами с приставкой «со»: содружество, сопонимание, сопереживание, совет, союз. Союз двух родных душ. Недаром существует поговорка «Жить душа в душу». И она существует только в русском языке, где слово «любовь» сопрягается со словом «душа». И только русские могут любить так беззаветно, всей душой: и друг друга, и мать, и Родину…

Рассказ второй. Мои учителя по школе и по жизни

В жизни у меня было много учителей, которых я вспоминаю с благодарностью. Я о многих писала, о многих рассказывала в своих заметках. Сегодня расскажу ещё о двух.

Году в 75, я по окончании Остяцкой восьмилетки, поступила учиться в Биазинскую среднюю. Когда впервые увидела нового классного руководителя, ахнула! Не бывает таких учителей! Я привыкла к важным дамам, с царственной осанкой, с менторским голосом, с вечными поучениями, как жить и что делать (мы все становимся с годами такими). А тут стоит пред нами девочка чуть постарше нас, маленькая, хрупкая, с большими серыми глазами в пушистых ресницах, чернобровая и черноволосая, с нежным лицом. Улыбается, представляясь: «Надежда Лукинична!» Ей бы где-нибудь в театре играть с её внешностью, а она математику нам преподавала, пытаясь разъяснить все сложности-трудности науки.

Скажу сразу: математику я любила меньше, чем литературу. Я по природе своей гуманитарий. А вот классного своего мы обожали. За что можно любить учителя? За знание предмета, за умение вести диалог с учениками, за личное обаяние. Все это было у Надежды Лукиничны Профорук. А ещё мы любили её за то, что не умела сердиться, защищала нас до самозабвения, до слёз на педсоветах, за то, что всегда была рядом: и в походы с нами ходила, и на вечерах школьных танцевала, и пела с нами, и корчи на необъятных колхозных просторах собирала. Быть рядом с учениками – вот главное качество настоящего учителя. Быть искренним с ними. Верить в них.

Рассказ третий. Сибирские Ярославны, или о соседях, литературных традициях и прототипах

Люди. Близкие, родные, односельчане, соседи… Сколько их живёт рядом с нами, сколько судеб с нашей переплетается! Но в каждом селе есть личности, особенно колоритные, яркие, кем-то когда-то увековеченные и оттого особенно заметные.

Бергуль славится тем, что там побывал Павел Бажов, великий сказочник.

В Биазе в 1950-е отбывал ссылку и работал в местной школе белорусский писатель Сергей Граховский. У нас в Остяцке в начале шестидесятых вместе с другими студентами трудился в колхозе будущий писатель Виктор Лихоносов, который впоследствии написал книгу «Чалдонки», теперь известную любому жителю.

Прототипы героев книги Виктора Ивановича и до сих пор живут на моей малой родине. Одна из них – Ольга Ивановна Панова, прообраз знаменитой Оньки. Ольга Ивановна много лет была моей соседкой. Соседи, после родни, в деревне – самые близкие люди. И помогут, если нужно, и совет добрый дадут, и отругают, если что не так.

Ольга Ивановна и подруга её тётя Шура Панькова – из таких. Весёлые, остроязыкие, работящие и открытые, они не раз поддерживали меня морально, делились редкими экземплярами цветов из своей садовой коллекции. Обе высокие, статные, румяные, напоминают они мне русских сказочных красавиц Василис Прекрасных или Ярославну из «Слова о полку Игореве». Недаром имя у Ольги Ивановны такое княжеское – Ольга, что в переводе означает «священная». Недаром увидел в ней Лихоносов героиню своей будущей повести. Противоположно-

стью Ольги Ивановны является другая соседка – тётя Таня Веселова. Имя ей – Нежность и Доброта. Когда-то работала Татьяна Яковлевна в детском саду нянечкой, и ребятишки просто обожали её за заботу и ласку, которыми она их награждала в изобилии.

Нет уже на Земле Дины Никаноровны Лаптевой, тёти Фроси Корецкой, а память всё хранит их образы. Дина Никаноровна была библиотекарем и до безумия любила своё дело. Где могла, там и пропагандировала книгу: и на местном радио, и в школе, и на полевом стане.

А меня, маленькую, в детстве учила пить молоко. Случилось так, что в детстве я совсем не любила есть. А молоко и вовсе ненавидела. Книга интересная и игра были для меня важнее. Мама перепробовала все методы, а ничего не получилось. «Куда же растущему организму без молока? А она на него даже смотреть не хочет», – сокрушалась мама. Тогда за дело взялась тётя Дина. Пришла к нам домой, налила большую кружку себе, а мне – поменьше. Налила и приговаривает: «А, ну-ко, давай наперегонки!» (Никаноровна не была коренной сибирячкой, приехала в Остяцк откуда-то из Центральной России, вот и «окала» не по-местному). Хочешь-не хочешь, а наперегонки не только кружку молока опустошишь, а любое дело сделаешь.

Тётя Фрося Корецкая была по профессии дояркой. Но не простой, самой передовой в колхозе. А по духу своему – мудрецом, знающим рецепт единственно правильного решения. На любой случай жизни… Рассудительность её не только делала Ефросинью Алексеевну самой рачительной хозяйкой и самой справедливой женщиной на нашей Зелёной (по-старому) улице, но давала ей право давать советы другим, учить людей жизни.

Сколько людей хороших проживало или живёт у нас в Остяцке и в соседнем Ургуле! Маловы, Тишкины, Тебеньковы, Сидоровы, Коростелевы, Гламаздины, Зуевы, Евдокимовы, Бузюргины, Антипкины, Санниковы, Позднякова, Егоровы… Всех не перечислишь! У каждого своя судьба с завитыми жизненными узорами, свой путь. У кого – узкая дорожка, у кого – гладкая, как асфальтовое шоссе, широкая дорога, у кого, что тоже бывает, – непроезжая колея с ухабами и крутыми поворотами – виражами… Главное на такой колее – не вылететь из седла, остаться настоящим наездником, не сломаться под натиском переломов судьбы. Что и делают мои Земляки, с честью и достоинством неся звание сибиряка-северянина.

Село Остяцк

Несколько лет назад в Остяцке опять побывал Виктор Лихоносов. Встречался с людьми, записывал их рассказы – о себе, о родном селе. Пообещал продолжить литературную традицию – написать большой роман об Остяцке. Может быть, кто-то из нас станет героем или героиней этого ещё не написанного романа. А пока каждый пишет свой роман жизни: живёт по человеческим законам, по законам рода, семьи, по соседскому закону. Людей ценить и своё лицо не терять.

Рассказ четвертый. Незримые связи, или «А наши березы лучшие»

Мой сын Борис недавно побывал в Испании. Ездил туда по своим профессиональным медицинским делам. А попутно посмотрел страну и привез массу впечатлений и фотографий. Выложил фото к себе на страничку в одной из социальных сетей.

Посмотрела я эти фото. Чего там только нет! Вот Музей Сальвадора Дали, вот Морской пейзаж, вот памятник Дон Кихоту… Но одна фотография меня особенно тронула. Среди пальм, мандариновых деревьев и прочей эк-

зотики затерялась одинокая берёза. И не просто одинокая, а какая-то неестественно согнутая, кривая и потому очень жалкая. Я спросила у сына, почему же в Испании берёзы не такие высокие и стройные, как у нас, в России. «Климат, вероятно, слишком жаркий», – ответил мне сын. «Наши, конечно, гораздо красивее», – добавил с гордостью.

Да, таких, как наши берёзы, нет во всём мире. Ибо привлекают они нас не только внешней красотой, а служат символом связи с родной землей. Ведь у каждого россиянина есть своё заветное дерево: черёмуха ли, берёза, тополь или рябина. Идем мы к нему, обнимаем тонкий ствол, чтобы поделиться великой радостью, выплакать невыплаканную боль, набраться живительной силы, что идёт по стволу и ветвям снизу, от земли родной.

Незримые нити – связи существуют не только между природой и человеком, но и между людьми, живущими в одной местности. И неслучайно возникают в интернете содружества людей, объединённых проживанием в каком-то селе или учившихся в одной школе. «Наши», «свои», «родные». Так и никак иначе называют себя земляки. А родство это от Земли, что когда-то их взрастила. Земля не хочет отпускать никого: ни того, кто живёт на ней сейчас, ни того, кто покинул её когда-то в силу жизненных обстоятельств. Вот и радуемся мы несказанно, встретив земляков в большом городе случайно или обнаружив новое старое лицо на страничке «Остяцк – моя малая родина».

Вот и плачем по ночам с годами всё чаще и чаще, вспоминая далекие детство и юность. Это, вероятно, и есть чувство Родины: даже уехав, не предать ни берёзки, ни людей, ни память…

Раиса Кузьмина

Тогучинский район

Судоверфь в Тогучине

Моя малая Родина — мой город Тогучин. Сколько он в себе таит разных событий, историй! Я здесь родилась, здесь я живу. Покидала его только на период обучения в институте и сюда вернулась вновь. Все годы была в гуще событий, знакома со многими его жителями, была на многих его предприятиях. В 2015 году, когда работала над книгой «С Тогучином в сердце», перечитывала книги В. Мищенко, М. Филиппова, подшивки газет «Социалистическая стройка», «Ленинское знамя», изучала документы, которые есть в отделе архивной службы администрации Тогучинского района, в краеведческом музее МБОУ ДО Тогучинского района «Центр развития творчества», В книгах, газетах было сообщение о том, что в моём городе была судоверфь.

В. Мищенко в своей книге «Из истории Тогучинского район», газета «Социалистическая стройка» писали: «В январе 1946 года на реке Иня в конце улицы Заводской началось возведение судоверфи. На строительство мастерских было отпущено 500 тысяч рублей, мелкотонажных судов — 1,5 миллиона рублей. На судоверфи строили для речного флота катера и паузки. Эти суда весной по р. Иня сплавлялись в бассейн р. Обь».

В очерках Филиппова М. И. «Городок над Инёй», которые печатались в газете «Ленинское знамя», сообщается о том, что в годы Великой Отечественной у нас в городе появилось и новое предприятие — судоверфь, которое строило для речного флота военные катера. Они сплавлялись по реке Иня в Обской речной бассейн и далее по запросам военного времени. Я родилась после войны, и названия такого предприятия не было у нас на слух, и информация о нём не звучала.

Отдел архивной службы администрации Тогучинского района по судоверфи располагает следующими документами. В протоколе № 1 общего собрания членов сельхозартели «Клим Ворошилов» от 9 марта 1945 года значится повестка: «Предъявление проекта изъятия земель колхоза под строительство гидроэлектростанции и судоверфи и расширение черты рабочего посёлка Тогучин». (Д 61, Л.41)

В решении № 239 Исполнительного комитета Тогучинского районного Совета депутатов трудящихся от 02.06.1945 записано: «Обязать началь-

ника строительно-эксплуатационного участка тов. Воробьёва не позднее 15 июня закончить строительство одного катера и одной баржи и 1 июля пустить их в эксплуатацию. Наряду с этим заложить две баржи и закончить их строительство к 1 августа 1945 года».

В решении Облисполкома № 749 от 6 июня 1945 года в разделе «Освоение малых рек» в Тогучинском районе заложены капиталовложения на строительство флота в сумме 89 тыс. руб., из них за счёт областного бюджета — 24 тыс. руб. (Ф 24, Оп.1, Д 64. Л.11)

Исполнительный комитет Тогучинского городского Совета депутатов трудящихся обсуждал вопрос «О закреплении в постоянное пользование земельного участка Тогучинской судоверфи Областного управления по транспорту и освоению малых рек» (решение № 18 от 14 января 1948 г.). По вопросу записано: «В соответствии с решением Облисполкома от 11 декабря 1945 года за № 1 396 об организации судоверфи в г. Тогучине исполком городского Совета решил:

Территорию земельного участка, занимаемого в настоящее время производственными цехами, подсобными помещениями, жилыми домами, с прилегаемой к этой территории поймой реки Иня, закрепить в постоянное пользование за Тогучинской судоверфью.

Учитывая, что занимаемый судоверфью участок земли не позволяет производить расширение производственных цехов, а равно не подходит для строительства домов для квартир рабочих, отвести Тогучинской судоверфи дополнительно земельный участок к занимаемому участку северной стороны территории в количестве 2,1 гектара.

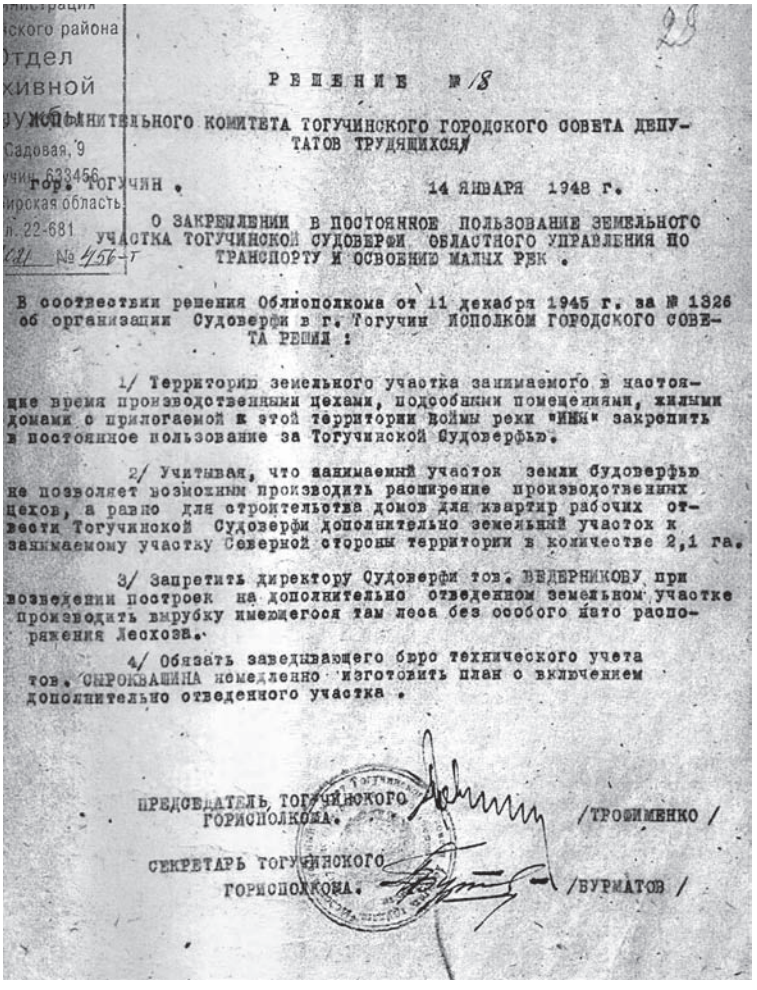
Запретить директору судоверфи тов. Ведерникову при возведении построек на дополнительно отведённом земельном участке производить вырубку имеющегося там леса без особого на то распоряжения лесхоза». (Ф. 50, Оп.1, Д. 18, Л. 29).

В газете «Ленинское знамя» за 13 сентября 1950 г. написано: «Коллектив судоверфи выполнил полугодовой производственный план на 214%. Построено 2 корпусных катера. На них идёт монтаж оборудования. Сооружается ещё 3 катера и 1 баржа. Помимо этого выпущены брички, ходки, лодки».

Но вот что интересно, изучая историю создания райпромкомбината, я прочла, что данное предприятие было организовано в 1938 году. Тогда были объединены в одну артель кустари, народные умельцы-пимокаты и сапожники. В задачи райпромкомбината входило: выполнение услуг для населения, а также производство некоторых изделий массового выпуска, как изготовление дуг, колёс, саней, выработка дёгтя, обжиг извести и изготовление других изделий из местного сырья.

В 1947 году была организована артель «1-е Мая», в которой работали в основном слепые, глухо-немые, инвалиды и подростки. Руководил ею Пётр Евдокимович Мурзин. Здесь были сапоговаляльный цех (пимокатка), сапожный, кожевенный, пуговичный и ткацкий цеха. В сапоговаляльном

Решение исполнительного комитета



ского района
Отдел
хивной
Садовая, 9
633456
ирская область
л. 22-681
№ 456-г

Р Е Ш Е Н И Е № 18

ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ТОГУЧИНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

гор. Тогучин. 14 ЯНВАРЯ 1948 г.

О ЗАКРЕПЛЕНИИ В ПОСТОЯННОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ТОГУЧИНСКОЙ СУДОВЕРФИ ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ТРАНСПОРТУ И ОСВОЕНИЮ МАЛЫХ РЕК.

В соответствии решения Облисполкома от 11 декабря 1945 г. за № 1826 об организации Судоверфи в г. Тогучин ИСПОЛКОМ ГОРОДСКОГО СОВЕТА РЕШИЛ:

1/ Территорию земельного участка занимаемого в настоящее время производственными цехами, подсобными помещениями, жилыми домами с прилегаемой к этой территории поймы реки "ИНЯ" закрепить в постоянное пользование за Тогучинской Судоверфью.

2/ Учитывая, что занимаемый участок земли судоверфью не позволяет возможным производить расширение производственных цехов, а равно для строительства домов для квартир рабочих отвести Тогучинской Судоверфи дополнительно земельный участок к занимаемому участку Северной стороны территории в количестве 2,1 га.

3/ Запретить директору Судоверфи тов. ВЕДЕРНИКОВУ при возведении построек на дополнительно отведенном земельном участке производить вырубку имеющегося там леса без особого ИМТО распоряжения Лесхоза.

4/ Обязать заведывающего бюро технического учета тов. СМОКВАШИНА немедленно изготовить план о включением дополнительно отведенного участка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТОГУЧИНСКОГО ГОРИСПОЛКОМА. /ТРОФИМЕНКО/

СЕКРЕТАРЬ ТОГУЧИНСКОГО ГОРИСПОЛКОМА. /БУРМАТОВ/

катали валенки, в сапожном шили и ремонтировали обувь, в кожевенном выделывали шкуры, в пуговичном делали пуговицы, в ткацком ткали полотенца и тонкое полотно.

5 марта 1949 года артель «1-е Мая» соединили с только что организованной артелью «Стройматериал». В «Стройматериал» входили кирпичный, жестяной, кузнечный цеха, пилорама, швейный цех (на ул. Добролюбова), столярный (в помещении бывшей судоверфи по ул. Заводская) и все цеха артели «1-е Мая». Всем этим руководил Пётр Лукич Суржиков. Делали суда, лодки, перерабатывали лес, который сплавляли по Ине. Обжигали кирпич, валяли валенки, отливали шлакоблоки, шили на заказ телогрейки, ватники, плели сетки.

В апреле 1951 года на основании решения Новосибирского Облисполкома от 19 марта 1951 г. и приказов Новосибирского Облместпрома и Управления по транспортному освоению малых рек была принята на баланс райпромкомбината судоверфь, на производственных площадях которой был организован мебельно-обозный цех. Здесь было освоено массовое производство мебели: диваны, шифоньеры, фанерованные стулья, шкафы для белья. Для нужд сельского хозяйства выпускались сани, дуги, оконные блоки. Объединение указанных предприятий было осуществлено при директоре Марахине Викторе Ивановиче.

Точной даты существования судоверфи установить не удаётся. К сожалению, не смогла найти и фотографий этого предприятия, хотя в альбоме райпромкомбината очень много фотографий с цехами данного предприятия. По всей видимости, судоверфь существовала с 9 марта 1945 года до апреля 1951 года.

Людмила Ермолич

Чановский район

Танчик – деревенька из одной улицы

Недалеко от большого села Тебисское, что расположено в Чановском районе, есть маленькое поселение, деревенька из одной улицы в несколько домов. Мы, члены краеведческого объединения «Искатели» Тебисской школы, решили выяснить, как образовалось это поселение. Несколько раз мы совершали походы в этот населённый пункт, встречались со старожилами, и вот что они нам рассказали.

Основателем села считается Леонтий Куропаткин. Вот что рассказал нам внук Леонтия, Алексей Николаевич Куропаткин.

«Крепкое хозяйство было у деда. В селе Андреевка Саратовской области был у него магазин, хоть и небольшой, но доход приносил. Добротный дом выстроен не на одно поколение. Своя кузница, разный инвентарь, очень нужный в хозяйстве, в том числе косилки, лобогрейки. Больше десятка сытых красавиц-лошадей. Каждый год – хороший урожай хлеба. Со всем хозяйством управлялись самостоятельно, ведь у отца было три сына – рабочих рук хватало. Самый старший – Николай, 1905 года рождения, Иван родился в 1907, и Григорий был самым младшим в семье, родился в 1913 году.

После революции и гражданской войны Леонтий Куропаткин бежал в Сибирь. Не одну сотню километров проехал в поисках подходящего места, много хороших и красивых уголков встречалось ему на пути. Остановился он у озера Танчик, что в переводе с тюркского означает «Тихое», здесь Леонтию показалось милее всего. Поставил шалаш и начал присматриваться. С этого шалаша и берёт своё начало село Танчик. Озеро хоть и маленькое, но полное рыбой. Рядом большое озеро Гогол, где всегда полно дичи. Кругом берёзовые колки, а это значит – грибы, ягоды, строительный материал под рукой.

Приглядел Леонтий, купил небольшой сруб в Погорелке, выстроил избёнку и стал ждать семью.

Приехали братья, привезли семьи и всё, что смогли увезти на лошадях. Захватили и кузницу – какая работа без неё?

Не один десяток лет служила она людям, только несколько лет назад кузнечные меха пришли в негодность.

Варвара Семёновна Куропаткина со своими детьми

В той маленькой избушке первое время жили более тридцати человек! Зиму пережили, а с началом весны стали отстраиваться. Тут и другие семьи стали подъезжать: дом к дому, выстраивались целые улицы.

Средний сын Иван, женившись, вырастил пятерых детей, все они со временем разлетелись из отчего дома. Лишь иногда присылают весточку своему двоюродному брату.

Самый младший сын Леонтия – Григорий был призван на фронт Чановским РВК 13 марта 1944 г. Воевал в 46-м гвардейском кавалерийском полку. Домой он уже не вернулся. Погиб 1 апреля 1945 года. Похоронен около г. Трнава, в Чехословакии. До войны Григорий Куропаткин успел жениться и у него вырос сын.

У старшего, Николая, родилось шестеро детей, из них трое умерли ещё во младенческом возрасте, я, Алексей, – самый старший».

Всю жизнь Алексей Куропаткин трудился не покладая рук, как его отец Николай и дед Леонтий. Закончив четыре класса, пошёл работать в колхоз, сначала был разнорабочим, а по окончании курсов сел за рычаги трактора. Работал в передвижной Осинцевской машинно-тракторной мастерской. Вместе с другими колхозниками сеял пшеницу, убирал урожай, заготавливал сено. И так всю жизнь. На заслуженный отдых ушёл в 1991 году. Вместе со своей супругой Варварой Семёновной прожили шесть десятков лет. Вырастили пятерых детей, теперь уже внуки стали взрослыми, часто навещают своих дедов Куропаткиных. Ведь это их село, село, которое основал их прадед.

В начале 1933 года начали образовываться колхозы. В той части поселения, где жили казахи, татары, чуваши, образовался колхоз под названием «Нацмен». В 1938 году здесь насчитывалось 18 дворов, 70 человек населения, из них – 31 трудоспособного. Возглавлял колхоз в это время Илья Герасимович Волков, бухгалтером был Евгений Саксонов.

Все остальные объединились в коллективное хозяйство «Красное знамя». В 1943 году здесь насчитывалось чуть больше двух десятков дворов, председателем был Фома Романов. И ещё был один колхоз – «Память Ленина», он относился к Аялуцкому сельскому совету, но в него вступили несколько танчикских семей и маленькое поселение Айскула. В 1939 году колхоз состоял из 29 дворов, население составляло 139 человек, из них трудоспособного – 79. Исса Юсупов был председателем, а всю счетоводческую работу выполняла Екатерина Терентьева.

В 1932 году открыли школу в четыре класса. Первым учителем был Василий Дмитриевич Филатов. В 1950 году пришёл работать в школу В. А. Майоров. Был в ту пору Василию Афанасьевичу всего-то 21 год.

В 1954 году колхозы объединили в один и присоединили к совхозу «Тебисский».

Вот такая у нас получилась история маленького посёлка Танчик.

Деревенька, которая и не на каждой карте есть, но здесь живут люди, помнящие свои корни, историю. Помнят, бережно хранят и передают своим потомкам.

Лариса Зиневич

Татарский район

Комсомольцы

Наиболее активно комсомольское движение развивалось на предприятиях железнодорожного узла, где трудилась организованная молодёжь и имеющая хоть какое-то образование. В мае 1920 года на станции Татарская была создана первая комсомольская ячейка во главе с Дмитрием Вишняковым. В состав ячейки входили: Леонид Кузин, Фёдор Катков, Владимир Зарайкин, Семён Феоктистов, Клавдия Павлова, Александр Цулин, Николай Машуров, Евдокия Вишнякова, Виктор Борисов и др. Они активно участвовали во всех трудовых акциях, организовывали концерты, выступали с лекциями и докладами, были инициаторами многих дел. Молодёжная агитбригада железнодорожного узла «Синие блузы» многие годы была пропагандистом молодого социалистического строя, вела неустанную работу по ликвидации неграмотности, за новую культуру и новый быт.

Члены первой комсомольской ячейки ст. Татарская, 1919 г.

29 августа 1920 года состоялся первый уездный съезд РКСМ. В его работе приняли участие 67 делегатов. На съезде была организационно оформлена уездная комсомольская организация, состоящая из 410 членов комсомола.

Давая характеристику этому съезду, новониколаевская газета «Дело революции» (№ 185, 1920 год) писала: «Юные силы Татарского уезда в составе 67 человек собрались на первый уездный съезд, чтобы заложить прочные основы организации коммунистической молодёжи и составить то ядро борцов, которые сумеют стать лучшими помощниками партии большевиков в борьбе за торжество рабоче-крестьянской власти во всём мире».

В ноябре 1920 года вместо оргбюро был создан уездный комитет РКСМ. Секретарём укома комсомола был избран Лазарь Бахрек. Одной из важнейших задач комсомольцев стала борьба с последствиями иностранной интервенции и гражданской войны. В борьбе с разрухой и голодом исключительное значение имели многочисленные субботники и воскресники. Яркую зарисовку одного из них дала странич-ка-газета «Знамя молодёжи». В ней писалось: «…Вьюга завывает, холодный ветер так и режет лицо, а наши юные коммунары нагружают вагон мешками с сухарями. Вот погрузили половину, руки и ноги отказываются служить, а молодёжь работает… Все дружно, как один, погрузили 250 мешков сухарей. Так работают юные строители нового государства».

С середины 1920 года на предприятиях железнодорожного узла было организовано 25 «красных суббот». Во многих ячейках они планировались один раз в неделю. Комсомол принимал активное участие в организации таких массовых трудовых кампаний, как «Неделя сухаря», «Неделя помощи фронту», «Неделя крестьянина» и др. Для постоянной и квалифицированной агитации и пропаганды среди крестьян были организованы культбригады под названием «Агитповозки». Одна обслуживала волости и деревни южной части уезда, другая – северной. В бригады входили преданные, грамотные и активные комсомольцы: тов. Белова, Чижов, Зарайкин, Баганов, Лопатко, Власов, практически весь уездный комитет комсомола. Культбригады организовывали читки газет и журналов, практиковали книжные выставки, ставили спектакли, проводили митинги, лекции, сходы. Народные дома, школы, где работали «Красные повоз-

1 мая 1928 г

ки» (их ещё и так называли) оформлялись портретами, плакатами, лозунгами.

Сложнее было создавать комсомольские ячейки в селах и деревнях. Бывало и так, что тёмные, забитые нуждой, крепко привязанные к старорежимному укладу жизни родители, натравливаемые кулаками, жестоко избивали своих сыновей и дочерей за вступление в Союз молодёжи, приказывали выписаться, выгоняли из дома со словами: «Ты теперь коммунистка и иди в свою коммунию». Несмотря на сложности и сопротивление, количество ячеек быстро увеличивалось, и их влияние на сознание молодёжи и общества в целом неуклонно росло.

Очагами культуры на селе были клубы, избы-читальни. В селе Тамбовка, по воспоминаниям одного из первых комсомольцев Татарского уезда В. Безрядина, в оборудованной своими руками избе-читальне стали проводиться комсомольские собрания. Дежурили по очереди, топили печь, наводили чистоту. Сами писали лозунги, накануне зимы заготавливали дрова. Здесь читали вслух газеты, журналы, стихи Д. Бедного, тут же проводились и собрания деревенской бедноты, по вечерам занималась группа ликбеза (ликвидации безграмотности).

Страшным наследием войны и первых лет разрухи стала детская беспризорность, которая коснулась даже небольших сёл. Комсомол разворачивает работу среди детей. В 1923 году в Татарске создается первый пионерский отряд. Его организатором стал инструктор губкома комсомола Василий Анкудинов. Рождение отряда явилось большим событием для города. Численность комсомольцев резко увеличилась в год смерти В. И. Ленина. На начало 1924 года уездная комсомольская организация насчитывала 592 члена и 102 кандидата, а уже в декабре этого года действовало 73 ячейки, на учёте состояло 1000 членов и 112 кандидатов в члены РКСМ.

С января 1924 года комсомольской организации было присвоено имя В. И. Ленина, а с марта 1926 года она стала называться ВЛКСМ. Следуя требованию времени, комсомольские организации активно включаются в дело переустройства деревни. Так в отчете Запсибкрайкома ВЛКСМ на первой краевой конференции комсомола 13 декабря 1930 года сообщалось, что силами комсомольцев было организовано 682 сельхозартели, 654 коммуны, 69 животноводческих колхозов, 33 тысячи комсомольцев вошли в колхоз.

Во второй пятилетке (1933–1937 гг.) комсомол принимал активное участие в культурном строительстве. За эти годы число Домов культуры, читален увеличилось в два раза, библиотек – в пять раз, расходы на просвещение на одного жителя-сибиряка возросли с 10 до 51 рубля.

В условиях нарастающей фашистской опасности партия и комсомол особое внимание уделяли вопросам

Комсомольцы-добровольцы

Комсомольский субботник, 1968 г.

военно-патриотического воспитания молодёжи. Во всех комсомольских организациях шла подготовка «ворошиловских стрелков», сдача норм ГТО, ГСО, ПВХО. Продолжалось шефство над Военно-морским флотом и Военно-воздушными силами. Великая Отечественная война изменила сразу жизнь страны. Перед комсомолом встали новые задачи. Исходя из решения партии, постановления ЦК комсомола от 23 июня 1941 года, всю свою работу комсомол подчинил интересам фронта.

В начале Великой Отечественной войны уже за первые десять дней в военкомат поступило более 300 заявлений от комсомольцев, желающих добровольно вступить в ряды Советской Армии. Каждый третий комсомолец ушёл на войну. Оставшиеся в тылу юноши и девушки приняли девиз: «Работать за себя и за ушедшего на фронт товарища» как военный приказ. Молодые рабочие предприятий города и железнодорожного узла вступали в соревнование за право называться «фронтовым» звеном, бригадой, коллективом. Условия соревнования были жёсткими: выполнение плана к 25 числу каждого месяца от 170 до 325 % в зависимости от специальности, экономить не менее 15 % металла, электроэнергии и т. д.

Сельская молодёжь не отставала от горожан. Сибирская деревня работала в чрезвычайно трудных условиях. Уже в первые месяцы войны на фронт ушло 90 % механизаторов, к 1944 году общее количество трудоспособного населения сократилось на 40,8 %, а мужчин – на 67,7 %. За первые полгода войны колхозы отдали фронту 92 % грузовых машин, поэтому использовали и косы, и серпы. Урожай вывозили на собственных коровах. Школьники организовывали звенья по сбору колосков – всё было подчинено главной задаче: убрать урожай без потерь.

Комсомольцы и пионеры зарабатывали на субботниках и воскресниках, а средства шли на приобретение вещей и продуктов для армии. При этом пода-

Комсомольско - молодёжный субботник, 1972 г.

вляющее большинство одевались в обноски, вели полуголодный образ жизни. Только в 1943 году комсомольская организация района отправила на фронт 277 овчинных полушубков, 1265 пар валенок, 906 фуфаек и брюк, 377 вязаных свитеров, 3610 пар носков и варежек, 884 комплекта белья, а также 7630 кг мяса, 3826 кг пельменей, 500 кг масла, 400 кур, 4000 кг капусты, 296 кг табака, 812 разных посылок. На постройку авиаэскадрильи и подводной лодки «Новосибирский комсомолец» комсомольцами района заработано, собрано и перечислено 439066 рублей.

Велик вклад комсомольцев и молодёжи в послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства. В первых рядах комсомольцы перестраивали жизнь на мирный лад, выполняя хозяйственно-политические задачи текущего времени. Так комсомольско-молодёжные коллективы госплемзавода «Первомайский», колхоза «Победа», колхоза им. Ленина неоднократно выходили победителями в областных и всесоюзных соревнованиях. Первый секретарь Татарского ГК ВЛКСМ А. Опрышко, учащаяся СПТУ-52 Надежда Гладких и механизатор колхоза «Сибирь» Евгений Самсонов были делегатами съездов ВЛКСМ. Комсомол был примером для подрастающего поколения. Насыщенной и интересной жизнью жила и пионерская организация, а организатором и руководящим центром всей пионерской жизни выступали Дом пионеров и городской штаб «Горн».

Новое время, новые правила, новая жизнь. Понятие «горячие точки» появилось не так давно, затронуло оно и наших земляков. Свой интернациональный, а точнее воинский, долг в Демократической Республике Афганистан с честью выполнили более 60 солдат и офицеров из Татарского района. И «груз 200» тоже не обошёл стороной наш район. В историко-краеведческом музее им. Н. Я. Савченко есть экспозиция, посвящённая памяти воинов-интернационалистов, в том числе и погибших в Афганистане – Сергея Шутяева, Валерия Масленникова и Сергея Ляшенко.

Каждый год 15 февраля, в день вывода советских войск из Афганистана, Совет воинов-интернационалистов, который долгие годы возглавляла Светлана Науменко, совместно с музеем организовывает встречи молодёжи с «афганцами».

Комсомольцы 70-х

И хотя уже на сегодняшний день не существует комсомольской организации, наша молодёжь, воспитанная на идеалах любви к своей родине, всегда впереди. Нет таких исторических событий, где наша молодёжь оказалась бы в стороне. Скорбный список солдат, погибших в мирное время при исполнении воинского долга, продолжила Чечня – Иван Сумин, Максим Шестаков, Евгений Смелых, Геннадий Щеглов, Сергей Слобода. Они погибли, но они живы в нашей памяти, в наших сердцах, в наших делах.

В 2017 году президент России В. В. Путин вручил выпускнику школы № 9 г. Татарска Олегу Баранову, командиру отделения, разведчику отделения реактивной артиллерийской батареи 810-й отдельной бригады морской пехоты Черноморского флота, младшему сержанту знак отличия – Георгиевский крест IV степени за участие в военной операции в Сирии.

Прошлые поколения оставили нам богатое наследие. И в наши дни нам есть, с кого брать пример, есть, кем гордиться.

Александр Архипов

Бердск

Учебные запасные полки в годы Великой Отечественной войны на территории бердских лесов

(по материалам поисковых работ военно-спортивного клуба «Рысь» МАОУ ДО ДООЦТ «Юность» г. Бердска)

Курсанты ВСК «Рысь», под руководством руководителя клуба (педагога дополнительного образования МАОУ ДО ДООЦТ «Юность» Храмушкина Владимира Александровича), начали своё исследование в 2016 году. Потребность в этом возникла закономерно. Большие любители походов по бердским лесам, ребята задались вопросом, откуда в наших лесах такое количество прямоугольных ям, похожих на основания землянок, если в наших краях не было войны?

На помощь пришли работники Бердского историко-художественного музея. Руководитель Клуба и ребята получили в музее доступ к большому количеству материалов, которые пролили свет на эти вопросы.

Зимний поиск, греемся на дне небольшой землянки

Оказывается, с 1941 по 1943 год на территории наших лесов размещались учебные запасные полки, в которых готовили новобранцев к отправке на фронт. Документальных источников по расположению полков и точному их количеству нет, вся информация накопилась только со слов очевидцев. Именно поэтому возник интерес к поиску всех мест, где были землянки, и определению их местонахождения. Поисковые выходы были ограничены только 2–3 месяцами работы — начиная с сентября и по ноябрь месяц.

Бердск во время Великой Отечественной войны был далеко от фронта, но внёс, как и любой другой город Сибири, немалый вклад в Победу над фашистскими войсками. На момент начала войны в Бердске проживало более 6000 человек. Около двух тысяч бердчан защищали Родину на фронтах Великой Отечественной, многие из них приняли участие в тяжёлых битвах за Москву, Ленинград, Сталинград.

За годы войны в Бердск пришло больше полутора тысяч «похоронок». Не все имена и фамилии погибших известны даже сегодня: на Монументе Славы в парке Победы запечатлены в бронзе только 900 из них. В городском музее бережно хранятся фотографии и личные вещи некоторых фронтовиков.

Большинство бердчан, проходивших в 1941 году срочную воинскую службу, встретили начало войны на Дальнем Востоке. Около 60 призванных из Бердска бойцов, оказавшихся на западной границе, приняли первый удар врага, и почти все погибли в первые же дни, и даже часы войны.

Во время войны на территории Бердска, по данным исторического музея, находились 21-й и 22-й запасные полки, которые располагались в сосновом лесу. Солдаты проходили обучение военному делу: учились строить блиндажи, рыть окопы, метко стрелять. Жили они в землянках.

Вот, что писали очевидцы тех событий.

Соколов Анатолий Андреевич. Родился в 1926 году в городе Барабинске. В начале ноября 1943 года был зачислен в учебно-минометную группу 22-го запасного стрелкового полка. Он вспоминал: «Служба в армии во все времена была трудной, тем более в условиях войны. С подъёма в 6 часов утра и до отбоя в 23 часа всё проходило по распорядку дня: политзанятия, теоретическая учёба, изучение материальной части оружия, строевая подготовка, тактические занятия, стрельба». После прохождения обучения в Бердске был направлен в Купинскую авиационную школу пилотов, став военным лётчиком, сражался с фашистами до конца войны.

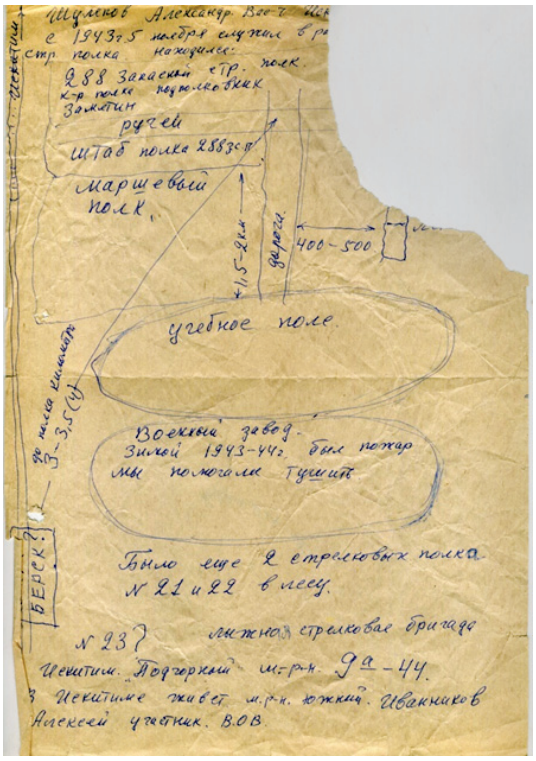
Астафьев Виктор Петрович. Родился в 1924 году в селе Овсянка Красноярского края. Прошёл военную подготовку в Бердске и воевал до 1945 года. Он увековечил Бердск в своём романе «Прокляты и убиты». Действие романа происходит в конце 1942 года в 21-м резервном полку, располагавшемся в бердском лесу. Писатель без прикрас показал суровые будни новобранцев, одним из которых и он тогда был: «В полку, расположившемся у Бердска, были лишь «зелёные», необстрелянные юнцы, простодушные крестьяне и городские пижоны, которые даже понятия не имели, что такое война. Из таких ребят офицеры, уже побывавшие на фронтах, за несколько месяцев должны были подготовить настоящих солдат».

Водолазский Михаил Константинович. Родился в 1924 году в Ростове. Он был лейтенантом, командиром учебного взвода 23-го стрелкового полка и обязан был за три месяца подготовить новобранцев к отправке на фронт. Он рассказывал: «Мы тренировались по 16–18 часов ежедневно, в любую погоду. Ходили на стрельбище или отрабатывали тактику ведения боя. Учились воевать на пересеченной местности, с переправой через реку, в лесу». Своей рукой М. К. Водолазский нарисовал план военных объектов.

Шулепов Александр Васильевич. С 5 ноября 1943 года служил в запасном стрелковом полку старшиной. Для музея города Бердска он составил схему.

Поисковая работа

С 2016 по 2020 год курсантами Клуба было проведено более 20 полевых выходов, было обследовано четыре гектара соснового леса и найдено более 300



План военных объектов. Автор Водолазский М.К.

мест, где могли находиться землянки, блиндажи и окопы. Были обнаружены, по крайней мере, две основные дислокации учебных частей.

С левой стороны от дороги, ведущей от микрорайона до моря, было расположено около 120 ям под землянки. Они шли ровными рядами по 9 ям в ширину и 13 ям в длину. Между рядами расстояние 3 метра. Ямы были приблизительно одинакового размера 4×5 метров, глубиной до метра. Предположительно, в одной такой землянке могло находиться до 10 человек. В землянке стояло несколько двухъярусных нар и печка-буржуйка возле входа.

С другой стороны дороги мы обнаружили до 60 ям, но они уже находились не в таком строгом порядке, и было несколько ям больших размеров. Таким

Схема Шулепова А.В. по расположению запасного полка

Наши находки

Курсанты ВСК «Русь»

образом, можно сделать вывод, что в этом месте дислоцировался один из полков.

Другая дислокация находится неподалеку от БЭМЗа. Там расположение землянок другого типа.

Сначала нам также встретились ровные ряды небольших квадратных ям размером 4×4 метра, их было порядка 30. Предположительно, в таких землянках мог жить офицерский состав и обслуживающий персонал. Через 500 метров были найдены прямоугольные ямы размерами 15×10 метров и глубиной до трёх метров. В таких землянках, предположительно, уже могло жить до взвода солдат. Таких ям мы насчитали 12 штук. Ещё через 100 метров нами была найдена яма размерами 15×35 метров и глубиной более трёх метров. Это уже могла быть достаточно большая конструкция и назначение её, скорее всего, столовая и другие обслуживающие военную часть помещения.

На месте землянки

Также нами было обнаружено несколько учебных площадок, с вытянутыми линиями окопов и ям для блиндажей.

Вокруг этих ям курсантами было обнаружено несколько металлических изделий того времени: две миски, коса, обечайка от бочки, дверца от печки. Ещё в одном месте, глубоко в лесу нами был обнаружен небольшой фундамент на железобетонной основе. Предположительно, на этом месте мог быть или склад, или ещё какое-нибудь укреплённое здание.

Работая над данным проектом, мы прикоснулись к истории Великой Отечественной Войны. Мы увидели своими глазами, в каких суровых условиях готовились к тяжёлым боям наши соотечественники. Чтобы память о тех событиях не исчезла, мы продолжаем эту работу совместно с другими общественными организациями, создаём исторические пешие маршруты. Уже проведено несколько экскурсий по местам дислокации полков для учащихся школ и жителей города. На этих маршрутах проводятся соревнования военно-патриотических клубов. Планируется запустить традиционный лыжный и летний марш-броски, посвящённые участникам войны, проходившим подготовку в наших лесах. Совместно с работниками Бердского историко-художественного музея планируется выпустить сборник по материалам о запасных полках.

В Бердске не было войны, но она, несомненно, оставила отпечаток и на нашем городе.

Подвиг героев всегда в наших сердцах.

Владимир Храмушкин

Мошковский район

Отважный шофёр

Великая Отечественная война 1941–1945 годов унесла жизни миллионов граждан Советского Союза – мужчин и женщин, стариков и детей. Она изменила уклад повседневной жизни, потребовала мобилизации людских и материальных ресурсов страны. На за-

щиту своей семьи, чести, Родины вставали не только мужчины, но и женщины, на чьи хрупкие плечи ложилась тяжесть лишений, потерь и невзгод. Поэтому исследование судьбы каждого участника Великой Отечественной войны, истории его боевого пути и его маленького вклада на фоне большой войны в славные страницы истории нашей Родины – актуальная тема для изучения культурного наследия и краеведения нашего села. Наш рассказ о Валентине Ивановне Ян – женщине-шофёре.

Так сложилось, что именно Советский Союз был единственной страной в годы Второй мировой войны, где женщины принимали непосредственное участие в боевых действиях. Безусловно, это связано с невероятным духовным порывом женщин СССР, которые добровольно шли в действующую армию, настойчиво добивались отправки на фронт. Женщины пополняли народное ополчение и партизанские отряды, заменяли мужчин в несении службы в войсках ПВО, на военных дорогах, в ВМФ и Военно-воздушных силах, в войсках связи. Работая в тылу на предприятиях, они осваивали тяжелейшие мужские профессии, занимались эвакуированными детьми, боролись за жизни солдат в военных госпиталях и на поле боя.

Валентина Ивановна Ян ушла на фронт добровольцем. В ответ на настойчивую просьбу девушки военком сказал: «А что ты умеешь? Ведь у тебя нет военной специальности». Немного подумав, добавил: «Ладно, там научишься. Разрешаю». Так Валентина Ян ушла защищать Родину в 1942 году.

Вместе с другими девчатами и парнями она прошла ускоренные курсы шофёров. Через три с половиной месяца часть, где служила Валя, приняла участие в боевых действиях под Москвой, а потом – у стен Ленинграда в первой ударной армии.

Боевой путь: ПУШКИНО – ГАТЧИНА – КРАСНЫЙ БОР – КРАСНОЕ СЕЛО – ПСКОВ – РИГА – ТАЛЛИН. На своей машине она подвозила снаряды и продовольствие. Приходилось пробиваться через немцев, проезжать по минным полям под бомбёжкой. Получила лёгкое ранение в ногу и контузию. Два с половиной месяца пролежала в госпитале. Оглохла. Но постепенно слух восстановился.

Валентина Ивановна Ян

В составе артиллерийского полка шофёр Валентина Ян участвует в освобождении Пушкина, Гатчины. Во время боёв Валентина, нередко рискуя жизнью, подвозила на своей машине снаряды на передовую.

Однажды, – рассказывает Валентина Ивановна, – нас послали за снарядами в тыл. Туда добрались благополучно. Загрузились ящиками со снарядами для противотанковых пушек. На обратном пути попали в «пробку», образовавшуюся на дороге. И тут, откуда ни возьмись, налетели немецкие самолёты. Они сделали боевой заход на колонну, застрявшую на дороге, и стали обстреливать её из крупнокалиберных пулемётов и пушек. Некоторые водители растерялись, побросали машины и спрятались в придорожной канаве и кустарниках. Не знаю, что со мной тогда было: струхнула я или отчаянное положение, в котором оказалась, придало мне силы. Но только баранку из рук не выпустила. Рванула руль влево, перескочила неглубокий кювет, и полный вперёд! А в голове – единственная мысль: довезти, довезти снаряды, только бы не подорвали, да выдержал бы бешеную тряску старенький мотор. А когда проскочила опасный участок, нервы не выдержали, и я расплакалась как девчонка. Но снаряды доставила вовремя. За это была награждена медалью «За отвагу».

В 19 лет она уже поседела. Награждена двумя медалями. День Победы встречала вместе с 67-й армией в Риге, на Рижском заливе. В 1959 году Валентина Ивановна приехала жить и работать в Ташару, где и трудилась комендантом жилищно-коммунального отдела лесоперевалочного комбината. Забот у неё всегда было много. Но на всё у неё хватало времени. И помогала ей в этом фронтовая закалка.

Лариса Филатова

Каргатский район

Командир взвода

Пётр Павлович Кожемякин – командир взвода 877-го отдельного сапёрного батальона (36-й стрелковый корпус, 31-я армия, 3-й Белорусский фронт), старший сержант.

Родился 27 июня 1917 года в посёлке Изосимки ныне Каргатского района Новосибирской области в семье крестьянина. С 1922 года оставшись сиротой, рос и воспитывался у родственников в селе Дубрава Чулымского района Новосибирской области. Окончил три класса. С 1929 года работал в колхозе «14-я годовщина Октября». Профессию плотника получил до войны.

Пётр Павлович Кожемякин

24 июня 1941 года призван в Красную Армию и зачислен в сапёры.

С ноября 1941 года на фронте. Боевое крещение получил на подступах к Москве. Награждён медалью «За отвагу».

В 1942 году вступил в ВКП(б)/КПСС, стал командиром сапёрного отделения. Когда началось наступление, сапёры шли с передовыми частями, строили блиндажи и землянки, минировали и разминировали дороги, строили мосты и переправы. Летом 1944 года сержант Кожемякин уже командовал сапёрным взводом. Особо отличился в боях за освобождение Белоруссии.

В июле 1944 года взвод под командованием старшего сержанта Кожемякина навёл паромную переправу через реку Березину в районе деревни Новосёлки (Борисовский район Минской области), построил мосты через протоку между озёрами Бяле (Белое) и Рыбница в местечке Езеры (деревня Озёры, Гродненский район Гродненской области) и через реку Неман на подступах к городу Гродно.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшему сержанту Кожемякину Петру Павловичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6506).

На войне у каждого свой счёт. Лётчик-истребитель считает сбитые вражеские самолеты, артиллерист – число подожжённых танков, автоматчик – отправленных на тот свет гитлеровцев, разведчик – захваченных «языков», а сапёр-мостовик ведёт счёт переправам, которые ему пришлось наводить через реки.

Всякие бывали случаи. Во время наступления под Оршей отделению старшего сержанта Кожемякина предстояло проникнуть в глубокий тыл противника, захватить совместно с разведчиками мост и удерживать его до подхода главных сил. Ночью сапёры с разведчиками перешли линию фронта, совершили 40-километровый марш по тылам врага и вышли в назначенный район. На рассвете вплавь переправились на западный берег реки и, перебив охрану, захватили мост, уже подготовленный гитлеровцами к взрыву. Четыре часа продержались разведчики и сапёры, отбивая атаки противника, но мост сохранили. За эту операцию Кожемякина наградили орденом Красной Звезды.

При подходе к реке Березине старший сержант Кожемякин уже командовал взводом. В ночь на 1 июля 1944 года в районе деревни Новосёлки сапёры подошли к реке, спустили на воду понтоны, соорудили из них паром и до самого рассвета переправляли войска. Трудной была эта ночь. Гитлеровцы непрерывно обстреливали переправу из артиллерии и миномётов. Правда, били вслепую. Но снаряды и мины рвались совсем рядом, вода у бортов поднималась стеной, а сапёры, мокрые до нитки, с кровяными мозолями на руках, продолжали свое нелёгкое дело. До рассвета они успели переправить около пятисот человек и больше ста повозок с боеприпасами. Кожемякина наградили орденом Отечественной войны II степени.

А через две недели строили мост через протоку между озёрами в рай-

оне местечка Рыбница. Пехоты впереди почему-то не было. Гитлеровцы обнаружили сапёров и пошли в атаку. Их было около роты, а сапёров только двадцать два, вместе с Кожемякиным. Но не отдавать же врагу почти законченный мост! Сапёры, отложив топоры и пилы, вступили в неравный бой. В течение двух часов отбивали атаки, пока не подошла подмога.

16 июля 1944 года, когда сапёры подошли к Неману, на противоположном берегу с трудом удерживали небольшой плацдарм только переправившиеся вплавь автоматчики. Командир корпуса, ставя задачу сапёрам, предупредил: «Теперь всё зависит от вас. Не построите мост до рассвета – погибнут люди!»

Кожемякин и сам понимал, что без артиллерии и танков автоматчики долго не продержатся. Но это ведь Неман! Ширина больше ста метров! Командир батальона гвардии майор Ивин распределил обязанности между взводами. Кожемякин получил задачу построить прибрежную часть моста длиною 30 метров.

Сразу же приступили к работе, а вернее – к штурму. На берегу готовили опоры и на руках подносили к реке. Старшина и с ним ещё несколько бойцов, по грудь в воде, принимали опоры и устанавливали на дно Немана. У самого берега, где грунт был твёрдым, ставили рамные, потом пришлось делать ряжевые опоры и заполнять их камнями, чтобы не снесло.

Противник, видимо, догадывался о строящейся переправе, нервничал. Над рекой то и дело вспыхивали ракеты, и тотчас же начинался артиллерийско-миномётный обстрел. Снаряды рвались на восточном берегу, в реке. Близкими взрывами срывало опоры. Сапёры ловили их и снова устанавливали, и закрепляли. Перед самым рассветом налетела авиация. Кожемякин и его голые солдаты о себе не думали. Главное – удержать опоры. И они удержали. Потом налетела вторая партия самолётов… третья… четвёртая.

Растревоженные взрывами, ревущие воды Немана обрушивались на солдат, выворачивали опоры. Творилось невообразимое. Такого Кожемякин ещё не видал. Шесть часов он и его солдаты, презрев опасность, самоотверженно работали в воде и к намеченному сроку приказ командира выполнили. Но едва доложили о том, что мост готов, как снова налетели вражеские бомбардировщики, и он был разбит.

Сапёры так и не успели одеться. Пришлось всё начинать сначала: лезть в воду, заменять разбитые опоры, укладывать настил. Это был нечеловеческий труд. Старшина Кожемякин видел своих обессилевших бойцов и, хотя сам едва держался на ногах, брал самую трудную, самую опасную работу. Следуя его примеру, работали и солдаты.

Гитлеровские лётчики, конечно, зафиксировали прямое попадание бомбы и доложили своему командованию, что мост разбит. Так оно и было на самом деле. Враги не учли одного – мужества и героизма наших воинов. Через три часа разрушенный мост был полностью восстановлен. По нему переправились через Неман два стрелковых и один кавалерийский корпус.

Отважный сапёр с честью дошёл до Победы. Был тяжело ранен и контужен. В сентябре 1945 года был демобилизован. Вернулся на родину. Вновь стал работать в колхозе «14-я годовщина Октября», а в 1950-х годах восемь лет бессменно трудился председателем этого колхоза.

В 1964 году, когда здоровье стало подводить, переехал в город Чулым Новосибирской области и устроился монтёром пути на Чулымскую дистанцию пути Западно-Сибирской железной дороги.

В 1977 году ушёл на заслуженный отдых. Жил в городе Чулым. Много лет был народным заседателем Чулымского районого суда.

Именем Героя названа одна из самых больших улиц города Чулым. В этом же городе установлены мемориальные доски в память о нём на доме, в котором жил П. П. Кожемякин, и на административном здании 10-й Чулымской дистанции пути (2005).

Скончался 21 октября 1983 года. Похоронен на кладбище города Чулым.

Ирина Лазарева

Убинский район

Гармонь была как сто дивизий

Прошло уже 75 лет с тех пор, как история пережитой трагедии и достигнутой Победы живёт с нами. На итог Великой Отечественной войны повлияли такие факторы, как героизм людей, умелое командование, любовь к Родине и вера в Победу.

Великая Отечественная война ворвалась смерчем в судьбу каждого советского человека. Она разрушила планы и мечты. Начало войны сопровождалось небывалым ростом патриотизма, который нашёл выражение в большом количестве заявлений о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. Но нередко люди впадали в отчаяние, и тогда как нельзя кстати приходилось появление гармони. Она была как боевое знамя, с ней воины одолевали все невзгоды, долгие вёрсты дорог, она скрашивала суровые фронтовые будни, поднимала дух и смягчала солдатское сердце во время коротких передышек и привалов. А хрестоматийный образ Василия Тёркина послужил толчком к написанию этого текста.

Статуэтка Василия Теркина в Краеведческом музее Убинского района

22 июня 1941 года навсегда останется в памяти мирных жителей. Так в письме Ю. В. Феоктистовой, опубликованном в газете «Комсомольская правда», было воспоминание о том дне: «В тот день началась война. И уже на другой день, в понедельник, потянулись по городам и весям мужики да парни, в сапогах и телогрейках с котомками за плечами в военкоматы. С песней «Как родная меня мать провожала» они бодро обещали провожающим их матерям да жёнам вскорости, к осени, вернуться с Победой домой. И затем эшелонами под гармошку – «До свиданья, города и хаты» – устремлялись вперёд, на запад, чтобы прогнать супостата в его логово и разбить его там. Мало из тех, кто ехал в эшелонах и верил в скорую Победу, вернётся домой. Да и как не верить в Победу, ведь «броня крепка, и танки наши быстры», а коль «нас в бой пошлёт товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведёт», так уж точно «враг будет разбит, и Победа будет за нами».

А. В. Петров из посёлка Северное Новосибирской области делится таким воспоминанием: «Запомнился мне эпизод: вышел из военкомата Фёдор Дрючин в военной форме без знаков различия с бумагами в руках и пошёл мимо собравшихся, где играла гармошка. К нему обратился один из мобилизованных с вопросом: «Товарищ командир, победим мы немца или нет?» Тот ответил: «Обязательно победим!..» – «А тогда давайте спляшем на страх врагам!» – «А давайте!». И пошли они в пляс, минуты три-четыре выделывали коленца под поддержку собравшихся.

Закончилась эта пляска рукопожатием и похлопыванием по плечу». Вот так верная подруга-гармонь провожала солдат на войну. Война затронула каждую семью, проживавшую на территории Советов. Вместе с новобранцами из сёл и деревень на линию фронта уходили и их музыкальные инструменты.

«Кто сказал, что нету места песням на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!» – так звучат знаменитые строки из фильма «В бой идут одни старики». Выживать красноармейцам на линии фронта помогала музыка.

Один ветеран сказал: «…На фронте никаких музыкальных инструментов, кроме гармошки, я не встречал. На ней часто играли на привалах, тут же стихийно организовывались танцы, пляски, пели песни. Гармонь поднимала настроение, облегчала каждодневные трудности бойцов. На самой передовой гармони не использовались: немцы тут же открывали огонь. Гармошка звучала буквально везде: в госпитале, в тылу, в партизанском отряде.

Нередко с музыкальным инструментом была связана какая-то интересная история. Так, например, Михаил Александрович Гутов из Куйбышева Новосибирской области вспоминает: «Во время войны не выпадало случая поиграть на гармони, хотя друзья танкисты знали, что я играю и скучаю по ней. И вот однажды, в конце 43-го года, когда мы влетели на своём танке в город Кировоград, в подвале дома были взяты в плен четыре гитлеровца с нашей русской гармошкой. Её принесли прямо ко мне. Я только успел пробежать пальцами по пуговочкам, убедиться, что она исправная. Играть было некогда, и, подвесив гармонь за поручень башни танка, мы продолжали атаку. Это длилось несколько дней.

…Ударило снарядом по моему танку. Он очень пострадал, а от гармошки осталось несколько пуговиц. Война сметала на своём пути многое, в том числе и гармошку».

Ещё вспоминается случай, когда снаряд попал в гармонь. Солдат остался жив, а вот гармонь восстановлению не подлежала.

По мере течения войны, спрос на гармони рос. В Тулу и Шую от солдат

Михаил Александрович Гутов

шли письма с призывом: «Дайте гармонь и баяны! С песней легче воевать!» И даже существовал лозунг: «В каждую роту – гармонь!» Летом 1941 года для поднятия боевого духа солдат было отправлено около двенадцати тысяч гармоней, а осенью на фронт направили уже шестьдесят тысяч инструментов.

В 1942 году по ходатайству Политуправления Советской Армии наркомат местной промышленности РСФСР обязал Шуйскую и Тульскую фабрики перестроить производство на выпуск гармоней и баянов. Крупные фабрики, занимавшиеся выпуском инструментов, увеличили темпы производства – и гармони поставлялись на фронт среди прочих необходимых вещей, наряду с оружием и продовольствием. Задышал фронт ситцевыми мехами… И поплыли над окопами и землянками, над бесконечными военными дорогами величавые и светлые русские песни – живые и трепетные, с чувством, с перебором, с огоньком, с грустинкой. И не секрет, что иногда использовалась «русская психологическая атака»: полк шагал под звуки гармошки. Немцам было страшно и дико, они не вы-

держивали музыкального натиска, а наши солдаты смело шли в бой на обескураженных немцев. Гармони, баяны страдали от вражеских пуль, но наш земляк А. И. Кащеев, прошагавший по военным дорогам Молдавии, Румынии, Болгарии, занимался ремонтом этих инструментов:

– У вас есть такой мастер – Кащеев?

– Да, есть.

– Срочно его в штаб дивизии.

«Мы как раз стояли в обороне, и случилась временная передышка. Мне определили под мастерскую баню, обеспечили необходимым инвентарём. В тот же день гляжу – подъезжает грузовик, набитый доверху переломанными инструментами: баянами, гармонями, аккордеонами. И вот какое-то время я в бане и ремонтировал их. Потом их развозили по полкам». (Домой, в Новосибирск, А. И. Кащеев вернулся 5 сентября 1945 года. Работал на Новосибирской гармонной фабрике).

Не удивительно, почему гармонь была самым популярным музыкальным инструментом. Под её аккомпанемент в эти страшные годы люди складывали много песен о текущей ситуации. Эти произведения были разными по своей структуре. Одни печальные, тяжёлые, другие весёлые и лёгкие. А с 1942 года стали выходить специальные красноармейские песенники «Играй, мой баян», «В бой за Родину», тираж которых достигал сотен тысяч экземпляров. У многих бойцов и командиров в карманах гимнастёрок, у сердца, вместе с фотографиями родных, хранились блокноты с фронтовыми песнями и частушками. И песня была сродни винтовке.

Гармонь в тылу

Гармонь сыграла свою роль и в тылу, где также было немало трудностей и нелёгкой работы. Частушки и народные песни, известные у русского народа ранее, изменялись в военное время, и на смену им приходили другие мотивы. Были это и проникновенные песни, посвящённые павшим в бою солдатам и вдовам, не дождавшимся мужей с войны, и патриотически-боевые марши, которые помогали приблизить победу и выражали сильное желание дать решительный отпор врагу. И практически все песни звучали под аккомпанемент русской гармони или баяна.

Вот что вспоминает Е. К. Уколова-Мицевич из Карасука Новосибирской области:

«В посёлке Кавкуй была малочисленная комсомольская организация. Но секретарь Шура Костылева с учительницей Анастасией Бровченко и тут сумели организовать самодеятельность, но в селе не было гармошки. Тогда провели несколько воскресников, накосили камыша, продали его на рынке и через обком ВЛКСМ купили инструмент. И в селе нашлась гармонистка. Благодаря гармони и сбор пошёл лучше, и веселей на селе жилось».

На берегу реки Омки была деревня Красноярка. В годы ВОВ из села забрали всех трудоспособных мужчин. Осталось двое. Один не пошёл на фронт по состоянию здоровья, а другой из-за физического недуга. Но никто не отменял утреннюю перевозку молока через лес. На это согласилась известная на селе гармонистка Евдокия Фёдоровна Мозженина. Её предупреждали о возможности схватки с волками. И вот однажды ей пришлось столкнуться с мохна-

Евдокия Фёдоровна Мозженина

тыми хищниками. «Когда волки приблизились на расстояние в несколько прыжков, Евдокия вдруг неожиданно и громко, во весь запас мехов, так резанула по звонким планкам визгливо-высоким регистром, что волки, досель не встречавшие подобного отпора, кинулись наутёк. Схватка была выиграна. Позже она делилась своими воспоминаниями с односельчанами: «Я ружья не имела, огня никогда не разжигала, а чтобы отпугнуть хищников – брала в руки гармонь и выдавала им такую музыку, от которой они тикали прочь». (Евдокия Федоровна Мозженина прожила долгих 99 лет, а её гармонь теперь хранится в историко-краеведческом музее города Татарск Новосибирской области).

А вот такую историю поведала нам в своём рассказе «Гармонистка» наша землячка Н. Г. Ангулова: «Было в Сибири одно село… В одной из семей жила девочка Маша. Она очень любила музыкальные инструменты, и в частности – гармонь. Где заиграет в селе гармонь, Мария туда. Иногда ей разрешали подержать гармонь, позволяли раздуть меха, и понажимать на кнопочки. Впоследствии, став взрослей, Маша научилась играть недурно на гармони. В другой семье жил обычный мальчик Петя. Петя, кстати, сидел за одной партой в школе с Машей.

Дети росли. Пётр работал в колхозе на тракторе, а Мария, ввиду умения организации праздников, была заведующей клубом. У неё даже был свой музыкальный коллектив.

Мария и Пётр договорились, что осенью 1941 они станут мужем и женой. Но быть вместе им было не суждено. Петю призвали на фронт в качестве танкиста.

Каждое письмо Пети она перечитывала несколько раз, а в ответ слала по два или три своих, личных письма. Позже Машу и двух её подруг отправили учиться тракторному делу в Убинскую МТС. Училась она три месяца, но и там она не забывала про свой инструмент. Во время учёбы она пользовалась уважением учеников – за свою игру. Курсы окончила на отлично.

Быстрая и ловкая она знала трактор как свои пять пальцев. Также она помимо работы в поле помогала парням-подросткам в ремонтных мастерских. В свободное от работы время она веселила село своей игрой, хотя она адски уставала. Однажды, придя с работы, она узнала о том, что родителям Петра пришла похоронка. Она не поверила, и обещала себе ждать. Она ждала… Пётр так и не пришёл. Вышла замуж она только в 1948 году за скромного механизатора.

Долго она ещё веселила своей игрой соседей. Выйдет вечером на лавку и заиграет. На звуки гармошки сходились соседи, устраивались танцы.

Таким образом, мы видим, что в грозные годы Великой Отечественной войны победа ковалась не только на полях сражений, но и в тылу. Здесь были важны усилия всех людей, независимо от их принадлежности к профессии или от возраста. Самоотверженность тружеников тыла была запредельной, отдыхали по четыре-пять часов в сутки, но гармонь и песни придавали силу, бодрили дух.

Огромное значение для тружеников тыла имела радиопередача «Огонь по врагу». Она оперативно откликалась на злобу дня, на последние события, доходчиво и правдиво информируя слушателей обо всех изменениях на фронте. Она поднимала настроение, едко продергивала, высмеивала врага. Прослушав её, люди работали ещё лучше, ещё качественнее. Получив заряд бодрости, наголодавшиеся, уставшие от недосыпания люди обретали силу и уверенность, с утроенной энергией брались за дело, намного перевыполняя установленные нормы.

Передачи были сделаны настолько добротно и правдиво, что люди начинали верить, будто слышат рассказы и истории из уст настоящих разведчиков, отважных земляков-сибиряков – Ветеркова, Шмелькова и их друга И. И. Маланина. Им писали с просьбой исполнить для своих родных какую-либо песню. Другие надеялись на то, что герои-бойцы повидаются на фронте или же в тылу с их сыном, дочерью, матерью, отцом. Делали наказы передать при случае привет или письмо лично в руки, делились всеми своими радостями, заботами.

Вот что известный музыкант и педагог Николай Андреевич Примеров пишет в своей книге «Воздвигнем памятник гармони фронтовой» про эту передачу: «В центре Новосибирска (там, где сейчас находится Театр оперы и балета) рядом с трамвайной линией на одном из столбов электросети был укреплён динамик. Когда начиналась передача, здесь собиралась такая масса слушателей, что трамваи вынуждены были останавливаться и ждать окончания выпуска «Огня по врагу!» Да и сами вагоновожатые, как и пассажиры, видимо, были не прочь послушать всем известных бойцов-разведчиков. Люди гурьбой вываливали из трамваев на улицу и присоединялись к толпе. В обком партии стали поступать просьбы руководителей предприятий и колхозов о том, чтобы перенести передачу «Огонь по врагу!» на воскресенье, а то незадолго до 18.30 по понедельникам все прекращали работу – слишком был велик интерес к новым похождениям боевых друзей-товарищей. Специальным постановлением обкома день выхода радиообозрения был изменён. Теперь позывные «Огня по врагу!» звучали в эфире не в понедельник, а в выходной день – в воскресенье.

Гармонисты Новосибирской области и Убинского района в годы войны

По мнению Н. А. Примерова: «Русская гармонь и подвиг фронтовых музыкантов достойны того, чтобы в России появился ещё один памятник, а Василий Тёркин был не только собирательным образом, но и обрёл бы реальные имена и фамилии. Важно создать памятник в душах и сердцах ныне живущих людей. Мы решили узнать имена тех воинов-сибиряков, кто оружием и песней сломил врага.

Вспомни, милый, дорогой,
У калитки Яниной
Как стояли мы с тобой:
Слушали Маланина».

В частушке, представленной в книге Н. А. Примерова, звучит имя Ивана Ивановича Маланина, который родился в посёлке Троицкое Иркутской области 15 января 1897 года. Он был восемнадцатым ребёнком в рабочей семье и, увы, незрячим от рождения. С раннего детства обнаружил абсолютный музыкальный слух, самостоятельно, в пятилетнем возрасте, научился играть на гармони. Обучался в школе-интернате для слепых детей и игре на скрипке, также освоил игру на фортепиано, флейте, виолончели, контрабасе, гитаре, на духовых и ударных инструментах, и, самостоятельно, на баяне.

В 1920-е годы Иван Иванович перебирается в Новосибирск и выступает на местном радио. В годы Великой Отечественной войны Иван Маланин – один из авторов радиопередачи «Огонь по врагу!», которая была одной из самых популярных на новосибирском радио. В годы Великой Отечественной войны он неоднократно выезжал с концертами на фронт.

После окончания Великой Отечественной войны с 1948 по 1967 годы работал в хоре ветеранов Новосибирской филармонии.

Своим учителем И. И. Маланина считал Народный артист России Геннадий Заволокин. Над возрождением интереса к гармони (вместе с братьями Заволокиными) в нашей области много трудился и Николай Примеров. Итогом их совместной работы стал первый маланинский фестиваль, который состоялся в Новосибирске в год 90-летия знаменитого музыканта – в 1987-м. Кроме того Николай Андреевич Примеров создал в г. Новосибирске «Музей Сибирского Баяна и Гармони» им. И. И. Маланина.

Среди прочих гармошек и баянов есть в музее и однорядная гармошка. На ней долгое время играл наш земляк, в честь которого названа улица в Убинском – Герой Советского Союза генерал-майор Григорий Иванович Писарев, а также его братья Василий и Осип. Гармонь завезена в Сибирь в 1897 году из Белоруссии Иваном Осиповичем Писаревым. Гармонь эта выносливая, она почти не ремонтировалась. Но все братья Писаревы прошли по очереди войну с ней. У братьев был уговор: кто первым идёт на фронт, тот её и забирает.

Первым на фронт попал Василий, но его вскоре ранило, и он вернулся с тальянкой домой, в родной Новосибирск.

Во второй раз поехала на передовую гармонь со средним братом, которого также ранило. Лечился он в Омске, откуда написал отцу и братьям, чтобы они забрали гармонь. Теперь уже младший сын, Григорий Иванович, собрался ехать на фронт, где получил звание Героя Советского Союза. В сражении под Москвой получил ранение, и проездом в Красноярск снова передал гармонь своим родным.

Едва успев подлечиться, Василий во второй раз отправился воевать и под Сталинградом, подорвавшись на мине, лишился обеих рук. Некому стало играть на гармони, и тогда отец, Иван Осипович, решил передать её в руки хорошему гармонисту – Василию Андреевичу Гончарову, другу их семьи.

Василий Андреевич Гончаров был в Убинском известным гармонистом. Из-за его игры даже свадьбы переносили, в очередь становились. Работал Василий Андреевич старшим дорожным мастером Каргатской дистанции пути. И он на этой тальянке, что передали ему Писаревы, играл с 1943 по 1996 год. Гончаров дружил с Александром Рещиковым, с ним на пару они выступали в Убинском Доме культуры: Василий Андреевич на гармони, а Александр на бубне.

А когда Василий Андреевич Гончаров заболел и умер, гармонь осталась у его жены в Груздёвке. Сын Александра Рещикова, Владимир Александрович, сделал на «Сибсельмаше» хороший памятник из нержавеющей стали, оградку и переправил всё в деревню. И в знак благодарности, что он ни копейки с них не взял, жена и дочь Василия Андреевича отдали ему гармонь бесплатно. Эту гармонь Владимир Александрович хранит в музее имени И. И. Маланина.

Трофейный аккордеон Южаниной Александры Даниловны

В нашем краеведческом музее бережно хранится трофейный аккордеон, который принёс в дар житель села Убинское Юрий Тимофеевич Москаленко. Этот аккордеон принадлежал его тёте Южаниной Александре Даниловне, она привезла его с войны в качестве трофея. Есть и Тульская гармонь, которая принадлежала свёкру Альбины Ивановны Ворожко. Её он также привёз с войны.

Григорий Иванович Писарев

Так что гармонь была верной спутницей наших солдат с начала войны и до её конца. Она была с ними повсюду: в окопах и на перевалах, шла в бой, защищая грудь солдата. А после помогала восстанавливать силы, исполняя песни и частушки. Тот подвиг солдата-гармониста, гармониста в тылу должен стучать в наших сердцах, жить в нашей памяти и душе. А задача последующих поколений – сохранить эту память на долгие-долгие годы.

Ольга Ильина,
Станислав Питерин

Коченёвский район

Не забывай

В 1938 году призвали Василия Ильича Чернова в армию. Сначала служил в Новосибирске, потом в Баку. Срок службы закончился, но демобилизации не было.

– Помню, – рассказывал Василий Ильич, – кино смотрели, вдруг всё прервалось, и мы услышали голос Молотова. Он говорил о том, что на нас без объявления войны напала фашистская Германия.

Действительно, через сутки все уже были в эшелонах, и поезд шёл на запад. Доехали до Ржева. На московском вокзале встретился с земляками-масловцами. Но так быстро расходились поезда, что и поговорить не успели.

Мимолётная встреча, а памятная. Из тех восьми ребят домой вернулись только двое: Подшивайлов и Курбатов. И не случайно, встречаясь, они начинают с вопроса: «А помнишь?..»

– Как же не помнить?! Не успели оглядеться – налетело 12 немецких самолётов. Зенитные пятиствольные пулемёты сбили три. Не ожидали фашисты такого отпора – остальные повернули назад. Наша 386-я стрелковая дивизия перебрасывалась в основном на прорыв. Три дня выбивали немцев из города Калинин. Выбили. Отстояли. Направили на Смоленск. Трудно было первое время. Враг зверел. Земля ходуном ходила. Гарь и дым закрывали солнце. Бывало, переобуться не успеем – опять налёт. Так было, пока его, проклятого, не переломили. – Василий Ильич замолчал. Надолго. Закурил. – А почему выстояли? Да своя же, родная, наша земля! Как же её отдать?! Как же не драться?! Помню, освободили деревню, вышли женщины, плачут от радости, угощают грибочками. Это почти всё, что осталось съестного. Да разве можно допустить, чтобы враг топтал нашу Землю-матушку?!

И снова молчание, затяжка папиросой и дым, пускаемый в открытую дверцу печки.

Мимолетная встреча

– Под Вязьмой тоже были жестокие бои. Там и ранило в правую руку. Шесть месяцев пробыл в госпитале, вернулся в свою часть. Многих уже не было в живых. Пополнение шло из молодёжи. Мы-то, обстрелянные, – привыкшие. Связистом был. Кругом стрельба, кажется, камни шевелятся, а ты ползёшь, связь тянешь – хоть бы что. Был снайпером. Ходил за «языком».

Вдруг оживилось улыбкой лицо, заискрились глаза, разгладились морщины, стал будто моложе.

– Вояки. Какие это вояки?! В 43-м году как ударили морозы, так они, как воробьи, мёрзли. Пошли мы четверо за «языком». Сняли постового, а он… мороженый. Тьфу ты! Пришлось ждать смены поста. «Языка» хорошего тогда взяли, да ещё документы прихватили. А уж как немцы плена боялись. Упирались, брыкались. Тянешь его, мерзавца, на себе до безопасной зоны, а там впереди себя гонишь.

– В 43-м, Вы сказали, стало легче воевать, когда немцев переломили, когда враг был смертельно ранен. Но раненый зверь, говорят, опаснее. Какие ужасы войны лично Вам пришлось увидеть и пережить?

– Война вся из ужасов. Однажды на поле боя подобрали солдаты планшет немецкого офицера. Дневник его там был. Так об этой войне он записал: «Это не война, а кошмар». Для них «кошмар», так как не ожидали такого сопротивления, для нас «кошмар» – от их бесчеловечности, – вздохнул он. Сдвинул брови. Резче обозначились морщины. Посуровел. Дрогнувший голос выдавал сильное волнение.

– Отбили деревню, ворвались – и сердце захолодело. В центре села наши солдаты на крючках висят… Жители потом рассказывали, как немцы в спешке прямо на машине подвозили солдат и… вздёргивали.

Под Вязьмой ранило. После лечения отправили домой. В 24 года стал инвалидом. Окреп немного – и скорее в трудовой строй. Победу встречал уже трактористом. Работали тогда от рассвета до заката солнца. Только бы жизнь скорее налаживалась.

И жизнь налаживалась. Трудились во имя мира и светлого будущего, повторяя как заклинание: «Только б не было войны». Вот уже 76-я годовщина Великой Победы шагает по стране. Но становится тревожнее и за мир, и за будущее. Продолжается вмешательство во внутренние дела нашей Родины. Расширяются односторонние санкции против российских граждан. Да и в Рос-

сии падает доверие к власти, к Церкви, падает и рождаемость.

Просто невозможно поднять все проблемные пласты жизни. Но один – пласт памяти – поднят и сохранён. Благодаря решениям Президента память одолела забвение. Ветеранам вновь честь и хвала, почёт и уважение. Только мечты их о светлом будущем и достойной жизни всё ещё призрачны. Жаль. Очень жаль… Никому не дано жить повторно. Но мечтать-то о лучшей жизни можно.

Александра Юнг

Венгеровский район

Фронтовые письма

Накануне юбилея Победы в Венгеровский районный краеведческий музей принесли несколько писем. Эти письма наш земляк Виктор Григорьевич Арацкий посылал своим родным с фронта. Пожелтевшие от времени треугольники, исписанные карандашом и чернилами, с ровными, а иногда скачущими буквами (сразу видно, какое письмо он писал в минуты отдыха, а какое – в спешке, перед боем).

Вот отрывки из некоторых из них (орфография и пунктуация сохранены).

7.02.42

«Здравствуйте, мама и Шура!

…Сообщаю, что нахожусь в городе Ярославле. Прибыли сюда 5-го февраля и сколько времени будем здесь находиться не знаем.

Мы здесь также днями занимаемся. Ночью во всем городе светомаскировка, и нигде не увидишь света».

21.02.42

«…Мы из Ярославля выехали 15-го февраля и сейчас находимся в пути следования. Ну и само собой разумеется, чем ближе к фронту, тем больше увеличивается напряжённость да и вообще обстановка сложнее и труднее. Потому что не исключена возможность, что фашистские стервятники могут прорваться через линию фронта и могут бомбить…»

Путь следования не указывается по понятным причинам, но известно, что Виктор в составе 226-го особого лыжного батальона прибыл в 31-ю отдельную стрелковую бригаду, находящуюся под г. Великие Луки Калининской (Тверской) области.

27.02.42

«…Мы из поезда высадились 24-го февраля и маршем, т. е. на лыжах, следуем на линию фронта. Сейчас мы проходим по деревням, которые находились в руках немцев. Население очень много рассказывает о зверствах, которые чинили немцы. Население очень ограблено, поувели коров, зарезали овец, всех кур.

Мы находимся от фронта в нескольких километрах».

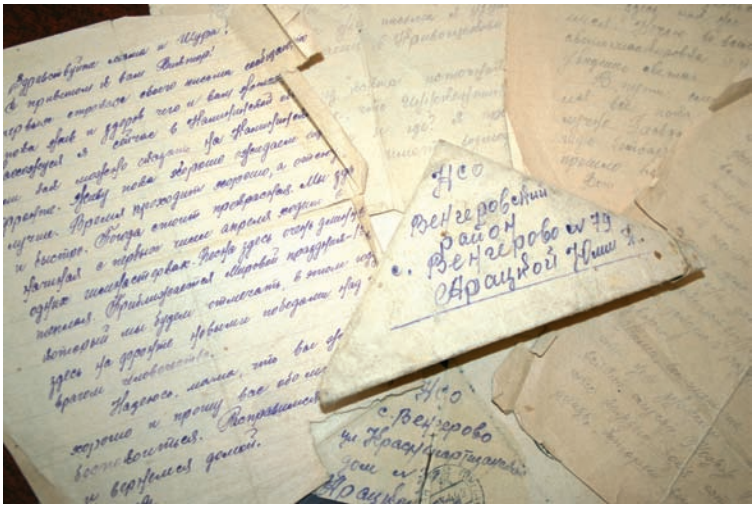
На каждом треугольнике суровый штамп – «Проверено военной цезурой». А это значит, что не допускается писать всё, что хочешь, что наболело за время пребывания на войне, или об обстановке на фронте. «Вот всё, что я хотел вам сообщить» или «Нового ничего вам сообщить не могу. О новостях следите сообщения о Калининском фронте, где мы сейчас находимся». Тон писем сдержанный, порой сухие фразы. Но это в большей степени не из-за боязни быть наказанным за разглашение военной тайны или сведений об истинном состоянии бойцов, а из-за желания успокоить и подбодрить родных, которые и без того волнуются за своего солдата. Поэтому не случайны в каждом письме такие строчки: «Вас, мама, прошу обо мне сильно не беспокоиться. С кровожадными бандитами мы должны расправиться и вернуться с победами».

Происходящие вокруг события сглаживаются, смягчаются: «Попали под небольшую бомбардировку, но всё прошло благополучно». И как бы ни хотелось рассказать о том, как тяжело, какой страх одолевает каждый раз, когда над головой кружит вражеский бомбардировщик, но, увы… Советский солдат, защитник Родины должен быть смелым. А порой и не надо знать родным, что в действительности происходит на фронте.

Одно письмо без точной даты. Приводим его целиком, так как содержание письма довольно-таки интересно.

«Здравствуйте, мама и Шура!
С приветом к вам Виктор!
В первых строках своего письма сообщаю вам, что я пока жив, чего и вам желаю.

Во-вторых, сообщаю, что я нахожусь теперь на фронте. От немцев находимся мы всего в нескольких километрах. Население этой местности, где мы стоим, долгое время находилось под немецким игом. В какую бы избушку не зашёл, везде рассказывают о зверствах, причиняемых немцами. В освобождённых населённых пунктах находят изуродованные трупы женщин и детей. Население до основания обобрано немцами. Много беженцев со своих мест. В общем, население испытывает большие недостатки и лишения. Это же сказывается и на нас.



Письма с фронта В.Г. Арацкого

Ну я пока живу ничего, помаленьку дюбаю. Писать так, особо, нечего. Вообще, здоровье у меня пока хорошее.

Пока всё. Передавайте привет друзьям и знакомым».

Порой были письма-записки, написанные на половинках тетрадного листка. Как таковой информации было мало, скорее, такие записки служили знаком от солдата, что, мол, я жив-здоров, не беспокойтесь. Вот одно из таких писем.

13.04.42
«Здравствуйте, мама и Шура!
С приветом к вам Виктор!
В первых строках своего письма сообщаю, что я пока жив и здоров, чего и вам желаю. Я нахожусь теперь, вот уже как раз месяц, на фронте. Фронтовая жизнь вообще отличается от службы в армии в тылу. Ну живу я пока ничего. Сообщить нового вам я не могу ничего. За новостями следите по газетам. Ну пока всё. До свидания. Виктор».

25.04.42
«Здравствуйте, мама и Шура!
С приветом к вам Виктор!
В первых строках своего письма сообщаю, что я пока жив и здоров, чего и вам желаю. Нахожуся я сейчас в Калининской области или как можно сказать на Калининском фронте. Живу пока хорошо, ожидаем ещё лучше. Время проходит хорошо, а отсюда и быстро. Погода стоит прекрасная. Мы здесь начиная с первых чисел апреля ходим в одних гимнастёрках. Весна здесь очень длинная и тёплая. Приближается мировой праздник – 1 мая, который мы будем отмечать в этом году на фронте новыми победами над злым врагом человечества».

Одним из общих элементов фронтовых писем, не только нашего героя, но и других военнослужащих, было наличие каких-либо пожеланий или поручений, имеющих общественный характер, что прослеживается в некоторых письмах В. Г. Арацкого матери и сестре.

5.05.42
«…Из вашего письма узнал, что сестра работает на военном заводе. Хорошее дело, только одно можно пожелать, чтобы они давали своим братьям больше и доброкачественнее отечественного орудия, чем ускорят разгром фашистских извергов».

Почти в каждом письме Виктор интересуется делами, происходящими дома: «Прошу описывайте новости Венгерово», или «Страшно хочется знать, что нового в родном селе, а особенно как живёте вы». Но сокрушается, что нет определённого адреса, на который бы мама могла прислать подробный ответ о жизни села.

10.05.42
«Здравствуй, сестра Шура!
С приветом к тебе Виктор!
…Ну как тебе известно, Шура, что я сейчас живу фронтовой жизнью. Живу

хорошо. И вообще фронтовая жизнь очень разнообразна и интересна. Каждый день имеем место с немчурой.

Первомайские дни справили замечательно. Преподнесли «гостинец» «нашему соседу». Но мы знаем, что вы в тылу также отметили праздник новым подъёмом труда. Но вы знайте, что излишне и доброкачественнее выпущенная вами продукция есть новый сильнейший удар по врагу».

Кроме этого Виктор интересуется судьбами своих знакомых: «Шура, из каких источников ты узнала, что Иннокентия Михайлова убили и где? Я прошу, если будешь иметь возможность, то опиши. Опиши, что пишет Пашка. Где сейчас находится Колька П., если там же, то сообщи адрес».

Это письмо Виктор отправил сестре 10 мая 1942 года на станцию Кривощёково, где находился военный завод. Достигло оно своего адресата лишь через 17 дней, о чём можно судить по сохранившимся почтовым штампам на треугольнике.

27 мая 1942 года, среда. Неизвестно, в какое время суток получила письмо Александра Григорьевна, где она была на тот момент – находилась ли в рабочем городке, в бараке, или на заводе. Но, несомненно, увидев долгожданный треугольник со знакомым почерком брата, обрадовалась. Возможно, перечитала строчки письма несколько раз, улыбнувшись фразе о преподнесении «гостинца соседу» в первомайский день, покачала головой в знак согласия с пожеланием брата о выпуске большего числа продукции для фронта. Может, смахнула невесть откуда взявшуюся слезу. …

Но не знала она, читая письмо, что её брата уже нет в живых. Что несколько часов назад шёл, а может, ещё идёт бой за Ступинскую и Пасинскую высоты на Калининском фронте. И в одном из этих боев за Ступино 26 мая 1942 года погиб, сражаясь с немецкими захватчиками, её брат, красноармеец Виктор Григорьевич Арацкий.

Похоронку семья получит лишь 17 августа 1942 года.

Из письма Константина Александровича Баранникова, участника боёв за освобождение города Великие Луки и Великолукского района: «В мае 1942 года немцы перешли в наступление со стороны Невели с целью пробиться на Великие Луки по шоссе. Им удалось захватить Ступино и Пасино, господствующие высоты на Невельском шоссе. 226-й лыжный батальон вёл бои за Ступино в течение мая – июля 1942 года. Там много погибло лыжников. Видимо, в одном из таких боёв и пал Ваш сын и брат».

Подробности о бое в районе г. Великие Луки неизвестны, поскольку местные жители были эвакуированы от линии фронта.

Из письма К. А. Баранникова: «Уцелел ли батальон 226-лыжный? Это сказать трудно, после шла долгая война. Скажу прямо, после боёв под Ступино, Пасино, Поречье и Полибино людей в батальонах почти не осталось. Люди дрались насмерть».

Страшно получать последнее письмо. Как будто весточка с того света. Человека уже нет, а через письмо он говорит с тобой, что-то рассказывает. Много подобных «весточек» получали в военное время ждущие своих родных и близких. Бывало, приходит похоронка, а через несколько дней письмо от этого человека. И люди верили, надеялись, что похоронное извещение – это ошибка, ждали годами, десятилетиями возвращения домой своего солдата. Возможно, семья Арацких также ждала возвращения сына и брата.

Фронтовые письма. Смятые, оборванные, пожелтевшие от времени, они таят в себе неповторимые истории жизни. И пусть в наших сердцах вечно живет память о тех людях, от которых остались лишь треугольники писем…

Надежда Тисканова

Тогучинский район

Парад Победы

Сколько лет уж прошло с той поры,
Как горела земля под ногами.
Многих нет ветеранов войны,
Но мы помним о них, они с нами.

С. С. Никифоров –
участник Парада Победы 1945 года

Прошло больше 75 лет с победного мая 45-го года. Рождается уже четвёртое поколение людей, не знающих тягот и ужасов военных лет. Пройдут ещё годы, сменится ещё не одно поколение, но в сердцах наших жителей сохранится память о подвиге наших прадедов, дедов и отцов.

Никифоров Сергей Семенович

Мы горды тем, что в славной военной летописи страны есть доля подвигов и наших земляков. Жители Заречного сельсовета защищали Москву и Сталинград, участвовали в сражении на Курской дуге, били врага на Одере и Висле, салютовали Победе в Берлине.

Мне хочется рассказать о встрече с ветераном Великой Отечественной войны, участником Парада Победы 1945 года в Москве Сергеем Семёновичем Никифоровым. Во время нашей встречи, ему было уже 72 года. Бывший сапёр, бывший механизатор, потом слесарь колхоза «Знамя коммунизма» (с. Заречное), ветеран труда. Очень скромный человек, не очень любящий о себе говорить. Но разговор всё-таки состоялся.

Сергей Семёнович Никифоров получил повестку на фронт в родном селе Некрасово Калининской области в неполные 18 лет. Тем августовским днём 42-го года число жителей деревни уменьшилось ещё на 15 человек – молодых парней одного возраста с Сергеем. Разбросала их война кого куда, а встретиться пришлось на родной земле после Победы только троим…

Парад Победы 24 июня 1945 года

Но эти все встречи были ещё так далеко… А пока Сергея ждали двухмесячные курсы сапёров, фронтовая служба, Кольский полуостров, затем – 427-й отдельный сапёрный батальон, в составе которого и воевал ефрейтор Никифоров, который был переброшен под Одессу, далее – освобождение Украины, Польши, форсирование Вислы, разминирование Потсдама.

– Украинская земля сплошь была усеяна минами, – вспоминает Сергей Семёнович, – а уж про Польшу да Германию и говорить нечего. Там в каждом доме нашего брата ловушка поджидала. Работёнки сапёрам хватало, не сидели сложа руки.

– А трудная это работа?

– Я бы не сказал, что трудная, скорее – опасная, точная, тонкая. Наши-то мины проще было разминировать – и устройство их хорошо знали, и чаще сталкивались, а с немецкими – повозишься. Другой раз и не знаешь, с какого бока к запалу подобраться. Семь потов сойдёт с одной такой «игрушкой». И что ещё было важно: спешить нельзя, а торопиться нужно. Ведь сапёр ошибается один раз.

Много товарищей потерял Сергей Семёнович на той войне. Ему самому повезло, один только раз чуть царапнуло. Победу встретил в Дрездене. Не много наград у Сергея Семёновича: медали «За боевые заслуги», «За отвагу», юбилейные.

– А вот об одной ещё награде здесь нигде не записано, она – в памяти моей, – говорит солдат. – Это парад Победы. Весь наш батальон за боевые заслуги был удостоен чести принимать участие в том знаменательном параде. Дорога была дальняя: от Берлина до Бреста, потом до Москвы. По правде сказать, мы и не знали толком, зачем и куда нас везут. А уже в столице всё объяснили. Форму выдали получше, а тренировать… нет, не тренировали. Что чувствовал, когда по Красной площади маршировали? Верилось и не верилось, что с фашизмом покончено. Торжественность, кругом народу много, кто плачет, кто смеётся. Дом вспомнился, так захотелось маму увидеть…

Было ему в то время 20 с небольшим лет.

После войны вместе с матерью переезжает в Сибирь, в Тогучинский район Новосибирской области. Начинает работать в колхозе «Гранит» (д. Гарёвка) трактористом, а жили с матерью в пос. Высокая Грива. Женился.

И вот ещё раз пригодилась его военная профессия сапёра. Однажды, вспахивая колхозное поле у Гарёвки, трактористы обнаружили боевые снаряды, которые остались в земле после колчаковцев. Вызвали специалистов из Тогучинского военкомата, пригласили Сергея Семёновича. Чтобы не рисковать жизнью, взрыв произвели на месте. Так в последний раз он почувствовал себя на линии фронта.

Достойную жизнь прожил Сергей Семёнович. Вместе с супругой вырастили двух сыновей, один из которых стал военным. За свой мирный труд, он не раз награждался грамотами района и колхоза «Знамя коммунизма». Давно уже его нет с нами. Но в музейном уголке Зареченского сельского Дома культуры собран материал о его жизни. На встречах с учениками Зареченской средней школы звучат рассказы, показываются презентации об участниках Великой Отечественной войны, погибших и вернувшихся с той далёкой войны. И всегда ребята знакомятся с военной биографией участника Парада Победы 1945 года Сергея Семёновича Никифорова.

Валентина Алемазова

Сузунский район

Вечные сокровища сердца

Жизнь приносит слёзы, улыбки, воспоминания! Слёзы высыхают, улыбки исчезают, воспоминания остаются навсегда.

Каждый человек оставляет свой след в жизни других людей. След бывает разным: сильным или как лёгкая дымка, которая быстро рассеивается и исчезает.

Я хочу рассказать о своём свёкре, Дмитрии Анатольевиче Филичеве. Это один из тех людей, который оставил в моей жизни глубокий и неизгладимый след. Более порядочного, скромного, душевного и доброго человека я не встречала в своей жизни.

Филичев Дмитрий Анатольевич

Дмитрий Анатольевич родился в большой крестьянской семье в селе Бедрино Сузунского района Новосибирской области. Среди живых детей он был девятым. Пять сестёр и четыре брата. Маленького Митю, так ласково называли его взрослые, любили все. Старшие сёстры были для него нянъками.

Годы шли, пустел их дом, и к двенадцати годам остались они с матерью вдвоём. Отца и братьев похоронили, сёстры повыходили замуж.

В 7 лет Митя пошёл в школу и четыре года проучился в родном селе. Семилетку заканчивал уже в соседнем селе – Заковряжино. В тридцатые голодные годы тяжело было матери отпускать к чужим людям родной комочек. Но она отпустила, отдавая своей кровиночке последнее. Как могла, кормила, одевала и помогала в учёбе. Где-то не доел, где-то, может быть, и не доспал, но в математике Митя определённо преуспел.

Седьмой класс позади. Встал вопрос: что делать, куда идти. Но проблему решил старший брат отца. Своего сына Петра и племянника Дмитрия он отправляет в р. п. Сузун для продолжения учёбы. Им снимают квартиру, помогают топливом, продуктами. Чтобы выучить сына, мать продаёт свой дом в Бедрино, а сама временно уходит жить к дочери.

Через три года братья успешно оканчивают школу, и их направляют работать сельскими учителями. Дмитрия – в селе Шипуново, где он успел проработать только один год.

Шла Великая Отечественная война. И в феврале 1942 года его призвали как нестроевого (из-за близорукости) в трудовую армию. Однако вскоре Октябрьский военкомат направил его в числе 10 юношей в город Омск в интендантское училище. Когда прибыли туда, набор был закончен, и их с пересыльного пункта направили кого (с 1923 года рождения) в «Чёртову яму» в пехотное училище, а его «старика» (1922 года рождения и близорукого – в Черёмуш-

Дмитрий Анатольевич и Нина Степановна Филичевы с сыновьями: старший Анатолий и младший Юрий

ки (25 км от Омска) в запасной полк. Там дней 20 обучали и направили в действующую армию: «Годен к строевой в очках». Но очков не оказалось: один из командиров, видимо, испытывая неприязнь к интеллигенции, одним из признаков которой были очки, обходя строй молодых новобранцев, сорвал с Дмитрия очки и раздавил их сапогом. Вероятно, он считал, что слепой боец будет лучше защищать Родину.

Из запасного полка попал Дмитрий Анатольевич в истребительный противотанковый дивизион 148-й стрелковой бригады орудийным номером 45-миллиметровой пушки. Воевал под Сычёвкой, под Ржевом. В одном из боёв получил слепое осколочное ранение левого бедра. Лечился в Москве в эвакосортировочном госпитале № 290. Вместе с госпиталем был эвакуирован из Москвы ближе к фронту, в Вяземские леса. При выписке из госпиталя признан нестроевым и направлен в распоряжение Белорусского фронта, где работал в строительном батальоне.

В июле 1944 года, с учётом состояния здоровья и как учителя, по приказу ГКО был демобилизован. С 1 сентября 1944 года работал учителем Заковряжинской средней школы Сузунского района Новосибирской области.

Дмитрий Анатольевич (первый ряд, третий справа), Нина Степановна (пятая справа). Заковряжинская средняя школа, 9 класс (1956–57 год)

Ни в молодые годы, ни когда-либо позже он никогда не жаловался на свою судьбу. Её он воспринимал такой, какая она у него была. И командира, который растоптал его очки, он не осуждал, а по-своему жалел. Нам, детям фронтовиков, воспитанным на идеологических книгах и фильмах, невдомёк было подумать о том, что испытывали наши отцы, находясь на фронтах Великой войны, так как мы считали их героями, для которых не было непреодолимых преград. Когда у Дмитрия Анатольевича спрашивали, что было самое страшное на войне, ответ был присущим человеку, который никогда не выставлял напоказ своих заслуг: «Близко немцев я не видел, потому что даже противотанковая артиллерия не находилась в передовых окопах, и в рукопашных боях я не участвовал. Но когда постоянно рядом свистят пули и рвутся снаряды, к мысли о том, что жизнь не вечна, привыкаешь быстро. К одному невозможно было привыкнуть: в октябре – ноябре в ботинках и обмотках находиться в окопе по колено в воде. Один бесшабашный или отчаявшийся боец набрал где-то щепок и поджёг их в окопе, чтобы хоть немного согреться и обсушиться. Командир наказал солдата».

Дмитрий Анатольевич говорил об этом, не осуждая командира, а объясняя, как трудно было на войне.

В школе, куда его направили, встретил он свою единственную любовь – Нину Степановну Казакову, учительницу географии и биологии, бывшую свою ученицу. Молодые люди поженились, затем вместе окончили Новосибирский педагогический институт. Получив высшее образование, работали в Заковряжинской средней школе, а потом переехали в рабочий посёлок Сузун, где и продолжили свою педагогическую деятельность в средней школе № 2. Вместе они прожили 58 лет. Родили и воспитали двух сыновей: Анатолия и Юрия. Старший, Анатолий, стал тоже учителем, преподавал информатику и физику в той же школе, что и родители. А младший, Юрий, стал хорошим юристом. Был следователем, прокурором, председателем суда. Двое из его детей: сын Михаил и дочь

Нина – тоже стали юристами. А младший, Дмитрий, назван в честь деда.

Вспоминая Дмитрия Анатольевича, я не могу не рассказать о его душевных качествах. Все, кто знал этого замечательного человека, отмечали его врождённую интеллигентность, необыкновенную душевность, уравновешенность и тактичность.

Дмитрий Анатольевич – отличник народного просвещения, он занесён 30.10.1967 в книгу почёта Сузунского районного отдела народного образования и райкома профсоюза работников просвещения. Много внимания уделял он молодым учителям, передавая свой педагогический опыт. Делал это тактично, без назидания.

Дмитрий Анатольевич очень любил детей, и любовь эта была взаимной. На классных часах, посвящённых патриотическому воспитанию школьников, он был желанным гостем. Кто, как не он, мог лучше рассказать о войне, о том, что чувствовал человек, видевший смерть своими глазами.

Несмотря на свою занятость, всегда находил время для своих родных. Очень любил природу, и в свободное время все вместе мы ходили в лес. Собирали грибы, ягоды, просто бродили, разводили костёр, наблюдали за зверушками. Особенно в восторге были внуки. Их дедушка очень любил и баловал.

Нет в живых моих дорогих и любимых людей: свёкра Дмитрия Анатольевича, свекрови Нины Степановны, мужа Юрия. Но они живут в моём сердце, сердцах наших детей и внуков.

Ольга Филичева

Северный район

Радость Победы, горечь утрат

Радость Победы, горечь поражений и утрат вынес наш народ на своих плечах в Великой Отечественной войне. Мы победили. Армия наша не только выгнала захватчиков со своей земли, но и освободила от фашизма Европу. Во всём мире вырос авторитет нашего государства. Вырос и авторитет солдата-победителя, его величайшей стойкости, мужества, любви к Отечеству.

Я сын фронтовика и помню с раннего детства, как фронтовики приходили в клуб на торжественные собрания, концерты или просто в кино. Некоторые в военной форме, при орденах и медалях. Все они были молодые и серьёзные. На лицах гордость, достоинство, уверенность. Они – Победители! И мы гордились своими родителями, слушали любые рассказы или просто разговоры фронтовиков о войне.

Мой отец Иван Глебович Васильев родился 6 апреля 1921 года в деревне Ново-Никольск Северного района Новосибирской области. Служил и воевал с 1940 по 1947 годы. Войну начал в первый же её день в Польше в составе 10-й танковой дивизии, в автомобильном батальоне на Юго-Западном фронте водителем.

Иван Глебович Васильев

За время войны воевал на четырёх фронтах: Сталинградском, Степном, Втором Украинском, Юго-Западном. Участвовал в основных больших сражениях войны: Сталинградской битве, битве на Курской дуге, в Белорусской и Висло-Одерской операциях. Служил в различных родах войск, но большую часть войны был фронтовым шофёром. Войну закончил в Венгрии. За время войны ему пришлось водить разные машины: грузовые «полуторки», легковые автомобили, также был разведчиком-мотоциклистом. На грузовых перевозил боеприпасы, продовольствие, имущество, военнослужащих, на легковых возил высший командный состав. За участие в Великой Отечественной войне Иван Глебович был награждён боевыми наградами: медалями «За Отвагу», «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

Технику отец любил и хорошо знал. Ещё в детском возрасте он собрал велосипед и ездил на деревянных колесах по деревне, вызывая смех и улыбки односельчан. Его профессионализм подтверждает запись в наградном листе: «Гвардии рядовой Васильев Иван Глебович… проявил себя хорошим водителем машины, знающим отлично своё

дело. Во время наступления наших войск он всегда точно и аккуратно водил свою машину по маршруту, сам производил необходимый ремонт в самых трудных условиях, обеспечивая бойцов передовой линии боезапасом, продуктами питания, средствами связи и имуществом. Его машина всегда находится в полной боевой готовности».

В последний год войны возил командующего армией генерал-майора Петрова. Вместе с ним демобилизовался в г. Новосибирск. Генерал обещал ему работу и жильё в городе, но Иван Глебович очень хотел в свою деревню Ново-Никольск: семь лет не был дома.

Отец не очень охотно рассказывал о войне. Но иногда вспоминал отдельные эпизоды, события, подвиги, запавшие в его память.

Война виделась и вспоминалась всем по-разному: у танкистов свои воспоминания, у артиллеристов свои, у пехотинцев свои и т. д. Иван Глебович, будучи фронтовым шофёром, проехал

И.Г. Васильев пятый слева в верхнем ряду (в телогрейке)

всю войну по тяжёлым военным дорогам от Польши до Сталинграда на восток и на запад от Сталинграда до Венгрии. Отец не раз вспоминал начало войны. Автомобильный батальон, в котором он служил, располагался недалеко от границы. Весной и летом 1941 года уже каждый солдат знал, что будет война с Германией. Но офицеры, руководствуясь распоряжениями сверху, говорили, что войны не будет и не надо подавать поводов для конфликта. Однако младшие командиры (сержанты), если шёл ремонт боевых автомобилей, не отпускали солдат ни на обед, ни на отбой, пока машина не будет поставлена в строй. 22 июня ещё не было и четырёх часов утра, как начался артиллерийский обстрел, снаряды рвались на территории части. Быстро оделись, разобрали оружие и – в автопарк. Он уже горел. Отец прослужил уже год и был командиром отделения, готовил молодых водителей, и в его подчинении было три автомобиля, и запасные ключи у него были при себе. На бегу он отдает ключи водителям. Один из них был солдат по фамилии Буренок из г. Барабинск. (После войны в 60–70-х годах однополчане встречались). Машины успели вывести из огня.

Горели склады, поступила команда грузить имущество и вывозить его с территории части. Загрузились, выехали с территории части, километра через три свернули в лес и стали быстро разгружаться, чтобы вернуться назад. В это время рядом с ними с поля поднялся немецкий самолёт. По какой причине, из каких тактических соображений он приземлился в лесу? Они его спугнули. Он начал обстреливать из пулемётов солдат и машины. Все бросились в лес. Самолёт улетел. Вернулись в часть, команда: «Грузить боезапас, личный состав и уходить на восток!» Немецкие танки перешли границу, обошли укрепрайоны и углубились на нашу территорию. (Укрепрайоны были выстроены вдоль границы. Оборудованы они были долговременными огневыми точками, в них были не только пулемёты, но и орудия, под землёй выстроены склады боепитания, продовольствия, места для проживания, колодцы, автономное питание. Всё это было рассчитано для боевых действий на несколько месяцев. Г. Жуков в своих воспоминаниях писал, что нельзя было строить укрепрайоны на границе, нужно было отнести их в глубину хотя бы на 100–150 км. Но у нас тогда была тактика наступления: воевать на чужой территории).

Помню ещё такой эпизод из фронтовой жизни отца первых месяцев войны. Немцы, используя тактику танковых клиньев, быстро продвигались по нашей территории. Иван Глебович получил приказ для остановки наступления немецких танков срочно отвезти сапёров для минирования и подрыва мостов, после выполнения задания забрать их и вернуться в часть. Подъехали к реке, где было два моста, сапёры ушли. Он

замаскировал машину в кустах и стал ждать подрывников. В это время немецкие танки подошли к мосту. Естественно, немцы понимали, что мосты могут быть заминированы, и остались на противоположной стороне реки. Танки стали обстреливать нашу сторону. Отец говорит: «Смотрю, мосты полетели». Прождав сапёров более двух часов, понял, что они ушли. Выехав из кустов на дорогу – а ему нужно было несколько секунд, чтобы преодолеть зону видимости машины из танков – дал полный газ. Немецкие танки открыли огонь из орудий и пулемётов. Открыв дверцу, левой ногой стал на подножку, правой давил на газ, правой рукой держал руль, левой придерживал открытую дверцу, сам пригнулся как можно ниже к земле. От пулемётных очередей с кузова летели щепки, посекли лицо. Противоположный берег был выше, и машина была как на ладони, пока не въехала в лес. Вся кабина и кузов были изрешечены пулями и осколками. Сапёров он догнал через восемь километров. Они все были живы, а если бы находились в кузове машины, то наверняка погибли бы.

В конце лета 1941 года попал в окружение. Так же получил приказ: «Утром забрать разведчиков, которые будут выходить ночью, в одном местечке и доставить в штаб полка». Рано утром на машине он был в условленном месте, разведчиков не было. Стал ждать. Они пришли уже после обеда. Сказали пароль, сели и поехали. Позади уже была слышна артиллерийская и пулемётная стрельба. Километров через десять налетели самолёты, начали бомбить. Все бросились в лес, машина осталась на дороге. Самолёты улетели. Когда вернулись к машине, она горела. При себе было только личное оружие. Вещи, продукты сгорели в машине.

Где шагом, где бегом быстро направились по дороге в свою сторону. Часа через два сзади послышался гул и грохот гусениц. Догоняли немецкие танки. Свернули в лес. Мимо прошла колонна танков и автомобили с живой силой. Пошли вдоль дороги, но движение немцев по трассе нарастало. Открытые участки проходить незамеченными не было возможности. Решили идти ночами. Мучила жажда и голод. Пили из придорожной канавы. Нашли несколько грязных сухарей в кузове разбитой машины. В одну из ночей попытались добыть еды в селе. Постучали в окно в крайнем доме. Выглянула пожилая женщина. «Мамаша, немцы в деревне есть?» «Есть, тикайте, сынки!» Подала в окно краюшку хлеба, несколько картошин и кусок сала. Днём спали в лесу, а шли или бежали ночами, обходя жилье. «Трое нас было, через трое суток и вышли к Сталинграду», – говорил отец. (Потом он прикидывал по карте, 140 километров они прошли, пробежали). Разведчики пошли разыскивать своих, а он – свою часть. В комендатуре сказали, что его часть за Волгой. Переправившись на другой берег, сходит с парома, видит, бежит заместитель командира по технической части:

– О, Васильев, ты откуда?

– Так, мол, и так.

– Иди, принимай машину, водителей нет.

Ещё он вспоминал не раз случай под Сталинградом. Сталинград был превращён в крепость. Вокруг него постоянно шло большое перемещение материальных и людских ресурсов, особенно на завершающем этапе Сталинградской битвы. Большую и важную работу здесь выполняли водители. Уже в феврале 1942 года, после окружения немцев под Сталинградом и наступления Красной Армии на запад, ещё больше требовалась мобильность танковых и автомобильных родов войск. За водительское мастерство, грамотные и умелые действия при выполнении заданий и приказов командиров, хорошую военную выучку И. Г. Васильев был переведён на легковые автомобили, возить командный состав.

Зима 1941–1942 года была холодная и снежная. Дороги заметало быстро. Передвигаться можно было только в составе колонны. Впереди шло несколько грузовых автомобилей с боеприпасами и военнослужащими. На дороге случился большой снежный занос, можно объехать влево, но там ров. Отец говорит: «Гляжу, солдаты разгружаются и носят трупы замёрзших немцев в ров». Через два часа машины пошли по наведённому мосту (по замёрзшим трупам). Проезжая по этому мостку, генерал го-

ворил: «Завоеватели, победители», – и ругался матом. Проехали несколько километров, застучал мотор у «эмки». Колонна остановилась, генерал сел в грузовую машину, сказал, что пришлёт «техничку», жди.

В окружение под Сталинградом попало 330 тысяч немецких солдат и офицеров. Кто его знает, сколько их там было, когда Паулюс сдался со своим штабом. Пленных немцев никто не сопровождал (куда они убегут из Сталинградской степи?). Им сказали, что там лагерь, там вас накормят и согреют. Показали направление, куда идти.

Отец стал думать, как выживать. Мороз за 20 градусов, позёмка, степь, «эмка» старенькая. Слил часть бензина, перемешал с маслом, поджёг в ведре, прогрел кабину, нагрел диск запасного колеса, надел запасную шинель и лёг на диск. Несколько часов было терпимо, но потом процедуру пришлось повторить, чтобы не замерзнуть. А утром пошли пленные, большинство из них не перешли на зимнюю форму одежды. Замотанные чем придётся, в сапогах, голодные, они брели, еле переставляя ноги. Машина стояла навстречу движению немцев, и отец видел колонну, если это можно так назвать, издалека. Мела позёмка, утро, самый мороз на восходе солнца. Некоторые из немцев падали и тут же замерзали. Отец вышел и стал с карабином возле машины. Немцы спрашивают: «Лагерь, лагерь где?» «Туда, туда», – говорил отец и махал рукой на восток в сторону Волги. (Я спрашивал: «Далеко был лагерь?» «Далеко. Но они ночевали в промежуточном местечке на ферме в соломе. Деревни вокруг были сожжены».)

Холодно было, он опять сел в машину.

Этого немца он заметил издалека. Он был высокого роста, руки в карманах. Шёл, покачиваясь, и всё время смотрел на солнце. Не доходя до машины метров пять, он упал и больше не шевелился. Через час его замело позёмкой. Много смертей видел отец на войне. Но эта смерть произвела на него очень сильное впечатление. Много раз он вспоминал и рассказывал этот случай. Отец видел и вырезанные ягодицы у мертвых. Были фашисты, которые любой ценой хотели выжить. За первый день этой дорогой прошли всего три наших машины. Он набрал у солдат из проезжающих машин хлеба, консервов, патронов к карабину.

«Техничка» пришла только на четвёртый день. И все эти дни пленные немцы брели на восток. За эти дни отец сильно простудился, лежал в госпитале более двух месяцев.

Тяжёлыми были фронтовые дороги, подчас просто непроходимыми. Чтобы выполнить приказ, иногда приходилось ехать по железной дороге. Я спрашивал: «А если поезд?» «И здесь приспосабливались, – говорит. – Стаскивали паровозом машины осторожно с насыпи, а когда проходил, опять поднимали на шпалы».

Вспоминал и трагический случай на дороге. В весеннюю распутицу на одном из участков дороги образовалась пробка. Водители и копали, и подкладывали что можно, под колёса, вытаскивали машину назад и пытались проскочить с разгона, но машина была гружёная и села в очередной раз. Тут подъехал «Виллис». В кабине сидели офицеры. Вышел полковник, видно, что пьяный. «Чья машина?» – спросил, указав на застрявшую полуторку. «Моя, товарищ полковник», – ответил шофёр. Полковник вытащил пистолет и выстрелил ему в грудь. «А ну, взяли, перевернули машину!» – крикнул полковник. Подбежали водители и ехавшие солдаты и перевернули машину в кювет. Полковник сел в «Виллис», и они поехали.

Тут подъезжает танк. Выходят командир танка и механик-водитель. Спрашивают: «А что это наша машина в канаве перевёрнутая?» Им показывают на убитого шофёра. Они говорят, что знают его, это их земляк. Кто его? Им показывают на «Виллис». Командир танка кричит наводчику, показывая на «Виллис»: «Огонь!» Ба-бах! Первый снаряд – недолёт. Второй – перелёт. Третий – взрыв, и полетели колёса от «Виллиса» в разные стороны. Танкисты помогли ликвидировать затор. Размяли дорогу, протащили несколько машин, и движение возобновилось. «Прощайте, братцы. Нам всё равно на передовую, оттуда не возвращаются», – сказали танкисты и дали полный газ. Высоко летели над танком комья грязи. Отец

говорил, что все долго смотрели вслед танку, на сгоревший «Виллис», на перевёрнутую машину со снарядами 76 мм калибра (от танка Т-34). Перегружена была полуторка, не могла она проскочить, слабый был мотор у полуторки. А снаряды ждали на передовой.

Спрашивал я как-то про оружие. Он говорил, что в кабине всегда был штатный карабин. Но под рукой в дверце всегда был немецкий «Вальтер». Хвалил немецкое оружие – автоматы, пистолеты и даже гранаты. Немецкая граната с длинной ручкой, удобная, как толкушка. Как зафитилишь её метров под 50!

Немецкие самолёты постоянно охотились за командным составом, поэтому часто попадали под бомбёжки и артобстрелы. Были случаи, возвращались в часть пешком.

Запомнился ещё один эпизод из рассказов ветерана. Дело было на территории Польши ближе к концу войны. Наши войска стремительно наступали по всем фронтам. Знакомые разведчики донесли, что впереди на дороге стоит большая колонна немецкой автотехники. Горючего в машинах нет, колонна не охраняется. Быстро созрел план увести машины у противника из-под носа. Из автобата ночью отправились семь человек, в их числе и Иван Глебович. Взяли с собой канистры с бензином, предупредили об операции наших бойцов на передовой и пошли. Немецкая аккуратность: ключи зажигания в замках. Немецкая речь слышна бала на горе метрах в ста. Заправили, кто какую выбрал, осторожно, тихо выехали, не включая свет, и направились к своим позициям. Немцы ночью не сразу поняли такую дерзость, что это русские ездят на их машинах. Позже открыли огонь, но наша артиллерия быстро заставила их замолчать.

Я как-то спрашивал у отца: «А в кинохронику ты где-нибудь попадал?» «Попадал, запечатлён, и не однажды. В Польше, например, снимали нас в боевой обстановке. У немцев там был мощный укрепрайон. Наши танки пробили брешь и вместе с пехотой ушли вперёд, оставив в тылу немецкие доты. Все подразделения обеспечения бросили на уничтожение этих дотов. Наши солдаты заходили с противоположной стороны от амбразуры дота, раздалбливали ломами углубление в крыше, закладывали заряд тола и предлагали сдаться. Немцы отказывались сдаваться и стреляли в ответ. Зажигали бикфордов шнур и убегали в укрытие. Раздавался мощный взрыв, дот раскрывался, как цветок». Я спрашивал: «Кто-нибудь оставался живой?» «Да что ты! Такой динамический удар! Подбежишь к краю, смотришь внутрь, все лежат, кто-нибудь шевелит пальцами или ногой (смертные судороги)».

И.Г. Васильев и его израненная машина

Кстати, я видел по телевизору кадры кинохроники, где несколько солдат проводят какие-то работы на фоне бетонных дотов. Но это было не более трёх секунд.

«Снимали и концерты, где пели Русланова и другие знаменитые артисты. Было много солдат, знаю, что и я попал в кадр. От меня недалеко стоял командующий фронтом Тимошенко. Полковая разведка рядом с автопарком располагалась. Ходили друг к другу в гости. Разведчики однажды говорят: «Пойдёшь, Иван, с нами в разведку за языком?» Отец подумал, что ещё до войны, будучи разведчиком-мотоциклистом, прошёл специальную подготовку: рукопашный бой, огневую подготовку, ориентирование на местности, минно-взрывную, да и здоровье было. «А пойду, – говорит, – если командир отпустит». Командир отпустил. Через трое суток привели «языка». Но больше командир (генерал) не отпускал. Сказал: «Я уже привык к тебе, убьют, кто возить меня будет?»

Отступая, немцы использовали тактику выжженной земли на нашей территории. Что могло гореть, сжигали, что не горело, взрывали.

«Как только мы перешли границу, бездорожье кончилось, стали есть вволю, сытая Европа воевала против нас. Красивые, ухоженные и цветущие города и посёлки, асфальтированные дороги, работающая промышленность и сельское хозяйство. Как только мы занимали какую-нибудь европейскую страну, она сразу же объявляла войну Германии.

Ездить по европейским дорогам приходилось много, иногда сутками за рулём». Отец вспоминал: «Как-то поздно ночью остановились в роще на въезде в небольшой городок. Командир накрылся одеялом и лёг в машине. Я взял брезент, постелил под деревом, накрылся шинелью и уснул. Утром проснулся, а это кладбище. Большие склепы, богатые надгробья, интересные надписи. На одном надгробье написано: «По моей могиле не ходи, мой прах не топчи, я дома, а ты в гостях». Перевёл командир, он знал три языка. Повторял иногда эти слова отец.

В Германии или в Австрии ездил уже на европейской машине. Не доезжая километра три до какого-то городка, выяснили, что оборвало шатун в двигателе. Взяли с сопровождающим оружие (генерала не было) и пошли в городок добывать машину. У встречного велосипедиста спрашиваем: «Где живёт буржуй с авто?» Он показывает на большой каменный дом. Пришли к дому, постучали, объяснили, что забирают автомобиль в Советскую Армию. Хозяин открыл гараж, отдал ключи. В гараже был новенький «Опель». Он хотел уходить, но его посадили в машину и поехали к своей машине. Владельцу «Опеля» показали свою машину и объяснили, как могли, что случилось и что теперь это его машина. Он сказал: «Гут!» Объяснил, что всё сделает. Отец перегрузил свои вещи, отдал канистру спирту хозяину. (У него всегда был спирт в машине). Для европейца это было целое состояние. Зацепили машину на сцепку и отбуксировали к дому. И даже помогли закатить в гараж. Отец удивился – в гараже была целая ремонтная база: сварочное, станочное оборудование, краны и другое. Хозяин ожил и не мог нахвалиться приобретением, уж так благодарил. Когда поехали, отец сказал, что с такой ремонтной базой он уже через три дня будет ездить на нашей машине.

Утром генерал спрашивает:

– Васильев, у тебя опять новая машина?

– Так точно! – говорю. – Сломалась старая, пришлось сменяться с буржуем. Очень доволен остался.

Смеялся долго генерал.

В Венгрии после Победы до увольнения отец прослужил ещё девять месяцев. Поездил, посмотрел по всей Европе. Иногда в разговорах говорил: «Ребятишки, жить, как живут в Европе, будут только ваши дети!»

Солдаты-победители, несмотря на горечь утрат, в основном на занятой территории вели себя корректно. Отец общался постоянно с местным населением, с некоторыми мадьярами дружил. Называл Карла Бачи, хороший дед был, занимался виноградарством. На бытовом уровне общался на венгерском неплохо. Считал от одного до двадцати.

В 70-е годы давали путёвки в Восточную Европу. Я хотел съездить в Венгрию, в городок, где служил отец. Но путёвок не было в Венгрию.

Домой отец вернулся летом 1947 года. Мать, Домна Максимовна Васильева (Литвякова), проработавшая всю войну на тракторе, рассказывала: «Стоим на полевом стане, идёт ремонт тракторов и инвентаря. Подъезжает машина, и выходит демобилизованный солдат, в военной форме, вся грудь в медалях, высокий, красивый. Поздоровался со всеми. Подходит ко мне, смотрит на трактор, сразу увидел, что надо делать. И говорит: «Дай-ка ключ», – и лезет под трактор. В общем, вдвоём мы быстро закончили ремонт, а вскорости и поженились».

Я часто спрашивал мать: «Как же вам, простым девчонкам, всю войну приходилось работать на такой технике? Всё железное: и колёса, и сиденье, и руль, и заводился вручную, часто ломался (как говорила мать, «разрегулировался»)». «Война, – говорила мать. – Норму выполнять надо. Вечером сломается на пахоте, разберём, разложим части и гайки на платки. Подставляем козлы, отделяем переднюю часть (мотор) от задней. Регулируем зажи-

гание. Оно находилось внутри. (Надо же было так сконструировать!) Когда становилось темно, готовили ночлег и спали, прижавшись под деревьями друг к другу. Летом в четыре часа уже светло. Вставали, пили какой-нибудь чай из травы и продолжали ремонт. К семи часам утра на пахоту приезжал бригадир, а у нас трактор уже работал. Голодные, холодные, полураздетые. Одежда, которая была до войны, износилась. Трактористкам давали мешки списанные, из которых можно было сшить что-то наподобие одежды. Иногда просто не было сил завести трактора. Голодные 18–20-летние девчонки не в силах были провернуть двигатель с мощной компрессией и большой отдачей назад. Иногда выбивало руки. Приехал утром однажды бригадир на поле, а трактора стоят в линейку. Девчонки сидят у костра, варят похлёбку из травы («пУчки»). Нет сил, не можем завести трактора, несколько дней не ели. Поехал бригадир в деревню, привёл ребят-подростков по 14–15 лет. Завели они. А трактористкам выписал по шесть килограммов хлеба (пшеницы). Мололи дома на жерновах и ели кашу».

– А как же вы на железных сиденьях целыми сутками?

– Набьёшь мешок травой или сеном, и не так трясёт, и не холодно.

У отца был старший брат Семён, 1919 года рождения. (Я у бабушки видел его фотографию в будёновке.) Ему нужно было увольняться летом 1941 года. Отец получил от него с начала войны только два письма. Он пропал без вести в декабре 1941 года.

Бабушка писала после войны отцу, что ходить не в чем, нет даже бумаги написать письмо. После войны и солдатам разрешалось посылать посылки. Отец посылал три посылки: в одной одежда, в другой отрезы материала шерстяного, в третьей бумага и мыло. Бабушка ходила за 25 км на почту в Верх-Красноярку из Ново-Никольска получать посылки. Дошла только бумага. Во второй посылке были кирпичи. (Принесла из Верх-Красноярки домой). Третьей посылки вообще не было. Потом воров на почте поймали и дали по десять лет лагерей, как предателям Родины.

Работники Северной МТС. И.Г. Васильев пятый слева в верхнем ряду (в полушубке), 4 апреля 1949 г.

И. Г. Васильев работал после демобилизации в колхозе «Память Ленина» водителем, в Северной МТС, в строительной бригаде (строил школы в Верх-Красноярке и Больших Куликах), водителем в сельпо и других организациях. Отец как-то говорил нам, что у нас есть брат в Сталинграде. Когда в 1942 году лежал в госпитале, подружился с медсестрой. После госпиталя заезжал или прибегал к ней. Позже она комиссовалась и родила мальчика. Полтора года они переписывались. Потом письма отца стали приходить назад. Связь была утеряна.

Отец, когда выпивал, пел песни: «Синий платочек», «Тёмная ночь», «В землянке», «Песня фронтового шофёра» и другие. Когда пел, иногда плакал, бывало, тяжело, навзрыд. Плакала израненная войной душа.

Иван Глебович умер от сердечного приступа 7 ноября 1978 года в возрасте 57 лет. Похоронен в с. Верх-Красноярка Северного района Новосибирской области.

Валерий Васильев

Коченёвский район

Подвиг длиною в жизнь

Вся жизнь Александра Яковлевича Анцупова неразрывно связана с Коченёвским районом, в котором он в год образования района родился в с. Федосиха и прожил всю сознательную жизнь.

Несмотря на то, что последние годы Александр Яковлевич жил в Новосибирске и Коченёве, село Федосиха оста-

валось для него его Родиной и душой, он говорил: «Там начало начал, оттуда вьётся моя тропка».

Вернувшись в родное село после войны в 20 лет Героем, он не мог жить незаметно, ничем не выделяясь, его подвиг во имя сохранения Памяти о той страшной войне растянулся на всю жизнь.

Это человек, который никогда не сдавался. Ни возраст, ни жизненные трудности не могли сломить его волю. Он всегда был в движении, полон энергии, оптимизма и силы духа, огромного желания помочь людям. Его жизненные ориентиры – всегда быть в строю, помнить о прошлом ради настоящего и будущего, поддерживать связь поколений.

Он родился 7 июля 1924 года в селе Федосиха, Коченёвского района Новосибирской области в большой дружной семье. Отец Яков Тимофеевич, переселенец из Орловской губернии, и мать Агриппина Ефимовна, уроженка села Федосиха, работали в колхозе «Сибкомбайн».

Школу-семилетку Александр окончил в 1940 году. Потом сразу устроился в совхоз. Этот период жизни также был наполнен трудом и неприхотливыми деревенскими забавами.

«Помню, мы, ребята, возили на лошадях горючее, – рассказывал Александр Яковлевич, – по две бочки по 200 литров закатим на брички и везём на полевые станы, где заправляли технику. Самым любимым временем для молодых парней и девчат в те годы был сенокос. Мы уезжали в поле, разбивали лагерь, строили шалаши, утром по росе косили, а затем сгребали сено. Прогресс молодым парням представлялся в образе хитрых механизмов. Очень нас, сельских ребят, тянуло к технике. До сих пор вспоминаю то чувство радости и гордости, когда меня поставили прицепщиком на весновспашке, а осенью – штурвальным на комбайн «Коммунар». Комбайнёром у нас был Василий Черненко, грамотный, хороший механизатор. Работая с техникой, он всегда был чисто и опрятно одет и не выражался. Он был для нас образцом для подражания и учил делать всё так, чтобы не приходилось переделывать».

Этому же его учил, конечно же, и главный его наставник – отец Яков Тимофеевич, участник Первой мировой и Гражданской войн, кавалер двух Георгиевских крестов.

«Мне в тот год, когда Германия напала на нашу страну, не было и семнадцати лет, – вспоминал Александр Яковлевич. – В первый же день пошёл в военкомат. Там длинная очередь – пробиться к нему не смог. Один работник военкомата взял моё заявление и пообещал прислать повестку. Несколько раз потом приходил к нему, но всегда получал уклончивый ответ: мол, когда надо, вызовем. Потом он не выдержал и сказал: «Слушай, юноша, а разве хлеб растить – это не фронт? Каждый пуд хлеба, каждый центнер молока тоже оружие. Иди и работай, без вызова не приходи».

Мечтой нетерпеливого парня было как можно быстрее попасть в действующую армию. Сбылась она только 12 октября 1942 года, когда он Коченёвским РВК был призван в ряды Красной Армии.

Александр был направлен для обучения военной специальности в полевую школу в город Куйбышев, где готовили младших командиров. После освоения курса молодого бойца и принятия присяги его зачислили в первую роту батальона учебного полка. Курсанты батальона готовились стать командирами стрелковых отделений и снайперами. Здесь в конце февраля 1943 года Александр получил звание младшего сержанта, а со 2-го марта продолжил обучение в Омском танковом училище, в котором ему предстояло освоить специальность радиста.

В составе 3-й гвардейской танковой армии в июле – августе 1943 года он лицом к лицу впервые встретился

Награждение А.Я. Анцупова медалью «Золотая Звезда»

с врагом на Орлово-Курской дуге, где развернулась грандиозная битва…

Парню не было и 20 лет, а на вид и вовсе казался подростком: невысок и узкоплеч, коротко подстриженные волосы топорщатся на голове, застенчивая улыбка.

«В ненастную, дождливую ночь 14 июля мы были подняты по тревоге и начали движение на заданный рубеж по полному бездорожью. Двое суток продолжался изнурительный многокилометровый марш, – воспоминал А. Я. Анцупов. – Экипаж, в составе которого я участвовал в сражениях, шёл по заболоченному лиману реки. На подступах к реке немецкий зажигательный снаряд попал в танк. Пламя охватило машину. Я был на башне у пулемёта. Одежда воспламенилась, огонь обжигал лицо. Чтобы не обгореть, я, зажав руками лицо, спрыгнул в воду. Выбравшись из реки, увидел бронемашину, объятую сильным пламенем и едким густым чёрным дымом. Огонь полыхал, трещал, выбрасывая клубы едкой гари. Члены экипажа, смертельно контуженные от взрыва и задохнувшиеся от дыма, так и не смогли выбраться наружу. Подойти к танку, и что-либо предпринять для спасения ребят было абсолютно невозможно».

Пока десять дней Александр лечился в госпитале, бригада продвинулась дальше на запад, поэтому он был зачислен в звании младшего сержанта в 1-й мотострелковый батальон 69-й механизированной бригады с отделением автоматчиков, в 9-й механизированный корпус, и назначен командиром танко-десантного разведывательного отделения.

Впереди его ждало серьёзное испытание, за которое он потом и получит звание Героя.

В сентябре 1943 года батальон, в котором он служил, находился в нескольких километрах от Днепра. До подхода частей необходимо было произвести разведку, выполнить приказ командования: переправиться через реку и закрепиться до подхода бригады. Анцупов и ещё несколько добровольцев вызвались выполнить поставленную задачу – разведать и найти подручные средства для форсирования реки. Для этого они переправились на правый берег и доставили к переправе две лодки, имеющиеся в партизанском отряде. Для обеспечения переправы отделений, а затем и всего батальона, отделение под командованием Анцупова вновь переправилось через Днепр и прикрывало форсирование, уничтожив передовые огневые точки противника, служившие помехой. Батальон форсировал Днепр, скрытно и ускоренно. Две лодки курсировали беспрестанно, ночь скрывала людей. К семи утра 22 сентября 1943 года переправа батальона была завершена.

Анцупов Александр Яковлевич, Герой Советского Союза

Заслуженная высокая награда долго не могла найти Героя среди боев, в которых он участвовал уже в составе 23-й механизированной бригады и продолжал свой дальнейший боевой путь.

Прошёл Александр Яковлевич дорогой войны через Киев, Житомир, Винницу, Проскуров, Львов. Но 25 июля 1944 года в ожесточённом бою в ходе Львовско-Сандомирской операции был тяжело ранен, после чего был комиссован и в декабре 1944 года вернулся в родное село. Дома его ждала радостная весть о присвоении звания Героя Советского Союза. Звезда Героя Советского Союза и Орден Ленина Александру Яковлевичу вручили 18 августа 1946 года в Москве в Кремле.

В наградном листе от 21 ноября 1943 года указано: «…22 сентября 1943 года первый переправился через реку Днепр на подручных средствах и своё отделение повёл в наступление. Отбросил противника подальше от правого берега, чем дал возможность переправиться на правый берег другим подразделениям бригады. Переправившись на правый берег р. Днепр, сломив сопротивление противника, обеспечил занятие с. Зарубенцы. Сам лично тов. Анцупов уничтожил шесть немецких солдат. За проявленное мужество и отвагу тов. Анцупов вполне заслуживает награждения высшей правительственной наградой – присвоения звания «Герой Советского Союза».

Десятилетия мирной трудовой жизни пронеслись быстро: почти тридцать лет Александр Анцупов проработал в системе потребительской кооперации, наряду с наградами, полученными на фронте, за добросовестный труд добавились медали «За освоение целинных земель», «За доблестный труд», орден Октябрьской Революции, значок «Отличник Советской торговли».

Но маячком, светящимся изнутри, в памяти ветерана всегда оставалась простая, но верная мысль: «Мне приятно осознавать, что я один из тысяч солдат, которые победили, а значит, отстояли честь нашей страны».

Ни дня и ни минуты своей жизни А. Я. Анцупов не забывал своих товарищей, не вернувшихся с войны. Чтобы сохранить эту память он вёл активную поисковую работу, встречаясь с участниками той страшной войны, ведя переписку с архивами, военными комиссариатами и родственниками погибших.

А.Я. Анцупов в Коченёвском краеведческом музее на встрече с учениками КСОШ №13

Благодаря этой ежедневной, кропотливой работе он смог создать «Книгу памяти» о земляках Коченёвского района, погибших в боях, умерших от ран и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С 1999 года в течение пяти лет он собирал сведения и пополнял имеющийся список земляков, не вернувшихся домой с войны. Он работал в основном по ночам, перед собой ставил задачу выписывать в сутки не менее 40 фамилий людей, погибших на войне. Книга была завершена в 2004 году.

В 2010 году Александром Яковлевичем написана автобиографическая книга «Его война не разрушила взрывами», в которой он поделился своими воспоминаниями, а в 2015 году в свет вышла книга о его малой Родине – «Судьба села в судьбе страны».

Сохраняя память последней войны, он на территории Федосихинского сельского совета вёл активную работу по облагораживанию кладбищ, установке поклонных крестов и плиты на захоронении 70 участников войны.

Изданные им книги он с дарственной надписью подарил Коченёвскому краеведческому музею, чтобы помнили. Встречаясь в стенах нашего музея с учениками школ, военнослужащими срочной службы, он пытался донести до слушателей весь ужас войны, горечь утрат, рассказать о стойкости и мужестве, доблести и чести солдат, совершивших подвиг во имя человечества.

В прошлом году Коченёвский район отмечал свой юбилей – 95 лет, на празднике присутствовал и Александр Яковлевич Анцупов, приветствующий на трибуне своих земляков. Никто тогда не знал, что в последний раз – через месяц его не стало…

Имя Героя Советского Союза Александра Яковлевича Анцупова известно далеко за пределами нашего района и области.

За заслуги перед Отечеством в 2005 году Президент Российской Федерации Владимир Путин вручил ему золотые часы. Он награждён 9 орденами и 45 медалями, 10 знаками отличия.

За выполнение воинского, служебного и гражданского долга А. Я. Анцупов удостоен почётного гражданского ордена «Серебряный Крест», за укрепление мира и согласия в обществе – званий «Почётный гражданин Коченёвского района» и «Почётный гражданин Новосибирской области».

Елена Рыбальченко

Болотнинский район

След бронепоезда

В 1980-х годах, собирая информацию о призванных на фронт в составе сформированных в городе Тайга бригад бронепоездов 49-го отдельного дивизиона бронепоездов болотнинских железнодорожниках, директор Болотнинского районного историко-краеведческого

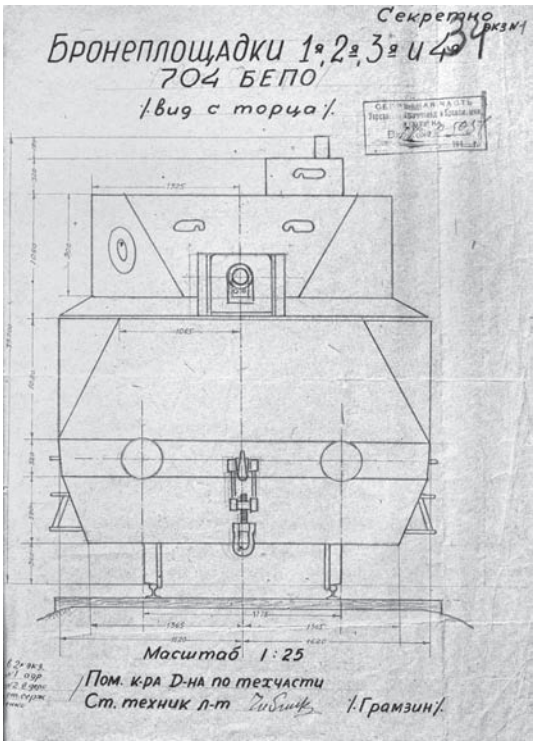
музея Николай Степанович Мишутин наткнулся на информацию о постройке в 1941–1942 годах некоего бронепоезда в Болотнинском депо.

Общаясь с ветеранами, работавшими в то время в депо, он пытался установить, что это был за бронепоезд, как он назывался, относился ли он каким-то образом к 49-му отдельному дивизиону бронепоездов, однако ответа на эти вопросы не получил. Ветераны были простыми исполнителями – рабочими, которым не полагалось много знать. Они сообщали лишь о примерном времени работы – вторая половина 1941 года – первая половина 1942 года и о том, что работа состояла в обшивке стальными листами готового корпуса, причём из опрошенных не было никого, кто лично участвовал бы в этой работе; других подробностей никто не сообщал или уже не помнил.

Пытаясь получить ответы на свои вопросы, Николай Степанович завязал переписку с ветеранами-железнодорожниками, которые, по словам уже опрошенных, имели непосредственное отношение к постройке бронепоезда в Болотнинском депо.

Один из бывших работников Болотнинского вагонного депо, Иван Семёнович Беликов, на момент переписки проживавший в Казахстане, в городе Алма-Ата, рассказал о своём участии в подготовке на станции Болотная бронепоезда: «В 1941 году 26 июля я с бригадой был откомандирован на Кировскую железную дорогу… и там находился до конца октября 1941 года… Нас снова отправили на Томскую железную дорогу в депо ст. Болотное… По прибытии в депо ст. Болотное меня с первого дня направили на изготовление бронепоезда, после того как бронепоезд был подготовлен, нас направили в г. Новокузнецк на металлургический завод для его закалки. Руководителем бригады был назначен т. Мягких В. В., но после его травмы руководителем бригады был назначен т. Чевозеров П. (отчество, к сожалению, забыл).

Вместе со мной сопровождали бронепоезд в г. Новокузнецк т. Осипов Л. П., т. Сороковик, т. Дрыга и четверо эвакуированных, фамилии которых, к сожалению, не помню.



Чертежи бронеплощадки бронепоезда «Лунинец»

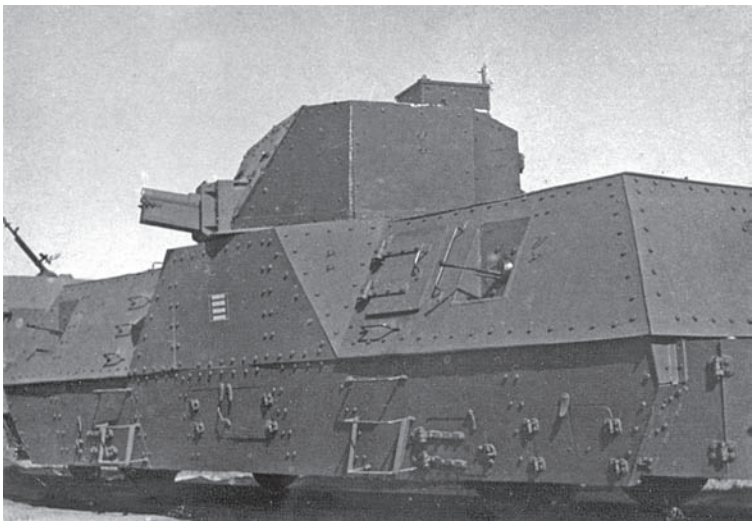
В Новокузнецке на заводе мы вновь снимали броню, закаливали и снова одевали. После того как бронепоезд был подготовлен, мы его сдали военному ведомству…»

Иван Семёнович Беликов, наконец оказавшийся человеком, непосредственно имевшим отношение к постройке в Болотном бронепоезда и рассказавший об этом Николаю Степановичу Мишутину, к сожалению, не имел представления о дальнейшей судьбе своего изделия и также не смог сообщить ни название, которое получил бронепоезд, ни отношение этого бронепоезда к тайгинским бригадам бронепоездов.

Из доступных в то время сведений из исторических сборников сделать какие-либо выводы о таинственном болотнинском бронепоезде также было невозможно: упоминание о Болотном как о месте постройки бронепоездов в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны отсутствовало.

Обладая сообщениями свидетелей, Николай Степанович, конечно, не мог проигнорировать сам факт постройки бронепоезда в Болотном, но в интерпретации этого факта, по понятным причинам, был осторожен и упоминал о

болотнинском бронепоезде лаконично. В своих краеведческих очерках (Очерк № 12. В годы войны (1941–1945)) в конце 1980-х годов он писал: «В паровозном депо ст. Болотная, кроме основной работы, ремонтировались поезда с фронта, а также был оборудован паровоз с маркой «Ов» под бронепоезд, его отправили в Новокузнецк. На закалку брони выехали товарищи В. В. Мягких – зам. начальника по ремонту и И. С. Беликов». Такая краткая информация о болотнинском бронепоезде оставалась и остается официальной.



Бронеплощадка бронепоезда «Лунинец»

Между тем в 1990–2000-х годах появилось несколько исторических публикаций, посвящённых истории сибирских бронепоездов в годы Великой Отечественной войны, в которых в ряде новых процитированных документов были упомянуты места постройки бронепоездов Западной Сибири.

Так согласно нескольким цитируемым документам сообщается, что БП (бепо) № 2 49-го отдельного дивизиона бронепоездов (паровоз Ов № 5520) бронировался в депо ст. Болотное, а сам бронепоезд строился в депо станций Болотная и Новосибирск.

В 49-м отдельном дивизионе бронепоездов, в котором служили в том числе и наши земляки-болотнинцы, было два бронепоезда: БП № 1 «Железнодорожник Алтая» и БП № 2 «Лунинец». 5 декабря 1942 года бронепоезда получили новые номера и в дальнейшем были известны только под ними: «Железнодорожник Алтая» – № 663, «Лунинец» – № 704.

По описанию из документов, «Лунинец» состоял из располагавшегося в середине состава бронепаровоза Ов № 5520, одетого в броню 30 мм, командирская рубка и будка машиниста которого были одеты в броню 40 мм, и четырёх двухосных бронеплощадок № 137, 138, 139, 140, защищённых бронёй 10–20 мм. На бронеплощадках располагались башни с броней 36–43 мм, вооружение каждой из них состояло из одной 76-мм танковой пушки образца 1927/1932 года (КТ-28) и пяти пулемётов ДТ.

В мае 1942 года в Москве в состав бронепоезда «Лунинец» была включена площадка ПВО завода «Стальмост» с двумя пулемётами ДШК. Для внешней связи была установлена радиостанция 71 – ТК – 1. Для связи между вагонами и паровозом весь состав был оборудован телефоном и переговорными трубами корабельного типа. Электроэнергия для освещения вырабатывалась турбогенератором, установленным на паровозе, а для отопления состава в холодное время имелась система труб с подачей пара от котла.

Бронепоезд «Лунинец» был назван в честь героя стахановского движения машиниста Николая Александровича Лунина. Существует легенда о том, что когда бронепоезд был готов, Николай Лунин со своей бригадой написали заявление об отправке их на фронт с этим бронепоездом, но руководство им отказало, пояснив: «Здесь вы делаете не менее важное дело для страны».

В то же время традиционно считается, что «Лунинец» создавался в депо ст. Тайга: «В августе 1941 года рабочие паровозного депо станции Тайга приступили к строительству бронепоезда № 704 «Лунинец». <…> В броню одели лучший на тот момент паровоз депо – Ов-7124. <…> Листы броневой стали поставлялись с Кузнецкого металлургического комбината, но большинство крупных поковок всё равно приходилось делать вручную. <…> Выручали практические навыки и смекалка кузнецов И. Коловникова, Е. Липовцева, котельщиков П. Разутова, С. Чикурова, слесарей С. Шулепова, Д. З. Кухта, А. С. Амирова, И. М. Харитонова, М. А. Ватлина. <…>

Оборудованный, одетый в броню бронепоезд был готов к апрелю 1942 года». Сюжету с созданием «Лунинца» в Тайге с 1980-х годов посвящено много публикаций, поэтому современные исследователи осторожно заключают: «Окончательно бронепоезд достроили, видимо, в депо станций Болотная и Новосибирск».

Однозначно с постройкой в депо ст. Тайга был связан «Железнодорожник Кузбасса» (бронепаровоз Ов № 2471) 41-го отдельного дивизиона бронепоездов. Иногда упоминаемый также как построенный на ст. Тайга, бронепоезд «Металлург Кузбасса» (бронепаровоз Ов № 5278) 42-го отдельного дивизиона бронепоездов в действительности был построен в депо ст. Белово.

Возможно, ветераны-железнодорожники ст. Тайга при их опросе в 1980-х годах местными краеведами рассказывали о постройке ими бронепоезда «Железнодорожник Кузбасса», ведь названия и номера бронепоезда получали позже. Обращает на себя внимание и тот факт, что паровозом «Лунинца» по документальным сведениям был Ов № 5520, тогда как в воспоминаниях тайгинцев-ветеранов упоминается паровоз Ов № 7124, что как раз напоминает переставленные цифры 2471 – номера бронепаровоза «Железнодорожник Кузбасса».

Евгений Терентьев

Усть-Таркский район

Танкист Иванов

Алексей Григорьевич родился в деревне Новоалександровка Усть-Таркского района Новосибирской области. Здесь же учился в школе, стал пионером, потом комсомольцем, перед самой войной овладел профессией тракториста. В 1938 году призван в ряды Красной Армии. В начале июля 1941 года войска юго-западного фронта заняли оборону на старой границе. Танковый полк, в котором служил сержант Иванов, прикрывал участок в районе Шепетовки. Отбивая атаки превосходящего силой противника, танкисты стояли насмерть.

В этих боях полк потерял почти все танки. Вражеским снарядом была подожжена и боевая машина, на которой сержант А. Г. Иванов был механиком-водителем. Только ему одному удалось выбраться из горящего танка. Все его товарищи по экипажу погибли. Иванова схватили немцы…

Иванов Алексей Григорьевич

Трижды бежал он из плена, прежде чем попал в партизанский отряд Антона Захаровича Одухи.

В середине мая 1942 года подпольщики совершили свой первый диверсионный акт – взорвали железнодорожный мост между станцией Кривин и разъездом Бадуевка. Свыше 700 гитлеровцев погибли в результате этой диверсии.

Партизанам пришлось уйти в лес.

Группа Иванова жгла вражеские склады, громила полицейские участки, уничтожала предателей, разрушала железнодорожные пути. В течение всего года на железной дороге между Шепетовкой и Ровно гремели взрывы. Только Иванов со своей группой уничтожил на этом участке восемь вражеских эшелонов. Когда начались бои за Правобережную Украину, партизаны, в том числе и соединение А. З. Одухи, получили задачу занять город Острог Ровенской области.

В ночь на 13 января партизаны вышли на исходные рубежи. А. Г. Иванов командовал ротой. Ему было поручено охранять шоссе северней города и не дать уйти ни одному гитлеровцу. На рассвете начался штурм. Только немногим фашистам удалось по болотам уйти из Острога. Над городом гордо реяло красное знамя. Более 20 дней, вплоть до прихода Советской Армии, партизаны удерживали город.

В начале апреля 1944 года партизаны снова оказались в тылу противника и развернули активные действия в районе Ковель – Владимир – Волынский. 15 апреля между реками Бук и Турья гитлеровцам удалось окружить партизан. Фашисты бросили против них около 30 танков, 50 самолётов, обрушили огонь десятков артиллерийских и миномётных батарей.

Партизаны заняли круговую оборону. Алексей Иванов со своей ротой

Бюст Героя Советского Союза Иванова Алексея Григорьевича в деревне Новоалександровка, ул. Иванова

сдерживал натиск танков. Кроме гранат и мин никаких других противотанковых средств у партизан не было.

Алексей Иванов в этих тяжёлых боях лично уничтожил три танка. А 10 мая его сразила вражеская пуля. Похоронен на месте боя.

17 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР многим партизанам из соединения А. З. Одухи было присвоено звание Героя Советского Союза. Удостоился этого отличия и наш земляк Алексей Григорьевич Иванов (посмертно).

Именем Героя названа улица в районном центре Усть-Тарка, здесь же установлена мемориальная доска. В деревне Новоалександровка установлен памятник нашему земляку, Герою Советского Союза – Алексею Григорьевичу Иванову.

Татьяна Алексеева

Болотнинский район

Воспоминания рядового

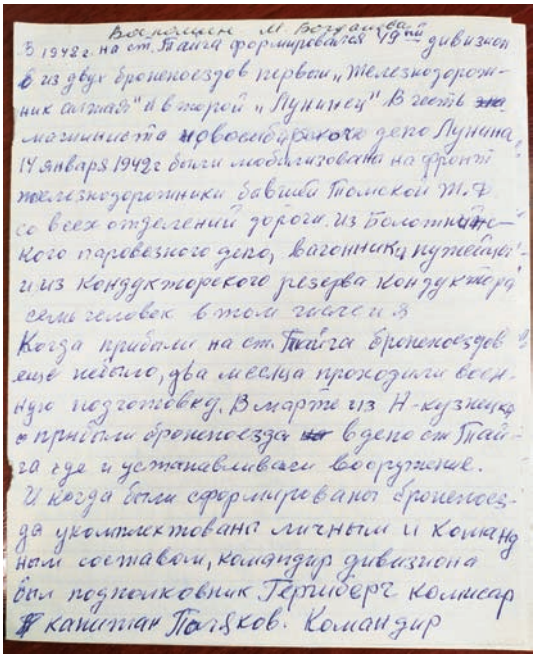
В 1985 году директором Болотнинского районного историко-краеведческого музея Николаем Степановичем Мишутиным был осуществлен сбор информации о болотнинцах, служивших во время Великой Отечественной войны в 49-м отдельном Шепетовском дивизионе бронепоездов. Одним из информаторов был Михаил Васильевич Богданов, в 1942–1946 годах служивший на бронепоезде «Железнодорожник Алтая», который составил собственные воспоминания о своей службе. Текст воспоминаний Богданова приводится без изменений.

«Воспоминания М. Богданова.

В 1942 г. на ст. Тайга формировался 49-й дивизион из двух бронепоездов: первый — «Железнодорожник Алтая», второй — «Лунинец», в честь машиниста новосибирского депо Лунина. 14 января 1942 года были мобилизованы на фронт железнодорожники бывшей Томской ж/д со всех отделений дороги. Из Болотнинского паровозного депо: вагонники, путейцы и из кондукторского резерва — кондуктора, семь человек, в том числе и я.

Когда прибыли на ст. Тайга, бронепоездов ещё не было, два месяца проходили военную подготовку. В марте из Н-кузнецка прибыли бронепоезда в депо ст. Тайга, где на них устанавливали вооружение. И когда были сформированы бронепоезда, укомплектованы личным и командным составом, командир дивизиона был подполковник Гергиберг, комиссар — капитан Пачяков, командир первого бронепоезда «Железнодорожник Алтая» — старший лейтенант Реунов И. И., комиссар — Манин, первого апреля из ст. Тайга бронепоезда отправили на Запад.

В Новосибирске получили всё необходимое: боеприпасы, продовольствие, весь ж/д инструмент для восстановления пути. И 1-го мая 1942 г. новосибирские железнодорожники отправили



Воспоминания М. Богданова
В 1942 г. на ст. Тайга формировался 49-й дивизион
в из двух бронепоездов первый „Железнодорож-
ник Алтая" а второй „Лунинец". В честь
машиниста новосибирского депо Лунина,
14 января 1942 г были мобилизованы на фронт
железнодорожники бывшей Томской ж.д
со всех отделений дороги. Из Болотнин-
кого паровозного депо, вагонники, путейцы
и из кондукторского резерва кондуктора
семь человек в том числе и я
Когда прибыли на ст. Тайга бронепоездов
ещё небыло, два месяца проходили воен-
ную подготовку. В марте из Н-кузнецка
прибыли бронепоезда в депо ст. Тай-
га где и устанавливали вооружение.
И когда были сформированы бронепоез-
да укомплектованы личным и команд
ным составом, командир дивизиона
был подполковник Гергиберг комиссар
капитан Пачяков. Командир

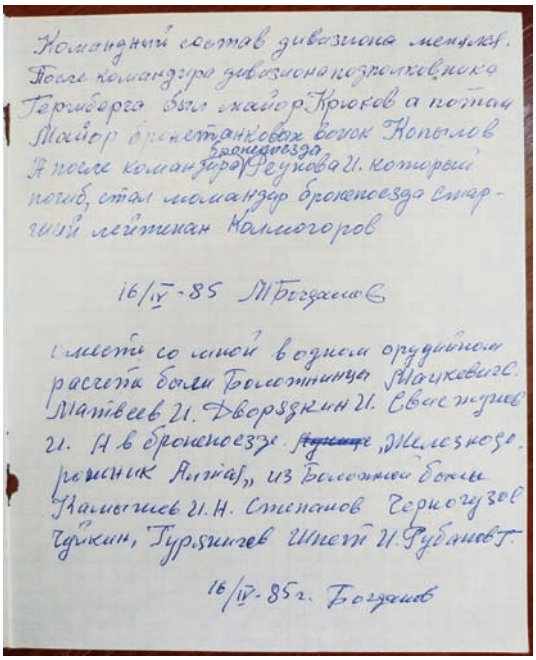
Первая страница воспоминаний М.В.Богданова

б/поезда на фронт, на Москву, а 13-го июня, из Москвы, в действующую армию, на западный фронт, Воронежское направление. Наш б/поезд направили первым, на участок Елец — Тербуны. Ст. Тербуны — последняя станция, а там проходит передняя линия обороны. И только мы выехали из г. Елец, как на первом перегоне нас встретил немецкий бомбардировщик. Сбросил бомбы обстрелял из пулемётов, разбомбил путь с обеих сторон, но, к счастью, никто не пострадал.

С этого дня и началась боевая биография первого бронепоезда, на котором мне и пришлось участвовать. Командир бронеплощадки — мл. лейтенант Алексеев, командир орудия — бывший помощник машиниста ст. Тайга Устюжанцев В. Н. Бронепоезд по данным разведки со ст. Тербуны обрушивал огонь по немецким целям: скоплению войск, складам боеприпасов, огневым точкам. А 9 августа 1942 года б/поезд возвращался из боевого задания, и на него налетело 16 немецких бомбардировщиков. От прямого попадания бомбы в паровоз погиб командир бронепоезда Реунов И., тайгинская бригада: машинист Токарев, помощник Ветров и кочегар Рыбин. Вторая бомба попала в платформу с ж/д инструментом. Всего погибло 9 человек, многие ранены.

В Ельце подремонтировали бронепоезд, прислали новый паровоз, и снова в бой. А когда наши войска перешли в наступление, в 1943 году, наш бронепоезд направили на Курско-Орловское направление. Со ст. Поныри бронепоезд вёл огонь по немцам во время их летнего наступления на Курск. И хотя наши зенитчики и отражали налёт немецких самолётов на бронепоезд, в этом бою мы потеряли 8 человек. Погиб и наш командир орудия Устюжанцев, многих ранило.

С центрального фронта бронепоезд направляют на 1-й Украинский фронт под г. Шепетовку. И здесь одиннадцать суток, днём и ночью, вели огонь по немецкой обороне. Здесь немецкая авиация действовала плохо: весна и сплошной туман, дождь. А от обстрела немецкой дальнобойной артиллерии опять у нас были жертвы. И когда освободили г. Шепетовку, нашему дивизиону присвоили звание «49-й отдельный Шепетовский дивизион бронепоездов». После освобождения Шепетовки б/поезд направляют на Брянский фронт, а потом — Луцк, Ровно, Львов, где были банды украинских националистов — бендеровцев, которые боролись за самостоятельную Украину. И здесь пришлось применять против них оружие, а они действовали нахально, коварно.


Командный состав дивизиона менялся. После командира дивизиона полковника Герцберга был майор Крюков а потом Майор бронетанковых войск Копылов бронепоезда А после командира Реунова И. который погиб, стал командир бронепоезда старший лейтенант Колмогоров

16/IV-85 Богданов

Вместе со мной в одном орудийном расчёте были Болотницын Мачкевич. Матвеев И. Дворядкин И. Евсеенков И. и в бронепоезде ~~Пушка~~ „Железнодорожник Алтая" из Белокурихи Калмыков И.Н. Степанов Горюгузов Чуйкин, Гурьянов Шмелёв И Рубашкет.

16/IV-85 г. Богданов

Последняя страница воспоминаний М.В.Богданова

Ну а потом дивизион дошёл до немецкого города Опельн. Там и встретили этот радостный долгожданный день Победы — 9 мая 1945 года, к которому путь был 1418 дней и ночей. И в этот день была радость в сердце каждого советского человека, радость за наши советские вооруженные силы и их доблестных воинов, за наш героический народ, который день и ночь ковал победу в тылу и приближал победу над фашизмом. И в этот день каждый из нас переживал горечь утрат наших боевых товарищей, родных, знакомых, которые не дожили до этого светлого дня — 9 мая 1945 года.

В августе 1945 г. дивизион отправили из немецкой территории вновь на Западную Украину — Львов, Ровно, Луцк, где скрывались банды бендеровцев, и не раз приходилось применять против них оружие.

Командный состав дивизиона менялся. После командира дивизиона подполковника Гергиберга был майор Крюков, а потом майор бронетанковых войск Копылов. А после командира бронепоезда Реунова И., который погиб, стал командир бронепоезда старший лейтенант Колмогоров.

Вместе со мной в одном орудийном расчёте были болотнинцы: Мачкевич С., Матвеев И., Дворядкин И., Свистунов И. А., из Болотной были Камышев И. Н., Степанов, Черногузов, Чуйкин, Гуряничев, Шпет и Рубанов Г. А.

11 мая 1946 года, уже после войны, я был демобилизован из г. Луцк. Приехал домой в г. Болотное и снова устроился на работу главным кондуктором в кондукторский резерв.

Вот что я коротко написал о действиях бронепоезда «Железнодорожник Алтая», на котором я воевал».

16.04.85 г. Богданов».

Евгений Терентьев

Черепановский район

Ванька

Ночью, во сне, Ванька часто зябко вздрагивал, свернувшись калачиком на лежанке нетопленной русской печки. Детский сон был неглубоким и тревожным. В его сознании одно событие вчерашнего дня сменялось другим. То он отчётливо видел лицо милиционера – крупный нос, маленькие глаза и взгляд, как буравчик, большая родинка над губой. То маму. Нет, лица мамы он не видел. Ванька видел её маленькую согнутую фигурку, по-девчоночьи тонкую шею. Сбившийся линялый платок и прядь волос, которая трепыхалась от дуновения ветра так, как будто очень хотела, но не знала, как ей поудобней прилечь, чтобы спрятаться в растрепавшуюся косу. Порог, подвода у распахнутой калитки, пыльная дорога. А ещё в воспаленном Ванькином мозгу нервно стучали тележные колёса. Их стук сводил с ума. «Мамка!» – то ли во сне, то ли наяву вскрикнул мальчик. Ванька проснулся от своего истошного крика. Сел на печи, больно ударившись головой о припечку.

В избе было темно, за окошком тоже. «Когда же эта ночь закончится?» – Ванька тихо прилёг на кучку тряпья, укрывшись старенькой мамкиной шалёнкой, прикрыл глаза. По щекам его тихо текли солёные ручейки слёз. Их было много, они затекали в ухо, нос и попадали в рот. Ванька лишь изредка размазывал их по лицу грязной ладошкой.

Это была вторая страшная ночь из девяти лет Ванькиной жизни.

Первая была тогда, когда уже под вечер деревенский почтальон принёс в их с мамой избушку похоронку с фронта. Увидав казённый конверт, мама зашлась в истошном вдовьем крике. Ванька, испугавшись, тоже заплакал. Сначала он тряс маму, чтобы она поднялась с пола, а потом тихо забился в угол и плакал, зарыв лицо в ворот рубашки. Рубашка была сшита из старой отцовской косоворотки. Когда отец ушёл на фронт, мама, сложив мужнины вещи до его возвращения, одну рубаху не убрала, оставила. Рубаха была старая, протёртая на локтях, а по спине лопнувшая от пота. Из неё мама и справила Ване рубашонку. Мальчишка любил её. Ему казалось, что она до сих пор пахнет сильным телом отца.

Михаил Антонович Тюнёв был мужик большой, степенный, на работу жадный. С колхозной работы приходил уставший, но не злой или угрюмый, а весёлый. Любил рассказать своим домочадцам, как день прошёл или что смешного приключилось. Рассказывая, сам смеялся как ребёнок. А вот в жёны себе взял девчоночку тихую, маленькую, хрупкую. «Белая кость» – так называли их, Зубковых, породу в селе Карасево. Завидовали, что хозяева крепкие, скот, птица ведётся, пашни, огородина. Да, крепко жили Зубковы – потому что трудились от зари до зари, потому же и в списки раскулачиваемых попали одними из первых. Неспокойное было время, непонятное. Крепких хозяев лишали всего, а семьи вместе с родителями и детьми, ссылали в северные Васюганские болота.

«Что она там будет делать, мала как пичужка, – думал Михаил про Аксинью Зубкову. – Помрёт или в болоте утопнет». Жалко её было или на сердце

Иван Михайлович Тюнёв. Это тот самый Ванька, на чьё детство пришлась война. Село Карасево

легла, да только женился Михаил на Аксинье. Привёл в родительскую избу и всё. Аксинья и не противилась, Михаил был хороший, добрый. Так и жили. О любви не говорили, а семья была не хуже, чем у других – и избёнку свою поставили, и сына Ванечку родили. Жизнь налаживалась. Тюнёвы работали в колхозе имени Войкова, сынок подрастал под стать отцу – крепкий, весёлый. В школу Ваньку собирали, да не пошёл. Война помешала. Отца на фронт забрали после сенокоса. Мать в колхозе с бабёнками за себя и за мужиков лямку тянула.

Сколько уже о том сказано-пересказано, а всякая история чем-то да иная. Ведь горе у каждого своё. Вот и у Ваньки оно было своё. Думал, не переживёт той первой ночи. Как им с мамкой теперь без отца? У других и отцы живы, и дед с бабкою есть, а у Ваньки одна мама, да и он у неё один во всём белом свете. Сразу после похоронки Ване казалось, что мама стала совсем маленькой и по-детски беззащитной. Раньше-то что?! Раньше у них папка был, как стена, как хранитель. А теперь и её, и Ваньку, если кто захочет, так враз и обидит. Нет стены, нет хранителя. И Ванька для себя решил, что он мамин защитник, он её опора и хранитель. «Отец был бы доволен, – думал мальчик, – что мамку никому в обиду не дам». Вот и был Ваня всегда рядом. Мама чувствовала его заботу, а уж она-то любила его без меры, даже для матери.

Ванька в свои девять лет уже работал. До холодов с другими карасевскими мальчишками помогали колхозникам, чем могли. И Ванька сильно простыл. Ведь босые, в еле-елешной одежде, да ещё и полуголодные. Ванька лежал дома почти неделю. Озноб и сильный кашель измотали мальчишку. Аксинья припозднилась и шла с тока одна. «Никто ж не узнает», – эта мысль не давала женщине покоя всю дорогу от амбара до дорожной развилки. Её мучило то, что она решилась сделать, однако это Ванечку поднимет. Каша пшеничная, она ж полезная и сытная. А кисель из зерна остановит приступы кашля. Аксинья торопилась, уж и избёнка её в полусотне шагов…

«А, сука кулацкая! – эти слова как кнутом рассекли воздух. – Выворачивай карманы!» Аксинья, оцепенев, тяжело подняла взгляд на встречного всадника: «Сынок болеет шибко, – шептала она пересохшими губами. – Прости, Христа ради». Колхозный учётчик Степан Ильиных, молодой мужик, который был демобилизован по ранению в самом начале войны, восседал на коне как царь. Он упивался своей властью. Долго носил в своей паршивой душе жажду мести к Аксинье. Когда-то, ещё неженатые, на вечёрках они с Аксиньей поссорились: она не ответила взаимностью на его ухаживания. Молодая женщина и думать про то забыла, а он ждал, чтобы отомстить, и дождался. «Сгною, падла!» – куражился Степан над своей жертвой. Он схватил Аксинью за плечо. Та с силой рванулась из его рук, побежала, рукав от кофты остался в кулаке преследователя.

Быстро добежав до дома, она закрыла дверь на засов. Тяжело дыша, Аксинья несколько минут стояла в сенях, прислонившись спиной к двери, и слышала, как Степан её поносил. Чтобы не разбудить Ваньку, она тихонько прилегла рядом с сыночком. «Жар спадает. Может, всё обойдётся», – это были последние Аксиньины мысли, а потом тяжёлый сон.

Это фотография из семейного альбома одного из воспитанников, Шевчукова П. М.

День прошёл спокойно. Лишь раз, после обеда, Степан, проходя мимо Аксиньи, шипя, бросил через плечо: «Жди гостей». Мамку посадили на телегу, рядом сели два милиционера. Ванька бежал следом, спотыкаясь и падая. Он не плакал, он орал: «Мамка!» – что было силы. Когда мальчик понял, что не догонит, он остановился и тихонько побрёл к дому.

Ванька вошёл в сени и столкнулся со Степаном и мужиком, которого не узнал. «А его куда?» – спросил незнакомец. «В детдом! Матери его лет десять сидеть», – как приговор прозвучал Степанов ответ. «Пошли», – сказал он мальчишке. Ванька упал на порог, вцепился в него ручонками и зашёлся в истошном крике: «Мама, господи, мама! Отпустите, я никуда не пойду!» – кричал Ванька. Мужики не могли оторвать его худое после болезни тело от родного порога. «Да брось ты его, сам сдохнет!» – Степан зло сплюнул и, пнув хлипкую сеношную дверь, вышел на улицу. Мужик, потоптавшись, спешно вышел следом. Это была вторая страшная ночь в жизни Ваньки. Если бы он знал, сколько ему придётся пережить, он так и помер бы, вцепившись в порог родной избушки.

Татьяна Плахотич

Кыштовский район

Малокрасноярка на войне

К тому времени, когда началась Великая Отечественная война, в селе Малокрасноярка насчитывалось более 250 дворов. В этот день почти всё взрослое население села было в поле на работах. Получив сообщение о начале войны, сотрудники сельсовета отправили за полеводами мальчишек на лошадях верхом. Вскоре в центре села собрался сход граждан, люди с ужасом воспринимали информацию.

В первую мобилизацию, по словам участницы Великой Отечественной войны, Легостаевой Елизаветы Яковлевны, из села было призвано на фронт 19 мужчин, затем, в течение военных лет, призывались мужчины старшего и младшего возрастов, с 1893 года по 1927 годы рождения. Приказывалось явиться в военкомат и иметь при себе ложку, кружку и запас сухарей на три дня.

Всего из населённых пунктов Малокрасноярского сельсовета ушли защищать родное отечество 540 человек, в том числе из Малокрасноярки – 190, из Малой и Старой Скирлы – 350. На фронт были призваны и женщины: из села Малокрасноярка – Гревцова (Легостаева) Е. Я. и Филиппова З. П. (погибла на фронте). К концу 1941 года в колхозных бригадах остались лишь женщины, старики и подростки 14–16 лет.

Беседуя с фронтовиками и ветеранами тыла, читая их воспоминания, нельзя не удивляться их высокому патриотическому долгу и нескончаемой гордости за свою Родину. Трудно воссоздать словами события, пережитые ветеранами, а ведь им тогда было по 20–30 лет. Тем не менее, подвигами земляков нельзя не гордиться.

Из воспоминаний Геннадия Петровича Фролова: «С утра всё руководство было срочно вызвано в штаб армии. К середине дня тишина и пение птиц прервались взрывами наступающих

Елизавета Яковлевна Легостаева ушла добровольцем на фронт. Была связисткой

немецких войск. Радиостанция, поддерживающая связь со штабом, была уничтожена с первыми взрывами противника. Оценив ситуацию, я, младший лейтенант, поднял полк в атаку. Затем руководство наградило меня орденом «Красной звезды», высоко отметив мой поступок: благодаря своевременным действиям и организаторским умениям удалось противостоять неожиданному манёвру и превосходящим силам противника, удержать свои позиции с незначительными потерями бойцов…»

На вопрос «Какое событие военных лет наиболее ярко Вам запомнилось?» Елизавета Яковлевна Гревцова вспоминает день, когда их батарея стояла в городе Пятихатке вблизи Анапы: «В час ночи я заступила в дозор, ночь была тёмная… Вдруг откуда-то появилась целая аркада вражеских истребителей. Через некоторое время началась бомбёжка, вокруг всё рвалось и разлеталось по сторонам. Один снаряд попал в оружейный склад, его последствия были ужасны: казалось, всё вокруг взлетело. Многие погибли. Ко всему ужасу добавилось ржание испуганных и раненых лошадей из соседней кавалерийской части. Казалось, что земля и небо перевернулись: кругом дым, смрад, пыль и дикий рёв всего живого… Живые торопились оказать помощь товарищам».

В годы Великой Отечественной войны на фронтах, в концлагерях и госпиталях погибло, пропало без вести и умерло от ран более 110 малокрасноярцев и 192 скирлинца.

На место ушедших на фронт мужчин на всех участках труда встали женщины, старики, инвалиды и дети. Беззаветно отстаивая своё Отечество в тылу, они обеспечивали фронт продовольствием и одеждой. По окончании войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены и члены колхоза «Красный путь»: бригадир – Двинин Иван Афанасьевич, зав. свинофермы – Князькова Екатерина Кузьмовна, зав. молочной фермы – Полукеев Павел Осипович, учётчик молочной фермы – Свинарёва Мария Васильевна, счетовод – Можаров Илларион Васильевич, помощник счетовода – Махнева Клавдия Сергеевна, бригадир – Спирёв Николай Георгиевич, учётчик бригады – Селихова Анна Ивановна, чабан – Степынина Валентина Семеновна, доярки – Теряевы Анна и Ольга Яковлевны, Гладких Анна Ивановна, пастух – Мелихова Евдокия Тимофеевна, конюх – Васютин Виктор Дмитриевич, кузнец (столяр) – Морозкин Иван Николаевич, письмоносец – Березина Антонида Васильевна, механик по машинам – Болдырев Георгий Ефимович, сторож конторы – Болдырев Прокопий Семенович и многие разнорабочие. Всего – 65 человек.

За период Великой Отечественной войны по итогам соцсоревнований за лучшие показатели переходящим Красным знаменем ОК КПСС и облисполкома был награждён колхоз «Путь Ленина», расположенный в деревне Старая Скирла (большая часть населения этой деревни сейчас проживает в с. Малокрасноярка).

На этой фотографии запечатлен момент проводов на службу в армию Липовского Н. М. с улицы Орловской с. Малокрасноярка

Зима 1941–1942 годов была лютая, холодная, стояли страшные морозы. Весной вскопали огород, всё посадили: и картошку, и овощи. В конце мая – в июне началось наводнение. Река Тара вышла из берегов, кругом было сплошное море. В близлежащих сёлах затопило огороды, несколько домов. Село Малокрасноярка, расположенное на высоком месте, особых бедствий на себе не испытало. Вслед за «отливом» в село

прибыли эвакуированные семьи.

Осенью в военные годы колхозники работали почти круглые сутки. Ночью возили снопы и укладывали в скирды, а днём молотили на стационаре знаменитой «МК-1100». Чтобы женщины-полеводы изредка могли отдохнуть, т. е. выполнить некоторые бытовые работы, иногда их в ночное время заменяли доярки, скотники, телятницы и работники конторы.

Какие бы трудности и лишения в деревне не выпадали на долю жителей села, они хорошо понимали, что это не фронт: над головой не свистят пули, нет убитых и раненых. В сёлах почти не оставалось лошадей – большая часть лучшей тягловой силы была отправлена на фронт. В хозяйстве работали, в основном, на быках, которых приходилось женщинам и подросткам обучать самим. У кого имелась корова, владельцы обучали её и возили на ней с поля дрова. А от этой коровки нужно было сдать в год по 308 л молока государству.

В 1942 году в селе открылся детский дом, в котором находилось свыше 90 воспитанников, оставшихся без родителей. В послевоенное время многие местные вдовы отдавали в детдом своих детей – не в состоянии обеспечить их продуктами. В 1959 году детский дом реорганизовали, из воспитанников в селе остался лишь Клыков Дмитрий Дмитриевич.

В 1944–1945 годах в округе свирепствовал сыпной и брюшной тиф, привезённый ранеными солдатами с фронта. Тяжело переносили заболевание не только дети, но и взрослые, многие больные, истощённые от голода и физического труда, умирали.

Вернулось с Победой в сёла сель-

Это последняя встреча участников войны нашего сельсовета

совета всего 189 человек, в т. ч. в село Малокрасноярка – 65 человек. Каждое возвращение фронтовиков в солдатских гимнастёрках, пропахших порохом, было встречено с радостью и слезами: многие оплакивали своих родных и близких, павших в боях. Несколько человек остались на сверхсрочной службе или, не доехав до дома, поселились в городах.

Победа пришла весной, когда сеяли, в поле работали женщины, дети, старики. Был собран общий обед. Многие оплакивали погибших, а такие были почти в каждом доме, но все радовались победе. А ночью выпал снег высотой до 25 см, но урожай в тот год был хорошим.

Когда окончилась война, то на действительную службу призывать было некого: в селе всё мужское население призывного возраста было на фронте.

Многие фронтовики имели тяжёлые ранения: у многих были ампутированы руки или ноги (Ежиков Т. К., Кохтенко А. П., Можаров И. В., Носов Н. С.), у Калмыкова А. А. осколком выбило глаз. Немного встав на ноги, они присоединялись к женщинам, старикам и подросткам и выполняли посильную работу.

Ежегодно 9 мая и 22 июня по традиции многие жители села приходят на митинг к памятнику воину-освободителю. Первый памятник был деревянным, установили его в центре села рядом со зданием церкви, преобразованным в сельский клуб.

В 1975 году членами правления и партийной организации колхоза имени Ленина было принято решение о созда-

нии нового постамента. Торжественное открытие современного гранитного мемориала с памятной доской состоялось 9 мая 1976 года. Автор скульптуры Вичетич Е. В. творил подобные памятники и в других селах нашего района. На мемориальную доску постамента было занесено 48 погибших на фронте земляков-малокрасноярцев. Затем списки были пополнены, появились новые фамилии (Каге, Каланда, Рубанников, Трунин, Комиссаров и др.).

Список участников войны, захороненных в селе, размещён и на стеле у входа на местное кладбище.

В октябре 2017 года поисковый отряд «Ладога» обнаружил в Карелии при раскопках останки Тушнолобова Павла Константиновича, лейтенанта РККА. По решению родственников его перезахоронение прошло 18 июля 2018 года на малокрасноярском кладбище рядом с могилами его родителей и брата.

Жизнь в сёлах идёт своим чередом благодаря ратному подвигу и труду наших предков, не пощадивших своих жизней ради нашего благополучия. А нам и нашим потомкам остаётся помнить и гордиться своей историей, своими «корнями» и подвигами наших предков.

Николай Еланцев

Карасукский район

Б. Н. Брысиков, П. Н. Брысиков

Весть о войне настигла нашу страну, не спрашивая о заботах и делах мирного населения. Абсолютно каждая семья провожала на фронт родных и близких. Из нашей семьи в те годы ушли мой прадедушка Брысиков Борис Николаевич, 1910 года рождения, и его брат Пётр Николаевич, 1922 года рождения, который был ещё совсем юным парнишкой, не имевшим ни жены, ни детей. Прадед Борис Николаевич оставил жену с тремя ребятишками. Мой дедушка, его сын, был совсем мал. Он не помнил его сильных рук – их заменили руки матери, не слышал его мудрых слов – всё приходилось постигать самому, не видел добрых отцовских глаз – всё унесла война. После того как в июне 1941 года их призвали из Купинского военкомата, начались тяжёлые дни ожидания. Текли трудовые будни, один день сменял другой. Вечерами прабабушка Евдокия Георгиевна вспоминала былое время и ежечасно молилась о том, чтобы муж вернулся с фронта. В сентябре 1941 года пришло известие о том, что прадедушка пропал без вести. У всех в глубине души жила надежда, что всё изменится, что наступит день и прадед откроет дверь в родной дом. Но так и ушли из жизни моя прабабушка с детьми, не узнав о судьбе мужа и отца.

Борис Николаевич Брысиков

Спустя десятилетия, когда начались поисковые действия, мы узнали, что прадед воевал в 22-м стрелковом полку, был рядовым красноармейцем в должности стрелка. В документах военного госпиталя говорилось, что он в феврале 1942 года скончался от ранений. Его брат Пётр Николаевич сначала служил в 878-м стрелковом полку Сталинградского фронта. Полк был сформирован в июле 1941 года в составе 290-й стрелковой дивизии в Калязине. Находился в резерве до середины августа 1941 года. Последним местом службы была 422-я стрелковая дивизия. Погиб он в бою 21.11.1942 в звании младшего сержанта. Похоронен в Волгоградской области. В феврале 1945 года его посмертно наградили Орденом Великой Отечественной войны II степени.

Эта Победа принадлежит всем, кто сердцем и душой верил в неё, кто ждал мужей, братьев, отцов, сыновей в городах и сёлах. Для нашей страны, для нашей семьи 9 Мая – священный праздник. Я испытываю чувство гордости, что мои прадедушки внесли вклад в Победу, когда иду с портретом прадеда на митинг. Стоя у памятника, я тихонько шепчу: «Спасибо тебе, прадедушка, за дедушку, за маму, за моё счастливое детство, за мирное небо».

Дана Баязитова

Купинский район

У каждого своя дорога памяти

Весна 1973 года. Юная, хрупкая студентка Вера в который раз, отправляясь на учёбу, вошла в трамвай № 13. Яркие лучи солнца играли на стекле. И вот знакомый до боли в сердце силуэт мужчины. Высокий, статный, красивый, широкие мужественные плечи, любимая рубашка в нежно-голубую крапинку. «Дед! Мой дед!» – так и хотелось закричать, но голос будто бы оборвался от резкой невыносимой боли в груди. 6 декабря 1972 года сердце Коваленко Якова Григорьевича остановилось в возрасте 64 лет.

Память! Вот её свойство: всегда возвращает нас в минуты страдания, боли, скорби, но и радости, счастья тоже. Счастье: помнить уютный дом – пятистенку. Простая изба и горница. Вышитые своими руками занавески на окнах. Печь, от которой пахнет пирогами с картошкой (что уж очень любил наш дед). Завалинка, на которой часто в минуты отдыха от домашних дел любил присесть дед, закрутить махорку и тихим голосом запеть свою любимую песню «Тёмная ночь».

Мой прадед, Коваленко Яков Григорьевич, 1908 года рождения, уроженец Воронежской области Новоленского района, будем знакомы, я – твоя правнучка Оля, названная в честь моей прабабушки Ольги, твоей законной супруги. Я никогда не видела тебя, и ты не держал меня на своих коленях. Но память поколений способна вернуть нас в прошлое, прожить его вместе с очевидцами событий и передать эти знания дальше.

Коваленко Яков Григорьевич (по центру)

Вера, твоя любимая внучка, моя мама, рассказала о тебе: как вы переехали в Сибирь во времена аграрной реформы в начале двадцатого века; как работал ты кузнецом и председателем колхоза; как сосватали по старинке тебя и Ольгу против вашей воли уже в 1930 году. И как ты дошёл до Берлина, но никогда об этом не говорил односельчанам. Узнаю черты мужчин своего рода!

1941 год. Три брата, Яков, Илья и Алексей, призваны на фронт. Яков 7 июля. Информации о других братьях нет. Знаю одно, Илья вернулся с войны живым, а вот Алексей погиб практически в первые месяцы войны.

А твой боевой путь, мой прадед, по официальным данным Центрального архива Министерства обороны, рассекреченного в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», прошёл от Сталинграда до самого Берлина. Но из наградного листа фронтового приказа № 31 от 05.11.1943 пункт 5 следует, что ты уже прошёл Калининский, Западный и Воронежский фронт, и значит, следы твоих солдатских сапог также можно искать в битвах за Калинин и Москву, Воронеж и Курск. Данные выводы не беспочвенны. Яков Григорьевич, мой прадед, оказывается, ты находился в рядах Первой танковой армии 858-й отдельной телеграфно-строительной роты, сержант. И как уже известно, формирование армии охватило разбросанные части от Москвы до Калининского фронта. Но об этом чуть позже.

Осень – зима 1941 года. Калининский и Западный фронт. Северо-западное направление от Москвы. Основные силы Красной Армии в этот период брошены против сил немецкой группы армий «Центр».

8 января – 20 апреля 1942 года. В ходе Ржевско-Вяземской стратегической операции войска Западного фронта во взаимодействии с объединениями Калининского фронта и при содействии войск Северо-Западного и Брянского фронтов отбросили противника на за-

падном направлении на 80–250 км, освободили Московскую и Тульскую области, многие районы Калининской и Смоленской областей.

Мой прадед! Моя повзрослевшая «генетическая Память» требует заполнить её живыми воспоминаниями о том, что тебе тогда пришлось испытать! И лишь только моё необузданное воображение способно представить, что могли видеть твои глаза, чувствовать твоё сердце, как вскипала твоя кровь в те страшные дни войны. Так и хочется присесть с тобой рядом на завалинку. И всё-всё расспросить.

Итак, из наградного листа, по данным Центрального архива Министерства обороны, следует, что Коваленко Яков Григорьевич принимал участие в боевых операциях Воронежского фронта.

Воронежский фронт – оперативно-стратегическое объединение (группа армий) Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., сформированное 7 июля 1942 года для обороны воронежского отрезка фронта и для ударов с фланга по вражеской группировке, наступавшей на Сталинград.

Армия была сформирована в 1941 году в районе г. Конотоп в составе Юго-Западного фронта, но избежала участи большинства его войск, разгромленных в Киевском окружении. В разное время в состав Воронежского Фронта входили также 6-я, 13-я, 21-я, 38-я, 47-я, 52-я, 60-я, 64-я, 69-я армии, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я гвардейские армии, 1-я и 3-я танковая и 3-я и 5-я гвардейская танковая армии. Зимой 1942–43 гг. Воронежский Фронт участвовал в разгроме немецких и итальянских войск на Среднем Дону. Выдающуюся роль Воронежский Фронт сыграл в Курской битве 1943 года, отражая мощное наступление врага на южную часть дуги. Контрнаступление Воронежского Фронта завершилось освобождением Белгорода и совместно со Степным фронтом – Харькова. Далее войска Воронежского Фронта развернули наступление на киевском направлении, с ходу форсировали Днепр и создали плацдармы на правом берегу реки у Киева.

Боевой путь Первой Гвардейской Танковой Армии

Как раз к этому периоду относятся точные данные о тебе, мой прадед. Ты, Яков Григорьевич, с 24.07.1942 числишься в составе Первой танковой армии 858-й отдельной телеграфно-строительной роты. Телеграфно-строительные роты использовались для строительства или восстановления линий связи фронта и армии, усиления частей связи, действовавших на направлениях связи к армиям или на оси связи фронта (армии). Расчёт сил и средств роты позволял строить участок протяженностью до 45 км. Под пулями, смерть поджидала на каждом шагу, а если быть точнее, на каждом сантиметре преодолённого расстояния ползком от Сталинграда до Берлина.

Яков Григорьевич, я только могу представить, как вы там, простые солдаты, в жару и холод, под взрывы гранат гнали врага, беспощадного, жестокого, и всё шли вперёд: «На Берлин!»

Ты, мой прадед, видел обескровленные сёла и города, сжимая кулаки, слушал рассказ матери о том, как пришли немцы и повесили её двух сыновей у неё на глазах. «Отомстите, сынки!» – звучала как колокол просьба матери. «Отомстим, мамаша! Постараемся!» – отвечали вы (Из доклада о боевых действиях 1-й танковой армии, август 1943 года).

10.09.1943–29.09.1943. Приказ подразделения № 31 от 05.11.1943. Медаль «За боевые заслуги». Выписка из

Приказа: «Сержант Коваленко Яков Григорьевич при выполнении задания по строительству линий связи проявил исключительное умение, инициативу, самоотверженность – отвагу. Имея обеспеченность строительным материалом всего 15 % потребностей, сержант Коваленко организовал сбор трофейного материала, как то: проволоки, крючков, изоляторов, – и полностью обеспечил материалами строительство линии на своём участке. Сержант товарищ Коваленко нашёл большое количество брошенной противником проволоки на заминированном поле. Подобрав группу таких же, как и он сам, бесстрашных бойцов, сержант Коваленко разминировал поле, обезвредив мину, и собрал всю проволоку, крючья и изоляторы… Обеспечил выполнение в срок заданий Командования».

Описание событий данного периода можно найти в донесениях, приказах, справках, докладах, картах 1-й танковой армии о наступлении Воронежского и Степного фронтов с целью выхода на реку Днепр.

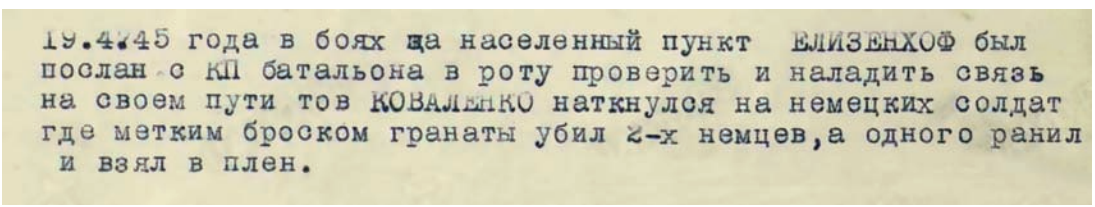
Итак, Яков Григорьевич, товарищ Коваленко, вы – непосредственный участник форсирования Днепра.

Форсирование Днепра советскими войсками – это ярчайший пример героизма. Надо сказать, что солдаты использовали даже малейшую возможность переправиться на другой берег. Они переплывали реку на любых доступных плавсредствах, которые могли хоть как-то держаться на воде. Войска несли тяжёлые потери, постоянно находясь под шквальным огнём противника. Они сумели прочно закрепиться на уже завоёванных плацдармах, буквально зарывшись в землю от обстрелов немецкой артиллерии. Кроме того, советские части прикрывали своим огнём новые силы, которые прибывали к ним на подмогу. И в таких условиях 858-я отдельная телеграфно-строительная рота на своём участке должна была обеспечить восстановление линий связи, для того чтобы наши войска могли координировать действия. Средств и материалов не хватало, и в такой ситуации выручила тебя находчивость простого крестьянского мужика. Но я даже представить не могла, что из-за нескольких метров проволоки тебе, мой прадед, пришлось рисковать жизнью.

«Бесстрашный боец сержант Коваленко», – так указано в наградном листе.

А дальше были Киев, Житомир и другие города нашей Родины. Вы громили группу армий немецко-фашистских захватчиков «Юг».

1945 год. Сначала была Польша. В докладных записках и донесениях политических органов управления Красной Армии зафиксированы случаи массового уничтожения, грабежа и истязания польского населения гитлеровцами, разрушения оккупантами населённых пунктов, объектов промышленности и культурного наследия. Всё это видел ты, мой прадед. Поэтому вы так мощно начали наступление в Польше: «В 5 часов утра 12 января передовые батальоны стрелковых дивизий 1-го Украинского фронта атаковали противника, с ходу уничтожили его боевое охранение в первой траншее и в некоторых местах овладели второй траншей. Опомнившись от удара, вражеские подразделения оказали упорное сопротивление. Однако задача была выполнена: система обороны противника была вскрыта, что позволило артиллерии фронта в период артиллерийской подготовки атаки подавить важнейшие объекты врага. Артиллерийская подготовка началась в 10 часов. Тысячи орудий, миномётов и реактивных установок обрушили свой смертоносный огонь на фашистскую оборону. Мощным артиллерийским огнём большая часть


19.4.45 года в боях за населенный пункт ЕЛИЗЕНХОФ был послан с КП батальона в роту проверить и наладить связь на своем пути тов КОВАЛЕНКО наткнулся на немецких солдат где метким броском гранаты убил 2-х немцев, а одного ранил и взял в плен.

Выписка из приказа, 1945 год

живой силы и боевой техники противника, оборонявшегося на первой позиции, была уничтожена. От огня дальнобойной артиллерии понесли потери вражеские резервы. Многие немецкие солдаты, обезумевшие от страха, пришли в себя лишь в советском плену».

1945 год. Германия. Остатки «Третьего Рейха». К началу 1945 года бои переместились непосредственно в Германию. Германия оказалась в кольце фронтов.

Коваленко Яков Григорьевич, мой прадед, дошёл до Берлина, освобождал его от «хозяев мира», не столь многочисленных остатков «Третьего Рейха», возомнивших себя представителями высшей расы и создателями новой великой империи. На вопросы рассказать об этом, прадед отвечал: «Да, в 1945 году был в Берлине». Бесстрашный, но очень скромный товарищ сержант Красной Армии.

Медаль «За отвагу». Приказ подразделения № 24 от 30.07.1945 (27-го гвардейского мотострелкового полка): «19.04.1945 в боях за населённый пункт Елизенхоф был послан с Командного Пункта батальона в роту проверить и наладить связь, на своём пути товарищ Коваленко наткнулся на немецких солдат, где метким броском гранаты убил двух немцев, а одного ранил и взял в плен».

Если бы не этот документ, дорогой мой прадед, никогда бы мы, твои потомки, не узнали о подвиге. Не рассказывал ты об этом ни жене, ни детям, ни односельчанам.

Война закончилась, солдаты возвращались домой. Тебя ждали родные. Прабабушка Оля даже обращалась к гадалке узнать о твоей судьбе. Успокоили: «Муж вернётся живой и здоровый, но не жди скоро!» Порог дома ты переступил только в 1946 году. И где ты был все эти месяцы, у нас информации пока нет.

Послевоенные десятилетия. В стране полным ходом шла Четвёртая пятилетка. Страна поднималась из руин. Только сильные духом люди, не успев оправиться от ран, способны из пепла возрождать города и сёла. И ты, мой прадед, вернувшись, работал в колхозе. Кузница – одно из самых оживлённых мест на селе в те годы. Починить, подлатать, наладить. А ещё надо на покос или собрать урожай, и домашние дела тоже успеть переделать. И на работе, и дома всегда порядок. Вот оно прямое доказательство «генетической памяти» – фамилия, доставшаяся от предков, чётко и ярко отражает твой характер! Коваленко – «коваль», «ковать», «кузнец». Простой крестьянский сын, правильные черты лица, открытый взгляд, сильный, способный вести за собой товарищей, рисковать свой жизнью ради других, стойко выносить все жизненные испытания и препятствия.

И вот трудовой день позади. Солнце прячет свои лучи за кромками крыш. Десятидворка. Мужчины обсуждают предстоящие планы покоса, женщины напевают, дети играют. И, конечно же, в кругу фронтовики. «Живая память» – вот что ценили наши предки. К их рассказам особый интерес. Среди них и мой прадед. По словам односельчан, Яков Григорьевич был хорошим рассказчиком, поэтому вокруг него всегда собирались люди послушать о войне, но в этих историях не было слов о себе. Сейчас понимаю, как мало знаю о тебе, мой дорогой прадед. Но я прошла «своей дорогой памяти». И вот так бы подошла к тебе, обняла крепко-крепко и сказала: «Спасибо, дед! Спасибо за самоотверженность, стойкость! Спасибо за Победу!»

Ольга Смага

Барабинский район

Жизнь в тылу

Выйдите за околицу, оглянитесь вокруг… Эти берёзовые, осиновые колки, рямы, урманы, гривы, болота, озёра много повидали на своём веку.

Есть много догадок и толкований, что такое Бараба? Одни переводят так: «сойка», считавшаяся тамгой, защитницей местных племён. Другие толкуют, как предупреждение: «Дальше не ходи!» – намёк на заболоченность местности. Ещё перевод: «Есть вода». А мы считаем, что Бараба – это просто место под солнцем. И наше с вами место, где находится село, в котором мы живём.

Директор С. Андрюшкин

В 1930-е годы на берегу озера жил рыбак Шубин. Поэтому озеро назвали Шубино, а село, которое начали строить на его берегу, – село Шубинское. На месте села шумел своей листвой густой берёзовый лес. Первые жители села, будущие жители совхоза «Шубинский», приехавшие сюда летом 1932 года, валили лес, корчевали пни, чтобы потом жить на этой земле, воспитывать детей и растить хлеб. Они жили в палатках на Балакиной гриве. Контора совхоза находилась в деревне Голдоба. Директором был С. А. Андрюшкин. Бригадиром строителей села Шубинское – С. А. Сумин, вместе с ним приехала жена Мария Герасимовна и семь их детей. Также – семья Павла Котляра, семья Мыльниковых с четырьмя детьми и другие. К зиме они построили 2-комнатный домик, в котором зимовали.

Рыжков Вячеслав Иннокентьевич, директор школы

Тракторист С. Сумин

Старожилы Анастасия Спиридоновна Сумина, Екатерина Спиридоновна Кожевникова, А. Анисимова, М. Котляр, Н. Мыльников, А. Мыльников рассказывали, как в 1934 году завезли первых коров, как строили животноводческие помещения, пекарню, магазин, начальную школу и т. д. Всё делалось вручную. Косили литовками, пахали на быках. Как радовались появлению первых тракторов, хотя по конструкции и возрасту они были такими, что иной раз сомневались, выпускать ли их в поле. Радовались развитию художественной самодеятельности, саду, который ещё до войны заложил В. И. Рыжков. Он был директором школы, руководителем струнного оркестра, уважаемым всеми человеком.

Поистине богаты были шубинцы энтузиазмом, нескончаемым желанием добиться счастья для себя и людей своего села. Уже тогда были свои герои труда, выполнявшие две-три дневные нормы. Работали от зари до темна и кроме этого на своих подворьях сажали овощи, разводили птицу, крупный рогатый скот, свиней, овец. За работу им платили зарплату, а не просто трудодни (как в колхозах). Поэтому работники совхоза жили гораздо зажиточнее, чем колхозники.

Если хозяин не был ленивым, его семья не ложилась спать голодной. Хорошим добавком к столу помимо продукции пашни была рыба с местных озёр, дичь, которой было тогда на болотах и озёрах несметное количество.

Поэтому вкусовые пристрастия наших сельчан не изменились за эти

годы: щи да пельмени – главная наша еда и по сей день. Люди жили, работали, влюблялись, но дальнейшим планам сбыться было не суждено.

Грянула война… Людям почему-то особенно запомнился субботний вечер 21 июня 1941 года. Вот как вспоминали этот день наши старожилы. День был жаркий, а вечер выпал спокойный и тёплый. Вся деревня, от ребятни до глубоких стариков, была на улице. Молодёжь устроила танцы, женщины пели частушки, стараясь переспорить на кругу одна другую. Отдыхали и веселились, как могли. Завтра все они узнают о страшной беде и расстанутся, быть может, навсегда…

И вдруг правительственное сообщение: «Война!» Страшное, ещё не до конца осознанное людьми слово ударило по их нервам. Одни заспешили домой, другие, по долгу службы, на работу. Кончилось мирное время. Германия объявила войну и люди надели серые шинели. 24 июля началась мобилизация мужчин на войну. Каждый день поступали повестки призывникам. Каждый день уезжали на защиту Родины отцы, сыновья, братья, каждый день – плач, слёзы, расставания.

В 1941 году прибыли спецпереселенцы: немцы и калмыки. Поэтому у нас в селе очень много семей с фамилиями: Берш, Рау, Миллер, Юрк, Риферт, Гольцварт, Шеффер. Немцы обустроились в селе быстрее. Среди них были механизаторы, мастеровые люди, знакомые с сельской работой. Калмыки, извечные скотоводы, были совершенно не готовы выращивать себе пропитание в поле, на огороде. Они не хотели мириться с мыслью, что в Сибири осели навсегда. И частично они вернулись на родину после войны.

Мы не должны забывать о массовом трудовом героизме в тылу. Слово «надо» стало главным ориентиром в жизни целого поколения. Основная часть работы в тылу легла на плечи женщин, детей, стариков и инвалидов. А кто эти женщины, дети? Это, в основном, вдовы фронтовиков и осиротевшие ребятишки. О незабываемой беде того времени написано много книг, поставлено много фильмов, но никакие художественные произведения не сравнятся с рассказами людей, переживших эти события.

Война… Эта беда ворвалась в каждый дом непрошеной гостьей. Не обошла она и дом Ольги Акимовны Вечкиной. Со слезами на глазах вспоминала эта милая женщина военные годы, тогда ей было всего 17 лет (28 июля исполнилось 18 лет). «В первые месяцы войны я работала в совхозе. Родственник устроил «по блату» поваром. Когда забрали всех мужчин, я пошла работать на покос, косить, грести сено. Зимой мы возили сено и дрова из леса на быках».

Ольга Акимовна Вечкина

Наш совхоз был номерной, т. е. подчинялся непосредственно Министерству обороны, и вся продукция шла на нужды армии. Поэтому, частично, у нас оставили технику (самую старую) и тягловую силу (выбракованных лошадей). Водители и трактористы получили «бронь», но не все из них остались работать в своём совхозе, большинство шло в военкоматы и отказывалось от своих привилегий (уходили на фронт добровольцами). Добровольцем ушёл на фронт и директор нашей школы – Вячеслав Иннокентьевич Рыжков. Вместо него стала работать Елена Иннокентьевна Сучилина (его сестра).

Несмотря ни на что, совхоз работал и не просто работал, а все старались трудиться ещё лучше, чтобы приблизить победу над ненавистным врагом. Об этом написано в газете «Коммуна» № 11 от 04.02.1942 в статье «Подхватим почин Шубинцев!»: «Работать не покладая рук, чтобы дать стране, фронту больше хлеба, мяса и других сельскохозяйственных продуктов – единодушное желание работников нашего совхоза. С этой целью коллектив Шубинского совхоза с 1 по 10 февраля решил провести стахановскую декаду в животноводстве. Задачи этой декады: вывести совхоз в ряды передовиков. Мы уже приступили к разрешению этой ответственной задачи. Мы, например, работники первой фермы, решили навести образцовый порядок на скотных дворах. Очистили скотные дворы и телятники от навоза. Затем завезли много корма и установили правильный рацион кормления скота, организовали содержание животных с соблюдением всех зоотехнических правил.

Результаты горячего желания людей работать так, как требует Родина, уже видны. Лучшие образцы труда по уходу за группами прикреплённых коров показывают доярки Рыбалкина, Герасимова.

На помощь работникам фермы пришли рабочие полеводства, учителя, учащиеся и домохозяйки. Дружно проходит стахановская декада также на второй и третьей фермах.

Добиться новых производственных показателей и закрепить их – такова наша задача».

В честь годовщины Красной Армии было устроено военно-спортивное мероприятие, об этом также написано в газете «Коммуна» № 18 от 23.02.1942. В статье «Пеший переход молодёжи» говорится: «Сегодня в Барабинске из Новогутовского, Козловского и Шубинского совхоза вышли комсомольские пешие отряды в противогазах. В отрядах состоит до ста человек. Они принесут в подарок бойцам Красной Армии пельмени, мясо, замороженное молоко, табак и другие продукты. В Барабинске, после встречи, состоятся соревнования по стрельбе, гранатометанию и штыковому бою». (С. Степанов)

Победу над немецко-фашистскими захватчиками ковали не только взрослые, но и дети. Своим трудом и даже деньгами. Для приобретения подарков героическим бойцам Красной Армии школьники Шубинского совхоза вносят 150 рублей денег и кроме того собрали для постройки танка «Таня» 252 рубля. Взрослые, в этом плане, тоже не отставали от детей, и уже к 1943 году, за короткое время, они собрали на строительство боевых самолётов для Красной Армии 100 тысяч рублей.

Вспоминает Миллер Екатерина Ивановна (23.01.1932 г. р.): «Несмотря на военное время, мы учились в школе. Тетрадей не было, писали на полях газет и журналов. Учебников не хватало, выдавали один учебник на класс, и приходилось собираться всем классом и сообща готовить домашнее задание. А потом ещё и работали. Засевали все площади: сами недоедали, а своих защитников кормили. Не убывало работы и зимой: вместе со взрослыми подвозили к фермам сено, возили дрова.

Коллектив учителей и школьники нашей школы, желая оказать посильную помощь совхозу в уходе за скотом, повышении его продуктивности и сохранении молодняка, решили взять шефство над животноводческими фермами. А пионерская организация взяла шефство над молодняком. Каждый пионер и школьник имел своего подшефного телёнка, ягнёнка или жеребёнка, за которым ухаживал. Под наблюдением опытных животноводов кормили, поили, чистили своего подшефного».

Вспоминает Ольга Акимовна Вечкина (28.07.1923 г. р.): «Счастливую весть об окончании войны ждали четыре долгих года. Я была в тот день дома, когда услышала на улице крики. Прислушалась, кричат: «Война закончилась». Радости было много, много было и слёз».

Победа… Об этом мечтали все. И победа пришла через 1418 дней. Но не величественная, а скорбная, потому что слишком дорогой ценой досталась. Последствия войны простираются далеко во времени, они живут в семьях и их преданиях, в памяти наших отцов, матерей, переходят к детям и внукам. Война живёт в памяти всего народа.

Агдалия Вазетдинова,
Алексей Бирюков

Баганский район

И тыл был фронтом

Хочу рассказать о моей бабушке Черновой, по мужу – Долженок, Лидии Порфирьевне, которая является труженицей тыла, об этом свидетельствуют её награды и грамоты, которые она заслужила в годы войны.

Бабушка родилась 28 октября 1926 года в селе Литвиново Куйбышевского района в крестьянской семье Черновых. Главой семьи был Порфирий Фёдорович, маму звали Александра Фёдоровна. У них родились три девочки и два мальчика. В любви и заботе росли ребятишки. Трудно было выживать многодетной семье. Приходилось много работать. Бабушка пошла в школу в 6 лет. В школу ходили по очереди, потому что в семье было много девочек и одно платье на всех. А скоро большая всеобщая беда пришла – война. По воспоминаниям бабушки, во время войны все сильно голодали, не хватало хлеба и другой еды. Варили суп и стряпали лепёшки из травы лебеды. Но все понимали, что продукты важнее на фронте. С первых же дней началась мобилизация. Многие мужчины из села ушли на фронт. В тылу остались дети, женщины и старики.

На тот момент моей бабушке было 15 лет. Пришлось много где поработать, выполняла и женскую, и мужскую работу. Сначала её забрали на ФЗО – фабрику изготовления одежды. Она шила одежду для фронтовиков: варежки, шинели для солдат, обмундирование. Работала на заводе по производству деталей на трактора и другие машины. Однажды ей предложили пройти курсы по вождению трактора. После курсов, как способной ученице, сразу же доверили работать самостоятельно на новом тракторе. Ничуть не хуже опытных трактористов выполняла все сельскохозяйственные работы: и пахала, и культивировала, и сеяла. Бывало, пахала и ночью. Она часто вспоминает: «Мы работали из последних сил – так нужно было для Родины, для Победы. Ведь на фронте было куда труднее. Мы всегда помнили о наших отцах, братьях, мужьях, что сражались в боях за Родину, и считали, что мы в тылу тоже помогаем приближать Победу. Как бы трудно ни было, но вечерами, после тяжёлого трудодня мы собирались вместе, пели песни, шутили». Когда баба Лида рассказывала об этом, я слушала, затаив дыхание, и представляла её молодой, красивой. Сколько она вынесла! А ведь была такая молодая!

Долженок Лидия Порфирьевна

После войны отца бабушки перевели работать в Баганский район, он сделал пропуска и перевёз всю семью в Баган. У бабули в Багане жила тётя – Ольга Фёдоровна. Она приютила семью, предложила пожить у себя, пока у них не наладятся дела. Ольга Фёдоровна была высоким партийным деятелем. Баба Лида устроилась на работу в Баганский районный Дом культуры. Она хорошо пела, танцевала, играла на музыкальных инструментах: балалайке и гитаре. Они ездили выступать по сёлам, деревням.

Однажды приехали в село Саратовку с концертом, вот там-то бабушка и встретила молодого красивого парня Долженка Александра Васильевича. Но бабушка не решалась завязать с ним отношения: у неё уже был сын Володя от первого брака. Предложение бабушке Александр Васильевич сделал неожиданно: после очередного выступления бабушка возвращалась домой в Баган, молодой парень догнал их машину и предложил Лидии Порфирьевне выйти за него замуж. Она согласилась, молодые стали жить в Саратовке. В этом браке появилось ещё пятеро детей: Раиса, Анна, Алексей, Надежда и Любовь. А у маленького Володи появился настоящий отец.

В селе Саратовка Лидия Порфирьевна трудилась на уборке урожая, вместе с остальными рабочими загружали машины зерном вручную, сушили зерно. В селе бабушка Лида была уважаемой жительницей, к ней тяну-

Награды Лидии Порфирьевны

лись люди. И не удивительно, ведь бабушка всегда была весёлая, задорная, организовывала субботники, собирала бригады, которые привозили на конях с котлована глину и известняк, обмазывали, белили недостроенные дома, и всё это сопровождалось песнями и плясками. Люди с радостью вселялись в новые дома, которые строили всем селом. Бабушку приглашали на разные праздники: она играла на балалайке, плясала, умела садится на шпагат до 86 лет.

В 1978 году умер её любимый муж Александр. Бабе Лидии пришлось одной дальше поднимать детей. Было тяжело, но она никогда не унывала и не боялась трудностей – людей, которые пережили войну, трудно было чем-либо сломить. Когда младшая дочь вышла замуж, а младшей в семье была моя мама, они с папой забрали бабушку к себе. Бабушка помогала маме воспитывать детей, внуков, а там пошли и правнуки. Всего у бабы Лиды 17 внуков и 14 правнуков. Но, к сожалению, бабушку стало подводить здоровье, и её не стало с нами на 91-м году жизни, в 2016 году 12 ноября.

В каждой семье складываются свои традиции, которые передаются из поколения в поколение. В нашей семье это – любовь, понимание, уважение к старшим и забота о близких нам людях. Ещё мы любили в знаменательные даты собираться с бабушкой за круглым столом всей семьей, где пели песни, слушали пение нашей бабушки. Я всегда просила бабушку, чтобы она достала свои медали, и в очередной раз показала мне свою гордость. Для меня это – реликвия и память о тех тяжёлых днях. За свой самоотверженный труд моя бабушка Долженок Лидия Порфирьевна имела следующие награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Мы часто с бабой Лидой разговаривали о её тяжёлой жизни, о тревожной молодости, и я удивлялась, как она выдержала и вынесла на своих хрупких плечах все тяготы военных лет. Для меня моя бабушка является прямым подтверждением силы духа, стойкости, мужества и достойным примером для нас, её внуков и правнуков. Женский подвиг в годы войны всегда будет достоин восхищения и гордости у молодого поколения.

Светлана Крохалёва

Куйбышевский район

Памятник в посёлке Комсомольский

Предшественники оставили землякам память о погибших в виде памятников, обелисков. Есть такая память и у нас, в посёлке Комсомольский.

История памятника в Комсомольском начинается в 70-е годы, когда райком партии издал постановление о сооружении памятников воинам-односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне, во всех сёлах Куйбышевского района.

Администрацией совхоза «Куйбышевский», директором совхоза Леонидом Дмитриевичем Ксензовым, жителями посёлка Комсомольский и солдатами, вернувшимися живыми с войны, было принято решение поставить памятник в центре села между зданиями сельского совета и Домом культуры.

Возводили памятник рабочие совхоза «Куйбышевский», проживавшие в посёлке Комсомольский.

Своими руками они соорудили постамент, на котором сейчас надпись: «Никто не забыт и ничто не забыто!»

Списки погибших для мемориальных плит были составлены работниками сельсовета на основании похоронок, полученных родственниками погибших, архивных данных и со слов участников Великой Отечественной войны.

Открыт памятник был 9 мая 1975 года при большом стечении односельчан, родственников погибших, бывших фронтовиков – тогда их ещё так много было в живых!

Под звуки торжественного марша к памятнику поднесли знамена: пионерское несла Наташа Панюкова, ученица 8-го класса, и два знамени – участники ВОВ Александр Иванович Сивцов и Константин Степанович Степанов. Ассистентами были ученики 8-го класса – Сергей Ивашкевич и Сергей Белянский.

Торжественную речь произнёс парторг Виктор Леонтьевич Выжутович, выступили директор школы Геннадий Владимирович Кусовников, участники Великой Отечественной войны: Спиридон Анисимович Кондратьев, Александр Иванович Сивцов.

Открытие памятника в посёлке Комсомольский Куйбышевского района 9 мая 1975 года

На фото запечатлён момент, когда ученица 7-го класса Любовь Борисова читает стихотворение «Реквием» Р. Рождественского.

Данилова В.П. читает стихи о войне

Бессмертный полк

Ежегодно в день празднования Победы, в день памяти и скорби, собираются многочисленные односельчане, школьники, проводятся торжественные митинги памяти. Возле памятника устанавливают Почётный караул, возлагают венки, цветы.

Здесь звучат имена погибших, звучат песни военных лет, бывшие фронтовики (увы, их всё меньше и меньше) делятся воспоминаниями о фронтовых дорогах. Памятник всегда в отличном состоянии, за ним ведётся постоянный уход и реставрация под наблюдением администрации Куйбышевского сельсовета.

Анжелика Бурдыко

Чановский район

Бегство Катаин

Альмухаметова (Назырова) Катаин Аксёновна родилась в 1915 году в деревне Аул-Тебисс Чановского района. В 13 лет Катаин осталась без матери, воспитывалась у братьев. Младший брат Самархан Назыров ушёл на фронт и пропал без вести.

Когда началась война, Катаин было 26 лет. Мужчин забрали на фронт. 25 девушек, среди них и Катаин, собрали в Чанах и увезли на поезде в город Новосибирск – работать на военном заводе. На заводе их распределили по разным местам. Катаин с несколькими девушками отправили разгружать вагоны, работали они днём и ночью. Из еды давали только капустный сок и каши из замороженной картошки и капусты. Голод был страшный, тяжёлая работа. Всё это толкнуло девушек на отчаянный поступок – сбежать.

Альмухаметова Катаин Аксеновна

Бежать решили ночью. В городе они встретили семью, которая была родом из Чановского района, они приютили у себя, накормили, предложили переночевать, но девушки не могли спать, решили бежать ночью.

«Бежали мы вдоль железной дороги, прячась. Было очень страшно», – вспоминала бабушка Катаин. Дошли они до деревни Песчаное Барабинского района за один день. Это была большая деревня. Люди сначала не принимали их, так как были случаи, когда просились на ночлег и крали вещи и еду, но при разговоре выяснилось, что один из жителей знает отца Катаин. Он помог девушке вернуться домой.

Время было такое, что ей нельзя было оставаться в деревне, её могли искать. Катаин отправили в Карасулино, потом она шла пешком до Купино. Было очень страшно, еды не было. В Купино её приняли сразу, рабочей силы не хватало. Она устроилась на работу скотником. В Купино Катаин вышла замуж за Искандера Альмухаметова. Там они прожили 5 лет. В колхозе выращивали скот, мясо отправляли на фронт.

Бабушка Катаин рассказывала: «Однажды мы повезли быков на продажу в город. Нас было 10 женщин и я с мужем. Нам сказали, что если мы довезём быков, то нам дадут 1 кг баранины и 1 литр рыжикового масла. По дороге надо было перейти озеро, ширина которого 3 км, посередине глубина 18 метров. Я была беременна, что делать, надо переплывать. Женщины посоветовали накрутить хвост быка на руку и плыть вместе. Когда доплыли до середины, я ушла под воду, но не отпустила руку, вынырнула. Мы довезли скот, продали. Когда вернулись обратно, нас вызвали в контору и выдали мясо и масло. Мы так обрадовались, для нас это было праздником».

После войны Катаин с мужем вернулись в д. Аул-Тебисс. В Купино им дали корову. В деревне они построили себе дом, воспитывали детей.

Алия Исенова

Каргатский район

Девушка с Большой земли

Анна Лаврентьевна Дивина родилась в 1919 году в селе Троицкое Каргатского района Новосибирской области в многодетной семье. Поступила на отделение русского языка философского факультета Николаевского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского.

В 1939 году после окончания института была оставлена ассистентом кафедры русского языка, но преподавателем ей не долго пришлось работать. С 1940 года Анна продолжает свою трудовую деятельность в аппарате обкома комсомола.

Грозный июнь 1941 года не застал её врасплох. Анна была отличным стрелком, умела прыгать с парашютом, знала иностранные языки.

7 июля 1941 года Анна Лаврентьевна была утверждена членом комиссии по приёму и отправлению посылок и средств от населения области в действующую армию. Позже Анне предлагают работать на оккупированной территории советской Украины. С огромным упорством училась она мастерству и искусству разведчика. А потом после курсов Анна Дивина была заброшена в отряд С. А. Ковпака.

«Девушка с Большой земли» – так называли её «ковпаковцы». Это она в числе первых переправилась на лодке через Днепр, уничтожив охрану. Анна отличалась исключительным мужеством и храбростью, владела тонкостями подрывного дела, ходила в далёкую разведку, участвовала в смелых действиях партизанских диверсионных групп.

Однажды в ноябре 1942 года 5-я комсомольская рота, где Анна была комиссаром, выполняла задание партизанского командования. Задание партизаны выполнили: станция Домехи надолго была выведена из строя. Анна приказала товарищам отходить, а сама, вставив в автомат новый диск, быстро поползла навстречу врагу. Анна уничтожила девять гитлеровцев, но сама была тяжело ранена и умерла от ран.

За самоотверженный подвиг Анна Лаврентьевна Дивина посмертно награждена орденом Красного Знамени. Приказом Центрального штаба партизанского движения от 6 марта 1943 года она награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. 5 января 1944 года Президиум Верховного Совета наградил её посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени.

Анна Лаврентьевна Дивина

Могила отважной разведчицы находится в деревне Домехи Речинского района Гомельской области. Ученики местной школы, носящей имя Анны Дивиной, заботятся о её могиле.

Ирина Лазарева,
Надежда Кушнерова

Кыштовский район

Слово русское

«Слово русское, слово славянское – и воскресит, и укрепит!» – принцип в профессии и жизни Варвары Ивановны Цвых. «Ведь не только от лекарства выздоравливает человек, но и от доброго слова, ласкового взгляда», – эти слова являются основополагающими в жизни и деятельности нашей землячки.

Варя Фролова родилась 7 декабря 1929 года в деревне Камышинка Кыштовского района. Родители: отец Иван Андреевич Фролов – переселенец из Смоленской губернии, мать Екатери-

на Федосеевна приехала в Сибирь с Могилёвщины. «Семья была певчая, какую бы работу ни выполняла мать, она всегда пела. А уж если праздник, то песням не было конца», – вспоминает Варвара Ивановна.

По рассказам отца она припомнила, как проходила коллективизация: «Было в Камышинке два колхоза. Первыми вошли в колхоз Цвых Борис Ефимович (свёкор), Акимутин И. А., Бруско И., Прилепо и другие. У Бориса Ефимовича был большой пригон. Туда согнали весь скот. Первыми доярками были Бруско Екатерина Чудовна и Бобкова Татьяна Матвеевна. Колхоз назывался «Красное поле». Скот и весь инвентарь принимали по записи». Из записей, сохранившихся у Варвары Ивановны Цвых, мы узнаем, какой инвентарь и скот были приняты в колхоз. Это: телега деревянная – одна, телега железная – одна, плуг – один, лошадей – две, овец – шесть. По тем меркам семья относилась к зажиточным.

В 1936 году Варя пошла в первый класс камышинской начальной школы. Когда началась Великая Отечественная война, ей было уже 12 лет. Варвара об этом вспоминает так: «Чистое, ясное небо. Воскресенье. Выходной. Слышались песни, играли гармошки. Мой отец красил в ограде скамейки, сундук. В это время пришёл его двоюродный брат Павел Козлов и сказал, что из Кыштовки приехал вестовой, началась война, всех собирают на митинг, будут объявлять первый набор. А по деревне уже голосили женщины».

В годы войны Варя не бросала учёбу, но учиться теперь приходилось в соседнем селе Верх-Майзас. Занятия в школе начинались 1 октября, а до 1 октября каждый школьник должен был заработать 50 трудодней. «Чтобы приступить к учёбе, нужно было предоставить в школу справку о трудоднях», – говорит Варвара Ивановна.

И уже в эти годы у Вари Фроловой проявляется талант к песенному творчеству: она сочиняет песни, стихи.

По окончании войны Варвара Фролова устраивается работать в колхоз дояркой, но желание продолжать образование не оставляло её. И в 1947 году она поступает на курсы медсестёр при Кыштовской районной больнице.

В 1948 году её направляют патронажной медсестрой в Камышинский ФАП. В 1956 году она получает назначение в верх-майзасскую участковую больницу, но недолго поработала она в чужом селе, манила её родная деревня. С 1968 по 1984 годы она, не зная покоя, отдаёт себя своим землякам.

«Работать фельдшером в деревне очень тяжело и ответственно. Нужно много знать и уметь. Ведь на деревне фельдшер – это и хирург, и невропатолог, и терапевт, в общем, врач широкого профиля», –

Завершился конкур
нашей газетой (№ 75, 1
замечательного весенн
кого дня. Отметив, что
но много интересных
шение победу присуди

На конкурс «Вкусна и полезна»

ДРАНИКИ ИЗ ТЫКВЫ

Оладьи из тёртой картошки (драники) делают практически в каждой семье. Просто, сытно, вкусно, недорого. Кто со сметаной их подаёт, кто с маслом, а кто и с вареньем. Говорят, что тоже неплохо.

Мне же довелось попробовать, буду- и как-то в гостях драники из тыквы и картофеля. Масса, из которой пекут оладьи, готовится как обычно, но примерно половину ее составляет тёртая на мелкой тёрке тыква. Плюс яйцо, добавляется мука.

Драники получаются нежными на вкус. Хорошо сочетаются как со сметаной, так и вареньем.

Попробовав драники из тыквы в гостях, стала время от времени готовить их и у себя дома. Чадам и домочадцам новое блюдо понравилось.

А еще можно из тёртой тыквы с добавлением муки, яйца и соли делать оладьи. Тоже вкусными получаются.

Не претендую на победу в конкурсе, объявленном газетой, но буду рада, если драники по моему рецепту понравятся нашим читательницам.

В.ЦВ
с. Камыше

Конкурс

К БЛИНАМ ДА ПИРОЖКАМ ПОДАВАЛИ СУСЛО И ПИВО

Я вспоминаю свое детство, выпавшее на военные и послевоенные годы. У нас была большая семья, пятеро детей. Мама готовила нам разнообразные блюда, старалась накормить всех, как только могла. В огороде сеяли коноплю. Из конопляного семени делали масло. Из толченой конопли готовили галушки. Много садили гороха, бобов, разных овощей. Горошницу ели с растительным маслом. Особенно нам нравились каши из бобов. Насыпали чистых промытых бобов немного больше половины чугунка, заливали водой, солили, закрывали сковородой и тушили в печи в легком духу, пока не разопреют. Потом размешивали с растительным маслом и ели с горячим топленым молоком.

Картошка была незаменима – это был наш второй хлеб. Очень много готовила мама из нее блюд, а драники – и по сей день делаем, но те были, кажется, вкуснее.

Натирали на терке очищенный картофель, отжимали. Половину крахмала клали в драники, солили, хорошо размешивали и выкладывали на смазанный жиром противень. Выпекали в печке. Нарезали квадратиками, обмакивали в сметану, складывали в черепку (глиняная миска) и ставили в печь минут на 30. Ели горячими со сметаной или молоком. С оставшимся крахмалом варили кисели – молочный или ягодный, а также крахмальную лапшу. 3-4 ложки крахмала растворить в 0,5 литра молока, выпечь 5-6 блинов, можно немножко поджарить. Разложить блины каждый отдельно, чтоб быстрее остыли. Разрезать на лапшу, положить в кипящее молоко, довести до кипения, 1-2 минуты и лапша готова.

Пареники из разных овощей мама делала всегда. Нам особенно нравился свекольный конфитюр. Я его делаю по сей день.

Тертую на крупной терке свеклу выкладывали в чугунок или глиняный горшочек, пересыпая сухой черной смородиной или клюквой. Закрывали сковородой и тушили в печи. Ягод класть по вкусу. Когда свекла упарится, ягоды набухнут, остужали. Делали бутерброды, использовали как начинку для пирогов и ватрушек.

Как только вырастала морковь, у нас на столе появлялась морковная запеканка. Отваренную морковь чистили, рубили ножом в миске, добавляли немного соли, 2 яйца взбитых, хорошо размешивали, выкладывали на смазанную маслом сковороду.

По рецепту бабушки

Разровнять и сбрызнуть маслом. Запекали в печи в легком духу 15-20 минут. Ели с молоком. Тоже хорошая начинка для пирожков и ватрушек. Еще делали морковницу (морковный суп). Отваренную морковь очистить, порубить или машинковать, залить молоком, довести до кипения, и морковница готова. Посолить по вкусу.

В годы моего детства варенье не варили, а всегда ягоды сушили. Из сушеных ягод мама варила взвар (компот). На 2 литра воды клали стакан сухой смородины, немного малины, сахар по вкусу. Ягодный отвар пили, а из ягод мама пекла пирожки. Такой отвар готовили для больных и рожениц, он очень витаминный.

В праздничные дни у нас в доме всегда пахло пирожками, блинами. Особенно запомнились драчены. Мама оставляла блинного теста на 3-4 блина, разбивала в него 3-4 яйца, наливала на сковороду чуть больше, чем на обычный блин и выпекала в печке в легком духу. Получались вкусные пышные блины – драчены.

А еще нам нравились сдобные калачи-баранки. Мама сеяла пшеничную муку, делала в муке ямку, наливала пол-литра дрожжевой опары, стакан молока или сливок, три яйца, растительного масла или свиного жира полстакана или чуть больше, когда сколько было, добавляла соль, соду на кончике ножа. Замешивала не очень густое тесто, раскатывала на смазанный лист, накрывала полотенцем и стояли они пока вытопится печь (подходили).

К блинам да пирожкам мама всегда делала сусло и пиво. Сусло наливала в глиняный горшочек, добавляла сухих ягод и ставила в печь, пока ягоды набухнут. Чтобы сделать пиво, нужна корнага или чугун с просверленной дырочкой. А я делаю так. В пятилитровом чугуне замешиваю тесто из ржаной муки на теплой воде, добавляю 2 стакана сахара. Наливаю тесто в печке для три. Ежедневно подливаю кипяток. Потом выкладываю в эмалированный бачок или флягу, развариваю кипятком, хорошо размешиваю, когда отстоится, сливаю, остужаю, заправляю своими дрожжами и через сутки пиво готово. Молодое, пенящееся, вкусно оно.

Дрожжи делаю так. 2-3 сырых картофелины натираю на мелкой терке в пятилитровую кастрюлю, добавляю 1 стакан сахара, 1 стакан муки, горсть хмеля. Все разавариваю двумя литрами крутого кипятка, закрываю крышкой и стоит, пока остынет. Потом добавляю граммов 50 прессованных дрожжей, хорошо размешиваю и ставлю в теплое место, периодически помешиваю и наблюдаю, чтоб не "убежали".

На ведро пива 1-1,5 стакана таких дрожжей достаточно. На них получается хороший хлеб. Хранить можно в холодильнике в стеклянной банке. Процеживать через ситечко. Зимой можно замораживать.

В. ЦВЫХ,
д. Камышенка.

ОТ РЕДАКЦИИ. Уважаемые читатели! Напоминаем, что наш конкурс "По рецепту бабушки", объявленный в номере газеты от 17 сентября, продолжается. Продолжаются наши поиски самых оригинальных, вкусных блюд, приготовленных по рецептам, которые передаются в семье от поколения к поколению. Их особенность в том, что они вкусны, испытаны нашими мамами, бабушками, не требуют особых затрат, каких-то особых продуктов и, самое главное, укрепляют традиции семьи, у каждой они свои.

Итоги конкурса редакция планирует подвести к одному из самых любимых наших праздников – женскому дню 8 Марта.

Приз, напоминаем, - роскошно изданная кулинарная книга.

Свадьба. Театрализованное выступление В.И. Цвых в роли тамады. 1985 г.

говорит о своей работе Варвара Ивановна.

Замуж В. И. Фролова вышла за ветерана войны. Родились дети: Аня и Борис. Много было хлопот, но она успевала везде: и детей воспитывать, и по хозяйству управляться. Увлекалась рукоделием, любила выращивать цветы, печь разные сладости детям, постирать, поштопать, связать, да ещё время песню спеть и новое стихотворение сочинить. И это при такой хлопотной работе.

О трудностях своей работы она рассказала нам следующее: «В работе приходилось по-разному. Иной раз в ночь-полночь идёшь на вызов. Придёшь, бывало, а вызов ложный: это изнеженный ребёнок раскуражился, истерику закатил, а родители испугались. Но были и серьёзные случаи. Приходилось и роды в дороге принимать».

Но что бы она ни делала, и в своей работе, и в своих увлечениях она отдавала и отдаёт себя всю. И доказательством тому и спасибо от благодарных пациентов, и почётные грамоты, значки, благодарности, каких у неё не перечесть.

Общий трудовой стаж у Варвары Ивановны Цвых – 39 лет, 36 из которых она проработала фельдшером в Камышинке. 7 июня 1971 года ей было присвоено звание «Отличник здравоохранения».

С 1986 года Варвара Ивановна на заслуженном отдыхе, но даже находясь на пенсии, она не смогла быть равнодушной к жизни селян. Она пишет стихи, участвует в смотрах художественной самодеятельности, участвует в различных конкурсах: «Минута Славы», «По рецепту бабушки». Под её руководством в сельском Доме культуры был открыт клуб общения «Русская горница» для пожилых людей.

Своим направляющим маяком жизни В. И. Цвых считает «русскую песню». «Сколько помню себя, всё пою!» – отмечает Варвара Ивановна. Около двухсот песен в её репертуаре. Это украинские, белорусские, русские песни. А поёт она песни, которые слышала когда-то в детстве от своей мамы Екатерины Федосеевны, и те, что сочиняет сама.

Каких только титулов за сохранение, укрепление традиций национальной славянской песни не удостоена Варвара Ивановна: «Душа песни», «Русская сударушка», «Сибирский соловей». Наверное не случайно Варвара Ивановна была «кладовой» для студентов филологического пединститута по сбору фольклорной песни.

В 1986 году учёный-фольклорист М. Н. Мельников, побывав в Камышинке вместе со студентами, в книге «Васюганье. Путь в никуда?» записал: «Запели голоса сильные, чистые, звучные и, кажется, подогнаны один к другому, что не только слухом и душой воспринимаешь песню, перед глазами встаёт её зрительный образ. Переливается песня замысловатым узором самотканой праздничной опояски, дрожит переливами вожжей, звенит серебром поддужных колокольчиков лихой тройки. И нет двух одинаковых голосов. Всё мелкое, суетное покидает тебя».

Она пишет стихи, занимается рукоделием, сочиняет частушки и песни, разводит яркие цветы, украшающие сад и дом, и не только для себя, но и для других, для удовольствия глаза человеческого.

Варвара Ивановна Цвых несёт своим творчеством душевную любовь и через неё приукрашает и приумножает то, что есть, с тем чтобы следующее поколение, дети и внуки несли это с любовью дальше. В этом состоит счастье человека на земле. Ради этого стоит жить!

«Патриот»

Татарский район

Поделюсь умением быть счастливой

Мы, дети сороковых, «дети войны», знаем цену жизни, потому что мы выжили и состоялись как достойные граждане благодаря тому, что вместе с родными трудились день и ночь, не гнушаясь никакой работы. С 5–6 лет, голодные, полураздетые и разутые, мы наравне со взрослыми своим трудом боролись за Победу. Мы были рады каждой крошке (не кусочку – крошке!) хлеба, каждой картошине – не мёрзлой, а «живой»…

Вот несколько эпизодов-воспоминаний из моей детской жизни (помню себя с трёх с половиной – четырёх лет).

Воспоминание первое. Мы живём (тогда) в избе из кухни и горницы: бабушка, дедушка, мама и нас, детей, четверо. Отца нет. С фронта пришло уже извещение: «Пропал без вести». К нам в избу подселили ленинградских эвакуированных – мать с двумя мальчиками. Стало нас в избе 10 человек. Спали на полу, на печке, под печкой, на полатях под потолком. Но не об этом речь. Я тогда была потрясена видом этих мальчиков и тем, как они ели картошку. Худенькие, бледные, с запавшими глазами, они держали картошку в мундире двумя ручонками, обсасывали даже шкурку, отыскивали на земляном полу крошку, если ей удавалось упасть из их рук и рта. Съедали не всю сразу, а прятали под тряпьё – «на потом»…

Воспоминание второе. Мы уже живём одни в своей избе – просторно стало семерым! Счастье! В январе 1946 года вернулся наш папка, переживший два года плена в Германии и фронт в Манчжурии (после освобождения).

Заболела корью сестра Надя. Помню, она лежит на печке, и мама даёт ей кусочек хлеба и крошечный кусочек сахара. Это было невообразимое лакомство! Мне так хотелось тоже это получить, но нет…

И тогда я босиком и почти голышом побегала по снегу во дворе. Результат: лежу на той же печке, мне так плохо (температура, наверное, к 40, но кто бы и чем мерил?). И вижу: у изголовья кусочек хлеба и сахара, но съесть это лакомство у меня нет сил…

Воспоминание третье. 1 сентября 1948 года я собираюсь «первый раз в 1 класс»! На завтрак – картошка «в мундире», обмакиваю в толчёную коноплю, как в масло. Вкусно! У меня – праздник!

Иду в школу босая, в синеньком байковом платьице (фланель понынешнему), с полотняной сумочкой. Мама, провожая, говорит: «Придёшь из школы, я испеку тебе лепёшку». Итог того дня – я ничего не помню о школе, потому что всё время была в мозгу мысль: дома меня ждёт лепёшка!

Лепёшка, кусочек хлеба – это праздник души, а будни – картошка.

Поэтому гимн картошке! Выжили мы благодаря ей, она была основной едой много-много лет. Весной мы её собирали мёрзлую, прошлогоднюю, вскапывая лопатой огород под новую посадку. Мама делала из неё драники, добавляя отруби и крапиву, которая раньше всех сорняков появлялась на огороде. А если картошка в погребе «доживала» до марта и подмерзала, становясь сладкой, то такое это было лакомство! Мы с соседскими ребятишками угощали ею друг друга и хвалили каждый свою. Из картошки же делали крахмал, который мама меняла на соль, сахар, спички, у кого это было (в основном, у взрослых бездетных). Крахмал… Когда сейчас при необходимости мне надо потереть картошку, у меня начинает покалывать пальцы и сердце колотится.

Тогда мне было шесть с половиной лет, сестре – восемь с половиной. Нам

давалась норма: сестре истереть ведро, а мне полведра картошки. Без слёз сейчас это не могу вспоминать: ручонки все поранишь до крови на самодельной неудобной тёрке, спина становится каменной. Но терпели все, отказаться выполнять норму и помыслить не смели.

Будь моя воля, я бы поставила рукотворный памятник картошке – спасительнице по всем городам и весям нашей страны!..

А потом в послевоенные и 50-е годы жизнь начала налаживаться, но трудности тоже были неимоверные: шла борьба за восстановление разрушенной части нашей страны. И это тоже легло на плечи народа. Жуткие налоги на всё. Хлеб, молоко, яйца, шерсть, мясо, шкуры скота надо было сдавать бесплатно государству. Но у нас уже появился хлеб (стали давать на трудодни), хозяйство держали, огороды уже кормили нас. Потом за сданное сверх плана молоко стали давать деньги. Я помню: первые 10 копеек мы с сестрой потратили на 100 грамм конфет-подушечек, поделили их поровну, а потом соревновались, у кого дольше продержатся они за щекой – растягивали удовольствие.

Нас радовало всё, что хоть немного улучшало нашу жизнь: проведённый в деревню свет, радио, чёрные «тарелки» громкоговорителей, радиоприёмники…

«Школьные годы чудесные, с книгою, с дружбою, с песнею…» Школа для нас была всем: и источником знаний, и «букварём» этических взаимоотношений, и своего рода очагом культуры, где каждую субботу проводились тематические вечера. Например, тема: «300 лет воссоединения Украины с Россией». Мы готовим материал, рассказываем всё по теме – первая часть вечера. А вторая – танцы под радиолу и баян, которые всегда начинались «Школьным вальсом». Ах, как кружились девушки с юношами в парах в вихре танца! И учителя наши танцевали с нами вместе! А школьный радиоузел с разделом «Сквознячок», где «сквознячком продувало» лодырей и прочих нарушителей дисциплины! А наша знаменитая производственная бригада, единственная за Уралом – детище Владимира Гавриловича Малыгина! В 1957 году мы получили медали «За освоение целинных и залежных земель». Это ли не счастье для нас, сирот?

А потом в моей жизни был НСХИ (Сельхозинститут) и более 40 лет работы в родной, лучшей для нас, Константиновской школе. И работа с детьми – тоже счастье! Более сорока лет отработала учителем химии-биологии, награждена знаком «Отличник народного просвещения».

Жизнь прожита большая, сложная, но счастливая. Родные и дорогие мне люди – дочь, внук, внучка, правнук, правнучка – окружают меня теплом и заботой. Мне есть, кого любить, о ком переживать и заботиться. Коллеги и односельчане ценят мой труд и уважают меня.

Но иногда (и всё чаще) воспоминания возвращают меня в моё голодное и холодное детство. И тогда я затапливаю «грубку» (печь), варю или пеку картошечку, режу луковицу, ставлю солонку и кружку воды на стол (в детстве стаканов-то и не было), зажигаю лампаду у божницы – и пирую! Благодарю всех, кто когда-то помог мне выстоять. И особое спасибо картошке! Спасибо! Я жива! Я счастлива! И пусть будут счастливы все!

В. Ломакина

Болотнинский район

Коренной

Я коренной Болотнинский, я здесь родился после войны, в 1947 году, и детство моё прошло на улице Уральская. Мой отец родился в Захаровке, а моя бабушка Марфа Афанасьевна, отцова мать, она из Белоруссии, ещё ребёнком её привезли в наши края.

У бабушки было трое детей: старший – мой отец, с 1919 года, и две его сестры, на два и четыре года младше. Когда дед Илларион бросил бабку и уехал с соседкой на Камчатку, моему отцу было восемь лет. Бабушка одна работала на своём наделе земли. В 1929–30 годах здесь была коллективизация, она не пошла в колхоз и была репрессирована: отсидела полтора года в тюрьме. Дети были одни. Отцу было двенадцать лет. Бабка всегда Берию материла.

Детство – время золотое...

Мой дед Илларион жил в Петропавловске-Камчатском. Когда моему отцу было шестнадцать лет, он уехал к нему на Камчатку. В 1939 году отца призвали в армию. Воевал с Японией. В общей сложности служил восемь лет.

Мамины мать Евдокия Андреевна Кошеутова и отец Иван Кириллович Кузьмин жили в Кругликово с момента основания этого села, и потому у меня там пол-села родственников.

Во время войны мама училась в Болотном, в областной школе счетоводов и после окончания её была распределена в Захаровку счетоводом (так называли тогда бухгалтеров). Ну а когда в 1946 году мой отец вернулся из армии в свой родительский дом, они с моей мамой поженились и переехали в Болотное. Там отец устроился в вагонное депо слесарем, а мама либо работала бухгалтером в разных организациях, либо была с детьми, а нас было пять человек – четверо братьев и сестра. Я – старший, с 1947 года.

Служба в армии

Отслужив в армии, окончил НИИЖТ, факультет промышленного и гражданского строительства (ПГС). Поступил туда в 1970 году. У нас в институте говорили: «Если сдал сопромат, то можно и жениться». После окончания первого курса, я так и сделал – женился. Жена – Галина Григорьевна, в девичестве Федоренко, 1949 года рождения, училась в мединституте, факультет педиатрии. Познакомились мы в электричке в 1969 году вскоре после моей демобилизации из армии. Она училась на четвёртом курсе, а я только собирался куда-нибудь поступить (в НЭТИ или в «Водный»; если в НЭТИ, то на радио- или электротехнический, а если в «Водный», то только на электротехнический).

В голове было пусто, и чтобы сдать экзамены, надо было готовиться. Для этого в 1969 году я приехал в Новосибирск, устроился на завод им. Ефремова, где проработал год, и пошёл на подготовительные курсы. К нам на работу в цех приняли двоих выпускников НЭТИ, дали им жалованье «аж» 90 рублей в месяц. У меня по четвёртому разряду электрика получалось 130 рублей, вот я и стал думать теперь уже о строительном институте.

Весной 1970 года я уволился, и всё время отдал подготовке к поступлению в институт, а сам думаю: «Ё-моё! Учиться тяжко – и такое жалованье?!.. Пойду в строители: хоть жильё буду иметь!» Вот и пошёл в НИИЖТ, на факультет ПГС. Поступил на общих основаниях, сдав все экзамены. Нас, кто после армии, на потоке было 3–4 человека. Да и вообще, в шести группах из 29–30 человек в основном были девчата. В моей «П-112» было семь мальчиков-новосибирцев и я, остальные – девочки. Все – после школы. Назначили меня старостой группы и курса. На протяжении трёх месяцев учиться было тяжело,

трудно воспринималось всё. Потом вошёл в колею, и учёба пошла, ряд предметов в первую сессию сдал досрочно. Я три курса окончил, а жена окончила институт и интернатуру в Новосибирске. Встал вопрос: либо мне одному жить и учиться, либо переехать, но вместе. Мы могли и дальше жить в Новосибирске. Я, учась, подрабатывал на стадионе НИИЖТа, и там у нас была каморка при стадионе. Но нам обоим не нравился Новосибирск, и мы решили, что если найду работу в Болотном, то переведусь на заочное обучение.

В архитектурном отделе райисполкома я начал работать ещё при Александре Сергеевиче Дорожкине, который работал председателем райисполкома. Он был такой набычившийся, строгий дяденька, с людьми разговаривал не просто, а будто на колокольне стоял. Он меня на работу принимал. Потом его куда-то перевели, думаю, на повышение. Вместо него пришёл из райкома партии Леонид Степанович Третьяков, тот был попроще, помягче к людям. Однако именно он меня потом, через одиннадцать лет, с работы выпер.

А сосватал меня работать главным архитектором района заместитель председателя райисполкома Георгий Иванович Меркулов, с которым я уже был знаком. Я только приехал, иду спокойно по Болотному и вдруг встречаю Георгия Ивановича. Поздоровались, он начал интересоваться что да как и вдруг спрашивает:

– А ты где собираешься работать?

– Да не знаю ещё, – отвечаю, – ещё не определился.

– От! У нас тут место есть главного архитектора района! Может, ты пойдёшь? – тут же предложил он.

– Да не знаю. Ведь это работа такая… ответственная, а я ещё институт не окончил.

– Вот! – указал на меня Георгий Иванович. – А ты и есть самый что ни на есть ответственный человек, а ещё и молодой – расти надо!

Ударили мы по рукам. После представления председателю райисполкома отправили меня на собеседование к заместителю председателя облисполкома Олегу Филипповичу Деменко. Поговорили, он добро дал, понял, что я не совсем дурак и что-то соображаю, и я погрузился с головой в работу.

А мне кроме всего надо было ещё и учиться. И было очень тяжело уйти на учебные сессии. Иногда Третьяков просто не отпускал на учёбу и сдачу экзаменов. Поэтому вместо двух лет учёба тянулась ещё четыре года, пока я не получил диплом.

В семейном кругу

В те времена генплан Болотного и населённых пунктов у нас уже был. И по сёлам района, и в Болотном шла большущая стройка. И в Новосибирске, и по всей области строили – это были удивительные годы созидания.

В Болотном формально существовало три строительные организации:

ПМК 168 Облсельстроя (Начальник – Поляк Валерий Емельянович, после Бабак Юрий Данилович, главный инженер – Власенко Иван Сергеевич) занималась строительством в самом Болотном и по сёлам района. Это была самая мощная в районе организация, строила абсолютно все объекты.

МПМК Облмежколхозстроя (МСО – межколхозная строительная организация) строила в городе, например, здание райисполкома и всё по району, в колхозах: жильё, административные и хозяйственные объекты.

И третья – РСУ (Ремонтно-строительный участок).

Кроме этого, многие предприятия Болотного ежегодно строили хозспособом 2–3 квартиры, и всё из-за конкуренции. Дело в том, что в те годы шла «борьба за рабочие руки», за специалистов, которых везде не хватало. А не хватало, потому что развивались: промышленная база, «социалка», сельское

хозяйство, – и везде требовались специалисты. Без жилья сложно пригласить к себе работника. Когда я в МСО работал, мы тоже каждый год за счёт внутренних ресурсов 8–9 квартир сдавали. Как минимум! Каждый год! Даже школа № 2 (директор Собин Виктор Иванович) строила два двухэтажных дома: восьми и четырёхквартирные.

Мы в архитектурном отделе райисполкома формировали облик Болотного, планировали, где жилому дому стоять, где поликлинике, привязывали к местности. Я был ещё и областным инспектором ГАСК (Государственного архитектурно-строительного контроля) – за качеством строительства смотрел. ГАСК имел право приостановить финансирование объекта до устранения на нём брака.

Приезжали к нам, конечно, кураторы из Новосибирска, из УКС (Управления капитального строительства) облисполкома. В УКСе работал начальником интересный дядька – Долгий Василий Иванович. Был такой случай: однажды Третьяков отправил меня к нему «выяснить вопрос», мол, что УКС думает по «некоему делу». Дождался я, когда Долгий меня примет, задал ему интересующий нас вопрос. Он меня вокруг да около больше часа водил. Время – мне уходить пора, а ответа я так и не услышал, и я уже настойчиво и непримиримо спрашиваю:

– Василий Иванович, так что же я должен сказать председателю райисполкома товарищу Третьякову по интересующему нас вопросу?

– Как ты со мной разговариваешь?! – взбеленился Долгий. – Кто ты, а кто я?! Я буду жаловаться! Это что за поведение?!

– Ну жалуйтесь, – отвечаю, – только на вопрос ответьте, я что, зря приезжал?

Разговаривал я с ним спокойно, так сказать, «в рамках», но не понравилось ему моя независимость и, наверное, отсутствие холуйского страха. Молод я ещё был, слава Богу, так и не пропитался этой заразой.

В то время, когда я начинал работать, достраивался Болотнинский райисполком. Коробка в основном была выложена из кирпича. Перегородки ставили, кровлю делали. Я тогда ещё по заданию Леонида Степановича распределял, где какой кабинет будет: где Райспорткомитет сидеть будет, Райфинотдел или РайОНО. До этого все отделы райисполкома (РОНО, РайФО, Плановый отдел, Архитектура и т. д.) находились в разных концах города и в разных зданиях. Всех в одно здание поместили, у нас ещё и райком комсомола пять комнат занимал. Это потом уже после перестройки управленцев раза в три больше стало.

В те годы строили несколько многоквартирных домов, поликлинику; жена моя – доктор, очень ждала, когда мы строительство закончим, не терпелось ей в новом здании поработать.

В те же годы решали вопрос водоснабжения, проводили новый водовод с Иксы, новые линии электропередачи и линии связи. Мне-то это всё надо было знать, потому что я у Заказчика и Проектировщика согласовывал. Допустим, вода в одном случае была железнодорожная, а в другом – городская. Я должен был знать, где чья. Дальше: где связь железнодорожная, а где – сельская; где линии – «Приобские сети», а где – «Бердские сети», чтобы одно на

другое не наложить, когда проекты составляем. Все просчитывали, просматривали, перепроверяли, потому что за нами шло уже конкретное строительство и мои ошибки могли стоить государству больших денег.

Мне пришлось встречаться с массой умных людей – ГИПами (главный инженер проекта). Когда задание на проектирование выдаётся, заказчик собирает исходные данные на проектирование, скажем, воды, канализации и других коммуникаций, и всё это – через меня, на всём этом виза моя стояла, что «согласовано», с этого момента я ответственен за проект.

За эти годы я многому научился и от людей и сам старался, как когда-то сказал Меркулов – «расти». Первая задача моя была, чтобы генплан исполнялся. Я обязан был за этим делом следить. Много было «самостроя». У нас же руководители хозяйств ребята резкие, самостоятельные, рукой махнул – вон там строить будем, а по генплану специалисты другое место рассчитали, продумали. Приходилось бороться, до мата и крика дело доходило, до рукоприкладства-то никто не рисковал, я молод да крепок был, меня унять трудно было. Приходилось и в газету писать, разъяснять, что строить надо по плану и с разрешения, мол, «Всё, ребята! Партизанская война закончилась, пора переходить на мирные, цивилизованные рельсы». Люди были недовольны, жаловались на меня. Но я тянул своё дело, не боялся ни с кем встречаться, не подлизывался никогда. На «белое» говорил – «белое», на «чёрное» всегда – «чёрное». Это все понимали и знали об этом.

Первым секретарём РК КПСС был тогда Лучин Александр Петрович. Он знал мою жену, так как его жена работала в школе с моей тёщей Федоренко Анной Васильевной. (Тёща одна воспитывала и растила троих детей: муж умер. Моя жена была средняя.) Поэтому я тоже познакомился неформально с Лучиным. По работе приходилось спорить и высказывать свои доводы. В основном он со мной соглашался.

Генплан – это закон, а законы надо исполнять, тем более что эти законы написаны очень умными и опытными специалистами, а секретарские «хотелки» – это не закон. Лучин Александр Петрович говорить умел, много и складно. Он мог на любую тему часами разговаривать – пустой человек. Помню, когда Лучина сняли, я к Третьякову пришёл (не знаю, чего он меня вызвал), а он руки потирает: «Сейчас первого сняли!». Третьяков рад был этому делу. Я не скажу, что с Третьяковым я был в дружеских отношениях, но в доверительных, это – да. В общем-то, я не скрывал от него ничего, и он от меня – ничего. Честно работали. Все доклады о стройках я ему писал. Практически стройкой он, по-моему, вообще никогда не занимался. Мне доверял. Но было когда, скажем, кредиторская или дебеторская задолженность между заказчиком и строителями возникала, тогда собирались все: и банковский работник, обычно там была Ушакова Любовь Фёдоровна, и зав. РайФО Мороз Иван Ефимович, ну там ещё кое-кто, допустим, строители, и разбирали: «чё почём».

Иван Ефимович Мороз, кстати, знающим мужиком был и тоже – крутой. Фронтовики. У него в замах был Жевлаков Николай Александрович. Когда Жевлаков умер, я фотографию его увидел: вся грудь в орденах, а ведь о войне он никогда не говорил. Ну как мой отец: тоже не любил рассказывать о войне.

Несколько слов о Третьякове Леониде Степановиче, как-никак, но именно с ним я работал в самые горячие годы, многому научился и у него, он же и выпер, не уволил, а именно выпер меня с работы. Но обо всём по порядку. Не знаю, верить ли американскому философу, который доказывал, что через

Рабочие будни

пять лет руководителя нужно менять? Думаю, он прав, но только частично. В каждом случае всё должно быть индивидуально. Я с этим соглашусь только в том, что когда человек приходит руководителем, он из кожи вон лезет, чтобы что-то хорошее сделать, а потом рутина заедает, и он уже думает: «Да хрен с ним – как оно там шло, так и пусть идёт!». Третьяков горел в первые годы, когда его назначили председателем райисполкома, а потом сник, а позже просто запил и всё. Запил, думаю, потому, что партия ему толком работать не давала, мешали партийцы райкомовские, лезли и мешали.

На демонстрации, г. Болотное

С Третьяковым мы находили общий язык, у нас с ним нормально было. Но вот случай: я был председателем комиссии по приёмке водовода от Иксы в Болотное, мы им и сейчас пользуемся. Там был брак и недоделки, и я отказался подписывать акт приёмки. То же самое случилось и с Витебским комплексом. Я также отказался подписывать акт приёмки. Сразу замечу, что потом на этот объект израсходовали ещё более миллиона рублей, чтобы его ввести в строй. Директора комплекса сняли: он подписал акт, не сразу подписал, но его уломали, заставили, а потом сняли с работы, хотя он был порядочным, но может быть, не столь стойким.

Так вот: в тот же день, когда я отказался подписывать акт приёмки Витебского откормочного комплекса, прихожу домой, включаю радио Новосибирск, а там праздничный рапорт: «Сегодня принят в Болотном в эксплуатацию Комплекс КРС (крупного рогатого скота) и ещё ряд таких объектов».

Примерно через месяц Третьяков мне говорит: «Ну коль ты не понимаешь райком и райисполком, то лучше подать заявление об увольнении по собственному желанию». И вот оцените подлость момента: до этого разговора с Третьяковым, где-то за месяц, на бюро райкома партии, на котором и Третьяков присутствовал, разбирали мой персональный вопрос – главного архитектора Белоусова: «Такой-сякой, принимает объекты в эксплуатацию с недоделками!» Тут же сидит начальник ПМК – строитель, его не трогают, а меня – в хвост и в гриву, хоть я и не член партии.

Я седым стал, когда мне ещё и 27 лет не было. Когда служил в Красной Армии, а дослуживал я в Чехословакии, это шестьдесят восьмой год был. Помните события, когда наши танки и войска вошли в Чехословакию? Я там разговаривал с «братьями по интернационалу» – чехословаками, болгарами и венграми. И я понял, что в «случае чего» они либо в кусты убегут, либо в спину нам стрелять будут. Был я в батальоне связи Чехословацкой Народной Армии (ЧНА) с делегацией от нашего батальона связи, в котором я служил. Строевики они плохие, а вот радисты – прекрасные. Меня поразило, что в части у них есть кабачок, где продаётся вино, водка и пиво. И когда был устроен банкет по нашему случаю, я спросил у их майора: как так, что в части продаётся алкоголь. Он ответил: «А если солдат захочет выпить, зачем ему куда-то идти?» Конечно, они не пьют, как мы. Попробовал я их (чехословацкие) и вино, и водку, и пиво. Было это. Вино и пиво – хороши, а водка – дрянь. Ну, по крайней мере, тогда была.

Что меня до сих пор гложет, так это когда на банкете стали чехи петь наши русские песни, такие как «Катюша», «Тёмная ночь», то выяснилось, что мы, бараны, слов-то не знаем. Вот это до сих пор досадно!

А вступать в КПСС я не стал: что-то во мне сломалось, неверие какое-то во мне проснулось. Сейчас я антикоммунист по взглядам на жизнь.

Потом, когда меня заставляли подписать акт по откормочному, я сказал райкомовским ребятам:

– Завтра вы меня поведёте к прокурору и там скажете: «Мы его, сукина сына на бюро разбирали, вразумляли и требовали, чтобы он не подписывал объект с недоделками, а он, «нехороший человек», берёт и подписывает!»

После увольнения я с аппендицитом залег. Где-то через месяц после операции мне звонит Третьяков:

– Может, ты вернёшься на работу?

А у меня обида прям из сердца хлещет:

– Нет, Леонид Степанович, не вернусь.

Тогда звонит мне Сизоненко – второй секретарь райкома партии и с напором, он мужик нагловатый, чуть ли не с угрозой:

– Ты работу здесь не найдёшь!

А я совсем осерчал:

– Ну и хрен с вами, – говорю, – у меня руки есть, знания есть, диплом есть – уеду в другое место, найду работу. Ну а вы врача ещё лишитесь.

Ну запнулись, ребята, притихли: жена у меня доктор завидный.

А теперь несколько слов о самом Сизоненко.

Сизоненко Алексей Никанорович – второй секретарь райкома партии, деловой мужик, и при всём моём неуважении к райкому партии – с ним можно было работать. У Сизоненко были какие-то неимоверные связи, и они послужили Болотнинскому району сполна. К примеру, освещение в Болотном сделали исключительно благодаря ему и его связям! Потому что в те времена всё было лимитировано и по плану: положен тебе ящик гвоздей, ты ящик получишь и ни гвоздем больше! Меньше ящика – можешь получить, но не больше. А тут для освещения нашего города нужно было тысячи столбов для опор получить, вот этих – железобетонных. Сотни тысяч километров провода, потому что четыре провода идёт, плюс подвески всякие, изоляторы и прочие мелочи и расходные материалы. И никто толком не знал, когда Болотному дадут эти лимиты на нужные материалы. Это всё он добыл, используя исключительно свои связи, всё фондировано из Красноярска. И засветилась наша Болотная и утром, и вечером. Смеялись ещё: мол, «офонарела» наша Болотная.

Ещё пример, который привёл меня в восторг. Я у него в кабинете. О чём-то разговариваем, обсуждаем текущие строительные дела, вдруг ему звонок из Москвы: человек умоляет помочь ему купить билеты на самолёт в Сочи, мол, «билетов в кассе нет». Сизоненко, не моргнув глазом, говорит просителю: «Позвони через десять минут». Тут же набирает Москву, решает вопрос. Какой-то чудак на очередном рейсе улетел на юг, потому что Сизоненко позвонил из Болотного!..

Бледных Михаил Фёдорович – ещё один очень достойный человек был. Весь посёлок вокруг «Сельхозтехники», это всё благодаря ему: и контора, и детский сад, и жильё, по меньшей мере, около тридцати домов, – всё это было построено при его участии. Достойнейший человек! Причём он не просто войну прошёл, он «сорокопяточником» был. Их в войну называли «Смерть врагу – п…ц расчёту!»

На самом деле эта пушка противотанковая могла сделать максимум пять выстрелов при большой удаче. А так – три выстрела – и танк немецкий её засекал. В танк надо точно попасть, потому что он ответит, и даже если в пяти метрах снаряд от него придёт, то всё равно осколками накроет. Когда я в Красной Армии служил, у нас замполит был, тоже фронтовик, вообще, когда я служил, у нас много офицеров-фронтовиков было – порядочные люди были. Замполит-фронтовик много рассказывал именно о сорокопяточниках.

Бледных Михаил Федорович – хороший был мужик. Так вот, он меня учил:

Сотрудники райисполкома

«Пилой работаем: ты – мне, я – тебе». Работали «пилой» и дело шло, и людям от нашего труда польза была.

За годы работы в архитектуре было построено и сделано с моим участием.

В Болотном: поликлиника и больница; Дом культуры; школа № 2; центральная котельная и сети к ней; медсклады; водовод; хлебозавод; баня; два детсада; освещение города; асфальтирование улиц; жильё по улицам: Московская, Московская угловая, Горького, Ленина (у Дома культуры), и много других объектов.

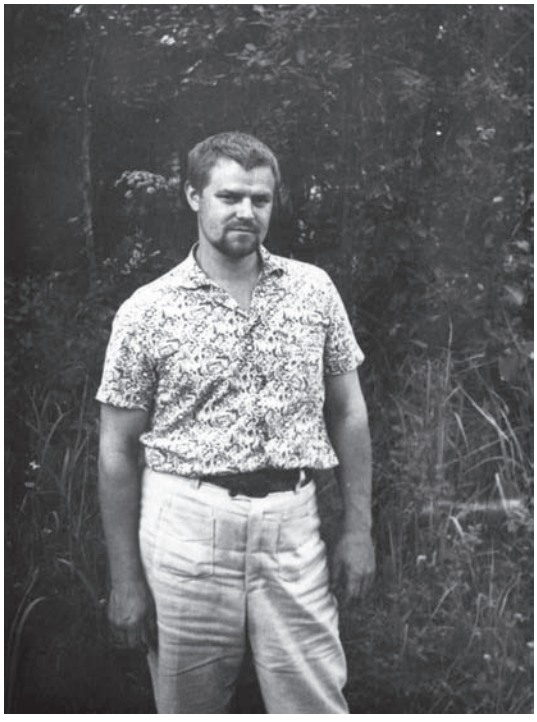
В районе: школы в Кругликово, Карáсево, Оми, Аче, Корнилове, жильё и Дом культуры в Байкале.

Работая в МПМК-1, строил детсады в Новобибееве и Кунгуруке.

Работая в РСУ Ремстрой участка Облремстроя, ремонтировал объекты в основном в г. Болотное. На ул. Горького в Болотном строил поликлинику и двухэтажные 16-квартирные дома, детский сад у церкви на пересечении улиц Московская – Кондукторская и ряд других объектов.

Заказчиком выступал УКС Облисполкома. У УКСа были инженеры-строители – кураторы объектов. Они должны были подписывать акты на строительные работы. Но чаще всего (на 90 %) за них эти акты подписывал я. Мне они доверяли. С другой стороны, я добровольно брал на себя ответственность за эти работы и их качество. В случае чего – за зад взяли бы меня. А строители формально без подписания акта не могли продолжать вести работы. Так что, приходилось быть на объектах очень часто и смотреть, хотя за всем не уследишь: после сдачи объекта случались и трещины, и просадки.

Геннадий Дмитриевич Белоусов



Так закончилась моя архитектурная эпопея. Потом я год поработал в РСУ. Как раз я строил угловой дом по Московской и ряд всяких мелких объектов. Тут начали меня пытаться грызть, гнобить и я ушёл на железную дорогу, в дистанцию пути – бригадиром по стройке.

Как-то колю у тёщи дрова, заходит Геннадий Петрович Бондаренко, новый председатель МСО, его недавно назначили из главного инженера МСО – председателем. Он предложил мне идти на его место главным инженером. Я говорю: «Ты же знаешь, я ушёл со скандалом». А он говорит: «Всё согласовано. На бюро РК КПСС утвердили. Ходил туда».

Недавно Геннадий Петрович умер. Был классный человек и строитель. Качественно работал всегда. Рак съел. Но вот он рвался всегда в партию вступить, а в те времена квота была для вступления: какой-то процент рабочих, а потом – все остальные, ИТР и так далее. Мне предлагали, но я говорил – «нет». Я прямо говорил, что нечего мне там делать. Более того как-то второй секретарь райкома Сизоненко меня спросил, чего я в партию не вступаю. Я говорю: «Всё, Алексей Никанорович, ежели из партии половину выгонят, из этой половины половину без суда и следствия расстреляют, я – завтра же вступлю». Он: «А чё ты так на партию?!..» Я говорю: «А в чём я не прав?» Он трубку положил и больше на эту тему со мной не разговаривал.

Ну вот, начал я работать главным инженером МСО, в первый же год мне приходит бумага, чтоб я отрапортовал, какие материальные ценности у меня на складе есть. Ну я, как порядочный человек, всё написал, что у меня там было. Скоро ко мне приезжают от на-

чальства и говорят: «У тебя тут лишнее, так ты отдай». А как же я? Если у меня завтра трос на кране лопнет и кого придавит, а всё потому, что у меня на замену троса хорошего нет? А я как главный инженер непосредственно несу ответственность и за работу, и за технику безопасности. А у меня трос забрали, у меня его нет! Я ребятам звоню туда: «Вы у меня трос забрали!» Они: «Ну забрали, а сейчас его нет».

И потом, сколько лет работал, я ни разу правды не писал, я только врал. Научили! Потому что у меня есть «это», а у другого «этого» нет, но есть «то», чего у меня нет, но мне это надо. Я ему – «это», а он мне – «то» – «пилой» работали: ты – мне, я – тебе.

Наш Болотнинский хлебозавод строило Тогучинское СМУ Облпотребсоюза. Руководитель – Владимир Геер был не только технически грамотным строителем, но и хорошим, скажем так, вором. Поймали мужика на воровстве, судили в Тогучине, из партии выгнали, а Николай Демьяныч Бурдыко его после суда на работу взял начальником в наше РСУ. И в том нет никакой загадки, просто бригада, которую Николай Демьянович с собой сюда привёз из Здвинки, на этом хлебозаводе работала. К слову сказать, сынок Николая Демьяновича оформлен был в бригаде Лёвы Варданяна. И когда Варданян комплекс «Витебский» строил, сынок всё так же в бригаде его числился, но понятно, что ни дня не работал, но деньги он получал.

Теперь другой случай. Как-то начальник ПМК 168 Поляк Валерий Емельянович – они строили Витебский комплекс – начал сватать меня к себе главным инженером. Я сказал, что не пойду. Тогда он спросил: «А кого ты посоветуешь?»

Я ему посоветовал обратить внимание на прораба Чебулинского совхоза И. С. Власенко. И этот прораб согласился пойти на ПМК главным инженером. Потом растрата там случилась более чем на триста тысяч – это колоссальные деньги по тем временам: дом добротный стоил в пределах пятидесяти тысяч. В общем, начальника ПМК Поляка и главного инженера осудили: какие-то штрафы им дали и условные сроки. За такие суммы… Ну Николай Демьянович «поработал, постарался», чтобы от тюрьмы спасти своих товарищей.

Коллектив

Работала там главным бухгалтером Тамара Павловна, а муж у неё работал «узловым» секретарём парткома. Она проворовалась. А как проворовалась? Писали наряды и выплачивали зарплату несуществующим людям. Начальник ПТО Владимир Евгеньевич Фомченко это дело там раскрутил и шум поднял. Когда разбирали на бюро райкома это дело, Бурдыко говорит Владимиру Григорьевичу Евдокимову: «Ты что, не знаешь, кем у неё муж работает?»

Ну по-доброму если, по-честному, то надо не только жену осудить, но и мужа с работы убрать! Он что, не знал, что жена ворует? Судите сами: если у меня рубль лишний появился, я его, грубо говоря, либо пропью, либо чего-то куплю. Жена всё равно будет знать. А если жена десятки тысяч рублей приносит – ну откуда такие деньги? Вот и качество руководителя парткома – поганенькое качество, звали его Станислав Петрович, а фамилию не помню – вылетела из головы… А Николай Демьянович – он очень даже не простой человек. Он на бюро райкома тогда прямо сказал Евдокимову: «Как ты смел шум поднять, когда у неё муж партийный работник, да ещё – секретарь узлового парткома!»

Это очень даже им не понравилось, что кто-то осмелился усомниться или сомнение выразить об их неприкосновенности. Должность секретаря парткома узла станции Болотная приравнивалась к должности секретаря

райкома – а это уже были люди неприкосновенные. И не важно, что человек пустой, а жена воровка. И вот начальника ПМК Владимира Григорьевича Евдокимова перевели работать в другой район, хотя он был и специалист хороший и человек нормальный. А на его место поставили Г. П. Бондаренко. Вот так это дело было. Учились воровать уже тогда «под прикрытием». Так что нечего удивляться тому, что позже случилось, и что во главе разворовывания страны партийные руководители оказались!

Я лично ничего не украл и поэтому у меня разговор был коротким. Мне-то что бояться? Меня на крючок не возьмёшь, потому что я не украл ничего, хотя возможности были. Не воровал я, но с работы выперли, а за воров – партийные чиновники вступались.

Может, и не случайно наша страна развалилась – не выдержала лжи, сломалась, когда этой лжи стало невыносимо много.

Геннадий Белоусов

Бердск

«Вега»

История моей семьи через историю Бердского радиозавода («Вега»)

Бердск получил статус города в 1944 году. Немалую роль в этом сыграл Бердский радиозавод. Дело в том, что до Великой Отечественной войны в селе Бердском не было крупной промышленности (самым крупным предприятием был мукомольный комбинат) и, соответственно, невелика была и численность населения. В 1941 году к нам был эвакуирован Харьковский завод имени Ф. Э. Дзержинского, который в годы войны работал на Победу: выпускал составные части к военным самолётам. По окончании войны харьковский завод вернулся обратно на Украину, а на оставленных производственных площадях 10 июля 1946 года было решено организовать радиозавод.

И уже 7 октября 1946 года был создан завод, который получил название Государственный Союзный Бердский радиозавод. В буклете, выпущенном к 40-летию завода, читаю:

«Новорождённый завод получил в наследство семь бывших складских помещений, требующих немедленного капитального ремонта: без дверей и оконных рам, без вентиляции и осветительной проводки… А уже в сентябре 1947 года, несмотря на организационные трудности, нехватку оборудования и специалистов, была выпущена первая партия супергетеродинных пятиламповых радиоприёмников, получивших название «Рекорд-46»… Через 10 лет продукция завода получила международное признание: на выставке в Брюсселе в 1957 году ламповая радиола «Байкал» была удостоена Большой серебряной медали».

Вспоминает моя мама, Степанова Галина Гарриевна, в девичестве Скальская:

«Мы жили на окраине Бердска в маленьком деревянном доме, который был построен вскоре после затопления Старого города. Родители постоянно были на работе, бабушка хлопотала по хозяйству. Мы с братом предоставлены были себе. Телевизора в доме ещё не было, поэтому большую часть времени мы проводили возле радиоприёмника. Он был большой и, как тогда казалось, очень красивый: полированные бока и крышка, на передней панели – резная решёточка, под которой золотистая ткань, а вверху, у самой крышки, ме-

Административный корпус «Веги»

таллическими буквами написано «Байкал» и ещё буковки БРЗ.

Нам очень нравилось его включать: он сразу начинал гудеть, загоралась зелёная лампочка-индикатор и высвечивалась панель, на которой были написаны названия городов: Москва, Париж, Берлин… Но почему-то больше всего врезались в память Лиссабон и Брюссель, наверное, очень красиво это звучало. Мы могли часами вращать ручку радиоприёмника и слушать новости, радиопостановки, музыку. Но особенно любили поднять вверх крышку, закрепить металлический держатель и включить проигрыватель. Пластинки были взрослые, но была одна и для нас. Это была сказка Виталия Бианки «Как муравьишка домой спешил». На всю жизнь запомнила эту пластинку: маленькая, твёрдая, она была как раз по размеру диска проигрывателя. Сказка прерывалась на середине, и пластинку надо было переворачивать, чтобы слушать продолжение. А ещё в одном месте звук заедало, и надо было придерживать головку, чтобы игла не прыгала. Для этой цели мы использовали коробок со спичками.

Иногда, когда бабушка нас не слышала, мы развлекались: рядом с диском проигрывателя был рычажок с цифрами 33 и 78. Обычно стрелка показывала 33, но если её передвинуть на 78, диск начинал вращаться гораздо быстрее и из динамика неслись писклявые голоса, кричавшие скороговоркой. Весело было страшно. Но если нас заставали за этим занятием, давали подзатыльник: приёмник надо было беречь…»

В детской памяти моей мамы сохранился громадный и неуклюжий радиоприёмник «Байкал» с маркой БРЗ, стоявший в их доме. Но такими невзрачными радиоприёмники были недолго. Завод очень быстро разрастался и развивался. В 1985 году он превратился в производственное объединение «Вега», известное далеко за пределами нашей страны. Кстати, название объединению дала одноимённая магнитола, выпуск которой начался в 1973 году. В том же буклете, посвящённом 40-летию завода, можно прочесть:

«В 46 странах на различных международных выставках и ярмарках экспонировались изделия Бердского радиозавода, в частности в Дании, Испании, Канаде, ФРГ, Аргентине, Австралии, Швейцарии, Бразилии, Эфиопии, Сингапуре. Радиоаппаратуру с маркой БРЗ можно встретить в Англии, Франции, Греции, США, Бельгии, Ливии, Турции, Иордании, Испании, социалистических странах».

В цехах «Веги»

Дело в том, что недорогая и качественная продукция завода шла на экспорт не только в развивающиеся страны мира, но и, что было особой гордостью заводчан, в развитые капиталистические страны.

Как вспоминает мама, в конце 70-х – начале 80-х годов в Советский Союз не было доступа импортной радиоаппаратуре, а наша магнитола «Вега-326» с японской лентопротяжкой по своему дизайну, разработанному, кстати, на нашем же заводе, не уступала зарубежным аналогам. Такую магнитолу мама получила в подарок от родителей, уже когда училась в институте.

Стоит ли говорить, что вся жизнь города вращалась вокруг радиозавода. Из выпускников Новосибирского электро-технического института (НЭТИ) и Новосибирского электро-технического института связи (НЭТИС) формировал-

В цехах «Веги»

ся инженерно-технический персонал, а рабочими местами были обеспечены все жители города (среднее специальное образование давали профессионально-технические училища № 38 и № 47, а также Бердский электро-механический техникум).

Вспоминает мама:

«Большинство из нас, детей, отлично знали, что после окончания школы мы свяжем свои жизни с жизнью радиозавода. Ведь там работали наши родители. Почти ежегодно организовывались экскурсии школьников в цеха, благо цехов этих было много. Нас вели по проходам между рабочими линиями, и мы всё время здоровались: знакомые, соседи, родственники – обязательно кого-нибудь встретишь. А особая гордость – оказаться на рабочем месте родителей: «Вот что делает моя мама! Без неё магнитола не заработает!» И конечно же, нам давали подержать в руках паяльник или прикрутить какую-нибудь гайку. А когда уходили домой, нам постоянно насыпали в карманы цветные сопротивления, проводки, диоды…»

По словам мамы, в восемь утра и в пять вечера территория перед проходной завода напоминала о первомайской демонстрации: такие толпы людей шли на завод и с завода.

Кстати, о демонстрации. На Первомайские и Ноябрьские праздники колонна радиозавода всегда возглавляла шествие уже трёх существующих в Бердске заводов и была одной из самых красочных и нарядных.

Львиную долю городского бюджета пополнял именно радиозавод. В его ведении были детские сады, две школы, пионерский лагерь имени Володи Дубинина, санаторий-профилакторий «Лесная сказка», столовая-кафе с домовой кухней. Вокруг радиозавода очень быстро возводились кирпичные «пятиэтажки», где бесплатно получали квартиры заводчане, стоявшие в очереди на получение жилья. Но и тогда ощущалась нехватка квартир.

Вспоминает моя бабушка, Скальская Ираида Фёдоровна:

«Мы с твоим дедом поженились в 1959 году. В его семье кроме него ещё было четверо детей. Стали жить в нашем маленьком домике, состоящем из одной комнаты и кухоньки, вместе с моей мамой. Но, конечно, хотелось жить отдельно, своей семьёй. Оба мы работали на радиозаводе, дед пошёл в местком, чтобы встать на очередь, но ему отказали. Объяснили: ты живёшь с тёщей, а у других положение ещё тяжелее. По этой же причине твоя мама и её брат не получили места в детском саду. Их растила бабушка, пока мы были на работе. А вот в пионерский лагерь они ездили, путёвки туда детям заводчан давали бесплатно. А то, что нам не дали благоустроенную квартиру, даже хорошо. Мы с дедом начали строить свой дом, а завод помог в приобретении стройматериалов».

А это воспоминания моей мамы, Степановой Галины Гарриевны, она учительница:

«После окончания института нас в Бердск распределили около десяти человек. В основном, это были бердчане: нам не надо было давать квартиры. Но я хорошо помню, как двум девушкам (имён не запомнила, помню лишь, что одна была учителем химии, а вторая – истории) предложили работать в школе № 7. Обе были приезжие, а квартиру молодым специалистам мог предоставить только радиозавод, который был шефствующим предприятием этой школы. Кстати, это была не обычная школа, а школа-интернат для детей-сирот всей нашей области, и завод оказывал ей большую материальную поддержку».

Бердский радиозавод был единственным в стране предприятием подобного рода (аналогичный ему Рижский радиозавод уступал и по качеству,

и по объёмам производства), об этом говорит тот факт, что не раз бердчанам приходилось выполнять особо важные задания правительства: выпуск сувенирной радиопродукции для участников Московской Олимпиады, для делегатов торжественного собрания в честь 60-летия СССР. (Эти данные я получил в Музее радиозавода.) Завод сделал маленький город Бердск известным всей стране, всему миру, превратив его в процветающий промышленный город с далеко идущими и оптимистичными перспективами.

С этим заводом связаны судьбы старшего поколения моей семьи.

Своего деда, Степанова Андрея Кирилловича, я запомнил очень старым человеком. Он уже давно был на пенсии и умер, когда я учился в первом классе и не понимал, что надо больше разговаривать с дедом, узнавать о его жизни. О его трудовой деятельности мне известно лишь со слов моего отца и из тех документов, которые бережно хранятся в нашем доме.

Вот его трудовая книжка. Потёртая, со светло-серой матерчатой обложкой, она открывается 1938-м годом (Деду 23 года и к этому моменту он уже работал 6 лет и 11 месяцев). До 1952 года все записи в ней сделаны перьевой ручкой. Особенно красивы первые три записи. (Мама говорит, что писавший делает нажимы и волосяные линии. Именно так их учили писать в 1967 году, когда она училась в первом классе.) А последняя запись, 1981 года, сделана уже шариковой ручкой.

Не знаю, какое у деда было образование (этого не знает и мой отец), но до поступления в 1952 году на Бердский радиозавод он поработал и счетоводом, и преподавателем русского языка и литературы в 5–6 классах, и директором дома культуры, и бухгалтером, и директором сельпромкомбината. Видимо, жизнь побросала деда, и не только по разным городам. Но этого я уже не узнаю.

А вот с 1952 года все записи в его трудовой книжке связаны с одним местом работы – Бердским радиозаводом. У деда всего три рабочие профессии: ремонтёр по измерительной аппаратуре, электрослесарь и регулировщик. А разряды с 5-го по 7-й. Был назначен дед и мастером участка сборки радиол, сказались, видимо, его педагогический опыт и мастерство регулировщика.

Вспоминает мой отец, Степанов Владимир Андреевич:

«В годы моего детства на радиозаводе была практика давать радиоаппаратуру на апробацию (или обкатку). Отец пользовался доверием и уважением начальства, он был мастером участка сборки радиол, поэтому у нас дома постоянно была такая аппаратура. Он вёл специальную тетрадь, где записывал свои наблюдения, а когда отец был на работе, он поручал это мне. Мне было лет тринадцать, а я делал взрослую работу и был страшно горд, что мне это доверили».

О том, что дед был творческим рабочим, говорят записи в графе «Сведения о поощрениях и наградах»:

Продукция «Вега»

1975.12.24. За внедрение рацпредложения № 2074/10 экономический эффект 166–19 выдана денежная премия.

1976.06.29. Выплатить авторское вознаграждение за рацпредложение.

В 1966 году «За достигнутые успехи в предмайском соревновании записан в заводскую Книгу почёта».

И премии, премии… «За успешное выполнение Госплана», «За долголетний безупречный труд», «За высокие

производственные достижения»…

Добросовестная работа деда отмечалась и наградами. В нашей семье хранятся три нагрудных знака «Победитель социалистического соревнования» 1973, 1974 и 1979 годов в виде развёрнутого знамени на фоне герба Советского Союза. Знак прикреплён к свёрнутой бантом ленте, увенчанной красной звездой. Этот же знак изображён и на первой страничке удостоверений, подтверждающих, что ими награждён именно мой дед. А вот удостоверение к медали «Ветеран труда». Это красная книжечка с гербом СССР и надписями Союз Советских Социалистических Республик и Удостоверение к медали «Ветеран труда» на обложке. Сама же медаль тёмно-серого цвета, с изображением серпа и молота на фоне надписи СССР, лучей солнца и оливковой ветви. Внизу идёт надпись: «Ветеран труда». Дед был награждён ею 12 января 1978 года.

В музее «Веги»

Последняя запись в трудовой книжке деда – 1981 год. Он ушёл на пенсию в годы расцвета завода. Для него он остался БРЗ, а не «Вега».

Как и большинство бердчан, как дед Андрей Кириллович Степанов, мои бабушка и дедушка со стороны мамы, Скальские Ираида Фёдоровна и Гаррий Андреевич, тоже отдали заводу практически всю свою жизнь.

Передо мною две трудовые книжки: № 1339 и № 858. Они более тёмные, чем книжка деда Андрея, их обложки более гладкие, и записи в них начинаются не перьевой ручкой, а чернильной авторучкой. Это не удивительно: мои дед и бабушка пришли на радиозавод в 1952 и 1954 годах соответственно. И в той, и в другой книжке заполнены 3–4 страницы. Кроме первой и последней записей, они начинаются одинаково: переведён(а), присвоен, назначен(а). Вся трудовая деятельность моих деда и бабушки, с первого до последнего дня, связана с радиозаводом. Оба они – «дети войны». У обоих отцы погибли на фронте.

Дед Гаррий был старшим ребёнком в семье, где было пятеро детей. Он смог закончить только начальную школу, потому что надо было помогать матери поднимать младших (бабушка рассказывала, что он полностью отдавал зарплату своей матери до того момента, когда сам завёл семью).

В мае 1952 года он пришёл на завод. Ему было всего 15 с половиной лет. Отсюда он ушёл в армию, сюда же и вернулся спустя три года. Недолго поработав завскладом, он стал установщиком штампов и этой тяжёлой профессией занимался до самого ухода на пенсию. Тяжёлой, потому что каждый штамп весил не одну сотню килограммов, а переустанавливать их приходилось иногда не один раз за смену. В его бригаде были только женщины (мужчин на штамповку не брали), и помочь ему было некому. Конечно, дед был сильным человеком. Но в старости у него очень сильно болели и руки, и ноги, и спина. Это я уже видел сам.

Трудно принимал он те новшества, которые внедрялись на заводе в последние годы его работы. Бабушка вспоминает, что когда в его цехе стали устанавливать роботы-манипуляторы, дед очень нервничал, боялся, что не справится. Ему легче было работать, рассчитывая на свои физические силы. Но и роботов надо было настраивать, а дед и это умел. Недостаточное образование не дало ему возможности сделать карьеру, но я думаю, что он любил свою работу. В его трудовой книжке записано, что и как установщик штампов, и как наладчик холодноштамповочного оборудования он достиг 5-го разряда

Был он награждён, как и дед Андрей, за рационализаторское предложение и неоднократно за успешное выполнение государственного плана. Указаны в трудовой книжке и размеры этих премий: 20 рублей, 3 рубля, 10 рублей…

Мне эти суммы показались смешными. Но вот, что говорит моя мама:

«Не надо думать, что размеры этих премий малы. Для примера: на обеды в школьную столовую мы в то время сдавали на неделю 1 рубль. Значит, премия в 10 рублей могла обеспечить мне питание в школьной столовой в течение двух с половиной месяцев».

Бабушка, Ираида Фёдоровна, пришла на этот же завод в 17 лет. Начинала она свою самостоятельную рабочую деятельность упаковщицей, но уже через два года стала сборщицей, а ещё через два получила квалификацию монтажницы. Монтажницей она и на пенсию ушла.

У них с дедом много общего: всю жизнь они проработали на одном рабочем месте, оба были не освобождёнными бригадирами, оба не раз поощрялись за свой труд (бабушку трижды удостаивали звания «Лучший по профессии»), обоим присвоено звание «Ветеран труда». Кроме этого, бабушка, став квалифицированным рабочим, передавала свой опыт молодым. Это называлось наставничеством. Она вспоминает, что в бригаде постоянно были подростки, которых сейчас называют «трудновоспитуемыми», или ребята из детских домов. Все получали профессию, уходили на рабочие места, часто достигали даже больших успехов, чем их наставник. А бабушка только радовалась за них. До сих пор, когда она идёт по улице, с ней постоянно здоровается огромное количество людей: это либо те, с кем она работала на заводе, либо те, кому помогла получить профессию.

Итак, мои деды и бабушка, были не простыми рабочими, а относились к рабочей элите. Об этом говорят и их разряды, и должности бригадиров и мастера, и многочисленные награды.

Завод был тем местом, где рабочие проводили большую часть своей жизни. Мама вспоминает, что в детстве они больше всего боялись, что родители в субботу будут снова работать. Объёмы производства постоянно росли, план ежемесячно повышался, а рабочие ежемесячно его не только выполняли, но и перевыполняли на 1–2 процента. Какой ценой? Сверхурочными в конце месяца, рабочими субботами, пусть даже и за «двойную» оплату. Но выходили на работу все. Иначе быть не могло.

Что показалось мне странным (об этом тоже рассказывала бабушка), сразу после зарплаты срезались расценки и увеличивался план. Таким образом, зарплата следующего месяца оставалась в том же пределе. А ведь людям надо было зарабатывать. Но я читаю записи в трудовых книжках своих дедов и бабушки и вижу, что всё-таки основным средством поощрения были благодарности, Почётные грамоты, фотографии на Доску почёта. А они работали и сверхурочно, и по субботам. Да ещё и искренне переживали за свой завод и гордились, когда в 1985 году завод был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а его директору А. Н. Шкулову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Завод был как бы единым живым организмом, где каждый был клеточкой, той частицей, без которой целое рассыплется. Но рассыпалось целое, и частицы оказались никому не нужны.

Бабушке ещё повезло: она ушла на пенсию в 1992 году.

Деду 60 исполнилось 20 октября 1996 года. Последняя запись в его трудовой книжке: 01.02.1996. Уволен по собственному желанию, ст. 31 КЗОТ Российской Федерации.

Не было никакого собственного желания. До официального срока ухода на пенсию оставалось восемь с половиной месяцев. Но шла перестройка, завод разваливался. В страну хлынули потоки импортных товаров, и продукция с маркой «Вега» стала никому не нужна. А значит, никому не нужны и рабочие, особенно старые и больные.

Об этом времени так написано в журнале для семейного чтения «Сибирская горница»:

«Непродуманные и торопливые реформы тяжело отразились на деятельности «Веги», с начала девяностых годов начались затяжной экономический и, соответственно, финансовый кризисы. Упал объём производства, начались массовые сокращения рабочих. В 1996 году акционерное общество «Вега» признано неплатёжеспособным и по решению арбитражного суда на нём вве-

дено внешнее управление, а после его прекращения в 1999 году – конкурсное производство».

Эти месяцы, до исполнения 60 лет, дед с бабушкой жили на её пенсию. Устроиться никуда он не мог (молодые-то в это время не могли найти работу), а без работы жить не привык. Стал сильно болеть и не дожил даже до 69 лет.

Не стало завода, и поломанными оказались судьбы тысяч людей, а город не на один год впал в глубокий экономический кризис. А ведь ещё в 1986 году существовала Программа превращения предприятия в завод безлюдной технологии, рассчитанная до 2000-го года…

И всё-таки завод жив. В той же «Сибирской горнице» я читаю:

«На сегодняшний день реализация имущества «Веги» завершена. На территории бывшего завода работает 250 предприятий и предпринимателей, занятых в сфере строительства, промышленности, торговли…»

А вот эту запись я отыскал в Интернете:

«В настоящее время ООО «Бердский радиозавод» работает в области распределения электроэнергии, осуществляет полный комплекс монтажа, обслуживания и эксплуатации электрических сетей промышленных площадок. Основанное в 2001 году предприятие «Вега-Пром», осуществляя поддержку прославленных торговых знаков «БРЗ», «Вега», «Арктур», ведёт выпуск аксессуаров для автомобилей, а также приборов для автомобилей и автомастерских. Перечень продуктов предприятия широк – это и автомобильные антенны, и антистатики, и декоративные элементы.

Главное, что мы сохранили, – это надёжность и неизменное качество продукции, которая носит громкое название «Вега» и «Арктур»…»

Да, «Вега» живёт. До сих пор работает Музей, сберегая память о славном прошлом завода. До сих пор собираются в нём ветераны «Веги», отмечают свои маленькие праздники, вспоминают рабочую молодость.

Только ни я, ни мои друзья никогда не видели на прилавках магазинов ни «Вег», ни «Рекордов», ни «Арктуров».

Евгений Степанов

Новосибирск

Красный директор

Биография Виктора Васильевича Козлова необычна с самого начала. Отец его Василий Козлов – русский военнопленный, попавший в работники к богатому немецкому бюргеру, мать – немка, гувернантка детей бюргера. В начале был, как водится, трогательный роман, потом родился ребёночек. Произошло это в Веймарской Германии в 1919 году.

Дальнейшую судьбу молодой семьи определила свершившаяся в ту пору германская революция. Русские военнопленные двинулись колонной в порт, чтобы загрузиться на корабль для отправки в Россию. В праздничном шествии репатриантов, распевавших революционные песни, не хватало нужного символа – красного флага. В лавках тоже не оказалось красной материи. А младой отпрыск семьи Козловых, которому едва исполнился год, был одет в костюмчик красного цвета. И вот мальчика из рук в руки передали в голову колонны, и он до самого порта и погрузки на пароход исполнял роль красного флага для истосковавшихся по Родине людей. Символическое начало!..

После возвращения в Советскую Россию Василий Козлов работал в охране Минфина, оттуда его направили в органы ВЧК-ОГПУ, где он занимался строительными работами. Под его руководством построено много примечательных зданий в Новосибирске, Омске, Воронеже. Семья часто переезжала из города в город, пока, наконец, не обосновалась в Новосибирске в 1939 году.

Что касается Виктора, то он закончил десятилетку в Омске и собирался поступать в политехнический институт, но обком комсомола направил его как активного комсомольца и хорошего спортсмена в Московское авиационное училище. Позже Виктор Васильевич с гордостью вспоминал, что за годы учебы как правофланговый участвовал в четырёх военных и одном физкультурном параде, неоднократно видел на

трибуне Мавзолея Сталина и других членов Политбюро, стоял в Почётном карауле у гроба Полины Осипенко…

В 1939 году он закончил училище и в качестве штурмана получил назначение в 51-й авиаполк авиации дальнего действия (АДД), базировавшийся в Курске. Там его и застала Великая Отечественная.

Несмотря на первые потери, полк производил запланированные вылеты, бомбил танковые колонны гитлеровцев на автостраде Минск – Москва. А осенью Виктора Козлова вызвали в штаб и вручили предписание о командировке в глубокий тыл – в штаб Приволжского военного округа, который находился в городе Куйбышев (ныне – Самара). Кто-то из начальства посчитал, что человек, родившийся в Германии и имеющий мать-немку, не может участвовать в боевых действиях против гитлеровской Германии…

Из Куйбышева Козлова направили в Ульяновск, в строительную колонну, состоявшую из таких же, как он, «неблагонадежных». Копали противотанковый ров на подступах к городу. Козлова назначили командиром взвода. Он должен был следить за дисциплиной и выполнением нормы выработки и принимать жёсткие меры к нарушителям. Виктор Васильевич очень не любит вспоминать об этом периоде своей жизни.

Он писал Сталину, затем Маленкову с просьбой направить его на фронт. Через три месяца Козлова перевели для прохождения службы на авиабазе в городе Энгельсе. Но упрямый штурман продолжал забрасывать ЦК ВКП(б) просьбами откомандировать его на фронт. Он недоумевал – почему ему, коммунисту, не доверяют воевать?

В конце концов настойчивость Козлова возымела действие: его направили в дальнеразведывательный авиаполк на должность заместителя штурмана полка. Командир полка, боевой лётчик, имеющий несколько орденов, полковник Шеретюк сказал: «Не важно, где ты родился, где крестился, и что мать у тебя немка. Главное – служи хорошо, обеспечивай боевую работу полка…»

И Козлов служил, обеспечивал, иногда и сам летал под Варшаву, Кёнигсберг, Бреслау. Получил звание капитана, был награждён орденом Отечественной войны, представлялся к другим наградам и званию майора, но неизменно в штабе армии или фронта находились бдительные служаки и вычёркивали его из списков всё по той же причине – «не там родился».

В начале 1945 года капитана Козлова направили на преподавательскую работу в Ташкентское лётное училище – готовить штурманов. Однако в конце года многие училища расформировали в связи с сокращением вооруженных сил. Среди офицеров проводили аттестацию на предмет зачисления в резерв. Капитан Козлов аттестован как высокопрофессиональный офицер, никаких недостатков не отмечалось, но в конце аттестации содержалась приписка: «По происхождению подлежит увольнению из армии».

Козлов попросил перевода в Сибирский военный округ, желательно в Новосибирск, где находились его родители. Его назначили штурманом в Толмачёвский учебный полк, в резерв. Он рад был и этому, но в марте 1946 года вышло окончательное решение – уволить капитана Козлова на общих основаниях по сокращению армии.

Жаловаться было уже некуда. Военная карьера, которой он отдал десять лет жизни, закончилась. Так Виктор Козлов оказался на гражданке.

Окончательно судьба его определилась в декабре 1950 года, когда его приняли на работу в ИТР-ской должности на Новосибирский электровакуумный завод (НЭВЗ). О специфике работы он имел самое общее представление, о карьере на этом поприще не думал и вообще был лишён амбиций. Поэтому если бы ему сказали, что через 13 лет он станет директором этого предприятия, он покрутил бы пальцем у виска – дескать, ври, да не завирайся.

Приметив организаторские способности бывшего штурмана, его назначили начальником производства ОКБМ – особого конструкторского бюро машиностроения, где разрабатывались различные установки, станки, измерительные приборы и многое другое оборудование, в том числе для производства электропромышленных приборов, изготовления тугоплавких металлов, керамики, особого сверхпрочного стекла, идущего для изготовления электровакуумных приборов.

Козлову поручили курировать работу двух цехов – радиотехнического и машиностроительного. Кроме основной работы, приходилось ещё осваивать нюансы заводской жизни.

С большой теплотой и искренней благодарностью В. В. Козлов вспоминает совместную работу с главным инженером ОКБМ В. Е. Клейзером, который ещё до войны трудился на прославленном ленинградском заводе «Светлана», досконально знал технологию производства и конструктивные особенности не только самих приборов, но и всего оборудования. Клейзер многому научил Козлова, передал знания и опыт. Именно ему Козлов обязан своим становлением на заводе как инженер и руководитель-общественник.

Вскоре Козлова избирают секретарем партийной организации ОКБМ, затем председателем завкома, выдвигают в члены ЦК профсоюза работников радиоэлектронной промышленности СССР. В этой должности Виктор Васильевич проработал три года, затем вернулся к производственной деятельности – возглавил самый большой и ответственный заготовительно-сборочный цех № 2 по производству сверхвысокочастотных приборов (СВЧ). Цех работал исключительно на «оборонку», руководство им забирало массу энергии и времени. В это же время В. В. Козлов, чувствуя необходимость пополнить свой экономический багаж, поступает на заочно-вечернее отделение Московского финансово-экономического института.

В сорок один год Виктор Васильевич с отличием заканчивает институт и получает диплом экономиста промышленного профиля. Вскоре его назначают начальником ОКБМ.

В марте 1963 года – неожиданный вызов в обком партии и предложение занять должность директора завода радиодеталей («п/я 66»). Прежнего директора и ряд других руководителей сняли с работы за развал предприятия – завод систематически не выполнял план, работники не получали премий, всё это вызывало недовольство коллектива.

Оказавшись в роли первого руководителя, новый директор энергично взялся за устранение недостатков. Прежде всего, необходимо было как можно быстрее выйти на выполнение плана, навести порядок в финансовых делах завода. Но конкретную свою деятельность на заводе Козлов начал с наведения элементарного порядка в цехах, с внедрения вакуумной гигиены. Рабочие и ИТР скоро поняли справедливость требований директора и стали поддерживать его начинания. А сам Виктор Васильевич дневал и ночевал в цехах, благо квартиру получил рядом с заводом. Коллектив завода довольно быстро определил для себя основные черты своего руководителя. На лету схватывает всё новое, прогрессивное и не жалеет сил, чтобы воплотить это поскорей в жизнь. Не терпит равнодушия, халатности, безответственности. Но при всей своей занятости человек доступный, внимательный к людским нуждам, заботливый. Выработал собственный стиль работы: приезжает на завод в семь-восемь утра, уезжает после девяти вечера. Запрещает всякие совещания до обеда, вообще против

частых совещаний, считает, что все вопросы нужно решать в рабочем порядке. Да, с таким можно работать…

На заводе изготавливались постоянные и переменные резисторы, причём постоянные резисторы были уникальны – они производились для подводных морских кабелей, срок службы которых должен составлять не менее 20 лет. Изготавливались электролитические конденсаторы различной ёмкости, танталовые конденсаторы в серебряном корпусе.

В 1965 году министерство закупило в Японии для завода технологическую линию стоимостью два миллиона долларов. Линия предназначалась для производства танталовых миниатюрных полупроводниковых конденсаторов. В точно положенный срок линия пришла на завод в морских контейнерах на десятке вагонов. А устанавливать её – негде! Пришлось в срочном порядке строить новый корпус. Корпус быстро спроектировали, его строительство велось с помощью коллектива. Нужное помещение построили качественно и быстро, в течение девяти месяцев. Так быстро тогда никто не строил. Получился необычный цех. Когда он был запущен, на завод потянулись экскурсанты с других предприятий. И все говорили, что такого цеха в Новосибирске больше нет…

Благодаря поддержке коллектива на заводе начала внедряться научная организация труда (НОТ), новинка по тем временам. Продолжала развиваться социальная инфраструктура – построили для заводчан два жилых дома, два детских комбината, летний профилакторий, расширили пионерский лагерь.

Словом, коллектив завода сумел ликвидировать производственные недостатки и крепко стоял на ногах. С невыполнением плана было покончено, по итогам первого и второго кварталов 1968 года коллектив завода занял первое место в Союзе среди предприятий электронной промышленности и получил переходящее Красное знамя. За несколько лет энергичный, предприимчивый директор доказал, что может руководить. За отличную работу на заводе радиодеталей В. В. Козлов награждён орденом Ленина.

Виктор Васильевич Козлов

Как говорят, жить бы и радоваться, и закреплять достигнутые успехи, но впереди его ждал новый крутой поворот. Уходил на пенсию директор электровакуумного завода, и Козлову предложили возглавить это предприятие… Было над чем поразмыслить. Производственный ранг НЭВЗ значительно выше, должность директора – престижнее, и электровакуумный, как-никак, родной коллектив, ещё помнит его… Но «66-й» за эти годы тоже стал родным, сколько энергии и душевных сил в него вложено, и теперь бросать всё и начинать сначала, хоть и на прежнем месте? Нет и ещё раз нет!

Первый секретарь обкома Ф. С. Горячев вначале поддержал эту идею, но через некоторое время, возвратившись с очередного пленума ЦК КПСС, признался Козлову, что больше защищать его не может и вынужден уступить министру, который всё это время настаивал на переводе Козлова директором НЭВЗа.

Пришлось согласиться. Снова процедура вызова в ЦК, снова утверждение на бюро обкома партии. И Виктор Васильевич вновь оказался на своём родном заводе. Начальник главка представил коллективу нового директора, а секретарь обкома по промышленности Н. К. Дыбенко сказал, усмехнувшись:

– Ну вот, блудный сын возвратился в родные пенаты…

Так Новосибирский электровакуумный, с которого началась беспокойная жизнь бывшего штурмана на гражданке, окончательно стал его судьбой. Это было трудное время для предприятия. Прежнее руководство давно уже находилось не на высоте, весь 1967 год и первое полугодие 1968 года завод не выполнял план по ряду важнейших изделий, снизились проценты выходов, уменьшились заделы, запланированные задания брались штурмом, в основном в последнюю декаду каждого месяца. И что самое неприятное – не

было единства в управлении этим огромным коллективом. Каждый специалист делал своё дело и, казалось, делал неплохо, руководили службами в основном опытные люди, а в целом завод работал с большим перенапряжением. В те дни новый директор особенно явственно понял, что для того чтобы успешно руководить, одного знания производства недостаточно. Необходимо в совершенстве овладеть «технологией» управления людьми. Прежде всего, нужно сосредоточить руководство в одних руках, найти смелых и способных единомышленников, умеющих трезво оценивать обстановку и рушить старые представления о невозможности добиться нужного результата, потому что, якобы, «такова специфика производства». Надо с помощью единомышленников прорвать паутину неверия людей в свои силы и сделать невозможное – возможным.

Как всегда, когда рушится старое, привычное и создаётся новое, у части коллектива появилось недовольство, пошли пересуды. От разговоров переходили к немому сопротивлению или безвольной, тусклой покорности. И тогда директору приходилось принимать крутые меры, вплоть до увольнения отдельных руководителей. А как иначе? Прошла пара месяцев, и люди почувствовали: свежая струя сначала сдвинула что-то огромное, застоявшееся на заводе, потом их понесло вперёд всё быстрее и быстрее. Предприятие стало выполнять план, а за пять месяцев до конца года ликвидировало отставание.

Преодолев один рубеж, коллектив нацелился на следующий, начал наращивать темпы производства. Уже в 1969 году новый директор совместно с ИТР и рабочими вплотную подошёл к решению основной задачи по разработке, внедрению и резкому увеличению производства новых изделий.

Необходимо отметить, что НЭВЗ – предприятие многопрофильное, со сложными и разнообразными технологиями, разветвлённой энергетикой, со многими заготовительными и сборочными цехами, с двумя научными подразделениями – ОКБ и ОКБМ. В 1968 году на предприятии изготавливали 112 наименований приборов, в том числе приёмно-усилительные радиотехнические лампы, обычные и пальчиковые, генераторные лампы малой и средней мощности. А до этого было ещё производство мощных генераторных ламп, ртутных выпрямительных колб, рентгеновских трубок. С 1950 года начался выпуск металлокерамических приборов. Для своих нужд имелась на заводе своя котельная. Потом её заменила теплотрасса, проведённая к заводу от ТЭЦ-4, построенная на заводские деньги. От неё, кстати, получал тепло весь Заельцовский район.

В 1970 году, через два года после назначения В. В. Козлова директором, завод впервые за многие годы работы заработал ритмично, строго по декадному графику и стал выполнять производственный план по всей номенклатуре.

В середине семидесятых, когда в стране заговорили о решении продовольственной проблемы, многие заводы начали организовывать подсобные хозяйства. НЭВЗ и здесь не отстал от передовых предприятий. В Тогучинском районе на базе двух заброшенных колхозов в селе Налетиха, где проживали в основном пенсионеры, заводчане и решили организовать своё подсобное хозяйство.

В один из дней приехал туда Козлов вместе с секретарём парткома Ташкановым, привёз хлеб, мясо, колбасу, макароны, масло и другие продукты (в деревне не было даже магазина). Собрал народ, произнёс речь о решении

«Продовольственной программы», раздал продукты, проголосовал за организацию подсобного хозяйства и уехал. А через некоторое время привёз туда начальников цехов, дал каждому особое задание. Договорился с проектным институтом о проектировании хорошего совхоза с посевными угодьями на 12000 га. Из них 4,5 тысячи га – пахотные земли. Население будущего совхоза должно быть не менее нескольких сот человек. На следующий год произвели первый сев. Министерство выделило необходимое количество тракторов, комбайнов и других сельхозмеханизмов. Институт за зиму выдал проект совхоза.

Началось строительство, а там и сельхозработы. Через год-полтора заводчане уже имели по твёрдой цене свинину, говядину, сливочное масло, мёд…

Для выхода на новые уровни производства требовалась дополнительная рабочая сила. При поддержке партийных организаций быстро отстроились и заработали филиалы НЭВЗ – один в Карасуке, другой в Зыряновске Восточно-Казахстанской области. Это решило и проблему занятости местного населения – в каждом филиале работало по 1000–1200 человек.

По решению партии и правительства каждое оборонное предприятие должно было освоить выпуск товаров народного потребления и поставлять их непосредственно в торговую сеть. НЭВЗ начал производство хрустальной посуды, торшеров, пластмассовых игрушек, значков и многого другого. Всего же завод довёл производство этой продукции до общей суммы 20 млн рублей в год.

Большое место в жизни Виктора Васильевича занимала общественная работа. Коммунисты избирали его делегатом на XXII съезд партии. Трудящиеся Заельцовского и Дзержинского районов выдвинули Козлова в Верховный Совет РСФСР, где он и работал в комиссии по составлению Государственного плана республики.

Заслуги его перед государством были высоко оценены. В 1986 году В. В. Козлов удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ему медали «Серп и Молот» и третьего ордена Ленина. Кроме того, Виктор Васильевич в разное время награждён орденами Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, многими медалями и почётными знаками.

Владимир Дегтярев

Венгеровский район

Большое сердце

По семейной легенде, предки нашего героя были участниками крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачёва. Гуляла лихая вольница на огромном пространстве от Волги до Урала, устанавливала свои порядки. А когда ясно стало, что правительственные войска одерживают верх, часть пугачёвцев, не дожидаясь суда и расправы, подалась своим ходом с чадами и домочадцами в Сибирь. Тогда туда бежало немало народу в поисках лучшей доли. Осели в Голопупово (нынешнем Венгерово). Так и прижились. Дети пошли, внуки, правнуки…

Пётр Федотович Красильников родился 13 июля 1908 года в Венгерово, тогда Спасском. Застал и царское время, и революцию, хлебнул колчаковщины и всем сердцем принял перемены к новой жизни. В комсомол вступил в 1923 году, два года работал избачом в Шипицино.

В 1927 году по всей стране началась коллективизация. В 1927 году на территории нынешнего Венгеровского района возник один из первых колхозов – «Серп и Молот», Старо-Тартасского сельского Совета. А через год и крестьяне Спасского объединились в колхоз, получивший имя «Ермак». Среди его активнейших организаторов и убеждённых агитаторов за коллективное хозяйство был двадцатилетний Пётр Красильников.

Учиться, учиться и учиться – тогдашний ленинский лозунг молодёжь Спасского воспринимала как сигнал к действию. Старались узнавать как можно больше нового, тянулись к знаниям. Немало ребят и девчат Спасского уезжали учиться в Омск – ближе к родному селу. Среди них был и Пётр.

Герой Социалистического Труда Пётр Федотович Красильников

В 1927 году по отбору Барабинского окружного комитета ВКП(б) комсомолец Красильников был направлен на учёбу в Омскую двухгодичную межокружную советско-партийную школу, кузницу кадров для молодой Страны Советов. Два года учёбы пролетели незаметно, а после, вплоть до призыва в Красную Армию, Пётр работал пропагандистом, потом – секретарём РК ВЛКСМ. В 1931 г. вступил в партию, в том же году был демобилизован по болезни и переехал в Москву на строительство сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Работал на стройке, по вечерам учился на рабфаке. В это же время он заканчивает рабфак при академии, работает редактором многотиражной газеты.

Незаметно промелькнули три года. Пётр уже не походил на того деревенского паренька, приехавшего из далёкой Сибири в столицу. Ему до всего было дело. Боролся с пьянством, прогульщиками, разгильдяйством. В 1936 году коммуниста Красильникова назначают начальником стройки в системе «Наркомтяжстроя» в тресте «Жилстрой». Одновременно Пётр учится в строительном институте имени В. В. Куйбышева на факультете особого назначения. Трудно порой приходилось. Выручала жажда знаний, великое желание досконально разбираться во всех тонкостях строительного дела.

Четыре курса закончил. И оставалось до диплома совсем немного. Но началась война. Он – военный строитель.

По решению Государственного Комитета Обороны, Петра Федотовича Красильникова направили на строительство оборонительных рубежей столицы. Калининский фронт, Брянский… Сколько здесь под руководством П. Ф. Красильникова было поставлено долговременных огневых точек, сколько проложено километров оборонительных рубежей!

Из представления Ярославского обкома ВКП(б) в феврале 1942 года:

«…При самом активном участии трудящихся нашей области строились оборонительные рубежи в районе Осташково – Валдай – Боровичи и Волховстрой. На строительстве этих рубежей в августе – сентябре 1941 года работало 85 тысяч человек… Все начальники полевых строительств указанных рубежей дали самую высокую оценку работы ярославцев в районе Осташково – Валдай – Боровичи и Волховстрой…

Секретарь Ярославского обкома ВКП (б) Ларионов».

В списке имён, представляемых к награждению орденом Красной Звезды, – Пётр Федотович Красильников:

«Член ВКП(б). Руководил на Западном фронте районом на рубеже 3-го управления, вначале – участком, а затем – полевым строительством. Показал себя отличным волевым руководителем. Хорошо сколоченный им коллектив инженерно-технических работников и кадровых рабочих отлично справился с заданием, досрочно и с хорошим качеством завершил работы на рубеже».

Скупы и ёмки строки представления. За ними – месяцы напряжённейшего труда, потраченные нервы, ежедневный и ежечасный риск. Ведь враг был совсем рядом…

Однажды строители попали в окружение. Немцы, прорвав фронт, обошли наши войска с флангов. С боями пробивались к своим военные строители. С небольшими потерями вывел из окружения людей тридцатичетырёхлетний начальник военно-полевого строительства № 25 Пётр Красильников.

В 1942 году специалист Красильников был отозван с фронта и назначен заместителем управляющего трестом «Уралмашстрой» в Нижнем Тагиле, а уже в ноябре 1943 года возглавил трест. Руководил строительством оборонных заводов по выпуску танков. После войны возглавил строительство Алапаевской гидроэлектростанции на Урале. В 1948 году его перевели в город Владимир и назначили управляющим трестом «Владимирпромстрой» на строительстве Владимирского тракторного завода. Он,

кавалер ордена Красной Звезды, получив столь высокое назначение, становится ещё более требовательным к себе и другим. И отлично понимает: нужны ещё знания. Пётр Федотович самокритичен: «Получив достаточный опыт на строительстве, я вынужден признать, что главным препятствием в моей работе является отсутствие законченного технического образования, прерванного началом войны».

Желание коммуниста осуществилось. В 1954–1955 годах Пётр Федотович был направлен на высшие инженерные курсы «Минтяжстроя». Закончив их, получил очередное назначение – управлять трестом «Иркутскалюминстрой». Более 12 лет руководил он грандиозным строительством алюминиевого завода и города Шелехов Иркутской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1966 года за выдающиеся успехи в выполнении семилетнего плана по капитальному строительству Петру Федотовичу Красильникову было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Скупые строки наградного листа: «Обладая большим практическим опытом в руководстве коллективом и организационными способностями в короткий срок создал коллектив строителей и нацелил его на выполнение поставленных партией и правительством задач по строительству Иркутского алюминиевого завода и города Шелехов в Восточной Сибири».

Он буквально горел на работе, во всё старался вникнуть, всему помочь. Ежедневно бывал на строительных площадках, знал нужды рабочих и их семей, разговаривал с людьми и как руководитель, и как товарищ. И этим завоевал любовь и доверие товарищей по работе. Вот что написали коллеги в письме, вручённом П. Ф. Красильникову перед его отъездом в Ульяновск, на строительство Ленинского мемориального комплекса:

«Уважаемый Пётр Федотович! Сегодня, готовясь к минутам проводов, мы вспоминаем яркие события прошедшего двенадцатилетия, подводим итог пережитому и сделанному вместе и во главе с вами от дня, когда говорилось «заводу и городу быть», до дня, когда завод и город есть.

Для нас значение Вашего всенародно признанного труда не только в громадах корпусов и линиях городских кварталов, а и в становлении характеров, воспитании сознания и чувства коллективизма человека-строителя.

Вы всегда были нашим другом и наставником, заботливым и энергичным, создавшим своим доверием и благожелательностью к товарищам атмосферу веры в свои силы.

Памятником Вашей работе навсегда остаётся завод и город. Города – бессмертны.

Строители Шелехова. 2 февраля 1968 г.».

Не щадил себя…

Да, в 1968 году Красильниковы переехали в Ульяновск. Пётр Федотович был назначен управляющим треста № 1 «Ульяновскоргтехстрой» на строительство мемориала к столетию со дня рождения В. И. Ленина. Под его руководством были построены главные сооружения мемориала. В работе он, как и всегда, не щадил себя.

«Вставал он в шесть часов утра, – вспоминала его жена Анна Евдокимовна, – а домой возвращался, лишь, в двенадцать ночи. Часто вспоминал родные места, всё хотел съездить на родину. Да не довелось ему…»

Седьмого сентября 1973 года Пётр Федотович Красильников скончался от сердечного приступа.

Над его могилой возвышается внушительный надгробный памятник, как бы венчающий его славные дела. На памятнике оттиснута Золотая Звезда Героя Социалистического труда и слова: «Своё большое сердце ты отдал людям».

Среди наград П. Ф. Красильникова, кроме Звезды Героя, орденов Ленина и Красной Звезды, орден «Знак Почёта», медали, в том числе малая Золотая медаль ВДНХ СССР, значок «Отличник социалистического соревнования Наркомата танковой промышленности Союза СССР». А в 1996 году ему посмертно было присвоено звание «Почётный гражданин г. Шелехов».

Надежда Тисканова

Карасукский район

Дивный человек

Наступил 2022 год – год столетнего юбилея образования СССР, великой и могучей мировой державы. Авторитет и слава Советской страны зиждились на тысячелетней героической истории России и подвиге советского народа. Сегодня «героев былых времён» становится всё меньше и меньше. В будущем может случиться и так, что исторический вихрь покроет память об их несравненных подвигах песком забвения. А ведь судьбы этих удивительных людей эпохи страны Советов отмечены печатью суровых исторических испытаний, их жизни освящены созидательным трудом во имя грядущей славы Отечества.

Александр, Галина, Мария, Пётр, Михаил Кармановы. 1949 г.

К числу таких людей потрясающе могучего поколения созидателей относится и мой отец, Михаил Иванович Карманов. Его судьба была тесно связана с историей Новосибирской области, с развитием Западно-Сибирской железной дороги, в частности Среднесибирского хода, и жизнь его не прошла незамеченной.

О значительном вкладе в развитие железной дороги человека, который несколько десятков лет был первым заместителем начальника Карасукского отделения Западно-Сибирской железной дороги, писали на страницах центральных и местных изданий коллеги, друзья, профессиональные журналисты. Мнения всех без исключения авторов сходятся в одном: такие личности, как М. И. Карманов, принадлежат к особой породе удивительных людей, составляющих «соль земли».

Крайний слева Иван Васильевич Карманов на КВЖД

Рождённый в год 10-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, все 89 лет своей сознательной жизни он сохранял глубокую преданность провозглашённым Советской страной идеалам борьбы за счастье и благополучие своего народа и Родины. Гордился тем, что получил воспитание в простой рабоче-крестьянской многодетной семье, которая вместе со всей страной пережила тяготы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., голод, холод, разруху и выжила. Выжила благодаря героическим усилиям родителей. 18-летнему Михаилу было с кого брать пример!

Его отец Иван Васильевич Карманов (1905–1979 гг.) в августе 1941 года был призван в ряды РККА Барабинским РВК Новосибирской области. Во время войны, в 1943 году, стал членом ВКП(б). Всю войну наш дед непрерывно был наводчиком 120-мм миномёта батареи 238-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии, воевавшей в составе Брянского, Западного, Калининского, Центрального, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Он прошёл военными дорогами от Витебска до Будапешта и после Победы вернулся с фронта в родной город сержантом. Дед был награждён орденом Славы 3-й степени за совершённый подвиг на Неревском плацдарме, где шли тяжёлые и продол-

жительные бои. В одном из таких боев 17–18 января 1945 года он, как сказано в наградном листе, «нанёс большой урон в живой силе и технике противника и тем самым обеспечил успешный исход боя». Мы не устаём восхищаться, как на протяжении всей войны ему удалось пешим, с миномётом в руках преодолеть все трудности военных дорог и вернуться домой победителем!

По возвращении работал весовщиком на железнодорожной станции Барабинск Западно-Сибирской железной дороги, был очень добрым человеком, любил животных и особенно любил нас, детей, своих внучек. Вместе с женой Феоктистой Поликарповной они воспитали пятерых детей, три сына получили высшее образование, стали достойными людьми и высококлассными специалистами, а обе дочери закончили педагогическое училище.

О своей матери отец всегда вспоминал с огромной любовью и уважением. Сегодня, уже много лет профессионально занимаясь педагогикой, я часто задумываюсь о том, каким педагогическим секретом владела моя бабушка. Все её сыновья в послевоенные годы получили такое образование, которое позволило им не только самореализоваться, но и занять ключевые позиции на своих предприятиях. Полагаю, что в годы военного лихолетья ей некогда было отыскивать точные педагогические формулы. С раннего детства она приучала своих детей к труду, порядку и ответственности за свой участок работы по дому. В 1941 году за главного мужчину в доме остался 14-летний Михаил. Он был и кормильцем семьи, и единственным работником, и воспитателем своих младших братьев и сестёр. Так война и нужда закалили его характер. Поэтому для нас всегда и во всём отец являл собой образец человека сильного, волевого, умеющего брать на себя ответственность за любое сложное дело и выполнять его по совести.

Со старой фотографии смотрят на меня родные люди из далекого 1945 года. Дед, вернувшийся с войны, – Герой! Восемнадцатилетний юноша – мой отец в железнодорожной форме… О чём он мечтал?

В одной из его записных книжек я нашла запись, сделанную на излёте жизни: «Я вот думаю – как будет дальше? Наше поколение всё больше стареет. Но я не считаю свою жизнь растраченной попусту. Не могу согласиться с тем, что годы нашей юности были менее содержательными, чем у нынешнего поколения. Современные молодые люди, на мой взгляд, живут тихо, спокойно, уютно и даже скучно. Ничто их, кроме денег, не волнует, нет у них никакого энтузиазма, не тревожат думы о совершенствовании производства, а о том, какую пользу принесут Родине – даже и не задумываются». Для него, как и для его ровесников – четырнадцатилетних мальчишек, взрослая жизнь началась в 1941 году. В годы войны, с 1944 года, он работал поездным диспетчером на станции Барабинск, мечтал, как и все, о Победе. Но не только мечтал. Выполняя не по возрасту сложную работу, изо всех своих сил приближал Победу! Поэтому День Победы был дня него праздником особым. И любовь к Родине – не досужей фразой.

Дочери Оля, Люба, Таня

Большую часть своей жизни отец отдал Карасуку: «Моим родным городом на всю жизнь остается Карасук. Мне кажется, абсолютно свой город у каждого человека бывает только один. Интересно путешествовать, зная, что вернешься, иметь свою любимую пристань, понимая, что она ждёт тебя. Это, конечно, здорово и мило». Именно станция Карасук стала для него местом, где в полную мощь реализовалось

его тёплое и чистое чувство патриотизма. Иногда мне казалось, что он относится к Карасуку очень трепетно, как к ребёнку. Куда его только не приглашали! Каких благ не сулили! Он во всём был однолюб. Любил свой город, свою улицу, свой дом, свою родную Западно-Сибирскую железную дорогу, профессию, жену. Любил, потому что созидал, жил и работал, чтобы поезда «бегали», и жилось бы в Карасуке комфортно и счастливо. Искренне радовался, если у него это получалось, и глубоко переживал, если возникали такие проблемы, которые были выше его сил! Помню, как в 1990-х он едва сдерживал слезы, видя, как разбирают железнодорожное полотно, демонтируют контактную сеть и станционные пути.

Пикник после путевых работ на субботнике

Он иногда рассказывал нам, как непрезентабельно выглядел этот захолустный городишко, когда он приехал сюда из Славгорода. Кругом непролазная грязь, болота – глухомань! И что интересно: вместе с железной дорогой практически у нас на глазах появились школа, детский сад, котельная, вырос микрорайон Черёмушки, а чуть позже – стадион, бассейн, спорткомплекс. Все железнодорожники считали своим долгом облагородить улицы, скверы, выходили на субботники, с любовью обустраивали свой будущий город. Отец с лопатой в руках собирал вокруг себя не только всё взрослое население, там были и мы, ребятишки. Он выкатывал для нас из тлеющих углей костра печёный картофель. Пиршество продолжалось дотемна, пока на небе не показывались звёзды. Именно отец научил нас относиться к городу не как к месту жительства, а как к родному дому. Порой, идя по Карасукским улицам, я вижу, что отец словно выглядывает из-за углов зданий, деревьев: из-за паровоза, стоящего на вокзале, профилактория или узловой больницы, бассейна, стадиона – отовсюду, куда был вложен его труд и где осталась его душа! Последняя неделя его жизни выпала на Пасху. Я пришла к нему в больницу, и он попросил меня провезти его по Карасуку. На ВОХРовской Волге мы долго колесили по улицам и переулкам, он прощался с городом своей судьбы. В заключение раздумчиво так сказал: «Да… большой стал город, похорошел… А как хочется посмотреть, что будет дальше!» Даже будучи тяжелобольным, он не переставал мечтать! Изо всех сил боролся за жизнь, чтобы увидеть лучшее «Завтра».

Может быть, у кого-то из читателей сложилось мнение, что я идеализирую отца, и он на работе был одним, а дома – другим? Наверное, так и есть. Время нивелирует наши чувства, смягчает остроту проблем. А он, действительно, был человеком жёстким, суровым, скупым на ласку и похвалу, иногда даже грубым. Вся жизнь нашей семьи была регламентирована, подчинена его работе. Служба на железной дороге требовала от него почти военной дисциплины. Это отношение к порядку отец привнёс и в свою семью, формируя общие семейные привычки, и тем самым закаляя, как он говорил, «кармановскую породу». Эти слова до сих пор у нас в семье являются высшей оценкой качества дел или поступков. Мама, мы, дочери, а потом и внуки всегда вели себя в строгом соответствии с установленными им правилами: где взял – туда же и положи, ориентируйся на то, что люди скажут, делай как я. Не уставал приобщать к секретам своего железнодорожного труда. Что такое букса и почему она загорается, как работает стрелка, как прокладывают тоннели, как устроены рельсы и почему колёса стучат по-разному, заставлял выучивать практически наизусть последовательность железнодорожных станций тех дорог, по которым мы

проезжали с ним в отпуск. Он научил меня пилить и колоть дрова, топить и чистить печь, сажать, полоть и копать картошку, бороться с мышами и сорняками, собирать и солить грибы…

И был невероятно цельным человеком. Цельным как скала, настолько монолитным и могучим, что мы, будучи ещё детьми, интуитивно понимали его отцовскую силу, замечали, какой огромный авторитет он имел у своих товарищей, коллег-железнодорожников. Многие из них называли его своим учителем, он помогал освоить не только железнодорожную профессию, но и овладеть высшим пилотажем управления производством. Мне в этом смысле тоже очень повезло. Практически всё детство и взрослая жизнь, в том числе профессиональная (1979–2017 гг.), прошли рядом с ним. Особенно я благодарна отцу за поддержку в период начала моей административной деятельности. Он учил меня писать приказы, понимать их актуальность, конкретику, побудил задуматься о том, зачем вообще нужен администратор, как он должен взаимодействовать с людьми, каковы критерии качества его работы. Навсегда запомнила его слова: «Если к тебе идут люди со своими проблемами – значит, что ты кое-что для них можешь сделать. Если у двери твоего кабинета никого нет – задумайся, всё ли ты правильно делаешь».

На субботнике 21 апреля 1984 г.

А вокруг него всегда были люди – и не только на работе. Наш дом всегда был открыт. Приходили для решения деловых, семейных проблем или чтобы просто посоветоваться, пообщаться, приходили в поисках справедливости, искали защиту. Он потом долго что-то кому-то писал, тщательно подбирая слова, или звонил, но всегда старался помочь. Отец был хлебосольным хозяином, каждому гостю был рад, находилась и рюмочка коньячка, и закусочка с шуточкой-прибауточкой. Особенно любил угощать своими «бобковскими», как он их называл, помидорами. Семена ему достались от его сослуживца ещё в молодости, он их с любовью выращивал, а летом с удовольствием ими угощал, укладывал и отправлял коробки с чудо-помидорами в разные точки страны. Отец любил землю, всегда говорил нам, что земля – это самая большая ценность. «Я люблю природу, – пишет он в своих записках, – больше того, упиваюсь природой, но главное, что меня прежде интересует, это самое совершенное её создание – человек. Люди носят в себе целые миры». Много лет он был депутатом Карасукского районного совета народных депутатов трудящихся. Когда по инициативе городских властей под Карасуком стали нарезать дачные участки, он поддержал эту идею и много сделал, чтобы обустроить в дачном посёлке водопровод, проложить дороги.

С женой Дорой

Этот жизненный азарт был свойствен ему во всём. Мало кто уже знает, что он был страстный игрок в префе-

Работники Карасукского отделения

ранс, отлично знал окрестности Карасука и был заядлым грибником, сам построил свой первый гараж для маленького Запорожца, соорудил во дворе баню.

Разбирая его архив, я нашла заполненные его рукой турнирные таблицы чемпионатов мира по хоккею, шахматам за многие годы. В доме до сих пор бережно хранятся деревянные шахматы, которые он получил в награду за 2-е место в шахматном турнире в 1952 году. Всему этому он обучал нас, своих дочерей. И если мы, естественно, сами в хоккей не играли, то были страстными болельщицами, и чтобы порадовать отца, когда матч советской сборной совпадал с его командировкой, усаживались возле радиоприёмника.

А какие он строил горки для детей и внуков! Да и сам со своей компанией в молодости был не прочь покататься на ледянках из соломы, которые сам же и морозил! Неудивительным поэтому было его желание помочь железнодорожникам обустроить Снежный городок в каждый Новый год. В 2017 году он уже не смог навестить Деда Мороза и Снегурочку, что стояли на площади за бассейном, попросил меня сфотографировать их, похвалил строителей, порадовался забавам внуков и других ребятишек.

Особенно он любил книги, большей частью по истории, которую знал прекрасно. Собирал отец свою роскошную библиотеку с молодости. Не один час простоял в очередях, чтобы купить заветный томик. Отец принадлежал к числу тех редких и чудных людей, которые покупали книги не ради моды. Он прочёл полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ж. Верна, В. Скотта, В. Пикуля и многих других, иногда писал отзывы.

Именно он научил нас пользоваться Большой советской энциклопедией, приучил к строгой точности знаний и обоснованности суждений, привил интерес и уважение к книге как к источнику познания себя и мира. Для нас с детства чтение стало любимым занятием. Помню, как нам во время ремонта квартиры приходилось переносить по одной каждую книжку из комнаты в комнату. За это время я не только могла запомнить авторов и названия книг, но и успевала заглянуть в середину – и так хотелось потом прочесть!

В современной педагогике проблема семейного воспитания приобрела чрезвычайную актуальность в связи со своей сложностью и многоаспектностью. В нашей семье серьёзных проблем в воспитании вроде бы и не существовало вовсе. Именно родители сыграли ключевую роль в нашем не только личностном, но и в профессиональном определении. Отец, человек большой душевной и физической силы, обладающий широчайшим кругозором, аналитическим умом и силой характера, сумел воспитать в нас, своих дочерях, уважение к созидательному труду как высшей ценности человеческого общества. Наша уникальная мама Феодора Валентиновна, дочь пианистки, была очень интеллигентным человеком. Она работала инженером-экономистом, и тоже много и глубоко читала. Мамины литературные интересы были разнообразны: от классики до современности. Её наблюдения за мыслью писателя порой удивляли меня, уже профессионала-филолога.

Но всё же главные мамины уроки, усвоенные мною навсегда, – это уроки доброты, любви и заботы о людях. Это про таких, как наша мама, сказал Ф. М. Достоевский: «Помогать надо собой, а не другими».

Она сумела создать в семье творческую атмосферу. Помню торжествен-

ный момент, когда в доме появилось фортепиано. Новый «жилец», красавец PETROV, наполнил нашу жизнь новым содержанием. С этих пор в доме поселилась музыка. Мы были потрясены могучими аккордами Прелюдии до-диез минор С. Рахманинова в мамином исполнении! Оказалось, что и отец хорошо знает и любит классическую музыку, особенно жанры, связанные с пением. Он часто напевал арии из опер и оперетт: Кончака, Бориса Годунова, мистера Икса, графа Орловского и другие.

Родители самым активным образом были включены в процесс нашего обучения в детской музыкальной школе, бывали на концертах, участвовали в её общественной жизни. В стенах школы у прекрасных педагогов В. И. Устинова, Л. Я. Васильевой, К. П. Пересветова, Т. Р. Брославской мы не только приобщались к музыкальному искусству, но и учились чувствовать, воспринимать и созидать прекрасное. Здесь я научилась «слышать слово», любимые стихи зазвучали по-новому, будоражили воображение, рождали ассоциации. Как ни уговаривал нас отец поступить в железнодорожный вуз, я стала филологом, Таня – музыкантом, а Люба – врачом. Это результат прежде всего семейного воспитания, той среды, в которой мы росли. Так же продуманно и последовательно родители включились и в воспитание внуков: «Без счастливых детей нет будущего», – нашла я этот отцовский педагогический этюд в его записях. «Принцип воспитания – воспитание радостью, на живых примерах. Как много ещё на свете учителей, которые могут убить веру во всё прекрасное. А дети любят искать и находить сами. В этом их сила. Мы часто перегружаем детей книгами и не всегда помогаем им отбирать то главное, что ведёт их в глубину знаний, в глубину собственных мыслей и творчества», – так думал и так старался воспитывать детей наш отец.

Дочери с матерью

Готовясь к своему 80-летнему юбилею, он написал: «Я не люблю юбилеев, но этот я ожидал с нетерпением, чтобы успеть сказать окружающим меня людям спасибо за то, что меня всегда окружали дивные люди. И я от того в жизни счастлив. У меня были дивные учителя, дивные товарищи по работе, дивная жена. Среди самых бесценных, упрятанных куда-то в дальний заветный угол сердца чувств – Дора. С ней я прожил 50 лет и очень больно, что она так рано ушла из жизни, оставив меня одного. Я вновь и вновь вижу её улыбку, помню её строгость, милую нежность, искренность чувств. Передо мной Дора, давшая мне радость жизни, моя бесценная Дора, мой беззаветный помощник и наставник в непростой трудовой жизни.

Я искренне и восторженно всегда любил жизнь, в которую так много вносили окружающие меня люди, друзья, товарищи, родные и близкие. Самое чудесное в жизни – с головой уйти в любимое дело, здесь и сейчас думая о более значительном «Завтра», противопоставить соблазнам роскоши и праздности – любовь к людям и труду». Такие дивные слова мог сказать только дивный человек.

Чем дальше в историю уходят его жизнь и его дела, тем больше я удивляюсь его страстной заботе о том, чтобы «жила бы страна родная»! Сможем ли, выдюжим ли мы? Вот в чём вопрос…

Ольга Кривушева (Карманова)

Post Scriptum

Письмо деду Карманову Михаилу Ивановичу

Здравствуй, дорогой дед! Я обращаюсь к тебе от имени всех родных, близких тебе внуков, которые хотят ещё раз сказать тебе о своей любви.

Посмотри на нас. В том, что мы сейчас вместе – твоя заслуга. Ты всегда был и остаёшься нашим стержнем. Благодаря тебе мы не просто родственники – мы действительно одна дружная семья.

С дочерьми, внучкой Анютой и внуком Мишей

Все мы, твои внуки, знаем, какой непростой была твоя жизнь. И только от тебя самого мы никогда не слышали жалоб, настолько сильно всегда было в тебе желание передать нам, твоим внукам, детям, свой оптимизм, зарядить нас своей энергией, жаждой жизни. Ты всех пропускал через свою душу, через сердце. Вглядись в нас, твоих внуков. В каждом из нас есть что-нибудь твоё. Я, например, горжусь, что у меня твои выдержка и упрямство в делах. Не знаю, как бы сложилась моя жизнь, не научись я в трудные минуты, как ты, концентрировать свою волю и посвящать себя целиком решению проблемы. Не без твоего участия сложилась судьба Жени, которая получила трудовое крещение на любимой Западно-Сибирской железной дороге. А Иван, твой первый внук, как и ты, жёсткий и умелый руководитель, с детства перенял потребность в труде, тяжёлом и всепоглощающем. А Миша – такой основательный, умный, весёлый и жизнерадостный! И это неудивительно, ведь он жил так долго рядом с тобой. И все мы можем сказать: «То, что дал нам ты – самое лучшее в нас!»

А сейчас мы должны признаться, что у каждого из нас есть секрет, который знаешь только ты. И это неудивительно! Ведь со своими секретами мы шли к тебе. Кто ещё мог так внимательно выслушать нас? Кто ненавязчиво, осторожно, чтобы не обидеть, указывал нам на наши ошибки? А кто мог так деликатно дать совет? Однажды на день рождения ты подарил мне глобус. Тогда ещё ни у кого из моих подружек не было ничего подобного. А у меня был. Тогда ты потряс меня своим содержательным подарком. Помню, как ты рассказывал мне о Земном шаре, о смене светового дня, о странах, о том, что наша страна самая большая по территории…

А сейчас ты далеко от нас. Но мы знаем, что у нас есть наш дом, есть Карасук, есть ты, наш дед. И как мы хотим вновь почувствовать себя хоть ненадолго маленькими, но защищёнными тобой, твоей любовью и заботой. Спасибо тебе, дед! Мы уверены, что ещё порадуем тебя!

Твоя внучка Анюта Кривушева (Доме)

Болотнинский район

Заглотыш

Должикова Николая Григорьевича прислали на должность директора Болотнинской швейной фабрики, на тот момент крупнейшего предприятия города, на фабрике работало более тысячи человек. Мы привыкли, что фабрикой руководили женщины, которые обладали безупречными волевыми и деловыми качествами руководителя, они были органично впаяны в женский коллектив, и нам стало удивительным, что теперь этим огромным коллективом женщин начнёт управлять мужчина!

Должиков был действительно молодым руководителем, слегка за 30, за плечами комсомольская юность, опыт работы на крупнейшем в Западной Сибири предприятии им. ЦК Союза Швейников (ныне фабрика «Синар») в должности главного механика. Одним словом, очень заметная фигура во

всех смыслах на фоне провинциального городка. Понятно, что подавляющая часть женского коллектива тут же и беспощадно в него влюбилась. Но он оказался женатым, и ропот разочарованного негодования скоро стих.

Я работал председателем Комитета по физической культуре и спорту при Болотнинском райисполкоме, мой друг Александр Федюк – председателем добровольно-спортивного общества «Урожай». До фабрики нам было мало дела, тем более, что там работал инструктор по физкультуре и спорту и взаимоотношения наши носили отточенно деловой характер. Молодой руководитель был очень энергичным, внушающим доверие и потому именно под его деловую репутацию министерством легкой промышленности был выделен лицензионный поток по производству джинсовых брюк из импортных тканей, а между прочим, таких потоков в стране было не более пяти, а во всей Сибири и Дальнем Востоке – он был один единственным. Должиков для стопроцентного успеха приложил максимум усилий, чтобы привлечь специалистов-технологов с высшим образованием, ездил в Институт лёгкой промышленности и приглашал старшекурсников на работу в Болотное, рассказывал о перспективах, обещал и обещания выполнял. И в течении трёх лет приехали сначала Наталья Чибирькова, чуть позже Валентина Кузнецова и Надежда Ступина, потом Надежда Мелехова, а поскольку все они были знакомы и дружили еще в институте, из них получилась хорошая, надёжная команда, способная не только работать, но и возглавить общественную жизнь фабрики. До этого на фабрике работал только один человек, за плечами которого был Институт народного хозяйства – это Валерий Загородний – заместитель директора по снабжению и сбыту. Кроме того Валерий любил волейбол и зачастую заглядывал на районные соревнования и помогал нам осуществлять объективное судейство.

Отрабатывая вопрос кадров, Должиков сыпал новые инициативы: началось строительство детского садика и жилого дома на паях с лесхозом. Главным строителем этих объектов стал Лёва – армянин, который со своей «дикой» бригадой калымил по всему району. А привёз Лёву вместе со своим назначением из Здвинки первый секретарь райкома партии Н. Д. Бурдыко, за что многие к Лёве отнеслись с подозрением. Лёва был деловит и хваток, любил дисциплину подчинённых, при этом умел угоднически улыбаться и заискивать перед начальствующими лицами. Но самый великий шум случился, когда молодой и, безусловно, дерзкий директор начал модернизацию цехов: выкидывались старые станки ещё дореволюционных времён и завозились современные, технологичные, способные работать с материалами различных сортов и качества. В Болотное стала приходить американская джинсовая ткань, и новое оборудование приступило к пошиву безумно популярных у молодёжи тех лет джинсовых брюк и костюмов!

Должиков Н.Г.

С Должиковым мы познакомились на сессии районного Совета народных депутатов, подошли, представились, пожали друг другу руки и узнали, что он любит играть в волейбол и даже играл за какую-то студенческую команду. И мы с Александром Федюком поняли, что связь установлена, и теперь мы сможем добывать дефицитный спортинвентарь, меняя его на дефицитные джинсы. Но мы ошиблись, модные джинсы купить на фабрике было

невозможно и нигде не возможно, весь дефицитный товар уходил в неизвестном направлении. Однако пару раз нам удалось выполнить заказ работников Облспорткомитета в чьих руках были лимиты на спортинвентарь, но вся эта операция была столь сложной, что мы просто отказались от этой затеи на будущее. Дверь швейной фабрики закрылась для нас, только поманив радужной перспективой – Должиков был непобедим и даже груб. Когда однажды я обратился к нему с письмом о выделении джинсовых костюмов для сборной команды района, он откинул в мою сторону на край стола заявление и изрёк:

– Пан спортсмен, ты не понимаешь, что просишь, – на этом и закончился наш дружеский диалог.

После Олимпийского 1980 года, нашего советского триумфа, а я посетил Олимпийские игры, насмотрелся всякого и, вернувшись из Москвы, уже не мыслил команды района без парадной формы. А тут вожделенная джинса, из которой можно было нашить модных костюмов, в самом Болотном! Мне казалось, что звёзды сошлись в одном и именно джинсовом месте. Я уснуть не мог, перед глазами всё шли и шли мои спортсмены в костюмах, а стадион зрителей и соперников плакал горючими слезами зависти. Я не мог уснуть, потому что мой фантастический парад никак не заканчивался, а всё наматывал и наматывал изнурительные круги по стадиону, пока я обессиленный засыпал уже за полночь.

Мы понимали, что идти к директору бесполезно, и тогда я придумал и пошёл к Валерию Загороднему – заместителю по снабжению швейной фабрики, и высказал ему свою мечту.

– А вам не нужна джинса, – спокойно заявил Загородний.

– Это почему? – удивился я. – Ты разве не понимаешь, как это будет красиво!

– Джинсовые брюки любят длинноногих, вот тебе такие брюки не подойдут. И будете вы смотреться, как колхозники в этой джинсе.

Для меня это был удар, просто наповал, рухнула мечта, но не верить… я не мог. Видимо, я посинел или пожелтел, потому что Валера решил спасти меня и позвал за собой:

– Пойдем, я покажу, что вам нужно. Но, чур, я тебе ничего не показывал и ты меня не видел.

Я пожал плечами, мол, какой вопрос и, с напрочь испорченным настроением, поплёлся за Загородним.

На складе было темно и душно. Воняло то ли пылью, то ли какой химией, а может, и антимолью. Мы подошли к стеллажу, поперёк которого плотно лежали тела рулонов с тканью. Он вытянул белый, бросил его поверх и распахнул полу. На складе будто белая птица пролетела, совершенно белая, ослепительно белая, и чудо открылось! – полотно фактурной ткани лежало передо мной, такой ткани я не видывал сроду,

Сборная команда Болотнинского района. 1979 год

даже мне, полному и окончательному дилетанту в швейных и модных делах было ясно, что передо мной чудо-ткань.

Моя джинсовая мечта ослепла от белого свечения. Валера записал название и артикул ткани и подал мне записку.

– На костюм в среднем уходит три метра, посчитай, на сколько человек тебе надо, пиши заявление и иди к Должикову. Лучше, если это письмо подпишет председатель или заместитель председателя райисполкома. И ещё, чтобы уж наверняка, у Должикова проблема – у него 47 размер обуви, если бы ты нашёл кроссовки такого размера…

– Да таких размеров в природе нет! – безнадежно удивился я.

В тот же день письмо было готово, его без проволочек подписал заместитель председателя райисполкома Меркулов Георгий Иванович, но я понимал, что для полной и окончательной победы не хватает дополнительного аргумента – кроссовок. И я позвонил в Облспорткомитет.

– Есть, – равнодушно ответили мне в спорткомитете, – года три лежат, пылятся на складе. Берите доверенность и приезжайте забирать.

Вечером я уже возвращался на электричке в Болотное, в обычной авоське я вёз коробку, в которой лежали кроссовки фирмы Адидас 47 размера. Я не мог поверить, что вопрос решался так легко, периодически доставал кроссовки и рассматривал их. Время было около шести – конец рабочего дня, но я рискнул и побежал на фабрику. Когда я ворвался к Должикову в кабинет, у него сидел Лёва и что-то вдумчиво и виновато бубнил.

Я смело вошёл, положил перед Должиковым письмо и, вынув из коробки красно-бордовые с тремя полосками фирменные кроссовки, аккуратно примостил их на краешек стола.

Должиков глянут в письмо, ухмыльнулся и продолжил разговаривать с Лёвой. Я чтобы не торчать посередь кабинета, присел на стул у стены. Минут через пять Должиков взял в руки кроссовки, повертел перед глазами и поставил обратно на край стола. Лёва продолжал гундосить, он что-то накосячил и теперь терпеливо оправдывался. Прошло ещё минут десять, я сидел нагло и уверенно, понимая, что если он не выгнал меня в первые минуты, значит, разговор впереди.

Должиков вдруг резко встал, разулся, обул кроссовки, прошёлся по кабинету, снял кроссовки, уложил в коробку и наконец-то выдохнул в мою сторону:

– Ну и заглотыш! – и оставил на моем письме размашистую резолюцию. – Выделить!

Николай Александров

Тогучинский район

Времён связующая нить

Уважаемые читатели, очень хочется, чтобы вы узнали о замечательном человеке, враче-профессионале, психиатре нашей Центральной районной больницы Тогучинского района Новосибирской области Галине Анатольевне Чупринской. Стаж её работы (более 35 лет), большой профессиональный опыт, уважение и признание жителей района и коллег, отраслевые награды говорят сами за себя. Трудно переоценить её вклад в развитие здравоохранения нашего района, и она продолжает достойно нести медицинскую службу!

Воспоминания Галины Анатольевны – это жизнь нескольких поколений, чьи судьбы сплелись с историей села, района, области и страны. Только человек с большим сердцем и открытой душой может так тепло и трогательно рассказывать о своих родных и близких, с большой благодарностью вспоминать тех коллег, которые ей помогли в профессиональном становлении. Встречи с ней помогают собеседникам пересматривать своё отношение к тем или иным поступкам, действиям, что-то понимать о своём предназначении в жизни. Ведь она лечит человеческие души, а это облагораживает каждого современного человека.

Что несомненно – я родилась, и было это 9 октября 1958 года в селе Буготак Тогучинского района, а всё последующее подлежит сомнению и осмыслению.

Дед Петренко Константин Иосифович с внучкой Ниной. 1958 г.

Оказывается, это очень трудно вспоминать и излагать последовательно, не путаясь, по существу.

Ещё одно очевидно, что я родилась в семье моих любимых родителей, у которых я, по-видимому, тоже была любимым ребенком и долго – единственным.

Меня растили, любили, возили на море, на речку, на покосы, в поле. Учили плести венки, вязать веники, собирать ягоды и грибы, брали на рыбалку и охоту. Катали на мотоцикле, машине, папиной шее по Красной площади в Москве. Я любила ездить в поездах дальнего следования – там на перронах продавали фрукты и пирожки…

Меня любили! И я любила всех – это было детство!

В детский сад я не ходила. Воспитывала меня улица и строгая бабушка Ефросинья Логиновна Паркина (мамина мама). Было много подружек, друзей, велосипедов, ободранных коленок, сугробов, лыж, коньков на валенках и завязках. Ведь это было детство…

В школу меня отправили в 1965 году «вольным слушателем». Мне не исполнилось и семи лет. Школу я очень любила и была к ней готова заранее: выучила грамоте всех кукол и соседских бабушек и точно знала, что стану Учительницей!

В 1-м классе получила «кол» по арифметике – не принесла счётные палочки. Было даже не стыдно, а очень обидно! Человеку, знающему таблицу умножения, получить «кол» за не принесённые счётные палочки?! Так я поняла, что на свете существует Дисциплина! Детство уходило…

Обязанностей и ответственности становилось всё больше: прибрать в доме, прополоть в огороде, а ведь так не хотелось! Жарко, мухи, купаться хочется! Но были ответственность и исполнительность! Конечно, я не всегда выполняла данные мне задания и иногда получала (морально)«по шее», но постепенно формировались следующие нравственные качества: угрызение совести, осуждение, наказание: нет, до казни не доходило! – я всё же была исполнительным человеком. И наверное, всё лучшее в нас было заложено от родителей!.. Умение работать само не приходит, оно воспитывается в семье.

Мама – Александра Ивановна Петренко, умнейшая, интеллигентная, красивая женщина. Для каждого ребёнка его мама – самая лучшая, для меня это было так же. Как она только успевала: большой чистый дом, огород, хозяйство, всё вкусно приготовлено и прибрано, все аккуратно одеты (может быть за исключением меня, одежда которой в детстве была в кляксах! Я очень любила бегать по лужам после дождя!). Она работала бухгалтером в колхозе. Я и ей «помогала», не бухгалтером, конечно, работать, а что-то подписывала, складывала, нумеровала… Помню её толстые книги, которые лежали в бухгалтерии. Я видела «гроссбухи», исписанные мелкими маминими числами.

Папа, мама и я. 1959 г.

Сколько она их пересчитала! Не просто чисел, а отчётов, и не только в колхозе «Завет Ленина» в Буготаке, её часто просили помочь в проверке годовых отчётов в Управлении сельского хозяйства в городе Тогучин.

Мой папа, Петренко Анатолий Константинович, был зубным врачом, заведовал Буготакской врачебной амбулаторией. С того времени когда я начала что-то понимать и анализировать, я поняла, что люди болеют, а врачи работают только по ночам, праздникам и выходным дням. Отца часто вызывали к больным именно в это время. Тогда я задумалась, что доктором я быть не хочу! Когда стала взрослее и начала понимать ещё больше, папа брал меня в амбулаторию «порядки наводить». Я чувствовала там себя хозяйкой, доктором, заведующей амбулаторией! Там всё было чисто, аккуратно, по-медицински! Мне доверялось раскладывать медикаменты, расставлять флаконч

Петренко Анатолий Константинович, зубной врач, заведующий Буготакской врачебной амбулаторией

ики с лекарством. Они должны были стоять строго по росту и «смотреть» в одном направлении. Здесь были строгие правила, нарушать которые было нельзя! Это Медицина! Это серьёзно! Это надо уважать.

Мои родители не только много трудились, но умели активно и интересно отдыхать, дом всегда был полон родственников и друзей. Любили петь, любоваться живописными уголками родного села и окраин, ездить на рыбалку. В отпуск папа и мама ездили на курорт в город Пятигорск, «на воды».

Константин Иосифович Петренко делал бочки сам, 23 сентября 1951 г.

Я, взрослая, оставалась за хозяйку дома, доила корову, провожала в стадо, сепарировала молоко, делала творог и сметану, пекла пироги и блины. Это деревня, она научит многому, по-другому в ней жить нельзя.

Я только не могла освоить работу с пчёлами и бочки делать. Этим занимался дед по папиной линии Константин Иосифович Петренко. А так хотелось! Я часто просила: «Дед! Дай покрутить ручку медогонки» (это аппарат, куда вставлялись рамки с мёдом). В ответ слышала: «Галька! Уйди!». Из «медопроизводства» я чётко усвоила, что пчёлы кусаются больно!

Дед Константин Иосифович занимался пасекой и делал бочки. О своём прошлом вспоминать не любил, но мне, уже взрослой, рассказывал, что до 1937 года был председателем Совета, был осуждён «за невыполнение…», потом в составе штрафного батальона попал на войну. Прошёл всю Великую Отечественную, вернулся живым и невредимым. Его с нами нет уже давно. Я люблю его и сегодня: спокойного, терпеливого, мудрого, невозмутимого и до конца жизни своей ухаживавшего за больной супругой «Наташенькой» – Натальей Андреевной Петренко, моей бабушкой по отцовской линии.

Второго деда, отца мамы – Ивана Исааковича Паркина, я не видела никогда. Он ушёл на фронт вместе с сыном в 18 лет. Числился пропавшим без вести с 1944 года. Дядя погиб в первые дни войны в боях под Москвой. Скончался от ран в московском госпитале и похоронен в братской могиле на Новодевичьем кладбище. Мама рассказывала, что её брат был красивым и весёлым, стихи писал и на гармошке играл…

Бабушка, Ефросинья Логиновна Паркина, постоянно была угрюмая и, как мне казалась, злая. На вопрос: «Баба, почему у тебя плохое настроение?» – отвечала: «Голова болит». Тогда мне, ребёнку, было не понять, что значит «без вести пропасть» и потерять сына на войне…

Дед и баба были великими тружениками, простыми малограмотными крестьянами, растившими и убиравшими хлеб: «Сеяли и жали, хлеб пекли, прожили всю свою жизнь в Буготаке», – вспоминала мама.

Село Буготак, где я родилась, – та моя родина, откуда никогда не уехать! Она останется всегда в тебе. В селе тебя знают все, и ты знаешь всех. Там нельзя обмануть. Там жить надо честно. Вот так воспитывает село.

Это правда! Но ещё нужно было «кол» исправить, школу окончить и в медицинский поступить!

На приёме у врача Чупринской Галины Анатольевны, 1982 г.

Школу я любила и училась хорошо и даже отлично. Нет, не всё так идеально, как хочется нарисовать! Были и пропуски, и двойки, и ссоры с одноклассниками, и списывания (в основном у меня), и с уроков выгоняли за нарушение дисциплины, и на общешкольной «линейке» стыдили! Но теперь кажется, что лучше того времени и лучше тех друзей не было и не будет.

Общеобразовательную школу с одной «четвёркой» по географии окончила в 1975 году, и в этом же году – музыкальную школу по классу аккордеона на «Отлично»!

Меня раньше никак не интересовало, что куда впадало и откуда выпадало, что где закопано, я спокойно бы отнеслась и к глобусу! Наверно потому, что в нашем детстве мы жили в достаточно ограниченном пространстве, не раздвинутом интернетом, доступными путешествиями за дальнюю границу. Гуляли по любимым полянам, катались с горок, прыгали с крыш в сугробы и казалось, что это единственное лучшее и значимое место на Земле. Все изменится потом…

В институт поступила не сразу. «Завалила», как говорят, биологию! Биологию! Не физику, которую боялась до обморока и сдала на «4», а биологию! По моим подсказкам по генетике, анатомии сдали экзамен как минимум четыре молодых человека, которые ждали меня у выхода из аудитории поблагодарить и поздравить… с «завалом», они так и остались стоять с открытыми ртами: «Как не сдала?!» Вспоминая этот экзамен, до сих пор не могу понять, что хотел от меня услышать экзаменатор о зелёном мхе кукушкином льне – этой, видимо, важной фигуре в ботанике. На всю жизнь его запомнила!

За последующий год подготовки к очередному поступлению в Новосибирский государственный медицинский институт, выучила всю биологию Вилли (учебник для 1 курса института). Как оказалось, я упорная и перфекционистка! Это плохо! Можно было снова «влипнуть» в историю, как в первом классе, но я получила отметку «Отлично»! Будучи студенткой Медицинского института, вспомнила, что ещё в 6-м или 7-м классе мне попалась неболь-

Музыка нас связала. 1982 г.

шая книжка «Записки психиатра». Откуда она взялась в нашем доме у зубного врача? Это судьба, как говорят. Я не помню её автора, но до настоящего времени помню, с каким теплом, уважением, корректностью рассказывал доктор свои истории. Это было его отношение к больным людям. Не знаю, но может быть, тогда я полюбила профессию врача, и именно психиатрию…

Окончательно я поняла, что буду психиатром, когда училась на 5-м курсе Новосибирского медицинского института.

Лекции профессора Короленко Цезаря Петровича – это были события, спектакли, представления. Сам Цезарь Петрович – человек неординарный, внешне чудаковатый даже, как могло показаться, – был человеком с космическим объёмом знаний и такой интересной подачей информации. Мы, студенты, заслушивались и засматривались.

В 1982 году окончила институт, прошла интернатуру в Тогучинской Центральной районной больнице и осталась здесь работать, учиться, наблюдать за работой других медицинских работников.

По большому счёту, я счастливый человек. На моём пути было много людей, у которых нужно было и хотелось учиться: Галина Андреевна Анисимова, Исаак Цалевич Микашевский, Юлий Исаакович Микашевский, Татьяна Акимовна Куликова – это мои первые старшие коллеги и наставники, которым я благодарна за науку «Быть Врачом»!

С 1987-го работаю психиатром в Тогучинской ЦРБ. Я люблю свою специальность и не считаю её «узкой». Чтобы узнать психиатрическое расстройство, нужно иметь ввиду много заболеваний, в результате которых оно могло случиться, а это – терапия, инфекция, кардиология, наркология, генетика… Можно перечислять дальше. Психиатрия относится к социально значимым дисциплинам, и не только потому, что решаются как социальные, так порой и бытовые вопросы пациента. Она несёт в себе определённую опасность – острая, неотложная, недобровольная психиатрия решает вопросы безопасности не только больного, его жизни, но и его окружения.

Работа многогранная, продолжается и сегодня: комиссии по делам несовершеннолетних, комиссии по призывникам на срочную воинскую службу, обучение студентов психиатрии в Тогучинском медицинском колледже.

В 1997 году приобрела ещё одну специальность – наркология, которую совмещала до 2013 года, пока в районе не появился нарколог.

Терапевтическое отделение ЦРБ

Мы, врачи, учимся всю жизнь. Должность врача и специальность обязывают постоянно совершенствоваться, идти в ногу со временем, знать современные требования и тенденции такой науки как «Медицина», и особое внимание необходимо уделять своему профессиональному росту. Это курсы повышения квалификации, сертификации, участие в семинарах и вебинарах в режиме онлайн, просветительские мероприятия: консультации, тематические беседы, лектории с разными категориями работников, жителей муниципальных образований и участие в профессиональных конкурсах разного уровня.

В 2015 году стала победителем регионального конкурса «Лучший по профессии», получила звание «Лучший психиатр области».

В 1985 году появилась своя семья. У меня два сына. Оба имеют высшее образование. Оба сейчас живут далеко: старший, Роман, – в Москве, занимается своим делом и воспитывает своих детей и моих великолепных внуков Саню и Ваню; младший, Евгений, несколько лет живёт в Турции, воспитывает пока дельфинов в дельфинарии.

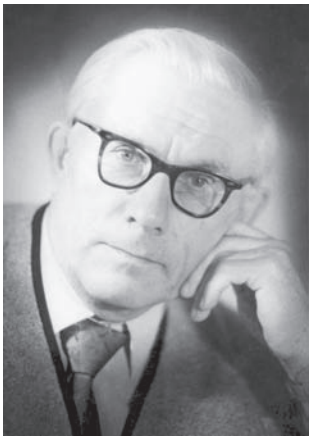
Это кое-что из моей биографии, которую ещё можно продолжать…

Галина Чупринская

Новосибирск

Знаток лесов и трав

Первая профессия знаменитого лесовода и ботаника ни к лесу, ни к травам никакого отношения не имела. Кем как не лётчиком в двадцатые годы мог стать молодой Крылов с его темпераментом, складом характера и отношением к жизни! После семилетки он поступил на частные лётные курсы, закончил их и стал одним из первых в Сибири авиаторов. К этому времени очень молодому человеку уже довелось пережить много.



Георгий Васильевич Крылов

Родился Георгий Васильевич в 1912 году в Нарыме. В эти края Крыловы попали не по доброй воле. В 1905 году за участие в Горийском восстании отец был выслан на десять лет в Нарымский край. Мать, Пелагея Георгиевна, последовала за мужем в ссылку с двумя маленькими детьми. Она была прекрасно образованной женщиной – окончила Киевский университет и докторантуру в Берне (Швейцария). Отец же, оставшись сиротой в десять лет (деда, начальника крепости Грозный, убили чеченцы), достиг всего в жизни за счёт природных талантов и живости ума. Он прошёл путь от «мальчика на побегушках» у грозненских купцов до старшего садовника в Батумском ботаническом саду у профессора Краснова. А в 1889 году, уже будучи главным виноделом фирмы «Абрау-Дюрсо», награждён на Парижской выставке за «Русское шампанское» и получил премию в пять тысяч червонцев.

В Нарыме в крестьянской избе с Крыловыми соседствовал другой ссыльный, тоже родом из Гори – Иосиф Джугашвили. Его раскатистый храп за стеной запечатлелся в памяти маленького Юры. Запомнилось и то, что отец принимал участие в организации побега будущего лидера СССР, ведь они были знакомы ещё на родине.

После ссылки семья перебралась в Новониколаевск. А потом отец был направлен в село Богородское Томской губернии сначала секретарём, а потом назначен председателем волисполкома. Назвалось село так потому, что именно здесь, по рассказам жителей, было явление Богородицы одному попу. На этом месте построили церковь и село. Здесь Георгий окончил четыре класса сельской школы.

Его любознательность и богатейшая память проявились с малых лет. Тогда гонения на религию ещё не начались, и сын председателя волисполкома вполне спокойно мог посещать местную церковь. Был в ней одно время даже послушником. Он проштудировал всю богословскую литературу, знал наизусть все молитвы, которые подсказывал порой во время службы дьякам. После того как сын окончил сельскую школу, Крыловы решили переехать в Томск. В памяти остался крестный ход, которым с иконой Божьей Матери они и шли до Томска. Верующим Георгий остался на всю жизнь.

Всё сущее на земле хорошо ко времени. Даже уход из жизни. Но как рано пришли в эту семью невосполнимые утраты! Насколько труднее их было пережить совсем ещё юному человеку. Родители умерли в один год, когда Георгию не исполнилось и семнадцати…

Самостоятельная жизнь начиналась с беспросветной нужды. Время было тяжёлое. Сестра к тому времени была уже замужем. Она работала секретарём областного суда и сутками находилась на службе. На её помощь не приходилось надеяться. Один из старших братьев отца, узнав о трагедии, хотел

взять племянника к себе в Петербург. Но молодой человек отказался от этого предложения, потому что перед смертью отец сказал ему: «Юрочка, на всю жизнь запомни мои слова. Надейся только на себя. Никогда не жадничай. Всё отдавай людям. И путешествуй. Ты это любишь. Занимайся любимым делом». Наказу отца он остался верен на всю жизнь.

Чтобы прокормиться, юноша готов был выполнять самую чёрную работу, но выручила профессия авиатора. Молодому Крылову поручили возить врача в самые отдалённые сёла. Там, где совершить посадку было нельзя, продукты и медикаменты доставлялись на «сброс».

Машину свою Георгий сам привёз в Томск из Москвы. Это был трофейный, разборный «Фарман-6», который уместился… в трёх ящиках! Назвали его весьма символично – «Томский крестьянин». На нём и летал Крылов три года. Этот «Крестьянин» кроме всего прочего занимался ещё и выявлением лесных пожаров. На одном таком пожаре возле Юрги молодой авиатор едва не лишился жизни. По неопытности не учёл, что над горящим лесом возникают воронки, вследствие поглощения огнём кислорода. В такую воронку и затянуло его аэроплан.

Выбрался он из горящего самолёта неудачно. Упал на берёзу, в ветвях которой запутались стропила парашюта. К счастью, неподалеку люди косили сено. Они прибежали к месту падения лётчика и нашли его с разбитой головой в бессознательном состоянии, на дрезине отправили в Юргу, а потом на тендере товарняка – в Томск.

В больнице выяснилось, что череп лётчика с правой стороны разбит на множество осколков. Их скрепили особым раствором, скобами. И три долгих года Георгию пришлось пролежать в госпитале Томского мединститута.

Однажды к нему в больницу пришли студенты первого Сибирского политехникума имени Тимирязева.

– Поступайте к нам учиться, – предложили они.

Он с радостью согласился. Комсомольцы взяли над ним шефство и помогли подготовиться к экзаменам. Перед приёмной комиссией Георгий предстал в бинтах. И будучи уже студентом, ещё год ходил в госпиталь на перевязки.

Учился он без труда, отлично знал систематику растений – одну из самых трудных дисциплин. Надо заметить, что юноша был ещё и очень требователен к себе. Георгий избегал всего, что мешало учебе, которую приходилось совмещать с работой в клубе «Красный строитель». А к лётчикам тогда отношение было особое, девчонки с него глаз не сводили. И чтобы спастись от ненужной популярности, он объявил себя женатым человеком. На некоторое время это помогло.

Прежняя профессия лётчика многое дала в жизни (авиацию, кстати, он не оставил после аварии, налетал за жизнь несколько тысяч часов, поднимал в воздух не только самолёты, но и дирижабли во время войны). Благодаря первой профессии Георгий Васильевич стал великолепным картографом – ведь он видел землю сверху. Представлял, как петляет по равнине русло реки, как выглядят лесные массивы, тянутся горные хребты. Составить карту ему не составляло труда. И самая замечательная работа Крылова – карта лесов Западной Сибири. Сейчас она хранится в Томском институте леса. Это документ исторической ценности. Леса – подвижная стихия. Вырубки, пожары меняют лицо земли неузнаваемо каждые тридцать лет. И лишь по картам мы можем узнать её утраченные, неповторимые черты.

Ещё студентом Крылову довелось выполнить очень ответственную работу. За полтора года до окончания тех-

никума он возглавил полевую партию на реке Чулым по отысканию высококачественной древесины сосны, кедра, ели и берёзы для экспорта и судостроения. Всего за две недели его подготовили к руководству партией, и экспедиция успешно справилась с заданием. Техникум закончил уже экстерном.

Воинствующие атеисты вознамерились взорвать знаменитый Воскресенский собор в Томске. Узнав об этом, Георгий Васильевич посылает письмо Калинину, в котором убеждает председателя ЦИК, что храм ценен не только сам по себе, но и как отправная точка для всех геодезических съёмок в городе. И собор, созданный в восемнадцатом веке по чертежам самого Растрелли, остался сиять куполами…

Война застала Крылова в управлении треста «Томлес». Здесь он работал сначала начальником отдела лесного хозяйства, потом главным инженером. К этому времени с женой (бывшей сокурсницей) Ниной Салатовой он успел поработать в самом глухом сибирском леспромхозе Тайдонский, Новосибирском краевом управлении лесов, вместе занимались в Сталинграде устройством казачьих «левад», затем снова по собственному желанию уехали в Сибирь – село Молчаново (Кривошеенский леспромхоз). Георгию Васильевичу пришлось руководить строительством новых механизированных лесопунктов, разрабатывать технические условия по отборке сосны, которая шла для постройки самолётов и других спецсортиментов.

Металла стране не хватало, поэтому перед специалистами лесного хозяйства встала задача – отыскать ему замену. И такой материал был найден: обыкновенная берёзовая древесина! Но такую древесину давал только один вид берёзы – тот самый, открытый дальним родственником Порфирием Никитичем Крыловым, создателем Томского ботанического сада. Берёза Крылова – настоящая сибирячка, высокая, прямая. Её особо прочная и лёгкая древесина, обработанная особым образом, становилась крепче брони. Самолёт, изготовленный из такого материала, был вполне боеспособным. Кроме того, из этой берёзы делались приклады для ружей и ложе для автоматов, а ещё челноки для текстильных машин. Это изобретение Крыловым было запатентовано.

А потом Георгий Васильевич получил задание: отыскать в тайге открытые им спецсортименты и заготовить их в большом количестве за очень короткий срок. Его назначают уполномоченным Главного управления Комитета обороны (ГУКО), обеспечивают прямую связь со Сталиным. Крылов в любую минуту без промедления мог обговорить с Верховным главнокомандующим любой вопрос, связанный с заготовкой стратегического сырья.

По нынешним понятиям это задание невозможно было выполнить. Техники – никакой. Крылов организовывает триста подвод. Сани и непроходимые леса – таковы условия труда. По сугробам и буреломам приходилось протаптывать дорогу. Падали лошади. Неимоверные лишения терпели люди. Чтобы ускорить работу, Крылов объявил, что учитываться будут не ходки, а количество привезённой древесины. Повысил нормы. Но одновременно увеличил и оплату труда. Он работал, как и все, порой бессменно по трое суток. И военный заказ был выполнен.

Конец этой эпопеи оказался самым неожиданным. В НКВД поступил донос, что Крылов работает на иностранную разведку, что на заготовке и вывозке леса он завысил оплату с единственной целью: разорить государство.

Крылова арестовали и после трёх месяцев одиночки приговорили к расстрелу. В камере, набитой осуждёнными так, что невозможно было даже сесть, смертники более суток ждали исполнения приговора. Это было настолько тяжело, что люди молили о скорейшем конце, только бы не мучиться в удушливой, жуткой атмосфере. Но ждали проверяющего: он ещё раз должен был просмотреть чёрный список…

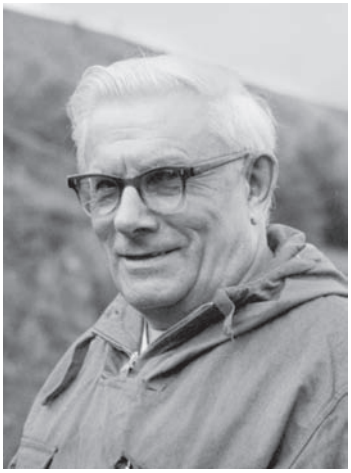
Проверяющим оказался бывший начальник управления треста «Томлес» В. М. Коровин, с которым Георгий Васильевич недолго работал до войны. Коровин своей властью освободил бывшего подчинённого.

По его ходатайству Крылов сам становится уполномоченным по освобождению незаконно осуждённых. С таким мандатом он возвращается в Томск. По роду занятий приходилось много ездить по лагерям. Невыносимо больно было видеть происходящее там, особо гнетущее впечатление оставляли женские колонии. Но без таких посещений невозможно выполнять свои обязанности, и сколько преданных родине людей спас он от несправедливого поругания!

Тягостные эти впечатления подорвали здоровье Георгия Васильевича. С тяжелейшим нервным расстройством он попадает в больницу. Однако лечить такое заболевание врачам оказалось нечем, не было медикаментов. Единственное, что они могли сделать, это несколько раз в сутки оборачивать больного мокрыми простынями – есть такой приём в физиотерапии. Выписали Георгия Васильевича через полгода, но до конца так и не вылечили.

Тем не менее лагерные страдания сотен и сотен тысяч людей Крылов никогда не связывал с именем Сталина. Он относился к «вождю и учителю» с пиететом и все нарушения социалистической законности в те годы относил на счёт безумной ретивости чиновников на местах.

После войны Георгий Васильевич вместе с женой заочно заканчивает лесохозяйственный факультет Сибирского лесотехнического института. К этому времени они перебираются в Новосибирск и работают в Главзапсиблесе Наркомлеса СССР. Диплом по теме «Проблемы озеленения Новосибирска» он защитил на «отлично». Именно по этому проекту многие улицы нашего города расцветали садами и парками. Позднее по его же проекту планировалась лесопарковая зона Советского района. Это был уникальный проект, который мог создать только лесник. И своим неповторимым обликом Академгородок обязан Г. В. Крылову.



Вся последующая жизнь Георгия Васильевича посвящена науке. Огромный практический опыт стал основой исследовательской работы. Двадцать восемь лет трудился он на разных должностях в Медико-Биологическои институте и Ботаническом саду (который входил в состав института) Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР.

В это время приходилось много ездить. Из разных уголков страны он и его коллеги привозили для ботсада семена и саженцы. Мечтали, что здесь будут собраны все экзотические растения, которые только могут у нас прижиться. И в этом ботсаду приживались даже теплолюбивые виды. Есть там, например, дуб. Сейчас он сильный и развесистый. А более пятидесяти лет назад крохотный, хрупкий росток Георгий Васильевич бережно вёз из командировки откуда-то из европейской части страны. Вообще-то дубы сибирского климата не выносят – гибнут. Более семнадцати лет работники сада бережно ухаживали за этим росточком, укрывали его от морозов, пока набравший силу великан не научился противостоять холодам и ветрам Сибири. Вот так создавался этот зелёный рай, где каждое деревце, каждый кустик хранит память о тёплых и заботливых руках человека.

В Медико-биологическом институте Крылов проделал большую часть научной работы. Здесь он получает звание доктора биологических наук, становится профессором. За свою жизнь Георгий Васильевич издал более 350 научных работ, в их числе более 85 книг и моно-

графий. В них изложены новые принципы ведения лесного хозяйства на зонально-типологической основе в Сибири и на Дальнем Востоке, указаны районы максимальной продуктивности деревьев, районы плантационного разведения новых лесов из лиственницы, кедра, сосны, составлены проекты для возведения лесополос в Кулунде, Приртышье, Хакасии, подсчитаны ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Это богатейшее наследие не потеряло с годами своей ценности.

О растительности Сибири Крылов знал решительно всё. Его мама (которая умела очень хорошо распознавать травы и применяла их в лечении) привила сыну беззаветную любовь к родной природе. Он научился распознавать чудодейственные силы растений и свои знания стремился передать последующим поколениям. В конце шестидесятых годов им издана замечательная книга «Травы жизни и их искатели», которая имела огромную популярность. Почти в каждой сибирской семье можно и сейчас встретить её. Но лес стал для Крылова не только объектом исследований. Это была его стихия – и родной дом, и творческая мастерская. Именно здесь он ощущал всегда всю полноту и красоту жизни.

Крыловы ездили летом в экспедиции на Алтай. В последние годы Георгий Васильевич уже не собирал травы. Но его вторая жена, Нина Фёдоровна Козакова, старалась обязательно организовать эти поездки, без которых жизнь для обоих теряла свой главный смысл. Георгий Васильевич прекрасно переносил дорогу и совсем не болел на алтайском приволье. Обычно с ними работал кто-нибудь из учеников Георгия Васильевича. За время научной деятельности он подготовил тридцать шесть кандидатов наук и был консультантом более двадцати докторских диссертаций, которые успешно защищены.

Романтично и сложно складывались отношения с Ниной Фёдоровной Козаковой. Он был на двадцать восемь лет старше и женат, она – одна из его аспиранток. Преданная и любящая, готовая идти за ним на край света, Нина Фёдоровна стала для него верным товарищем по науке, соавтором многих трудов. Когда семья Крыловых переезжала в Воронеж (там Георгий Васильевич восемь лет работал в центральном Научно-исследовательском институте лесной генетики и селекции), она полгода без отрыва от работы переписывала его огромную библиотеку, приводила в порядок и систематизировала архив.

Вместе они издали более пятнадцати работ. Большая часть их вышла за узко научные рамки, стала интересной и полезной широкому кругу читателей, выдержав много изданий. Одна из самых знаменитых и основательных совместных работ – серия «Леса мира» (это мировые сводки о «Кедре», «Пихте»). Правда, одну из книг этой серии, «Ель», издать не удалось. Кроме того, они написали очень много книг о природе Сибири, посвящённых травам и здоровью человека.

Через двадцать с лишним лет, после смерти Нины Григорьевны Салатовой, Георгий Васильевич оформил свой брак с Ниной Фёдоровной – в ЗАГСе и в церкви.

Ко дню восьмидесятилетия мужа Нина Фёдоровна написала стихотворение. Доброе, искреннее, очень личное. «Счастлив мой век с тобой, мой друг!» Такова первая строчка… У Крыловых свой, возможно, не вполне научный взгляд на истоки долголетия: «Долго живёт тот, кого любят. И, конечно, кто сам умеет любить…»

Нина Егорова

Доволенский район

Секунда на подвиг

На сельском кладбище в селе Травное Доволенского района Новосибирской области есть могила, где на памятнике золотыми буквами на русском и корейском языках выбито: «Герой Труда Корейской Народно-Демократической Республики. Боец-интернационалист». Здесь похоронен Яков Новиченко. А на доме, где жил советский офицер, работавший после войны агрономом, висит мемориальная табличка с надписью на корейском языке.

Имя сибиряка Якова Тихоновича Новиченко в России известно не мно-

гим. А в Корейской Народно-Демократической Республике оно вписано во все учебники истории. В Стране утренней свежести он – национальной герой, «смелый воин», близкий друг корейского народа. В 1946-м на митинге в Пхеньяне он спас от неминуемой гибели Ким Ир Сена – выдающегося политика, лидера КНДР, «Великого Вождя и товарища».

Яков был из семьи украинских переселенцев. Рано стал сиротой. Его отец погиб в Первую мировую войну, а мамы не стало, когда мальчику было семь лет. Оставшись сиротой он «пошёл в люди» – был пастухом, батраком, работал на стройке железной дороги. Когда в селе организовали колхозы, стал работать конюхом, пахал землю, сеял хлеб. В армию сибиряк попал в 1938 году, служил на Дальнем Востоке, освобождал Корею от японских захватчиков. После завершения войны остался в Северной Корее в составе интернационального контингента.

1 марта 1946 года на привокзальной площади Пхеньяна состоялся митинг, посвящённый 27-й годовщине со дня Первомартовского народного восстания против репрессивного японского режима. На трибуну поднялись комсостав Советской Армии в Корее, местные коммунисты и их лидер Ким Ир Сен. Взвод младшего лейтенанта Якова Новиченко охранял подступы к трибуне. В кульминационный момент выступления на трибуну из толпы полетела граната. Стоящий у трибуны Новиченко не растерялся и схватил упавшую гранату, до взрыва оставались мгновения. Бросить её было некуда – вокруг была многотысячная толпа. И тогда младший лейтенант накрыл её своим телом.

С тяжелейшими ранениями Якова Новиченко доставили в госпиталь. Из тела офицера извлекли множество осколков. У него были сломаны ребра. Взрывом ему оторвало кисть правой руки, и её пришлось ампутировать по локоть. Осколком сильно повредило левый глаз. От гибели его спасла книга «Брусиловский прорыв» толщиной в 600 страниц, которую он тогда читал, а во время митинга спрятал под шинелью.

Яков Тихонович Новиченко

Пока Яков Тихонович лежал в госпитале, к нему приходили благодарные корейцы, передавали герою цветы, фрукты. Женщины давали своим новорождённым сыновьям имя Яков. А Ким Ир Сен через своего адъютанта передал младшему лейтенанту серебряный портсигар, где была выгравирована надпись: «Герою 1 марта Новиченко. От председателя временного народного комитета Северной Кореи Ким Ир Сена».

Яков Новиченко и Ким Ир Сен

Командир дивизии, в свою очередь, пообещал представить Якова Новиченко к званию Героя Советского Союза. Но награду эту он так и не получил. Домой Яков Тихонович вернулся в декабре 1946-го с орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

Памятник Якову Новиченко на горе Мансу в Пхеньяне

Односельчане его рассказам о подвиге не верили – ведь в то время такая информация являлась закрытой. Почти сорок лет забытый герой жил размеренной деревенской жизнью. Вспомнили офицера только в 1984 году, когда Ким Ир Сен отправился с визитом в СССР. По пути в Москву он посетил своего спасителя и присвоил ему звание Героя КНДР. С тех пор семья сибиряка по приглашению регулярно посещала Северную Корею. Сначала их принимал Ким Ир Сен, потом его сын Ким Чен Ир, а потом и внук Ким Чен Ын.

Делегация из КНДР возле дома, где жил Яков Тихонович

Каждый год, 28 апреля, какая бы ни была погода, делегация из посольства КНДР приезжает на могилу Якова Новиченко в село Травное. На его 100-летие корейские товарищи установили на его могиле памятник и открыли мемориальную доску на доме, где он жил.

А в Северной Корее в этот день, 28 апреля, тысячи корейцев поднимаются на гору Мансу в Пхеньяне, где в 1987 году был установлен гранитный памятник советскому офицеру. Яков Новиченко изображен в прыжке за гранатой. Героя поддерживают листы огромной книги. Годом ранее был снят двухсерийный художественный фильм совместного производства СССР и КНДР. У нас он вышел под названием «Секунда на подвиг» и прошёл почти не замеченным. В Северной Корее картина под названием «Незабываемый соратник» до сих пор пользуется огромной популярностью.

Так наш земляк Яков Новиченко останется навсегда «незабвенным товарищем», легендарным героем для жителей КНДР.

Алёна Белобородова

Болотнинский район

Клоун

Кто в стремительной и бесшабашной юности своей не задавался вопросом: а что это за чудо такое – любовь? Ровесницы-девчонки строчили в дневниках: «Любовь – это роза, красивая, но колючая». Лично я искал ответ у поэтов и находил совсем не то, что искал: «Я вас любил, любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем…» Но шокировала меня в этом произведении концовка, мол, «дай вам Бог любимой быть другим». Сознание зависало, мой быстрый на расправу процессор скрипел и отказывался давать вразумительный ответ на вопрос: «Зачем своей любимой желать любви другого пацана?!» Были и иные авторы, более конкретные и по-хозяйски деловитые, которые писали: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне…», но далее опять пугали, мол, «всё будет – слякоть и пороша…» и несли прочую муть, наподобие девчачьей болтовни о розах и шипах. И что? И где ответ? По прочтении этих и иных не менее туманных сентенций вопрос оставался открытым, ответ блуждал в потёмках неразберихи вечно запутанных отношений между мужчиной и женщиной.

В студенчестве я раз пять был влюблён, то есть отточил свой характер до ловеласного. А в руки стали попадаться книги, в которых анатомия любви представлялась или в заоблачных просторах романтических грёз и фантазий, либо в грешных коридорах пошлости и цинизма. Ответа, который мог бы утолить мой пылко пытливый и въедливо дотошный ум, категорически не было.

Легче дело обстояло с понятием любви к маме, папе, бабушке и другим ещё живым родственникам. С Родиной и патриотическими чувствами тоже всё обстояло более-менее определенно

и достаточно аккуратно было уложено в моей, тогда ещё вихрастой голове. Но вот я ознакомился с Новым Заветом, в котором чёрным по белому было написано: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Понять эту заповедь мой здравомыслящий мозг отказался сразу. По улице ходили, спешили, бродили люди, высокие и низкие, худые и толстые, но причём здесь я!? – рационально думал я. И с чего их всех вдруг необходимо любить?! Я этого понять не мог.

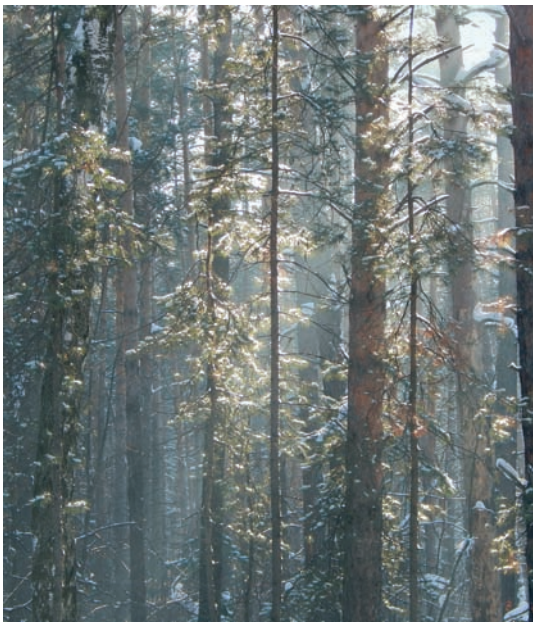
Потом я прожил много лет, и, как все люди на этой грешной Земле, страдал и радовался, терял и находил, предавал и был предан, лгал и был оболган, влюблялся и даже счастливо женился, но и после всех этих передряг я так и не смог разъяснить, даже самому себе, что же это такое – любовь.

Но вот недавно я вдруг и совершенно беспричинно, после звонка мамы, вспомнил случай, который никогда не обсуждался и потому, наверное, и не вспоминался. И тот мамин звонок не был связан ни с моими мыслями о любви, ни с тем далёким случаем из детства. Но вот отчего-то слова, интонации, настроение и непогода за окном выстроились в ассоциативный путь, который увел меня в чащу давно позабытых дней.

Мне исполнилось тринадцать, когда младшую сестру положили в больницу на операцию. Я, кажется, всегда знал, что она больна, но вот так ясно и вдруг предельно отчётливо подступившую опасность понял только теперь. Я понял, нет, я её почувствовал всем телом, всею душою, всей интуицией. Я осознал, что есть смерть, реальная и жестокая, что она – смерть – то самое явление, которое не подвластно никому на земле. И я понял, что смерть сильнее жизни.

Учился я с тем рачительным расчётом, чтобы не доводить отношения с мамой до грубых разборок, чтобы моё прилежание и поведение не нарушали спокойствие завуча школы, готового в любой момент назначить свидание в кабинете директора. Кроме обязательной программы, которой потчевала наша средняя общеобразовательная школа за номером двадцать два, была любимая, но произвольная программа – я четыре раза в неделю посещал акробатическую секцию на стадионе «Спартак». В шестом классе я лихо прыгал и был изрядно ловок, и однажды в школе на спор спустился по лестничному пролёту на руках со второго этажа под восторженные аплодисменты сотни школьников, которые чуть позже сделались честными свидетелями этого события в кабинете у завуча по воспитательной работе. Я был унижен и прославлен одновременно.

К Нельке в больницу в Академгородок я ездил в свободные от тренировок дни. В кардиологическое детское отделение передачки не принимались, свидания были запрещены, видимо, как я теперь понимаю, с профилактической целью – не допустить в отделение заразу, типа гриппа, или какую другую гадость. Я выходил на остановке «Строитель» и через десять минут путешествия по вековому бору оказывался возле клиники, обегал двухэтажное здание с тыльной стороны, на которую выходили окна больничных палат с приклеенными к стеклу листочками, на которых взволнованным почерком были нарисованы номера. Я лепил снежок, запускал его в цифру пятнадцать, и в окне возникала чья-нибудь голова, а потом появлялась медлительная Нелька. Она, как и все жители этого отделения, синела остриженной



наголо круглой головой и смотрела на меня, сидя на подоконнике. Я топтался под соснами, взмахивал руками, пытаясь что-то рассказать, – кричать было бесполезно, нас наглухо разъединяли двойные рамы окон. Потом мне изрядно надоело топтаться без толку на заячьей тропе, проторённой редкими прохожими, и я начал вытаптывать на снегу гигантские буквы её имени. Я вяз в сугробах, падал, а Нелька сидела на подоконнике и смеялась. И я вдруг понял, что надо делать. Нужно веселить сестрёнку! И тут же принялся изображать неловкого художника, который рисовал её имя на снегу. Я неуклюже падал в снег, выскакивал на тропинку, рассматривая своё произведение, а в самом конце забрался на толстую разлапистую сосну и прыгнул в снег, выдавив своим щуплым телом восклицательный знак в конце уже завершённого произведения. Когда я поднял голову, то увидел, что около Нельки сидят ещё девчонки, такие же стриженые и весёлые. Они беззвучно хлопали в ладоши, и была среди них одна, почти моя ровесница, её круглую голову также украшали маленькие ушки и большие глаза. Но вот эти глаза и ушки мне показались самыми красивыми в мире. Я никогда и предположить не мог, что стриженная наголо девочка может быть такой обворожительной. Не надо даже сомневаться! Я влюбился в неё мгновенно, когда ещё валялся в позе восклицательного знака.

Уже в следующий свой приезд, когда рядом с Нелькой в окне появились все девчонки, я смело подошёл к вытоптанному на снегу имени сестры, сначала показал на него пальцем, а потом на красивую девочку и спросил: «Как тебя зовут?» Она поняла сразу, подышала на оконное стекло, которое тут же густо запотело, и написала своё имя. Я прочитал: Яна и принялся вытаптывать его на снегу. Но дети застучали в окно, и девочка начала писать буквы отдельно, одну за другой, и получилось: Аня. Я понял, что мне надо было читать не слева направо, как мы привыкли читать, а наоборот, справа налево, как в зеркальном отражении. Имя Аня мне очень понравилось, оно звучало в моём сердце хором небесных птиц, пока я вытаптывал на снегу её имя с особой тщательностью и клоунской сноровкой, кривляясь и падая.

Прошло несколько дней, и я вдруг заметил, что стоит мне ступить на тропинку, в окнах второго этажа, как по команде, появляются стриженые головы детей. Только в одном окне всегда было пусто, а когда там включался свет, мне было видно, что на потолке светилась огромная космическая тарелка.

Медсёстры и врачи не ругали меня и не гнали, хотя я приезжал после школьных уроков, и мой приезд почти всегда приходился на «тихий час» в больнице. Это был важный знак признания моего скоморошества полезным и нужным делом. Я совсем осмелел, хотя и сам догадывался, что детям и до операции и после было скучно и, наверное, страшно. Я освоил сосны, с которых умело и смело падал в глубокий снег, вновь забирался на них по-кошачьи ловко, разыгрывая очередной сюжет, который придумывал, пока ехал в Академгородок.

А потом вдруг в окне не появилась Анна. Я подошёл к её имени на снегу, показал на него пальцем и спросил Нельку: «Где?» Неля отстранилась от окна и провела рукой поперёк груди,

и я понял, что Анне сделали операцию. Собственно я знал, что это когда-нибудь случится, в клинике всем делали сложные и опасные операции, но я почему-то решил, что мой влюбленный рай продлится вечно. В тот день я отрабатывал новую репризу, но мне было грустно. Нет, я не ленился, я честно работал, мотаясь по разлапистым ветвям сосен, но разыграл роль не влюблённой обезьяны, как смело задумал ранее, а обезьяны, потерявшей свою возлюбленную. И когда я сел на высокий сосновый сук, чтобы передохнуть, и увидел вытоптанные имена на снегу, мне почему-то подумалось, что вот придёт весна, и эти самые любимые имена растают и утекут. Я разместился на ветке сосны, как мне казалось, по-обезьяньи, почёсывая бока и вытянув губы трубочкой, завыл. Дети смеялись, а я почему-то завыл по-настоящему, по-человечьи, по-обезьяньи не получилось.

Прошла неделя, а Аня всё не появлялась в окне, а я ждал. Я ждал встречи с нею, и даже стыдился, что сестра, наверное, уже догадывается о моей влюблённости. Но Аня всё не появлялась, и тогда я опять подошёл к её имени на снегу и спросил Нельку: «Где»? А Нелька неожиданно отстранилась от окна и скрестила руки на груди, потом, как приставучую муху, нечто смахнула с лица и смущённо улыбнулась. А я понял, что Анны больше нет, что она умерла.

Я забрался на дерево, сел на сук и смотрел то в небо, то в окна, где синели стриженые головы детей, больше похожие на диковинные растения, тянущиеся к уличному свету, смотрел на вытоптанные в снегу имена, на витиеватую каллиграфию имени Аня, и назойливо и тоскливо думал, что вот имя человека есть, а человека уже нет! И в этом не было справедливости и смысла, и не было элементарной и понятной честности, которую от нас требовали взрослые. Я понимал ложь происходящего, потому что жизнь, так получалось, есть то самое место, где требуют одно, а на самом деле происходит другое. И тогда, в тот самый момент, когда я, как всклокоченный и мокрый от растаявшего снега серый воробей, сидел на суку, совсем неожиданно

выдохнулось из какого-то дремучего прошлого, со слезою и болью, и почему-то с жалостью к самому себе: «Господи! Как трудно жить!» И я уже точно знал, что веселить я не смогу, пусть дети не обижаются, пусть я плохой артист, но я не мог, потому что умерла Аня, самая красивая девочка в моей жизни, и изображать даже обезьянью тоску я не мог и не стал.

Я спрыгнул с сосны, помахал Нельке рукой, весь этаж махал мне, провожая грустно и удивлённо, но почему-то сдержанно и с каким-то пониманием. Я тогда ещё не знал, что дети, пережившие горе и боль, становятся мудрыми и понятливыми, как старики.

А я пошёл по заячьей тропе в бор, чтобы потом – на остановку, в автобус и домой, чтобы жить дальше, но без Ани, которая меня больше не ждала. И уже далеко в бору я сел в снег и дал волю слезам, и опять вырвалось, как стон, как проклятье: «Господи! Го-осподи-и! Почему же так трудно жить!»

Я очнулся, к моему плечу прикоснулись. Я поднял голову и увидел красивую стройную женщину.

– Зачем плачешь? – спросила она.

А мне показалось, что это сама смерть устыдилась своих дел, преобразилась и пожалела меня. Я вскочил и побежал прочь.

«Зачем плачешь?» – слышалось мне. Она спросила зачем, будто можно зачем-то плакать. Она не спросила, почему, а сказала – зачем, будто плакать – это никчёмное, пустое и неважное дело…

А потом в окне не появилась Нелька. Я знал, что в этот день ей будут делать операцию. Мы приехали вместе с мамой. Мама осталась в больнице, а я побежал к больничному окну, надеясь, что Нельку ещё не увезли в операционную и я увижу её, махну ей рукой, сморщу нос и скорчу смешную рожицу. Но Нельки не было в окне, зато были дети, дети всего второго этажа, которые смотрели на меня, улыбались и ждали представления…

Я хотел уйти, но в Нелькиной палате я увидел маленькую девочку, послеоперационку, её посадила на подоконник и придерживала, наверное, нянечка или, может быть, её мама. Опухшие глаза девочки смотрели на меня с какой-то глубочайшей мудростью и ожиданием, и я понял, что мне просто уйти и обмануть эти глаза, этого маленького человека нельзя, не имею права, это хуже предательства. Сегодня я – её радость, её любимый клоун, которого она ждала и, верно, съела те ненавистные семь ложек каши, которые её заставляла есть нянечка, и… мне почему-то так придумалось, что пару ложек самых последних и самых противных она съела за меня – за дядю клоуна.

Я отработал свою программу, летал, как птица по веткам сосен, потешно падал и опять взлетал с каким-то остервенением, особой лихостью и злобой, рисковал, совершая неимоверные трюки. Мне аплодировали все: и врачи, и медсёстры, и, конечно, дети. А девочка улыбалась, положив ладошку на стекло. А я пошёл к маме в приёмный покой, где мама ждала окончания операции. Я уходил от детей, уже точно зная, что через день приеду обязательно, я точно знал, что для них было важно, чтобы я приехал. И я приехал.

Уже вечером к нам с мамой вышел хирург. Он сел на стул в пустом, холодном и гулком холле первого этажа, руки безвольно лежали на коленях. Было видно, что он сильно устал. На мамины вопросы он отвечал односложно. Он говорил, что операция прошла удачно, что всё, что задумывалось, сделали. Что есть надежда на хороший результат. А я смотрел на его руки и думал, что вот эти руки только что держали сердце моей сестры, и я зачем-то пытался увидеть на них хоть капельку крови, но они были чистыми, и манжеты белого халата тоже были ослепительно чистыми. Потом мама задала неожиданный вопрос, наверно, оттого я запомнил его, она спросила:

– Скажите, как долго проживёт моя дочь?

Хирург ответил сразу, будто и сам думал об этом, он сказал:

– До сорока лет… – замер на секунду и решительно кивнул, – до сорока доживёт.

Мама положила на его руку свою, как-то чуть сбоку, не для рукопожатия, а для чего-то иного, необычайно доверительного и благодарного, и слегка сжала её:

– Спасибо, – сказала она. – Большое спасибо.

Моя сестра жива и теперь, ей уже пятьдесят два года. Вы понимаете, о чём я? Я о том мальчишке, не о себе, а о том мальчишке, который прыгал

по веткам, веселил детишек, чья жизнь висела на волоске и многие из которых не вернулись из операционной, потому что спасти их было практически невозможно, потому что в тот момент смерть была сильнее жизни. Я о том клоуне, который и сам-то был ребёнком, но каким-то чутьём понимал важность детских улыбок и дарил радость от всего своего пылкого и чуткого сердца. Он не знал и даже не думал о том, что он любит людей, он просто старался для них, как мог, как умел, как понимал и чувствовал в тот миг. И уставший хирург всякий раз, оперируя маленькое существо, которое ещё толком-то и не понимало, что такое жизнь, отдавал толику своей жизни. И не ради зарплаты он это делал, а потому что любил людей. Знал ли он об этом, думал ли – не знаю, навряд ли; любовь – это чувство не от ума, а от сердца, из самой глубины человеческой души – это жертва бескорыстная и счастливая, ради другого человека! И именно потому, что это жертва за-ради кого-то, она и названа таким красивым словом – любовь!

Значительно позже хирург стал знаменитым, и клиника благодарными людьми была названа его именем. А я вообще забыл про этот случай из моего далёкого детства. Но ведь я должен же был когда-нибудь понять, а что же это за чудо такое – любовь. И я понял и самое важное: да, смерть сильнее жизни, но любовь сильнее смерти! Понимаете это?! Понимаете? Любовь сильнее! Ведь когда я звоню сестре, то слышу в ответ: «Колечка, это ты? Здравствуй, родной».

Николай Александров

Новосибирск

Сердечных дел мастер

В Новосибирске эту фамилию знает, пожалуй, каждый. Может быть, не каждый житель города ответит, каков вклад Мешалкина в развитие кардиологии, но о клинике Мешалкина слышали все. И хотя институт на самом деле называется научно-исследовательским институтом патологии кро-

вообращения, это название слишком «научно» для обывателя. А легенды о кудеснике-докторе, приехавшем в Сибирь в 1957 году, просты и понятны.

И всё-таки вклад «сердечных дел мастера» в становление своей отрасли не просто велик. Не случайно Евгений Николаевич – Почётный гражданин Новосибирска, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени. Высочайшие награды советского времени давались не за красивые глаза. За ним «числятся»: работы по развитию и внедрению интубационного наркоза (представить без этого метода обезболивания хирургию практически невозможно); методика зондирования полостей сердца и введение в них контрастных веществ при рентгене; создание биологических моделей врождённых пороков сердца; первые детские операции; операции по замене специальным протезом суженного участка аорты; аутотрансплантация лёгкого (у больных бронхиальной астмой); развитие метода гипотермии (умеренного охлаждения тела при операциях) и многое другое, – перечислять всё наработанное Мешалкиным можно довольно долго, ведь им написано более 800 научных трудов и

Евгений Николаевич Мешалкин

запатентовано 47 изобретений. Именно он впервые в российской практике вскрыл грудную клетку больного с обеих сторон с рассечением грудины, что позволило ему получить широкий доступ ко всем отделам сердца. Сейчас это привычная технология, а в 1955 году, чтобы нарушить «табу» (грудная клетка вскрывалась только в чрезвычайных обстоятельствах, а не для планового лечения), Мешалкину пришлось проявить недюжинную смелость, талант первооткрывателя, научную дерзость…

* * *

Супруга Евгения Николаевича, Елена Евгеньевна Литасова, звала его на «Вы». Не только на работе, где приходилось соблюдать определенные служебные правила, но и дома. Они прожили вместе около двух десятков лет, но обращаться к мужу на «ты» она так и не стала: «Евгений Николаевич был как будто погружён в свой особый мир. Он не казался замкнутым, никогда не производил впечатления «рассеянного чудака-учёного», умел очень интересно рассказывать, невероятно много знал, но совершенно определённая внутренняя работа в нём шла постоянно. Даже когда он просто смотрел телевизор, в любой момент мог задать вопрос, касающийся научных проблем. Становилось ясно, что «сердце» не отпускало его ни на минуту. И не хотелось лишний раз отвлекать его от напряжённого процесса познания».

Елена Евгеньевна Литасова

* * *

Окончив семь классов, Женя решил сам зарабатывать себе на жизнь. И пошёл… в геологоразведку. Работая в «полях», он мечтал стать инженером. Его отец был специалистом на железной дороге, и подросток с детства был хорошо знаком с техникой. Однако дорога в вуз в то время лежала через ФЗУ (фабрично-заводское училище). На бирже труда крепкого, рослого юношу отправили в ФЗУ при московском заводе «Серп и молот». Он получил специальность механика-наладчика прокатных станов, которая пришлась ему весьма по душе. Чистая случайность помешала молодому специалисту расти в полученной профессии (завод «Азовсталь», на который он был направлен, ещё не достроили), и пришлось ему пробовать себя в разных ипостасях. Помотался по новостройкам, потрудился технологом, конструктором, даже выполнял обязанности инженера. Затем вернулся в Москву, закончил рабфак и готовился к поступлению в технический вуз. Но однажды…

Как часто в биографиях известных людей звучит это волшебное слово! Сыграло оно свою магическую роль и в жизни Евгения Николаевича Мешалкина.

Итак, однажды он зашёл на занятия к своему брату, студенту Второго мединститута, и совершенно случайно остался на лекцию известного советского гистолога, члена-корреспондента Академии наук Бориса Иннокентьевича Лаврентьева.

«Это был удивительный рассказ, – вспоминал впоследствии Мешалкин, – захватывающий, поднимающий душу, несущий её туда, где сплошные загадки и чудеса. Наступило прозрение: я понял, что медицина – это мир удивительных знаний, о которых мы, школьники того времени, не имели никакого представления. Короче говоря, я забыл, куда и зачем шёл, и сразу после лекции оказался в приёмной комиссии мединститута. По-видимому, моё призвание тогда и открылось, потому что потом никаких колебаний

никогда не было. Я обрёл профессию, которая полностью меня поглотила. В ней вся моя жизнь».

Из всех возможных на Земле механизмов человеческий организм оказался самым сложным и привлекательным в своей непознанности. Он обещал исследователю непрерывные головоломки, хитрые задачки, пути первооткрывателя.

В 1941 году грянула война, и за год до окончания института студенты срочно получают дипломы – выпускников Второго медицинского ждут на фронтах. Мешалкин, поначалу младший врач полка, узнал войну не понаслышке – в битвах за Москву, Сталинград, в боях на территориях Польши, Германии, Чехословакии (уже начальником общехирургической группы усиления). С точки зрения овладения профессией трудно представить себе более жёсткую и полезную школу: на Курской дуге два хирурга в медсанбате вынуждены были обрабатывать до тысячи раненых в неделю. Об отдыхе не было речи – как-то под Нежиным пришлось работать восемь суток почти без сна. Молодой сильный парень засыпал даже стоя. Но он научился делать всё быстро, качественно, мгновенно принимая решения. Именно в годы войны он «прошил» два своих первых шва на сердце солдата – и это помогло спасти человеку жизнь. Несмотря на тяжелейшие военные действия, фронтовые врачи провели две научно-практические конференции, чтобы обменяться накопленным военно-полевым опытом. В разбитом доме, под свист пуль и снарядов, Мешалкин продемонстрировал собравшимся сделанную им систему капельного переливания крови. Из чего её можно было сделать на войне? Из подручных, как говорится, средств, но она реально уменьшала солдатам кровотечения. Во второй раз он подготовил доклад по сосудистой хирургии.

Неудивительно, что молодого врача (а к концу войны он уже имел ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медаль «За отвагу») приметили. «Твоё место в большой столичной клинике», – напутствовал его один из старших коллег. Такой клиникой в 1946 году стала для Евгения Николаевича «Бакулевка», первый в стране институт сердечно-сосудистой хирургии. Умение, старание и трудолюбие нового сотрудника оценил и сам Александр Николаевич Бакулев, светило советской медицины. Традиционные отношения «ученик-учитель» довольно быстро переросли формальные рамки. «Ученик» брался решать такие задачи, перед которыми пасовали признанные авторитеты. Тёплое и уважительное отношение к Бакулеву Мешалкин сохранил на всю жизнь, хотя позднее уехал в Сибирь, чтобы получить полную самостоятельность. «Александру Николаевичу я обязан своей любовью к хирургии, навыками научной работы, самым серьёзным отношением к больному», – говорил он. Бакулеву же посвятил Мешалкин свою книгу «Хирург оперирует сердце». Барельеф Александра Николаевича висел и в его кабинете.

Е.Н. Мешалкин и его учитель и коллега А.Н. Бакулев

Когда Мешалкин пришёл в науку, он имел неоценимый, многообразный опыт полевой хирургии. Десять лет в клинике Бакулева помогли ему стать ярким учёным, смелым экспериментатором. По ночам в виварии горел свет – фронтовой хирург, привыкший работать сутками, отрабатывал методику интубационного наркоза. И не только её…

Когда в 1948 году Бакулев приступил к операциям на сердце с врождённым пороком, выяснилось, что нужны новые методы диагностики. Мешалкин разработал методику прямого проникновения в полость сердца (зондирование). За операции при врождённых пороках он и был выдвинут на соискание Ленинской премии. Фамилия «ученика» стала мелькать наравне

с другими известными фамилиями. Вскоре последовал гран-при в Брюсселе за лечение больных детей. Евгений Николаевич Мешалкин вырос в самостоятельную крупную фигуру в кардиохирургии – стало ясно, что ему необходима своя клиника, свой институт, своя научная школа.

Поэтому, когда в 1957 году он получил предложение участвовать в создании института для Сибирского отделения Академии медицинских наук, то сразу согласился. В Новосибирск он приехал с четырьмя соратниками – уникальные операции на сердце и лёгких стали доступны и жителям Зауралья.

Некоторое время высококлассные хирурги базировались в обычной городской больнице, затем перебрались в нынешний институт математики, а еще позднее НИИ патологии кровообращения обрёл своё здание по дороге в Академгородок на станции «Сеятель». Автобусная же остановка так теперь и называется – «Клиника Мешалкина».

В своем институте Евгений Николаевич получил возможность развивать те направления, которые считал нужным. Во-первых, изучать закономерности гемодинамики и газообмена человека. Это фундаментальные исследования, на которые опирается вся теория сердечно-сосудистых заболеваний. Во-вторых, разрабатывать рациональные принципы хирургического вмешательства, в частности, знаменитую гипотермию – охлаждение человека, позволяющее «остановить» сердце на час и больше.

* * *

Талантливый человек талантлив во всём. Стань Мешалкин инженером, как и хотел, он наверняка был бы отличным специалистом. Когда в начале 30-х годов мальчишка работал на сыромятном заводе, то получил благодарность от рабочих. Им приходилось вручную вытаскивать из чанов крюками тяжёлые мокрые кожи – Евгений механизировал эту операцию. Потом он ухитрился поработать с киногруппой, снимавшей первый цветной фильм «Соловей-соловушка». У киношников возникла необходимость в особом устройстве, и помог им юный подсобный рабочий. Его похлопали по плечу: «Далеко пойдёшь! Голова!».

Он и в медицине сумел применить технические навыки, полученные им в ФЗУ и «университетах жизни». Ещё в «Бакулевке», работая над прямым зондированием сердца, он без труда осваивал любую электронную аппаратуру. Занимался и прямым изобретательством – доказательство тому многочисленные авторские свидетельства. Вечерами дома Евгений Николаевич частенько рисовал на бумаге какие-нибудь «прилады», необходимые ему по работе. Благо, была возможность договориться с союзным министром о выпуске нужного инструмента на одном из питерских заводов. Бывая за рубежом (а он побывал на всех континентах, кроме Антарктиды и Австралии), он обязательно привозил то нитки, то особый скальпель, чтобы при возможности «повторить» необходимую вещь в родном институте. Ломая голову над технологией специального шва, как-то обратился к жене: «Ты же шьёшь, подумай, как сделать лучше». Взяв лоскутки, иголку и нитки, Елена Евгеньевна (которая, действительно, прекрасно шила) принялась искать наиболее удобное соединение нитей.

* * *

Во врачебной специальности, считал Мешалкин, нет и не может быть границ «моё – не моё», не может быть

регламентированного рабочего дня, после окончания которого судьбы больных уже не волнуют хирурга.

Его называли человеком сложной судьбы и непростого характера. При такой требовательности, действительно, трудно казаться «лёгким» и «приятным во всех отношениях». Долгие годы, более пятидесяти, он нёс на себе бремя лидера – научного, административного. Нёс неформально, генерируя идеи, самостоятельно их отрабатывая, внедряя, воспитывая учеников.

И кто как не он имел большее право на твёрдую, выстраданную позицию, на особую философию? Кто лучше него знал, как легко душа может проститься с телом? Как часто граница жизни и смерти пролегала вдоль пальца хирурга, зажимавшего кровеносный сосуд, как часто она определялась двумя-тремя правильными стежками. Сколько раз он сталкивался с этой зыбкой границей!

«Врачебная совесть никогда не дает хирургу покоя, – писал всеми признанный корифей, – все мельчайшие детали операции, качество их выполнения, степень мастерства, до которого он сумел подняться при выполнении именно данной операции, малейшие погрешности, несовершенство знаний – всё, всё это властно врезается в память и в случае несчастья навсегда остается в ней укором слабости человеческих сил, не сумевших преодолеть болезнь и сохранить драгоценную человеческую жизнь».

Не зря живут в народе легенды о докторе Мешалкине!

Справка. Е. Н. Мешалкин родился в Екатеринославе в 1916 году. Умер в Новосибирске в 1997 году. Похоронен на Южном кладбище.

Татьяна Афанасьева

Северный район

Целеустремлённый человек

Достоинство и благородство каждого не столько в преимуществах, полученных от предков, сколько в повседневном труде по воспитанию своего характера и душевной доброты.

Егор Афанасьевич Багров родился 6 января 1938 года в д. Метели Северного района Новосибирской области. Он шестой ребёнок в семье Афанасия Ивановича и Марии Кузьмовны Багровых.

Его отец родом из Самарской губернии. В 1920 году вступив в ВКП(б) и переехав в Северный район, работал председателем сельских Советов в Ново-Елизарово, Фёдоровке, Потюканово, Николаевке. С января 1941 года трудился в с. Северном, а в 1942 году ушёл на фронт. В то же время воевали и его старшие сыновья: Фёдор и Виктор. Они вернулись, а Афанасий Иванович 20 марта 1943 года погиб в Смоленской области и похоронен в братской могиле на берегу озера Рытое. После его гибели был призван в армию третий сын — Владимир.

Военное и послевоенное детство у тысяч детей погибших на войне отцов счастливым не назовёшь, а в многодетных семьях — тем более. Главными воспитателями у младших чаще всего были старшие братья и сёстры, а также люди, не сломленные собственным горем и помогающие тем, кому было особенно трудно. Именно эти тяжёлые годы формировали детский характер. Кто-то ломался, но большинство шло во взрослую жизнь, понимая, что во что бы то ни стало надо получить профессию и начать помогать своим близким.

Именно так получилось в семье Багровых, оставшейся без кормильца. Старшие дети, Фёдор и Владимир, после войны работали в районе на руководящих должностях, как до этого и их отец (один был председателем сельсо-

Егор Афанасьевич Багров

вета, другой — председателем колхоза); Виктор стал кадровым военным; Виталий получил профессию шофёра; Нина большую часть трудовой жизни проработала в швейном цехе Северного быткомбината, а затем была его заведующей.

Егор, самый младший в семье, окончив 10-й класс, пошёл служить на Тихоокеанский флот. Имея серьёзный характер, завоевал уважение командиров и сослуживцев. Ему присваивается звание старшего сержанта, и он назначается командиром взвода.

После четырёх лет службы Егор поступает на заочное отделение Новосибирского государственного педагогического института (исторический факультет) и одновременно работает учителем в Больше-Куликовской восьмилетней школе. Очень хорошо зарекомендовал себя молодой педагог во всех школьных делах: спортивных соревнованиях, художественной самодеятельности, походах с детьми по родному краю.

После окончания института его приглашают на работу в Северный райком партии и направляют на учёбу в Новосибирскую высшую партийную школу, по окончании которой он трудится секретарём, 2-м секретарём райкома и председателем райисполкома. Затем назначается директором Северной средней школы, а спустя семь лет работает здесь же учителем истории.

В итоге: 20 лет на партийной и советской работе и четверть века — в школе, где его уважали ученики и учителя.

Прожито немало. Егору Афанасьевичу больше 80 лет. Он всегда был целеустремлённым, серьёзным, никогда не бросающим слов на ветер человеком, патриотом своего района, глубоко уважающим людей.

Он хороший семьянин, отец двух сыновей, дедушка внучки и внука Егора, окончившего Московский государственный институт международных отношений. 13 января 2018 года исполнилось 55 лет совместной жизни Егора Афанасьевича и его жены Галины Дмитриевны.

Егор Афанасьевич награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100- летия со дня рождения В. И. Ленина» и юбилейной медалью «80 лет Новосибирской области»; Почётной грамотой Губернатора Новосибирской области «За большой личный вклад в обучение и воспитание подрастающего поколения и многолетний добросовестный труд», а также грамотами и благодарностями районного уровня. Ветеран труда РФ.

Людмила Филипчук

Болотнинский район

Пимики

Дед Моисей давно поселился на кладбище в старенькой, но уютной избе. Он в точности не помнил, сколько времени прошло от того срока, но хорошо помнил тот день, в который решил, что здесь ему будет спокойней и интересней. Перетащил в сторожку нехитрый скарб и обосновался в ней, что называется, до конца, до самого последнего срока. И сострогал себе домовину, крепкую, покладистую и узкую, с расчётом на то, чтобы люди не мучились по зиме с могилою.

С того самого дня простой и неприхотливый труд кладбищенского сторожа приобрёл для деда Моисея смысл, значение и даже значимость. Он почувствовал себя не просто сторожем, но даже стражем на грани между да и нет, на грани между жизнью и смертью.

Ежедневно к часу дня открывал дед Моисей высокие и неподатливые ворота, сжигал накопившийся мусор, прибирал могилки, правда, за отдельную плату, словом – хозяйствовал рачительно и покорно. Люди скоро привыкли к нему, к его высокой и слегка сутулой осанке, к запущенной бороде и сухому кашлю, который, точно птичий зов, всегда раздавался из самых неожиданных уголков кладбища. А с какой-то поры они перестали отличать его от общего кладбищенского потустороннего уклада. И деду Моисею льстило подобное настроение. В нём слышался

привкус вечности, такой же нетленности, какую он замечал в кованых металлических крестах.

На праздники, особенно на Пасху, на кладбище было людно. Дед ходил от компании до компании, договаривался на предмет кому и что необходимо поправить на могилках, угощался, слушал воспоминания о покойных и сам любил добавить что-нибудь задумчивое: вот, дескать, как получается, после человека добро остаётся, а зла, стало быть, уже не видно. Значит, получается, что зло в суете только водится, а на кладбище для него уже места нет, вот.

В прошлом году на Пасху, ближе к вечеру, когда почти все разошлись по домам, дед Моисей повстречал мальчонку, собиравшего на могилках конфеты и яйца.

– Что ж ты, шпанёнок, творишь-то, людей не стыдишься, – дед сжал его ухо крепкими и натёртыми пальцами. – А ну, складывай всё, где взял.

– Нафига покойнику конфеты? Добро только переводить, – мальчишка с сожалением ссыпал добычу на могилу.

– А тебе зачем, нехристь, – рассердился дед, – своих, что ли, мало?

– А если их вовсе нет, тогда что? – мальчишка сплюнул сквозь зубы и с раздражением посмотрел на деда, точно приготовился к драке.

– Коли так, моих возьми, – Моисей протянул ему пару конфет и яичко.

– Опаньки, – пацан рассмеялся, – сам натаскал полные карманы, а мне, значит, нельзя.

– Дура! – затрясся от негодования дед. – Мне люди дали, угостили, значит.

– А мне, значит, покойнички не пожалели, – мальчишка уверенно поглядел на деда и потянулся к могилке.

– Не балуй, кому сказал! – Моисей наконец опомнился и потащил мальчонку к себе в сторожку. – Ты чей, парень?

– Лаптев я, – сказал Лёшка, готовый к ответу и вызову.

– Ну, Лаптев, так Лаптев, – согласился дед. – Фамилия известная. А что так напрягся?

– Ничего. А ты чего так удивился?

– Вовсе нет, – пожал плечами дед. – Родителей не выбирают, родителей любят. – И провёл в сторожку.

Лёшка Лаптев уже второй год пытался одолеть программу четвёртого класса, без усердия и стыда перед одногодками. Ему даже нравилось его особое положение и то, что его побаиваются и завидуют тому, что он сумел преодолеть детский страх, какой многих держит за учебниками, а не подле вольных удовольствий.

Лёшкины родители пили без меры и даже с каким-то отточенным и упорядоченным смыслом, за которым стояла непроходящая обида на жизнь, на людей, друг на друга. Мать только осенью узнала, что Лёшку оставили на второй год. Крайне удивилась, покричала для острастки и ушла в магазин за успокоительным. Лаптеву старшему было проще – он вообще не помнил, в каком классе учится его сын.

Работал Лаптев на элеваторе, числился в сторожах и носил постоянную, запылённую шинель с зелёными петлицами и фуражку с надтреснутым козырьком и незагорелым пятнышком на околыше, оставшимся как воспоминание об утерянной кокарде. В своё время он женился на Вере, бойкой девчонке из школы счетоводов, обожавшей всякого рода общественную деятельность и саму возможность иметь среди людей авторитет и одновременно – права морального суда над ними. Однако женился Сашка скорее для факта, даже за-ради шанса иметь более устойчивое и уверенное положение в обществе. Положение это очень быстро приелось, и он предпочёл ему компанию всегда приветливых собутыльников. Вера с комсомольским азартом принялась бороться с пороком, и даже решилась родить Лёшку. Но однажды вдруг по-

смотрела на сына внимательно, на его тонкие лопушистые уши, в точности отражавшие облик и характер отца, поняла что-то безнадёжное для себя и тоже запила.

Лёшкины родители обосновались каждый в своей компании, старались не встречаться лишний раз друг с другом. Лёшка боялся чужого мнения о своих родителях, оно казалось ему несправедливым, он сторонился даже жалости соседей, она виделась ему навязчивой и намекающей на то, с чем он не согласен и не хочет соглашаться. А в ответ на неосторожные остроты одногодков он дрался жестоко и с наслаждением.

Дед Моисей никогда не поминал Лёшкиных родителей худым словом и с уважением относился к той злости, с какой Лёшка защищал их от людских пересудов. Не сразу, но как-то скоро и незаметно Лёшке сделалось уютно с дедом. Он прибегал к нему после школы, угощался щами или жареной картошкой, после с деловым и нарочитым видом раскладывал на столе учебники и привычно таращился в окно. Дед кряхтел в углу, а то и с пониманием обустраивал свет над Лёшкиным столом.

Однажды после обстоятельного ужина, когда вьюга особенно настойчиво подвывала в тёплую печную трубу, Лёшка решился и вовсе никуда не уходить от деда и собрал себе ночлег.

И, углядев Лёшкины заботы, дед сдвинул очки на нос:

– Не растомляйся, домой ещё идти, родители, поди, ждут.

Лёшка поспешно собрался и с каким-то наслаждением и пониманием собственной значимости выскочил на улицу. Он пробирался в дом по заснеженной кашице, и ему было тепло и щекотно от благодарности. Тогда же, по дороге, он нечаянно подумал, что Моисей для него есть не кто другой, как какой-нибудь незаконнорождённый дед и даже решил, что так оно и есть, во всяком случае – так должно быть.

Сегодня дед Моисей ожидал Лёшку с особым нетерпением. Даже чай не мог попить со вкусом и, что называется, с душой – обжигался, как мальчишка, брызгал наливкой на клеёнку, протирал запотевшее оконное стёклышко и поглядывал то на тропинку, то на кровать, где под тряпочкой были спрятаны новые пимики для Лёшки. Прежние давно утратили своё непосредственное назначение и скорее напоминали условную формальность, нежели обувку: собирали снег всеми дырочками, раскисали, а утром черствели и натирали ноги до крови. Приметив такое безобразие, дед втихую собрался с духом и «денюшкой» и сходил в магазин. Долго ходил возле нужных полок, возил очки по носу, словно стараясь заглянуть в самую душу товару, наконец выбрал достойную пару и по возвращении принялся доводить её до ума. Размял под колодочку, с тем, чтобы и в простом носке было способно бегать, по-особому, по-фартовому завернул голенища и даже положил на них цветной ниткой узор – скупой, немного неровный, но нежный и мужественный одновременно. Подшил пятку, подошву и закрепил носок. Полюбовался совершённой работой, запеленал пимики в тряпочку и осторожно положил их на кровать, точно притихшее дитя. Наконец, прибежал Лёшка, с шумом, растирая уши, разделся, согрел ладони подле самовара и с жадностью набросился на чай. Дед с какой-то нарочитой и спокойной тщательностью разглядывал снег за окошком и улыбался.

– Да, видать, холодно совсем стало, – вдруг рассудил он.

– Терпимо, – отмахнулся Лёшка и захрустел карамелькой.

– Терпимо, да долго не стерпишь, – дед вновь сосредоточенно поглядел на сугробы. – Да, точно, холодно стало.

– Ну, – согласился Лёшка.

– Му, что мычишь, как телок. Холодно. А до Нового года ещё далеко.

– Ну…

– Вот тебе и му, далеко. А ходить-то не в чем.

– Кому? – не понял Лёшка.

– Яму. Телку мому, – рассмеялся дед и щёлкнул Лёху по носу. – Ты вот что. Я там, на кровати, тебе пимики приготовил. Но, чур, с прицелом. На Новый год, значит.

– Мне, что ли?! – Лёшка в два прыжка оказался возле кровати, нашёл пимики, примерил обновку и даже сплясал что-то навроде «яблочка». – Ну деда! Ну ты человек! А! Смотри, как родные. И голенища завернул и подшил!

Лёшка обнял деда Моисея и пощекотал носом у него в бороде:

– А тебе, знаешь, – прошептал Лёшка. – Я тебе на комбинате колбасы натырю, целый мешок!

– Не моги. Даже не думай, – дед погрозил заскорузлым пальцем. – Я пимики не крал, и ты сам всё делай.

– Сам. Сам, – расстроился Лёшка. – Ну чё я могу-то для тебя сделать-то?!

– Вот. Именно, – дед менторским пальцем постучал его по лбу. – Вот иди, что покажу.

Он почистил стекло и указал Лёшке на кладбищенские сугробы:

– Вот видишь тот крест, голубенький. Видишь?

– Ну, вижу, крест, и что?

– Не скажи. Во-первых, красивый, а во-вторых, – вечный. Сделаешь мне такой же.

– Ну ты, дед, даёшь, – Лёшка удивился прихотливости старческого ума и даже рассердился. – Как же я тебе такое сделаю. Он же железный.

– Вот именно, – успокоил его дед. – Вырастешь. Выучишься. Станешь кузнецом. Настоящим кузнецом, каких нынче уже не сыщешь. И деда уважишь, и сам не пропадёшь. Понял?

Лёшка мотнул головой и улыбнулся дедовым причудам.

– Эх, кабы взаправду стать кузнецом, да только трудно тебя понять-то, из могилы креста не видать будет!

– Увижу. Ну и ладно, пойдём чай пить. Потом всё поймёшь, когда посерьёзнеешь.

Дед потрепал Лёшкины вихры и занялся чаем.

Домой Лёшка вернулся поздним вечером. Осторожно веником смахнул снег с пимиков, заботливо утёр их тряпицей и устроил возле кровати, но не в ногах, а ближе к изголовью. Точно два чёрных щенка-близнеца, они прижались друг к другу и повернули в сторону хозяина свои преданные и чуть вздёрнутые носики. Лёшка погладил их с нежностью и поуютней угнездился под старым ватным одеялом. В полудрёме он вспоминал деда Моисея, пимики, и в полудрёме замечтался о летней рыбалке, стараясь разглядеть на сонной воде насторожённо подрагивающий поплавок. Но скоро его разбудил какой-то треск и яркий свет, который он со сна принял за фару подходящей к берегу моторки. В комнате возле комода стоял отец, в шинели и всклокоченной ушанке и ножом пытался взломать ящик, в котором среди белья мать привыкла заначивать деньги. Древняя и крепко сработанная мебель не поддавалась. Отец покачнулся, отступил и, в досаде пнув ногой по комоду, разглядел на кровати проснувшегося Лёшку.

– Трёха есть? – спросил он, разглядывая сына прищуренным глазом.

– Нету.

– А найти смогёшь? – в голосе отца слышалась надежда и мольба.

– Не смогу, – Лёшка забрался под одеяло.

– Должна же где-то быть трёхато, – пробормотал Лаптев, сосредоточенно оглядывая комнату, пока не заметил возле кровати пимики. Нагнулся за ними, покачиваясь, повнимательнее разглядел товар и припрятал его за пазуху.

– Папаня, ты это, – Лёшка встал на колени прямо на кровати. – Папаня, мне дед Масей купил, это моё.

– Твоё-твоё, успокойся, – отец уложил его на подушку. – Спи спокойно. Так надо. Утром принесу. Спи.

Лёшка на полминуты поверил отцу и даже попытался укрыться одеялом, но тут же вскочил, торопясь и падая, натянул штаны, рубашку, накинул пальто, шапку, сунул ноги в просторные мамкины калоши, поскользнулся на крыльце, подбежал к калитке по едва заметной, но привычной тропинке. Калоши мешались, норовя увязнуть в снегу, но Лёшка упрямо бежал за отцом. Он разглядел его на улице, когда тот оказался под неровным светом дрожащего фонаря.

– Папа! Папка, подожди! – Лёшка поперхнулся морозным воздухом и остановился.

Лаптев обернулся, навострённая и кривая тень от его фигуры словно секундная стрелка пробежала световой круг.

– Домой! Я же сказал, что утром принесу! – сказал он и исчез в темноте.

Дед Моисей лежал в кровати и занимался чтением толстого романа, когда вдруг прослышал настойчивый и в тоже время умоляющий стук, – сначала в дверь, а потом в промёрзлое окошко. Он степенно поднялся, перекрестился, залез в обрезанные валенки, накинул тулуп и вышел на крыльцо. Лёшка немедля ткнулся ему в живот и, бодаясь словно телок, затащил его в сторожку.

– Дед, дед, – задыхался он. – Отец валенки забрал. Я не хотел. Я не давал. А он забрал!

– Вот дурень шебутной. Что забрал-то, – дед даже успел улыбнуться, прежде чем заметил, что у Лёшки на ногах отнюдь не пимики, а зачерствелые и просторные калоши, заросшие снежной коростой до колена.

– Вот, твою маменьку и папеньку, и всю вашу родню на все четыре стороны. Вот дурень-то, – дед обернул Лёшку тулупом и бросил на кровать.

Он попытался растереть его ступни настойкой, потом одеколоном, но они только почернели, сделались липкими, неподатливыми и завоняли каким-то посторонним запахом, навроде формалина.

Больница долго не отвечала, наконец, трубка зашипела и спросила уставшим голосом:

– Приёмная слушает, что у вас?

– Так мальчонка, ноги отморозил, – удивился дед, не понимая, что ещё нужно сказать, чтобы этот голос перестал шипеть и задумался.

– Машины нет. В деревнях по экстренной. Везите сами или ждите до утра, – голос сделался совершенно утомлённым и безразличным.

Дед завернул притихшего и сдержанно стонущего Лёшку в одеяло, привязал к санкам и потащил к больнице.

Дальше приёмной его не впустили, он до утра то сидел на деревянном диванчике, то стоял на крыльце, пытался курить, кашлял и всё бил себя кулаком куда-то под сердце:

– Нужно было до Нового года потерпеть. Нужно было до Нового года терпеть, дурень старый.

На третий день деда пропустили в палату. Лёшка лежал бледный под отчётливо пожелтелым одеялом и встретил его извиняющейся гримаской.

– Дед, а мне ноги зачем-то отрезали, – тайным шёпотом пожаловался он.

– Ничего. Ничего, – дед в растерянности оглянулся, не понимая, куда было бы возможно пристроить гранат, чья надменная краска не вязалась с больничной бледностью и желтизной.

– Ничего. Ноги поболят и отрастут. Прогресс нынче такой – всё растёт. Главное, чтобы душа не обиделась, вот что главное.

Он вложил плод в Лёшкины ладошки и занялся порядком на тумбочке.

Несколько лет назад мне довелось побывать по делам в местечке, недалё-

ком от моего родного посёлка. Встречи не складывались, партнёры морочили мне голову, я взял паузу и решился съездить на родину. Места изменились до неузнаваемости, я проехал по посёлку и с любопытством повернул в сторону кладбища. Сторожка стояла на прежнем месте и даже хранила прежний обветшалый, но нетленный вид. Разве что на месте деда Моисея я встретил круглолицего и вполне жизнерадостного старика.

Он с удовольствием повёл меня к могилке своего предшественника. На могиле деда Моисея я увидел крест, крест кованый, ажурный, редкой работы, сразу было видно, даже мне, человеку далёкому от кузнечного дела, что сделал этот крест большой мастер.

– Хорош, – я показал на крест, с надеждой услышать какую-то необычайную историю.

А сторож только ответил:

– Хорош, что хорош – то хорош. Кто увидит, подходит и интересуется, мол, что за человек-то тут захоронен, да и чем так велик, коль под таким крестом упокоился. Видит народ любовь-то человеческую и восхищается.

Я расстелил на столике газетку, разложил закуски, выпил, угостил сторожа, покрошил немного хлебных крошек на могилку.

– А у нас крестов-то таких два, – угодливо похвастал вдруг сторож с надеждой на ещё один поминальный глоток.

– Два? – я безмерно удивился. – Почему два? Веди скорее, веди меня старик, покажи скорее второй!

На самом краю кладбища, действительно, стоял ещё один крест, крайне похожий на тот, что стоял у деда Моисея. Я решительно прошёл к нему и с удивлением прочитал на могильной плите: «Лаптев Александр Петрович. Вечная память».

– Ах ты, Лёшка! Ай да молодец! Понимаете ли вы, дорогой мой сторож! Понимаете ли, что произошло?!

Сторож недоумённо развёл руками:

– Ну так вот и живём.

Я оглядел старое кладбище.

– Прощай дед, – махнул я сторожу рукой, не желая более говорить, и зашагал прочь. Я решительно пошёл к выходу, радостно оглядывая кладбищенский простор. А кругом кресты, кресты, кресты – деревянные, чёрные, покосившиеся – разные, как людские судьбы, и они провожали меня жить дальше.

Николай Александров

Новосибирск

Всё остается детям

Имя генерального директора СП ОАО «Сибакадемстрой» Г. Д. Лыкова – Героя Социалистического Труда, кавалера многих орденов, лауреата Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР, заслуженного строителя РФ, ветерана атомной промышленности, почётного жителя Новосибирска и прочая, и прочая, осталось бы в памяти благодарных потомков уже только за множество возведённых под его руководством прекрасных зданий и сооружений: ВАСХНИЛ, Академия медицинских наук, научно-производственное объединение «Вектор» в посёлке Кольцово… Но на счету Геннадия Дмитриевича был ещё и Чернобыль, укрощённый ядерный смерч, несущий человечеству неисчислимые бедствия…

Начав свою трудовую деятельность мастером на стройке, возведя не один объект, Геннадий Дмитриевич Лыков понял: именно это самое мирное дело на Земле – для него, и на всю жизнь.

Родился он в 1932 году в городе Абакане Красноярского края. Прожил

Геннадий Дмитриевич Лыков

здесь всего месяц и отправился с родителями в первое свое путешествие – в Барнаул, куда был командирован на партийную работу отец. В Новосибирск семья Лыковых перебралась после войны, и этот город, который он украсил многими прекрасными зданиями и сооружениями, стал для Геннадия Дмитриевича Лыкова главным в его жизни и любимым.

Смелые и оригинальные инженерные решения, будь то возведение комплекса объектов ВАСХНИЛ или зданий микробиологического центра «Вектор», цокольная часть которых уходила глубоко под землю и испытывалась вакуумом, чтоб не просочилась затем ненароком наружу какая-нибудь зараза, с которой предстояло работать учёным, были обычной, повседневной практикой.

А объекты завода химконцентратов, одно лишь упоминание о котором рассматривалось в своё время как разглашение государственной тайны?! Именно здесь Геннадий Дмитриевич получил первую свою высокую награду – орден Ленина. И получил не столько за самоотверженный, поглощающий все помыслы и время труд, что в общем-то было обязательно, сколько за риск и слишком опасные по тем временам своеволие и инициативу.

Это сегодня даже непосвящённым ясно, что такое ТВЭлы – тепловыделяющие элементы, своеобразные гигантские «батарейки» с ядерной начинкой для атомных электростанций. Собираются они в огромном чистом и светлом цехе, на конвейере, с помощью умных механизмов.

А появился этот чудо-цех благодаря стараниям многих заводских специалистов, среди которых прежде всего выделялся Э. Н. Свечников, с ним Лыков подружился ещё в бытность того начальником смены. Вместе они строили завод, куда Лыков пришёл на должность мастера участка. Вместе росли как специалисты. Г. Д. Лыков стал после окончания института начальником управления, Э. Н. Свечников – главным инженером предприятия. Внешне они были люди разные. Объединяли их прежде всего – пусть это нынче звучит напыщенно и «немодно» – государственный подход к делу, гражданская позиция. И главному инженеру недолго пришлось уговаривать начальника СМУ начать строительство грандиозного цеха без техдокументации и сметы. Оба они понимали, какую ответственность взваливали на свои плечи. Но понимали и главное – так надо! Да и кто кроме них мог решиться на подобное.

«Всё равно придётся строить, – «утешал» Свечников Лыкова. – *Но лет на тридцать мы сможем всех опередить».*

Цех, представляющий собой завод в заводе, где будут задействованы уникальные технологии, где чистота и стерильность должны быть, как в операционной, рос день и ночь. И к тому времени, когда наконец-то разродились проектировщики и пошло финансирование, он уже был готов к запуску первых ТВЭлов… За что все участники его строительства были отмечены по заслугам. Геннадия Дмитриевича наградили орденом Ленина. Исполнилось ему к этому времени тридцать пять лет.

Завод химконцентратов и всё, что его окружает и сопровождает: добротные жилые дома, здания социально-культурного и спортивного назначения (магазины, кинотеатры, стадионы, кафе, рестораны и так далее), – давно уже считаются неотъемлемой и одной из лучших, благоустроенных частей «столицы» Сибири. А ведь ещё на памяти старшего поколения практически весь Калининский район представлял собой окраину Новосибирска. Только в послевоенное время превратилась она в огромную строительную площадку, ядром которой стал завод химконцентратов, сыгравший в судьбе Г. Д. Лыкова особую роль.

В начале 70-х годов прогремело как гром среди ясного неба так называемое «Дело Пеньковского». Сейчас бы этого «бизнесмена», торгующего государственными секретами, возможно, провозгласили бы борцом за разоружение либо, по меньшей мере, правозащитником. В те же времена всё было ясно и однозначно: предатель, «сдавший»

американцам все стартовые площадки наших баллистических ракет.

Ущерб, нанесённый экономике страны этой «сделкой», был колоссальным. И чтобы восстановить обороноспособность страны, требовалось срочно построить новые шахты.

Стоит ли говорить, что первому попавшемуся на глаза строителю, даже опытному, такое задание не дают?! И отбор кандидатур в системе Средмаша шёл скрупулезнейший. Фамилия «Лыков» прозвучала одной из первых и, естественно, была согласована с Москвой.

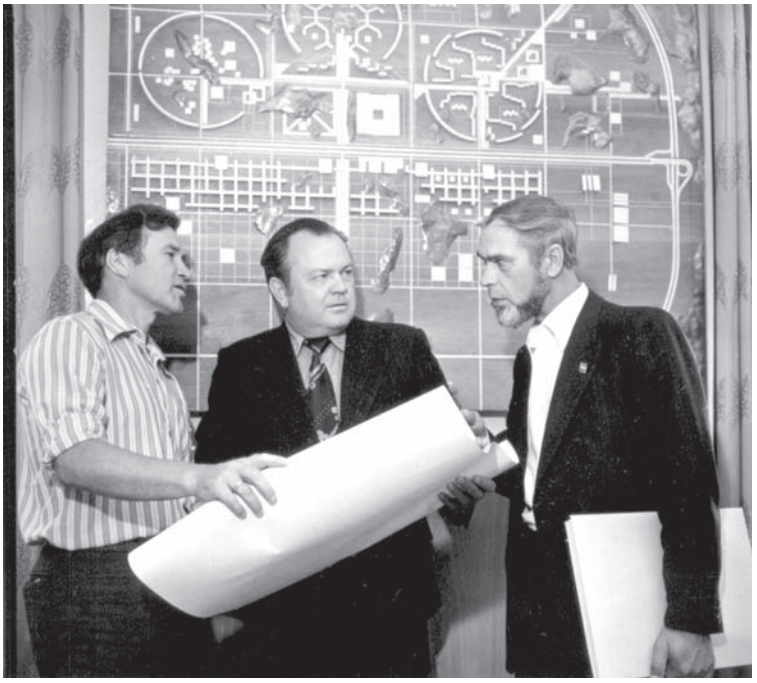
Как работали строители, в какие сжатые сроки они должны были уложиться и выполнить работы только на «отлично», можно лишь догадываться. И когда «объект» посетил министр Средмаша Ефим Павлович Славский, он прежде всего поинтересовался ходом дел у молодого, крепко скроенного сибиряка, руководившего строительством.

Между двумя совершенно разными и по возрасту, и по положению руководителями возникла взаимная симпатия. Судьба в дальнейшем не раз сводила их в самые ответственные и опасные для страны моменты.

Е. П. Славский – человек-легенда, из той когорты людей, которыми Родина вправе гордиться, а потомки обязаны помнить их и чтить. Но если и в те «строгие» времена он был известен весьма ограниченному кругу людей в силу специфики своей должности, то что уж говорить о днях сегодняшних, заполненных другими ценностями и проблемами. Тем не менее напомним – Ефим Павлович был трижды Героем Социалистического Труда и кавалером одиннадцати (!) орденов Ленина. И вручали ему эти высшие награды Родины не только в связи с юбилейными и знаменательными датами в его большой и яркой жизни: на пенсию Е. П. Славский вышел в 86 лет…

У Лыкова имелся «лишь» один орден Ленина, и до Героя ещё было далеко, и моложе министра он был почти вдвое. Однако ему на всю жизнь запомнился вроде бы простой, но полный глубочайшего смысла разговор, который состоялся у них при назначении Лыкова на должность начальника «Сибакадемстроя»: *«Ты знаешь, лежит на моих плечах огромная глыба – министерство. Я хочу переложить на твои плечи часть этой ноши. Если ты выдержишь и понесёшь её рядом со мной, мне будет полегче, и я тебя буду нагружать ещё. Но если будет тяжело, я сниму с тебя этот груз. Решай сам – справишься или нет»*. И, помедлив, добавил: *«Я тебе доверяю!»*

Новые пусковые шахты были построены быстро и, как требовалось, с надлежащим качеством, в соответствующих местах. В них и сегодня несёт круглосуточное дежурство соответствующая боевая техника, выполняя задание по охране рубежей России.



Вернувшись с «объектов» в Новосибирск, Лыков вскоре стал главным инженером «Сибакадемстроя». Многолетний руководитель этой прославленной организации, первостроитель Академгородка Н. М. Иванов чувствовал уже себя неважно, сказывалось огромное, постоянное напряжение, и он начал готовить себе преемника. И когда в 1974 году, практически на рабочем месте, Николай Маркелович скончался, «Сибакадемстрой» возглавил Г. Д. Лыков.

Бразды правления этим многопрофильным, крупнейшим в регионе объ-

единением различных подразделений: двенадцать строительно-монтажных управлений, управление механизации, две базы автомобильного транспорта, управления энергоснабжения, производственно-технологической комплектации, железнодорожного транспорта, четыре завода железобетонных изделий, деревообрабатывающий комбинат, опытный ремонтно-механический завод и многое другое, – находились в крепких и умелых руках.

И при Иванове «Сибакадемстрой» славился своими делами и динамично развивался. Но наибольшего расцвета он достиг при Г. Д. Лыкове – объёмы строительства нарастали с каждым годом. Даже сухое, «справочное» перечисление объектов, построенных и введённых «Сибакадемстроем» до 1986 года, поражает воображение и вызывает чувство глубочайшего уважения к самоотверженному труду сибирских строителей.

Полным ходом идёт возведение комплекса зданий и сооружений институтов ВАСХНИЛ. Продолжается «расширение» Академгородка: сданы в эксплуатацию инженерный корпус института «Гидроцветмет», лабораторный корпус СКТБ катализаторов, здание Института истории, филологии и философии. Возводятся корпуса курорта «Белокуриха». Введён комплекс зданий типографии «Советская Сибирь», за что группе строителей и архитекторов присуждена премия Совета Министров СССР. Закончены пусковые работы на Чикской птицефабрике с проектной мощностью один миллион кур-несушек в год. Вводятся в строй десятки жилых домов, кинотеатры, гостиницы, магазины, больницы, детские дошкольные учреждения, школы… «Сибакадемстрой» продолжал наращивать объёмы, но тут громом среди ясного неба грянул Чернобыль.

30 апреля 1986 года начальнику «Сибакадемстроя» по правительственной связи позвонил министр Средмаша. Голос Е. П. Славского звучал необычно тревожно и сухо: *«Геннадий Дмитриевич, срочно прилетай в Москву. На Чернобыльской АЭС взорвался реактор, предстоит большая и трудная работа. Подробности – при встрече».*

Рано утром 1-го мая, когда в Новосибирске и Москве, в Киеве и Припяти, во всех городах необъятного Советского Союза ещё только предстояло выплеснуться на улицы полноводным краснознамённым демонстрациям в честь Дня международной солидарности трудящихся, начальник «Сибакадемстроя» уже находился в воздухе на борту самолёта, напряжённо размышлял над тревожным звонком из Москвы.

О Чернобыльской трагедии, её причинах, героизме и разгильдяйстве, бедах и проблемах, связанных с её ликвидацией, написаны тома сообщений, докладных, исследований, повестей и романов, отснято бесчисленное количество плёнок, кассет, фильмов. Очевидно, специалисты, как и литераторы-летописцы, а также операторы-кинематографисты, будут ещё трудиться и трудиться над этой до сих пор болезненной и злободневной темой. Работы хватит всем. Но уже совсем не такой страшно опасной, как первым ликвидаторам.

Многим из них уготована была судьба Александра Матросова. И единственная милость Чернобыля для них заключалась в том, что радиация не всех «расстреливала» сразу, многих она убивала постепенно.

Что же нужно было сделать, срочно, неотложно, чтобы если не загасить невидимый бушующий пожар радиации, то хотя бы спрятать, закрыть его? Ответ напрашивался сам собой – разрушенный реактор должен быть накрыт «колпаком». Только где ж его такой

огромный и прочный взять? Выход был один – построить саркофаг! Чем быстрее, тем лучше.

Но как уберечься от смертельного, всепроникающего излучения? Все эти марлевые повязки на лице, которые мелькали в кадрах кинохроники тех лет, лишь жалкая бутафория, дань общественному мнению. Роботы и прочая суперфантастическая техника, даже хвалёная японская, выходили из строя – электронная начинка не выдерживала невидимого «жара». И только после того, как была сооружена опалубка на уровне человеческого роста и залит первый бетон, стало чуть-чуть полегче – от горизонтального «прострела» радиацией люди были защищены. Лыков демонстративно сорвал с лица осточертевшую марлевую повязку и больше никогда её не надевал.

Так ярус за ярусом, с помощью вертолётов заливался бетоном взорванный реактор, рос гигантский саркофаг, в недрах которого по-прежнему идёт атомная реакция, закончится которая, если верить учебникам физики, лет через тридцать.

Строили его, да и работали на ликвидации Чернобыльской аварии прежде всего добровольцы. Хотя мы и сегодня не собираемся идеализировать ситуацию вокруг этой трагедии. И, разумеется, Лыков не в одиночку укротил разъярённого зверя. Да, ему поручили, доверили возглавить все работы. Но докладывая о ходе дел руководству министерства, страны, он всегда говорил: *«Мы сделали то-то и то-то, нами предложено то-то и то-то».*

Лыкову дали право собрать под своё крыло любых «бойцов», кого он считал незаменимыми в этой смертельной схватке. И он обратился к тем, с кем проработал бок о бок многие годы и в ком был уверен, как в себе самом, – не подведут! Он не скрывал смертельной опасности, которая поджидала всех. Только сказал: *«Я доверяю вам, вместе мы справимся с бедой».*

И больше ста сибакадемстроевцев «сделали шаг вперёд». Пришлось даже отказывать некоторым, чтобы не останавливать строительство плановых объектов. Это были проверенные временем и стройкой специалисты своего дела, его команда. В том числе и неизменный, незаменимый Яков Ионович Денисов – начальник управления промышленными предприятиями «Сибакадемстроя». Под его началом были все железобетонные заводы, деревообрабатывающий комбинат, авторемонтный и механический заводы. Словом, всё то, что потребовалось в дальнейшем при строительстве саркофага.

Из Чернобыля Лыков возвратился только тогда, когда был локализован ядерный пожар и ликвидирована угроза дальнейшего распространения радиации. Об отдыхе и выходных днях за всё время пребывания в Чернобыльской зоне не только у него, но и у всей его команды вопрос даже не возникал. Они работали круглые сутки, прерываясь лишь на сон, приём пищи и естественные надобности. И награда, как говорится, не заставила себя ждать: Г. Д. Лыков удостоен звания Героя Социалистического Труда, тридцать сибакадемстроевцев – орденов и медалей.

Умер в июле 2001 года.

Аркадий Антонов

Бердск

Моё детство в старом Бердске

В Бердск мы с родителями приехали в августе 1946 года после демобилизации папы из армии, который после ранения в ногу в 1942 году и лечения в госпитале служил на Тульском военном

Школа №3, 1949 год.

Бердск, 1947 год.

Швейная фабрика

Здание артели Коллективный труд

заводе. Мне было шесть лет. В Бердске мы остановились и жили у Батеневых, пока не построили небольшой домик и землянку для козы, нашей кормилицы. В свой дом по ул. Томской, 6, мы перебрались поздней осенью, были очень рады своим, хоть и не очень большим, но родным стенам. Переулок наш был маленький, он находился между улицами Трудовой и Островского, последняя шла дальше к Шаринскому мосту через Бердь, по которому транспорт двигался в сторону Новосибирска.

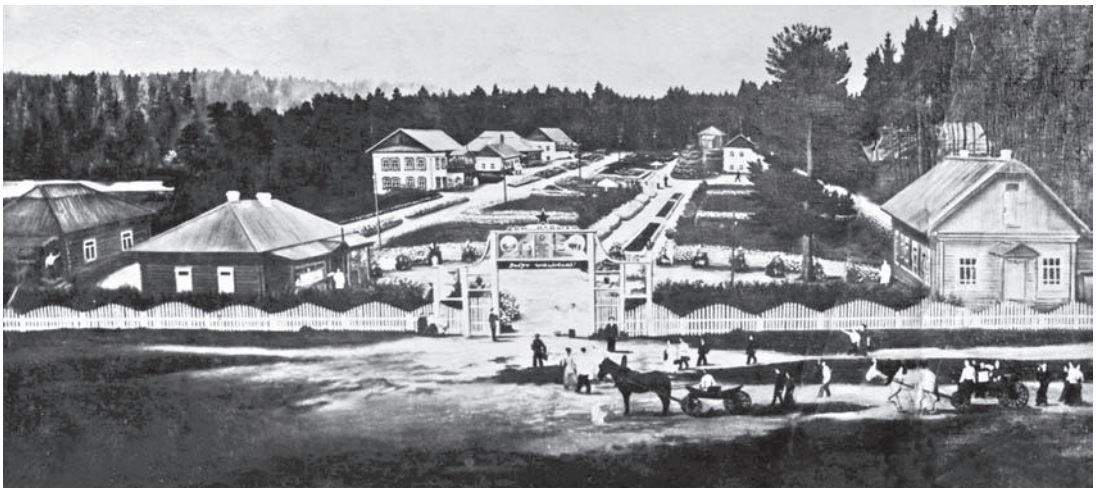
Перед нашим домом находился детский дом для одарённых детей. Оттуда постоянно звучала музыка, ребята качались на качелях. Иногда нам, соседским ребятишкам, разрешали тоже покачаться.

На следующий год я пошла в школу № 3. Моей первой учительницей была Шевцова Лидия Ивановна. После окончания мною четвёртого класса, школа стала пятилеткой, а ещё через год – шестилеткой. Здание школы было маленьким, там было мало места для всех учащихся. Наш класс находился в углу, с отгороженным местом для техничек, где стояла печь, и они грели воду для уборки.

Помню, у нас шёл урок математики, когда сообщили о смерти И. В. Сталина. Учительница Климонтова Екатерина Ивановна заплакала, мы вместе с ней плакали и искренне переживали.

Старый Бердск находился в очень хорошем и красивом месте. После дождя никогда не было грязи, так как почва была – супесь. За стройконторой начинался сосновый бор, где было много земляники. Река Бердь делала большой изгиб, около БДО (Бердский Дом отдыха), там был берег крутой, до русла реки были заливные луга. В реке было много омутов. Около кожзавода – перекаты, мы с папой ходили туда на рыбалку, а у Шаринского моста правый берег был пологим, песчаным; левый – крутым, там находилась больница, которую в народе называли «Белый дом». За мост мы ходили собирать ежевику, черёмуху, калину.

Главная улица в районе Шарино называлась Ленина, на ней находи-



Панорама БДО, 1944 год

лись швейная фабрика и молоканка (там принимали молоко от населения). За первым мостиком через протоку, по которой вода из Берди заходила в согру, начиналась улица Советская.

Папа работал главным бухгалтером в артели «Коллективный труд» (находилась на пересечении улиц Советской и Обской) – от нашего дома где-то в пяти километрах, и я любила ходить к нему на работу, причём всегда по разным улицам, что дало мне возможность знать о городе больше.

Моё босоногое детство прошло в бору. Летом я пасла коз. Их у нас было три – Майка, Зойка, Цыганка; а ещё их козлята. Нас таких «пастушков» собиралось человек 5–7. Козы паслись, а мы играли, купались, лазили по деревьям, катались со спуска к реке. На улице с соседними ребятами любили играть в подвижные игры: лапту, из круга вышибала, в прятки.

Седьмой класс я окончила уже в перенесённой в новый Бердск школе № 3; наш выпуск был первым в перенесённой школе.

В 1954 году я поступила в педучилище (на ул. Советской), проучилась там год, потом его перевели в Черепаново.

Жаль, что старый Бердск остался только в памяти, мы с мужем Громыко Виктором Александровичем часто вспоминаем его, всегда с любовью, нежностью и грустью, ведь там осталось наше детство.

Людмила Громыко (Лаврова)

Сузунский

По звёздной дороге

Это одна из лучших фотографий в обширном заволокинском архиве, точнее, кадр из фильма: два сельских парня идут по улице на вечерку, разбитные, удалые, в кепочках, в сапогах, один с балалайкой, в накинутом на плечи пиджаке, другой – с гармошкой… И такая у них походочка – кандибобером, и такие улыбочки, и такая частушка из уст, что уж и не усомнишься: это их звёздный час… Такими их знала вся страна – огромная, ещё советская, такими их любили все: от родной улицы, на которой выросли, до далёкой столичной публики. Уже многое было позади, что принесло славу и любовь: сотни концертов по сёлам и городам, первые

Братья Заволокины

Геннадий Заволокин

пластинки с песнями, первая книга собранных частушек, лауреатство на всесоюзных конкурсах, даже выступление на сцене Колонного зала Дома Советов… А впереди – ещё двадцать лет счастливой жизни…

Фильм, в котором братья Заволокины так лихо шли по деревенской улице и в котором они играли самих себя, назывался «Праздники детства»; он был снят в 1981 году на родине Василия Макаровича Шукшина и рассказывал о его довоенном детстве. Братья Заволокины не случайно снимались в этом фильме: к тому времени они изъездили и исходили шукшинские места, знакомясь с людьми, записывая частушки – в память о любимом своем писателе. Да и лучших, чем они исполнителей этих самых частушек трудно было сыскать!

Я по берегу пойду,
Калину красную найду.
Калина красная, как кровь,
Как безответная любовь.

На эстраде (так повелось почти с самого рождения их дуэта) у каждого из братьев была своя роль, свой образ. Старший, Александр, играл парня хоть и весёлого, но тушующегося, этакого терпеливого тугодума, а младший, Геннадий, пёр напористо на зрительские чувства, изображая самоуверенного, насмешливого, где-то даже нагловатого «директора». С этими сценическими образами, найденными, наверное, стихийно и закрепившимися за каждым из братьев, им легче было «заводить» публику, строить свои весёлые диалоги. Ведь держать внимание зрителей (иногда их были тысячи) не так-то просто, хоть и частушки в репертуаре были залихватские, и музыканты они – высший класс!

В жизни – в детстве, в юности – нередко бывало как раз наоборот: лидировал, что было естественно, Александр. У них было два года разницы, так что Александр уже ходил иногда на вечёрки (мать отпускала под ответственность самого старшего брата Анатолия), когда Геннадий, по-детски ещё рассеянный, отрешённый, вечно с книжкой в руках, и не помышлял о таких взрослых развлечениях. И на гармошке Александр научился играть первым, а уж потом потянулся к ней Геннадий.

Гармонист в семье был, притом первоклассный: Дмитрий Захарович, отец; по воспоминаниям матери, Степаниды Елизаровны, в пору жениховства он играл «до упаду». Но с фронта вернулся с покалеченной рукой и за инструмент долго не брался. Да и не до того было мужику – единственному возвратившемуся с войны из сорока ушедших на фронт односельчан.

Но дети росли, и отец купил гармонь: вдруг ребята заиграют. А глядя на сыновей, не выдержал, заиграл снова и сам. Через много лет он даже будет выступать в числе других новосибирцев-исполнителей на первом телевизионном конкурсе «Играй, гармонь сибирская!», организованном его сыном Геннадием.

Семья Заволокиных всегда была дружной и трудолюбивой. Отцовский девиз был один: «Взялся за дело – сделай его как можно лучше». Выходцы из алтайских крестьян перебрались на юг Новосибирской области, и осели в рабочем посёлке Сузун. Средний, Сашка, как раз дорос до первого класса…

Ничего не проходит в жизни бесследно. Где-то отложились в душе ребят родительские воспоминания о жизни, о военных годах, о похоронке, которую мать получила об отце, а всё-таки дождалась, хоть израненного, да живого… Как-то все это вызрело, откликнулось потом в сыновних песнях, в восприятии жизни и людей.

По-настоящему родным стал для братьев Заволокиных сузунский край – уж он-то точно отложился в душе! Сполна подарила радости их детству и юности журчащая речка Сузунка! И чебачков на ней ловили, и сплавлялись на плоту, сколоченном втайне от родителей, и черёмуховым духом её берегов надышались, и замирало сердце здесь на

первом свидании с одноклассницей… «Речка-судьба» – назвал Сузунку через годы в своей книге Александр.

Пока Геннадий подрастал, Александр поучился в музыкальном училище, послужил в армейском ансамбле песни и пляски, поруководил народным хором в Новосибирске. Сюда после школы приехал и Геннадий, окончил музыкальное училище и тоже руководил художественной самодеятельностью. А потом уж они стали творчески неразлучны, создав свой дуэт и быстро завоевав огромную популярность. И заслуженными артистами России стали одновременно – в 1986 году. Почти десять лет спустя младший старшего «обскачет» – станет народным артистом России, дважды лауреатом Госпремии. Но соперничества между ними не было никогда. «На сцене, – вспоминает Александр, – от присутствия брата было такое ощущение, будто вся семья наша с нами вместе…»

Совершенно разные по облику, темпераменту, они и оттеняли, и дополняли друг друга. Они не только пели вместе. Одно из их общих дел, которым они увлеклись, и которого хватило на многие годы, – собирание частушек. Это было при их профессии и интересах так естественно, как собирать жемчуга, разбросай их кто-то под ногами… Когда набралось частушек больше тысячи, решили издать их – то была их первая совместная книжка.

Книги раньше издавались долго, оценивались редакторами, читались цензорами, самые зубодробительные строчки выбрасывались. Несмотря на такой отсев-пересев, сборник «Сибирские частушки» увидел свет и стал событием не только в жизни собирателей-исполнителей, но и самих издателей. Для 70-х годов это был прорыв в настоящую жизнь. Художница Л. Кучинская с любовью сделала к книге иллюстрации – не на бумаге, как обычно, а на батистовых платочках. Получилось волшебство: будто смотришь сквозь лёгкую дымку или замерзшее окошко… Сейчас оригиналы этих иллюстраций хранятся в Новосибирском музее книги. Пожалуй, уже тогда проявилось замечательное свойство братьев Заволокиных: влюблять окружающих в их дело. Возможно, потому, что сами братья самозабвенно его любили…

Жизнь филармонического артиста никогда не была ни особенно лёгкой, ни очень прибыльной. Сколько исколесили они просёлочных дорог на автобусе, добираясь в погоду-непогоду с концертами – в районный ли центр, в глухую ли деревеньку! Братьев бесконечно любили зрители всех мест и не стеснялись выразить по-свойски эту любовь. Могли, например, как в селе Кунчурук Болотнинского района Евдокия Федосеева и Татьяна Лысенко прямо на сцену вынести артистам громадный пирог с клюквенной заливкой и выпеченным солнышком посредине. А уж частушек о братьях за годы их концертной деятельности сочинил народ по всей стране – тысячи!

И всё же эти сибирские пареньки, выросшие среди красот сузунской земли и прошедшие плечом к плечу большую часть жизни, по своей природе очень разнились, прежде всего восприятием, ощущением жизни. Александр – больше лирик, нежный до сентиментальности, внимательный к деталям жизни и – что особенно прекрасно – к людям. Он относится к ним с каким-то трепетным уважением, он не перестаёт удивляться их доброте, распахнутости… И сам также распахнут перед людьми… Он обожает природу, речка Сузунка для него – начало всех начал, олицетворение детства, счастья, свободы, красоты мира.

Александр Заволокин

Геннадий воспринимал окружающий мир иначе: более широко, менее детально, с каким-то сакральным подтекстом. В нём самом жила тайна, нераскрытость, некая предначертанность угадывалась даже сквозь балагурство, сквозь шутки, которые он любил и которым отдавался безоглядно, но… получалось так, что он всегда знал, где надо остановиться, переключиться, сделать что-то важное… Перед ним всегда была цель, к которой он шёл сам и вёл других. Несмотря на всегдашнюю

улыбку, задор в глазах, бездонный запас прибауток, он не воспринимался легкомысленным весельчаком. Его неукротимая энергия иногда выглядела со стороны как заполошность, суетливость, но это не мешало его деловой хватке, и по тому, как много он успел сделать, ясно, что неукротимость была творческой, продуктивной. Просто не мог он со своей живой душой оставаться сдержанным, холодно рассудительным, нет, он кипел, и вокруг него кипели страсти. А в последние годы высветилась и совсем другая сторона его души, и стало понятнее, почему от частушки он пришёл к духовной песне. Наверное, он всегда помнил, что «по реке плывёт бревно» (это была тема не только их с братом сборника частушек и прибауток, но и тема вообще его человеческого веселья), однако он видел, а потом и осмысливал величие Млечного Пути…

По Млечному Пути, по вечному пути
Людская в небе пролегла дорога!
И мне по ней идти,
и мне по ней идти,
И мне по ней идти по воле Бога.

Геннадий Заволокин погиб в автокатастрофе июльским утром 2001 года, – ему едва исполнилось 53 года. Не стало не только его весёлой, широкой улыбки на белом свете – оборвалась его певческая фантазия, не стало его организационного таланта: ведь многое держалось, пробивалось к зрителям, развивалось благодаря именно его энергии и способностям. Он был крестьянский хваткий парень, упорный в выполнении своих планов, а планы у него не переводились. С годами к упорству добавился ещё и опыт вести дела, знание человеческой природы, а когда выпадали испытания, он не отступал, только шире улыбался, как будто был счастливейший и удачливейший человек на свете, и напором или в обход преодолевал препятствие.

Он хотел жить, работать, писать и петь, он тянулся к родным, радовался, если удавалось побыть дома, с семьёй, радовался внуку… За два часа до гибели он сфотографировался, спокойно так, по-домашнему. Случайный кадр, как мгновенье этой неуёмной жизни: стоит среди грядок летним утром, держит внука за руку, к плечу склонила голову жена Светлана Дмитриевна. Простецкий вид, простецкая душа, простецкая жизнь… На мгновенье…

Он любил жизнь, и жизнь любила его. Его любили в семье: родители, братья, любила публика на концертах. Его улыбку невозможно забыть даже случайному встречному, кому выпало эту улыбку видеть…

Создание Геннадием Заволокиным Российского центра «Играй, гармонь» совпало с переменами в стране, что уже само по себе сложно. Сложно жить среди перемен, сложно работать, сложно думать – некогда разобраться с происходящим.

И одноименная телепередача на Центральном телевидении родилась в то же время. ТВ – не самая нравственно здоровая организация, и как мы теперь видим на судьбах каналов, ведущих, журналистов, передач – болезни ТВ только разрастаются. Особенно когда развернулись реклама, шоу-бизнес, крупные деньги… Но и поначалу, ещё когда господствовала идеология, каждое третье письмо в почте телепередачи «Играй, гармонь!» (а их доставляли на студию народного творчества мешками) в той или иной форме содержало вопрос: «Как Вам там, Геннадий Дмитриевич, среди столичных телекоррупционеров?»

Случай действительно уникальный: одна из самых популярных в стране телепередач, а её ведущий – не москвич и даже не живёт в столице, а наезжает

из провинции и делает передачу как хочет… Не отсиживается в студии в рассуждениях о народном искусстве и его корнях, а мчится снимать в глубинку, раскапывает эти самые корни, показывает всей стране её самоё же!

Столица гремит «попсой», «роком», ночными клубами, тусовками, а в Вологде, или Архангельске, или на Кубани, или совсем уж далеко от Москвы, в каком-то запредельном Ангарске – люди живут своей жизнью, и счастливы, и веселы (несмотря на нужду), и поют, и пляшут что душе привычно, а не то, что навязывает столица!

И зависть людей коснулась тогда Геннадия – пробился, вон куда взлетел, и недоброжелательство – даже друзей!.. Его пытались рвать на части, втягивать в разные политигры, используя его имя, популярность. Он отбивался, ограждал от этого и ансамбль «Частушка», которым руководил. Ему не свойственно было делить людей на чужих и врагов, воевать, выступать против чьих-то взглядов. Он был православный человек по сути, а потому говорил: «Не суди других, исцелися сам».

Крутая волна телевизионной славы подняла Геннадия так высоко, что и голова могла закружиться. Но этого не произошло. Обозрев с вершин Центрального телевидения всю страну, Геннадий Заволокин стал творчески и по-человечески глубже, духовнее, может, даже печальнее и трагичнее, хотя улыбался так же белозубо и заразительно.

Сначала цель его телепередачи была проста до однозначности: хотелось, чтобы по телевизору в каждом доме звучала гармонь, по словам самого Геннадия, «хотелось представить игру гармониста как искусство… поднять выступление скромного, отвергаемого массовой культурой гармониста до высоты артиста».

И ради таких же, как он сам, Геннадий не ленился ехать со своим ансамблем и съёмочной группой по разбитым дорогам за тридевять земель, встречаться с людьми, проживать сердцем их судьбы, истории, привыкать к новым знакомым, заводить друзей…

Но с каждым годом это давалось всё с большим трудом, и не только от творческих мук: не повториться, не идти по уже накатанной им же самим дорожке. Нет, нарастали муки нравственные: не зачерстветь душой от мельтешения городов, от этих мешков писем-откликов, от человеческих драм, от напора людских мнений, чувств, просьб… Всё труднее было отстоять свой путь на ТВ, по мере того как дорожали минуты телевизионного времени… Но самыми мучительными были сомнения в верности пути, чувство ответственности за тех, «кого приручил»… Вот мысли Геннадия о передаче и её зрителях из его книги «Играй, гармонь!»: «Наивные старики свято верят в телевидение, в то, что оно способно «вернуть старую жизнь». И думаешь не без тревоги: не последний ли это крик по гармони? Вернее, стон уходящего поколения…».

Казалось бы, пик знаменитости, пик успеха, открылись такие перспективы, какие могут быть сомнения? Письма, хлынувшие после первых же передач, полны были радости и слёз. Народ бурно реагировал на возрождение – если уж не России, то хотя бы народного пения и родной сердцу гармони. Рушилась экономика, рушилась страна, кровила война и обещала разрастись

на просторах, обжитых братскими народами, но ничто не вызвало тогда такого всплеска чувств народных, как яркая живая передача об умиравшей гармошке. Ни один человек в стране, включая даже генсека Горбачёва, не получал в те годы столько взволнованных писем, сколько шло их в адрес Геннадия Заволокина.

Всколыхнув всю страну своей передачей, собрав воедино её гармонистско-песенный состав, уловив эту кричащую жажду своего праздника в народе и нехватку внимания к нему, Заволокин увидел возможность дать и то и другое людям хоть в какой-то мере. Это выражалось вполне естественно для русского человека – через гармонь, которая ещё находится в пределах драгоценных воспоминаний для огромного числа людей. Но подспудно тоска у людей была, конечно же, о другом – не только о гармошечном празднике, и Геннадий это чувствовал, а потом стал и понимать. Потому, наверное, и пришёл в творчестве к духовности, к Богу.

Его книга «Играй, гармонь!», написанная в первые годы существования передачи, подтверждает, насколько напряжённой была его жизнь и насколько он осознавал призрачность бурной своей деятельности. Чтоб написать книгу, он прочитал более 50 тысяч зрительских писем, но передачу делал ещё потом долгие годы, а письма всё шли и шли… Он терзался, что не может ответить каждому, ведь каждый писавший был взволнован, делился чем-то очень важным, просил о чем-то важном, а ответа не получал… Но это было физически невозможно, даже если бы за письма села вся семья Заволокиных. И Геннадий Заволокин пытался ответить людям своей передачей, своими песнями, всей своей огромной и многосторонней деятельностью.

Непросто сложились в последние годы и братские взаимоотношения. Геннадий на каком-то этапе проявил себя ярче, оказался более деятельным, напористым, публичным человеком, чем Александр. Как пишет Геннадий в своей книге «Играй, гармонь!»: «Александр не хотел быть ведущим на телепередаче. Снимался охотно, но ведущим быть не хотел». А дело, которое захватило младшего брата целиком, отодвигало старшего на второй план, их дуэт выступал всё реже на концертах, в их ансамбле «Частушка» преобладали теперь женские голоса, и как-то не находилось Александру равноправного места и дела рядом с братом, как было всегда раньше. Александр поступил в этой ситуации как подобает старшему: не стал соперничать, воевать… Он пересидел родившиеся обиды, пережил свой внутренний кризис и постепенно нашёл для себя творческие дела. Пишет песни, пишет книги, создал ансамбль «Вечёрка», ездит с ним по городам и весям с многочисленными концертами.

У заволокинских песен, особенно написанных в последние годы, есть одно удивительное свойство: они как будто были всегда. Они такие естественные, так легко ложатся на сердце, от них такие благодатные слёзы!.. Одна из самых выразительных среди них – песня «С Богом». Геннадий Заволокин не мог её не написать. Ведь из чего складывалась жизнь концертирующих музыкантов? Из встреч и расставаний. Особенно когда начались телесъёмки. Приедут в село, живут там, сроднятся с людьми, и вот уже пришла пора прощаться, со многими навсегда. «С Богом!» – говорят хозяева, провожая гостей в дорогу. «С Богом! Оставайтесь с Богом!» – отвечают отъезжающие… Но песня, конечно, больше чем о расставании. «С Богом! – наверное, всё чаще хотелось крикнуть Геннадию Дмитриевичу лю-

дям. – Живите с Богом, люди!» Но на площадь не выйдешь, чтоб крикнуть, а в песне можно…

Когда-то, ещё в прежний период концертной деятельности братьев, выпало им выступать в одном из сёл Коченёвского района как раз на Пасху. Соблюдая праздничный обряд, зрители и актёры христосовались прямо на сцене, а потом начался концерт. И, как вспоминает Александр Дмитриевич, «на следующее утро в обкоме уже обсуждали эту ситуацию, звонили в дирекцию филармонии, требовали наказать, да не знали даже, как сформулировать вину. Брат сильно переживал, мучился от чиновничьей серости, тупости: «Да что ж вы, люди, милые! Никогда не брали из рук ваших бабушек тёплого, сладкого хлебца – пасхи?! Не получали благословения, доброго материнского слова? Бог вам судья». Но и через много лет приходилось сталкиваться с таким же непониманием, очерствлением человеческой души – души без Бога, без мудрости, без чести…

Все заволокинские песни – о самом Геннадии Дмитриевиче, о его душе, о жизненных путях… Он не был простачком с синими глазами, этаким соловушкой с гармошкой в руках. Будь он таким, он не смог бы пробить в жизни ни одного своего проекта. А ведь ему удавалось это делать постоянно! Как? От печки! Всегда начинал «от печки», то есть от начала, с нужного конца! А если не удавалось, то «не плакал, а любил!» Не отчаивался, не бросал задуманное, не предавал – любил! А ради любви чего человек не сделает! И всё чаще он обращается к стихам духовным, к словам освящённым… Его соавторами становятся иеромонах Роман, иеромонах Иустин…

Хвала и благодарность братьям Заволокиным за то, что никогда не были разобщителями, только собирателями. Собирали людей в залах, на съёмочных площадках, на сельском речном бережку – собирали на доброе дело: петь, радоваться жизни, гостям, встрече. И людей собирали не худших по всей стране: певучих, весёлых, балагуров-острословов, очарованных своей землёй и её вечными напевами.

Надежда Синиченко

Бердск

Дом на улице Ленина

Моей бабушке посвящается…

Бердск, к сожалению, не может похвастаться уникальными архитектурными сооружениями. Все дома в нашем городе типовые, и несмотря на трехсотлетний возраст, в городе очень мало старины, в отличие от соседних сибирских городов с вековой историей. Но здесь уже 300 лет живут люди, проводя в границах городского пространства каждый день своей жизни. Проходит здесь и моя жизнь и жизнь моих детей – в неразрывной связи с представителями старшего поколения нашей семьи, прожившими в Бердске более 65 лет.

У каждого жителя есть свои места памяти на карте города. Есть они и у меня. Как город проникает в душу, как появляется чувство причастности к городу? Наверное, у каждого по-своему, и не всегда разберёшься, что и когда возникло. Школа, где учился отец, а потом я и мой брат, детская площадка, где сын делал свои первые шаги, навсегда останутся моими личными и близкими местами. И конечно, дом, в который 65 лет назад въехала молодая семья – мои дедушка и бабушка, вместе с другими такими же молодыми жильцами одного из первых домов в новом городе.

Дома на улице Ленина. Начало 1950-х годов

Это было удивительное время – время зарождения нового Бердска, новых улиц и домов. Перенос Бердска в 1953–1957 гг. был, по сути, возведением города на пустом месте – с нуля. Поражают масштабы проделанной работы, её объ-

емы и сроки проведения. Переносу подлежало более десяти тысяч построек, в том числе 2,5 тысячи домовладений граждан, четыре школы, детские сады, ясли, Дом культуры, предприятия местной и кооперативной промышленности, государственные учреждения и учебные заведения. Всё это надо было не просто перенести, но и заставить работать в кратчайшие сроки.

Маленькие жильцы в саду возле дома. 1956 г. Из семейного архива Глушаница А.А.

Не меньше поражает объём работы, выполненный представителем Ленгидэпа (Ленинградское отделение Всесоюзного проектного института «Гидроэнергопроект») в Бердске. Подготовительные изыскания по определению места постройки будущей ГЭС были начаты ещё в августе 1945 г. В городском архиве есть обращение секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Никитина к председателю Бердского горисполкома Гулину с просьбой мобилизовать для экспедиции Ленгидэпа 20 человек из числа населения города Бердска, пригодных для выполнения подсобных, вспомогательных, а также квалифицированных работ, в связи с неотложной необходимостью быстрейшего развертывания работ по выбору места строительства мощной Новосибирской гидроэлектростанции на реке Обь.

На каждое домовладение представителем Ленгидэпа, при участии техника-инвентаризатора и рулетчика, была составлена карточка. Этих карточек в городском архиве более 1000. В каждой содержится полная информация, касающаяся даты, характера построек (фундамент, стены, полы, перекрытия), начиная от жилого дома и заканчивая стайками, свинарниками, уборными, воротами, заборами и изгородями. Указывается наличие приусадебного хозяйства, количество домашнего скота, плодово-ягодных и декоративных насаждений. Карточки составлялись для наиболее полной компенсации всех затрат по переносу сооружений домовладельца. Думается, что именно благодаря такой кропотливой работе, переселенцы, в целом, были довольны своим положением на новом месте, несмотря на безусловное присутствие ностальгии и тоски по месту, в границах которого веками протекала жизнь.

Но кроме домов, перенесённых со старого Бердска, в новом городе появляются объекты, призванные придать Бердску иной облик, подчеркнуть его городской статус. Речь идёт о двухэтажных кирпичных домах, появившихся в 1952–1953 годах на Искитимском шоссе, позже здесь была образована улица Ленина, которая на долгие годы стала центральной улицей города Бердска и остаётся ею по сей день. Но тогда улица выглядела совсем по-другому – это был пустырь, на котором гордо возвышались два белоснежных красавца, призванные стать лицом нового советского города. Дома несли определённую смысловую нагрузку, создавая новый архитектурный код города, который менял менталитет и поведенческие характеристики его жителей. Статус города Бердск получил в 1944 году, но это не значит, что бердчане стали осознавать себя полноценными горожанами. Произошло это намного позднее, и не последнюю роль в этом сыграли дома на улице Ленина, выступив своеобразными маркерами нового городского пространства.

Дом по Искитимскому шоссе на участке № 3/1 (ныне Ленина, 19) согласно акту приёмки здания Государственной комиссией от 21 июня 1953 г. был выполнен по типовому проекту, разработанному Государственными архитектурными мастерскими. Дом входил в серию типовых жилых домов малой этажности, которая позволяла комплексно застраивать территорию

небольшими зданиями, что соответствовало курсу на малоэтажное жилищное строительство, принятому в СССР во второй половине 1940-х годов. Данная строительная парадигма позволяла в короткие сроки возводить небольшие кварталы из однообразных унифицированных одно- и двухэтажных жилых домов. Именно этим, по мнению исследователей, объясняется быстрое послевоенное восстановление городов и огромный рост объёмов жилищного строительства в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Согласно акту строительство дома было начато в четвёртом квартале 1952 г. и окончено в июне 1953 г. Подрядчиком выступает УНР-806 треста № 30 – крупнейшее строительное предприятие Новосибирской области. Представленное здание является каменным, двухэтажным, восьмиквартирным жилым домом с полезной площадью 388 квадратных метров и жилой площадью 248 квадратных метров. В доме отсутствовали водопровод и канализация. Замечаний по качеству проекта в части планировки и конструкций комиссия не выявила, но отметила дефекты в выполненных работах, а именно: «небрежную окраску дверей, полов и масляных панелей».

В качестве заказчика данного строительства выступает а/я 7, относящийся к Новосибирскому территориальному управлению Главного управления государственными материальными резервами (ГУГМР). На тот момент это была нефтебаза – закрытый резервный объект, строительство которого началось в 1939 г. и было закончено в 1942 г. Начальником предприятия с 1948 по 1955 гг. был Сергей Максимович Кислин, его подпись стоит в акте. Именно для своих работников а/я 7 строил эти дома, которые образовывали первую линию по улице Ленина. Надо сказать, что во многих городах строительство жилых домов велось ведомственными застройщиками, не был исключением и Бердск.

Территория, прилегающая к дому со стороны улицы, была обнесена забором, на ней были построены деревянные сараи по количеству квартир. Постепенно она была благоустроена, засажена деревьями и кустарниками, и я, родившаяся в начале 1980-х годов, застала это место, утопающим в зарослях и ароматах сирени. Как здорово нам, ребятишкам, было играть там в прятки.

Таким образом, дом по Искитимскому шоссе № 3/1 в июне 1953 года был готов к заселению и ждал своих первых жильцов. Кто были эти счастливцы? На первый взгляд может показаться, что это были особенные люди, избранные, занимающие высокие должности и имеющие определенный социальный статус. Но на самом деле это было не так. Дом объединил под своей крышей людей, жадных до работы, трудоголиков, многие из них спустя годы действительно достигли больших результатов в сфере своей деятельности, получили признание и стали уважаемыми в городе людьми. Но это было потом. А пока все новосёлы были одинаково счастливы, осваиваясь на новом месте.

Коллективная поездка жильцов дома за грибами. Лето 1954 г. Из семейного архива Глушаница А.А.

Какими глазами они смотрели на своё новое жильё? С позиции сегодняшнего дня этот дом не представляет собой ничего особенного: типовая постройка с налётом старины и заброшенности. Но попробуем посмотреть на него глазами человека начала 1950-х годов. Просторные комнаты, высокие потолки, централизованное отопление, тёплый туалет. Не избалованные удобствами, перенёсшие войну жители нашей страны, думается, по-другому смотрели на эти вещи.

О первых впечатлениях и надеждах на счастье в новом доме я могу судить по воспоминаниям своей бабушки Глушаница Антонины Александровны, 1928 г. р., которая вместе с дедушкой Глушаница Николаем Константиновичем с большим нетерпением ждала этого заселения. Они, как и многие другие, жили в бараке, и переезд воспринимали как чудо. Дедушка в то время работал на объекте а/я 7 приёмосдатчиком и, по рассказам бабушки, пропадал на работе днями и ночами, принимая и отгружая цистерны с топливом. Именно за большую работу, со слов бабушки, деду разрешили занять квартиру № 1 в этом доме, которая изначально была отдана под гостиничный фонд.

По соседству, в квартире № 2, поселилась семья Адоньева Александра Никитича. Адоньевы – старожилы Бердска. Родители Александра Никитича приехали в Бердск из небольшого села близ города Ельца в 1906 г. Его отец Никита Николаевич с детских лет работал на мельницах, уходя на заработки, на этой работе его и застал доверенный купца Владимира Александровича Горохова, приехавший в Воронеж для вербовки мукомолов на мельницу в Бердск. Ему удалось уговорить на должность крупчатника Георгия Тимофеевича Иванникова, который, в свою очередь, отобрал несколько молодых рабочих, в их числе был и Никита Николаевич со своими братьями Макаром, Алексеем и Фёдором. Так Адоньевы оказались в Бердске.

. Гульков А.С. «Дома на улице Ленина», оргалит, масло. 1999 г. Из фондов Бердского историко-художественного музея.

В их семье было восемь детей, старший Александр, 1907 г. р., после окончания Бердской ремесленной школы работал на мельнице. В сентябре 1924 г. вступил в комсомол, где развернул активную работу, возглавляя военно-спортивный сектор. С 1927 по 1929 гг. был избран секретарём комсомольской организации мельницы и членом райкома ВЛКСМ. В 1927 году был принят в члены партии. Александр Никитич – участник Великой Отечественной войны; полк, в котором он служил, принимал самое прямое участие в разгроме Квантунской армии на Восточном фронте. После окончания войны с Японией, полк был переброшен в Монголию. Демобилизовался Адоньев в 1946 г. Последние двадцать лет своей жизни работал на Бердском радиозаводе в отделе подготовки кадров. Умер на рабочем месте, в кабинете в 1976 г.

Жили в доме и другие фронтовики, в их числе Сорокин Василий Павлович, который уже в 17 лет оказался на передовой и прошёл через страшные сражения Великой Отечественной войны радистом. Василий Павлович награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», орденом «Отечественной войны II степени». Орден Ленина он получил уже в мирное время за восьмую пятилетку: Василий Сорокин 38 лет трудился на объекте п/я 7. Семья Сорокиных с двумя детьми занимала две комнаты из трех в квартире № 7 на втором этаже дома.

В квартире № 4 жила семья Макаровых. Глава семьи Анатолий Кузьмич работал на радиозаводе, а Лидия Георгиевна была терапевтом и трудилась в городской больнице. Она первая была назначена участковым врачом нового строящегося Бердска и одновременно обслуживала три школы № 1, 3 и 6. С 1959 по 1963 годы заведовала терапевтическим отделением, а с 1963 по 1971 годы была заместителем главного врача по лечебной части. В 1969 году Лидии Георгиевне было присвоено почётное звание Заслуженного врача РСФСР. Лидия Георгиевна была замечательным человеком, профессиональ-

но грамотным, занимающимся любимым делом по призванию, по особому дару, и одновременно – доброй и чуткой, готовой помочь любому. Иметь в соседях доктора была большая удача. В каждой семье были маленькие дети, и Лидия Георгиевна никогда не отказывала в просьбе посмотреть ребёнка или посоветовать в выборе лекарств. Это касалось не только детей, но и взрослых. Когда-то именно она настояла на госпитализации бабушки, подозревая у неё аппендицит, и оказалась права.

В доме жили люди такие же, как и миллионы других, которые верили в свою страну, недавно защищавшие её от врага, а теперь с огромной самоотдачей трудившиеся на её благо, на благо города, в котором жили в очень не простой период его истории. По воспоминаниям бабушки, жили по-соседски очень дружно, двери не запирались на ключ. Все праздники отмечали вместе и очень весело, особенно – Новый год. В это время в каждой квартире ставили ёлку и готовили небольшие подарки для детей. По очереди, в каждой квартире ждали гостей и устраивали праздник. Дети были счастливы! Можно сказать, что жили в доме одной большой семьёй. Родители работали вместе на одном предприятии, дети учились в одной школе, порой, и в одном классе, у них был общий двор, где они проводили всё своё свободное время, играя в футбол и главное – у них была общая крыша над головой – крыша их дома. Этот дом – место, где прошло детство детей 1950-х, такое счастливое и беззаботное, навсегда останется и моим местом памяти: там родился и вырос мой отец, а потом я и мой брат.

Люди переезжают с места на место, теряют связь со своей малой родиной, местом, где началась их жизнь. А у меня есть эта тихая радость – проезжая на работу и возвращаясь домой, видеть свой дом. Дом, в который 65 лет назад заселилась моя молодая бабушка, где спустя тридцать лет я делала свои первые шаги, а когда-то давно эти первые шаги делал Бердск, вступая в городскую жизнь. Теперь там живут другие люди и, наверняка, мечтают поскорее перебраться куда-нибудь из этого старого дома, который десятилетиями не ремонтировали. Сегодня на него смотрят по-другому, он не выдерживает конкуренции с многоэтажными красавцами, расположившимися неподалёку. Его время прошло, как и время его первых жильцов – строителей нового города.

Ирина Келина

Новосибирск

Дар вести за собой

Георгий Емельянович Колонда родился 2 мая 1923 года в небольшом селе Гонохово на Алтае, в многодетной семье крестьянина-середняка. С детства родители приучали детей не отступать перед трудностями, верить в свои силы, стремиться к профессиональным высотам. Все они выбрали себе дело по душе. Старший сын Фёдор, студент московского института философии и литературы, с первых дней Великой Отечественной войны пошёл в народное ополчение и геройски погиб в битве под Москвой, дочери выбрали медицину и педагогику, а младший сын Георгий, окончив семь классов в 1938 году, поступил в авиационный техникум.

Георгий Емельянович Колонда

20 мая 1941 года Георгий Колонда вместе со своими сокурсниками пришёл на преддипломную практику на Новосибирский авиационный завод имени В. П. Чкалова. Но здесь в учебный процесс вмешалась война.

Чкаловский завод – одно из крупнейших оборонных предприятий Новосибирска – с первых дней войны переведён на режим круглосуточной работы. О возвращении к учёбе не было и речи, вчерашние студенты работали наравне с кадровыми рабочими. Георгия назначили на должность контролёра, отвечающего за приём готовой продукции. В условиях военного времени эта работа являлась ответственнейшим участком на предприятии. Лозунг о том, что победа ковалась в тылу, ребята познавали на своём опыте.

За три военных года он освоил профессию, и молодого перспективного работника назначили старшим мастером. Теперь он отвечал за качество продукции на линии. А продукция эта была жизненно необходима фронту. Георгий Емельянович интересы дела всегда ставил выше личных. Но вместе с тем считал своим долгом заботиться о подчинённых, о тех людях, за которых нёс ответственность. И как бы ни хотелось пареньку защищать свою Родину с оружием в руках, он понимал, что его боевой пост – здесь.

В 1943 году учащимся техникума разрешили без отрыва от производства защитить диплом. Преподаватели, хорошо помнившие активного жизнелюбивого паренька, который уходил на преддипломную практику, отмечали, насколько повзрослел за эти годы Георгий. Защитив диплом, он вернулся на завод, и вновь окунулся в ставшую уже необходимой интенсивность рабочих будней.

Энергичный, инициативный, он обладал той особой харизмой лидера, которая позволяла увлекать людей за собой. Совсем ещё юный паренёк пользовался уважением заводских «стариков» – опытных кадровых рабочих, которые видели, что старший контрольный мастер старается не ради карьеры, но ради общего дела. В рабочем коллективе, где каждый на виду, где истинная цена слов всегда поверялась делом, Георгия Колонду выбрали комсомольским вожаком. Он прошёл все этапы профессиональной карьеры. Старший мастер, начальник смены, начальник потока, начальник цеха… И всюду, на любой должности он умел добиться успеха, сплотить людей для достижения цели.

Он всегда стремился постигать новое, и единственное, о чём серьёзно жалел все годы, это о возможности учиться, которой лишила его война. И в конце сороковых годов, несмотря на то, что на заводе работы хватало, дома подрастали маленькие дети, и выкроить свободную минутку казалось невозможным, поступил учиться в новосибирский педагогический институт, который в 1957 году закончил дипломированным историком.

Конечно, менять профессию Георгий Емельянович не собирался, но гуманитарный факультет дал многое – понимание исторических процессов, общий кругозор, умение вести диспуты и дискуссии. И ещё – осознание необходимости глобальных экономических знаний. В 1958 году он поступил во Всесоюзный заочный финансово-экономический институт.

Тогда же, в 1958 году, жизнь Георгия Колонды круто изменилась. Его избрали сначала председателем завкома профсоюза, а затем секретарём парткома завода имени Чкалова. Новая должность позволила понять тенденции производства в целом, выйти на иной уровень решения производственных проблем, установить тесные деловые связи с руководителями крупнейших предприятий района, районной и городской администрацией, райкомом и обкомом партии. Умение взаимодействовать с властью в решении важнейших производственных и организационных вопросов пригодилась ему в дальнейшей карьере.

В ноябре 1959 года Колонду назначили директором завода «Экран» – нового, стремительно развивающегося предприятия. Именно под его руководством произошло становление оснащённого передовой техникой предприятия, созданы крупнейшие в городе энергетическое и стекольное производства, обеспечивающие развитие электровакуумного приборостроения.

В самом начале своей деятельности на должности директора завода Геор-

гий Емельянович старался вникать во все подробности технологического процесса. Со временем, поняв специфику производства, он поручил технологические тонкости команде профессионалов под руководством главного инженера, а сам сосредоточился на управленческой работе. Он постоянно совершенствовал свои знания, закончил аспирантуру при институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию; теоретические знания он успешно внедрял в практику на родном заводе.

На посту руководителя предприятия особенно ярко проявился его талант организатора, умеющего прогнозировать перспективы развития производства, грамотно строить политику технического перевооружения завода. За время его работы на должности директора Новосибирский завод электронной техники вырос в крупное предприятие многоотраслевого направления. За 27 лет под руководством Колонды объём производства возрос в 16 раз, при этом ежегодный прирост объёмов составлял около 10 %. Из убыточного предприятия завод превратился в прибыльное производство, причём прибыль за годы работы Георгия Емельяновича увеличилась в 10,5 раза.

Продукция завода всегда оказывалась в центре внимания властей. Георгий Емельянович вспоминал:

«Поначалу мне было очень трудно вникнуть в специфику производства – я же гуманитарий, финансист. Когда предложили принять завод, а он тогда был, честно скажу, в плачевном состоянии, и провели по цехам, я решил, что с этим делом справлюсь. Мы самолёты делали, такие громадины. А здесь посмотрел номенклатуру – стекляшки крохотные. Да неужели же не осилю.

Но я глубоко ошибался. Не в размерах изделия вовсе дело. Наша продукция для страны была не менее важной, чем самолёты. И ошибку свою понял, когда не пошёл у нас электронно-оптический преобразователь, и министр А. И. Шокин специально собирал в Москве коллегию министерства, и там разбирали наши неуспехи. Это произошло буквально через полгода после моего назначения, и вот тогда, выходя после «разбора полётов», я понял, что электроника требует совсем другого подхода, если хочешь – иного интеллекта. И я стал перестраиваться. Создал команду грамотных, опытных специалистов, хорошо разбирающихся в специфике, способных качественно улучшить технологии, найти новые более экономичные пути развития производства. А себе поставил задачу генерировать идеи и помогать в их конкретной реализации».

И он умел подобрать людей, наметить стратегические линии развития, нацелить на достижение новых высот. Сегодня стиль руководства Георгия Колонды назвали бы корпоративным – он мог объединить людей вокруг решения конкретной проблемы, разглядеть в молодом специалисте задатки будущего руководителя, внимательно следил за ротацией кадров. Он любил коллективные праздники и совместные выходы на лыжах, во время первомайской и ноябрьской демонстраций обходил колонны, за руку здороваясь с рабочими и инженерами, охотно шёл в общей колонне, любил пошутить и посмеяться, помнил дни рождения и проблемы сотрудников. Он уважительно относился к людям, учитывал их запросы и потребности, внимательно выслушивал объяснения и предложения от всех категорий сотрудников. Но мог быть жёстким и суровым, потому что пуще всех недостатков не терпел в людях необязательности и разгильдяйства, но поддерживал тех, кто работает. Помо-

гал исправлять ошибки, учиться, профессионально расти.

Строительство и развитие завода стало для него главным делом жизни. При его активном участии построены и введены в эксплуатацию крупные энергетические объекты, новые цеха. Большой личный вклад внёс Колонда в освоение выпуска новых электровакуумных приборов, фотоэлектронных умножителей, электронно-лучевых трубок, электронно-оптических преобразователей, в том числе и впервые разработанных в стране приборов для нужд спецтехники.

Он был инициатором перехода на интенсивный путь развития. Под его руководством завод приступил к использованию поточно-конвейерных линий, роботов и различных автоматических, перегрузочных устройств.

Большое значение имело создание на заводе особого конструкторского подразделения, которое обеспечивало разработку новых изделий по направлениям специальной техники, и Георгий Емельянович внимательно и бережно относился к специалистам, способным внести новый вклад в развитие оборонной промышленности.

Государство высоко оценило трудовой вклад Георгия Емельяновича Колонды. Он – кавалер орденов Ленина, Трудового Красного знамени, «Знак почёта», «Дружбы народов» и шести медалей СССР.

Георгия Емельяновича уважали. И сотрудники, которые составляли его команду и проработали вместе десятки лет. И люди, столкнувшиеся с Колондой при решении тех или иных производственных либо хозяйственных вопросов. И жители окружающего микрорайона, которые 18 лет подряд избирали Колонду своим депутатом в Городском совете, и кто до сих пор вспоминает времена его директорства как лучшие. Он строил детские сады и столовые, бытовые комбинаты, общежития и пионерские лагеря, базу отдыха и поликлинику. Одним из первых он начал развивать подсобное сельское хозяйство – свинарник, коровник, зерносклады… Когда на завод обратились с просьбой построить водопровод протяжённостью 18 км, Колонда изыскал средства и возможности. Даже в благополучные советские времена на такие затраты шёл далеко не каждый руководитель предприятия.

Он был прирождённым хозяйственником. Ему было интересно участвовать в развитии города, и он, уже депутат и директор, постоянный председатель комиссии по бытовому и коммунальному обслуживанию Новосибирского горсовета, активно выступает в печати, ведёт работу по внедрению новой системы планирования и экономического стимулирования…

Ещё в 1971 он защитил кандидатскую диссертацию и работал по совместительству на кафедре экономики труда в Новосибирском институте народного хозяйства. А когда пришло время уходить на пенсию, не мог оставаться без дела и перешёл на преподавательскую работу. Последние пять лет был доцентом в институте народного хозяйства, передавал свой богатый опыт студентам.

В 1993 году ему исполнилось семьдесят, второго мая в гостеприимном доме на площади Калинина собрались друзья, бывшие коллеги Георгия Емельяновича, близкие. Он много смеялся, вспоминал трудные военные годы. С интересом расспрашивал о заводе, обещал прийти в гости после летнего отпуска. Но этого обещания, пожалуй, впервые на памяти тех, кто хорошо знал его, не выполнил. 24 августа 1993 года Георгий Емельянович Колонда скоропостижно скончался.

Евгения Буторина

Доволенский район

Золотые руки

В апреле 1940 года в семье Малышевых Якова Алексеевича и Веры Трифоновны родилась дочь, назвали девочку Нина. В семье было уже трое детей: две сестры и брат. Едва Нине исполнился год, как началась война.

Летом отца призвали на фронт, а в ноябре пришла похоронка, что пропал без вести. Вся работа легла на плечи матери, дома и на работе. В то время дети с малолетства были приучены к

труду. Уже в 6–7 лет помогали по хозяйству – поливать, пропалывать огород, пасли коров и овец, собирали хворост.

Война не осталась в памяти Нины Яковлевны, слишком мала ещё была, а вот послевоенное время уже помнит. Оно мало чем отличалось от военного, только что не приходили уже похоронки с фронта, не ждали с тревогой почтальона, какое письмо он принесёт – солдатский треугольник или казённый конверт. Не всегда досыта ели, не всегда одеты хорошо были, но тогда все так жили.

Уже в 10 лет Нина вместе со своими сверстниками летом работала на покосе с ночёвкой – подскребала граблями сено. Закончив 7 классов – тогда была школа-семилетка, пошла работать: сначала чабанам обед варила, а потом дояркой.

Вскоре вышла замуж за парня из другого села, родила двух сыновей. Но случилось горе – умер муж, и Нина Яковлевна вернулась вместе с детьми в родное село. И с тех пор уже не покидала его. Начала работать опять на ферме, доила ещё вручную по 12 коров, а потом стали доить аппаратом по 25–30 коров.

Через некоторое время познакомилась с Иваном Васильевичем и вышла за него замуж, с ним прожила уже более 40 лет.

Нина Яковлевна оптимист по жизни, все невзгоды, которые выпадали на её долю, переносила достойно, не склонив головы. Она, как сейчас говорят, трудоголик. Проработав более 40 лет в совхозе «Ильинский», получала только благодарности, премии, почётные грамоты, которых у неё огромное количество (Ударник коммунистического труда, Ударник социалистического труда 1979–80 годов). За свой труд Нина Яковлевна награждена медалью «За трудовую доблесть»!

Принимала Нина Яковлевна активное участие в общественной жизни села – избиралась депутатом местного и районного советов несколько созывов подряд.

Участница художественной самодеятельности. Пела со своим коллективом животноводов фермы № 2, тогда у них была своя вокальная группа, дуэтом с Кулешовой Галиной, на сценах Ильинского и районного ДК, участвовали в различных конкурсах и за пределами района, где всегда занимали призовые места. Ещё она писала стихи, сочиняла частушки на злободневные темы, выступала в разговорном жанре – у неё очень своеобразный говор – сейчас уже так и не разговаривают, её речь звучит как ручеёк, она знает много поговорок, пословиц. Никто не слышал, чтобы она говорила с кем-то, повысив голос – всегда ровно и доброжелательно.

В 1995 году Нина Яковлевна ушла на заслуженный отдых, но ещё долго односельчан радовала своим присутствием на сцене местного Дома Культуры.

Есть такое выражение «золотые руки» – оно в полной мере относится к Нине Яковлевне. Есть ли что-то такое, чего бы она не умела делать? Замечательная хозяйка: у неё и в доме, и на огороде идеальный порядок. Умеет

шить, вязать, до сих пор вяжет своим внукам носки, варежки. Ткала, была такая пора в 70–80-х годах теперь уже прошлого века: сколько было соткано дорожек, ковров, и на всё хватало времени! Ковры Нины Яковлевны выставлялись на выставке декоративно-прикладного искусства в Довольном.

А ещё Нина Яковлевна – печник, казалось бы, не женская работа, но почти у половины жителей села сложены печи её руками.

Вдвоём с мужем вырастили четверых детей, в меру сил помогают внукам, у них их пять, и восемь правнуков.

В 2015 году в сельском Доме Культуры совместно с советом ветеранов в знак признания и уважения состоялся литературно-музыкальный вечер «В этой деревне огни не погашены» по творчеству Нины Яковлевны.

Достойную жизнь прожила Нина Яковлевна, жалеет лишь об одном, что так и не узнала до сих пор, где же погиб и похоронен её отец.

Галина Дорошина

Болотнинский район

Сапёр Сергей Оснач

Сергей Михайлович Оснач родился 29 января 1966 года в городе Болотное Новосибирской области.

Он один из семи жителей Болотнинского района, погибших в 1980–1988 годах в Афганистане.

Сергей Оснач ученик средней школы № 2 города Болотное

Служил в 68-м Тахта-Базарском погранотряде КСАПО (Краснознамённого Среднеазиатского Пограничного Округа) ПВ КГБ, сапёр инженерно-сапёрного взвода мотоманевренной группы (ММГ) Карези-Ильяс.

В 2011 году родственники Сергея Оснача передали в Болотнинский районный историко-краеведческий музей несколько документов и фотографий, связанных с биографией и подробностями гибели нашего земляка. Часть фотодокументов и воспоминания бывшего сослуживца Оснача Сергея Аристова, дополнившие информацию, имевшуюся в музее, были обнаружены на одном из форумов в интернете, посвященном 68-му Тахта-Базарскому ПогО.

По воспоминаниям соседей и педагогов, Сергей Оснач рос спокойным и молчаливым ребёнком. Любил работать в школьной теплице, выращивал помидоры и цветы, по общему мнению учителей, мог стать хорошим садоводом.

Закончил восемь классов в средней школе № 2 города Болотное.

По окончании средней школы поступил в СПТУ-59 города Юрга Кемеровской области, в котором получил специальности слесарь-сантехник и газоэлектросварщик.

До призыва в армию работал в Болотнинском вагонном депо и на Юргинском абразивном заводе.

31 октября 1984 года Юргинским ГВК Кемеровской области был призван на действительную военную службу в Тихоокеанский пограничный округ, которую, по сведениям писателя Анатолия Смирнова, опубликованным в 2014 году в эссе «Девятая мина» в журнале «Сибирские огни», Оснач начал в учебном центре в селе Камень-Рыболов на берегу озера Ханка. После прохождения учебного курса был зачислен в инженерно-сапёрную роту сапёром.

В марте 1985 года в КТПО на базе 69-го Ханкайского пограничного отряда была сформирована мотоманевренная группа для выполнения боевых задач в Республике Афганистан. Сергей был зачислен в мангруппу сапёром в инженерно-сапёрный взвод. 18 апреля 1985 года на участке первой заставы «Зульфагар» Тахта-Базарского пограничного отряда Тихоокеанская мангруппа пересекла границу и вошла в кишлак Карези-Ильяс, сменив на этом посту Забайкальскую ММГ. После проведения операции в районе Чашмайи-Инджир для перекрытия ирано-афганской границы от ММГ Карези-Ильяс на высоте 712 возле погранпоста Шаршари в провинции Герат был выставлен пост. Сергей в составе сводной заставы нёс службу на этом посту.

По сведениям Анатолия Смирнова, на новом месте службы Оснач участвовал в ликвидации формирования Башира на направлении Чахи-Аб – Ру-

стак и в Ташкурганской операции. За время службы обнаружил и уничтожил восемь взрывных устройств.

5 октября 1985 года группа, возглавляемая А. Карпасовым, в которую входил Оснач, двигалась на БТР № 356 и ЗИЛ-131 с точки в кишлак Нехальшани для пополнения запасов воды. В 8 часов 50 минут в районе кишлака Чакав БТР № 356 подорвался на фугасе. Сергей Оснач получил тяжёлое ранение, был эвакуирован.

Из воспоминаний Сергея Аристова, водителя ЗИЛ-131 инженерно-сапёрного взвода: «Шаршари. 5 октября 1985 года, как обычно, наступил очередной день поездки. Ездили в Чакав за продуктами, боеприпасами и дальше в Нехальшани, на колодцы, за водой. Ездили как обычно БТР-356, на нём водитель Щеголев, стрелок Макаров, фельдшер Савастов, сапёр Оснач, сапёр Дубовник, старшим к-н Карпасов и на ЗИЛ-131 – я, Аристов. С точки до дороги спустились нормально, повернули направо и пошли в сторону Чакава. Мимо точки и по старому минному полю, где лежит разорванный БТР, прошли без приключений, сапёры, как обычно, шли впереди и проверяли дорогу.

Пост высота 712

Между Чакавом и Шаршари есть небольшой перевальчик, поднялись на него и перед спуском, эта сторона просматривалась с Чакава, поступила команда на броню. БТР тронулся, повернул направо и пошёл вниз, я только начал движение, и в это время сильный взрыв. Не знаю, как такое может быть, но у меня перед глазами прошло замедленное кино, все происходило очень медленно. БТР от взрыва встал почти на дыбы, развернулся на 90 градусов и упал, развороченной мордой на горку, поперёк дороги. Все, кто были на нём, медленно сыпались сверху на землю. Я пришёл в себя, если можно так сказать, сижу в машине и давлю на педаль тормоза. Очнулся, схватил автомат и к БТРу, а в голове, хоть бы не засада, а то один в поле не воин.

Сергей Михайлович Оснач

Подбежал к БТРу, Оснач лежал справа, у него не было сапог, и ноги были аж чёрные и распухшие, всё досталось ему, я подбежал к нему, посмотрел, он был жив. Я пошел к БТРу, слева от БТРа лежал Макаров, справа сидел Савастов и держался руками за голову, я ему сказал, что Оснач совсем плох, нужна помощь, и Савастов пошёл к нему. Рядом лежал Карпасов и говорил, что что-то со спиной, я взял какую-то седушку с земли и положил ему под голову, сказал чтобы он пошевелил ногами – вроде, всё в порядке. Дубовик схватил щуп и со словами, мины, мины, пошёл по дороге, проверяя её.

Стою, а в голове мысли, почему пятеро, должно быть шесть человек, и тут дошло, водителя БТР не вижу нигде. Залез на броню, а он сидит внутри и стонет, всё лицо в крови, сильно разбито. Как я понял, он, вылетая, зацепился за что-то, и назад вовнутрь влетая, разбил лицо и насадил ногу на рычаг скоростей, но это я увидел позже. Попытался тащить его через люк вверх, но он начинал кричать, что-то не давало. Позвал Макарова, он залез на верх, а я через пробоину вовнутрь БТРа, там и увидел что нога проткнута и поэтому не получалось вытянуть Щеголева. Снял ногу с рычага, и с Макаровым вытащили водилу, положили на землю. Вкололи ему обезболивающее и забинтовали лицо.

В это время, в сторону Чашмы, пролетали вертушки, я забежал на горку и махал бинтами, думал, увидят – помогут. Но они пролетели туда, и потом обратно и сели на Чакаве. Тут мы услышали рёв БМП, это с Чакава напрямую

пёрли к нам, на БМП были врач нач. ман. Чакава. Врач начал оказывать помощь. Прилетели вертушки и начали погрузку пострадавших, хотели и меня отправить, но я «отбрехался», не хотелось отметку в военнике. Савастов тоже шланганул, спрятался у меня в машине, но позже его отправили в госпиталь. Вертолёты улетели, пришли сапёры с Чакава, зацепили БТР и пошли в мангруппу. Там был подробный допрос, осмотр врача, выдачи кучи таблеток, раз в госпиталь не поехал, и дальше всё по плану, но уже с Чакавской группой прикрытия. Позже сообщили, что Оснач умер в вертолёте – не довезли».

В центре Сергей Оснач

Тело Оснача было доставлено в посёлок Тахта-Базар (современный Тагтабазар Марыйского велаята Туркмении).

В свидетельстве о смерти от 6 октября 1985 года, выписанном в посёлке Тахта-Базар Марыйской области Туркменской ССР, сообщалось: «Причина смерти: острая кровопотеря в результате закрытой травмы живота с повреждением брюшной аорты. Место смерти ДРА».

В посмертной характеристике Оснача было написано: «Неоднократно участвовал в боевых операциях, рейдах, действовал смело и хладнокровно, обнаруживая и уничтожая взрывные устройства…»

9 октября 1985 года Сергей Оснач был похоронен в Болотном.

За стойкость и мужество, проявленные во время выполнения боевого задания посмертно он был награждён орденом Красной Звезды.

В 1988 году в Болотном именем Оснача была названа улица.

Память о Сергее Осначе также увековечена в музее сибиряков-пограничников, созданном в школе № 88 города Новосибирска.

Евгений Терентьев

Бердск

Наш микрорайон

Первый корпус Бердского электромеханического завода (БЭМЗ) был заложен в 1959 году. Но прежде чем возводить основные корпуса завода, данную территорию тщательно исследовали геологи из Новосибирской геологоразведочной партии, той самой, в которой буровым мастером был мой дедушка Дмитрий Антонович Коновалов, а руководителем партии был Валентин Баталов. Часть рабочих с некоторым оборудованием ещё в 1959 году перевезли из Карасука в организующийся между Новым посёлком и посёлком Кирова под Академгородком посёлок Геологов. Всё остальное, в том числе и семьи, перевезли сюда только в конце августа 1961 года.

Геологи исследовали территорию под возведение завода, бурили скважины, вытаскивали керн и изучали грунт на предмет – можно ли строить здесь здания или нет. Бабушка моя не раз вместе с геологами ездила в Бердск, и пока дедушка с товарищами производили необходимые геологические работы, она собирала клубнику, бывало, набирала и по большому ведру в тех местах, где сейчас расположен Микрорайон.

При БЭМЗе в те далекие годы была своя строительная организация, её рабочие возвели не только жилые дома на 11-м квартале, но и два Микрорайона недалеко от территории завода. Получить квартиру трудящимся завода было не так уж и трудно, надо было только шесть месяцев отработать на строительстве домов.

Мои самые ранние детские воспоминания связаны с Микрорайоном «Б», мы там жили в доме номер 6. В центре небольшого микрорайона на девять домов была большая площадка, свободная от автомобилей. Родители без тре-

воги отпускали поиграть детвору. Чего только не было на этой площадке. Хоккейная коробка для спортсменов, для любителей концертов в тени стройных берез стояла агитплощадка со сценой и лавочками, почти перед каждым домой поставлены качели, деревянные домики для малышей. Много тенистых аллей с подстриженными деревьями, где так удобно было играть в прятки, а в центре – большая клумба с цветами. А жилые пятиэтажные дома как солнечные лучи были построены вокруг этой площадки.

Да и вообще там всё кругом было в зелени. Напротив нашего 6-го дома через дорогу с одной стороны была густая берёзовая роща с тропинками и небольшим болотцем. Туда мы бегали наблюдать за жизнью лягушат, ловили их, отпускали, снова ловили. За рощей – «финские» домики с большими огородами, там же был родной деревянный детский садик «Теремок», он с трёх сторон был в огородах, и красивое деревянное здание библиотеки. Особенно в летнее время, когда нас детишек выводили на прогулки, мне нравилось наблюдать за «огородной» жизнью вокруг садика: пропалывают, поливают, подвязывают, тут петух кукарекает, там куры кудахчут, собаки брешут, местные коты на солнышке греются. И кругом высокие деревья шумят на ветру.

Рядом с Микрорайоном – другой детский сад, тоже весь в зелени, шко-

ла № 11 имени Зои Космодемьянской, куда шли учиться подросшие ребятишки.

Помню свою первую учительницу Валентину Петровну Нехорошеву (жаль, не сохранилось фотографии), она с такой лёгкостью и вниманием решала все наши детские проблемы. Однажды она к нам, второклашкам, на классный час пригласила Владимира Яковлевича Переладова – участника Великой Отечественной войны. Тот классный час из далекого 1979-го навсегда врезался мне в память. Владимир Яковлевич рассказывал нам о том, как попал в плен в октябре 1941 года, бежал из концлагеря, и впоследствии командовал Русским ударным партизанским батальоном, действовавшим в горах Италии. Его книга «Записки русского гарибальдийца», вышедшая в Новосибирском книжном издательстве в 1988 году – одна из моих любимых…

Перед зданием 11-й школы на месте тонких саженцев, за которыми заботливо ухаживали пионеры, теперь шумят перед школой высокие берёзы и рябины. Вообще мы всегда удивлялись, почему в нашем Микрорайоне так много зелени. А это строители, планируя расположение домов, постарались сохранить кусочки леса, а потом ещё, когда строительство домов было закончено, высадили аллеи.

С другой стороны Микрорайона – широкая тополиная аллея, а че-

рез дорогу – лес, ленточный бор, который протянулся вдоль берега Обского водохранилища (моря). Вглубь него смотришь – берёзки, сосны, рябинки, в него мы бегали за грибами, ходили купаться и загорать на берег моря. Для спортсменов в лесу была проложена лыже-роллерная трасса, на которой раньше даже было освещение в вечернее время.

Вообще наш микрорайоновский лес – место уникальное. В н ём много дорожек и тропинок, которые выведут вас на крутой берег Обского водохранилища. Лес приветливо встречает гуляющих в нём людей – ровными рядами стоят молодые сосёнки и высокие огромные сосны, берёзы, черёмуха, дрожат тонкие осины… Когда во время прогулки попадаешь в кедровник, дышится сразу легко, за ним полянки с земляникой, заросли дикой малины. Люди заботливо установили в кедровнике кормушки для птиц и белок. Немного дальше пройдёшь и встретишь густые заросли молоденьких ёлочек. Есть и делянки деревьев, высаженных людьми, и даже молодые дубы. А под деревьями – густой ковёр душистых лесных трав с яркими цветами, сквозь который пробиваются молодые кустарники. А какие поляны с резными папоротниками!

В наш лес мы ходим отдохнуть душой, послушать шум листвы на ветру, пение птиц… Вон высоко на сосне дятел в красной шапочке долбит клювом кору, а тут синички-гаечки верещат… По очереди угощаются в кормушке синичка-пухляк и поползень, но иногда их спугивает проголодавшаяся белка. Высоко в небе кружат коршуны… Выходишь из леса на крутой берег Обского водохранилища, и расстилается перед глазами морская спокойная гладь далеко-далеко за окоём, а в ней отражается рассветное или закатное солнце…

Наталья Семьянова

Новосибирск

Точка кипения

Его вспоминают настолько поразному, что иной раз сомневаешься – об одном ли человеке речь? По словам тех, кто его знал, он был одновременно добрым и беспощадным, вдумчивым и рубящим с плеча, способным увязать все мнения в единый узел и невероятно упрямым. И горячим, горячим до кипения – в этом, пожалуй, сходятся все, кто помнит о Севастьянове. Об Иване Павловиче Севастьянове, который два десятка лет был «градоначальником» Новосибирска – председателем исполкома городского Совета народных депутатов.

Сын Севастьянова, Владислав Иванович, рассказывал: «Отец был родом из старинной томской деревни Монастырки, что в Васюганских болотах. После семи классов способного ученика оставляют в местной школе учителем, а через несколько лет он едет за новым назначением в Колпашево – на должность директора школы. В 17 лет! Но по дороге знакомится со студентами и поступает в Томский железнодорожный техникум. Закончил его без единой тройки. Сюда же из Красноярского края приехала его будущая жена Шура (Александра Кузьминична). Она была самая симпатичная в группе, а про своего Ивана, с которым встречалась на свиданиях у титана (он её угощал хлебным пайком – буханка на неделю), вспоминала так: «Как вешалка был худющий». У него был великолепный голос, которым он тоже покорил свою будущую жену. Севастьянов пел всю жизнь».

После окончания учёбы на распределении Севасьянов с женой попали в Первомайку на станцию Инская. Иван Павлович был диспетчером, инженером на станции, но скоро из-за своей активности стал комсоргом. Когда началась война, он был вторым секретарём Первомайского райкома КПСС, после войны – первым.

Далее работал начальником политотдела Инского и Новосибирского отделений Томской железной дороги, заместителем начальника политотдела дороги. В 1952 году ему удалось отпроситься на учебу в НИВИТ (Новосибирский институт военных инженеров транспорта). В 1953 г. НИВИТ был преобразован в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ). После НИИЖТа Севастьянова назначают начальником станции Новосибирск-Главный, потом зам. начальника Новосибирского отделения дороги. И скоро он становится замом по транспорту у председателя горисполкома, а затем председателем горисполкома.

* * *

Первого марта 1963 года решением сессии горсовета Иван Павлович Севастьянов стал председателем горисполкома, «градоначальником» Новосибирска. Кандидатур было три, но выбрали его. И как показали последующие двадцать лет, не ошиблись. Ведь Севастьянов любил браться за любую работу, даже черновую, не жалея для неё ни вечеров, ни выходных.

После трёх месяцев работы Севастьянова в председательской должности 8 июня 1963 года на сессии горсовета прошло серьёзнейшее обсуждение благоустройства города, его архитектурных достоинств. И – что было особенно болезненно – недостатков: отсутствие законченных архитектурных ансамблей, малых форм, запущенные, неустроенные улицы. Спустя годы, когда стараниями Севастьянова были проложены Вокзальная магистраль, улицы Нарымская, Плановая, Жуковского, проспект Димитрова, когда вырос второй коммунальный мост через Обь, когда количество жилья увеличилось почти в три раза, а площадь снесённых барачных развалюх исчислялась миллионами квадратных метров – вспоминал ли кто-нибудь о том полном боли за родной город обсуждении на сессии горсовета? О задевшей многих горячности нового председателя? Наверное, нет. А жаль…

Иван Павлович Севастьянов

Один недостаток был у Ивана Павловича. Один, но, по мнению многих, очень серьёзный. Упрям был на редкость. Но этот недостаток, по мнению тех же многих, чаще всего… играл на пользу дела. Упрямство – оно ведь близкая родня настойчивости, друг без друга они не ходят.

Как-то из одной московской командировки Севастьянов привёз в Новосибирск план на триста тысяч квадратных метров кооперативного жилья. Не общей, а жилой площади! При том что строили тогда всего, включая львиную государственную долю, – четыреста пятьдесят тысяч «квадратов» в год. Ох и наспорились тогда Севастьянов со своим замом по строительству, будущим первым секретарем Новосибирского обкома Александром Филатовым! Ох и надискутировались! «Соберемся, помню, один на один и наговорим друг другу все, что только можно!» – смеётся, вспоминая, Александр Павлович.

Тогда Филатову удалось «переупрямить» Севастьянова только через областной Совет. Который и вынес посильное для города решение: кооперативное жилье строить, но не триста, а сто тысяч квадратных метров. Карьерист бы в такой ситуации непокорного зама «съел». Неумный упрямец отправился бы в Москву, чтобы попытаться прижать областной Совет вышестоящим распоряжением. Севастьянов же просто продолжал работать. С тем же заместителем. Не было у него в обычае ни мстить, ни настаивать на собственных промахах. А деловые споры… Куда от них денешься?

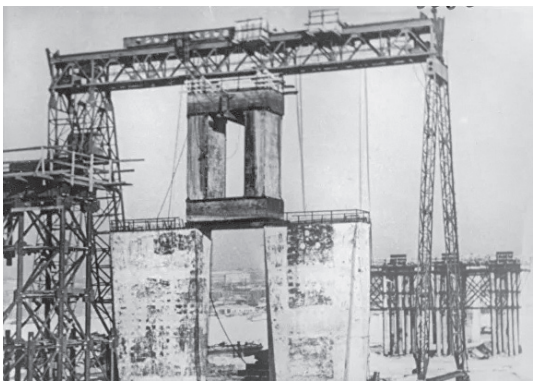
А вообще его настойчивость, осо-

бенно когда новосибирские вопросы решались в Москве, была для города воистину бесценным даром. Так было со строительством второго моста, так было, когда задумывался, проектировался и строился новосибирский метрополитен. Сейчас часто говорят и пишут о том, что Севастьянов чуть ли не в одиночку «пробил» метро. Поговорил, мол, с Косыгиным – и готово дело.

Трудно сказать, на пользу ли авторитету Ивана Павловича такие разговоры. Сам он, как известно, приписок не терпел и других за это не жаловал. Не так-то просто всё было, и строительства метро добивалось, на самом деле, не одно поколение городских и областных лидеров. Метро полагалось городу только при населении больше миллиона. Новосибирск перешагнул эту отметку в самом начале 60-х, тогда и заговорили впервые о сибирской подземке. Инициаторов было много: специалисты НИИЖТа (нынешнего СГУПСа), «отцы» города и области, депутаты. Быть или не быть новосибирскому метрополитену решали на высшем Союзном уровне. Решал даже не Косыгин, а сам генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев.

Было и такое, что помощник Брежнева Голиков в личном разговоре с первым секретарём обкома поинтересовался, есть ли у новосибирцев «свой человек» в Политбюро КПСС. Узнав, что нет, засомневался: «Не добьётесь метро». Но чуть позже Севастьянова пригласили на заседание Совета Министров: решение о строительстве метро в Новосибирске было принято. Вот тогда-то и началась его главная работа. В ту пору для строительства метро в городе ничего не было: ни проектной организации, ни производственных мощностей. И даже проектировать новосибирское метро начали в Баку, и первый метроотряд был приезжий – из Таджикистана. Так что создание собственной специализированной проектной и строительной организации – это стопроцентная заслуга Севастьянова.

Организаторского таланта на эту работу положено было немерено, потому что даже для того времени новосибирское метро построено в небывало сжатые сроки. О том, какими трудными были эти пять лет, знают, пожалуй, только те, для кого они стали завершающим рывком к финишной красной ленточке, разрезанной на церемонии открытия первой очереди новосибирского метро. Финишным рывком после многих лет кропотливой, на постоянном взлёте-пределе, ежедневной и далеко не всегда заметной работы. Львиную долю этой работы вывез на себе Иван Павлович Севастьянов. Пять станций, депо, метромост через Обь, инженерные сети – им была заложена мощная основа для развития первой сибирской подземки, оставалось только, отталкиваясь от созданного, работать дальше. Тем более что и остальные пять станций были на тот момент в изрядной стадии готовности…



Строительство Димитровского моста

Что же до строительства второго моста, получившего в народе название «Новый», а в 1990-х годах – «Димитровский» (официального названия мост так и не получил), то его действительно «пробил» сам Севастьянов. Вхож был Иван Павлович в московские кабинеты, в столице его знали и слушали. И это при том, что Москва всегда больше признавала и привечала областных руководителей! Помогало Севастьянову и то, что очень хорошо, по-землячески, относился к Новосибирску Алексей Николаевич Косыгин. Но даже самое доброжелательное отношение московского руководства ничего не дало бы без встречной энергии «городского головы». Как-то в ответ на замечание Косыгина: «Вам бы кинотеатр хороший построить», – Севастьянов отреагировал мгновенно: «А давайте, Алексей Николаевич, такой же, как «Россия» в Москве!» Конечно, две с половиной

Кинотеатр им. Маяковского

тысячи мест Новосибирск бы не вытянул, не дал бы кинопрокату плановой прибыли. Но зерно идеи было посеяно, поддержкой Косыгина Севастьянов заручился. И вырос на Красном проспекте кинотеатр имени Маяковского на тысячу двести мест…

Новосибирск развивался по-молодому бурно. Рос, строился новосибирский Академгородок. А сколько сессий горсовета посвящалось улучшению благоустройства и внешнего облика города! Объявляли конкурсы на лучшее оформление города, в которых участвовали проектные и учебные институты. И всё-таки самой болезненной проблемой Новосибирска 60-х было плачевное состояние коммуникаций. Общей городской канализации просто не существовало. Сброс шёл в речки Каменку и Ельцовку через 41 «источник». Перспектива «канализационной» заразы грозила Новосибирску непрестанно. А с неба на город оседали выбросы огромного количества котельных.

Со второй половины 60-х началась грандиозная реконструкция городского хозяйства. Решающий шаг к превращению Новосибирска в чистый, благоустроенный город был сделан в том самом 1963-м, первом «севастьяновском» году. А немногим позже Севастьянов и председатель совнархоза Смирнов подписали договор: общими усилиями, при совместном финансировании построить в городе канализацию, осуществить теплофикацию и соорудить водопровод, водозабор.

С теплофикацией при помощи промышленников справились быстро. С водопроводом пришлось повозиться подольше, но за несколько лет тоже справились: сделали ковшовый водозабор и очистные сооружения на миллион кубометров. До этого в городе потребляли 92 литра воды на человека. До многих домов и квартир вода добиралась только ночью, а кое-где вообще не появлялась. С окончанием строительства каждый новосибирец получал уже 350 литров воды.

Сложнее всего оказалось с канализацией. Из-за промашки предприятия-исполнителя объект не включили в план пятилетки. Но худа без добра не бывает: площадку под очистные сооружения первоначально отвели на стыке Заельцовского и Железнодорожного районов, в центре Новосибирска. За годы вынужденной отсрочки строительства Севастьянову и его команде удалось «переместить» её за город.

Севастьянов вникал во всё: сам выезжал на место, чтобы разобраться в вопросах благоустройства. Разберётся, нашумит… Требовательный был – и к себе, и к другим. Причём упорством и настойчивостью отличался не только по отношению к равным и нижестоящим. Председателю исполкома городского Совета частенько приходилось «выбивать», «выжимать» из неподатливых министерств и ведомств необходимые средства и лимиты. Добиваться, чтобы позарез необходимый городу объект включили в государственный план. Взять хотя бы то же метро: добиваться его строительства новосибирские власти, в том числе и председатель горисполкома, стали в начале 60-х, а строительство началось только в 1979 году. Объект, конечно, уникальный, но больше пятнадцати лет беспрестанного административного труда – тоже далеко не рядовое явление. Так же, впрочем, как и «выжимание» решений о строительстве второго моста через Обь и строительстве очистных сооружений и развитии канализационной сети.

Председатель горплана Владимир Павлович Чикинев, а также директор «Горводоканала» Василий Иванович Соловьёв сопровождали Ивана Павловича в поездках по министерствам. Чикинев вспоминал: «В 1973 году мы начали строить очистные сооружения. Сейчас, возможно, кому-то трудно понять, что такое коллектор нижней, верхней зон, очистные сооружения в Кудряшах, дюкер через Обь… А ведь

Вокзальная магистраль и Центральный универсальный магазин. 1970-е годы

до этого все городские стоки сбрасывались в Обь. Строительство сооружений требовало огромных даже по тем временам денег – 73 миллиона рублей. Деньги надо было «выколачивать». Мы обошли кабинеты одиннадцати министров! Понятно, что желанными гостями там не были. Министры Севастьянова не ждали, потому что знали: Севастьянов идет что-нибудь просить и от него так просто не отмахнёшься. И вот здесь Иван Павлович показал себя просто борцом, инициативным защитником интересов города. Помню, как перед нами закрыли очередную дверь, но Иван Павлович пошёл напролом. Разговор был жёстким. «Не выделишь денег, – сказал Иван Павлович министру, – перекроем всем твоим предприятиям в городе воду, канализацию, изолируем их!» Перед таким аргументом министры становились сговорчивее. Вот так с боем и собрали необходимую сумму на строительство очистных сооружений».

Время Севастьянова – это годы больших мощностей. Под его административным «крылом» в Новосибирске построили самые мощные за Уралом тепломагистрали, реконструировали ТЭЦ-4, ТЭЦ-3, заново построили и ввели пять котлов на ТЭЦ-5… Сегодняшние критики рассуждают о локальном, децентрализованном теплоснабжении, а тогда, тридцать – сорок лет назад, их отцы и матери мечтали о централизованном тепле, о горячей воде «из крана». Теперь и представить трудно, что даже в пятиэтажках когда-то стояли громадные, в полкухни, дровяные печи. Даже при всей своей организационной мощи Иван Павлович едва успевал справляться с дефицитом тепла в стремительно развивающемся (с его же лёгкой руки!) городе.

Росли под рукой Севастьянова предприятия, росли дома – как деревья при многократно ускоренной съёмке. Бывало, что рано утром горожане видели едва поднявшийся над фундаментом цоколь, а возвращаясь с работы, ахали: смонтированы стены и перекры-

Жилые дома на улице Гоголя. 1970-е годы

тия первого этажа, поднимается второй. Жилье, конечно, было немудрёное – типовые четырёх-, пятиэтажки. Но построили их тогда с таким запасом прочности, что сегодняшние специалисты-конструкторы всерьёз говорят о возможности перепланировки, надстройки и значительном продлении срока службы.

Тогда Москва запрещала строительство домов по индивидуальным проектам. Москва запрещала, а Севастьянов мечтал о будущей красоте и неповторимости новосибирской набережной, об оригинальной застройке центральных улиц. Не грезил по-маниловски, а видел и верил – Новосибирск должен быть самобытным, узнаваемым городом с яркими архитектурными чертами. Потому и преградил безликий поток массовой крупнопанельной застройки на подступах к историческому центру и обской набережной. И гордился этим, как одним из самых главных своих достижений гордился! Ставил уберёжённый от типовой безликости центр города в один ряд с такими своими победами, как расселение и снос бараков-«засыпушек», избавление Новосибирска от зловонной речки Каменки, строительство коллектора и очистных сооружений. Кроме того Иван Павлович остановил вырубку Зельцовского бора, тем самым сохранив «лёгкие» города.

Дети и внуки Севастьянова живут в Новосибирске. В городе, который за кипучее «севастьяновское» двадцатилетие вырос из угловатого провинциала в настоящую сибирскую столицу. С подачи Ивана Павловича появилось и в Новосибирске звание Почётного гражданина города. В июне 1993-го и сам Иван Павлович стал Почётным… А в 1996-м, после тяжелой, мучительной болезни ушёл из жизни. В свои последние годы и месяцы он не растерял ни мужества, ни терпения, ни редкостного умения самостоятельно справляться с собственными трудностями. В течение двух долгих лет, пока не начались ещё невыносимые, изматывающие боли, он вообще скрывал болезнь от домашних – считал, что незачем их беспокоить.

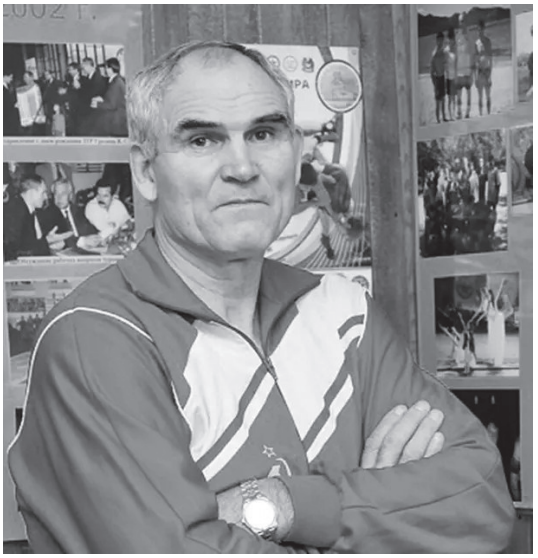
Похоронен Иван Павлович на Зельцовском кладбище. А окаменевшей памятью о нём стали дома, улицы, микрорайоны, мосты… – весь наш шумный, бурлящий, согретый горячей севастьяновской душой Новосибирск.

Светлана Сиваковская

Венгеровский район

Я – деревенский!

Человек – легенда. Другого такого самбиста на планете нет. Чемпион чемпионов. Все эти эпитеты адресованы нашему земляку, уроженцу Новых Куликов – Александру Михайловичу Пушнице.



Александр Михайлович Пушница

Он до сих пор является самым титулованным самбистом в мире. Трёхкратный чемпион мира, двукратный чемпион Европы, девятикратный чемпион СССР, трёхкратный победитель Кубка мира, четыре раза побеждал на Спартакиаде народов СССР, семикратный чемпион России. В 1997 году в Париже стал чемпионом Европы среди ветеранов. Заслуженный мастер спорта и вице-президент Всемирной федерации самбо.

Большая часть жизни и вся спортивная карьера Александра Михайловича прошли в Омске. Сегодня у него там своя школа самбо. Омск много дал чемпиону, а спортсмен отблагодарил свою вторую Родину победами. Александр Михайлович является почётным гражданином города Омска. Невозможно представить, что кто-то смог бы

достичь таких же высот, живя и тренируясь в деревне. Он уехал из деревни, из родного дома, чтобы побеждать и отстаивать честь страны на спортивных соревнованиях по всему миру.

Но прославленный чемпион никогда не забывал и не забывает свою родную деревню. Наоборот, всегда подчёркивает, что она дала ему ту силу, природную ловкость, координацию, характер, которые помогали ему в спортивной борьбе.

На борцовском ковре

В подтверждение тому одно воспоминание Александра Михайловича. Отвечая на вопрос журналиста о «чёрных моментах в его спортивной карьере», он рассказывает:

– Увы, куда же в реальной жизни без огорчений?! Наверное, самый сильный шок за время выступлений испытал в 1975 году, когда меня, безусловно, «первого номера» сборной, вдруг не взяли на чемпионат мира. Когда мне об этом сказали, ушам своим не поверил: да как же так-то?! Мне объяснили: «Понимаешь, Саша, чемпионат ведь пройдёт в Минске, и из высших политических соображений надо, чтобы в сборной был хоть один белорус». Единственный более-менее реальный кандидат – Валерий Кардополов, выступавший как раз в моем весе. Он, кстати, чемпионом у себя дома не стал, проиграл англичанину Алану Моррису. Ну а я был просто вне себя – две недели не мог нормально уснуть! В итоге уехал в деревню, целыми днями гулял по лесу. Грибы собирал, ягоды – в том году был отличный урожай брусники! В итоге успокоился, пережил эту несправедливость.

В самые тяжёлые моменты именно родные места давали силы непобедимому спортсмену. С 1974 по 1981 год борец Пушница не проиграл ни одного поединка. Уникальное достижение.

Мы не сдались

В 1949 году 1 ноября в деревне Коренново в семье сельских учителей Марии Максимовны и Михаила Игнатьевича Пушница появились на свет два сына-близнеца, Александр и Владимир. С младенчества они привыкли, что их много, что они – сила, опора и надежда отца.

Когда стала разъезжаться деревня, семья Пушница переехала в Морозово – поселение в два десятка дворов. А затем перебрались в Новые Кулики. Старшая сестра Валя, братья-близнецы, а ещё тянулся вслед за ними младший брат Василий. Такая известная, пока только на одну деревеньку, семья.

Вот что рассказывает о своем детстве Александр Михайлович: «Деревенская жизнь тяжела. Взрослые все время работали, потому приходилось с раннего детства оказывать посильную помощь родителям – нас с Володей брали на заготовку дров, на сенокос. Иногда долгими зимними вечерами отец рассказывал о том, как воевал. Мы внимательно слушали, а потом с мальчишками разыгрывали разные фронтовые ситуации.

Однажды старшие классы пошли на наш, младший класс. Когда все разошлись и остались только мы с братом, они положили нас в снег, он набился и в рот, и везде. Делали так, чтобы мы сдались. Но мы не сдались, мы насмерть там стояли. Конечно, они уронили нас, потому что взрослые и пять человек. Но важен сам факт, что мы не капитулировали.

Когда мы немного подросли, то вместе со взрослыми выезжали на сенокосы. Километров за 10–15. Делали там шалаши и жили по месяцу. Нам очень нравилось. Мы же всегда голодные, а там специально для уборочной кололи бычка на мясо и варили его на костре в ведре. Вкусно, с дымком. В общем, с удовольствием туда ездили. Днём работаем, а вечером играем в футбол или

боремся. Боролись прямо на траве. Мы часто с Володей выходили в финал, хотя там были и старше пацаны. Правил особых не было, просто надо было положить на лопатки.

Отец был учителем по всем предметам и в том числе – по физкультуре. С детства увлекал нас спортивными играми. Делал какие-то призы, строил шеренгу и объявлял: «Первое место вручается такому-то. Выходи из строя!» Кроме того, он был заядлым болельщиком. У него, единственного в деревне, был радиоприёмник, который с такими большими аккумуляторными батареями. Отец слушал репортажи с хоккейных и футбольных матчей. Мы всех хоккеистов знали по именам. У нас у каждого была кличка. Я – Виктор Понедельник. Володя в воротах любил стоять, сразу – Лев Яшин. Играли постоянно. У нас около дома на улице не было снега зимой. Не потому, что он не падал, а потому, что мы его расчищали без конца клюшками. И клюшки, и шайбы изготавливали летом сами.

Мама очень хотела, чтобы мы уехали из деревни. Спорить с родителями было не принято, потому, собрав по маленькому чемоданчику, мы ушли с Володей в самостоятельную жизнь. Нам было по 15 лет».

В самостоятельную жизнь

Карьера борца самбо у Александра Пушницы началась в армии. Сам чемпион вспоминает об этом с лёгкой иронией:

«Можно сказать, случайно. Как-то раз во время полевых сборов, чтобы солдаты не бездельничали, командир роты предложил любому желающему проверить свои силы, поборовшись с мастером спорта по самбо Виктором Сватенко, служившим вместе с нами. Ну я и вызвался. И положил Витю на лопатки. Он смутился, кричит: «Это случайно, давай ещё раз!». Ну давай. И опять я его победил, минуты через полторы-две. Ротный спрашивает: «Как фамилия, боец?» Отвечаю: «Пушница». А он мне: «Будешь заниматься самбо, боец Пушница». Вот так всё и началось».

Свои первые заметные победы он одержал во время армейской службы в городе Фрунзе. Именно тогда физически крепкий и выносливый парень, малознакомый с приёмами самбо, неожиданно для всех выиграл чемпионат среднеазиатской республики в этом виде спорта. Позже тренеры объяснили феноменальный успех новичка отличной координацией движения и хорошей общефизической подготовкой.

С братом Владимиром они служили в разных местах, а встретились через два года на соревнованиях. Оказалось, что брат-близнец тоже самбист. Впоследствии он выполнил норму мастера международного класса по самбо, Александр – заслуженного.

Далее Александр продолжил удивлять борцовский мир и доказывать, что обладает огромным потенциалом. В 1971 году 22-летний Александр выполнил норматив мастера спорта, а два года спустя переехал вместе с семьёй в Омск. Работал в уголовном розыске и, естественно, тренировался в спортивном клубе «Динамо». Уже в 1974-м Александр впервые становится чемпионом СССР и чемпионом мира. А далее только победы на крупнейших спортивных форумах. Четырнадцать лет А. Пушница входил в состав сборной страны, был избран её капитаном за личные качества и непоколебимый характер.

В 1988 году Александр Михайлович завершил спортивную карьеру, хотя многие тренеры и специалисты считали, что и в 39 лет он мог бы продолжать выступления на борцовском ковре с прежним успехом.

Нет другого такого места

Александр Михайлович очень любит родное село, трепетно относится к близким людям. Каждая встреча с односельчанами – праздник для всех. В период спортивной карьеры, в перерывах между соревнованиями и подготовкой к ним, они с братом Владимиром приезжали в деревню для того, чтобы помочь заготовить родителям сено и дрова. А бывало, помогали в этих крестьянских заботах соседям, просто так! Вечерами устраивали дружеские турниры по футболу, на которые собиралась вся деревня.

Несмотря на занятость, Александр Пушница с удовольствием принимает приглашения побывать на празднике-встрече, посвящённом Дню села или просто погостить в Новых Куликах.

В 2014 году Александр Михайлович был факелоносцем перед сочинской олимпиадой. Естественно, он не мог допустить, чтобы факел не побывал на его родине и привёз его землякам. С олимпийским факелом фотографировалось полдеревни.

А вот что написал в книге отзывов Александр Михайлович после встречи в 2017 году. «Здесь в д. Новые Куликки прошло наше детство, юность, учёба в школе, где нам давали не только знания, но и воспитывали поведение и культуру. Нет другого такого места, где каждый готов прийти на помощь в любой жизненной ситуации. Здесь воспитывают уважение ко всем и ко всему, и это происходит не искусственно, а от души, от сердца. Хочется поблагодарить всех наших педагогов, которые дали многим из нас замечательную путёвку в большую жизнь. А также поблагодарить наших родителей за то хорошее, что нам дали и воспитали…»

Вообще, известный на весь мир борец всегда подчёркивает: «Я как был деревенским парнем, так им и остался. Для меня самое лучшее – природа и тишина».

Всего из Новых Куликов вышло три мастера спорта (ещё один по лыжным гонкам). Настоящая кузница мастеров. Вряд ли в районе найдётся вторая такая деревня или село.

Андрей Большаков

Здвинский район

По следам детской памяти

«Всякому мила своя сторона.
Любит и нищий своё хламовище».
(Пословицы русского народа)

Всё в жизни человека начинается с детства, родительского дома, с тех отношений, которые складываются с соседями, друзьями, родственниками.

От посёлка, где я родилась, кроме клёна, что рос на усадьбе бабушки, да небольших бугорков, обозначающих бывшие строения, ничего не осталось. А сейчас моему исчезнувшему более полувека назад посёлку с красивым названием Благовещенка было бы более 110 лет.

Как неуловимо, стремительно бежит время. Казалось, совсем недавно мы, дети послевоенных лет, жили тепло, радостно, по-семейному счастливо и дружно в своей Благовещенке. Была она, наверное, такой же, как и многие малонаселённые посёлки и деревни того времени. Саманные, камышитовые, пластяные дома и избушки в одну широкую улицу. Узкая колея дороги, обрамлённая густым спорышом и редкими палисадниками с яркой космеей, календулой, васильками, бархатцами. Сразу за огородами – лес с нескончаемыми земляничными полянами, костяникой, смородиной, грибами. В сорока с небольшим дворах здесь жили люди с доброй и открытой душой, трудолюбивые, отзывчивые на радость и горе, готовые подставить своё плечо всем, кому нужна помощь.

Помню, с каким желанием и светлым настроением шли все, кто мог, помочь своим односельчанам строить дом. Мужчины возводили стены, ставили крышу, окна, настилали полы, а женщины мазали, белили, мыли. Сколько баек, небылиц здесь рассказывалось с добрым юмором, смехом! Как пелись песни… Свадьбы или похороны, проводы в армию или встреча солдата, вернувшегося со службы, – радовалось и горевало всё село.

Нас, детей, «присматривали» и воспитывали так же всей общиной: и родственники, и соседи, и просто заботли-

Коневы: Мария, Валя, Фёкла Самуиловна, Люба, Федя, Степан Егорович, Семён

вая бабушка друзей и подружек. Мы принимали это как что-то само собой разумеющееся. Только потом, повзрослев, я стала задумываться: а почему же всё было в нашей Благовещенке именно так?! И моя детская память (прожили-то мои сверстники в посёлке кто 15, а кто 5–7 лет) привела меня к такому открытию: да ведь почти все жители посёлка были либо кровными родственниками, либо состояли в родстве, кумовстве, соседстве.

Человеческая нравственность, духовность, беды и лишения военных лет, прожитых вместе, не позволяли тогда людям заводить распри, ссоры, склоки, творить дурное. Основой родственности были большие семейные кланы: семья братьев Слюсаревых – Сергея, Григория, Андрея; братьев Нехаенко – Самуила, Никанора, Фёдора; семья Егора Конева. Все они были многодетными: 5–7 и более детей и внуков в молодых семьях и у каждого из братьев.

Рядом с ними соседствовали тоже многодетные семьи Шевцовых, Морозовых, Игнатьевых, Ляхновых, Клименко, Бурдаковых, Василенко, Матюхиных, Копенкиных, Литовченко, Царевых, Хрипченко.

По большому счету жили дружно, решали сообща дела общественные и семейные. Рождались единые предпочтения, привязанности. Например, многим нравилось имя Иван. И его носило и носит десять, а может, и больше мужчин только старшего поколения. На всех этих Иванах, Фёдорах, Николаях, Александрах, Марьях, Дарьях, Варварах, Фёклах держалось хозяйство общественное и личное. Но не только трудом напряжённым и, порой, изматывающим жили люди. Были и праздники. Бабушки втихомолку от родителей (время было такое) приобщали нас, детей, к православным праздникам – Рождеству, Благовещению, Пасхе, Троице и другим. Учили нас колядкам, песням, играм. Наряжали в эти дни, как могли. Пекли особые угощения, рассказывали нам о Боге.

Молодёжь праздновала по-своему. Моя мама, Наталья Сергеевна, была учительницей и всегда готовила новогодние утренники для ребят. Наряжали берёзовую «ёлку» с зелёными ветками от веников мы с ней вместе, украшали самодельными игрушками. А вечером у «ёлки» веселилась молодёжь с танцами под патефон. Летние гуляния тоже проходили на «пятачке» у школы под балалайку, гармошку, тот же патефон и баян моего деда Якова.

Запоминающимся событием для сельчан стало открытие клуба, разместившегося в одном из освободившихся жилых домов. По инициативе Ивана и Дмитрия Слюсаревых, Ивана Нехаенко, Фёдора Игнатьева и других, как писала районная газета «Заветы Ленина» от 25 сентября 1959 года, была построена кинобудка. Первые кинофильмы в Благовещенке демонстрировали И. А. Васильев, В. А. Беловоденко, В. Г. Моружев.

Умение трудиться до пота и отдыхать до времени передавалось и младшему поколению. С малых лет нас привлекали к присмотру за младшими братьями и сёстрами, поручали кормление наседки с подросшими цыплятами. Мы гоняли к воде, стекающей от буровой скважины в яму, выводки гусей и уток, «припасывали» в отведённых местах маленьких телят. А когда наступала ягодно-грибная пора, готовили с бабушками припасы этих лесных даров на зиму, делая в день по два – три «рейса». Благо, маршрут известный и расстояние 300–500 метров от посёлка. Поливали со взрослыми грядки, а воду для питья мы с младшим братом Серёжей возили в маленькой бочке на двухколёсной тележке из «хорошего» колодца метров за 800.

Зимой для нас тоже находились дела: принести дрова, «набить» вёдра снегом для таяния, сводить на водопой коров, очистить от снега тропки к сараям, вывезти на салазках навоз. А когда выдавалось от дел время поиграть в снежных «домиках-избушках», вот тут и начали работать выдумка, фантазия, приобретённые навыки и знания.

Так в трудовых поручениях и игре у нас формировались характеры, зарождались трудолюбие, самостоятельность, ответственность, целеустремленность. И строилось всё это на взаимопонимании, поддержке, добром отношении друг к другу.

Когда районной властью было принято решение об «упразднении» посёлка Благовещенка, люди стали разъезжаться по новым местам жительства. Кто-то уехал в Новосибирск и его пригороды, кто-то – в Омск, Купино. Помню, что самая многодетная семья (9 детей) Фёклы Самуиловны и Степана Егоровича Коневых переехала в село Лягушье, где большая её часть – братья Николай, Иван, Анатолий и сёстры Мария и Любовь – живут там теперь уже со своими детьми и внуками. Но большинство благовещенцев осели в своём Здвинском районе. Близость малой родины держала крепко умы и сердца. В Чулыме выстроилась целая улица, и дали ей название по той речке, что протекала в Благовещенке, – Зайчиха. Но и она сегодня опустела. Разъехалось по городам большинство моих сверстников. Там у них родились дети, внуки. И только маленькая горсточка сегодняшних благовещенских прадедушек и прабабушек остаются верными своему месту, дому, своей когда-то крепкой, повязанной всеми степенями родства, большой семье – своей маленькой деревеньке.

Мы счастливы, что можем, по желанию или случайно, встретить ещё раз А. В. Морозова, И. Ф. Нехаенко, И. П. Литовченко, Н. И. Бурдакова, И. М. Климко, В. Ф. Цареву, А. Ф. Бакаенко, А. С. Копенкину, М. С. Цареву, Е. С. Слюсареву. Как мало их осталось – старожилов посёлка! Как их нам не хватает в жизни!..

Надежда Васильева (Нехаенко)

Болотнинский район

Земляк

22 июня 1946 года, в селе Карáсево Болотнинского района Новосибирской области в семье Грибовских родился мальчик, которого назвали Владимиром. Когда он вырос, стали называть и отчество – Сергеевич.

Всё моё детство прошло в деревне Карасево. Вот говорят, те годы (а это был сорок шестой год, сразу после войны) – очень трудные времена. Но мы, ребятишки, в силу своего возраста, этих трудностей не замечали, только всем детям всё время хотелось есть.

Мама у нас была очень хорошая хозяйка (отца-то мы редко видели, потому что он был председателем колхоза, и он всё время – то на полях, то на совещаниях, то на посевной, то на уборке. А мама держала большое хозяйство, и поэтому у нас было, чем питаться. А были семьи, где голодали.

Депортированные к нам в войну за неблагонадёжность калмыки прибыли как потенциальные приспешники оккупантов и ещё не были возвращены на свою родину, жили у нас. Так вот там – беднота из беднот, потому что семьи у них очень большие, а приехали они ни с чем, жить негде, свободных домов-то не было, поэтому жили в нарытых землянках. А вот с едой было

ещё сложнее. И здесь лишний раз думаешь о доброте нашего сибирского народа. Наша мама старалась им помочь, потому что мы держали скотину, птицу, огород.

Мы, детвора, уже с пяти лет участвовали в заготовке кормов, прополке огорода, секачём рубили сорванную траву для свиней, уток и гусей, то есть, кормили, чем было возможно, видимо, кормёжка эта была впрок: скот хорошо рос и был здоровым.

Мы с нетерпением ждали, когда на полянах и буграх появятся проталины, чтобы можно было босиком набегаться по оттаявшей земле. Помню и цыпки как результат босоногости. Эти цыпки, и на ногах, и на руках, приносили ужаснейшую боль. К ночи мама их намазывала сметаной, жечь ранки начинало невыносимо.

С шести лет я уже правил лошадью. Возил волокуши с сеном не только на своём сенокосе, но и на колхозном. А в десять лет нам в колхозе уже доверяли конные грабли, это было очень круто, потому что с граблями тебе давали лошадь, упряжь и всё прочее. Очень весело было работать на сенокосе, потому что там трудилось очень много народу, вся молодёжь. Ведь сено готовили, в основном, руками, а его требовалось очень много. Это потом, когда мы учились в седьмом классе, начали готовить уже силос. Особенно интересно было, когда – обед. Очень вкусная еда была. Как правило, кормили колхозной пищей. Работать вместе было очень интересно.

Но «напахавшись» на работе, на уборке сена, торопились домой, а там, на улице, были волейбольная и городошная площадки (молодёжь построила своими силами), и мы старались успеть поиграть. С третьего – четвёртого класса я начал играть в волейбол. У меня пас хорошо получался, поэтому меня брали взрослые, чтоб я пас набрасывал. И Анатолий Осипович Атрас, наш учитель географии, всегда меня ставил «под себя» – я ему набрасывал. Он был наш деревенский, родители в деревне жили, он – в Болотном, потом работал в Юрге в издательстве. Он географию вёл у нас здорово, очень интересно, хотя был без образования. Это потом он Высшую партшколу в Новосибирске окончил.

Семья у нас была, как я уже сказал, отец, мама, старший брат Лёня (на шестнадцать лет старше меня) и старший брат Александр (старше меня на восемь лет), потом я и младший – Паша. Кроме этого были две старшие сестры – Мария (мы её звали Няня) и Катя. Они в войну уже работали в Карасево на МТС (машинно-тракторной станции): Катя – секретарём, Няня – в бухгалтерии. Вот такой дружной семьёй мы жили в Карасево.

Мужья моих сестёр были фронтовиками, нормальными фронтовиками: один – танкист, второй – разведчик. Они не очень любили рассказывать про войну. Почему? Не знаю. Но как видно по их наградам, воевали нормально. С войны пришли крутыми парнями, а наши девушки были красивыми, вот они их и взяли замуж. Оба зятя были «рукастые», построили себе дома. Жили дружно. А у нас, хоть отец и был председателем колхоза, но главой семьи

была мама. Она и командовала, и распределяла наряды (задания), и всё такое. Все семьи, по случаям, собирались у нас (у бабушки). Отца увидеть из-за его занятости было проблемно.

Однажды, когда ещё был совсем мальцом, мама купила мне роскошные кирзовые сапоги. Я в них пошёл в лес за берёзовым соком, рубил палку и попал по сапогу. С сапогом порубил и ногу. Переживал не из-за ноги: она-то заживёт, а вот сапога было жалко: новый ещё!.. Вот так мы относились к вещам. Тяжело они доставались.

И ещё запомнилось: я учился во втором классе, когда отец повёз колхозников в Оперный театр и взял туда старшего брата Александра, который учился в девятом классе в Болотном. Пробыли они там день, проскочили по магазинам, и брат уговорил родителя купить для меня лыжи! Не в банях гнутые доски, а заводские лыжи! Александр сделал из ремешков крепление под валенки. Радости не было предела. Первое время лыжи на мне катались, а уж потом я овладел ими. Я был в деревне самый крутой «лыжник» в то время. Кое-кому давал покататься, но было жалко – честно признаюсь.

Хорошее детство! В селе все были доброжелательными. Ни шнырьков, ни пинков нам не доставалось, наоборот: если чего нужно, помогут, сделают и всё. Отношение старших к младшим было почти семейным. Первопоселенцы были белорусами. Мой отец – тоже оттуда. Он 1902 года рождения, в семнадцать лет добровольцем пошёл воевать против Колчака, дошёл до Иркутска. Когда закончились боевые действия, возвратился, посмотрел, подучился и в Елбаке организовал коммуну, дворов в двенадцать. Потом в 1939 году его перевели из Нового Елбака в Карасево – это считалось крупным повышением. Во время отечественной войны он написал пять заявлений об отправке его на фронт, но его оставляли работать председателем колхоза.

Когда его вызывали на бюро райкома, а заседания бюро проходили обычно ночью, то мама его провожала и давала с собой узелок со сменой белья и прочим. Мало ли чего: некоторых за просчёты в работе арестовывали прямо в райкоме, поэтому мама всегда собирала ему туесок.

В Карасево была семилетняя школа. В 1953 году я пошёл в эту школу. Я в то время был крутой: умел считать до девяти, но буквы не знал ни одной. Однако уже во втором классе я читал книжки запоем. Из-под одеяла мама забирала у меня фонарик, пока у того не села батарейка. А фонарик мне привёз из армии мой старший брат Лёня, который демобилизовался в конце моего первого класса. Он служил на Камчатке, где в 1952 году едва не погиб во время сильного тайфуна. Солдаты и офицеры успели ночью выскочить в одних кальсонах и убежать вверх по сопке. Казармы были смыты огромной волной. Так вот – о чтении: всегда была большая досада, если садилась батарейка, а батареек и лампочек для фонарика просто так было не купить.

Тяга к знаниям, к учению была очень большая. Не хвастаясь, скажу, что учился хорошо. Седьмой класс я окончил только на пятёрки. В восьмой класс я пошёл во вторую школу в Болотном, которую в 1964 году и окончил. На первый год нас, несколько учеников, устроили в железнодорожный интернат. А потом родители устроили меня на квартиру. И три года я жил на квартире у тёти Луши и дяди Лёни. У нас тогда был экспериментальный класс: четыре дня учишься, два дня – практика. Первый год мы на практике были электриками – обмотка моторов, а потом два года – электрики на элевато-

ре. Что интересного было в школе особенно для тех, кто рвался заниматься спортом? А я очень рвался, поэтому какой бы вид не появлялся, я старался им заниматься. Преподавателем физкультуры был Павел Григорьевич Воронов. В десятом классе он уже поручал мне заниматься с младшими девочками баскетболом.

Директором школы в это время был Виктор Иванович Собин – болельщик до мозга костей. На лыжах бежим – Виктор Иванович болеет, в волейбол играем – болеет, в баскетбол играем – болеет. Некоторые из нас пользовались его любовью к спорту. Сейчас, поработав и директором, и зав. РОНО, я понимаю, что он был настоящий директор: он мог быть жёстким (у него были клички «Деспот», «Феодал») и в то же время находить нормальный язык, и мы его любили. Он способствовал тому, чтобы мы занимались всеми видами спорта, были здоровыми и развитыми. Мы – те, кто тогда занимался, – дружим до сих пор.

В 1964 году я окончил одиннадцать классов, надо было куда-то поступать, а уже год до этого мы с моим другом Колей Лукьяновым готовились поступать в высшее Челябинское авиационное училище. Поехали мы в Новосибирск на сборный пункт, нас в эшелон загрузили и повезли в Челябинск. Привезли, мы с Колей поступили. Но когда испытал, что в туалет – строем, в столовую – строем и так далее: дисциплина «от» и «до». Нас оказалось шесть таких охламонов, которые начальнику училища, генералу, написали рапорта. Он вызвал нас: «Идите отсюда! Нахрен мне такие курсанты, когда на место – двенадцать человек». Нам выдали документы и отправили. Поезд из Челябинска пришёл в Болотное в 12 часов ночи. До Карасево 18 километров – чего здесь – добежал, на сеновал залез, мы с Пашей летом спали на сеновале. Я залез туда. Паша был там: «О! Володя. Привет!»

Перед отцом было неудобно, но слезать-то надо было всё равно. Паша слез, подготовил. Отец:

– Ну чё он там разлёгся? Спускайся.

Я спустился. Он:

– Ну, чё? Срезался?

– Нет. Я – нормально.

Отец достаёт пятьдесят рублей:

– Вот, на. И пока не поступишь куда в Новосибирске, домой не приезжай!

Приехал в Новосибирск, а везде вступительные экзамены закончились. Я – мотаться по городу… О! Дополнительный набор в сельхозинститут на экономфак! Я документы – туда. Ага, сдал документы. Первой надо было сдавать химию. Сижу на лавочке, читаю. Играет команда в волейбол. Оказывается, сборная института, к завтрашнему дню тренируется. Смотрю, одного человека не хватает. Я подхожу к тренеру: можно поиграть? Он:

– Мяч-то хоть умеешь держать?

– Посмотрите.

Он поставил меня. Я поиграл. Если честно, в то время я неплохо играл, не зря пропадал в спортзале. Тренер спрашивает:

– Абитура?

– Да, абитура.

– Завтра едем в Академгородок играть.

– Не могу я, у меня экзамен.

– Какой? Во сколько?

– Химия, в девять.

– Ладно, готовься.

Утром я иду, это же не письменный, чего там в девять делать? Иду в десятом часу. Вдруг, он:

– Ну ты чё? Где лазишь?

– Иду на экзамен, сдавать.

– Пойдём!

– Куда пойдём? Я в серединочке пойду.

Хотя всегда ходил первый, а здесь чего-то решил струсить. Заходим, а преподаватель ему:

– Так это вот этот твой? Четвёрки ему хватит?

Я говорю:

– Нет, нет, нет!

– Ух ты, наглец!..

– Мне нужна пятёрка. Тогда, спрашивайте меня!

Она расхохоталась. Пару простых вопросов задала. Тренер удивился:

– Дак, он вправду чего-то знает.

Поставили мне пятёрочку. Потом он говорит:

– Ты чего борзеешь? Тебе тройки хватит. Тебе поставят и зачислят!

У меня с собой была выписка из военного училища. Я там всё сдавал, кроме химии. Поэтому все экзамены у меня – уже сданы! Так я поступил в «сельхоз». На втором курсе я узнал, что я всю жизнь буду со счётами. Бросил. Приехал в Карасево. Мне уже девятнадцать лет. Дома ж сидеть не будешь. Отец:

– Вон вилы в руки и солому возить на тракторе.

Вот я солому и возил. А денег не давали, только – трудодни. Председатель кооперации Кузьменко Николай Кондратьевич нас с дружком Вовиком Лебедевым, бросившим Юргинский

машиностроительный техникум, переманил в сельпо грузчиками: зарплата – 55 рублей! Вот так я немного в кооперации поработал грузчиком.

А весна наступила, делать нечего – я с пацанами. Волейболу их учу, передаю, что сам умею. Баскетбольный щит с Николаем Васильевичем Врачёвым, директором Дома культуры, поставили, я их обучал бросать. Учителем физкультуры был Лаптев Николай Амосович – ушёл работать участковым. Зинаида Николаевна Трахимина пригласила меня в школу учителем физкультуры. Я говорю:

– Зинаида Николаевна, я всех учеников поубиваю, они непослушные.

– Я вижу в окно, как ты с ними занимаешься.

– Дак эти хотят заниматься, поэтому так всё и получается. Их восемнадцать человек.

А я их учил и теннису, и боксу, и волейболу – всему, что сам знал. Домой прихожу, отец:

– Что, Володь?

Я говорю: так и так, учителем…

– Нет, давай в институт.

Вмешалась мама:

– Да, пускай этот год отдохнёт от институтов этих.

Короче, я среди учебного года пришёл работать в школу. Первый месяц, как захожу, все орут: «Володя пришёл!» Я со всеми за руку здоровался и проходил в учительскую. Один раз это увидела Зинаида Николаевна, заходит в учительскую, хохочет: «Володенька, зачем ты – за руку? Не надо панибратства с учениками».

Я у неё учился, на пятёрки учился, она мои сочинения зачитывала перед классом. Она обошла всех говоря: «Он вам не Володя, он учитель – Владимир Сергеевич!»

Постепенно всё стало на свои школьные места. Спортивный зал – это коридор, два мата, козёл, перекладина и лыжи, около тридцати пар. Я там два года отработал. Ходил с ребятишками в походы. Как лето, так уйдёшь на полмесяца, потом набираю другую группу и опять на полмесяца. По Оби на теплоходах, никаких ни разрешений, ничего – свободно! А питались: кругом же колхозы, в бригаду придёшь – фля-

гу молока? Да – на! Купишь хлеба и – вперёд. Денег на эти походы никто не давал. Но мы вечерами концерты показывали в деревнях. И так два года работал.

Продолжал спортом заниматься. Потом на одном из семинаров физруков (в 1967 году в Мануйлово, когда ещё была средняя школа, в которой учителем физкультуры был Василий Фёдорович Казаков) я показал броски по кольцу, удары по мячу, показал гимнастику (у меня с этим было очень неплохо, особенно – брусья и кольца), на матах: кувырки, перевороты, сальто. Я всё это умел делать ещё со школы, а в то время мне было 19 лет.

Петя Казаков посмотрел, ничего не сказал, приезжает в Карасево: «Володя, поехали ко мне в четвёртую школу». И перетащил меня в четвёртую школу. Там я проработал два года, потом – освобождённым секретарём, у меня всё выстраивалось хорошо. Потом приехал зампредседателя райисполкома Меркулов, он меня знал по четвёртой школе, говорит:

– Вот, Володя, Сорокин рекомендует тебя председателем «Урожая».

– Ну, как скажете, Георгий Иванович, – ответил я.

И вот здесь уже началось: спорт – спорт – спорт. И всё остальное, что сопутствует спорту: и лыжи, и ботинки, и всё остальное. Поработал в «Урожае».

Уехал я в Карасево, где освободилось место преподавателя физкультуры. Яков Васильевич Привалов, директор школы, несколько раз приезжал – приглашал. Он хотел первые места. Школа была уже новая, трёхэтажная, полностью укомплектованная, спортзал шикарный был. Вот мы и начали у всех выигрывать, кроме второй школы. Я потом стал ещё и секретарём комсомольской организации колхоза.

В это время председателем колхоза был Владимир Афанасьевич Калиниченко, он кроме того был депутатом областного совета. Отличный мужик, был дружен со спортом и, по возможности, обеспечивал нас транспортом. Работая там, я ещё учился в институте на истфаке, поэтому в школе я вёл не только физкультуру, но уже и историю. В Карасево мы начали занимать первые места: и колхозом, и школой.

А тут приезжает председатель колхоза «50 лет Октября» Александр Сергеевич Грибовский, мой брат. Раз приехал, два. На соревнованиях его дерут. Он – ко мне: «Володя поехали ко мне в Байкал!» Ныл он с год.

После того, как Калиниченко перевели в Ордынку, я уехал в Байкал к «старшому». Старшой создал мне условия. Школа была уже новая. Был спортзал. Он набрал много молодых специалистов, из армии ребята возвращались домой – там все практически были готовы, их надо было только организовать. Ну и закипело. Скажу не хвастая: без первых мест мы с соревнований не уезжали. Обычно, когда приезжали мы на соревнования, говорили, что раз «Байкал» приехал, надо делить вторые и третьи места. Старшой покупал за счёт колхоза формы. Я проработал в этой школе пять лет.

Как-то старшой говорит: «Володя, мне нужен помощник – главный диспетчер колхоза». Это значит, что весь транспорт и рабочие должны быть на контроле. К этому – и встреча гостей из райкома, обкома и так далее. А таких много ехало туда. Вот я и пошёл в главные диспетчеры. Он уедет по делам, а я встречаю.

В восьмидесятом году старший брат ушёл председателем сельсовета. Галина Викторовна Базилюк попросила меня возвратиться в школу. Я вернулся в Байкальскую школу преподавать

историю и военное дело. Кроме того на общественных началах вёл секции. Потом Когда Галина Викторовна ушла на пенсию, приехал инспектор РОНО Владимир Павлович Переплёткин и говорит: Владимир Сергеевич, есть мнение назначить Вас директором школы. Всё уже согласовано. Я спросил, с кем согласовано. Он ответил, что с Боханом. Подумав, я сказал: «Ну что ж, чего мне терять? Давайте. Как скажете».

Я знал, что я потяну школу. Зав. РОНО тогда был Карпов, опытнейший человек.

Байкал являлся подсобным хозяйством РЖД, директором его был Василий Андреевич Кузьмичёв – мой кум (Катюшка уже была), а у него был сват Старостенко Владимир Иванович.

Ну Кузьмичёв как-то и говорит ему:

– Вот мой кум, он директор школы.

Старостенко мне:

– Владимир Сергеевич, а ты смог бы больницу обеспечивать овощами? Мою помощь гарантирую. Деньги – твои все.

Я ответил:

– Да!

А Кузьмичёв мне всё подмаргивает… Короче, посадили мы на школьной земле – не в хозяйстве, а на школьной земле – десять гектаров картошки по официальному заказу железной дороги. Они меня обеспечивали посадочным материалом, техникой и всем остальным абсолютно бесплатно. Иногда – рабочей силой: ну представьте, десять гектаров картошки, три гектара лука, капуста, свёкла! Я всем этим занимался сам: это ж рядом и лето (занятий в школе нет), да и кому поручишь? У меня учителя все в отпуске – только сам.

Работали мы на обоюдно выгодных условиях. Ну вот, год проходит, Старостенко приезжает: «Дак, Владимир Сергеевич, мне выгоднее с Вами работать». Так мы работали три года. Старостенко ко мне относился хорошо. У меня были деньги, так как платил он живыми деньгами (это были девяностые годы), я компьютеры закупал! Вот, пришкольная земля да хозяйство неплохо помогли тогда школе.

Кузьмичёв, как всегда, давал ребятам заработать. А помните, была эпопея – закрывать детские сады. И у нас закрылся детсад. Он – ко мне домой (мы же кумовья: то у него в бане, то у меня, и жили рядом). Ага, приходит ко мне: «Кум, забирай детский садик себе в школу: растащат, ведь!» – говорит. Я ему: «Да ты чё?! Точно? Да я там тренажёрный зал сделаю, там столовая будет, библиотека, а там две комнаты – это жильё. Квартирка будет хорошенькая».

Кузьмичёв мне помог найти на железной дороге оборудование для тренажёрного зала. В этом участие принимал Угланов Никита, председатель профкома, помогали и другие. Требовался ремонт. Кузьмичёв поставил своих рабочих, они отремонтировали здание. Это здание садика официально было закреплено за школой с самого начала. Детские сады закрылись. Но школа получила всё, о чём я говорил выше. Ну, вот…

А потом телевидение начало ездить, снимать, что – тренажёрный зал, что – зал для библиотеки, в общем, «положительный опыт». Бохан приехал. Я ему всё показываю и говорю: вот, мол, и вот. Он: «Чё я не поотдавал эти детские сады в школы!..»

А везде же это всё практически поразбомбили! По всей России! Были мы с ним как-то в Егоровке (поехали, говорит, Сергеич, посмотришь в Егоровке…), а там уже и крыша упала. Ну это, так вот… А за это, вот и за нашу школу это – Кузьмичёву спасибо! Наши школьники участвовали в соревнованиях различных, занимали места, были у нас и медалисты по учёбе. В целом работа шла неплохая.

Ну а потом пришло время, когда приехал Владимир Николаевич Кар-

пов (когда его назначили замом главы района). «Поехали, – говорит, – Владимир Сергеевич, зав. РОНО работать будешь». А как раз – девяностые годы: ни зарплаты, ничего. Я ему: «Нет, Николаич, не потяну. Нет. Тем более я в санаторий собираюсь…» (Это приезжал Старостенко, увидел, что у меня со спиной нелады и попросил Кузьмичёва оформить мне путёвку в профилакторий, несмотря на все мои возражения.)«Ну и едь», – сказал Карпов.

Но когда я вернулся из санатория, он ко мне опять: «На завтра Владимир Алексеевич Бохан вызывает». Ну что ж, глава вызывает. Приезжаю. Бохан: «Ну чё, Владимир Сергеевич, всё отказываетесь?». Я ответил, что в Байкале ничего не делаю, а здесь же работать надо. Посмеялись. «Ну ладно. Договорились! Давай – с завтрашнего дня. Распоряжение уже есть». «Ладно, – подумал я, – чего уж там».

До меня зав. РОНО был Карпов. Его как назначили заместителем главы, так месяца четыре всё подбирали на его место – не могли определиться. Никому не предлагали. Думали.

Так я начал работать заведующим РОНО. Конечно, много нового, много неизвестного, особенно когда всё поехало вкривь и вкось и не было зарплат. Идёшь к Владимиру Алексеевичу Бохану, просишь за учителя или директора, а он: «Ну где я тебе возьму?!» А он очень хорошо относился к учителям и вообще к образованию. Ну вот так вот… Поработал я в РОНО, наработал связи, узнал, почём фунт лиха в масштабах районной системы образования. Потихоньку получалось.

В 2001 году умер мой друг Юрий Антонович Коссе, мы с ним были знакомы более двадцати лет. Он работал директором педучилища (так оно тогда называлось). Он был «чернобыльцем», болел лейкемией, не смог выжить. Я до сих пор храню уважительное отношение к нему. Он был культурным, корректным человеком, настоящим товарищем, другом. После его смерти в департаменте образования мне предложили пойти директором педучилища. Я по натуре немножко «кулачок»: если тебе что-то «дарят», то это будет на одну организацию, а в РОНО это надо было делить на пятьдесят пять. Но это, конечно, шутка.

А.П. Ведерников, В.С. Грибовский, С.А. Грибовский

Я посоветовался с друзьями, а это преподаватели ВУЗов, их мнение: «лучше быть директором, чем заведующим», посоветовался с женой, она тоже одобрила, и я дал согласие. И вот с 15 августа 2001 года (в этом году будет 20 лет) я работаю директором в этом училище. В 2002 году мы прошли серьёзную аккредитацию-аттестацию, и нам присвоили статус колледжа (Государственное Автономное Образовательное учреждение «Болотнинский педагогический колледж). Работать здесь очень интересно, всегда – с молодёжью.

Первое время, когда я сюда пришёл, очень много внимания уделялось этнографическим экспедициям. Мы обходили и объездили весь район. Работали совместно с институтом археологии и этнографии СО РАН, руководителем был Новиков Андрей Владиленович. В экспедиции ребята ехали с удовольствием: это было не только интересно, но и очень познавательно, поэтому у

нас была определённая очерёдность. Я бывал на местах часто, потому что раскопы проходили на территории нашего района, и немножко захватывалась Умрева Мошковского района. В основном экспедиции работали на берегу Оби, где кочевали и жили уже оседлые народы.

Сейчас мы готовим преподавателей по четырём специальностям.

Когда я пришёл сюда работать, главным для себя я считал (и считаю сейчас) – воспитать достойного человека, профессионала своего дела: учителя начальных классов, педагога дополнительного образования, учителя физкультуры или воспитателя детского сада. Но в первую очередь, это должен быть хороший человек – честный, порядочный. А уже отсюда – все остальные профессиональные качества. На этом строится основная работа колледжа. Большую помощь в этой работе оказывают такие небезызвестные люди, как Бурдыко Николай Демьянович, Александров Николай Александрович, который часто проводит беседы со студентами, и они с нетерпением ждут этих встреч. Это даже не встречи, а необычайно глубокие и умные откровения. При этом он разговаривает с ребятами «на равных». Это они уважают и этого ждут, потому что в книжках такого не прочтёшь.

Если говорить о событиях за эти двадцать лет, то не последним делом являются наши заслуги перед образованием в российском масштабе. Мы попали в сто лучших СУЗов (средних учебных заведений) России, Болотнинский колледж отмечен в энциклопедии «Лучшие люди России» (там у нас отдельная страничка), мы – в книге «Кадры решаю всё». Но самым важным для себя мы считаем престижность колледжа: к нам существует конкурс абитуриентов – три человека на место. А раньше, лет пятнадцать – восемнадцать назад, у нас был недобор. Нам удалось изменить ситуцию, а это говорит о качестве работы и профессионализме кадров. Наши выпускники становятся призёрами профессиональных конкурсов не только областного, но и российского масштаба. Это приятно!

Теперь – о семье. Я встретился с Ниной, когда переехал в Байкал. Она там работала завучем. Мне тогда было двадцать восемь лет. Возраст – серьёзный, намерения – тоже. Она была незамужней, после пединститута она приехала туда преподавать русский язык и литературу (филолог). Дружили мы полтора года, потом поженились. У нас два парня и трое внуков. Я считаю, что очень удачно женился: у меня самая умная… Нет – не так! – В ней удачно сочетаются красота и ум, а это встретишь не часто. Она в серьёзных вещах меня поддерживает, помогает и даже заступается. Для меня это дорогой человек.

В 2005 году я был награждён знаком «Почётный работник среднего профессионального образования». В 2008 году получил звание «Заслуженный учитель Российской Федерации» и совсем недавно, три года назад, стал «Почётным гражданином Болотнинского района». Этим званием я очень горжусь, это самая главная для меня награда, потому что это коллегиальное решение, это результат широкого обсуждения. Я так это понимаю: район меня признал и принял, и я стал здесь Своим земляком.

Владимир Грибовский

Северный район

Свою судьбу она сделала сама

Галина Дмитриевна Багрова, с одной стороны – разделила судьбу своего поколения, а с другой – выстроила собственную интересную, насыщенную и значительную жизнь.

Уже в её внешнем облике чувствуется некая порода, гордая независимость, целеустремлённость, самостоятель-

ность, что, на наш взгляд, является главным и в её характере, во многом определяет поступки и решения.

Отец Галины Дмитрий Александрович Полиновский и мать Раиса Ефимовна Сарманова в годы Великой Отечественной войны были мобилизованы в трудовую армию. Отец ловил рыбу для фронта, а мать работала на одном из новосибирских военных заводов, там Галя и родилась. Ещё за полтора месяца до рождения Гали отец погиб во время шторма. А через два месяца после появления дочери Раиса Ефимовна направила короткое письмо жене своего брата в Горную Шорию, в котором писала, что если та не заберёт девочку к себе, то она просто погибнет, так как кормить её нечем. И тётя, Юлия Григорьевна Сарманова, взяла ребёнка, выходила и дала имя. В свидетельстве о рождении записано, что Сарманова Галина Дмитриевна родилась 25 февраля 1943 года в селе Кузедеево Кемеровской области. Так, по словам Галины Дмитриевны, у неё стало две родины и две матери.

Юлию Григорьевну Галина Дмитриевна вспоминает с особой теплотой и благодарностью. И есть за что! Эта сильная духом кубанская казачка, переехавшая в 30-е годы вместе с мужем Тарасом Ефимовичем Сармановым в Сибирь, во время войны, когда муж был на фронте, осталась с престарелой свекровью, дочерью-подростком и грудным ребёнком на руках. Поэтому она содержала хозяйство, что и помогло семье выжить.

Нашей героине на всю жизнь запомнились картины изумительной природы Горной Шории. Дядя Тарас, вернувшийся с войны инвалидом, научил шестилетнюю Галю читать. Немудрено, что первый класс был окончен с похвальной грамотой «за отличные успехи и примерное поведение».

Когда Галина закончила второй класс, они с бабушкой переехали в Новосибирск, где обучение продолжилось в 85-й школе города. Важное влияние на её судьбу оказала учительница русского языка и литературы Нина Сергеевна Ильичёва. Элегантная и привлекательная внешне, она буквально покорила школьников тем, что читала «Евгения Онегина» наизусть, водила класс в театры, организовывала постановки с учениками. И уже тогда Галя твёрдо решила: станет учительницей! Занималась коньками на стадионе «Спартак», волейболом и стрельбой – на стадионе «Динамо», пела в детском академическом хоре при Доме офицеров, посещала драмкружок в Театре юного зрителя, а в Доме культуры им. Станиславского – кружки поэзии, кройки и шитья.

В 10 класс Галина вернулась в Кузедеево в Горную Шорию, самостоятельно решив заканчивать школу там, где начинала учиться.

После окончания школы, сознавая, что материально её поддерживать некому, Галина поступила сразу в два училища, чтобы иметь возможность получать две стипендии: в педагогическое им. А. С. Макаренко и электротехническое. Училась с интересом. Была физоргом группы, с удовольствием и успешно играла за сборную педучилища в волейбол, за что была поощрена грамотой Совета союза спортивных обществ.

Когда настал момент распределения на работу, Галина Дмитриевна, желая, по её собственным словам, испытать как можно больше трудностей, отказавшись от предоставленного места работы в Новосибирске, отправилась в Северный район. Причём выбрала отдалённый уголок области, измерив расстояние до него по карте сантиметровой лентой. Взяла с собой методическую литературу, коньки, доехала до Куйбышева, а потом 8 часов на грузовой машине, гружённой кирпичом, добиралась до Северного.

Галина Дмитриевна Багрова

По направлению районного отдела образования Г. Д. Сарманова с августа 1962 года стала работать в Больше-Куликовской восьмилетней школе с числом обучающихся в сто сорок человек и девятью учителями. Школьная жизнь была насыщенной и интересной: кроме ведения уроков русского языка и литературы, она вместе с другими педагогами готовила детей к районным смотрам художественной самодеятельности; старалась увлечь

их волейболом и катанием на коньках; вела кружки выразительного чтения и хорового пения. С чувством благодарности Галина Дмитриевна вспоминает директора школы Феталину Кузьминичну Иванову и учительницу Устинью Ивановну Стёпину, взявшую профессиональное шефство над ней.

В 1963 году она вступила в брак с учителем истории этой же школы Егором Афанасьевичем Багровым. Быт молодожёнов был весьма непритязателен: несколько дней после свадьбы они жили в доме директора, а затем под жильё для них была переоборудована школьная мастерская.

Заочно Г. Д. Багрова получила высшее образование на филологическом факультете Новосибирского государственного педагогического института.

Супруги Багровы

После окончания исторического факультета Новосибирского пединститута Егор Афанасьевич был приглашён на работу в Северный райком партии, и семья Багровых переехала в райцентр. Галина Дмитриевна стала работать в Северной средней школе, где учились 1200 человек. Вела уроки по специальности, руководила районным методическим объединением учителей русского языка и литературы, была секретарём партийной организации учебного заведения; затем её назначили организатором внеклассной и внешкольной воспитательной работы с детьми.

Но особенно увлекло Галину Дмитриевну краеведение. 25 лет плодотворной деятельности она посвятила созданию и организации работы историко-литературного музея, которому в 1987 году приказом Министерства просвещения РФ было присвоено звание «Отличный школьный музей».

Без преувеличения можно сказать, что это отдельная страница в жизни не только Г. Д. Багровой, но и всего района. В музее были собраны материалы об истории комсомольской и партийной организаций, о замечательных земляках, о труженицах тыла, а также о деятельности писателя, автора «Малахитовой шкатулки», Павла Петровича Бажова, который в первой половине 1919 года жил и работал учителем в селе Бергуль.

Но, разумеется, главными помощниками, можно сказать, соавторами Галины Дмитриевны, были её ученики, получившие впоследствии ласковое название «бажата». Она помнит их всех. Целые классы были вовлечены в поисковую деятельность. Дети проводили экскурсии по музею, вели переписку с известными людьми. Вместе со своим руководителем они побывали в Свердловске, Перми, Москве, Ленинграде, Бресте, Красноярске, Шушенском, в Баку, Батуми, на Азовском море и Горной Шории.

В 1979 году Г. Д. Багрова по приглашению Союза писателей РФ присутствовала на вечере, посвящённом 100-летию со дня рождения П. П. Бажова, в Москве, в Большом театре, а в 1980-м по приглашению Центрального музея революции – на Московских олимпийских играх. Опыт работы музея дважды обобщён Новосибирским институтом усовершенствования учителей. Доклад Г. Д. Багровой о патриотическом воспитании школьников получил высокую оценку на областных педагогических чтениях. О музее писала районная, областная и московская пресса, в том числе газета «Пионерская правда», журналы «Молодая гвардия» и «Литература в школе»; шли передачи по радио и телевидению. Именно по ходатайству «бажат» одной из улиц Северного присвоено имя Павла Бажова.

В настоящее время материалы музея Северной средней школы находятся в экспозиции краеведческого музея Дома детского творчества.

Всегда работала на конкретный результат. С 1992 по 2008 год Г. Д. Багрова работала в органах государственной власти и местного самоуправления: заместителем главы районной админи-

страции по социальным вопросам, начальником отдела труда и социальной защиты населения, специалистом по работе с депутатами Северного сельсовета.

С 2008 по 2013 год возглавляла районный Совет женщин. Под её руководством работа общественной организации существенно оживилась, приобрела системный характер, принесла заметную конкретную пользу.

За многолетний эффективный труд Г. Д. Багрова награждена многочисленными грамотами и благодарностями районного и областного уровня; имеет звания Отличник народного просвещения и Учитель-методист; является ветераном труда РФ; награждена также медалью РФ «За любовь и верность», медалью «За вклад в развитие Новосибирской области», почётным знаком Губернатора Новосибирской области «За любовь и добродетель», знаком Союза женщин Новосибирской области «Золотое сердце России».

Раиса Васильева

Новосибирск

Те заводские проходные...

К мастеровым людям на Руси всегда относились с уважением, особенно на рудном Урале, а Трофим Николаевич Забалуев пользовался среди златоустовских металлистов широкой известностью как токарь высокого класса. Поэтому считалось в порядке вещей, что и сын его Валентин с детства тянулся к «железкам». Удивляло другое: необъяснимая тяга подростка, а потом и юноши к немецкому языку. Впрочем, оба эти увлечения впоследствии пригодились Валентину Трофимовичу.

Родился он 18 сентября 1908 года в городе Миньяр, что между Уфой и Златоустом, и с раннего детства главной отличительной чертой его характера была неукротимая тяга к самостоятельности. Женился он рано, жена Маша была ещё моложе его, но они сразу решили отделиться и жить самостоятельно. Предпосылки к этому имелись вполне обоснованные: Валентин уже работал мастером на машиностроительном заводе, а Маша после окончания педучилища воспитывала дошколят.

В архиве знаменитого златоустовского предприятия сохранились документы о том, что Валентин Забалуев руководил ударной бригадой «Искра». Как специалист, хорошо владеющий немецким языком, был направлен в Германию для изучения новейшей технологии и современного оборудования. Вернувшись, он организовал производство инструментов и оснастки, и завод отказался от импорта. Быстро продвигался вверх по служебной лестнице. И он, и его производство оказались в какой-то мере подготовленными к работе в жесточайших условиях войны.

В 43-м Валентин Трофимович был назначен главным инженером прославленного Челябинского завода имени Орджоникидзе, где одним из основных изделий были боеприпасы. Предприятие работало неустойчиво, многие участки держались только на ручном труде. Забалуев сутками не уходил из цехов и лабораторий, осунулся, но оставался в боевой форме, строг и уравновешен. Казалось, на пустом месте, в ситуации, из которой невозможно что-то «выжать», с помощью местных специалистов нашёл резервы, позволившие в кратчайший срок смонтировать более десятка комплексно-механизированных линий с установкой непосредственно на них печей для нагревания деталей. Производство боевых припасов увеличилось в полтора раза. Через год, в 44-м, Забалуев был назначен директором завода – предприятия, которое внесло громадный вклад в победу. Впоследствии один из крупнейших государственных деятелей того времени Н. С. Патоличев высоко оценил заслуги предприятия.

А вот такая оценка ситуации в другом ракурсе. Мария Ивановна, которой нынче 92 года, перелистывая старый фотоальбом, рассказывала:

– В Златоусте мы получили двухкомнатную квартиру. Как только началась война, к нам, как и ко всем другим, сразу подселили эвакуированных. Жили, конечно, в тесноте, но не в обиде. Правда, в голоде и холоде. Валентин Трофимович редко бывал дома. Ино-

Трофим Николаевич Забалуев

гда заскакивал на часок-другой. Ночами только и видел сына, а Гоша подрастал, его организм требовал хлеба, мяса, яиц. Ничего не хватало. Само собой разумеется, я тоже работала на заводе и получала свои законные восемьсот граммов хлеба. Если выходила во вторую смену, давали ещё двести граммов сверх нормы. Поэтому сын сутками частенько оставался один. Эти двести граммов я не выкладывала на стол. Я их выменивала на поллитра молока, устраивала сынишке праздники. Ничего ценного никогда в семье не было. Муж до войны купил себе велосипед и плащ. Они пригодились. Я отвезла их в деревню и выменяла на продукты. Примерно так же было и в Челябинске…

Георгий Валентинович, тот самый Гоша, которому сейчас семьдесят, широкоплечий, в отца, крепыш, с улыбкой добавляет:

– Годы войны помню. Особенно врезался в память День победы. Отец ещё раньше наказал, чтобы внимательно слушали радио, не проморгали великое событие. Мы, ребятня, уже привыкшая к салютам, ждали этот день. И когда он наступил, вся улица, весь город ликовали… Мы с мамой были на площади. Отец и в эти минуты не мог уйти с завода, был рядом с рабочими. Увидели его опять же только ночью. Прибежал худющий, заросший щетиной, счастливый… Расцеловал маму, по-мужски пожал мне руку:

– Выдюжили, сынок! Одолели вражину! Теперь-то мы заживём!

Сыну тогда показалось, что отец пришёл с фронта…

Но с неба манна не сыпалась. Забот у отца не убавилось.

Неумолимо, безостановочно работал государственный механизм. Страну, которая победила и в итоге оказалась полуразрушенной, надо было поднимать из руин – накормить, одеть народ, дать ему тепло.

По решению правительства в Новосибирск, на завод «Сибсельмаш», в годы войны производивший боеприпасы, была направлена бригада во главе с замминистра для изучения обстановки и выработки предложений по переводу предприятия на мирные рельсы. В состав бригады был включён и директор челябинского завода Забалуев. Знатоки номенклатурных хитросплетений понимали: в верхах он намечен на организацию прорыва.

Новосибирск в те времена был похож на птицу с одним крылом. Часть города, расположенная на правом берегу Оби, была хотя и в малой степени, но обустроена. Левобережье представляло собой пустырь – обычная сельская местность с мелкими деревушками. И «Сибсельмаш» являлся тем самым животворным отростком, который обещал вырасти и стать вторым полнокровным и сильным крылом «сибирского Чикаго», необходимым для свободного и гордого полёта.

Биография «Сибсельмаша» началась в декабре 1929 года. Совет Труда и Обороны принял решение о строительстве сибирского гиганта, а через неделю на массовый субботник вышли тысячи горожан. Трещал лютый мороз, но утром через Обь по заснеженному льду нескончаемой вереницей шли люди с ломами, пилами, топорами, лопатами. Из окрестных деревень на лошадях подъезжали крестьяне. Прибыли красноармейцы и военные курсанты, а с ними и духовой оркестр. В кошёвках примчались руководители Сибкрайкома. Митинг. Костры. Завизжали пилы, зазвенели топоры. Предстояло подготовить площадку площадью в 250 гек-

В литейном цехе комбината № 179 (поднее «Сибсельмаш»). 1943 г

таров, то есть вырубить лес и кустарник, сделать разметку для «посадки» цехов. Ещё не скоро Москва пришлёт несколько тракторов, бетономешалок, автомобилей. Главными орудиями производства были носилки, одноколёсные тачки и катальные доски, по которым возили эти тачки. Жили в лёгких бараках, продукты получали по карточкам. Американские спецы, находившиеся здесь в качестве консультантов, так как предполагалось выпускать комбайн их конструкции, только головами качали и делали большие глаза. А люди работали весело, с вдохновением и даже с песнями. В 1930-м поднялись первые корпуса, а в следующем году в канун жатвы из заводских ворот вышел первый комбайн.

Федора Иванова – стахановка двухсотница 179 комбинат («Сибсельмаш») 1941–1945 гг

Но будущее предприятия оставалось не совсем определённым. Над миром сгущались зловещие тучи. В Германии к власти пришли фашисты. В нашей стране на первое место выходили проблемы организации обороны. Программу завода неоднократно корректировали, и он стал одним из ведущих в системе производства боеприпасов. А теперь его предстояло перепрофилировать…

Вернувшись из Сибири, члены комиссии доложили правительству о результатах инспектирования, предложили меры по улучшению производственного процесса на заводе. Для выполнения этих планов требовалось много времени. Но его не было – обессилевшее, лишённое техники село нуждалось в немедленной помощи. И Забалуева снова направляют в Новосибирск, теперь уже с особыми полномочиями: организовать срочный выпуск сельскохозяйственных машин. Спустя несколько месяцев – новый вызов в столицу. Валентина Трофимовича назначили директором «Сибсельмаша». Он напомнил:

– Но у меня за душой – только техникум…

Ему возразили без улыбки:

– Учиться тебе никто не запрещает, даже нужно. Только ночами…

Государственный план предусматривал выпуск более сотни тысяч сельхозмашин и огромного количества запасных частей. Если оценивать программу исходя только из реальных технических возможностей предприятия, то она была нереальной. Ясно, что расчёт был на темпы, набранные в годы войны, на энтузиазм людей, на талант и характер нового директора.

Перевод основного производства на изготовление сельхозтехники требовал демонтажа действующего оборудования. Однако заменять его было нечем.

Коллектив Забалуеву понравился. Главные специалисты, начальники отделов, цехов, других подразделений, мастера, бригадиры, станочники – все как на подбор знатоки своего дела, дисциплинированные, инициативные, закалки военных лет. Но все они – специалисты по производству боеприпасов. Валентин Трофимович на различных собраниях, совещаниях, в личных беседах говорил о том, какие предстоит решать проблемы.

Изготовление сельхозмашин в больших количествах невозможно без организации поточного производства. Специализированный проектный институт находится в Москве. Взаимодействие затруднено, теряется много драгоценного времени. Забалуев поставил вопрос о необходимости перевода в Новосибирск, непосредственно на завод, главного инженера проекта и его помощников, что и было сделано. Это ускорило проектирование цехов, их реконструкцию, изготовление нестандартного оборудования. Сельхозмашиностроение относится к числу металлоёмких, грузопотоки требовали устройства специальных конвейерных линий. И в течение одного года было спроектировано, изготовлено и смонтировано более тысячи погонных метров транспортных и сборочных конвейеров. Их производительность, в свою очередь, стала определяющей

при выработке режима производства машин.

Изготовление нестандартного оборудования, оснастки, приспособлений к механизмам, использовавшимся в годы войны, требовало больших усилий. Этим было занято более тысячи специалистов из самых разных цехов.

В период строительства, реконструкции, поисков все участки были одинаково важными. И всё-таки главнейшими оставались те, которые производили металл. В конце сороковых и начале пятидесятых действовали два литейных цеха – четырнадцатый и восемнадцатый, которыми руководили М. И. Попов и И. Д. Панин. Они, как и многие другие, были надёжными помощниками нового директора. Серый и ковкий чугун, стальное литье шли бесперебойно и были высокого качества. Это позволило предприятию довести выпуск деталей до пятидесяти тысяч тонн в год.

Почти все сельскохозяйственные машины, выпускаемые заводом, создавались своим конструкторским бюро. Конструкторы, бывшие «боеприпасники», быстро и дотошно изучили новую отрасль. Они разработали несколько типов дисковых широкозахватных лущильников, тяжёлых дисковых борон, фрезерных барабанов и других машин. Высокую оценку у селян получила сибсельмашевская зерновая сеялка. Потребности крестьян в машинах увеличивались с каждым годом. Гружёные эшелоны уходили во все концы страны.

Велик спрос был на сеялки, особенно в канун посевной. Задолго до весны все мощности, задействованные на изготовлении сеятельных агрегатов, переводились на круглосуточную работу. Перед севом люди трудились без выходных. Под нажимом областных руководящих органов в порядке кооперации «Сибсельмашу» помогали и некоторые другие новосибирские заводы. Тогда в месяц предприятие выдавало почти семь тысяч сеялок! Но и этого было мало.

В 1948 году «Сибсельмаш» выдал хлеборобам 15600 сеялок, 16100 лущильников, 3800 тяжёлых борон, большое количество запчастей. В 52-м сеялок и лущильников выпущено почти втрое больше. Завод вышел на проектную мощность. Став одним из лучших в своей отрасли, коллектив предприятия завоевал право участвовать на ВДНХ. Многие работники, в том числе и директор, были награждены орденами и медалями.

Люди, в основном посланцы села, работали старательно, с воодушевлением, понимая, как много они делают для землепашцев, для улучшения обеспечения населения продуктами. Но условия труда и быта самих работников завода мало чем отличались от условий военного времени. Очень многие жили в тех же бараках и землянках, мало зарабатывали, получали скудный паёк. Директор, общественные организации бились над тем, чтобы хоть немного облегчить жизнь рабочих, инженеров, служащих. Создали три крупных подсобных хозяйства, где выращивали картошку, овощи, содержали скот. Продукты, в том числе мясо и молоко, поступали в заводские столовые, где цены на обеды заметно снизились.

Остро стояла вечная проблема – жилищная. В год сдавали около четырёх тысяч квадратных метров, это очень мало. Организовали строительство жилых домов хозспособом, когда заводчане или члены их семей трудились на стройках.

Необходимо было поднять культуру производства, благоустроить громадную заводскую территорию, которую за годы войны сильно запустили, захламили. Профсоюз, комсомол призвали молодёжь активно участвовать в субботниках. С музыкой, с песнями ликвидировали завалы мусора, посадили саженцы деревьев, разбили клумбы с тысячами цветов. Затем пропалывали, поливали, выхаживали больные растения. Так зарождалась традиция.

Стали преображаться и цеха. Несмотря на финансовые трудности, заня-

лись строительством стадиона, благоустройством общежитий, расширением пионерских лагерей, столовых.

Особенно запомнились ветеранам воскресники в заводском соцгородке, что формировался в Кировском районе, ныне – Ленинском. В центре его простирался необъятный пустырь. Здесь жители сажали картошку, устраивали огородики, расположили погреба. И всё это – вперемешку с многочисленными свалками, кучами мусора. Общественность завода замахнулась на этот рассадник бескультурья. Мария Андреевна Демчук, приехавшая в 42-м году на «Сибсельмаш» из Доволенского района, комсомолка, мастер и до сих пор активная общественница, рассказывает:

«Кликнули по цехам и отделам: в выходной организуется всеобщий воскресник. Мы, профсоюзные и комсомольские заводилы, прибыли на пустырь в назначенное время. Но участников собралось маловато, и все разошлись по домам да по общежитиям. Валентин Трофимович на одном из собраний пожурил молодёжь и пообещал в следующий выходной прибыть на участок и показать, как надо работать. Говорил как бы в шутку. Но весть прошлась по заводу. В очередное воскресенье на пустыре собрались тысячи добровольцев – и работников предприятия, и жильцов домов соцгородка.

Кстати сказать, здесь проживала и семья Забалуева. Он, конечно, тоже вооружился лопатой. Ох, здорово мы тогда поработали. За один день обработать огромный участок не могли. Потом ещё не раз собирались по воскресеньям, приходили вечерами после смены.

А потом заложили здесь большой парк, который стал местом отдыха в этой части района. Пример сибсельмашевцев побудил население других жилмассивов заняться благоустройством. Так новосибирцы психологически отходили от быта лихой военной годины – приводили в порядок дома, цеха, улицы, город…»

Впоследствии на этом пустыре, ухоженном руками сибсельмашевцев и превратившемся в парк, поднимется монумент Славы воинов-сибиряков.

«Да, переехав в Новосибирск, мы сначала жили на правом берегу, в центре, – подтвердила Мария Ивановна. – Но Валентина Трофимовича это не устраивало. Ведь тогда пассажирского сообщения с левобережьем, считай, не было. Летом – только паром да пригородный поезд, который почему-то называли «передачей». Коммунальный мост, как известно, построен намного позже. Муж не мог тратить время на переезды. Кроме того он, как и в Челябинске в годы войны, почти сутками пропадал на заводе. Где уж тут к пригородному или к парому приспособиться… Поэтому и переехали на левый берег, ближе к предприятию».

Валентин Трофимович Забалуев руководил «Сибсельмашем» десять лет. В 1957 году, когда органами управления промышленностью в экономических административных регионах стали Советы народного хозяйства, он был назначен председателем Новосибирского совнархоза. Затем несколько лет трудился первым заместителем председателя областного Совета народных депутатов, с этого поста ушёл на пенсию. Награждён орденами и медалями. Трижды участвовал в работе съездов КПСС. Избирался депутатом Верховных Советов СССР и Российской Федерации, облсовета.

Когда он ушёл из жизни, музей боевой и трудовой славы «Сибсельмаша» и редакция заводской газеты «Знамя труда» решили собрать тех, кто работал рядом с директором в трудные годы, попросили их рассказать о наиболее интересных встречах, в которых проявлялся характер этого незаурядного человека, его стиль общения с подчинёнными. Вот некоторые из этих рассказов.

Пётр Иванович Рыжаков работал старшим мастером в цехе лущильников и учился в вечернем техникуме.

Тогда очень многие производственники, которым война помешала получить образование, были учащимися вечерних школ, техникумов, студентами-заочниками. Начальник цеха, не разобравшись глубоко в одной сложной ситуации, необоснованно перевёл Рыжакова на прессовый участок, который действовал в три смены. Получалось, что Пётр вынужден был или бросить учебу, или по несколько дней обходиться без сна. Он осунулся, почернел. Попался на глаза Забалуеву.

– Что-то случилось в семье?

Узнав о конфликте, Валентин Трофимович попросил завтра зайти к нему в кабинет. Вскоре вопрос был решён.

Пётр Иванович отдал заводу сорок шесть лет. Имеет правительственные награды. Ему присвоены звания заслуженного мастера, почётного сибсельмашевца. А судьба могла бы сложиться и по-другому, если бы не помощь директора.

Алексей Прохорович Аксёнов, в ту пору молодой специалист, в прессовом цехе запускал в производство новое изделие – лемех плуга. Ему сообщили: вызывает директор. Предложение было ошеломляющим – занять должность начальника цеха запасных частей. Он откровенно признался, что к исполнению обязанностей руководителя большого коллектива не готов.

– Ничего, поможем. Утром приходи на планёрку.

Утром в кабинете – все руководители завода, главные специалисты. Валентин Трофимович представил нового начальника цеха:

– Прошу в течение полугода не предъявлять ему никаких претензий. Пусть освоится.

– Представил коллективу, – рассказывал Алексей Прохорович. – Меня удивило то, что руководитель гигантского комплекса, на котором работают тысячи человек, знает в цехе всех специалистов и мастеров по имени-отчеству. Через сутки директор пришёл в цех, интересовался, как работали смены, с кем я общался, какие вопросы пришлось решать. И так – в течение шести месяцев! Потом, когда я окреп и возмужал, он «бросил» меня на более сложный и ответственный цех жаток. И всё повторилось с начала – директор длительное время опекал меня, натаскивал в трудных ситуациях…

Бывший сотрудник квартирной группы ЖКО завода Ким Иванович Болгов:

– После окончания института по распределению к директору пришёл молодой человек, выложил условия: должность, оклад, квартиру – буду работать честно. «Вы приняты, оформляйтесь», – сказал Валентин Трофимович. Потом объяснил: «Паренёк мне понравился. Знает себе цену, деловой. Уверен, что останется на заводе навсегда». Так и получилось. Этот юноша впоследствии стал крупнейшим специалистом литейного производства.

Забалуев был очень рад, что его сын Георгий пошёл по его стопам, стал литейщиком, хорошо знал машиностроительное производство и долгое время занимался проектированием предприятий этого профиля. Все изменения на «Сибсельмаше» – строительство новых цехов, реконструкции, организация выпуска новой продукции – происходили при его активном личном участии. Теперь Георгий Валентинович на пенсии, но иногда бывает на заводе, ставшем ему родным и с грустью отмечает, что многие производства здесь остановлены. Он вспоминает:

– В последние двадцать лет в нашей квартире поселилась относительная тишина. Мама перенесла инсульт, отец – инфаркт. Но он без дела сидеть не мог. Отдушиной для него был маленький сад. Отец стремился, чтобы на нашем участке был порядок. Бывало, увидит, что на грядке вылез сорняк, встанет на колени, но траву вырвет.

6 апреля 1986 года Валентин Трофимович умер. Коллектив завода ходатайствовал, чтобы одну из улиц города назвали его именем.

На глухой окраине старого Кривощёкова, у Дюкановского болота когда-то появились частные дома. Во время строительства «Сибкомбайна» – «Сибсельмаша» здесь построили бараки для рабочих. Образовалась улица Первомайская. Потом её переименовали, она получила странное название – Порядковая. Её-то по решению властей и нарекли именем Валентина Трофимо-

вича Забалуева. Она ещё не очень обустроена, ещё требует много забот. Но важно, что улица расположена рядом с любимым заводом бывшего директора.

Геннадий Кайгородов

Бердск

Старый Бердск

О последних днях старого Бердска сохранилось крайне мало письменных источников. Документы городского архива, констатирующие хозяйственные факты, способны лишь отчасти обрисовать дух того времени. Тем ценнее книга писателя Ефима Медведева «Если есть у тебя мечта», читая которую переносишься в то время, когда старый город завершал свою биографию. И самое ценное – находишь то, что оживляет отдаляющуюся от нас историю. Уже на первой странице читатель вместе с героями взбирается на могучий тополь и начинает путешествие в прошлое:

«Я принёс отцовский бинокль, и мы по очереди стали рассматривать окрестности.

Отсюда, с высоты, и без бинокля хорошо были видны и весь наш городок с его кривыми немощёными улочками, с деревянными домами в тополях и черёмухах, и тёмная кромка бора у каменистого берега Быстрянки (автор изменил некоторые географические названия: вместо Бердск читаем Быстрореченск, вместо реки Бердь – Быстрянка), и зелёные просторы вокруг, изрезанные дорогами, по которым плыли грузовики. А в бинокль можно было разглядеть и песчаные курганы у горизонта. Где-то там работали таинственные земснаряды, воздвигалась гигантская плотина гидроузла.

Всё, что мы видели с тополя, через каких-нибудь полтора года должно было исчезнуть под водой, стать дном огромного водохранилища – «Обского моря». Городок уже начал переселяться. Кое-где, вместо домиков, виднелись только печи и трубы, как на пепелище. В посёлке строителей гидроузла нас, быстрореченцев, называли «подводными жителями». Это было сказкой наяву».

Вообще, «Если есть у тебя мечта» – книга о дружбе, взрослении и о том, какими заботами жили люди в период строительства Новосибирской ГЭС, которая и послужила причиной столь значительных перемен в жизни бердчан. Место старого Бердска должно было стать ложем Обского водохранилища. Кстати, любопытную интерпретацию слова «Водохранилище» автор вкладывает в уста одного из главных героев:

Обложка книги, написанной Ефимом Медведевым

«– У нас же рядом своё будет море. Ведь гидроузел-то скоро построят. Вот тебе и море…

– Какое же это море, – сказал Петька, презрительно прищурив глаза. – Водохранилище – только-то и всего! Это и звучит почти что так же, как овощехранилище…»

Ефим Евгеньевич не ставил целью описывать Старый Бердск; город в книге – всего лишь место обитания героев. Однако те редкие строки, что описывают события середины 50-х годов XX века, дают читателю возможность перенестись в то время и уловить атмосферу, свидетелем которой был автор.

«Наш старый Быстрореченск жил тогда какой-то особенной жизнью. Трудно было свыкнуться с мыслью, что это – его последние месяцы. Переселение городка шло всё быстрее. По главной улице теперь день и ночь громыхали самосвалы, железными прицепами гремели лесовозы, проносились бортовые машины, гружённые до отказа домашним скарбом. Ветер гнал над садами и дорогами облака жёлтой пыли.

Мы с Петькой шли по улице, где вместо домов громоздились уже одни развалины, и встретили старенькую женщину в вылинявшем платке. Она стояла возле палисадника, наполовину вырубленного и сваленного в кучу, и кончиком передника вытирала глаза. Трудно было понять, то ли она смахивала набежавшую слезу, припомнив всё пережитое на этом дворе, то ли стирала въедливую пыль.

– Смотри – не как плачет. Был город – и нет города, – сказал Петька.

Гороховская мельница во время половодья на Берди

– Видишь: чего тут ждать?! Подадимся вместе отсюда.

– Нет, Петь, не могу, – ответил я, хотя и знал, что снова обижу его.

– Я, может, и поехал бы с тобой, но ведь интересно же посмотреть, как здесь всё будет по-новому. Новый-то город будет лучше старого. И море рядом. И электростанция.

Петька ничего не ответил. Только остановился у наполовину вырубленного садика, отломил ветку сирени и долго нюхал её, будто хотел навсегда запомнить аромат этого деревца, выросшего в городке нашего детства. Но запах сирени заглушали запахи гнилого леса и продымлённого кирпича, странные запахи, которыми наполнились в то лето улицы старого Быстрореченска».

На страницах книги отсутствуют какие-либо узнаваемые объекты старого Бердска; нет описаний тех мест, которые дошли до наших дней на фотографиях. Но вдруг «в кадре» появляется объект, который и сегодня возвышается над городом, соперничая даже с новыми высотками.

«Вот уже и проехали бор, зелёный и вечно задумчивый. Вот мелькнули гранёные башни элеватора, а вправо раскинулось поле. И на этом поле, вдали от дороги, громоздятся какие-то штабеля. Что это? Неужели будущий город?»

«Гранёные башни элеватора» – и перед глазами тут же возникает узнаваемый образ – высокое, ни на что не похожее строение в районе старой площадки Бердского радиозавода или, для тех, кто помоложе, школы № 10.

Назначение этого здания сегодня известно немногим. А ведь на самом деле за внушительным видом скрывается и внушительное задача – хранить государственный материальный резерв! Построенный незадолго до начала Великой Отечественной войны, элеватор был необходим для хранения зерновых культур. По словам старожилов вход на территорию охраняли военные, поэтому удовлетворить праздное любопытство было невозможно.

Можно представить, каким исполином казался элеватор на едва начавшей застраиваться территории нового Бердска, ведь даже сегодня, он выделяется на фоне городского пейзажа.

«Мы ходили между штабелей и никак не могли понять – где же будут тут улицы.

– Разве это город? – вздыхал Петька. – Верно, Толь?

– Конечно! Так, недоразумение какое-то…

– Вот, к примеру, Одесса! Это я понимаю!

– Ай, хватил! – сказал я. – Одессе сколько лет? Небось тысяча! Нашему Быстрореченску, говорит папа, двести пятьдесят. А этому только несколько дней… Ты захотел так, как бывает в сказках…»

Жизнь ребят в переселяющемся городе полна приключений, но настоящим событием становится известие о разрушении школы.

«В дверях появился запыхавшийся Оська Золотухин.

– Ребята, вы чего сидите? Там нашу школу ломают!

– Как ломают?

– Обыкновенно: ломами, топорами.

Утирая лицо пилоткой, Оська рассказал, что со школы сняли крышу и уже разбирают стены…

Нашу школу трудно было узнать. Серый волнистый шифер лежал уже на земле. На стенах висели какие-то люди, проворно орудуя железными ломами. На школьном дворе гудели лесовозы, люди в запылённых спецовках укладывали на них брёвна, доски и балки. И всюду над остовом школы, над двором, над садом – висело облако жёлтой пыли.

– Руины… – сказал Толька, облизывая губы. – Была школа, остались руины.

– Руины – это когда война, – возразил Оська. – А у нас – наоборот».

Известно, что при подготовке к затоплению все постройки разбирали по брёвнам и кирпичам (место будущего водохранилища должно было остаться чистым). Если из этого ещё можно было извлечь пользу при строительстве – перевозили в новый Бердск.

Из книги неясно, о какой школе идёт речь, но известно, что таким способом переносили, например, школу № 3. По воспоминаниям старожила Бориса Юрьевича Ионова, который на момент переноса школы закончил третий класс, здания (их было два) очень бережно разобрали, пронумеровав каждое бревно. И в новом Бердске школу № 3 возвели в соответствии с прежним укладом: в первом здании находились классы и учительская, во втором – классы и библиотека. Позже, уже на новом месте, появилось ещё одно здание – с мастерскими для уроков труда и спортивным залом.

«День, когда Петька бросил костыли, мы ознаменовали поездкой в новый город. Интересно было посмотреть, как восстанавливается школа. За лето город так вырос, что мы от удивления ахнули. Нашу школу мы едва отыскали среди множества домов, хотя она и стояла неподалёку от шоссе».

Следующий фрагмент интересен тем, что рисует отношение жителей к распоряжениям руководства по переселению. Непросто героям принять тот факт, что из обжитых домов нужно переселяться. Да ещё и куда? Во временное жильё! Но бердчане несколько лет до затопления знали, что этот момент настанет, а потому, недолго погоревав, снимались с места, чтобы начать новую жизнь в новом городе.

«А дома меня ожидала волнующая новость: оказывается, горкомхоз предупредил папу и тётю Клаву Звездину, что мы должны оставить свои квартиры и переселиться в новый город. Там для нас приготовлено временное жильё. «В новый город! – восторженно думал я. – Это же то самое, чего нам не хватало! Школа опять будет рядом!»

Однако мама была совсем иного мнения. Сидя за ужином, она упрекала папу в том, что он, бесхарактерный человек, не сумел доказать домуправу, что осенью добрые люди не переселяются.

– Подумать только, – говорила она. – На дворе осень, а мы должны бросить тёплый дом, в котором прожили без малого девять лет! Вон Семён Шкуринский наотрез отказался переносить нынче свой дом. И ничего…»

Люди, которым пришлось пережить это великое переселение, вспоминают о нём по-разному. Кто-то из старожилов рассказывал о чувстве эмоционального подъёма в связи с переездом в новый город, ведь многим предоставляли строительные материалы, а значит, что взамен старенькому жилью семья могла отстроить новый дом. Кому-то же, особенно тем, кого со старым Бердском связывали тесные узы собственной биографии, не хотелось менять прежний уклад. У многих бердчан на кладбище оставались предки…

Но с планами в то время не спорили. Да и какой в этом был смысл? Ведь по соседству полным ходом шло строительство ГЭС, а значит, переезд был неизбежен.

«Мы подняли головы и увидели, что самосвал стоит у какой-то разобранной избы в нашем старом Быстрореченске. Кругом штабеля брёвен и досок. А рядом с машиной – целый ворох домашних вещей: матрацы, кадушки, кухонный стол, два фикуса, куча узлов и узелочков.

– Вот это мы обязаны погрузить, – сказал Саня-с-усами. – Прошу…

Единственный до сих пор сохранившийся объект, упомянутый в книге Ефима Медведева

За ночь мы сложили все вещи, увязали, приготовили. А утром к нашему дому приехали два грузовика.

Влезая в кабину, мама прослезилась. Почему-то взгрустнулось и мне, когда я взобрался в кузов грузовика и взглянул на нашу улицу. В зелени палисадников она казалась мне рекой в крутых зелёных берегах. По этой реке текла наша жизнь…

Петька сел на дно кузова спиной к кабине и уставился в небо. Там, в безоблачной синеве, над полем, где громоздились брёвна и доски, парил орёл. Он описывал круг за кругом, ни разу не взмахнув крыльями, и, кажется, не снижался, не терял высоты.

А я стоял возле кабинки, и ветер вздувал пузырём мою рубаху. И мне было весело. Хотелось кричать стихами, которые недавно я слышал по радио: «Я верю – город будет! Я верю – саду цвесть!»

Со времени написания Ефимом Медведевым «Если есть у тебя мечта» прошло 60 лет. Книга вышла в Барнауле, в Алтайском книжном издательстве в 1962 году тиражом 30 000 экземпляров. Сегодня она является библиографической редкостью, но судя по тому, в каких городах при поиске книг Медведева нашлось несколько экземпляров этого издания – в своё время она разошлась по всей стране. А это значит, что во Владивостоке, Санкт-Петербурге и других городах читатели узнали удивительную историю. Произведение не стало классикой детской литературы, не вошло в школьные программы, но спустя годы оно обретает особое значение для бердчан, которые хранят наследие старого Бердска.

Татьяна Свиридова

Венгеровский район

Солдаты необъявленной войны

Писать о воинах-интернационалистах, прошедших Афганистан, очень непросто. И потому, что окончанию этой «необъявленной войны» немалый срок – уже более 30 лет, и потому, что прошедшим её дорогами до сих пор больно говорить о ней – слишком глубокий печальный след оставила она в их юных сердцах. До сих пор каждое слово, которое я от них слышу, даётся им с трудом, в горле застывает комок боли.

Сегодня мне хочется рассказать о воинах-интернационалистах Венгеровского района, воевавших в Афганистане.

Владимир Викентьевич Быкин в армейскую свою бытность служил в Афганистане. Довелось побывать ему и в Баграме, и в провинции Газни, там стояла часть его разведывательного батальона, окружённого танковыми, артиллерийскими полками, полк охранения – всё, как положено.

«На задание ходили группами, – рассказывает Владимир Викентьевич, – в 20–30 человек. Ходили тёмными афганскими ночами.

Афганские горы так высоки, что их коричневые склоны смотрят в иллюминаторы вертолёта с двух бортов и пугают своей близостью. Скоро выброс, и разговоры смолкают. О чём думают в эти минуты они, бойцы группы захвата? О чём думает мой друг, сидящий рядом, земляк из Краснозёрки Виталий Красников? Красавец парень, смелый, решительный, выносливый. В кино в таких в первую очередь влюбляются девчонки и безответно страдают. А в жизни? О чём он думал в последние минуты своей жизни?

Падая на землю и разбегаясь от вертолёта в стороны, мы слушаем каждый камень, способный притаить человека. Нередко земля встречала нас пулями и осколками. Так было и в этот раз. Завязался бой. В одно мгновение, словно лезвием бритвы, срезало ногу Виталию. Он скончался в вертолёте от болевого шока на руках товарищей.

Иногда, чтобы повзрослеть, много времени не требуется. Мы стали взрослыми мужчинами после этого боя, в котором погиб наш товарищ. И не раз ещё попадали в очень непростые ситуации, разведка ведь… Но от этого лишь крепче становилась дружба. Дружба спасала.

В группе был полный интернационал, русских было мало. Сибиряков всего четыре человека. Были казахи, узбеки, грузины, татары. Но это не мешало боевой дружбе, братской поддержке. Дружба помогала превозмочь боль, горечь утраты. Без взаимопонимания в жизни трудно. В армии – вдвойне. Мужчины, прошедшие школу Афгана, понимают это отлично.

Андрей Марченко, мой друг, украинец, был убит, когда подорвался БМП. Убит выстрелом в спину, упал, успев только выкрикнуть: «Ой, больно, мама».

Смерть друга казалась нелепой, случайной. Ведь совсем недавно мы спорили до хрипоты то об уроках истории, то о том, кто в роте лучше всех играет в футбол – и вот Андрея нет.

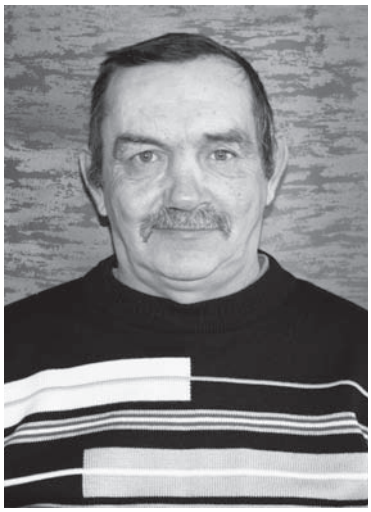
Тогда я впервые понял истинную цену слову «враг», короткому, хлёсткому, злому, как выстрел», – продолжает свой рассказ Владимир Быкин.

И всё же Владимир по-доброму вспоминает свой Афган: «Я не жалею, что попал туда. Таких ребят, как там, я больше не встречал. Вспоминаю своих друзей, и живых, и тех, кого уже нет с нами, и честно скажу: тоскую до сих пор».

Владимир Быкин награждён медалью «За отвагу».

«О наградах не надо, – скромничает В. В. Быкин, – не это главное. А вот что десантник, сказать надо, этим званием горжусь!»

В январе 1980 года нёс военную службу в Афганистане Сергей Лаврентьевич Яшков. Прошло с тех пор более 40 лет, а помнит всё Сергей, как будто это было вчера. И как их, 18-летних мальчишек, привезли в кишлак Чирикар, и как нещадно палило афганское солнце – это ему, парню из Сибири, было тяжелее переносить, чем остальным. И холод афганских ночей помнит, и боевые операции в Баграме, и смерть товарищей, ужас и боль потерь – всё помнит. А запах пороха и гари, кажется, и сегодня выдыхают его лёгкие.



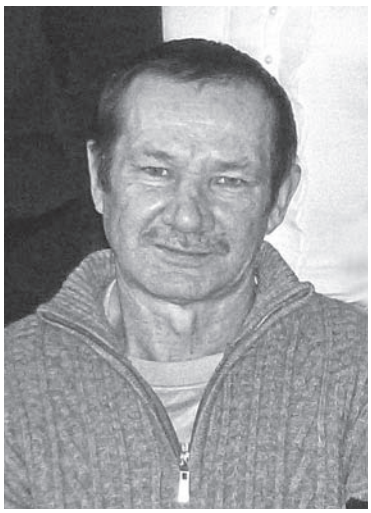
Сергей Лаврентьевич Яшков

Слушаю рассказ Сергея Лаврентьевича и ясно понимаю, даже, можно сказать, ощущаю: каждый из них, прошедших ту войну, стал частью Афганистана, а Афганистан стал частью каждого воевавшего там. И продолжением этих мыслей звучит ответ Сергея Яшкова на мой традиционный вопрос: «Война в Афганистане для нас закончилась, но память о ней не умрёт в моём сердце никогда».

А потом была ещё одна встреча с тем, кто прошёл дорогами и тропами Афганистана.

С июня по ноябрь 1980 года служил в ДРА Виктор Васильевич Ивлев. В Москве проходили Олимпийские игры, а здесь, на раскалённой афганской земле, гремели выстрелы и взрывы.

В армию Виктор Ивлев был призван в ноябре 1978 года. Вместе с В. Суховеевым попали служить в Прибалтику. «Учебка» находилась недалеко от старой Риги.



Виктор Васильевич Ивлев

«Уже в «учебке» я учился на командира БМП, – вспоминает В. В. Ивлев. – Затем проходил службу в Калининграде, в разведывательной роте мотострелкового полка. Все было прекрасно, служба отличная, но на дворе стоял уже 1979 год. В декабре, как раз перед зимними учениями, до нас дошли слухи о вводе ограниченного контингента наших войск в Афганистан. И мы, три друга из нашей роты, Костя Майский, Александр Тюрин и я, сами пошли в особый отдел с просьбой отправить нас в Афганистан. Внимательно выслушавший нас особист стал

было отговаривать, но мы упорствовали. Молодые были, горячие, хотелось повоевать.

Нас троих забрали прямо с зимних учений. В составе полка, сформированного для действий в Афганистане, прибыли в Клайпеду. Там наш полк вооружили, погрузили на платформы и отправили в Термез, на границу с Афганистаном. Недели две ждали отправки в Афган. В одну из ночей нас подняли по тревоге, объявили, что переходить границу будем по понтонному мосту своим ходом на БМП в полном комплекте: пулемётчик, механик-водитель, десант и командир. В нашей боевой машине было 11 человек.

Переправились через границу, развернули палатки. Служба продолжалась, но уже на чужой земле, в боевой обстановке. Как заместитель командира взвода разведывательной роты я, конечно, понимал, что это – война.

Сказать, что на становление моего характера повлиял только Афганистан, конечно, нельзя. Сформировался он ещё в школе. Я всегда занимался спортом – лыжи, волейбол, баскетбол, получал победные кубки и грамоты. Был сильным, спортивным, видимо, поэтому зачислили меня в разведроту. Впрочем, в разведроте все бойцы были спортивные, крепкие, всегда готовы выполнять боевое задание командира».

Памятник воинам-интернационалистам в с. Венгерово

Ко всему привыкает человек, привыкли и российские парни. Привыкли к нестерпимой жаре, обстрелам, боевой обстановке. За время службы всякого насмотрелся Виктор. Были, конечно, и такие случаи, про которые вспоминать не хочется. Разведрота мотострелкового полка часто выполняла задания по зачистке кишлаков, где находились душманы.

«Я человек военный, что приказы выполнять нужно – знал, что воевать нужно честно – тоже, – говорит Виктор Васильевич. – Мне, командиру боевой машины пехоты, по долгу службы приходилось отдавать приказы и выполнять тоже. В нашей разведроте не было потерь, хотя под обстрелы попадали часто. А вот бой, в котором погиб заместитель начальника штаба майор Волков, засел у меня в памяти крепко.

В тот раз мы выполняли боевое задание. В низине наткнулись на пересохший арык и поняли, что на БМП там не пройти. БМП пошла в обход, а наша группа – три разведчика, пулемётчик, я и майор Волков – двинулась пешком. Пройдя совсем немного, попали в засаду. Завязался бой. Для огневой поддержки майор вызвал «вертушки», но большой пользы это не принесло. «Духи» попрятались в щели, переждали удар боевого вертолёта и вновь открыли огонь. Почти восемь часов мы вели этот бой – без поддержки вертушек, без воды, при 50-градусной жаре. Выстрелом снайпера был убит майор Волков, и я принял командование на себя. Мы сумели отбиться, да и задание выполнили, но радости от победы не было, потому что погиб заместитель начальника штаба».

В служебной характеристике командира разведывательной роты, которую показал мне Виктор Ивлев, говорится: «Старший сержант Ивлев В. В. не щадя своих сил и жизни боролся с врагами революции; как заместитель командира взвода командир боевой машины пехоты умеет мобилизовать своих товарищей на выполнение поставленных командованием боевых задач».

Перед демобилизацией предлагали Виктору продолжить военную службу. Полковник, начальник разведки, уговаривал поступать в военное училище, уверял, что всё у солдата получится. Но Виктор отказался. Уже тогда, 20-летним пареньком, понял он, что война – это не его. Хватит, повоевал.

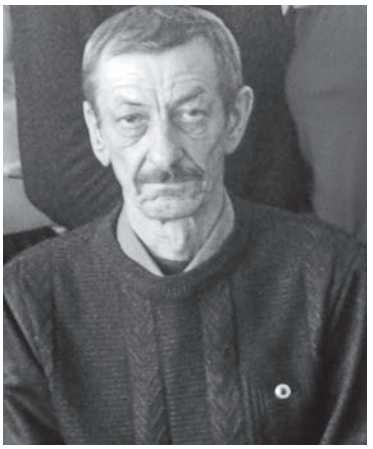
29 октября 1980 года за мужество и

героизм, проявленные в боях по защите завоеваний апрельской революции афганского народа старшему сержанту Ивлеву В. В. вручили грамоту за подписью командира войсковой части Макарова. Награжден В. В. Ивлев медалями «Воину-интернационалисту» и «От благодарного афганского народа». 28 декабря 1988 года, через 8 лет после службы в Афгане, старшему сержанту Ивлеву была вручена грамота Президиума Верховного Совета СССР за подписью М. С. Горбачева «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга».

Николай Александрович Огрызков. Военная специальность – водитель бронетранспортёра танковых войск. Боевую службу нёс в Кабуле в автомобильной роте. Приходилось сопровождать автоколонны с боеприпасами, с бензином, возить снаряды. Вспоминать и говорить о службе в Афганистане Николаю Александровичу тяжело. Он – один из тех, кто попал в Афганистан сразу с введением туда ограниченного контингента советских войск в декабре 1979 года.

«Даже не знали, – говорит Николай Александрович, – что летим в Афган. Поняли только тогда, когда уже попали в Термез. А из Термеза наш самолёт взял курс на Кабул. Так я оказался в чужой стране, где нужно было воевать. Афганистан встретил нас удушающей жарой, которую мы, ребята из Сибири, переносили очень тяжело. До сих пор помню нестерпимую жару днём, жуткий холод ночами, грязную воду, непривычную для нас обстановку, горы и нас, необстрелянных, неопытных. Свою службу считаю просто исполнением воинского долга, ничего героического… Я, как и все, принимал участие в боевых операциях».

Спрашиваю Николая Александровича, что значил и значит для него Афганистан? Немного подумав, он отвечает: «Я был военнослужащим, выполнял приказ, особо рассуждать об этом не люблю. Но хочу сказать, что Афган изменил меня. Пройдя Афган ещё совсем молодым, я стал очень серьёзным, уверенным в себе. Я в полной мере осознал, что в чужой стране я защищал свой дом. Я научился жалеть людей. Там всё было по-другому: другая земля, другой народ, другие обычаи… Даже небо другое! Там каждый день можно было удивляться тому, как обыкновенные мальчишки вели себя мужественно, можно даже сказать – по-геройски. Конечно, многое забывается, ведь прошло уже три десятка лет, но вычеркнуть то время из памяти – никогда! Такое не забывается!»



Николай Александрович Огрызков

Анатолий Владимирович Матлыгин родился, жил и учился в Ташкенте в Узбекистане. После окончания 8-го класса поступил учиться в авиационное училище по специальности слесарь-монтажник. С успехом в 1984 году закончил училище. В армию призвали весной 1985 года, когда в Ташкенте цвели белопенные сады. В Термезе прослужил три месяца, а затем попал в Кундус (Афганистан).

«Я был зачислен в отдельный ремонтный батальон, который занимался охраной и сопровождением автоколонн, – вспоминает Анатолий Владимирович. – В моей службе не было ничего героического. Моя служба – это военная реанимация (восстановление) разбитых, повреждённых войной машин. Приходилось ремонтировать их даже на поле боя. Работы было много, работали, можно сказать, не покладая рук. Но самым тяжёлым было не это: физически мы были подготовлены, и слесарный опыт у нас был. Тяжело было осознавать, что в этих искорёженных БМП, танках, машинах погибли наши парни. Машины-то мы снова возвращали в строй, а вот ребят уже никто не мог вернуть. И в нашем ремонтном батальоне тоже были потери».

Анатолий Владимирович Матлыгин

Почти два года нёс службу Анатолий. Домой вернулся в прекрасный

праздник – в День Победы, 9 мая 1987 года.

– Что для вас значил и значит Афганистан? – спрашиваю Анатолия Владимировича при очередной нашей встрече, накануне Дня памяти.

«Афганистан, – задумчиво, но чётко и уверенно отвечает он, – это то место, которое никогда не забудешь, сколько бы лет ни прошло. Тогда я был молод, рад, что остался жив, но боль по погибшим в чужой стране товарищам до сих пор со мной».

Елизавета Аргольд

Северный район

«Золото» семьи Новиковых

Что такое судьба? Случайность или закономерность происходящих событий в жизни человека? Наверное, и то, и другое, потому что всё переплетается и всё цементируется, словно одно мгновение.

У Савелия Алексеевича и Алевтины Егоровны Новиковых это мгновение рука об руку длится уже 50 лет. А может быть, не уже, а ещё? Каждый год по весне берёзы тихо распускали липкие зелёные листочки, таяли серыми рыхлыми кучками снежные сугробы, мели метели и, казалось, всё было обычным, привычным, тут вдруг – 50. Красивая символичная дата, которая возвращает супругов Новиковых в прошлое, туда, где детство, хоть и не было «золотое», но было простым, добрым и весёлым.

– Я жил в деревне Томиловка, – вспоминает С. А. Новиков. – Красивая была деревня. В детстве казалась она большой, с длинной улицей домов. А на самом деле, наверное, это всего лишь детские впечатления. Колхозная бригада, школа-четырёхлетка, магазин. Что ещё было? Да, по-моему, ничего. Но тогда всё казалось лучшим, необычным и нужным в жизни.

За годы они, наверное, десятки раз вспоминали, обсуждали мельчайшие подробности своей жизни. Поэтому и детство, и юность каждого из них давно уже стали общими, словно главы одного написанного двумя людьми романа. Когда-то маленький Савелий, окончив первую школьную ступень в Томиловке, отправился в Останинку, там была семилетка, а потом – в Северное, учёба продолжилась почти до службы в армии. А в 1956 году прозвучал для Савелия призывной сигнал. Обычная судьба простого деревенского паренька. Кого она миновала? Школа автомобилистов и три с лишним года службы пригодились потом в мирной, неармейской жизни: в трудовой книжке С. А. Новикова отмечена дата сорокалетия водительского стажа.

– А я с самого раннего детства мечтала стать учителем, больше никем, – говорит Алевтина Егоровна. – И рада, что посвятила себя этой профессии. Да я даже не считаю её профессией. Просто каждый день работы в школе, потом в РОНО были для меня необходимы как воздух. И 47 лет педагогического стажа пролетели как одно мгновение.

Их встреча была ещё впереди, когда бывший солдат Савелий Новиков вернулся в родную Томиловку, в бригаду колхоза «Борьба за мир», работал электриком, бригадиром, получил комбайн. А теперь они с Алевтиной Егоровной с улыбкой вспоминают бабу Машу, которая дула на лампочку, чтобы потушить её, ведь электричество только что пришло в дома деревенских жителей. Милыми кажутся и другие житейские будни деревни.

Алевтина Егоровна начинала свою трудовую биографию после окончания школы с работы воспитателем в детском саду села Северного. Это было лето, которое окончательно определило девушку в выборе профессии. Уже в августе её отправили в Курчавую учителем.

– Первую ночь перед уроками я вообще не спала, – говорит А. Е. Новикова. – Знаешь, чего больше всего боя-

лась? Засмеяться на уроке, такая была хохотушка. И думала: я учитель. Конечно, не всё сразу получалось. Я очень благодарна Анатолию Павловичу Гламаздину. Он тогда работал в Украинке и помогал всем, чем мог, объяснял, давал советы, одобрял и подбадривал.

А судьба всё ближе вела Алевтину Егоровну к будущему мужу, Савелию Алексеевичу. Подруга Валя Гузеева вдруг предложила: «Поехали в Томиловку». Она приехала и на крыльце школы заплакала. В погожий летний день в деревне была тишина. Все взрослые были на покосе, а по улице только лениво бродили собаки. Да свиньи.

– Не плачь, – утешила соседская бабушка, – народ у нас хороший, попей чайку, успокойся, всё будет хорошо.

И она оказалась права. В маленькой деревне молодая учительница нашла своё место и общий язык с жителями. Авторитет учителя невозможно поддерживать искусственно, его должен создавать сам человек, который был тогда на селе главным проводником всего лучшего, передового. Комсорг, директор клуба, агитатор, которого ждали на ферме, – это была обычная жизнь сельского интеллигента. А главное – все относились друг к другу с добром и открытым сердцем.

К этому времени вернулся из армии и Савелий Алексеевич, молодой, полный надежд и планов, хотел уехать из Томиловки в Каинск, да сразу приметил молодую учительницу и остался. А в мае, когда лес надевал зелёный наряд и в палисадниках распускалась черёмуха, они поженились.

– Первые годы, конечно, были самые счастливые, – говорит Алевтина Егоровна. – Молодость, интересная работа – всё это хороший стимул для семейной жизни. Я считала себя самым счастливым человеком.

Потом в семье появились два сына. И это тоже делало её счастливой, потому что все были нужны друг другу.

– Но всё-таки кто-то должен быть главным. Как вы думаете, кто у вас имел и имеет решающее слово? – спрашиваю я.

– Наверное, должен. Но у нас так не было, – отвечает Алевтина Егоровна. – Мы знали, что самое нужное для укрепления семьи – это умение понимать и жалеть человека, который живёт рядом с тобой, радуется твоим радостям, справляется с теми же трудностями. Вдвоём всё по плечу.

Они и сейчас, спустя 50 лет от начала семейной жизни, уверены: хорошего у них было больше. Их корабль плывёт по жизни, избегая подводных рифов. А четыре внука и одна правнучка прибавляют счастья дедушке и бабушке.

Алевтина Егоровна Новикова

И пусть бы этот корабль семейного счастья продолжал своё путешествие по земле, где много радости, понимания, доброты. Годы промелькнули одним солнечным светом. Ушла потихоньку Алевтина Егоровна в иной мир, а так хочется, порой, встретиться и поговорить с ней о жизни, об уроках в школе, о судьбе. В последнее время Алевтина Егоровна работала методистом в районном методическом кабинете отдела образования администрации Северного района. Входишь, бывало, и сразу бросается в глаза её солнечная улыбка…

И хочется говорить, и хочется у неё учиться, и хочется работать с новыми силами. Алевтина Егоровна Новикова давала надежду на самое светлое в этом бушующем шторме под названием ЖИЗНЬ…

Ольга Фёдорова, Раиса Гришко

Колыванский район

Майловский сад

Село Вьюны Колыванского района расположено в 35 километрах от райцентра. Природа в этих краях просто завораживает. В 60-е годы был самый расцвет села и именно в эти годы приехал работать агрономом во Вьюнском совхозе Майлов Сергей Павлович (1907 года рождения) – интеллигент, агроном, краевед, фронтовик, фотограф, музыкант. Будучи хорошим специалистом и ответственным работни-

Сергей Павлович Майлов

ком, Сергей Павлович добился отличных результатов. По выращиванию и сохранению урожая полевых культур Вьюнский совхоз вышел в передовики в сельском хозяйстве Колыванского района.

Полив во время первой посадки

На зернотоке

Сергей Павлович был не просто образованным, но и глубоко интеллигентным человеком, всегда доброжелательным, вежливым, интересным собеседником. Имел неплохую личную библиотеку, был частым гостем во Вьюнской сельской библиотеке. Серьёзно увлекался фотографией, фотографировал родных и близких, односельчан и гостей села, природу родного края.

Прополка сада

Замер плуга

Не плохо владел музыкальными инструментами: гитарой, фортепьяно, аккордеоном. Частыми гостями у него были учащиеся Вьюнской средней школы. Сергею Павловичу было что рассказать и показать им. Он хранил множество фотографий с тех мест, где ему довелось побывать. Он много ездил по стране и немало повидал. Он учился в Москве, и когда началась война, и немцы рвались к столице, ушёл в народное ополчение. После войны побывал на Дальнем Востоке, Алтае.

Но природу села Вьюны изучил досконально, с любовью и трепетом относился ко всему, что его окружало. Будучи охотником-любителем, на природу брал с собой не только ружьё, но и фотоаппарат. В его фотоколлекции накопилось много фотографий Сибирского края.

По инициативе Сергея Павловича за селом заложили ягодно-фруктовый сад площадью восемь гектаров. На территории сада посадили: малину, смородину, вишню, ранет, яблони, облепиху, черноплодную рябину, викторию, крыжовник, также в саду выращивали овощи. Через некоторое время урожай из

На пасеке села Вьюны

сада стал поступать на стол работников Вьюнского совхоза и отправляться за пределы для продажи и реализации. Частыми посетителями сада стали жители из других сёл района и из самой Колывани. Даже горожанам стало известно о саде, и они покупали свежий урожай.

Сад стал отдельным подразделением Вьюнского совхоза: был свой управляющий и агроном, бригада рабочих и сторожа, закреплена техника. В дни летних каникул ребята из школьного лагеря труда и отдыха «Альтаир» трудились в саду, помогая садоводам.

К сожалению, в начале 90-х Вьюнский сад стал приходить в запустение из-за отсутствия должного ухода, и вскоре оказался совсем брошенным. В 1998 году умер Сергей Павлович. Заросс сорняками и пасынками ягодных кустарников, превратившись в сплошной лесной массив, и сад. А в начале 2000-х гг. из-за весеннего пала и вовсе выгорел. Но слава природе, и видимо, сад закладывался с благими намерениями, многие ягодные кустарники возродились и неплохо растут и плодоносят, такие как: вишня, малина, облепиха, ирга, встречается черноплодка, жаль, что ранет не устоял. В середине лета, когда начинает поспевать ягода, здесь все кому не лень. И эти летние запасы потом всю зиму радуют вьюнцев. Спасибо тебе большое, дядя Серёжа, спасибо за сад!

Вячеслав Букреев

Новосибирск

Али

На Вокзальной магистрали Новосибирска на углу дома рядом с «Сибгипротрансом» установлена мемориальная доска с барельефом. На ней скромная надпись:

В этом доме с 1959 по 1992 год
жил инженер-строитель,
Лауреат Государственной
премии СССР
Али Халилович Алиджанов

Просто – инженер-строитель. Но масштаб этой личности таков, что к очерку просился иной заголовок. Что-то вроде: «Горный орёл» или «Русская душа»… И тот, и другой был бы в точку. Но такая выспренность не соответствовала бы характеру героя. Да и обобщённый образ тут не уместен. Потому что Али Халилович Алиджанов был личностью уникальной.

Он был чемпионом Москвы в беге на 400 метров. Он вообще любил трудные дистанции и был настоящим спортивным бойцом. Он ориентировался на цель, не сомневаясь в её достижимости. Для него не существовало неразрешимых задач, были те, которые или не ставились, или – ещё не дождались своего решения. И тогда Алиджанов увлекал единомышленников, и они настраивались на режим поиска.

Где бы ни работал Али, он умел, со своей кавказской напористостью, поддерживать огонь в горниле коллективной творческой мысли. Но не подставлял грудь под медали. Он вообще не признавал в работе личных местоимений. Он говорил – «мы». Думаем. Решили. Сделали… Случайно ли, что его любимым «жанром» в лёгкой атлетике была эстафета.

В последний раз он весело бежал по Садовому кольцу накануне государственных экзаменов в Московском институте инженеров транспорта в 1955 году. В день Победы – в честь великого праздника всего народа и в частности его семьи.

Это была традиционная для того времени интернациональная семья. Мама Вера – русских кровей, и вместе с бабушкой они немало потрудились над русской душой юного черноглазого создания отточенной красоты, в каждом движении которого угадывался лезгин. Тонкий, быстрый, с необычайно лёгкой и пружинистой походкой, он был горяч, как молодой конь, но сдержан. Азартен, но реалистичен. Он был не только «породист», но и прекрасно воспитан.

Впрочем, воспитание лишь отшлифовало задатки, определило кругозор, придало блеск изначально добротному «материалу». Не случайно Али чуть ли ни с пелёнок считался лидером среди сверстников, комсомольским вожаком в студенческой среде, мастером на выдумку, заводилой и запевалой, непревзойдённым тамадой, который умел в застолье заметить каждого и использовать момент, чтобы остроумно и ярко подчеркнуть достоинства каждого. Так что даже на юбилеях обходились без «культа личности», и юбиляры легко и щедро делили торжество со всеми присутствовавшими. Но главное – он умел быть другом и не умел заводить недругов.

Диплом инженера-изыскателя, проектировщика железных дорог, искромётный темперамент, умение взять правильный старт, рассчитать силы, чтобы коснуться финишной ленточки, и не по возрасту зрелое чувство ответственности – вот тот багаж, с которым прибыл по добровольному распределению в наш город Али Халилович Алиджанов в составе четвёрки таких же романтиков.

В Москве они сели в поезд однокашниками-попутчиками, а стали друзьями навек. Саша Гавриленков был из Подмосковья, Эдик Приц навсегда покинул родную Белоруссию, Витя Николаев подался за Урал из воронежского Черноземья.

В середине шестидесятых страна бурно набирала темпы развития. Сибирь, как и теперь, являлась донором всей экономики страны, её топливным «реактором» и кладовой сырья, и вообще территорией надежд на прекрасное будущее. Но эти сокровища природа спрятала за семью замками, в непроходимых дебрях. А ведь «за морем телушка – полушка, да рубль – перевоз». Особенно по воде и воздуху. А старый Транссиб практически уже исчерпал свой потенциал…

И вот в середине шестидесятых был спущен долгосрочный госзаказ на создание разветвлённой траснспортной инфраструктуры для ускоренного освоения сырьевых ресурсов Сибири.

Проектированием железных дорог в стране в то время занимались, в основном, проектно-изыскательские институты. Одним из ведущих считался новосибирский «Сибгипротранс». Огромный коллектив тысячи в полторы «штыков», перед которым стояла стратегическая задача – спроектировать для страны целую сеть стальных артерий на Алтае, в Кузбассе, в Красноярском крае.

Как же обрадовался начальник отдела изысканий и проектирования Павел Иванович Джорбенадзе, тоже выпускник МИИТа, но ещё довоенной поры, когда 23 августа 1955 года в кабинете появились с направлениями на работу сразу четверо молодых специалистов. Это были первые в истории

института «москвичи». Их ждали, заблаговременно сняли комнатку недалеко, на Омской, хозяйку настроили на гостеприимный лад…

– Добро пожаловать… – Джорбенадзе так и искрился каким-то родственным радушием, словно готов был каждого заключить в объятия. Но быстро перешёл на деловой тон:

– Какие планы?

Али высказал согласованное намерение: Сибирь, изыскания.

– Хотим все вчетвером в одну партию…

– Так не пойдёт. Нам нужны специалисты в каждую партию. Я на вас давить не буду – пока вы для меня все одинаковы, но через десять минут вы должны мне сказать, кто поедет первым. Срочно, сегодня же вечером. Под Красноярск. (В то время как раз начались изыскательские работы для проектирования Красноярской ГЭС).

Коль так, любой готов был снова паковать чемоданы, но решили почестному. Вышли в коридор, написали четыре бумажки. Эдик снял свою шляпу. Ему и выпало снова собираться в дорогу.

В разное время и по разным маршрутам отправились и сотоварищи. Только изредка собирал их вместе общий «дом» – комнатёнка на Омской. Это была семья, здесь готовили пельмени к приезду кого-то из друзей. И это был праздник. Али всю процедуру подготовки к встрече «запротоколировал» в юмористических рисунках. Вот это – Эдик крутит мясорубку, а это – Витя своими тонкими пальцами защипывает пельмени. А это Саня с засученными рукавами раскатывает тесто… Картинки Али словно излучали то тепло, которого так не хватало в бесконечных командировках.

Первым женился Али – на обаятельной Лидочке из архитектурно-строительного отдела. Потом привёз Эллу, свою студенческую любовь, Николаев… Но пока там, на Омской, задержался хотя бы последний холостяк, всё так же там обмывали командировки, встречали с полей горячими пельменями, обсуждали идеи новых инженерных решений.

Вскоре вместо одного общего дома стало целых четыре. Сдружились жёны, сформировался образ жизни. Али был очень музыкален, а скоро и вся четвёрка, помноженная на два, стала завсегдатаем консерватории и филармонии. Жёны приобрели абонементы. Али боготворил маэстро Каца и гордился дружбой с ним. Он знал поэзию, читал все новинки сибирских литераторов и был заядлым театралом. И с тех пор как вошёл в тесный круг сдружившихся театральных семей – Киры Орловой с Игорем Попцовым и Анны Яковлевны Покидченко с Семёном Семёновичем Иониди, не было, пожалуй, ни одной премьеры, на которой Али Халилович не поздравил бы творческий коллектив, не одарил актрис цветами…

Премьера спектакля «Гарольд и Мод» состоялась, кажется, за четыре дня до кончины Алиджанова. Героиню играла Анна Яковлевна Покидченко. После премьеры ей позвонила жена Али Халиловича. Передала его приглашение зайти.

– Али нас встретил улыбкой, – вспоминает Анна Яковлевна. – Он был в тренировочном костюме, тщательно выбрит, его прекрасные волосы блестели. Мы обнялись. Я поставила на столик тарелочку со слоёными пирожками. Али взглядом поблагодарил, расспросил про спектакль и реакцию публики. Он всех нас поздравил с пре-

мьерой и кивнул на огромный букет роз, стоящий перед ним на столике:

– Эти розы для тебя, Аннушка…

Чувствовалось, что ему трудно говорить, но он шутил и улыбался:

– Как я люблю твои пирожки…

Мы поняли, что он прощается с нами.

С тех пор этот спектакль с неизменным успехом десятки раз шёл на сцене и всякий раз, когда звучали прощальные аплодисменты, Покидченко с трудом сдерживала слёзы. Перед глазами стояла та, последняя улыбка Али Халиловича…

Он был лучезарно светел и азартно увлечён всем процессом жизни. Работой. Самообразованием. Литературой, да и вообще всеми музами одновременно. В нём осязаемо шёл процесс самореализации редкостного потенциала. Удивляло полное отсутствие даже намёка на дилетантство. Много ли найдётся вокруг нас таких универсальных «человеков», которые хотят участвовать во всём и только с отличным результатом?! Али Халилович всем и каждому из своих многочисленных «хобби» отдавался радостно и ответственно. За что бы он ни брался, не признавал откатов и пауз. Если уж отправлялся «в путь», то шёл до конца. Даже когда казалось, что эту дорогу не одолеть.

– Мне кажется, Алиджанов мог быть асом в любом деле. Он мог бы, к примеру, стать отличным руководителем любого театра, или филармонии, – пытается ещё раз осмыслить личность незабвенного друга Виктор Алексеевич Николаев, – или возглавить спорт любого масштаба. А где вы видели, чтобы руководителями обществ книголюбов были не литераторы или журналисты, а городские «начальники»? Только в Новосибирске! Али ещё в пору книжного голода пачками возил домой книги из командировок, и в обществе книгочеев блистал знанием, вдумчивым, почти профессиональным анализом новинок, имел свой взгляд на классику, ценил юмор и тонко чувствовал лирику.

Кому-то он казался даже излишне «мягким» и «сентиментальным». Но только не в родном коллективе «Сибгипротранса», где его ценили за целеустремлённость, жёсткую напористость и высочайшую требовательность к уровню компетентности. Как своей, так и других.

В биографии каждого человека есть первая зарубка, с которой начиналась персонификация личности. До этого ты – был, а отсюда – стал… Всё то, что потом расскажут сотрудники об Али Халиловиче, отмечая его новаторский дух, постоянное накопление знаний, творческую дерзость, было обнаружено коллегами и товарищами в их первой большой самостоятельной работе.

В 1959 году молодому инженеру Алиджанову поручено руководство проектной группой на будущей трассе железной дороги Камень – Алтайская. Всего-то три человека: сам Али да два ещё «необстрелянных» выпускника НИИЖТа, одним из которых был нынешний главный инженер института Виталий Дмитриевич Кононов. Вот что он рассказывает:

– О талантливом инженере мы уже были наслышаны и даже рады были походить в подмастерьях. Но первое же рабочее «совещание» нашей троицы было ошеломляющим. Можно было рассчитывать на что угодно, но не такое абсолютное доверие. Али Халилович поделил «нашу» двухсоткилометровую трассу пополам. Первую сотню километров закрепил за мной, вторую – за Анатолием Блохиным.

– Завтра – в путь! Знакомьтесь со строителями. Все вопросы решайте на месте. Чтобы ни одного звонка в Ново-

сибирск не было! – Заметив наше удивление, разъяснил ещё доступнее:

– В Барнауле вам тоже делать нечего. Ваше постоянное место работы и пребывания – на объекте. Вы должны знать, где что строится. В каком состоянии работы в каждый момент. И все оперативные вопросы решайте сами…

Такой самостоятельности нас в институте не учили, и насколько было известно, обычно молодые специалисты начинают стажёрами. А тут без «нянек»?!

Но бывало, что Алиджанов брал на себя «родительские» заботы о молодых коллегах. В Барнауле им отвели комнатёнку при тресте, домой они ездили лишь на выходные, а питались в соседней кафешке со стойками. Без горячего, так, перекус. Видно, Али заметил, что у парней животы подвело. И вот однажды он им пообещал сюрприз. Приходят на обед в «стоячку», а он им: «Пожалуйте за шторку…». А там, вместо опостылевшей стойки, гостеприимно накрытый стол, на котором парил, исходя ароматом, давно забытый домашний борщ.

Как удалось это устроить, ребята не спрашивали. Али был такой красавец, бездна обаяния… И кто мог ему отказать в пустяковом одолжении?

– Удивляла его тяга к самообразованию. Он изучил всю трестовскую, тем более – институтскую библиотеки. Мы тоже смотрели книги, которые интересовали его, чтобы выйти на его орбиту. У Алиджанова была своя манера общения с производственной литературой. Он не читал, не листал, он извлекал квинтэссенцию. На полях пестрели пометы его руки, типа: «изучить»… «запросить из Новосибирска»… «обратиться к такому-то автору»… И если уж им овладевала какая-то идея, всё прочее уходило на задний план, пока его не настигало озарение. Али с юности не признавал неразрешимых задач. «Если есть цель, должны существовать и средства её достижения. Если есть задача, надо создать условия для её решения».

Такую задачу с одними неизвестными он усмотрел уже тогда, на трассе Камень – Алтайская. Дорога должна была пройти по заболоченным участкам. Ещё никто, нигде и никогда не сооружал железнодорожную насыпь по болотной жиже из местных грунтов. Не было не только необходимой нормативной базы, но и литературы на тему… Сыпать землю прямо в воду? Ясно, она тут же будет расползаться. А как?

– Ребята, давайте поизучаем этот вопрос, – однажды решительно предложил Али. «Ребята» только-только собрались за билетами, чтобы, как обычно, на выходные вырваться домой, а тут – стоп!

С тех пор были отменены выходные. В эти предназначенные для семей дни выезжали на линию Кулунда – Барнаул и снимали поперечные профили трассы. Вооружившись «мечтой геолога» – ручным буром, поочередно прощупывали насыпи, чтобы узнать, как на них ведут себя эти откосы, как расползаются… В архиве института есть снимок, где молодые проектировщики, больше похожие на рыбаков-подледников, зондируют грунты.

Результаты замеров записывались, анализировались и вносились в знаменитую тетрадку Алиджанова, больше похожую на амбарную книгу. Он всю жизнь вёл деловые дневники, подробную летопись своего ДЕЛА с иллюстрациями в виде цветных схемок и графиков. Будь то проектирование или, позже, – городское капитальное строительство. Эти записи отражали всю анатомию процесса, возникавшие проблемы, предлагаемые пути их решения с указанием ответственных, фамилий лиц, в компетенции которых «продвижение» тех или иных вопросов.

А проба собственных сил и способностей у Алиджанова состоялась в том 59-м на алтайских плавунах. Впоследствии, когда Али Халилович уже был главным инженером проекта линии Тюмень – Сургут, результаты тех наблюдений пригодились. На новой трассе участки оказались ещё более сложными в смысле зыбкости почв, и Али использовал свой творческий «загашник».

– Работа была захватывающей. Мы с Али просиживали в институте ночами, – вспоминает Эдуард Антонович Приц. – Хотя работа инженера-проектировщика лишена всякой романтики.

Это ведь не изобретательство, а рутинный труд. Проект надо «высиживать», как наседка – цыплят. Считать, крутить… Искать нестандартные решения, так как в нестандартных обстоятельствах иных не могло быть.

Специалисты знают, что земляное полотно – самое сложное инженерное сооружение. Потому что возводится из материалов, которые постоянно меняют свои физико-технические характеристики. Дождь пошёл – всё раскисло, высохло – иное состояние упругости, подморозило – полотно спрессовалось в камень. Словом, инженерные требования к грунтам, из которых насыпается земляное полотно, очень жёсткие. Но на всём протяжении этой трассы необходимых грунтов не было. Их надо было завозить чуть ли не за тысячу километров, из-под Семипалатинска. Можно представить, каким «золотым» вышло бы такое полотно, и как бы это отразилось на себестоимости грузоперевозок.

Институт взялся за поиск новаторского решения. Группа новосибирских инженеров, а также коллег из Москвы и Ленинграда, в содружестве с геологами поставила перед собой дерзкую задачу по использованию местных грунтов. Для этого предстояло разработать совершенно новую конструкцию земляного полотна и технологию его возведения.

Следующий этап – серия динамических и статических испытаний, по результатам которых можно создавать нормативную базу.

Разработчиком этой базы и стал Али Халилович Алиджанов. Его заслугой коллеги считают не только этот новаторский документ, но и саму возможность реализации дерзкой затеи. Можно лишь предположить, чего стоило в то время «пробить» нестандартное решение и доказать на всех уровнях, что надо делать так и только так! И получить разрешение на экспериментальное строительство.

За разработку новых технологических решений группа соавторов, в том числе А. Алиджанов и А. Якубов, была удостоена Государственной премии СССР. А время и практика доказали эффективность нового инженерного решения.

В 1973 году Али Халилович назначен руководителем «Сибгипротранса». Семь лет он возглавлял этот прекрасный коллектив, и это счастливый период в жизни и его, и его коллег. То была пора бурного развития города: строилось жильё, промышленные предприятия, и существующая инфраструктура уже не могла их обслуживать. До 1973 года успели построить лишь водозаборные сооружения водопровода, но ни очистных, ни канализационных систем построено не было.

Проектирование этих и других сооружений, в частности насосно-фильтровальных станций, поручили «Сибгипротрансу». В то же время институту пришлось прийти на помощь «Новосибгражданпроекту» в проектировании ряда жилых комплексов. А ещё продолжалась работа на БАМе, в Кузбассе. Осуществлялись другие транспортные проекты.

В коллективе царил дух творчества и дружбы. Али затеял проведение вечеров встреч с изыскателями, которые поздней осенью возвращались с полей в родные стены. В «конторе» их ждали как родных. По отделам распределяли обязанности. Кто-то «достает» дефицитные продукты, кто-то готовит концерт, кто-то отвечает за стенгазету. Али Халилович с Виктором Николаевым, Юрием Глуховым и другими энтузиастами, как правило, готовили сценарий праздника. Один из них проходил на тему: «Если бы древние греки строили БАМ…»

Сейчас, вспоминая это, коллеги Алиджанова пеняют себе за то, что не все затеи «запротоколированы». Всё было так искромётно, остроумно и адресно, что теперь составило бы яркую экспозицию для институтского музея.

В «греческом зале», то есть в красном уголке, обычно отмечались и дни рождения. Статус «именин» Али выходил за рамки: 13 августа нередко совпадало с Днём строителя (второе воскресенье августа) и Днём физкультурника. Алиджанов вполне вписывался в эти ипостаси, и какой это был повод для спичей и стихов! Виктор Николаев, по совместительству поэт, однажды разразился целой поэмой, в которой припомнил своему однокашнику-начальнику всё, в том числе и чемпионские лавры.

Институт стал его вторым домом, из которого он, можно сказать, не уходил. Даже когда стал заместителем председателя горисполкома по капитальному строительству.

Его и потом так сильно тянуло «домой», что многие размышляли: почему же он ушёл? По дороге в Дом Советов его всегда поджидал кто-то из сослуживцев, чтобы посоветоваться или – чего греха таить! – попросить содействия. Так сказать, по-родственному. Самой жгучей бытовой проблемой того времени была установка квартирного телефона. Али искал возможность сделать всё, что «в пределах закона», а вот «по блату» и пальцем не шелохнул. Безукоризненная справедливость – первая отличительная черта этого человека.

И всё же – почему он ушёл от любимого дела на административное поприще?

А ушёл он, похоже, потому, что на этом настаивали два очень уважаемых им человека: городской «голова» – Иван Павлович Севастьянов и его заместитель Александр Павлович Филатов. Они не просто настаивали. Ведь было общеизвестно, что Али не признаёт вообще никаких «установок» и принимает решение только в том случае, если оно обосновано. Аргументов имелось предостаточно. Да и сам Али смутно чувствовал внутреннюю потребность в расширении масштабов своей деятельности. Это был крупномасштабный человек…

Кроме того, Алиджанов умел любить. Друзей. Коллег. Земляков. И город, который стал ему родным. А любить для него значило – служить. Жить для… С поста директора проектного института он хорошо видел, что городу необходимо задать вектор и направление развития. Нужно создать единый градостроительный комплекс, управляемый из одной точки. Городские чиновники безуспешно «воевали» с многочисленными подрядчиками, и строители умели выходить чистыми из воды, бессовестно затягивая сроки строительства и оставляя за собой «списки недоделок». Списки терялись, обязательства забывались, а недоделки оставались.

С приходом в горисполком Алиджанова схема взаимоотношений городского руководства, заказчиков, подрядчиков стала меняться на глазах. Изменился и стиль совещаний. Больше здесь не раздавали нагоняи, не искали виноватых. Анализировалось реальное положение дел для поиска оптимальных решений, «развязывающих» узлы на тех или иных строительных объектах.

Чтобы так руководить, надо самому детально разбираться в положении дел. И Али начинал день в своих экзотических галифе и высоких сапогах. Он ехал на объекты. На Кировскую котельную, например, или на отдалённый жилмассив. Он знал по именам-отчествам, наверное, весь руководящий строительный персонал, вплоть до бригадиров. Знал, в каком состоянии бытовки и как кормят строителей. Знал, кто и где тащит или разбазаривает добро, кто дает «завиральные» обещания, а на кого можно положиться.

Поэтому совещались накоротке. Алиджанов не слушал демагогов. «Идите, подготовьтесь», – вежливо просил он. Но и сам тщательно готовился. Нередко звонил Эдуарду Антоновичу в институт: «Зайди, пожалуйста, посоветуемся». Это если возникали какие-то вопросы по проектированию. У строителей в то время был отлаженный «ход»: «зашиваешься» на объекте – вали на проектировщиков. Плохо, мол, подготовлена проектно-сметная документация.

Городские начальники, как правило, не разбирались в таких тонкостях. И вместо того, чтобы разобраться и помочь, просто «закрывали вопрос». А дело как стояло, так и продолжало стоять.

Эту коварную практику Али Халилович низверг своей компетентностью. Они садились с Прицем и подробнейшим образом рассматривали те объекты, которые институт проектировал. С чертежами и схемами. Перед Алиджановым всегда лежала его тетрадка, куда он заносил необходимые расчёты, делал схемки, на полях завязывал для себя «узелки на память».

Потом «на синклите» разговор уже был простой и конкретный. Там обсуждались лишь те вопросы, решение которых возможно именно на этом уровне. И строители скоро всё поняли и оценили. Если ты заинтересован в деле, но тебе необходима поддержка – иди к Алиджанову. Если вздумал «крутить», лучше не попадайся ему на глаза. Но и не попадёшься – не спрячешься. Он во всем разберётся и заставит отвечать.

Ему удавалось состыковывать интересы города и строительного комплекса. При Алиджанове разработана и стала реализовываться большая программа культурно-спортивного строительства, началась реконструкция стадиона «Спартак». Он задумал и дал заказ на проектирование сказочного театра кукол, «пробил» реконструкцию театра оперы и балета. И МНТК «Хирургия глаза», и гостиница «Сибирь» – от выбора места, проектирования и до завершения строительства – всё шло под его руководством и при непосредственном участии. Любимец города, цветомузыкальный фонтан, тоже обязан своим рождением Алиджанову. Вообще в городе так много «автографов» Али, что по ним можно бы составить туристский маршрут.

Его ценили и уважали все. Даже недруги, которые всегда находятся у принципиальных людей.

Алиджанова выбили из седла, можно сказать, на скаку. Шёл 1991 год. Первая, организационная сессия «демократически избранного» Совета превратилась в политический митинг. Клеймили «номенклатурщиков», зачитывали по бумажкам, кто сколько галстуков достал «по блату». Алиджанов не был замечен ни в «блатмейстерстве», ни в каких-либо иных номенклатурных прегрешениях, но и он сдал на вахту ключ от кабинета. Неожиданно оставшись без работы, Али не мог адаптироваться к состоянию невостребованности. Он «выпал» из жизни. Никуда не ходил, никому не звонил. Но институт вместе с ним переживал эту драму, и друзья не позволили потеряться такому человеку.

– Если бы это зависело от меня, – Эдуард Антонович, сменивший Алиджанова на посту директора института, едва уговорил друга встретиться и поговорить, – я бы сейчас собрал свой портфель и усадил тебя в твоё же кресло. Но ты знаешь, что это не моя воля. Тебе надо искать новое дело…

– Какое? Идти в УКС «Сибакадемстроя», куда меня приглашают? В «Гражданпроект»? Не хочу. Я – инженер-транспортник.

Как-то Лида Алиджанова позвонила Галине, жене Прица. Спросила, где Эдик, и предложила, точнее, попросила махнуть к ним, на Береговую. Прямо сейчас.

Друзья долго ходили по лесу. Али хотелось снять с души какой-то груз.

– Понимаешь, я простил им всем. Так сложились обстоятельства…

– Я знаю твой принцип, Али. «Не суди, да не судим будешь». И думаю, ты прав. Так тебе будет легче.

Снова говорили о перспективах трудоустройства Али. Приц осторожно предложил поговорить с Константином Леонидовичем Комаровым, новым ректором НИИЖТа, с которым был на ту пору лишь «шапочно» знаком. Алиджанов оживился.

Эдуард Антонович поехал к Комарову. «Что я могу ему предложить?» – внимательно выслушав, спросил Константин Леонидович. «Да хоть должность профессора на кафедре проектирования». «Ладно, я подумаю. Пусть он мне позвонит дня через два…» – «Он не позвонит!» – «Хорошо, я позвоню сам».

Прошло два дня. Три, четыре… Звонка нет. К вечеру в трубке голос Алиджанова: «Эдька, срочно дай машину. Комаров позвонил…»

Оказалось, за эти четыре дня Константин Иванович сделал почти невоз-

можное. Он слетал в Москву, добился дополнительной ставки проректора («Не мог же я такому человеку предложить всего лишь профессорскую должность!») и даже согласовал кандидатуру.

Али оживился, с головой ушёл в работу. Но друзья улавливали надлом. В августе девяносто первого Эдуард уговорил Али поехать с жёнами отдохнуть в подмосковный санаторий. Это была незабываемая поездка. Али вставал рано, делал зарядку, бегал. А потом тормошил честную компанию. Затевал туристские походы по округе, вылазки в театры. Казалось, он вновь полон сил.

Но это только казалось. Операция не дала результатов. Он угас за четыре месяца, так и не договорившись с болезнью.

Умер он в День победы, дождавшись последнего залпа салюта. Хоронили его «из дома» – из института; и когда Приц, Николаев вместе с Толоконским и Индинком выносили на плечах гроб с крыльца, они были потрясены. Вся Вокзальная магистраль была заполнена людьми. И такая стояла тишина…

Индинок на всём протяжении траурного пути плакал. Потом, над могилой, он нашёл самые точные и искренние слова. Люди видели: это для него вторая, после гибели сына Алёшки, непереносимая потеря. Если бы мы так ценили и любили живых…

Людмила Семёнова

Маслянинский район

Возникновение села Дубровка

Из всех сёл Маслянинского района, ныне существующих, Дубровка – самое молодое. По официальным данным оно образовалось в 1949 году.

По воспоминаниям жителей, строительство шло быстрыми темпами. За два года ударным трудом сюда переселили много людей. По данным архива, численность населения на 1949–50 гг. составляла 168 человек, что свидетельствует о колоссальных темпах строительства.

Большую помощь в строительстве оказали эстонцы, которые делали срубы, а потом продавали желающим за небольшую цену. До сих пор в селе сохранилось несколько домов, построенных эстонцами.

Молодые жители Дубровки

Быстрые темпы строительства переместили сюда многих людей, и все они могут называть себя первыми, но из воспоминаний ряда жителей я установила, что первыми переселенцами были семьи Ярошенко, Болтенковых, Карнович, Тимофеевых. Здесь уже жил пасечник Созинов.

В 1950 году начинается строительство школы, больницы, детского сада, электростанции. Разбили сад-огород. Построили Дом культуры.

Школу строили бригады строителей-эстонцев и местные жители. Стройка школы была объявлена ударной: строили все – от мала до велика.

1 сентября 1953 года приняла своих первых учеников Дубровская семилетняя школа.

Первым её директором назначили Бориса Анатольевича Мурзина. С 1960 года директором школы работала Александра Константиновна Синякова, завучем – Александра Матвеевна Квакина. Школа жила интересной учебной, трудовой, спортивной и культурной жизнью. С 1968 года она стала средней.

В 1966 году был построен интернат. В июне 1969 года школа вручила аттестаты о среднем образовании учащимся 1-го выпуска, классный руководитель – А. М. Ивакина.

В 2000 году была построено новое здание для школы. В 2013 году она отметила 60-летний юбилей.

Активно ведётся строительство инфраструктуры (дорог), начинается и газификация села, в дома проводится вода (до этого она была привозной). Строится аэродром, который теперь принимает самолёт.

В Маслянинском районном архиве я нашла книгу протоколов заседаний исполнительного комитета сельского совета депутатов трудящихся. В ней обнаружилась запись от 13 марта 1950 года, в которой говорится следующее: «В связи с переездом центральной усадьбы совхоза № 177 и образованием ремонтно-тракторной мастерской, образуется новый посёлок Дубровка».

Документ свидетельствует о том, что населённый пункт возник в связи с тем, что на этом месте находились важные хозяйственные объекты.

Старожилы вспоминают о нахождении в этом месте кирпичного завода, который снабжал кирпичом ближайшие сёла.

Перенос в Дубровку сельского совета, а также быстрый рост населения, связанный прежде всего с переездом из других населённых пунктов, привёл к постепенному сокращению числа жителей в тех посёлках, а затем и к полной их ликвидации.

Ещё очень важным фактором для размещения поселения является то, что село находится на «ровной площадке». Это действительно явилось большим плюсом, ведь соседние деревни, находящиеся в поймах рек, становятся недоступными в период весенней и осенней распутицы. В эти периоды до Дубровки было проще добраться, тогда как, например, соседние Петени весной были изолированы из-за разливающейся реки Бердь. То же можно сказать и о других населённых пунктах, находящихся у рек.

Закончить свою работу я хотела бы последними строками стихотворения Т. И. Петуховой.

Я никогда отсюда не уеду.
Мне стал родным здесь каждый
камень, каждый двор,
Парк, посреди села, – ровесник деду,
И покосившийся на улице забор…

Ольга Степанова

Карасукский район

Место старта!

Зачем человек занимается делом, которое не приносит ему особой материальной выгоды? Зайдите в Карасукский педагогический колледж, поговорите со студентами и преподавателями и вы многое поймёте. На первый взгляд, всё как у всех: звонки, расписание, серьёзные и озабоченные лица. Но если внимательно присмотритесь, сможете заметить во взглядах этих, и взрослых, и совсем молодых, но очень занятых и деловых людей, нечто общее.

Мы здесь одна семья:
Учитель, ты и я!
Союз друзей вовеки не расколешь.
Здесь наш уютный дом,
Как звёздный космодром,
Здесь место старта –
Карасукский колледж!

Эти слова из гимна Карасукского педагогического колледжа как нельзя более точно выражают объединяющие всех чувства одухотворенности и устремлённости в будущее. Для жителей Карасукского района колледж это не просто учебное заведение, в котором готовят педагогов. Многих карасучан с ним связывает невидимая, но прочная нить. Здесь определяются, складываются судьбы их детей, связываются воедино жизненные пути, а главное – формируется и кристаллизуется профессиональное сознание молодых людей, в чьих руках будущее нашей страны. Именно поэтому стержнем жизни колледжа всегда была и сейчас является забота о воспитании и развитии педагога – профессионала, способного сформировать сознание будущих поколений.

За 57 лет своей жизни Карасукский педагогический колледж выпустил более 10 тысяч молодых людей, которые плодотворно трудились и продолжают работать в учреждениях образовательной системы. Более 55 % преподавателей колледжа имеют высшую квалификационную категорию. 406 выпускников получили диплом с отличием.

Карасукский педагогический колледж на основании предложения департамента образования Новосибирской области занесён в реестр «Ведущие образовательные учреждения России» и включён во Всероссийский реестр социально-ответственных предприятий и организаций.

Сухие цифры статистики красноречиво свидетельствуют, насколько серёзно и обстоятельно решается здесь вопрос подготовки молодых специалистов.

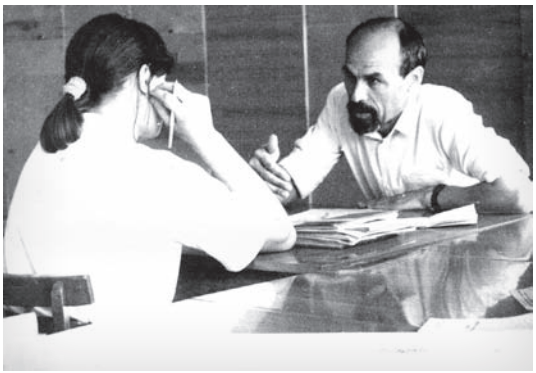
А начиналось это так… 24 декабря 1958 года, когда после победы в Великой Отечественной войне позитивные перемены в жизни Советской страны требовали совершенствования многих сфер деятельности, в том числе и системы образования, Верховным Советом СССР был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Он ставил задачи введения в стране всеобщего обязательного восьмилетнего образования, а также расширения сети школ-интернатов в целях усиления роли общества и оказания помощи семье в воспитании детей. На основании этого закона было принято решение о начале строительства школы-интерната в городе Карасуке. Но практика показала, что в связи с введением обязательного восьмилетнего образования, организацией школ с продлённым днем, расширением сети вечерних (сменных) школ рабочей и сельской молодёжи значительно возросла потребность в педагогических кадрах. Поэтому вместо школы-интерната в строящемся здании было решено открыть педагогическое училище. Соответствующий приказ Министерства просвещения РСФСР был подписан 9 июня 1964 года. В соответствии с ним председателем исполнительного комитета Новосибирского областного (сельского) Совета депутатов трудящихся А. И. Зверевым было подписано распоряжение № 403-р от 26 июня 1964 года об открытии в городе Карасуке педагогического училища по подготовке учителей начальных классов. Данный документ обязывал заведующего областным отделом народного образования Ф. Ф. Глушкова укомплектовать учебное заведение педагогическими и административно-управленческими кадрами и обеспечить его соответствующим оборудованием.

Сергей Васильевич Володюшкин

Первым директором педагогического училища был назначен возглавлявший до этого среднюю школу № 1 города Карасука Сергей Васильевич Володюшкин, участник Великой Отечественной войны, руководитель принципиальный, справедливый и компетентный. Перед ним стояли непростые задачи: в кратчайший срок сформировать трудовой коллектив, обеспечить приём студентов на первый курс и перевод на 2–3 курсы студентов из других образовательных учреждений, ввести в эксплуатацию учебный корпус, столовую, построить жильё для сотрудников.

Здание училища находилось на окраине города. За ним простиралась широкая степь, где вольно гулял ветер. Но уже через несколько лет здесь зазеленел парк, заблагоухали цветочные клумбы. Рядом разбили открытый стадион с футбольным полем и волейбольными площадками, беговыми дорожками и секторами для прыжков. Однако к сентябрю 1964 года учебное здание и столовая всё же были не готовы. К началу учебного года было выстроено только общежитие. Здесь на протяжении нескольких лет студенты и жили,

Студенты колледжа – бойцы стройотряда. В центре Бакал Владимир Григорьевич 1973 год



Змеев Алексей Григорьевич на экзамене

и учились. На третьем этаже общежития располагались жилые комнаты, а на первом и втором – учебные классы, служебные помещения и базовая школа. Занятия начинались в 8–30 и заканчивались в 20–30. Аудитории для учебных занятий были неудобны, поскольку все комнаты были проходными, неизолированными. Студенты не только учились, но и трудились после занятий на стройке училища, благоустраивали территорию. Обеды доставляли в термосах из городской столовой. Но никто не роптал: все понимали, какие стоят грандиозные задачи.

Несмотря на все трудности, главной заботой педагогов было обеспечение качества профессиональной подготовки студентов. От их педагогического мастерства, всесторонней специальной подготовки зависела экономическая составляющая государства. И Сергей Васильевич Володюшкин ясно понимал жизнеспособность и важность данной общегосударственной перспективы. Обладая новаторской жилкой, он всемерно поддерживал инициативных преподавателей педучилища по изучению передового педагогического опыта и внедрению новейших методик в учебный процесс.

Демоэкзамен на специальности «Дошкольное образование», 2020 г.

Первый выпуск учителей начальных классов состоялся в 1966 году – 43 человека. Это были юноши и девушки, переведённые в Карасук из других педучилищ. В 1967 году – второй выпуск в количестве 48 человек. И только в 1968 году дипломы учителей получили студенты, поступившие на учёбу в год открытия училища. В 1967–1969 годах в педучилище открылось дошкольное отделение по подготовке воспитателей для детских садов. Педагогический коллектив училища, благодаря неустанным хлопотам С. В. Володюшкина, пополнился выпускниками Кемеровского, Ленинградского и Пермского пединститутов. В эти годы в стране широкое распространение получила деятельность студенческих строительных отрядов. И студенты Карасукского педагогического училища тоже работали в стройотрядах на Курильских островах, Сахалине, где занимались обработкой и консервированием рыбы, в Волгоградской области – на уборке урожая овощей. К началу 70-х годов Карасукское педагогическое училище обрело заслуженный авторитет и признание.

С 1981 по 2003 год педагогическим училищем руководил Алексей Григорьевич Змеев. Это был сложный для страны период. Перестройка, развал Советского Союза и, как следствие, нарушение устойчивого системного функционирования образовательных учреждений. Ликвидировались предприятия, закрывались школы и другие учебные заведения, в том числе и высшие. В педучилище сократилось число студентов, что повлекло и сокращение педагогического состава. Недостаточное финансирование, длительные задержки с выплатой заработной платы – всё это в полной мере испытали и преподаватели.

Но Карасукское педучилище выстояло, выжило, в целом сохранило педагогический коллектив и продолжало готовить кадры. Вопреки всем невзгодам усовершенствовалась ма-

териально-техническая база учебного заведения, появился компьютерный класс, открылось отделение заочного обучения. Типовой спальный корпус школы-интерната, как предусматривалось проектом, был переоборудован в студенческое общежитие. В комнатах стали размещаться по 2–3 человека. Училище получило статус областной экспериментальной площадки.

Государственные стандарты, утверждённые позднее, в 1997 году, показали, что перспективные направления развития, избранные коллективом училища, были верны. Таким образом, коллектив педагогического училища в своем научно-методическом развитии опередил подобные поиски в стране на несколько лет. В рамках реализации программы развития в системе проводились научно-практические конференции, педагогические чтения, в том числе и студенческие. Проведение студенческих конференций показало их пользу как для студентов, так и для преподавателей, поскольку они развивали навыки публичного выступления, формировали аналитико-исследовательские навыки, способствовали развитию культуры мышления и личности студента. Под руководством А. Г. Змеева педагогическое училище наладило продуктивное сотрудничество с факультетом начальных классов Новосибирского государственного педагогического института: практически каждый выпускник училища имел возможность получить высшее педагогическое образование непосредственно в стенах училища.

С 2003 года Карасукским педагогическим колледжем руководит кандидат исторических наук Виктор Иванович Баштанов. Первое десятилетие двадцать первого века – этап диктуемых жизнью перемен, которые базировались на мощном фундаменте, заложенном в предшествующие годы. Уже в 2004 году после непродолжительного перерыва был возобновлен набор студентов на специальность «Дошкольное образование». В связи с изменением аккредитационного статуса по итогам аттестации образовательного учреждения постановлением Администрации Новосибирской области № 2 от 17 мая 2005 года Карасукское педагогическое училище было переименовано в областное государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Карасукский педагогический колледж».

Инструктивный лагерь, 2021 г.

В целях повышения востребованности выпускников рынком труда в колледже открылись новые специальности: в 2005 году – «Физическая культура», а в 2006 году – «Информатика». В рамках существующих специальностей осуществлялась дополнительная подготовка выпускников в области русского языка и литературы, математики, ритмики и хореографии, педагогики дополнительного образования, иностранного языка, воспитания детей младшего возраста. В 2008 году колледж становится многопрофильным образовательным учреждением в связи с открытием нового направления

Виктор Иванович Баштанов со студентами

подготовки кадров – непедагогической специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем». В дальнейшем были аккредитованы и другие специальности: «Право и организация социального обеспечения», «Педагогика дополнительного образования» (в области технического творчества), «Программирование в компьютерных системах».

КВН, 2021 г.

С 2011 года Карасукский педагогический колледж является государственным автономным учреждением. Главная задача колледжа остается прежней: реализация основных программ среднего профессионального образования по направлениям подготовки, установленным лицензией на право осуществления образовательной деятельности.

Позитивную роль в решении поставленных задач играет взаимосвязь с другими образовательными учреждениями, в том числе находящимися в ближнем зарубежье. Так 14 января 2014 года был подписан договор о сотрудничестве между Карасукский педагогическим колледжем и Павлодарским педагогическим колледжем имени Б. Ахметова, в 2019 году аналогичный договор подписан с Восточно-Казахстанским гуманитарным колледжем (г. Усть-Каменогорск). На базе колледжа в 2014 году было создано территориальное подразделение областной методической службы.

На протяжении многих лет педагоги колледжа сотрудничают со своими коллегами из педагогических колледжей Новосибирской области и других регионов России, с учителями и работниками дошкольных образовательных учреждений Карасукского, Баганского, Купинского и Краснозёрского районов. В эти годы преподаватели колледжа обобщают опыт работы в рамках системно проводимых областных методических семинаров. В их программе – мастер-классы, на которых преподаватели-методисты показывают новые подходы к реализации требований государственного образовательного стандарта. Программы семинаров предусматривают проведение открытых уроков студентами выпускных курсов для учителей школ города и округа. Методические выставки, педагогические дискуссии, посвящённые обсуждению актуальных проблем образования и воспитания, – всё это делает методическую работу насыщенной и интересной.

Кроме учебной деятельности, важнейшим направлением является воспитательная работа. Студенты колледжа принимают активное участие в разнообразных внеклассных мероприятиях. Посвящение в студенты, День здоровья, КВН, исторический бал, конкурс хоров, День российского студенчества, научно-практические конференции, конкурс «Выпускник года» – вот далеко не полный перечень традиционных коллективных творческих дел.

На протяжении почти 14 лет продолжается плодотворное сотрудничество с Издательским Домом «Историческое наследие Сибири», возглавляемым членом Союза писателей России, лауреатом нескольких литературных премий Н. А. Александровым. Проводятся встречи студентов колледжа не только с современными писателями и поэтами, но и с ведущими учёными СО РАН. Знакомство с их творческим наследием не просто запоминается, но и, безусловно, способствует профессиональному и духовно-нравственному развитию молодёжи, создает условия для включения студентов в инновационную деятельность. На базе колледжа осуществлялись совместные с Издательским

Домом образовательные проекты: областной проект Библиотека «Мудрые дети», Международный студенческий фестиваль «Профессионализм – маршрут в будущее» в рамках международного форума «Российско-Казахстанское приграничье. История. Культура. Образование», Всероссийский литературный фестиваль «Белое пятно».

Сформированные нравственные и профессиональные качества обучающихся ярко проявляются на практике: во время их работы в детских летних оздоровительных лагерях, в строительных отрядах, в оказании помощи ветеранам. Проведение детских праздников в школах и детских садах стало ещё одной доброй традицией. Целеустремлённость, настойчивость и высокий уровень подготовки студентов – залог их успехов в творческих и профессиональных конкурсах. Новаторские методики, используемые в Карасукском педколледже, наглядно свидетельствуют о правильности и эффективности обучения. Принципиальный союз «преподаватель – студент», основанный первыми педагогами, успешно выдержал испытание временем, получил поддержку и развитие.

Обучение в педагогическом колледже во все времена было неразрывно связано с физической культурой и спортом. Основы спортивного совершенства прививались будущим педагогам с первых дней обучения в учебном заведении. Студенты стали неизменными участниками районных и городских состязаний, достойно представляли педучилище на областных соревнованиях, становились неоднократными победителями областных соревнований по лёгкой атлетике, по плаванию, по гиревому спорту, настольному теннису. В 2021 г. команда колледжа заняла 1-е место в спартакиаде ССУЗов Новосибирской области. По итогам областного этапа Открытого публичного всероссийского смотра-конкурса профессиональных образовательных организаций на лучшую организацию физкультурно-спортивной работы среди студентов в 2021 году Карасукский педагогический колледж занял 1-е место в номинации «Лучшая аккредитованная профессиональная образовательная организация, осуществляющая подготовку кадров по специальностям в области физической культуры и спорта в 2020–2021 учебном году».

Учебный корпус ГАПОУ НСО «Карасукский педагогический колледж»

Не менее интересна и культурная жизнь Карасукского педагогического колледжа. Участие студентов в фестивалях и смотрах художественной самодеятельности всегда привлекало зрителей высоким качеством исполнения музыкальных произведений самых разнообразных жанров – будь то народная песня, хореография, классика или вокально-инструментальная музыка. Гордостью колледжа является танцевальный коллектив «Палитра». Огромный интерес зрителей вызывают выступления вокальных коллективов, солистов. Педагоги-энтузиасты на протяжении многих лет ищут, находят, пестуют и делают успешными талантливых студентов, прививают им желание заниматься танцами и музыкой. Они зажигают сердца молодых любовью

Танцевальная группа «Палитра», 2013 г.

к искусству, что делает студенческую жизнь яркой, праздничной, наполненной смыслом и содержанием.

Студенты колледжа принимают активное участие в профессиональных конкурсах, на протяжении нескольких лет становились дипломантами Всероссийских Дельфийских игр России, а в ноябре 2020 года студентка Портнова Алла заняла в этом конкурсе 1-е место в номинации «Искусство воспитания». Судьба каждого человека, и педагога в частности, во все времена была неотделима от истории страны, определялась уровнем развития цивилизации и прогрессом технологий. Сегодня прогнозируют, что цифровые технологии способны решить все существующие гуманитарные проблемы и… в недалёком будущем живых педагогов заменят роботы. Не знаю, может быть. Но ключевым фактором, определяющим будущее, во все времена были и поныне остаются учителя, которые, по выражению А. С. Макаренко, «воспитывая детей, воспитывают историю нашей страны». С 1966 года по центральной аллее парка Карасукского педагогического колледжа отправляется в жизнь новая смена.

Здесь основы всех наук – Карасук!
И сердец горячих стук – Карасук!
С каждым годом шире круг
Для друзей и для подруг,
Лучший в мире колледж – Карасук!

Уходят в будущее одухотворённые молодые педагоги, унося с собой частичку души любимых учителей, чтобы зажечь любовью сотни ребячьих сердец, ибо добро стократно добром и отзовётся.

Виктор Снежко,
Ольга Кривушева

Новосибирск

Шлюзы

Ещё в 1933–1934 гг. Госплан СССР, начав изучение вопроса орошения Кулундинской степи, разработал первоначальную схему использования реки Обь. Позднее вопросы использования водных ресурсов крупнейшей сибирской реки касались изучения перспектив водного участка между Новосибирском и Барнаулом.

В 1945 году Ленинградскому институту «Ленгидропроект» было поручено составление проектного задания и рабочего проекта по строительству Новосибирской ГЭС. Летом этого же года комплексная изыскательская партия прибыла на место сооружения Новосибирского гидроузла, в Нижние Чёмы. Изыскательские работы продолжались 2,5 года. Ещё четыре года заняло составление и утверждение технического проекта и проектного задания.

В 1950 году Правительство и Совет министров СССР приняли решение о строительстве на реке Обь Новосибирской гидроэлектростанции. Подготовительные работы по сооружению Новосибирского гидроузла начались уже в первом квартале, а в октябре 1950 года в «Новосибирскгэсстрое» был организован участок для возведения судоходных сооружений на правом берегу Оби. Это и стало моментом начала строительства Новосибирского шлюза.

Параллельно с подготовкой трассы шлюза и ложа будущей земляной плотины, расчисткой и валкой леса приходилось решать вопросы по возведению посёлка строителей. Велось одновременное строительство каркасно-засыпных жилых домов барачного типа и объектов бытового назначения – школы, клуба, столовой, магазина, детского сада, бани, подъездной дороги, линий электропередач.

Весной 1952 года были введены в эксплуатацию многие жилые дома и объекты социальной сферы. Первого сентября своих первых учеников приняла новая кирпичная школа.

В 1953 году для монтажа подсобно-вспомогательных сооружений и основного гидромеханического оборудования ГЭС и шлюза был организован участок треста «Гидромонтаж».

В связи с тем, что столь масштабное строительство требовало проведения большого объема бетонных работ, весной 1954 года был введен в строй новый бетонный завод, и началась полномасштабная укладка бетона.

Чтобы представить себе масштаб выполненных работ, достаточно сказать, что при возведении Новосибирского шлюза было переработано около пяти миллионов кубометров грунта, уложе-

но более 200 тысяч кубометров бетона и 2500 кубометров кирпича, смонтировано 2,5 тысячи тонн металлоконструкций.

В 1956–1957 годах вёлся монтаж оборудования судоходных сооружений. Одновременно монтировались все ворота, затворы, их механизмы и электрооборудование шлюза.

Несмотря на значительные усилия специалистов и рабочих, к началу временной эксплуатации, назначенной на 27 июня 1957 года, судоходные сооружения были сданы со значительными строительными недоделками.

Верхний подходной канал разрабатывался с недобором грунта по дну, заложение откосов при входе в канал было меньше проектного, на причальной стенке до незатопляемой отметки были возведены только бычки, лицевая стенка между ними не бетонировалась.

На шлюзе только головы были выполнены до проектной отметки. Стены верхней и средней камер были недостроены на высоту 3,3 метра, нижней камеры – на 1,5–2 метра. Замыв пазух вдоль стен камер был не доведен до проекта на 6–8 метров, а порог верхней головы – на 4,8 метра, что позволило использовать верхнюю камеру в качестве продолжения верхнего подходного канала с учётом судо-пропуска при уровне воды в водохранилище на отметке 106 метров.

По этой причине здесь смонтировали только верхнюю секцию аварийно-ремонтных ворот с временными тросовыми механизмами, установленными на устоях.

Механическое оборудование средних и нижней головы и насосной станции было смонтировано полностью – за исключением мостовых кранов и гидравлических механизмов подъёма затворов галерей.

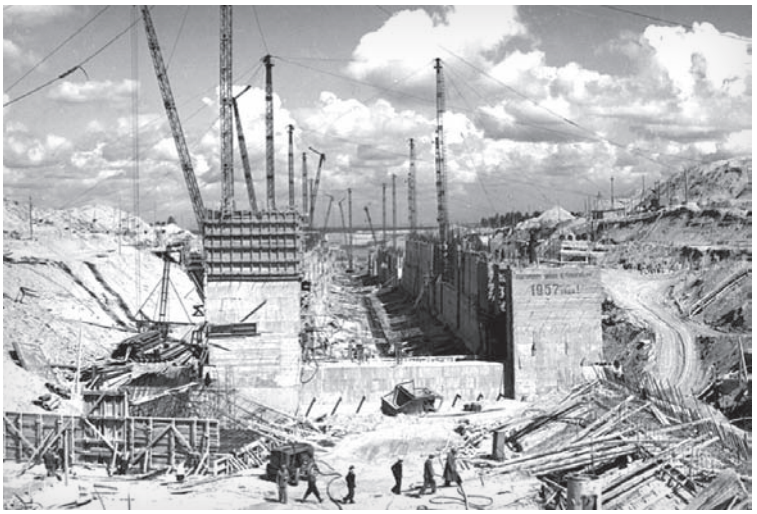
Взамен постоянного автодорожного моста в верхнем подходном канале, в десяти метрах от верхней головы, был смонтирован временный подъёмный мост, рассчитанный на пропуск железнодорожных составов и автотранспорта, с высотой подъема пять метров.

Управление воротами и затворами, так же, как и наружное освещение, светофорная сигнализация, радиооповестительная и телефонная связь, были выполнены по временной схеме.

Территория строительства шлюза

Управление механизмами планировалось с временных местных постов, оборудованных на каждом устое: на левых – машинистами ворот, на правых мотористками. Состав вахты включал в себя начальника смены, сменного механика, сменного электрика, слесаря-такелажника, старшего судопропускника, семафорщика, двух машинистов ворот и мотористок моста, трёх мотористов шлюза и судопропускников – всего 16 человек.

В период с 17 мая по 27 июня 1957 года в штат было зачислено 66 человек. Для грамотной эксплуатации Новосибирского шлюза требовался хорошо обученный персонал, поэтому первоначально, для проведения занятий по



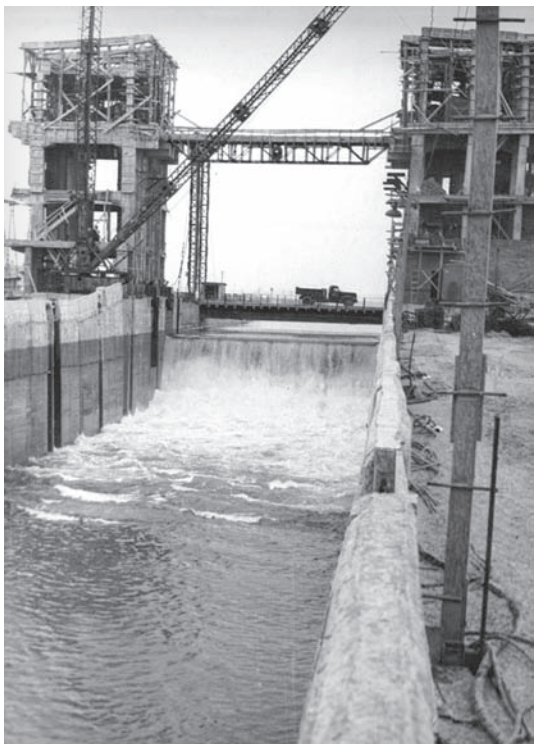
программе технического минимума, были организованы учебные группы с механической, электрической и судопропускной специализацией. Начальники вахт были отправлены для обучения и стажировки на Волго-Донской канал имени Ленина.

Никто из принятых в штат рабочих на действующих шлюзах ранее не работал, но дело упрощалось тем, что Новосибирский шлюз вводился в эксплуатацию по временной схеме, поэтому не было водомерных приборов, блокировок между головами, а электрические схемы были достаточно просты.

Легче было механикам, машинистам и мотористкам: все они уже имели опыт работы с механизмами – кранами-дерриками, экскаваторами, насосами. Поэтому быстро освоились с подъёмными и поворотными механизмами.

В результате, ко дню запланированного ввода Новосибирского шлюза во временную эксплуатацию, весь персонал сдал экзамены по программе технического минимума и был готов к работе.

27 июня 1957 года. 15 часов 40 минут. Именно с этой даты начался временной отсчёт деятельности Новосибирского судоходного шлюза. А на великой сибирской реке заработало мощное гидротехническое сооружение.



Наполнение верхней камеры через верх аварийно-ремонтных ворот. Подъемный мост опущен

По воспоминаниям очевидцев, в этот памятный день с раннего утра у шлюза стали появляться празднично одетые люди. Они шли пешком, подъезжали на машинах и автобусах. Это были гости города, строители гидростанции с левого берега Оби, строители шлюза.

К 13 часам все места, откуда можно было видеть камеры шлюза, были заняты людьми. Они стояли на устоях голов, на недостроенных стенках камер, сидели на отвалах грунта, вынутого из камер. Люди были охвачены восторженным ожиданием чуда, сотворённого их же руками. На горы поднятого со дна реки песка падали жаркие летние лучи.

В это время члены приёмной комиссии собрались в помещении механизма аварийных ворот на левой стороне верхней головы. Начальник вахты И. Задорожный дважды объявил по радио: «Всем работникам срочно покинуть камеры шлюза. Начинается наполнение камер». Главный механик В. Башкиров дает команду: «Опустить ворота». После опускания на один метр ворота останавливают. В камеру устремляется поток воды, постепенно наполняя ее. Когда уровни сравнялись, аварийные ворота опустили в нижнее положение.

После того, как члены приёмной комиссии перешли на первую среднюю голову, были открыты затворы галерей, и средняя камера заполнилась водой. Находящиеся на второй средней голове машинист и мотористка заполнили нижнюю камеру.

Комиссия собирается на нижней голове. Остаётся последний ответственный момент в подготовке шлюза к судопропуску – нужно открыть ремонтные двустворчатые ворота. Начальник вахты приоткрывает затвор левой галереи на 20 см, камера гашения начинает медленно заполняться водой, её уровень поднимается всё выше и, наконец, сравнивается с уровнем в канале. В это время два звена из четырех человек в каждом с помощью ручных механизмов быстро приоткрывают ручные двустворчатые ворота, а затем полностью переводят их в открытое положение. Начальник вахты И. Задорожный опорожняет нижнюю камеру, после чего

начальник шлюза И. Романов докладывает начальнику приемной комиссии: «Шлюз готов для судопропуска!». На часах – 15 часов 40 минут.

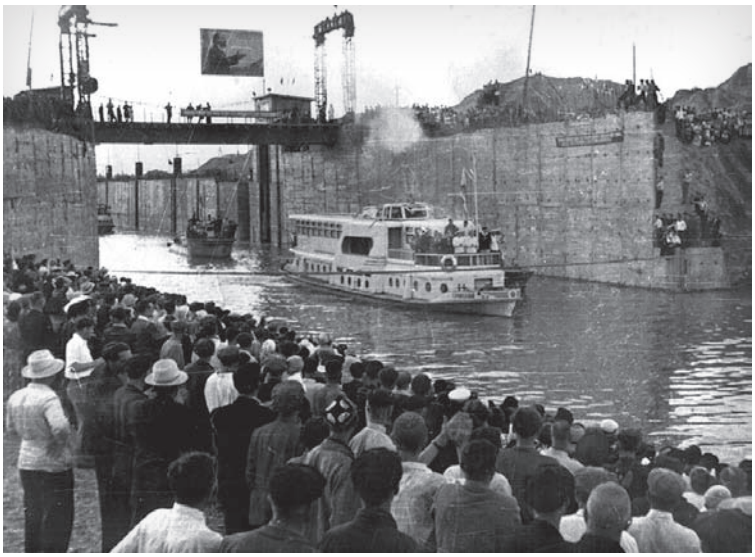
Теплоходы, с нетерпением ожидаемые людьми, медленно подходят к причальной стенке и ошвартовываются. Председатель комиссии даёт разрешение начать шлюзование. На часах – 16 часов 20 минут. Начальник вахты открывает основные двустворчатые ворота нижней головы и объявляет судам, стоящим у причальной стенки: «Вход в камеру шлюза разрешен!»

16 часов 26 минут. Теплоход «Служебный» первым пересекает створ ворот, открывая начало первого в истории Новосибирского судоходного шлюза шлюзования. Следом за ним идут теплоходы «Сойка», «С-19», «С-5», катер «Гроза». Суда швартуются у плавучих рымов. Начальник вахты закрывает ворота и затвор левой галереи, мотористка Г. Карягина – затвор правой галереи. По команде начальника вахты открываются затворы галерей второй средней головы, а после выравнивания уровней в нижней и средней камерах – ворота. Суда переходят в среднюю камеру. Шлюзование продолжается, пока суда не перейдут в верхнюю камеру, являющуюся продолжением верхнего подходного канала.

На теплоходе «Служебный» в это время расположились знатные строители, гости из города, ответственные работники городского и областного уровня, в том числе начальник управления «Новосибирскгэсстрой» В. Иванов, начальник Правобережного стройуправления А. Московченко, начальник Западно-Сибирского пароходства А. Платонов, начальник Обского бассейнового управления пути Н. Голышкин.

Тем временем теплоход приблизился к финишной ленточке, натянутой перед стоп-линией верхнего подходного канала. Секретарь обкома А. Бавторчук перерезает ленту, открывая судоходство через Новосибирский шлюз. Под тысячеголосое «Ура-а-а!!!» теплоходы выходят на простор нового водохранилища.

Первое шлюзование продолжалось 1 час 28 минут. Часы показывали 17 часов 54 минуты. В этот жаркий июньский день 1957 года началась временная эксплуатация судоходных гидротехнических сооружений Новосибирского гидроузла. Началось судоходство через Новосибирский шлюз.



Лето 1957 г. Первое судно

Первая навигация 1957 года была самой тяжёлой, потому что работникам только что введённого в строй нового Новосибирского шлюза иногда просто не хватало профессионального опыта. Одновременно с судопропуском велись и строительные работы, что приводило к сбоям в работе.

К тому же пазухи камер и голов были недозамыты, поэтому при переходе с одной головы на другую приходилось то спускаться, то подниматься по высоким деревянным лестницам. Это создавало большие неудобства судопропускникам и вахтенному персоналу при возникновении сбоев на первой средней и верхней головах.

При этом судопропуск был интенсивным – до 17 шлюзований в сутки, особенно в сентябре – при вывозе зерна с целинных земель Верхнего Приобья.

Сложности первой навигации, тем не менее, принесли неоценимый опыт для недавно сформированного коллектива шлюза. Уроки первой навигации дали понимание ближайшей перспективы, позволили понять, какие задачи являются первоочередными для специалистов-водников.

В частности, работникам шлюза не хватало полноценных профессиональных знаний. Поэтому с января 1958 года были организованы дополни-

тельные занятия по технической учёбе. Судопропускникам отводилось 50 часов обучения, механикам и электрикам – по 80 часов. Начальники вахт, помимо своих обязанностей, изучали механическое и электрическое оборудование.

По окончании первой навигации в верхнем подходном канале была отсыпана перемычка. Участок канала между перемычкой и верхней головой осушен – это позволило вести достройку порога верхней головы и причальной стенки верхнего подходного канала.

К началу второй навигации порог

был выведен до отметки 105,5 метра, а на верхней секции аварийно-ремонтных ворот была смонтирована временная двухметровая секция, позволившая удерживать напор на ворота при отметке 110 метров.

К навигации 1958 года была упрощена и схема управления механизмами ворот и затворов. Теперь на каждой голове дежурил один машинист. Он управлял воротами и затворами обеих сторон. Подъёмный мост обслуживали трое: такелажник и две мотористки.

До середины лета 1958 года шлюз работал двумя камерами. После того, как уровень воды в водохранилище достиг отметки 109 метров, в работу ввели и верхнюю камеру. Наполнение этой камеры предусматривалось путем перелива воды через аварийные ворота. Однако вскоре выяснилось, что даже при слое воды над воротами в 25 см, в камере возникают волны, при которых швартовые тросы рвутся. Поэтому наполнять камеру при наличии в ней судов стали через щель между закладной частью горизонтального уплотнения и обшивкой ворот.

Выяснился ещё один неприятный нюанс: подъём уровня воды в водохранилище вызывал всплытие больших торфяных «полей», которые течением затягивались в канал, а затем и в камеры шлюза, что затрудняло шлюзования, а в некоторых случаях и прекращало их. Иногда торфяные «острова» были так велики, что их не могли отбуксировать даже два теплохода. В этом случае их приходилось делить с помощью взрывчатки. Для уборки этих «полей» на шлюзе была создана бригада из пяти человек, оснащённая буксирным теплоходом РБТ.

В зимний период 1958–1959 годов главные усилия строителей и монтажников были направлены на окончание работ на верхней голове шлюза. Строители закончили достройку порога до проектной отметки – 107,5 метра, полностью собрав каркасы зданий механизмов.

К началу навигации 1959 года монтажники треста «Гидромонтаж» смонтировали механическое оборудование верхней головы по постоянной схеме. 27 мая в постоянную эксплуатацию были введены основные ворота верхней головы, управление которыми производилось с центрального пульта машинистом. Особенностью навигации 1959 года стала большая засорённость верхнего подходного канала и камер шлюза плавающей древесиной, упускаемой в аванпорт лесогаванью «Сибакадемстроя».

Судопропуск третьей навигации шлюз закончил 30 октября 1959 года, проведя 2350 шлюзований против 2380-ти в навигацию 1958 года – сказалось сокращение перевозок зерна по воде после ввода в эксплуатацию участка железной дороги Камень-на-Оби – Новосибирск.

В 1960 году схема управления шлюзом оставалась без изменений, а условия работы шлюза – тяжёлыми, ведь чтобы дать строителям возможность возводить постоянные здания, приходилось разбирать временные постройки. В то же время велось строительство эстакад для гидроподъёмников, а по-

сле установки монтажниками в помещениях механизмов кран-балок, было закончено устройство крыш зданий верхней головы.

В марте началась укладка электрических кабелей для постоянной схемы управления шлюзом. В апреле была закончена кладка стен зданий верхней головы и начато их оштукатуривание, а в мае специалисты треста «Гидромонтаж» приступили к установке гидроподъёмников – ими заменялись тросовые механизмы. В августе были введены в работу два гидроподъёмника на левой стороне средних голов, в сентябре – на правой стороне, а в ноябре – гидроподъёмники нижней головы. В эту навигацию, закончившуюся 28 октября, было проведено 2017 шлюзований.

1961 год стал второй временной точкой отсчёта в истории Новосибирского шлюза. Он определил собой важный этап перехода Новосибирского шлюза на режим постоянной эксплуатации, а значит – работы на полную мощность.

Раннее наступление весны этого года предопределило не только раннее начало навигации, но и позволило приступить к окончательным работам по сдаче судоходных сооружений в постоянную эксплуатацию. Проводилась доводка и отладка вновь смонтированных устройств автоматики, предстояло провести отделочные работы в зданиях шлюза, заасфальтировать и забетонировать дороги, благоустроить собственную территорию.

Это в полной мере удалось: 15 июля 1961 года Новосибирский шлюз был предъявлен к сдаче в постоянную эксплуатацию, через пять дней – составлен акт на приёмку наладочных работ по гидромеханическому оборудованию, под напряжение была поставлена линия электропередач ГЭС – Шлюз и подстанция шлюза для испытания на холостом ходу.

Наконец, 1 августа 1961 года Новосибирский гидроузел был принят в постоянную эксплуатацию. Распоряжением Совета народного хозяйства Новосибирского экономического района за № 718 от 22 сентября 1961 года сооружения переданы в распоряжение Обского бассейнового управления пути с 1 октября 1961 года.

Сдача в постоянную промышленную эксплуатацию Новосибирской ГЭС – первой гидроэлектростанции на реке Обь – и всего комплекса гидротехнических сооружений, стало эпохальным событием в масштабах страны. Ведь освоение водных ресурсов самой полноводной сибирской реки имело значение не только для улучшения энергетического баланса Сибири, но и для решения транспортных и ирригационных проблем, совершенствования промышленного и коммунального водоснабжения, развития судоходства и рыбного хозяйства региона.

Руководитель Федерального бюджетного учреждения «Обское государственное бассейновое управление водных путей и судоходства» С.В. Павлушкин

Первые два десятилетия работы Новосибирского шлюза в режиме постоянной эксплуатации подтвердили его достаточную надежность и функциональность. Возникающие неполадки и конструкторские недоработки устранялись в рабочем порядке за счёт эксплуатационных расходов. Однако уже в начале 90-х годов Новосибирский шлюз оказался перед необходимостью серьёзной реконструкции и целевого увеличения финансирования для обеспечения современного технического состояния, модернизации оборудования и выполнения больших объёмов ремонта.

В связи с этим была разработана и представлена первая в своем роде «Программа технического перевооружения, модернизации и социального развития Новосибирского шлюза на 1993–2000 годы и на период до 2005 года», имеющая своей целью вывод гидротехнического сооружения на новый, более высокий, современный уровень.

В начале 90-х годов, после более чем тридцатилетней эксплуатации в тяжёлых климатических условиях Сибири без капитального ремонта, Новосибирский шлюз оказался на пороге серьёзной реконструкции с большим объёмом восстановительных работ, для обеспечения которых было необходимо дополнительное целевое финансирование из бюджета.

С 1996 по 2010 годы без вывода Новосибирского шлюза из эксплуатации за счёт средств федеральных целевых программ проводились работы по первому этапу реконструкции зданий и сооружений шлюза.

В 2012 году выполнены работы по капитальному ремонту двустворчатых ворот на первой средней голове шлюза, а в 2017 год завершены основные работы по второму этапу реконструкции. Проведена замена аврийно-ремонтных ворот верхней головы шлюза, двустворчатых ворот второй средней и нижней головы шлюза, ремонтных ворот нижней головы шлюза с заменой гидростанции гидроприводов затворов водопроводных галерей, установлена современная система автоматического управления технологическим процессом судопропуска.

Коллектив Новосибирского судоходного шлюза – это настоящие профессионалы, опытные специалисты, мастера своего дела. Оценивая исторический путь, пройденный и самим гидротехническим сооружением, и людьми, поддерживающими его жизнеспособность в течение шестидесяти лет, можно сказать, что пройден он достойно и профессионально.

Сергей Павлушкин

Усть-Таркский, Чановский районы

Мой дедушка

Мой дед, Виктор Иванович Петерс – член Союза журналистов СССР и России. Родился в 1947 году в селе Кушаги, в семье крестьян. Мать Мария Лукьяновна – простая русская женщина, была добрейшей души человеком. Отец рано ушёл из жизни, когда Виктор служил в рядах Советской Армии.

Дед Витя со своей сестрой Клавой в юном возрасте разносил почту. Некоторым односельчанам по их просьбе он читал письма. И делал это с таким выражением, что хотелось его слушать. А какой он был заядлый охотник и рыбак! И знал очень много о природе. Со своим братом Яковом они вели дневники погоды. Яков жил в Барабинске, а дедушка в Усть-Тарке. Потом они сравнивали между районами этот прогноз.

У дедушки единственная запись в трудовой книжке – о приёме на работу в редакцию газеты «Знамя труда». Всю свою жизнь он посвятил журналистике. Это его хобби – жизнь и работа. Моему деду повезло. У него был очень хороший, увлечённый своим делом на-

ставник – Михаил Антонович Горохов. С него Виктор Иванович брал всегда пример.

Для нас дед был самый умный, начитанный, интеллигентный человек. С ним было просто общаться, поговорить на любые темы. У дедушки очень много стихов, рассказов. А какая у него дома большая библиотека! Очень много книг наших земляков, о природе, об известных людях нашего района. Виктор Иванович был знаком с российскими знаменитостями: братьями Заволокиными, Николаем Харитоновым, Михаилом Евдокимовым, Александром Михайловым, писателем Константином Домаровым. Однажды Геннадий Заволокин помог зятю Виктора Ивановича в выборе гармони, которую тот решил подарить тестю, ведь Виктор Иванович замечательно играл на гармошке с детства. Сам научился. Всю свою жизнь он, беря в руки гармонь, отдыхал от всего бытового, насущного. А когда и он, и его двоюродный брат Виктор тоже брал гармонь – получался необыкновенный дуэт гармонистов. Дед Витя играл на гармошке, а его сёстры, имея хорошие голоса, пели задушевные песни.

Свое первое стихотворение дед написал в десятом классе и принёс его почитать своей старшей сестре Клаве. Оно ей понравилось, позже его напечатали в газете «Ленинская трибуна». А спустя годы у деда вышла в свет своя книга «Мои заветные места» со стихами и рассказами. Мы, все родственники Виктора Ивановича, ею дорожим!

Петерс Виктор Иванович

Будучи на пенсии, мой дед продолжал сотрудничать с газетой: и с районной, и с «Селяночкой». Редактор этой газеты – ученица Виктора Ивановича. Сейчас она редактор газеты «Знамя труда».

У деда Вити была своя муза – это его жена, Антонина Ивановна, которая так же долгие годы проработала в редакции газеты корректором. У них есть прекрасная взрослая дочь Марина. Она врач, в настоящее время руководит областной структурой здравоохранения.

Виктор Иванович был счастливый, любящий и любимый дед. Внуки его – студенты, учащиеся, служащие. У него много родственников.

В 2015 году дедушка ушёл из жизни. У него было столько планов, задумок про будущее! Он так хотел жить! Мы, все его родственники, помним и чтим его память. А я буду стараться оправдать его надежды!

Игорь Долматов

Маслянинский район

Маслянинский краевед

Феврония Георгиевна Кашина родилась 24 мая в 1901 году в Змеиногорске Рубцовского района Алтайского края. Она родилась в семье крестьянина-кулака. «Хозяйство отца состояло: шесть лошадей, пять коров, 15–20 овец, посев 15–20 га, плуг, сенокосилка, дом крестовой, амбар, баня». Детей в семье было пять человек (два брата и три сестры). Руф и Гавриил – братья, Аксинья и Ирина – сёстры. Эти сведения мы получили, беседуя с её сыном Глебом Ивановичем.

С 1916 по 1919 годы Кашина обучалась в Змеиногорском высшем начальном училище. Об окончании этого учебного заведения свидетельствует её аттестат № 177, выданный 1 июня 1919 года. В 1924 году училась в с. Змеиногорске, где окончила педучилище. После его окончания работала воспитательницей Змеиногорского детдома. В сентябре 1925 г. была переведена учительницей в Белоглазовскую школу Алтайского края. В 1926 году вступила в кандидаты ВКП(б), а в 1927 году она

Знаменитый маслянинский краевед Кашина Феврония Георгиевна

стала членом партии в Залесовском районе Алтайского края. Об этом свидетельствует запись в её автобиографии. В апреле 1927 года была переведена на работу женорганизатора.

Для нынешнего времени эта профессия не известна. В те годы была необходима разъяснительная работа среди населения и прежде всего среди женщин, которые в большинстве своём были неграмотными. Такой работой занимались женорганизаторы.

В статье Т. В. Молевой «В те далёкие, прекрасные годы» рассказывается об одном интересном случае из жизни Ф. Г. Кашиной.

Находясь вместе с Кашиной на областном съезде учителей в г. Новосибирске, они встретили давнюю знакомую Фрони Георгиевны. Она-то и рассказала о том, что Феврония Георгиевна приходила к ним в деревню, агитировала их вступать в колхоз. Узнав об этом, кулаки решили её проучить, учинить расправу за деревней. Об этом стало известно женщинам, они вывели её огородами, провели далеко за деревню. Расправа не удалась. Но память осталась. На лице у Ф. Г. Кашиной был шрам – свидетельство тех событий. Вот такой деятельностью было поручено заниматься Фроне Георгиевне.

Рубцовским окружкомом осенью 1927 г. она была переведена в Шипуновский район, где и произошло описанное выше событие, а осенью 1928 г. в Змеиногорский район на ту же работу. С работы женорга райкома ушла на заведывание домом ребёнка, но ненадолго. Зимой 1930–1931 гг. работала председателем Райсовнарпроса в Змеиногорском районе. Подтверждение этим фактам мы нашли в личном деле Кашиной.

В Белоглазове она познакомилась со своим будущим мужем – Иваном Андреевичем Коротковым. С весны 1931 года работала в Новосибирске, преподавала в школе, работала директором. В 1934 году из Новосибирска её отправили на курсы заведующих РОНО. Осенью 1934 года она переехала в Ленинск-Кузнецкий, куда был командирован её муж после окончания Новосибирского планового института. В Ленинске-Кузнецком она работала директором школы. Вероятно, она работала хорошо, так как в «Личном листке учёта кадров» указано, что за хорошую работу в школе Феврония Георгиевна награждена пальто. Этому есть подтверждение в личном деле.

В своей автобиографии Фроня Георгиевна пишет, что во время проверки партдокументов в ноябре 1935 года она была исключена из партии за сокрытие социального происхождения. Однако в 1936 году была восстановлена крайкомом партии.

Но от её сына мы узнали другую версию. Он сказал нам, что её партбилет был украден, когда Феврония Георгиевна потеряла сознание перед зубным кабинетом, о чём она сразу сообщила в райком партии. Ей выдали новый билет, а старый вскоре нашёлся. Она забрала его, а новый оставила, но в картотеку изменения не внесли. Спустя некоторое время, во время проверки в 1935 году её партбилет оказался не действительным. Поэтому в 1935 году её исключили из партии и сняли с работы.

С 1937 года по 1939 год она училась заочно в Барнаульском учительском институте на историческом факультете. Об окончании вуза свидетельствует её аттестат № 166, выданный 17 июля 1940 года. В период аттестации переехала в Змеиногорск, где два года работала директором школы. В июне 1939 года, в связи с переводом мужа, переехала в Маслянинский район, в село Егорьевск. В Егорьевске работала преподавателем истории и директором школы до августа 1941 года.

Во время войны, в 1941 году, её переводят по линии райкома партии заведующей районным отделом народного образования (РОНО). С 1941 по 1943 годы она работала ЗавРОНО.

Партийные органы руководили кадровыми вопросами в РОНО. Так в 1943 году Кашина переведена из РОНО по распоряжению райкома на должность директора детского дома. Это было связано с приёмом эвакуи-

рованных детей из Ленинграда. На её плечи легла ответственная работа по организации детского дома в районе и по размещению эвакуированных детей.

В 1946 году она перешла работать в Маслянинскую среднюю школу № 1, в которой преподавала историю до выхода на пенсию (1967 г.). После ухода на пенсию, она стала заведующей интернатом и вела группу продлённого дня.

Фроня Георгиевна стала заниматься краеведческой работой, будучи ЗавРОНО (в 1941 г.). По направлению партии ей приходилось бывать в разных командировках. Она контролировала работу сельсоветов, много встречалась с людьми.

На одном из партийных собраний зашёл разговор о том, что молодое поколение не знает истории своих сёл, своего района, не знает имён партизан, сражавшихся в этих местах с колчаковцами. Тогда коммунисты предложили Кашиной, чтобы она взялась за это дело, так как она была учителем истории. Началась активная работа в архиве, встречи со старожилами, с партизанами, запись их рассказов, сбор снимков. Как историка её интересовало партизанское движение в годы гражданской войны. Сотни лекций, бесед провела она о прошлом Маслянинского района. Фроня Георгиевна была связана с областным краеведческим музеем – об этом свидетельствует её письмо директору областного краеведческого музея товарищу Беляеву. В письме содержится небольшой отчёт о проделанной работе.

Главной темой её работы была история партизанского движения на территории Маслянинского района в годы гражданской войны. Занимаясь этой проблемой, Фроня Георгиевна разработала анкету, разослала её по адресам бывших партизан, вела с ними активную переписку. Она собрала их в с. Егорьевск 14 июля 1957 года, т. к. именно в этом селе партизанский отряд был одним из наиболее крупных и деятельных. Весь материал, скрупулёзно собранный этой женщиной, был оформлен в папки и альбомы, а когда появился краеведческий музей в п. Маслянино, то стенды, посвящённые гражданской войне, создавались на основе кашинской информации. Ценно в этой работе краеведа Ф. Г. Кашиной то, что она помогала людям разрешить свои проблемы: кому-то получить удостоверение партизана, а партизанской вдове – выхлопотать пенсию. Благодаря работе Фрони Георгиевны, в с. Егорьевск и в п. Маслянино поставлены памятники партизанам. Не одно поколение маслянинских школьников, жителей района познакомились с теми далёкими событиями гражданской войны, узнали имена участников этого движения, имена расстрелянных и захороненных в братской могиле.

Кашина много занималась краеведением, подходила к своей работе с большой ответственностью. Она была скромным, сдержанным человеком, занималась черновой работой с бумагами. Поэтому память о себе оставила в документах и папках, которые так старательно оформляла. И сейчас человек, интересующийся историей Маслянинского района, в отделе архивной службы администрации Маслянинского района может познакомиться с двумя альбомами, сделанными руками Фрони Георгиевны.

Кашина не только собирала и записывала сведения о партизанах, но ещё она составила «Методику изучения и использования краеведческого материала». В работе присутствует рассказ о том, с чего надо начинать краеведческую работу, как систематизировать собранный материал, указывает на необходимость документального подтверждения полученной информации. В «Методике изучения и использования краеведческого материала» указаны даты, имена, основные темы, по которым велась краеведческая работа

Маслянинский краеведческий музей

в Маслянино и в школе № 1 в 50-е годы 20-го века.

Спустя время рекомендации по сбору и использованию краеведческого материала почти не изменились. Изменились только способы хранения этой информации. С развитием техники в наше время есть более надёжные варианты сохранности информации. Исследуя в своей работе разные периоды жизни Маслянинского района, Феврония Георгиевна не могла не затронуть тему о Великой Отечественной войне.

В 50-е годы прошлого столетия школа была центром краеведения, учителя – главные руководители. Так в стенах школы № 1 были созданы первые краеведческие выставки в Маслянино, известные краеведы 20–50-х гг. – это тоже учителя школы № 1: В. Г. Казанцев и Ф. Г. Кашина. Выпускники школы тех лет рассказывали о том, что в классах оформлялись стенды, альбомы, содержащие материал о Маслянино. Об этом также пишет в своей работе «Методика изучения и использования материала» Ф. Г. Кашина.

Сбором материала и его оформлением занимались учителя истории и географии вместе с детьми. Было оформлено 18 стендов. Они использовались для патриотического воспитания учащихся. Феврония Георгиевна указывает, что в 1957 г. было проведено 16 классных собраний и пионерских сборов по истории Маслянино. Сама Кашина была активным участником

Село Егорьевское

и вдохновителем этой работы. О создании музея школы мы узнали от его основателя, бывшего директора школы № 1 Михаила Павловича Михалева. Из его рассказа следует, что идея создания школьного музея приходится на 60-е годы. Он был открыт 20 декабря 1969 года. Школьный музей был связан с областным краеведческим музеем, зарегистрирован, куратором из области был определён Михаил Михайлович Зоркий – работник областного музея.

Фроня Георгиевна Кашина принимала активное участие в оформлении экспозиции о гражданской войне, проводила экскурсии по этой теме. Весь собранный материал она оформляла в альбомы, которые хранились в школьном музее. Но, к сожалению, до наших дней дошла лишь часть её знаменитых альбомов. Они были переданы в 70-х годах в районный музей, у которого была своя нелёгкая судьба. В связи с этим, многие документы были утрачены.

Фроня Георгиевна вела активную работу по созданию районного краеведческого музея вместе с В. М. Протопоповым после выхода на пенсию. Кашина входила в совет музея, активно собирала материал для экспозиций, выставок. В музейной работе она исследовала вопросы создания комсомольской организации в Маслянинском районе, истории Маслянино.

Феврония Георгиевна оформляла фотоальбомы на эти темы. В них содержится общая информация по истории Маслянинского района.

С 1967 года Фроня Георгиевна была на пенсии, но она не переставала заниматься краеведением. Каждое лето к ней приезжали туристы из Новосибирска со станции «Юных туристов». Она рассказывала им об истории района, о гражданской войне и партизанском движении. Эти факты мы узнали от её сына Глеба Ивановича, а в подтверждение им существует статья Л. Цимбаловой «При въезде первый дом у реки…». Она повествует о том, что студенты НГУ вели обследование окрестностей Суенги, искали окопы партизан, расспрашивали старожилов, составляли карты партизанских движений. Тем самым они помогали знаменитому мас-

лянинскому краеведу в её нелёгкой работе.

У нас есть сведения о том, что Кашина изучала историю Егорьевска, составляла альбомы. Об этом нам рассказывала Волегова Екатерина Владимировна, ныне пенсионер, в прошлом – егорьевский библиотекарь. Но, к сожалению, существуют только свидетельства, а сами документы, материалы мы не нашли ни в музее, ни в архиве.

Жизнь человека это не только работа, но это и увлечения, и общение с окружающими. Какой была Ф. Г. Кашина? В глазах своих современников Феврония Георгиевна осталась сдержанным человеком. Из воспоминаний Нины Георгиевны Дудченко мы узнали, что Кашина была очень тихой, спокойной. Нина Георгиевна училась в 6-м классе у Фрони Георгиевны, а потом и работала вместе с ней. Более спокойного учителя, по мнению Нины Георгиевны, в школе № 1 никогда не было. Фроня Георгиевна вела уроки истории. На них всегда было тихо. Спокойным, размеренным голосом она объясняла содержание урока. Обычно она сидела за столом, вставала только для того, чтобы показывать наглядные пособия. Нина Георгиевна более всего запомнила рассказы о битвах и красивые рисунки орудий труда и оружия.

Одевалась Фроня Георгиевна очень просто, без изысков, её плечи всегда согревала пуховая шаль, волосы были строго зачёсаны, заплетены в косички, которые повязывались вокруг головы. С нами также поделилась своими детскими впечатлениями директор школы № 1 И. А. Деревнина. Будучи соседкой Фрони Георгиевны, Ирина Алексеевна часто бывала в домике маслянинского краеведа. Обстановка в доме была проста: небольшая кухня и комната, в которой находилась кровать и комод.

Кашина часто показывала большие серо-зелёные альбомы. Ирине Алексеевне запомнились фотографии с изображением Егорьевской драги, на которых были запечатлены её дедушка и бабушка. Иногда Ирина Алексеевна помогала Феронии Георгиевне в оформлении альбомов, подклеивала фотографии. Кашина была простой

Драга в Егорьевском

в общении, доброй, внимательной и очень спокойной. Она была погружена в свою работу, целиком и полностью была предана ей. Возможно поэтому её сын, Коротков Глеб Иванович, вспоминает её как строгую мать, которая не баловала своего сына. Он же рассказал нам, что одним из главных увлечений Фрони Георгиевны был сад, где росли яблони, груши, вишня, дуб, малина, смородина, земляника. Она постоянно выписывала журнал «Садоводство», состояла в обществе Мичуринцев.

У неё были друзья – учителя школы № 1: Мария Дмитриевна Концевая, Анастасия Ивановна Беляева, Вера Дмитриевна Пирожникова, – а с Т. В. Молевой их объединяла краеведческая работа. Тамара Васильевна помогала Февронии Георгиевне в оформлении альбомов, они вместе работали в районном краеведческом музее.

Все, кто работал с ней, знали её как человека большой души, чуткого и отзывчивого товарища. Коммунистическая партия и советское правительство оценили её заслуги, наградив четырьмя медалями: «За доблестный труд в ВОВ», «За трудовое отличие», «За доблестный труд» к 100-летию В. И. Ленина», «30 лет Победы в ВОВ». Также ей одной из первых в Маслянинском районе был вручен почётный знак «50 лет КПСС» – об этом свидетельствует статья «Улицам – имена героев». Эти награды хранятся сейчас у её сына – Короткова Глеба Ивановича.

Феврония Георгиевна Кашина умерла 22 мая 1980 года.

Светлана Ложеницына

Черепановский район

Магия поля

Мой дед, Брянцев Степан Степанович, любит вспоминать свою молодость и те далёкие 1970–1980-е годы: «Для моей истинно крестьянской души самым красивым растением является хлебный колос. Ничто не сравнится с очарованием хлебного поля. От созревающей пшеницы глаз не оторвёшь. Нет ничего отраднее для нас, хлеборобов, чем выращивать хлеб — богатство нашей Родины. Трудились мы по-ударному, едва не засыпали за штурвалом комбайна или рычагами трактора. Хлебная страда всегда была трудной. Хлеб сам не родится, его выращивают руки сеятеля».

Брянцев Степан Степанович

«Хлебороб», — говорю я уважительно про деда. А руки у него действительно золотые. Мой дед Степан Степанович — замечательный труженик, всегда ходил в передовиках, был неоднократным героем жатвы. Его работа отмечена многими наградами: Почётной грамотой «За высокие производственные показатели на уборке урожая»; в 1975, 1977 и 1986 годах он был награждён дипломом «Заслуженный хлебороб района». В те годы было широко развёрнуто социалистическое соревнование. Степан Степанович занимал первые места в социалистических соревнованиях 1977, 1978, 1981, 1982 годов.

В нашей семье хранится районная газета «Путь к коммунизму» от 2 октября 1979 года. Там напечатано стихотворение о работе звена С. С. Брянцева. Дед рассказал, что в период жатвы 1979 года сибирский поэт Иван Краснов побывал в нашем совхозе «Искра». Он общался с комбайнёрами, наблюдал за их работой, восхищался тем, как слаженно и красиво они работали. Вскоре им было написано стихотворение «Звенят овсы».

Когда дед рассказывает о своих трудовых свершениях, я ловлю себя на мысли, будто бы разговор идёт о какой-то другой планете. Так изменились времена. Мне хотелось напомнить моим сверстникам о трудовом подвиге наших дедов, которые не жалели себя и своё здоровье, обеспечивали страну хлебом, работали на благо совхоза «Искра». Эти герои живут среди нас. Лучшие годы своей жизни они отдали тому, чтобы накормить страну. Я горжусь своим дедом за то, что он всю свою жизнь трудился на родной земле.

Степан Ударцев

Убинский район

Яркий свет таланта

В краеведческом музее фонд художника и поэта Степана Яковлевича Курлова насчитывает 891 единицу экспонатов. История появления фонда началась со знакомства со вдовой художника и поэта Александрой Александровной Курловой во время её приезда на родину мужа в село Кундран Убинского района.

Степан Яковлевич Курлов родился 7 апреля 1927 года в селе Кундран. Родители его были крестьянами. Отец Яков Иванович – коренной сибиряк, мать Алёна Алексеевна – из Орловской губернии. Она приехала сюда с родителями в годы Столыпинских реформ по освоению земель Сибири. В семье Курловых было шестеро детей: три дочери – Мария, Александра, Анастасия и три сына – Степан, Василий и Алексей.

Хозяйства у крестьян-сибиряков были крепкие. У каждого по 40–60 соток земли. Да и живности разной хва-

тало. Хорошо жили и Курловы. Верховодила мать Якова Ивановича – Федосья Ильинична, на ней весь дом держался. На огороде – картошка, огурцы, помидоры, редька, свёкла, морковь… На скотном дворе – телята, поросята.

Степан Курлов смутно помнил внешний облик отца: ему было всего семь лет, когда отца, смертельно раненного, принесли из тайги. Обстоятельства гибели были скрыты. Кто знал – молчали. Боялись. Расследования не было. В ту пору Яков Иванович работал председателем колхоза им. Молотова. На эту должность он был выбран односельчанами в 1931 году с приходом коллективизации.

Так как мать работала в колхозе с раннего утра до позднего вечера, приусадебным и домашним хозяйством, а также уходом за детьми и их воспитанием занималась бабушка. Она была мастерица создавать удивительные по красоте цветные орнаменты и наносить их на тканные ею полотна, а краски делала из трав. Кроме этого она была одной из лучших исполнительниц народных песен и сибирских сказаний. Видимо, постоянное общение с ней и разбудило в маленьком мальчике ту любовь к красоте, которую он пронёс через всю жизнь.

Автопортрет. В детстве. 1968 г.

Бабушка была отзывчивой к болям меньших братьев: то птицу принесёт за пазухой с раненой лапкой или крылом, то брошенного котенка или кого-то другого. Вылечив и выходив их, давала им свободу выбора, где жить.

Степан рано, до школы, научился читать. Помог ему дедушка Иван Васильевич Курлов. Учился Степан легко и успешно. У него была замечательная память. По литературе и истории на вопросы учителей он отвечал намного больше и глубже того, что требовалось по школьной программе. И это приятно удивляло учителей. Особенно его увлекала приключенческая литература. Читая её, он страстно желал жить с её героями, бороться и совершать подвиги.

Курлов Степан Яковлевич

В детстве он начал писать стихи. В 1937 году Степан написал стихотворение «Народному комиссару Клементу Ворошилову», которое напечатали сначала в Новосибирске в газете «Юный ленинец», а потом, с небольшими правками, в «Пионерской правде» под фамилией Селезнев (это бывшая фамилия матери). К сожалению, текст стихотворения не сохранился. Из фонда районного политотдела ВКП(б) с. Убинского он получил «дары» – гонорар за стихотворение: два мешка пшеничной муки, около пяти метров цветной хлопчатобумажной ткани, конфеты, сахар и три литра керосина (тогда в селе Кундран электроэнергии не было).

В летний период с 1939 по 1941 годы он работал в колхозе имени Молотова подпаском колхозного стада, копновозом при уборке сена, прицепщиком при осенней и весенней вспашке. В эту пору он писал рассказы и отправлял их в «Пионерскую правду». Редакция их печатала, благодарила Степана и просила новых рассказов.

В 1941 году, когда Степану было 14 лет, он написал стихотворение «1941 год» – предвидение войны. Но Степан занимался не только пробой пера, но и любил рисовать. Рисовал своих одноклассников, природу, животных.

Вскоре началась война. Её дыхание

докатилось и до далеких сибирских сёл. И сюда пришёл голод.

Была война. Отца убили.
Сошла в сырую землю мать…
А мы в пустом подворье жили,
Где даже соли не достать…
Худой, голодный поневоле,
От злой беды на волосок,
Я собирал в открытом поле
Здесь колосок, там колосок…

Осенью 1941 года 14-летний Степан с другом узнали, что можно набрать зерна на колхозном поле, за болотом. Ребята рано утром пришли в поле. На земле лежало много колосьев овса и пшеницы после нечистой косьбы жаткой «Лобогрейкой». Их никто не подбирал. Взрослые боялись. Дети тоже. Ребята набрали зерна килограмма два. Но кто-то увидел и донёс. Вечером того же дня к Курловым пришёл участковый милиционер. Нашёл под лавкой мешок с зерном и взял его с собой. На другой день утром он пришёл снова и увёл Степана в сельский Совет. На станции Убинской Степана Курлова уже ждали два представителя НКВД. Осудили Степана приговором «За подрыв военной мощи Советского государства» по статье 58-й к десяти годам лишения свободы. Потом был товарняк, Новосибирск, пересыльная тюрьма № 2 Закаменского района.

Из десяти лет, положенных Степану по приговору, он отсидел только около двух. Помогли сестра Мария и её муж, работавший в этой пересылке заместителем начальника тюрьмы. «Сразу в деревню не езжай, – советовала Мария, – с клеймом приедешь. А там найдут любой повод и добавят тебе срок. Получишь и 15, и 25 лет».

Степан решил остаться в Новосибирске и поступил в ремесленное училище № 6 при авиационном заводе им. Чкалова. Быстро помогли мальчишке освоить профессию токаря. Степану поручили предварительную обработку корпусов мин и снарядов. Потом поставили к более сложному станку. И детали стали сложнее, и работа ответственнее. Позднее работал на станке по изготовлению стабилизаторов. В то время завод работал в военном режиме. Именно там, работая по 14–16 часов в сутки, Степан заслужил звание «Гвардеец тыла». Он и другие ребята получили удостоверения и «подарки»: бушлаты и сапоги.

В свободное время, а его было не так много, Степана тянуло на природу. А какие в Сибири великолепные леса! Особенно волновала весна, когда на деревьях появляется новая изумрудная листва. Очень любил осень – яркую, звенящую, прозрачную. Именно здесь у Степана Курлова снова появилась тяга к рисованию. При училище была небольшая изостудия. Её организовал местный художник Алексей Виноградов. Он увидел в Степане не только исполнительного ученика, но и ростки таланта.

«Этому человеку я обязан многим, – рассказывал впоследствии Степан Яковлевич, – это он меня поставил на ноги. Заставил пойти в вечернюю школу, ведь у меня тогда было только 4 класса образования.

В то время художники очень требовались. Повсюду выпускались боевые листки, плакаты: «Бей врага!», «Всё для Победы!», «За Родину, за Сталина!» Рисовал и стенгазеты. Здесь, в вечерней школе, окончил 10 классов».

Наступил 1945 год. Май. День Победы.

В один из дней в общежитие при ремесленном училище, где и жил Сте-

Портрет Есенина. 1992 г.

пан, зашёл художник Виноградов. Он достал газету «Советская Сибирь» и показал Постановление Министерства трудовых резервов СССР о том, что «… талантливых ребят, склонных к рисованию, резьбе по дереву, металлу, лепке, моделированию, направлять в Москву для поступления на учёбу в художественное училище № 64 на базе Моссовета».

И вот в сентябре 1945 года Степан Курлов, имея на руках направление начальника областного Управления трудовых резервов, рекомендации училища и завода, уезжает в Москву, чтобы продолжить образование в художественном училище.

Он успешно выдержал вступительные экзамены по живописи, рисунку и русскому языку, и стал студентом.

Радость была безгранична!.. В Московском художественном архитектурном училище работали блестящие преподаватели – резчики по дереву, по камню, живописцы, мастера монументальной живописи, скульпторы и лепщики-модельщики. Они не только учили, но и давали уроки нравственного воспитания. Пять лет прошли как одно мгновение.

От того времени осталось чувство глубокой благодарности учителям-художникам Николаю Иванову, Сергею Серому и известному художнику, автору картины «Письмо с фронта» Александру Лактионову, который часто консультировал молодых мастеров. Именно они помогли Степану Курлову и его сокурсникам по училищу стать настоящими художниками. В те годы акцент делался на монументально-прикладную живопись, и Степан Курлов вместе с другими студентами занимался росписью музея им. А. С. Пушкина на Кропоткинской улице, а также Ленинградского, Казанского, Белорусского и Киевского вокзалов, реставрировал фасад библиотеки им. Ленина.

В училище были организованы занятия в различных кружках и спортивных секциях.

Степан участвовал в работе драматического кружка, играл в спектаклях (в частности, в пьесе А. Островского «Без вины виноватые»). Был постоянным посетителем Третьяковской галереи. Из русских художников он выделял особо В. Сурикова, И. Шишкина, И. Айвазовского. Помимо этого, он часто посещал музыкальные театры, особенно – Большой Академический. Его любимые русские композиторы – А. Бородин, Н. Римский-Корсаков, М. Мусоргский; из западных – Р. Вагнер, Э. Григ, Н. Паганини. А народные русские и украинские песни, частушки он любил с детства.

Новый Афон. «Вечереет». 14 мая 1978 г.

В годы учёбы Степан продолжал писать стихи. В 1947 году появились стихотворения «Материнское письмо», «И нервы не шалят…», «На выставке в музее нового западного искусства», в 1948 году – стихотворение «В общежитии». В 1949 году Курлов окончил училище по профессии альфрейщика-живописца, т. е. художника-оформителя, работающего по трафаретам. Ему был присвоен самый высокий – 5-й разряд. Степан просил директора училища дать направление на работу в Новосибирск. Его просьбу не удовлетворили. Он был направлен в Тулу, в областной отдел культуры.

В Туле и в других городах этой области С. Курлов работал на разных предприятиях.

В начале 1960-х годов Степан Курлов вступил в областное литературное объединение при Тульском отделении союза писателей РСФСР. Нередко навещали литобъединение известные поэты из Москвы: Николай Старшинов, Ярослав Смеляков, Игорь Кобзев, Евгений Евтушенко и другие. Тульским отделением Союза писателей проводились «Недели приокской поэзии», на

которых выступали поэты из Тульской, Калужской, Брянской и Орловской областей. В составе бригады поэтов Степан Курлов участвовал на встречах с тружениками предприятий, колхозов, студентами, учащимися, делился своими творческими планами, читал новые стихи. Много писал. Выступал на литературных вечерах в г. Новомосковске.

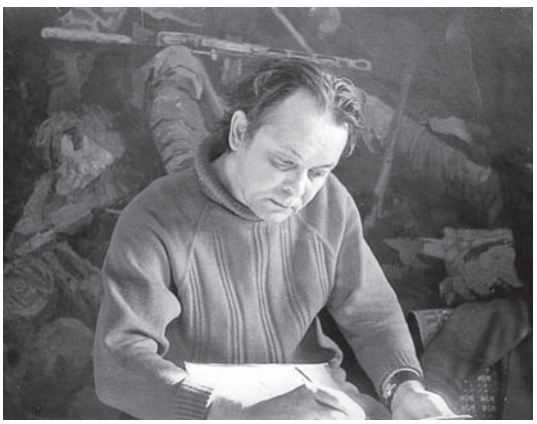
Стихи его печатались в сборниках: «Рукопожатие», «Ровесник» (1966 г.), «Одна семья» (1967 г.), «Взаимность» (1971 г.), издаваемых Приокским издательством, а также в «Правде», «Труде», «Сельской жизни», в районных газетах «Ленинская правда», «Новомосковская правда», «Молодой коммунар», «Знамя», «Донская газета», «Заветы Ильича», в журналах «Сельская молодёжь», «Советский шахтёр», в сибирском журнале «Байкал».

В 1963–1964 годах Степан Курлов работал литературным сотрудником в редакции газеты «Новая жизнь» Одоевского района Тульской области. Вне работы он отдавал время живописи и поэзии.

Сибирь, родина постоянно всплывали в памяти Курлова. Недаром у него много стихотворений на эту тему: «В Сибири», «Ангарский этюд», «Моё село», «В родном краю» и другие.

В РОДНОМ КРАЮ
(отрывок)

Ветер в просторах безбрежных –
Ходит село ходуном!..
Край мой родной для приезжих
Кажется волчьим углом.
Карп золотистый не клюнет,
Не запоют соловьи,
Небо распустит в июне
Нудные нюни свои…



Степан Курлов за работой. 1980-е годы.

Портрет жены. 1970 г.

В 1970 году, по приглашению известного тульского писателя Петра Сальникова, являвшегося директором Тульской областной студии телевидения, Степан Курлов вернулся обратно в Тулу и стал работать художником на телевидении. Это была самая лучшая пора в его творческой жизни. В студии Курлов помимо основной работы успешно участвовал в создании документальных фильмов. Писал сценарии для них. После его ухода студия продолжала пользоваться его высоко художественными заставками, титрами и другими работами.

Во время работы на телевидении Степан Курлов познакомился со своей будущей женой Александрой Александровной. Она приезжала сюда из Мытищ в командировку. Потом в 1971 году и сам перебрался в подмосковный город. Здесь они и поженились. А работать Степан Курлов устроился на Мытищинский машиностроительный завод в цех № 21 художником-оформителем. Интерес к творчеству поэта проявила местная пресса.

В 1974 году, когда он уже был жителем Мытищ, в Туле вышла в свет его первая книга «Костры сторожевые».

В 2002 году вышли в свет два сборника «Родина» и «Смех и горе». В последний включены не только стихи, но и рассказы Степана Яковлевича.

8 июня 2004 года оборвалась жизнь художника и поэта.

На выставке в Мытищинском историко-художественном музее, открывшейся 11 марта 2005 года, было представлено 37 картин и этюдов, две чеканные работы из меди, пять художественных изделий из дерева. Но это далеко не всё. Много картин продано, много подарено и находится в частных коллекциях. Но и то, что показано, говорит о многом…

Соплеменникам он оставил просьбу:

Для последнего жилища
Отыщите место мне
Не столичное кладбище,
А в зелёной стороне,
На какой-нибудь опушке,
Где покой и благодать…
Будет добрая кукушка
Мне посмертное считать.
А в подлеске тёмно-синем,
Как живая, трепеща,
Вспыхнет золотом осина –
Поминальная свеча.

Прах его покоится в «зелёной стороне» – на окраине берёзового леса, около четырёх близко растущих берёз, невдалеке от родного села Кундран Убинского района.

Наталья Иноземцева

Северный район

Сельская учительница

Мой отец Фома Зиновеевич Рогов был кадровым военным, служил на Дальнем Востоке. За год до начала войны их часть отправили на запад. Доехали до Барабинска, там остановились на переформирование. Здесь я и родилась, здесь потом и получили известие о войне. С первых дней отец был на фронте. Мама с двумя маленькими детьми с большим трудом добралась до села Бергуль, вернулась к родным. Всю войну она работала в колхозе, а мы с братом были одни. Что осталось в памяти из детства: крапива, лебеда и побирушки, которые просили подаяния под окнами.

В середине войны пришёл с фронта отец – инвалид 1 группы по ранению. Переехали в Северное, стали жить в маленькой избушке на краю села. Вскоре я пошла в школу. Мне посчастливилось: нас учили хорошие учителя. Первой учительницей была Ульяна Мироновна Бойваленко. Мне она казалась самой красивой. Затем классным руководителем была Полина Ивановна Поджунас, математик. Позже в школу приехала группа необыкновенных педагогов: Л. П. Ярман (Юрьевич), С. З. Опалькова, С. А. Шмаков, Г. А. Золина. Сколько нового, интересного они внесли в нашу ребячью жизнь! Все дети были чем-то заняты. Я стала активной участницей самодеятельности: читала стихи, пела. Бессменным аккомпаниатором был мой брат Володя Рогов.

В старших классах большое внимание нам уделял талантливый педагог Анатолий Николаевич Фёдоров. Наш 10 «А» в те годы был самым активным в школе. С Анатолием Николаевичем ставили спектакли, ходили на лыжах с концертами по деревням и т. д. Конечно, и работали: на сушилке, в теплице у агронома А. Припутенко, где впервые увидели помидоры и другие овощи, заготавливали для школы дрова, стригли овец на колхозных фермах. А ещё много читали. Мы воспитывались на книгах. Моей любимой книгой была «Два капитана». «Бороться и искать, найти и не сдаваться», – эти слова были девизом всей моей жизни. Но вот закончено обучение в нашей любимой деревянной двухэтажной школе. Впереди – самостоятельная жизнь.

В это время серьёзно заболел отец, у нас уже была большая семья. Решила поступить в училище связи, чтобы быстрее пойти работать. Сдала документы, прошла собеседование. Нужно было повторить то, что настучал карандашом директор училища.

У меня был хороший музыкальный слух, поэтому и этот тест был для меня не сложным, и в дальнейшем работать мне было легко. Училась хорошо, но ни один из предметов мне не нравился, кроме истории работы на радиостанции. У меня был очень хороший темп передачи на телеграфном ключе.

С первого курса я была профоргом училища, а ещё занималась в художественной самодеятельности. Нашим руководителем был артист из оперного театра. Благодаря ему на конкурсе самодеятельности между другими учили-

щами мы заняли призовое место. Приятно было то, что заключительный концерт проходил в оперном театре, я запевала песню о геологах. За активную работу и хорошую учёбу мне дали путёвку в Одессу, в санаторий «Юность». Одесса поразила меня своей красотой: лазурное море, цветущие каштаны, одесский порт, Потемкинская лестница, оперный театр, дворцы. Воспоминания остались на всю жизнь.

Закончена учёба в училище. Куда ехать работать? С подружкой взяли направление в Казахстан. Вот где мне действительно пришлось пройти через огонь, воду и медные трубы. Нам дали назначение обслуживать аэропорт в г. Джезказган. Но там уже работала семейная пара. Они упросили нас уехать на другую станцию. Нас посадили на машину и повезли. Чем дальше едем, тем страшнее: пески, пески и одни верблюды. Приехали. Вместо станции – пустое место. Накануне был пожар, всё сгорело. Жили и работали в дощатом сарае. Вместо восьми положенных по штату работников – четверо. Через несколько дней привезли заключенных, под охраной они отстраивали помещения. Что мы перетерпели – трудно передать. Дальше ещё хуже – заболел начальник, его увезли в больницу, остались под руководством старшего радиста, который украл деньги и сбежал. Продукты были на исходе, я серьёзно заболела, хотя продолжала вести связь.

В пустыне главное – вода, и она у нас, к счастью, была. О нашем положении узнали геологи, работавшие неподалеку. Вскоре они оказались у нас. Начальник сразу понял обстановку, связался с нашим управлением, прислали самолёт, и я оказалась в больнице в Джезказгане. Когда вернулась, то уже были отстроены служебное и жилые помещения. Жить и работать было можно.

Вскоре меня пригласили работать в школу в соседний поселок Ак-Кенсы. Хочу сказать, что дети потянулись ко мне. Я старалась внести в их жизнь новое, интересное. Казахи – добрые люди, всегда старались меня чем-то угостить, порадовать. В конце учебного года в школе прошла проверка. Инспектор побывал у меня на уроках и сказал: «Из тебя должен получиться хороший учитель. Только сначала тебе самой нужно учиться. Уезжай и не возвращайся». Я дождалась отпуска и собралась уезжать. Весь посёлок пришёл провожать меня, дети кричали: «Мугалиме (учитель), ты вернёшься?» Но я твердо знала, что сюда я не вернусь никогда.

Приехав домой в Северное, пошла в отдел народного образования, заведующим был И. Н. Маевский. Он отправил меня на курсы пионервожатых, а затем в Биазинскую среднюю школу пионервожатой и учителем пения. Вот где мне пригодилась школа С. А. Шмакова и помощь брата-музыканта.

В Биазе я встретила своего будущего мужа. Он учился в Новосибирске в институте, а я жила у его родителей и работала. После окончания института мужа направили работать в Кемеровскую область, где мы прожили четыре года. Теперь уже я училась заочно и работала. Было непросто, но мы справлялись со всеми трудностями. Несколько слов хочется сказать о муже. За многое я благодарна ему: он был хорошим отцом, любящим мужем. С ним было интересно жить. Был только один недостаток, который мы так и не смогли побороть.

Отработав положенное время, мы вернулись в Северное. Родное село нас встретило неприветливо: ни работы, ни жилья. Через какое-то время меня взяли в Северную среднюю школу пионервожатой. С благодарностью вспоминаю М. Н. Извекову и В. М. Груенко, они помогли мне стать учителем русского языка и литературы, помогли получить двухкомнатный домик. Вот с этого времени я твёрдо встала на ноги. Я очень любила свой предмет. В то время был сильный коллектив словесников: Н А. Бурмистрова, Г. Г. Галай, М. Н. Извекова и другие. У них было чему поучиться.

Школа проводила огромную внеклассную работу: «Зарница», художественная самодеятельность, спорт, тематические вечера. Детей было много, наполняемость классов доходила до 35 человек. Я в основном работала в старших классах, любила уроки литературы, особенно связанные с поэзией, тщательно готовилась к ним, всё чита-

ла наизусть. Всегда была классным руководителем. Это, на мой взгляд, самое сложное в учительской работе.

Вспоминаю, как с пятиклассниками собрали около трёх тонн металлолома и стали победителями в школьном соревновании, обогнав старшеклассников. Дети в эти годы делали в школе всё: наводили чистоту в классах, убирали территорию около школы, работали в теплице, участвовали в ремонте. Конечно, под руководством учителя. У нас, словесников, вообще не было выходных. Кипы тетрадей, подготовка к урокам, составление планов, чтобы уроки были содержательными, мы изучали методическую литературу. Помимо всего этого были и другие нагрузки. Много лет я была руководителем районного методобъединения словесников, участвовала во всех школьных мероприятиях, была депутатом сельского и районного совета. Я всегда принимала активное участие в самодеятельности: пела в хоре, с детьми ставили спектакли. Как и многие учителя, ходила с лекциями на предприятия – мне всегда было что сказать людям; организовывали торжественные проводы коллег на пенсию.

Ещё в юности я поставила перед собой задачу: посетить города-герои и через много лет выполнила её. Побывала с учениками в Бресте, Севастополе, Ленинграде, Одессе, Сталинграде и других городах.

Я с благодарностью вспоминаю детей, которых учила. Это были добрые, интересные, стремящиеся получить знания, трудолюбивые дети. Какое счастье испытываешь сейчас, встречая их, потом весь день ходишь окрылённым. Не исключаю, что и у меня были ошибки, возможно, кого-то обижала. Но я просто хотела, чтобы они учились лучше. От первого выпуска, в котором была классным руководителем, до последнего помню ребят и все их дела. Благодарна судьбе: со многими могу встречаться, и пришло время, теперь они помогают мне. Хочу сказать большое спасибо И. В. Меренковой, А. П. Санниковой, Нине Елизаровой, В. И. Савельевой за их доброе отношение ко мне.

Я нисколько не жалею, что столько лет отдала школе, долгих 48, из них

Галина Фоминична Кемелева

40 – в родной школе. Много лет проработала в школьном профсоюзном комитете, неоднократно избиралась председателем. Что только не приходилось делать! Особенно в 1990-е годы. Зарплату не получали месяцами, договаривались о продуктах с другими организациями. Даже вынуждены были выходить на площадь с протестами. Какое счастье, что всё это позади!

«Жизнь прожить – не поле перейти», – так говорит русская пословица. Теперь могу сказать, что прожила долгую жизнь. Ничто мне не падало с неба. Нужно было трудиться. Как и всякая русская женщина, я умела хорошо косить сено, метать с мужем стога, сажать большой огород, двор был полон скота. В то же время умела вязать, шить одежду, вышивать (любила хорошо одеваться), растила детей, внуков и помогала близким. Когда проходит время, ты можешь оценить всё, что связано с тобой, где ты ошибся. Самое страшное, что ты уже ничего не можешь изменить. А так бы хотелось.

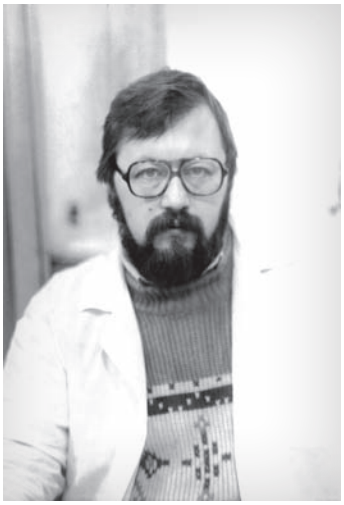
Я благодарна государству, которое дало мне самое необходимое, своим родителям – труженикам, коллегам, которые помогали мне в трудную минуту, особенно А. А. Устьянчик, В. С. Яковлевой, и всем людям, которых я знаю и кто знает меня. У меня заботливые дочери, замечательные внуки, хорошие помощники – зятья.

На одной из встреч с молодёжью актриса Наталья Гвоздикова сказала: «Сегодня тебе 19. Миг. И тебе уже 80». Как это верно!

Галина Кемелева

Новосибирск

У попа сдачи не бывает



О докторе Старостенкове я узнал, когда работал токарем на заводе «Сибсельмаш», он начал принимать в общежитии завода, около шестой проходной. Я отстоял очередь на лестничной площадке, которая тянулась от первого до третьего этажа. Пока стоял, узнал, что доктор – ученик знаменитого «костоправа» Касьяна с Украины. Скоро я вошёл в кабинет, меня встретил крупный мужчина с грозным видом и жутко чёрной бородой.

– Раздевайся по пояс, да побыстрей, не томи!

Я быстро разделся, лёг, как было приказано, поперёк кушетки. Бородач в белом халате сел рядом со мной на кушетку и впился пальцами в мой позвоночник, он прощупывал его, перемещаясь от позвонка к позвонку, одновременно рассказывал, что и как у меня болит и про онемение в левом плече, и о болях седалищного нерва, о частом поносе и головной боли и о ещё многом, о чем даже неудобно рассказывать.

Честно сказать, после такой диагностики, я был слегка смущён и поверил доктору навсегда. Потом бородач, нисколько не церемонясь, а даже вызывающе грубо, отколотил меня по спине, бокам, дважды свернул шею, а в заключении дёрнул вверх так, что все позвонки дробной поступью собрались в моих просторных трусах.

– Завтра придёшь, – буркнул недовольный доктор, – принял от меня деньги и сунул в карман халата.

– А сдачу? – удивился я.

– У попа сдачи не бывает. Я же сказал, завтра придёшь.

Я пришёл на следующий день, он прошёлся по позвоночнику въедливо и даже укоризненно жёстко, и хмыкнул:

– Отлично! – потом нащупал грудной позвонок, хрустнул им и завершил сеанс резким встряхиванием, отчего позвонки потекли привычным маршрутом.

Я протянул деньги, но уже с загодя подготовленными купюрами, он привычно положил их в карман белого халата.

«Жмот», – подумал я и решил не ходить к нему больше никогда.

Так я познакомился с доктором мануальной терапии Александром Витальевичем Старостенковым.

Вновь у Старостенкова я появился осенью. Отстояв очередь, но уже со знанием дела и как опытный пациент, разделся по пояс и лёг поперёк высокой кушетки. Александр Витальевич прошёлся пальцами вдоль позвоночника и присел рядом.

– Чё делал? – грубо спросил он и закурил.

– Днями копали картошку, потом погрузил на машину, думал, пройдёт…

– Слышь, садовод, – я очень удивился такому бесцеремонному обращению, потому что я был старше его, а он продолжил, – ты развернул позвонок со смещением. Вот так, – и он показал, поставив кулак на кулак. – В следующий раз, когда соберёшься копать картошку, сядь и внимательно посчитай, сколько стоит твоя картошка, и сколько денег ты принесёшь мне. Понял?!

С того случая я начал беречься, но разве предусмотришь всё, если дом большой, семья, дача…

Однажды я заполз к нему в кабинет чуть ли не на четвереньках.

– Что случилось? – привычно грубо и с насмешкой спросил он.

– Не поверите! Нагнулся вилку из розетки выдернуть, мы же сейчас все модными стали: розетки у пола ставим. Дёрнул, и заклинило спину, намертво, будто штырь проглотил.

Действительно боль была адской, каждое его прикосновение пробивало от головы до пят, и когда он начал ставить выскочивший межпозвоночный диск, в глазах у меня потемнело, и я неожиданно высказал всё, что думал о докторе в тот момент. Мой страстный монолог был лишён лексической и нравственной цензуры.

Выслушав мою тираду, доктор сел на кушетку, закурил, глубоко и сосредоточено вдыхая дым. Я притих, пони-

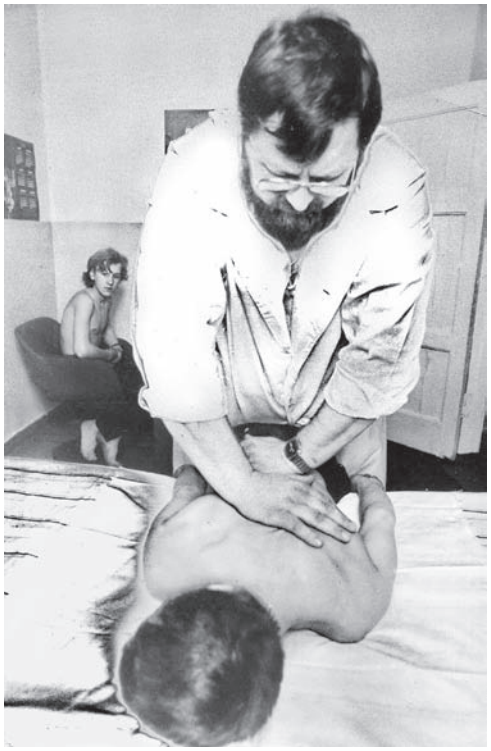
мая, что сказал крайне много лишнего и не осмотрительно оскорбительного.

– Вот что, – он ткнул пальцем в позвоночник, – если я давану здесь, у тебя писюн отвалится навсегда, а если здесь, – он тыкнул чуть выше, – то ты, как шелудивая кошка, будешь гадить во всех углах. Понял?

– Я больше не буду, доктор. Больно было, прости, пожалуйста.

Доктор докурил, основательно вдавил окурок в пепельницу на столе, отчего я даже зажмурился, помыл руки и продолжил сеанс, но уже аккуратно и даже бережно.

С того случая мы и подружились. Я периодически посещал доктора Старостенкова, потом привёл к нему жену, после поздних родов страдавшую поясницей, потом многочисленных родственников и друзей. Саша приезжал ко мне на дачу, ездили на рыбалку, просто разговаривали. Меня поразила его доброта, открытая и очень широкая душа, по-русски широкая и бесконечно добрая. Когда все доктора и появившиеся в нашем городе мануальные врачи подняли цены до полутора тысяч, у Старостенкова тариф было неизменен – шестьсот рублей. При этом профессионально его никто так и не превзошёл. Но всякий раз, когда я переступал порог его кабинета, он радовался и непременно ухмылялся, мол, что, опять «картошка», потом лечил, ругал бесцеремонно, а иногда и крепким словом, и никогда не отдавал сдачу.



Он умер на 55-м году жизни, сахарный диабет, гангрена. Жаль, совсем ещё пацан… Но оправдывает его смерть только то, что он успел выучить своему волшебному мастерству сына – доктора Старостенкова-младшего, который, а я это знаю не понаслышке, превзошёл своего отца.

Николай Астров

Бердск

Школьный музей

Если вы посетите город Бердск и захотите узнать о местных достопримечательностях, вас обязательно поведут в школу со сказочным номером 13, в Музей военной истории.

День рождения Музея – 27 января 2004 года.

Чего только нет на хранении в нашем музее: старые фотоаппараты, радиоприёмники, радиолампы, авиационные приборы – высотомеры, указатели скоростей, ручка управления двигателем, есть даже чёрный ящик САРПП-12Г.

Большая коллекция моделей техники времён Великой Отечественной войны: трактора, которые использовались как тягачи для артиллерийских орудий; полуторка; санитарный автомобиль ГАЗ-55; первый отечественный грузовой автомобиль АМО-Ф-15.

Целая куча моделей самолётов разных периодов – от Первой Мировой войны до наших дней.

Вас не оставят равнодушными такие модели, как каракка «Виктория», на которой Фернан Магеллан совершил своё кругосветное путешествие; шхуна «Св. мученик Фока», на которой наш полярный исследователь Георгий Седов пытался пробиться на Северный полюс; подводная лодка С-13 знаменитого капитана Александра Ивановича Маринеско, которая утопила немецкий кругосветный теплоход «Вильгельм Густав».

В наш музей часто на экскурсии приходят школьники, ребятишки из детских садов – этим нравится всё не только посмотреть, но и потрогать, пощупать, глаза горят, разбегаются по музею, как тараканы, заваливают вопросами. Однажды приезжала группа ветеранов педагогического труда Новосибирской области. А в 2016 году нас посетили иностранные гости – немцы, учителя русского языка и литературы из города Магдебург. Эти сначала сдержанно удивлялись, потом попили чай, расслабились и начали громко хором петь советские военные песни…

В настоящее время в разработке находятся 64 модели, в том числе модель ракетного тягача стратегической ракетной установки Тополь-М и фрегаты времён Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Из чего же изготавливаются модели в нашем музее? Да из всего, что есть под рукой. В дело идут штапики, рейки, фанера, ящики из-под овощей и фруктов, целлулоид, картон, пластиковые бутылки, спички, деревянные шампуры, ткань, в общем, всякий разный подручный материал.

Экспонаты музея неоднократно выставлялись в Новосибирском краеведческом музее, в городском историко-художественном музее нашего города Бердска. В 2017 году ребята сконструировали аэродинамическую трубу, измеряли сопротивление воздуха и выступали затем в Новосибирском аэрокосмическом лицее им. Ю. В. Кондратюка.

Вирт Александр Августович

У истоков музея стоят два человека: Александр Августович Вирт – учитель географии и Александр Алексеевич Парфёнов – учитель ОБЖ.

Александр Августович работал в нашей школе с момента её открытия в 1988 году. До этого его педагогическая деятельность была связана со школой № 12, в которой он тоже стоял у истоков школьного музея.

География в школе изучается с пятого класса. Помню, по окончании 4-го класса на летних каникулах такое взяло меня любопытство узнать про нашу планету Земля. Мама купила мне географический атлас, а в домашней библиотеке хранилась старенькая истрёпанная «Записная книжка пионера «Товарищ» 1958 года издания с целой кучей интересной и полезной информации, в том числе азбука Морзе и раздел «Это полезно знать»: про материки и океаны, моря, реки, озёра, острова, горные вершины, малые страны. Проштудировав это всё за лето, в 5-й класс на урок географии к Александру Августовичу пришла уже с багажом знаний. Надо сказать, что уроки он вёл так, что заслушаешься.

Александр Августович был не только хорошим учителем, он приходил на помощь любому: всегда поддержит, подскажет, мастер на все руки, заядлый дачник. Его руками были созданы 12 солнечных часов (обычно он размещал их на своём дачном участке), приборы измерения скорости и направления ветра. Под его руководством учениками были изготовлены 15 макетов, которые показывают быт народов различных климатических зон от севера до юга (яранги, вигвамы, шалаши, избы, фрагменты африканских джунглей с макетами людей и зверей). Если в школе между уроками выпадало у него «окошко», он в своей лаборантской начинал выпиливать детали для Бердского острога.

Да, в школьном музее есть макет Бердского острога. Идея его создания принадлежала Александру Августовичу.

Обладая техническим складом ума и золотыми руками, он был прекрасным

Александр Алексеевич Парфёнов с моделью самолета

сварщиком, строителем, дачником… Своими руками построил из кирпича дачный домик. Выращивал виноград, выводил новые сорта клубники, разводил курочек…

Замечательный фотограф – вся школьная история запечатлена его фотоаппаратом…

Если вы с детства увлекались авиамоделизмом, закончили Ачинское военное авиационное техническое училище по специальности «техник-электрик», а затем служили на Украине в 642-м отдельном гвардейском авиационном Братиславском Краснознамённом полку, восемь лётчиков которого в годы Великой Отечественной войны повторили подвиг Николая Гастелло, то конечно же, после выхода в отставку, а сил и энергии у вас немерено, вы придёте работать в школу со сказочным номером 13.

Александр Алексеевич Парфёнов не только учитель ОБЖ, он преподавал ребятишкам и географию, и историю Древнего мира, и даже физику. Ребят на уроках он «берёт» своим интеллектом и боевым опытом. На протяжении уже 18 лет Александр Алексеевич не только руководит нашим школьным музеем, но и сам создаёт уникальные модели и экспозиции.

Нынче в школах, к сожалению, не преподают черчение, да и не каждый ребёнок сможет сделать сложный чертёж, пересчитать масштаб, начертить деталь, перевести кальку на лист фанеры. Александр Алексеевич большое количество моделей изготавливает сам и помогает ребятам. Каникул у него нет вообще. Всё своё свободное время он проводит в школьном музее: чертит, вырезает, выпиливает, собирает, клеит, творит…

При нашем музее работает военно-патриотический клуб «Атлант». Александр Алексеевич является его бессменным руководителем. Под его чутким руководством ребята учатся собирать-разбирать масштабно-габаритный макет автомата «Калашникова», снаряжать магазин патронами к автомату, ориентироваться на местности, устанавливать палатки, вязать узлы, стрелять из пневматической винтовки в тире и т. д. И обязательно участвуют каждый год в военно-патриотической игре «Зарница».

Наталья Семьянова

Барабинск

Арт-ракурс или образ любимого города

В Барабинске в 2008 году прошёл фестиваль скульпторов, который оставил креативный след в истории моего города. Экспонаты фестиваля выполнены из самых непредсказуемых материалов и имеют интересные формы, которые иногда не уловить с первого взгляда, а приходится обойти вокруг, осмотреть внимательно, подумать.

Каждый такой арт-объект оригинален и неповторим, это уникальное творение для воздействия на человека с целью подарить хорошее настроение, впечатлить воображение, доставить эстетическое удовольствие. Я восторгаюсь творениями умельцев, которые создали в моём городе яркие и необычные арт-объекты: борец сумо, атлеты, мужчина и женщина, гнездо аистов, мать и дитя, стела в честь Александра Сергеевича Пушкина, герои сказок, скамья примирения и другие. Они различают-

Мать и дитя

ся по тематикам, формам, материалам, размерам и смыслу, который каждый автор вкладывает в своё детище. Именно благодаря этим арт-объектам преображается мой любимый город.

Возле стадиона установлена скульптура борца сумо, глядя на неё можно прочувствовать спортивный дух ребят, которые не мыслят себя без спорта. Мне кажется, что она установлена здесь очень кстати, я не представляю наш стадион без этого япошки. Он встречает спортсменов у входа, замерев в бойцовской позе, и будто призывает: «Занимайтесь спортом, и вы станете сильными как я!»

Стела в честь Александра Сергеевича Пушкина

На пересечении улиц Пушкина и Ермака установлена скульптура, которая придаёт загадочность городу. Горожане называют её стелой Пушкину. Внешне она очень напоминает истуканов с острова Пасхи. Глядя на стелу, с одной стороны видишь памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. Но с другой стороны, если подключить свою фантазию и воображение, можно рассмотреть эпизоды его сказок: здесь и могучий дуб с русалкой, и 33 богатыря с дядькой Черномором.

В парке Культуры и отдыха есть ещё один интересный арт-объект – красочный расписной шкаф с книгами под названием «Время читать». На мой взгляд, этот полезный и нужный объект прививает жителям любовь к чтению и придаёт парку уютную и комфортную атмосферу, среди которой прижились Алиса, Кролик, кот учёный.

Возле входа в спортивно-оздоровительный клуб расположились скульптуры в образе атлетов. Эти великаны завораживают своей физической силой, кажется, что они надвигаются на меня, оберегая вход в здание.

Возле детской больницы установлена фигура «Мать и дитя». Обнимая и прижимая к груди свое чадо, она будто закрывает его от невзгод и болезней. Поневоле вспоминаешь свою маму и жаждешь прижаться к ней.

В сквере городского Дома культуры установлена «Скамья примирения», состоящая из сходящихся к центру наклонных плоскостей. Если два человека сядут на скамью, они обязательно соскользнут к её центру и окажутся сидящими плечом к плечу. Она в самом прямом смысле сближает людей. И как бы ни старался на ней усидеть подальше от друга – не получается!

Славится мой Барабинск и графическими арт-объектами. На обычном гараже в 2020 году новосибирский художник

Константин Ерёменко под надписью «Как прекрасен этот мир» изобразил портрет Сергея Бодрова. На стене другого гаража написал портреты писателя Василия Шукшина и Виктора Цоя, певца и создателя группы «Кино». Данные объекты пробуждают у юных жителей города интерес к творчеству известных людей, а мне на ум приходит мелодия: «А над городом плывут облака…»

Татьяна Степанова

Болотнинский район

Аномалия

Писать о соратниках-писателях, тем более земляках – дело крайне сложное уже потому, что всякий очерк содержит в той или иной степени оценочные интонации, а когда рассуждаешь о писателях, которых объединяет столь малая территория как Болотнинский район, бремя ответственности становится просто невыносимым. Но всё же, не писать о необычайном явлении земли болотнинской ещё больший грех.

Называя писателей-земляков явлением необычайным, я нисколько не утрирую, и это восклицание не есть гиперлитературный образ красного словца ради. Это явление стало необычным и явилось исследователям истории Болотнинского района так же неожиданно, как и вам, дорогой читатель. Но подготовив одиннадцать книг высокопрофессиональной литературы, которую создали люди, живущие на территории одного сельского района, – явление из ряда вон выходящее, и нисколько не преувеличивая, свой очерк я назвал аномалией – творческой, литературной – как хотите, но явлением, безусловно, сверхъестественным.

Мы ничего не знаем о тех литераторах, которые жили на нашей земле до 1920 года, не было ни газет, ни иных литературных источников, которые могли бы сохранить до нас строки, написанные нашими предками, я имею в виду не фольклорные песенно-сказовые опыты нашего сибирского, уникального по своему национальному составу народа, я говорю и далее буду писать только о сугубо авторских работах.

ПРОЛЕТАРСКАЯ МЫСЛЬ

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Орган Болотнинского Райпарткома Р.К.П. (Больш.) и Совета Раб. Крест. и Красноарм. Депутатов. Адрес Ред.: Мариинск. тр. д. № 38.

Выходит в гор. Болотном 2 и 3 раза в неделю. Розничной продажи нет. Принимается подписка.

№ 31-й. Четверг 19-го Августа 1920 г. Год изд. 1-й.

Факты и перспективы.

В Крыму держится и пробует развернуть шире фронт пресловутый барон Врангель, с берегов Днепра хочет соединиться с бароном—Махно. Делает отчаянные попытки остановить свое отступление Панская польша. Все эти три „Вояки" ругаются друг с другом, на чем свет стоит, обещают друг другу чуть ли не виселицы, но в то же время заявляют о том, что пока им нужно действовать совместно так как Советская Россия сейчас сильна как никогда. И они действуют. Врангель ругаясь и отплевываясь помогает Польше и Махновщине, а те достойные партнеры Врангеля отвечают ему тем-же.

Антанта так же не дремлет и продолжает принимать ли-

как бы это, пока что „и невинность соблюсти, и капитал приобрести". А соблюсти показную невинность для Японии очень важно, так как она уже научена горьким опытом и не раз ломала свои хищнические зубы о штыки дальне восточных партизан. К тому-же стремления, не в меру зарвавшейся Японской военной партии к территориальным захватам, развивает революционное движение в Японии, борьба с которым за последнее время начинает принимать довольно острые формы. Не смотря на такого рода политическую ситуацию русские реакционные круги, скопившиеся на Дальн. Востоке не перестают организоваться ползая на коленах перед Японскими жандармами.

ложит новую дорогу к привольной, сытой и счастливой жизни.

— „Рабочие взялись за общее народное дело"—и печать констатирует целый ряд желательных результатов.

Обратившись к „Правде" мы находим, что

Аппарат Нар.Ком. Путей Сообщения налаживает свою работу. Ход ремонта, выполнение плана перевозок характеризует начало восстановления транспорта.

О множестве подобных побед на трудовом фронте сообщает печать ежедневно.

Мы-впали бы в ошибку, если бы почистили переоценку этих побед.

Для полного налаженния нашей хозяйственной жизни мы всегда призывем увеличить силу производительности.

Вместе с тем, нельзя не придать нашим реальным победам их великого значения, говоря словами Ленина, что „один выпущенный паровоз далеко лучше и безусловно полезнее, чем сотня красивых революций.

НА ФРОНТАХ.

Благодаря первой газете «Пролетарская мысль» мы узнали о поэте, драматурге, комсомольском активисте Александре Огурцове, который не только сочинял очень уверенные стихи, но и создавал пьесы-монологи, сам был актёром. И должен сразу пояснить неопытным читателям, что создать пьесу, а ещё и для одного действующего лица – это труд невероятный и требует не только литературного вкуса, но и недюжинного ума. Более того комсомолец Огурцов сам играл главную роль, вот тут-то и рождается второе чудо – это писатель-актёр. Не всякий даже современный профессиональный актёр сможет удержать внимание зала литературным монологом в течении целого часа. Вот одно из стихотворений Александра Огурцова:

Но пришло и наше время.
Цепи рабства мы порвали,
Мы свободны, точно ветер…
Мы хозяева земли.
Нас заставить быть рабами,
кто осмелится едва ли?
Для себя теперь мы сами
золотые короли.

В этих строках я слышу интонации Песни Буревестника:

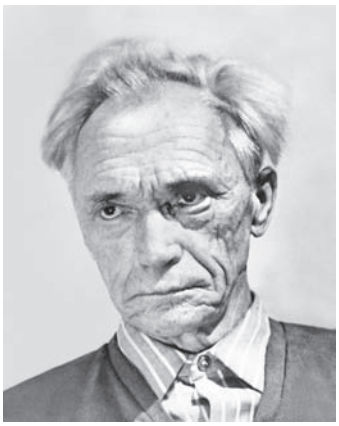
…Чайки стонут перед бурей, –
стонут, мечутся над морем
и на дно его готовы спрятать ужас
свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, –
им, гагарам, недоступно
наслажденье битвой жизни:
гром ударов их пугает.
Глупый пингвин робко прячет
тело жирное в утёсах…
Только гордый Буревестник реет
смело и свободно
над седым от пены морем!..

По свидетельству Натальи Борисовны Карнеевой, из записок, которые вышли в её авторской книге «Решающий фактор», мы узнаём, что в тридцатые годы в деревне Александровка, что недалеко от Большеречки и Корнилово, жил учитель словесности, который, представьте, тоже писал пьесы и рассказы, более того создал учебник белорусского языка и погиб, когда поехал вербовать в Белоруссию учителей для Сибири, по дороге подхватил какую-то заразную болезнь и умер. К сожалению, ни его творчества, ни его учебника не сохранилось. И сколько ещё таких героев было среди наших земляков, мы только с гордостью и величайшим уважением можем представить.

Наталья Борисовна Карнеева

Сама Наталья Карнеева после окончания Саратовских высших курсов (читай: университета), дворянка, знающая в совершенстве русскую и зарубежную литературу и три языка – немецкий, английский и французский, приезжает в Болотнинский район в 1930 году по доброй воле, чтобы бороться с безграмотностью. У двадцатилетней девчонки уже написано несколько рассказов и один из них – «Лето в Александровке», который тоже не удалось обнаружить в её архиве.



Михаил Павлович Кубышкин

В 1951 году в СССР огромным тиражом в тридцать тысяч экземпляров выходит её роман «Школа», который становится любимым романом учителей и студентов пединститутов. Именно в Большеречке она встретила девочку третьего класса по имени Каролинка, которая и стала прототипом главной героини романа. Эта девочка прописана так естественно, с такими характерными особенностями, что вызывает удивительное чувство родства и желания её увидеть. Мы в 2020 году издали книгу Натальи Борисовны «Решающий фактор», в этой книге есть огромный раздел её воспоминаний, который интересен не только своим краеведческим содержанием о жизни Варламовки и Болотного, но и удивительной философией литературного художника. Литература высшего качества, высшего! Вчитайтесь в её строки и почувствуйте тот ещё, русский, не исковерканный язык.

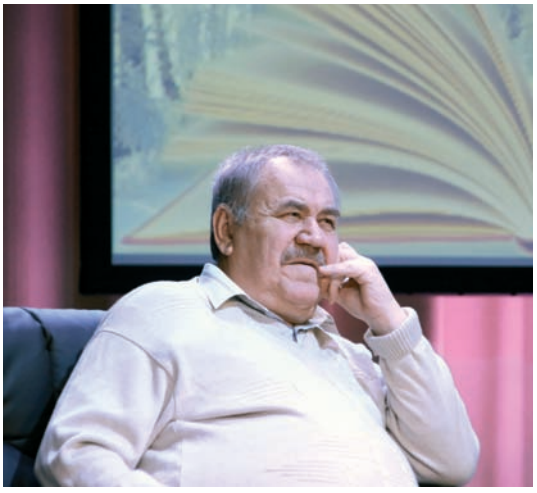
В тридцатом же году из голодной России, Пензенской губернии, приезжает юноша – Михаил Кубышкин. Они две родные писательские души не могли пройти мимо друг друга, встретились, полюбили, поженились. Михаил Павлович хорош во всём: и в стихах, и в прозе. Но если быть объективным или постараться быть максимально профессионально объективным, то проза Кубышкина – это уровень Шолохова. Но почему же, если литературный уровень Шолохова, то заслуженной славы на весь мир нет? Ответ прост: во всём виновата проклятая война.

Михаил Павлович в декабре 1941 года ушёл добровольцем на войну, оставив жену и двоих малых сыновей, через несколько месяцев войны он оказался в окружении, а дальше плен. Освободили наши войска, а потом пять лет работ в неволе. Сразу скажу, Михаил Павлович не любил вспоминать об этих годах, но никогда не говорил о несправедливости, потому что все, кто даже невольно копал окопы фашистам, строил им блиндажи и укрепдоты, служили врагу. Вот этот эпизод из жизни стал, по моему мнению, роковым в литературной судьбе уникального автора, великого писателя, несравненного, одного из классиков советской литературы. К слову скажу, что в ревнивой писательской среде к Михаилу Павловичу относились с удивительным почтением и, не взирая ни на что, его семидесятилетие отметили широко и громко в Малом зале Новосибирского оперного театра. Михаил Павлович – член Со-

юза писателей СССР, выпустил тринадцать книг.

Семён Савельев работал озеленителем на станции Болотная, на войну не ходил из-за преклонного возраста, но написал книжку, маленькую, но которая была в 1951 году издана двухсоттысячным тиражом и, кажется, не было в Советском Союзе детей, которые не прочли бы её. В тридцатых годах вступил в члены Союза писателей Сибири. Редакционная коллегия издательства «Историческое наследие Сибири» совместно с редакцией районной газеты «Наши Новости» и Болотнинским краеведческим музеем собрали литературное наследие Семёна Савельева и в 2021 году выпустили его авторскую книгу «Первый полёт».

Если следовать хронологической логике своего повествования, то надо бы выделить поэтов и писателей-участников войны – это поэт Алексей Петров из Таганая и писатель Евгений Осокин из деревни Крутая. Возможно, когда-нибудь нам удастся сформировать авторскую книгу Алексея Петрова, тем более что архив его произведений сохранился и уже восстановлен, а вот книга прозы для юношества Евгения Осокина, знаменитая повесть «Тайна Зыбуна», готова к печати. К этой же когорте писателей-фронтовиков относится и легендарный и удивительно интеллигентный человек – Михаил Денисович Сурганов – член Союза журналистов СССР, двадцать лет отработавший главным редактором районной газеты «Путь Ильича».



Сергей Мелехов

Зварыгин (лесхоз), В. Романов, О. Бочков, А. Петров (библиотекарь из Чулыма), М. Кубышкин, С. Савельев, Н. Тельпухов, Я. Рудь (воинская часть)

И если Алексей Петров не имел своих книг, Михаил Сурганов только одну, то Евгений Осокин издавался очень большими тиражами и имел около двадцати авторских книг и, конечно, заслуженно был членом Союза писателей СССР.

После войны, где-то в начале пятидесятых, при редакции районной газеты «Путь Ильича» была организовано литобъединение, благодаря которому нам удалось познакомиться с замечательным наследием Николая Тельпухова, Владимира Романова. Николай Иванович Тельпухов – член Союза журналистов СССР, к сожалению, не успел стать членом Союза писателей России, хотя в свет вышло десять авторских книг, но есть такое неписаное правило – в Союз писателей авторов-пенсионеров не принимают. В серии «Писатели-земляки» вышла замечательная книга Николая Тельпухова «Лебедь Чёрная». Судьба Владимира Павловича Романова иная, он стал известным в Сибири поэтом, выпустил более пятидесяти авторских книг, стал членом Союза писателей СССР и лауреатом многих литературных премий.

Особое место в литературной жизни Болотнинского района занимают два поэта, с творчеством которых земляки познакомились на рубеже веков – это Евгений Остриков и Сергей Мелехов. Но если Евгений Васильевич прославился как поэт-песенник, то Сергей

Михайлович – поэт-лирик, удивительно тонкий и ироничный.

Евгений Остриков стал широко известен, когда на его тексты были написаны песни «Ты, Россия, во мне», «Балабала-балалайка», «Земля Российская», «У речки» и др., которые исполняли все известные и знаменитые академические и самодеятельные коллективы. Сергей Мелехов был удивительно любим в Болотнинском районе, обладал непререкаемым поэтическим авторитетом и слыл знатоком литературы. И нет ничего удивительного, что текст очень красивой песни – гимна Болотного написал именно Мелехов. В серии «Писатели-земляки» вышла книга стихов Сергея Михайловича – «Мой берег».

Тамара Хомченко

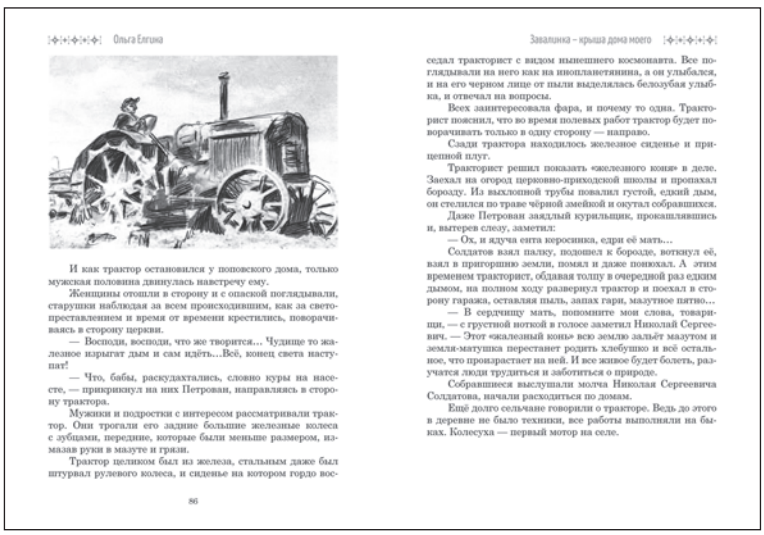
В 2021 году в серии «Писатели-земляки» вышла книга Тамары Хомченко «Я здесь живу». Тамара Николаевна – профессиональный краевед, человек крайне трудолюбивый и неравнодушный, во многом именно благодаря ей существует районный музей в том замечательном и полном виде, каким мы знаем его теперь. Но оттачивала Тамара Николаевна своё художественно-публицистическое перо на просторных листах районной газеты. Краеведческая тема в её рассказах не только достоверна и исторически информативна, её произведения художественны, пропитаны любовью к родному краю, к людям.

Николай Александров – это я, автор этого очерка, член Союза писателей России, член Союза журналистов России и лауреат многих литературных премий. Выпустил семнадцать книг. Главной темой творчества был и остаётся – поиск ответа на сложный нравственный вызов времени. В серии «Писатели-земляки» вышла книга «Я встретил себя».

Особое место в литературной жизни района, укрощении капризного Пегаса и завоевании Литературного Олимпа, занимают три удивительные девушки – Нина Михайлова, Ольга Елгина и Татьяна Лысенко. Они объединены одной строкой, потому что их талант проявился во время работы над Народной Летописью Болотнинского района.

Первой на себя обратила внимание Нина Михайлова, когда в редакцию Летописи из Новобибеева стали приходить художественно полноценные, увлекательные статьи, рассказывающие о событиях и людях района. Удивительно, но её рассказы были совершенны, нам стало очевидно, что пишет земляк-самородок, но каково было наше удивление, когда из Корнилова и Кунчурука пришли статьи Ольги Ивановны Елгиной и Татьяны Евлампьевны Лысенко. Статьи сначала печатались в районной газете, и скоро читатели уже требовали новых рассказов этих авторов. И не удивительно, что рассказы Нины Михайловой потом вышли в журналах «Сибирские огни» и «Енисей», вот почему было принято решение и в серии

Страницы книгаи Ольги Ёлгиной «На завалинке»



Ольга Елгина

И как трактор остановился у поповского дома, только мужская половина двинулась навстречу ему.

Женщины отошли в сторону и с опаской поглядывали, старушки наблюдая за всем происходившим, как за светопреставлением и время от времени крестились, поворачиваясь в сторону церкви.

— Господи, господи, что же творится... Чудище то железное изрыгает дым и сам идёть...Всё, конец света наступат!

— Что, бабы, раскудахтались, словно куры на насесте, — прикрикнул на них Петрован, направляясь в сторону трактора.

Мужики и подростки с интересом рассматривали трактор. Они трогали его задние большие железные колеса с зубцами, передние, которые были меньше размером, измазав руки в мазуте и грязи.

Трактор целиком был из железа, стальным даже был штурвал рулевого колеса, и сиденье на котором гордо вос-

86

Завалинка – крыша дома моего

седал тракторист с видом нынешнего космонавта. Все поглядывали на него как на инопланетянина, а он улыбался, и на его черном лице от пыли выделялась белозубая улыбка, и отвечал на вопросы.

Всех заинтересовала фара, и почему то одна. Тракторист пояснил, что во время полевых работ трактор будет поворачивать только в одну сторону — направо.

Сзади трактора находилось железное сиденье и прицепной плуг.

Тракторист решил показать «железного коня» в деле. Заехал на огород церковно-приходской школы и пропахал борозду. Из выхлопной трубы повалил густой, едкий дым, он стелился по траве чёрной змейкой и окутал собравшихся.

Даже Петрован заядлый курильщик, прокашлявшись и, вытерев слезу, заметил:

— Ох, и ядуча ента керосинка, едри её мать...

Солдатов взял палку, подошел к борозде, воткнул её, взял в пригоршню земли, помял и даже понюхал. А этим временем тракторист, обдавая толпу в очередной раз едким дымом, на полном ходу развернул трактор и поехал в сторону гаража, оставляя пыль, запах гари, мазутное пятно...

— В сердцицу мать, попомните мои слова, товарищи, — с грустной ноткой в голосе заметил Николай Сергеевич. — Этот «железный конь» всю землю зальет мазутом и земля-матушка перестанет родить хлебушко и всё остальное, что произрастает на ней. И все живое будет болеть, разучатся люди трудиться и заботиться о природе.

Собравшиеся выслушали молча Николая Сергеевича Солдатова, начали расходиться по домам.

Ещё долго сельчане говорили о тракторе. Ведь до этого в деревне не было техники, все работы выполняли на быках. Колесуха — первый мотор на селе.

«Писатели-земляки» скоро выйдут книги этих замечательных авторов. Они очень разные: у Нины Ивановны – классический рассказ, образный и степенный; у Ольги Ивановны – задумчивая улыбка и трепетное, более, наверное, тревожное, отношение к своим героям; у Татьяны Евлампьевны – всепрощающая любовь, которая смешалась с комсомольским задором и неуёмной молодостью.

Много тысяч лет назад в двадцати километрах от Болотного в сторону Оби, где теперь живёт деревня Новая Поляна, шмякнулся метеорит весом более тысячи тонн. На месте удара образовался кратер диаметром семь километров, круглую форму которого можно легко найти на геодезической карте района. Возможно, что взрыв напитал нашу болотнинскую землю какой-то внеземной энергией, которая и способствовала появлению целой плеяды удивительно талантливых, самобытных, ярких, необычайно душевных писателей. Эту версию подтверждает ещё один факт: в сорока километрах южнее в селе Ташара, которое раньше было в составе Болотнинского района, работал ещё один писатель – Анатолий Иванов, именно здесь он написал свой великий роман «Вечный зов».

Все перечисленные самоцветы и герои художественного слова не дают полной картины литературного мира Болотнинского района, потому что за пределами моего рассказа осталось четыре десятка самодеятельных поэтов, лучшие произведения которых объединены одним сборником «Наш тёплый дом».

Вот такая литературная аномалия случилась и живёт на территории нашего района. И то ли ещё будет. Сам Создатель пометил нашу землю, значит, будут новые писатели, и они ещё порадуют нас своими творениями – яркими, душевными и умными.

Николай Александров

Книги Болотнинских авторов

Бердск

Урок английского

Ванька Агафонов – обыкновенный русский школьник, и весь он какой-то широкий, сбитый, коренастый, с большой головой и большими глазами, которые за широкими очками в роговой оправе кажутся ещё больше. У него даже портфель и учебники выглядят гораздо шире, чем у других учеников.

Класс, в котором Ванька учится, попал ко мне несколько лет назад. Тогда они были 5 «Г» – интересные, оживлённые, любознательные, порой шумные, по-детски наивные и очень добрые… Нравилось им рассказывать мне разные истории из своей жизни. Одному из них родители купили заморских тараканов и тараканью ферму. Мальчишка почти на каждом уроке торопился поведать свои наблюдения за нехитрой тараканьей жизнью. У другого дома проживали кот и кролик, а это убойная смесь, и мы все знали, что они там вытворяли и как обои в квартире постепенно превращались в лоскутки и тряпочки.

Поведаю одну историю, которая имела место быть у меня на уроке с тогдашним 5 «Г». Ребятишки по цепочке

В школьном дворе

читали и переводили предложения в тексте. Очередь дошла до Ваньки Агафонова: «Peter has got a diary» («diary» в переводе с английского – дневник). Прочитал, молчит. Вижу, лицо у него побледнело, а глаза стали ещё больше. Ванька дрожащим голосом шёпотом произнёс: «У Петера диарея», – и осёкся. Весь класс лежал на партах. Просмеявшись, со слезами на глазах Анютка Александрова, отличница и спортсменка, повернулась с первой парты: «Дурак ты, Ванька! Сам ты диарея! Это дневник!»

Ванька нисколько не обиделся, он смеялся вместе со всеми и возмущался: «Написано-то диарея, какой дневник?!»

Ваня Агафонов второй справа

Читаем и переводим дальше. Очередь снова дошла до Ваньки Агафонова: «Peter takes an aspirin». А наш Ванька – здоровый, крепкий пацан, он крайне редко болеет, ну не знал он в то время, что такое аспирин, да и мало кто в пятом классе знает, что это такое и зачем он нужен.

И вновь побледнев, с изумлением в глазах Ванька произнёс: «Аспирин, аспирин… Мочалка, что ли?»

Весь класс лежал на партах. Просмеявшись, со слезами на глазах отличница и спортсменка Анютка Александрова повернулась с первой парты: «Ванька! Сам ты мочалка! Это аспирин!»

– А я почём знаю, что это?

– Дурак! От температуры таблетка!

– Да я когда болею, мне мама чай с малиной даёт! Откуда мне знать, что это такое! И вообще, что за предложения мне достаются?! Другим – нормальные! А мне? То аспирин, то диарея!

Когда все просмеялись и успокоились, я предложила ребятам поиграть в игру. Пишу на доске английское слово и предлагаю его прочитать так, как будто оно написано нашими буквами, русского алфавита:

«Weather» – погода.

– Какое русское слово здесь видим?

Думали, думали:

– Ветер, что ли? Вот здорово!

– Конечно ветер, ведь ветер определяет погоду.

«Strawberry» – земляника.

– А тут что видим?

– С трав бери, с трав бери… Блин, да с травы бери!

– Правильно, земляника же в траве растёт, с травы бери да собирай ягодку.

«Chamomile» – ромашка. Над этим словом ребята думали дольше. Пришлось подсказать: «кому мила». Девчонки на ромашках столетиями гадали, кто кому мил.

«Window» – окно. Ребята прочитали – виндов. Объясняю: «видовня» – в Древней Руси окно для того, чтобы видеть, что происходит на улице.

И тут Ваньку Агафонова, широкую русскую душу, прорвало: «Так это же наши слова! Воо дают!!! Они что, у нас

и слова украли! Ну вааще обнаглели! И думают они, что это их слова? Это наши слова! Почему они у нас всё крадут? Мы с мамой недавно смотрели передачу, дык они пишут в своих учебниках, что это они Гитлера победили! Обнаглели совсем!..»

С урока ребята уходили задумчивыми и грустными.

А ведь и правда, обратите внимание: есть много слов в английском языке, от которых, если прочитать их так, будто они написаны нашим буквами, на вас повеет чем-то полузабытым древним, старорусским. И по теории вероятности такого количества совпадений быть не может… Такой задушевный и сердечный наш с вами родной русский язык!..

Наталья Семьянова

Сузунский район

Я – папа

Ещё не приобретший статус официального праздника в России «День Отца» стал уже весьма популярным и долгожданным у россиян. А что думает об отцовстве Циганков Виктор Владимирович? Папа трёх дочерей Софии, Дарьи и Альбины и сына Георгия.

«Я – Папа! И разве этого мало? Я – Папа! Четырежды!!! Я – Папа! И это навсегда. Я – Папа! Я люблю своих детей, я забочусь о них и сделаю всё для их счастья!»

«Похоже на пафос», – говорю я.

«Да ни на грамм. Это моё мироощущение! Это моя роль в этом мире, главная роль. Всё, что я собой представляю, чего я добился – лишь благодаря тому, что я – Папа… Когда появляется первый ребёнок, некоторые и не знают, что с этим делать, так как сами ещё не выросли для такого. Не готовы. По крайней мере, они так говорят. Не принимают груз ответственности, упавший на них. Это я ещё молчу про тех, кто вообще «временит» с появлением детей в своих семьях, мотивируя это вышеуказанными причинами. Так и говорят: «Я НЕ ГОТОВ!»

А может, всё проще – не надо рассматривать это как груз. Рассмотрите это как самый главный бонус в вашей жизни. И всё станет просто… И легко. Найдутся и средства, и возможности для воспитания чуда, которое назовёт вас – Папа. А главное – появится Радость, которая будет сопровождать ежесекундно, ежеминутно, ежечасно, ежедневно в течение всей вашей жизни. Всей жизни – вашей жизни, с которой будет связана жизнь изначально маленького человечка, который с вашей помощью должен стать Человеком, и именно так, с большой буквы. И поверьте, это в ваших силах.

В.В. Циганков с детьми Софией, Дарьей, Альбиной и Георгием. 2018 год

У Софии я был первым больным пациентом. Уж очень она мечтала быть медсестрой. Прошёл всё: от пилюль до прививок. Сейчас София работает в Бобровской участковой больнице, и все её знают как Софию Викторовну. Благодаря своим дочкам-школьницам, Дарье и Альбине, я умею пеленать кукол и плести косы. Узнал, что красные резиночки для волос сочетаются с пышными юбками. Когда появился сын Георгий, я научился прибирать на места свои инструменты. Если не приберу их я, то приберёт сын. Научился конструировать самолёты и танки. Может быть, не всё у меня получается хорошо – не беда! Я впитываю в себя своё отцовство, осознаю всей душой, делюсь своими переживаниями и радостями. Без стеснений, без ложной скромности и мужской серьёзности. Это же так здорово – проживать каждый день с ощущением того, что ты – Папа!»

Наталья Вернер

Северный район

Долгая и счастливая жизнь

Старейшей жительнице Северного Анфисе Филипповне Могутовой 20 июля 2018 года исполнилось 100 лет! Это женщина удивительной судьбы, пережившая все невзгоды 20-го века, сохранившая до сегодняшнего дня ясный ум, прекрасную память, бодрость и светлый взгляд на жизнь.

Родилась Анфиса Филипповна 20 июля 1918 года. Росла как все деревенские дети, вот только с самого детства у неё была мечта – стать учительницей. И мечта эта осуществилась: трудовую деятельность она начала в школе деревни Право-Каёвка в 1937 году. В те годы учителем можно было стать и окончив несколько классов школы, но Анфиса Филипповна хотела быть настоящим учителем, который всё знает и ответит на любой детский вопрос. Поэтому она и поступила в Куйбышевское педучилище, окончила его, и в 1940 году была направлена работать учителем в Филипповскую школу, была такая деревенька в нашем районе. Этот и начавшийся 1941 год были самыми счастливыми – осуществились все планы, каждый день она входила в класс, где её с нетерпением ждали дети. А ещё девушка встретила свою любовь, и в июне 1941 года вышла замуж за деревенского паренька Василия Яковлева. А 22 июня грянула война.

Конечно же, мужа сразу призвали на фронт. Анфиса Филипповна вспоминает о том времени: «В день начала войны вся деревня высыпала на улицу, с глубокой болью мы все встретили эту весть. Почти всех мужчин призвали на фронт, а женщины, старики и подростки за двоих, а то и троих работали в колхозе. Ну а я работала в школе, учила деревенских ребятишек. А после уроков с ребятами тоже шли на поля: пропалывали посевы, косили сено, вносили удобрения, помогали взрослым собирать урожай, собирали на полях колоски. Взрослым и детям приходилось очень тяжело, но никто не роптал, не ныл. Работали слаженно. Много горя и бед принесла война. Она не обошла стороной ни одного дома, ни одной семьи. Почти в каждый дом приходили похоронки. Мне повезло, мой муж вернулся с войны. Я очень гордилась им, он был награждён тремя орденами: Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и Великой Отечественной войны, медалями».

Анфиса Филипповна Могутова с дочерьми Тамарой, Зоей, Ниной и Людмилой

После войны Анфиса Филипповна продолжала трудиться до самой пенсии в деревне Весёлая. Работу свою, учеников любила, школа была в деревне вторым домом и для детей, и для учителей. За многолетний добросовестный труд Анфиса Филипповна награждена медалями «Ветеран труда», «За трудовое отличие», юбилейными в честь Победы в Великой Отечественной войне, памятной медалью «За вклад в развитие Северного района Новосибирской области», имеет удостоверение «Труженика тыла».

Личная жизнь в начале также складывалась хорошо. В первые послевоенные годы жили с мужем душа в душу, в семье родились четыре дочери. Но беда не обошла её стороной – муж Василий Васильевич трагически погиб в 1957 году. И все заботы о детях легли на плечи Анфисы Филипповны. Она достойно их воспитала, всем дала образование. Трое из них пошли по стопам мамы и стали учителями.

Анфиса Филипповна давно переехала из Весёлой в Северное, живёт со старшей дочерью Зоей Васильевной Гламаздиной. У неё отличная память, чувствует она себя хорошо. У Анфисы Филипповны четыре дочери, восемь внуков, шестнадцать правнуков, один

праправнук. Две внучки продолжают учительскую династию.

В день столетнего юбилея Анфисы Филипповны за праздничным столом собрались пять поколений одной семьи, чтобы поздравить, низко поклониться любимой маме, бабушке и прабабушке, родоначальнице такой большой и дружной семьи, и пожелать ей здоровья. А всё остальное – любовь, уважение, забота близких у неё есть.

Учительница первая моя. Вспоминает Владимир Иванович Виноградов о своей первой учительнице: «Анфиса Филипповна Могутова – моя первая учительница. Она была учителем и моего отца. Только он учился в то время, когда она только начинала работать в школе. А меня Анфиса Филипповна учила в первом классе, когда работала последний год перед заслуженным отдыхом. Спокойная и рассудительная, она всегда понимала и принимала своих учеников такими, какими они были. Может быть, благодаря именно ей, я стал учителем начальных классов».

Летом 2014 года состоялась встреча учеников Весёловской школы с конца 1940-х до 1970-х годов, приехали 74 человека из разных уголков нашей страны. Встреча прошла очень тепло и трогательно. И главной на ней была наша первая учительница – Анфиса Филипповна. Много было воспоминаний о школьных днях, мы посетили свою старенькую школу, где прошли первые годы обучения. Анфиса Филипповна поразила нас тем, что всех вспомнила, о каждом сказала что-то хорошее.

Раиса Акилина

Тогучинский район

Есть такая обязанность

Ещёдо революции в России существовал памятный день, который был посвящён всем воинам. Он соотносился с Днём святого Георгия Победоносца, который считался покровителем русского войска.

В современности День защитника Отечества отмечается 23 февраля не только в России, но и в Белоруссии, Киргизии и Таджикистане.

С 1922 года в СССР эта дата ежегодно традиционно отмечалась как День Красной Армии, с 1946 года – День Советской Армии, с 1949 по 1992 годы – День Советской Армии и Военно-Морского флота. 23 февраля являлся рабочим днём для всех советских граждан, за исключением военнослужащих. После распада Советского Союза праздник отмечается в России как День защитника Отечества и является Днём воинской славы России: 23 февраля 1918 года отряды Красной гвардии одержали свои первые победы под Псковом и Нарвой над регулярными войсками кайзеровской Германии. С 2002 года 23 февраля становится официальным выходным днём.

В последнее время достаточно популярным стало мнение о том, что служба по призыву в рядах Вооружённых Сил это не долг согласно Конституции, а тяжкая и принудительная обязанность. Конечно, армия есть армия, и где бы ни проходила служба, лёгкой она не будет. Но ведь настоящие мужчины идут в ряды Вооруженных Сил не за лёгкой жизнью. А за тем, чтобы научиться с оружием в руках защищать себя, свою семью, свою страну. Это и есть настоящий мужской долг, долг перед Родиной, перед матерью, перед самим собой, в конце концов!

Мужчины в нашей семье всегда проходили службу в рядах Вооружённых сил. Дедушка, Тропин Алексей Александрович, родился 30 марта 1910 года в селе Тропино Колыванского района. Ветеран Великой Отечественной войны, в мирное время работал ветеринаром в посёлке Ковалёвский Тогучинского района. Был мобилизован в первые дни Великой Отечественной. Принимал участие в битве на Курской дуге, где получил ранение в лёгкое и контузию. Вернулся домой только весной 1946 года, до этого находился в госпитале в Томской области. Не стало дедушки 17 марта 1982 года, когда мне ещё не исполнилось и семи лет. Поэтому ничего

Тропин Алексей Александрович, дед

о той войне с его слов я не знаю. Зато в моей памяти чётко отпечаталась следующая картина: потрескивают берёзовые дрова в печке, распространяя по дому теплоту и умиротворение, у печки на табуретке сидит дедушка, у него на колене расположилась я. Дедуля напевает: «Солдатушки, бравы ребятушки, а кто же ваши деды?», притопывая ногой в такт и придерживая меня худенькой, но сильной рукой. Иногда он приоткрывал дверцу у печки и закуривал так называемую самокрутку. Мама потом рассказала мне, что есть другое название – «козья ножка». Наверное, именно от этого мне запомнились ещё и пожелтевшие верхние фаланги на среднем и указательном пальцах правой руки…

Тропин Виктор Алексеевич, дядя, 1976 г.

Минаков Анатолий (справа) и Тищенко Виктор Степанович (отчим), Монголия, 1974 г.

Отец, Тищенко Виктор Степанович, родившийся 8 июня 1953 года, проходил службу в инженерно-строительных войсках в дружественной нам Монгольской Народной Республике. Папы нет с нами уже 14 с половиной лет, а я как сейчас помню его рассказы о бескрайних степях Монголии, замысловатых для паренька из сибирской глубинки юртах, низкорослых, но выносливых монгольских лошадях. Больше всего его поразило добродушие монголов, их свободное владение русским языком и то, что они в больших количествах поедают конину – ведь в Сибири лошадь это не «обед», лошадь это приоритетное домашнее животное, любимое всей семьёй. А когда спустя год, это надо же случиться такому совпадению, в его часть на службу прибыл односельчанин и сосед Толя Минаков, отец почувствовал себя чуть ли не коренным жителем монгольских степей – он мог всё рассказать и показать другу!

Дядя, Тропин Виктор Алексеевич, родился 9 августа 1957 года, всё в том же посёлке Ковалёвский, который был расформирован в 1979 году. Проходил службу в пограничных войсках на острове Сахалин. В 1979 году прибыл домой имея значки «За службу в пограничных войсках» и «Отличник боевой и политической подготовки». Невысокий, коренастый, строгий, но с чувством юмора – именно таким мне запомнился мой дядя Витя. Выражение «три минуты сроку!» действовало на моего младшего братишку просто безотказно – он тут же безоговорочно исправлял все свои оплошности. А ещё дядя прекрасно плавал, мог объездить любую лошадь и не любил рыбу. «На Сахалине наелся, мяса хочу!» – так он отвечал на все вопросы по этому поводу.

Брат, Тропин Алексей Александрович, да-да, полный тёзка нашего дедушки, родился уже во Владимировке 17 мая 1984 года. Этот озорной мальчишка всё своё детство не отходил от папы. В семь лет он уже лихо разъезжал на лошади, к двенадцати годам колол дрова, а в шестнадцать уже самостоятельно работал. Службу начинал в учебном центре, расположенном

в Чите. А завершил её в воинской части 21005 74-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады ордена Суворова второй степени в городе Юрга Кемеровской области. В начале 2000-х служба в Армии была нелёгкой, да и всей стране нелегко жилось в этот период. Все мы очень переживали за Алексея, но он с честью выдержал и это испытание и вернулся домой с хорошими характеристиками.

Ещё один братишка, Маршалкин Денис Александрович, родился 21 января 1993 года. С момента получения приписного удостоверения готовил себя к службе в Армии: бегал по вечерам, закалялся, не пропускал ни одного спортивного соревнования в школе, был участником многих районных состязаний, подтягивался на турнике, который сам себе и смастерил. И прослужил этот турник достаточно долго, только пару лет назад Денис поставил новый для своих подрастающих сыновей. Старшенький, которому также дали имя нашего прадеда, легко освоил турник этой весной, будучи пятилетним. И род войск братишка выбрал себе заранее – только воздушно-десантные! Таким образом, летом 2011 года оказался в учебном центре ВДВ № 242 в городе Омске. Основной срок службы проходил в 331-м полку 98-й дивизии воздушно-десантных войск в Костроме. Являлся участником Парада Победы в 2012 году на Красной площади в Москве. Подготовку к Параду проходил в городе Балашиха.

И моя особая гордость – сын, Кимис Артём, был призван в ряды Вооружённых Сил Российской Федерации 22 ноября 2019 года. Сначала послужной путь привёл его в Североморск Мурманской области, где через пару дней после прибытия оказался в госпитале с ветрянкой. После выздоровления был отправлен в воинскую часть № 56229–3 города Северодвинска Архангельской области, где матрос Кимис Артём Викторович и принял воинскую присягу 16 февраля 2020 года. Завершающий этап службы проходил в специальной стрелковой роте (снайперов) 336-й Белостокской отдельной орденов Суворова и Александра Невского бригады морской пехоты Балтийского флота. Никогда бы и не подумала, что мой сын, воспитанный без мужского участия, будет служить в таком достаточно почётном роде войск. В его послужном списке значки «Снайпер 1 класса», «Воин-спортсмен», «Специалист 3 класса».

Тропин Алексей Александрович, брат

Маршалкин Денис Александрович, брат

Мир меняется, появляются новые угрозы и вызовы, но я могу позволить себе спать спокойно. Имея трёх таких защитников, я могу уверенно ходить по земле! В любой беде, при любой проблеме мои мужчины станут моей защитой и опорой. А ещё три защитника наблюдают за мной с небес, подсказывают и оберегают. Спасибо вам, мои дорогие защитники! Безмерно люблю вас!

Кимис Артем Викторович, сын

Это только история моей семьи. Но я знаю, что рядом с нами в Тогучинском районе много было, есть и будет мужчин, которыми гордятся не только родные и близкие, но и все земляки.

Марина Кимис

Сузунский район

Я не помню своего отца

Будучи совсем маленьким, я увидел у мамы небольшую коробочку, в которую она часто заглядывает и тяжело вздыхает. Стал просить её показать, что в ней, но мама ответила: «Подожди, малыш, подрастёшь, и я всё тебе покажу и расскажу». И вот недавно я вновь обратил внимание на эту коробочку. Теперь мама уже открыла мне тайну. Оказывается, в ней хранились военный билет, армейские фотографии и армейская записная книжка моего папы Пухальского Валерия Ивановича, который в 1992–1993 годах принимал участие в вооружённом конфликте в Таджикистане.

Пухальский В.И. Полигон «Ляур» Таджикская ССР. 1992 год

Я не знаю, что такое вооружённый конфликт. Мне мама говорила, что это очень страшно. Может, в свои года я не в полном смысле понимаю значение слова «страшно». Но иногда я его ощущаю. Ощущаю это, когда мама смотрит на эту коробочку и замирает. Когда мой папа умер, мне было всего полтора года. Я не помню своего отца…

Мой отец Пухальский Валерий Иванович родился 14 января 1973 года на станции Яйсан Актюбинской области. В 1985 году его родители, мои будущие дедушка с бабушкой, Иван Иванович и Валентина Михайловна переезжают жить в город Черепаново Новосибирской области. 19 июня 1991 года папу призвали в армию. Служил он в разных военных частях, но 30 сентября 1992 года его отправили в в/ч 92752, в Республику Таджикистан, в 201-ю мотострелковую дважды Краснознамённую дивизию. В то время в Таджикистане был вооружённый конфликт, но от учителя истории я знаю, что там была самая настоящая война. Бывали случаи, когда наркоторговцы нападали ночью, снимали часовых, будили спящих и тут же перерезали горло или – удар в сердце.

Однажды во время сильного боя мой папа получил серьёзное ранение, после которого впал в кому. Месяц он находился между жизнью и смертью. 26 мая 1993 года папа с контузией и ранениями вернулся домой в Черепаново. В этом же городе училась моя мама. Они познакомились, поженились. Родилась моя старшая сестра Эльвира, потом я. Когда мне было полтора года, та контузия снова вернулась. Папа опять впал в кому и выйти из неё уже не смог. Получается, мой папа, прошедший гражданскую войну в чужой стране, во имя России выстоявший на огненной таджикско-афганской границе, после ранения прожил ещё 13 лет, чтобы подарить жизнь нам с сестрой.

Честь и слава защитникам из 201-й мотострелковой дивизии, находившимся в г. Душанбе!!! Именно они в 1992 году спасали мирное население от произвола, убийств, грабежа. Не всегда герои получают ордена и медали, но от этого их героизм меньше не становится.

Я не помню своего отца, мне просто мама говорила…

Григорий Пухальский

Новосибирск

Кабачок

Его раньше видели, но не замечали. Этот худой, неряшливо одетый и невпопад смеющийся человек сразу получил статус городского сумасшедшего, а вездесущие дворовые дети скоро прозвали его Мишка-кабачок. Не в уме, но безобидный. Он вечно был слегка нетрезв, но не качался, не орал маты, а

пребывал во хмелю даже как-то интеллигентно, по-философски мудро, будто юродивый: скажет, а ты думай. Наподобие вот этой сентенции:

– Путь-то у нас долгий, а дороги нет…

В июле он вдруг появился с зелёным, слегка изогнутым кабачком. Он тыкал им в прохожих, будто шпагою:

– Вам не нужен кабачок? – и плелся сзади, иногда забегал вперёд, получал неожиданную плату, а кабачок оставался у него в руках.

– Счастлив, кто отдал, – обещал он расконвоированному прохожему и шёл в магазин.

Дни текли знойной чередой, новые потенциальные покупатели шарахались от него, удивлялись неприхотливости предложения и спешили дальше.

Он затаскивал кабачок до непотребного вида, до глубоких царапин и выбоин и тогда коммерческое предложение его звучало менее настойчиво:

– Купите кабачок! Дёшево.

И как убедительный аргумент произносил вслед прохожему:

– Старое надёжнее нового!

Он подходил ко всем без разбору, даже к детям в песочнице, и тогда в торг вступали мамаши и няни, отчего однажды кабачок настиг спину убегающего продавца.

– Злобу рождает жадность! – напутствовал он агрессоров с безопасного расстояния, вытирая поверженный овощ рукавом, потом походил по двору, оглядываясь на злобных мамаш, сосредоточенно и со вкусом покурил и с надеждою сунул окурок в мягкую мусорную утробу контейнера.

Пожарные ворвались во двор под вой сирены, сломали дворовой шлагбаум и разбудили столетнюю парализованную старуху, которая от любопытства смогла-таки своим ходом добраться до подоконника. Но после того как стальная струя воды, перевернув контейнеры, разметала мусор по всему двору, по балконам и карнизам, жители пожалели, что не справились с вонючим дымом своими силами. Ошалевшие от исполнительного рвения пожарные наконец-то перестали терзать помойку, так же стремительно покинули двор, оставив после себя гнетущую тишину

и чёрное облако выхлопных газов. Однако все понимали, что заявлять на Мишку было бессмысленно, что взять с больного человека! И кабачки начали покупать!

Миша получал с нетерпеливого покупателя деньги и мчался в магазин. Но Миша хоть и слыл не в себе, но дураком не был. Из магазина он возвращался сосредоточенным и со знанием дела устремлялся к мусорным бачкам, находил свой уже не раз проданный кабачок и изрыгал:

– Не хлебом единым жив человек, – отпивал из маленькой бутылочки, которую звали «мерзавчиком», хмельной жидкости и шёл домой. Миша-кабачок был неназойлив, его устраивала одна коммерческая сделка в день.

Но утром торг возобновлялся:

– Вам не нужен кабачок? Почти новый…

И как резолюция к грубому отказу, он высокоумно изрекал:

– Мещанство рушит империи!

Так текла умеренная жизнь городского двора, больше похожего на каменный колодец, в котором эхом отдавался каждый звук горя или радости, беспощадной ссоры или воркования голубей.

В тот день Миша-кабачок появился к обеду. Он выволок в надсадном усилии, вдавив в свой впалый живот, большую жёлтую тыкву. Покатил огромный овощ по асфальту от подъезда, остановился посередь двора и тут же пристал к мимо проходившей женщине, потом к другой:

– Вам не нужен кабачок? Очень нужны деньги…

Люди привычно сторонились, а соседи с любопытством наблюдали из окон новый факт, который очевидно свидетельствовал, что кабачки у Мишки закончились. Дети обступили его, хихикали над Мишкой-дурачком, но только одна девочка заметила, что сегодня Мишка почему-то трезв. Миша вдруг поднял умоляющий взгляд к небу и сказал, не крикнул, а сказал, но так, что его слова проникли через толщу стен:

– Купите кабачок! У меня мама умерла!

Кажется, даже птицы перестали гомониться и ссориться в ветвях липких тополей, наступила, как грозовая туча, страшная тишина. Сердобольные жильцы жидким и прерывающимся ручейком потекли к Мишке, складывали деньги в его прозрачную ладонь, выставленную ковшиком игрушечного экскаватора, а он стоял и улыбался, невпопад и не к месту оправдываясь:

– Мама отошла, болела, – и, как в благодарность, чуть кланялся. – Жизнь – это счастье, но не вечное. А добро вам Бог вернёт за меня и меня простит.

Тыкву уже утром свёз куда-то рачительный дворник, и Мишка-кабачок исчез, будто вместе с матерью увезли его на погост, но более Мишку никто и никогда не видел.

Потекла жизнь дальше, тихая и суровая, но с того дня всем чего-то будто стало не хватать.

Максим Сафонов

Новосибирск

Письмо Гитлеру

1.

Мой отец вернулся с войны и после учёбы был распределён на станцию Болотная следователем в транспортную милицию. Мама трудилась здесь же дежурной по вокзалу. И однажды, а было мне лет около одиннадцати, я услышал папин пересказ истории своего сослуживца, который во время войны работал в НКВД. Папа рассказывал маме, а я слушал их взрослый разговор, сидя на тёплых полатях в душно натопленной кухне, так топят в сильные сибирские морозы, чтобы утром подольше поспать и не вставать посередь ночи подтопить громоздкую печь. Теперь я их понимаю, они были ещё совсем молодые.

Отец рассказывал про девушку Машу, старшеклассницу, которую вызвали в НКВД – Наркомат внутренних дел – был такой центральный государственный орган для организации внутреннего административного управления и охраны общественного порядка. И причиной вызова девочки стало её письмо Гитлеру.

В начале октября 1941 года в Болотном организовали эвакогоспиталь, и скоро пришёл первый состав с ранеными, в основном с переломами костей. Госпиталь организовали в 21-й школе. В ясный и по-летнему тёплый октябрьский день пришёл первый эшелон, начали разгружать раненых бойцов: кого везли на телегах, кого несли на носилках, кто сам прыгал на костылях. Жители ближайших домов помогали добраться раненым до школы. Маша насмотрелась на изуродованных людей и в тот же вечер написала письмо Гитлеру. На конверте указала адрес: «Германия. Берлин. Адольфу Гитлеру». И опустила в почтовый ящик.

Сотрудника НКВД заинтересовал не сам факт письма Гитлеру, в те годы к Гитлеру были обращены все взоры ненависти, все слова проклятий всех людей на Земле. В письме не было ругани и оскорблений, а было праведное негодование, мольба и даже попытка усовестить, мол, что же вы делаете, господин Гитлер, зачем убиваете людей, зачем так много Божьего и народного гнева не боитесь? Как вам не стыдно?!

Девочка оказалась такой искренней и наивной, столь чистой душой, будто не от мира сего, создавалось впечатление, что она никогда не встречалась не только с горем, но и простой бытовой ложью.

– Блаженная, что ли? – спросила мама.

– Нет, – задумался отец, а потом неожиданно сказал:

– Это подвиг, понимаешь, отчаянный подвиг честного человека. Таких, как она, мало, они погибают первыми…

Мама ничего не ответила папе, потому что он прошёл войну и знал многое, мирным людям неведомое.

2.

Я, может быть, и не вспомнил бы этот растворившийся во времени не самый яркий случай, если бы не рассказ другой Маши – Марии Алексеевны Зотовой (Обыденновой), которая была в дивизии генерала Панфилова медицинской сестрой в составе 242-го отдельного медико-санитарного батальона. Она и сейчас жива! 100 лет! Она рассказала, как наши солдаты защищали Москву – перекрыли Волоколамское шоссе. Это случилось в октябре – ноябре 1941 года, почти в те же дни, в которые прибыл эшелон с ранеными в Болотное. В те дни фашисты стояли уже под Москвой.

«Фашистские танки, как огромные чёрные муравьи, – рассказывала Мария Алексеевна, – ползли на нас, а наши мальчики поднимались им навстречу со связкой гранат и подрывали себя и танк; они кидались под танк, хотя могли бы бросить гранаты из-за бугорка или воронки и остаться живыми, но они боялись промахнуться и совершали свой отчаянный подвиг».

И опять эти два слова – отчаяние и подвиг сказаны вместе! Но мы привыкли, что подвиги совершают мужественные люди осознанно и смело, а тут – отчаяние. Это значит – от безысходности, как у последней черты, но которую определял сам солдат, не война и не обстоятельства, а сам солдат. «Пусть будет так, как будет, а я сделаю, что должен!» – вот, что двигало наших солдат под танки. Они не рассуждали, а отчаянно бились и погибали. Вот как об этом написала Мария Алексеевна:

«Мы с Ваней Вдовиным ездили за ранеными на передовую на автомашине, а тут – самолёты. Все попрыгали кто куда, я с размаху в воронку. Земля же была замёрзшая, жёсткая, вот и получила, как уже после войны обнаружила, перелом шейных позвонков. Всю войну думала, почему шея болит, и только в 1975-м, работая рентгенологом, сделала себе снимок и обнаружила…

Немцы тогда остановились, они были ошарашены массовым героизмом наших. Они впервые видели, как люди бросаются под танки. Они говорили, что против них воюют какие-то дикари со странными глазами, у нас же много казахов-киргизов было, которые смерти не боятся».

Дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова формировалась летом 1941 года в Алма-Ате, но в дивизии было несколько сотен сибиряков, в том числе уроженцев Новосибирской области.

Зотова Мария Алексеевна, 242 омсб, лейтенант

3.

В 2014 году в газете «Комсомольская правда» вышла статья, имя автора не назову – велика честь, в которой он поделился сомнениями в истинности подвига панфиловцев 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково. Не будем отвлекаться на всякие глупости и спорить с диверсантом, что-то сопоставлять, доказывать – это ни к чему, не буду «бисер метать». Подвиг панфиловцев никто отрицать не может – дорога на Москву на Волоколамском шоссе была закрыта намертво, жизнями миллионов красноармейцев, погибших за первые пять месяцев войны, и десятками миллионов женщин и детей, открывших второй фронт в глубоком тылу, обеспечивая армию продуктами питания, одеждой, снарядами, танками и самолётами. Прочитала эту статью Мария Алексеевна и не выдержала этой вопиющей неправды и начала писать всем и криком кричать, защищая погибших бойцов, и пошли её письма Президенту, в Министерства и даже в ООН.

Для меня же в этой истории остаётся один только вопрос: для чего и кому в угоду газета «Комсомольская правда» спровоцировала эти сомнения? Заговорщики хорошо знают, что стоит поднять даже абсурдный и нелепый вопрос, и часть населения, самого малоинформированного и неустойчивого, а это – дети, начнет думать: дыма без огня не бывает! Что-то там не то и не так. Дальше разбираться им некогда, но семя сомнения уже проросло. Значит, – делают они скорый вывод, – и

на войне подвиги дутые. И столь скорые выводы юнцов подтверждает очевидный и сегодняшний день: в стране практически все успехи «дутые» – и в экономике, и в культуре, и в космосе, и в заботе о стариках. Главная цель статьи – поставить под сомнение массовый подвиг советского народа. И для этой диверсии была использована одна из самых крупных информационных площадок современной России – газета с самым советским названием «Комсомольская правда». Как дьявольски изобретательны и коварны наши враги!

А кто сказал, что те же наполеоновские генералы или немецкие и прочие всяких мастей, уверовавшие в свою «избранность», кто сказал, что они дураки? Кто сказал, что современные провокаторы и неонацисты глупцы? Главное – посеять сомнение и вполне законным путём, то есть посредством «демократической» дискуссии, достичь главного – посеять в сердцах молодёжи неуважение к Родине.

4.

Нынче ложь потоком льётся на нашу историю из всех средств массовой информации. Что только не оболгали?! Лгут и льют грязь на наш народ за то, что поддержал Октябрьскую революцию, а когда белые при поддержке стран Антанты начали гражданскую войну, встал на сторону большевиков, и за то, что провёл коллективизацию и индустриализацию не только сельского хозяйства, но и промышленности, подготовился к войне – это всё совершили одни и те же люди – наши предки, родные, в них текла наша горячая кровь, в нас течёт их горячая кровь! Они же победили в этой войне, а потом всего за семь лет после войны восстановили экономику страны! А вот про космос и прочие научные и производственные успехи стараются забыть. И эта молчаливая ложь наших СМИ нас почему-то не смущает, не приводит в негодование, не вызывает протест?!

Да что там ложь о нашей истории, загляните в интернет и вы увидите, какой массив материалов размещён на многих сайтах о подвигах и смелости немецких фашистов на нашей земле. Как они смело воевали и совершали подвиги – риторика самая возвышенная. Вот и дожились, когда всемирная паутина запела восторженные песни палачам – как они искусно терзали свою жертву, как профессионально расстреливали и жгли, какими умелыми мучителями, налётчиками и карателями были. И красивыми, и сильными – просто супер-герои! И памятники погибшим советским воинам наши заклятые «партнёры», которых освободила Красная Армия, сносят «из-за ветхости».

Уверен, что любой человек, мягко говоря, «удивился бы», если б в современной символике России стали использовать священный для всего человечества на протяжении многих тысячелетий Коловрат. Конечно, – скажете вы, – потому что к этому древнему символу, в том числе – и славян, прикоснулась рука фашистов, превратив его в сознании людей в ненавистную фашистскую «свастику».

Так отчего же торговый флотский триколор, несмотря на то, что его использовали фашисты РОА (Российской освободительной армии) генерала-предателя Власова, стал вдруг государственным флагом Российской Федерации? А на параде Победы его теперь несут впереди Знамени Победы.

Как мне, психически здоровому, здравомыслящему и законопослушному человеку, относиться к государственному флагу России? По закону я обязан уважать государственные символы, а по совести? Как мне теперь надо умудриться отделить в своём сознании два символа – государственный флаг и фашизм? Почему нравственное беззаконие стало государственным законом? Лично я ответить на этот вопрос не могу. Но ведь эта идея кому-то пришла в голову, и этот кто-то пролоббировал «власовский» триколор в Государственной Думе? Кто эти умельцы?

Мой отец отказался ходить на празднование Дня Победы, потому что «негоже, – сказал он, – красноармейцу под чужим флагом быть». А перед смертью, насмотревшись государственных каналов по телевизору, плакал: «Верните мне мою Родину», «Зачем мне моя жизнь, если Родины нет». И мне ответить ему было нечего.

Всё, к чему прикоснулся Иуда, – проклято, и не только тридцать сребреников, но и его поцелуй Христа. Слёзы Иуды прокляты и его самоубийство проклято. Но не у нас.

5.

Наши милые девочки – Маша из Болотного и Маша – медицинская сестра – своими горячими письмами явили пример подвига!

Нам дан короткий срок для того, чтобы каждый успел совершить нечто важное, что сделает его больше чем человеком! Бог дал людям жизнь, а человек способен отдать свою жизнь другим – эта жертва обожествляет человека, вот почему каждому из нас надо непременно прозреть, открыть глаза, увидеть совершающиеся сегодня беззакония, чтобы успеть стать героем. Другой достойной причины жить не существует.

Победа, Великая победа – она одна осталась и стоит сегодня как скала на пути наших врагов, вросшая до самой глубины земли. Но и её начали постепенно и с дьявольской последовательностью подмывать волнами лжи. И власть являет поразительный пример толерантности и молчит будто онемела, будто язык отсох!

А мы не позволим! Не позволим гадить на могилы своих родителей, а кто посмеет, тому – по мордам! От отчаяния? Да! Мы, как панфиловцы, не будем прятаться за бугорок псевдонима, если бить, так – наотмашь и от души, и чтоб уж наверняка. А от отчаяния или нет – это уже другой вопрос. Мы сделаем то, что должны, а там будет – как будет.

Не верит медицинская сестра Маша Зотова официальным ответам из администрации Президента, различных министерств и ведомств, не верит и близким своим, которые убеждают её, что память жива и что все чтут подвиг панфиловцев. Не верит, потому что видит, как с экранов, из газет, из интернета ползут и ползут, будто чёрные муравьи, волны лжи о нашей истории, как поражают гусеницы фальсификаций сознание наших детей.

Кануло в Лету время, когда мы гордились космическими достижениями, лучшим в мире образованием, передовой

Зотова
Мария Алексеевна

наукой, высокой культурой, целеустремленностью к нравственной чистоте и социальной справедливости. Наступили иные времена – времена уныния и разочарования, повсеместного разорения, нравственной смуты и власти денег, но именно в такое время Мария Алексеевна пытается не только защитить мёртвых, но и своими трудами помочь молодым людям обрести нравственные ориентиры и сохранить желание построить великую и счастливую страну.

И не знает она иного способа борьбы и протеста – продолжает писать Президенту, в Министерства и в ООН. Она из последних сил, отчаянно и гордо борется за правду прошлого, за тех, кто остался там, на полях сражений и отдал жизнь за счастье будущего века. У неё мало времени и только вот эта связка писем и отвага, и не прячется она за бугорок столетнего возраста, льготной пенсии, нарочитого почёта и юбилейных поздравлений. Ей, как и отчаянным бойцам-панфиловцам, нужно, чтобы враг горел в аду и гнил в земле.

Мы думали, что фашизм побеждён навсегда. Но, как выяснилось, мирного времени не бывает, перемирия между добром и злом не бывает, они всегда бьются насмерть. Бог подарил Марии Алексеевне долгую жизнь, и мы можем с уверенностью сказать, что она оправдала Божье доверие и прожила жизнь с честью и достоинством. Теперь вопрос только к нам: сможем ли мы повторить её подвиг?

6.

Как трудно оказалось Марии Алексеевне Зотовой жить сто лет в сознании и при полной памяти и видеть и слы-

шать всю эту ложь о своей Родине, когда уже почти не слышно русских песен и не видно фильмов о русской культуре и традициях. Почти не показывают нынче наши детские и юношеские фильмы о настоящей дружбе, беззаветном подвиге, смелости, достоинстве свободного человека. Ещё недавно лучший в мире, советский кинематограф вдруг исчез. Целый культурный слой великого столетия оказался в архиве, на тёмных полках. И это исчезновение из разряда всё той же лжи, предательства, подлости.

Современные дети не знают песню «Солнечный круг» – детский гимн за мир во всём мире! Но они изучают «творчество» предателей и фальсификаторов и одним из них, и наиболее ярким, является, по мнению ведущих историков России, господин Солженицын. Вот он, один из тысячи примеров, как чёрные муравьи лжи захватили стратегические площадки центральных средств массовой информации, школьные программы, издательские планы, кинематограф.

Мария Алексеевна не понимает, как можно праздновать День Победы на Красной площади, предварительно и тщательно задрапировав могилы маршалов победы, которые покоятся под стеною Кремля? Как можно забыть имя генералиссимуса Сталина, приведшего советский народ к победе в Великой Отечественной войне?

И ещё один пример: наши дети, да и мы, не ахти как знаем историю своего Отечества, не всякий сможет перечислить города-герои, но если вы полюбопытствуете, то обнаружите, что в том списке уже нет Ленинграда и Сталинграда, их называют Санкт-Петербургом и Волгоградом! Но не присваивали звания города-героя ни Питеру, ни Волгограду, думаете, эту нелепость поправили тем, что в скобочках указали старые названия городов? Нет! Будто и не было этих городов – вот пример фальсификации, такой как бы безобидной, не прихотливой, слегка только стыдливой, но очень подлой фальсификации. Вот так вымарываются из нашей памяти даже имена городов-героев и возможно, что уже скоро в каком-нибудь учебнике истории появится не Сталинградская битва, а Волгоградская. И не надо удивляться тому, что этого никто не заметит, мы же не замечаем, мы же молчим, мы уже сдались лжецам и предателям, мы уже стали их соратниками в своём молчаливом согласии. Когда-то наши предки учились писать: «Мы – не рабы. Рабы – не мы». Видимо, этот ликбез (ликвидацию безграмотности) предстоит повторить.

Вы теперь понимаете, почему старая женщина-герой не верит ни властям, ни близким людям. Теперь вы понимаете, что она права в своём недоверии, мы позволили глумиться над нашей славной историей и гадить на могилы наших предков. Это мы отдали своих детей на нравственное растление врагам нашего Отечества. Это мы не совершили своего отчаянного подвига. Это мы спрятались за уютный бугорок сладкого мещанства. Такого уютного и неприхотливого нравственного мещанства!

7.

Мы разучились видеть большое и великое, мы ради мелкого и ничтожного готовы жертвовать главным и истинным только по одной причине – личного, пусть малого, но благополучия и уюта, в котором, как червь, завелась прихоть не замечать лжи, предательства и соблазна, думая, что беда обойдёт нас стороной, будто не видеть её – уже и есть защита. Будто по мановению волшебной палочки, дети наши сами выра-

стут героями и честными людьми, просто им не надо в этом мешать.

Нет, мы не наивны, не глупы, мы – трусы и предатели. Мы Родину предали, предков, их подвиги, их смерти ради нас. Мы предали детей своих! Мы будем жить в страхе всегда, пока не вспомним о своём предназначении на земле – совершить свой отчаянный подвиг.

Думаю, уже родилась девочка, и назвали её Машей, и скоро она напишет письмо и обратится в том письме не к Гитлеру, не к Президенту, а ко всем нам – к тем, в жилах которых течёт горячая кровь победителей, и задаст только один вопрос: «Где моя Родина?»

Николай Алексеев

Венгеровский район

Круги судьбы

«В одну реку нельзя войти дважды». Верно. Но судьба ведёт человека по одной, только ей ведомой спирали: круг за кругом, виток за витком…

Круг первый – показательный

Начало 90-х годов. Районная сессия Совета депутатов. На трибуне молодой депутат и директор совхоза «Рямовский» Валентин Михайлов. Под его началом – крепкое, большое хозяйство, под крылом которого четыре деревни: 1-Петропавловка (центральная), Красноярка, Блинково и Григорьевка.

Но и в это успешное сельхозпредприятие беспощадные по своей разрушительности 90-е годы вцепились железной хваткой, вырывая с мясом лакомые куски.

– Нельзя, ни в коем случае нельзя закрывать детский садик в 1-Петропавловке, – нажимая на каждое слово, на каждый слог, словно произнося клятву, вещал с депутатской трибуны директор. Невысокого роста, по-деревенскому широкий в плечах, кряжистый, несмотря на плотное телосложение, быстрый, скорее даже резкий в движениях, с металлом в голосе он защищал своё село от разрухи.

– На сегодняшний день это самое перспективное село района, – убеждал депутат коллег.

А в зале – тягостное, удушающее молчание… и лица. Лица знакомые и чужие, равнодушные и сочувствующие, понимающие и удивлённые, но все обречённо безмолвные.

– А вы его открывали, чтобы за-

Валентин Николаевич Михайлов, директор ЗАО «Рямовское»

крывать?! – не выдержав, срываясь на крик, и уже понимая всю тщетность своих доводов, бросает Михайлов.

В ответ – снова молчание. Все знают: решение уже принято, денег на содержание садика в бюджете нет. Закрыть.

И никому не объяснить, сколько труда, средств, души он вложил в этот садик, а в одиночку сельхозпредприятию его не потянуть.

В глазах у Михайлова потемнело, лица в зале стали расплываться, коверкаясь и искажаясь, пол стремительно ускользал из-под ног. Собрав всю волю в кулак, он вцепился в трибуну.

Хорошо, что среди депутатов были врачи, иначе быть непоправимой беде. У молодого, здорового мужика, до того злополучного дня не знавшего, что такое давление, в этот раз оно зашкалило за двести. Его спасла только экстренная помощь. Но с того времени давление и таблетки стали его неизменными спутниками.

Первая кукуруза, отличный урожай

И так всегда, он слишком близко принимает к сердцу всё, что касается сельской жизни, потому как – крестьянин до мозга костей. Родом он из села Урез, что в 15 км от 1-Петропавловки. Здесь прошло его босоногое детство. Как и все деревенские мальчишки, рано начал помогать родителям по хозяйству и работать наравне со взрослыми в совхозе. Уже после пятого класса, с 12 лет – на покосе: два года на граблях, два года на косилке. В советские времена это были такие вторые номера в трудовом тандеме: тракторист и помощник. Механизатор рулит, а второй номер на граблях вовремя поднимает секции зубьев, сбрасывая валок. Под лучами испепеляющего солнца, прикрывшись от него одной кепчонкой, когда нечем дышать и нет возможности передохнуть, глотнуть воды: грабли полные – рычаг на себя. Пятьдесят метров, несколько секунд прийти в себя и снова надо тянуть с трудом поддающийся ещё не окрепшей мальчишеской мускулатуре рычаг. И так – сотни раз за длинный крестьянский день. Первое время ручка рычага была красной от лопнувших кровяных мозолей. Но вскоре ладони грубеют, и ими можно зерно в муку, как жерновами, молоть. Всякое было: и с граблей падал, и плакал 12-летний пацан, но чтобы бросить, отступить – никогда и в мыслях не было. А на следующий год – снова на покос, вместе с мужиками. Престижно.

Поэтому истинную цену труду, цену каждой заработанной копейки знает не по пословицам и поговоркам, а по мозолям на руках и пропитанной потом рубахе. Именно трудовая копейка с раннего возраста научила его быть рачительным, по-крестьянски прижимистым хозяином и жить не только сегодняшним днём, но и думать о будущем. А тут – взять и закрыть детсад!

После того как на двери детского сада повесили замок, всё нажитое с таким трудом: посуда, кроватки, матрасы, стулья, столы и всё остальное – расползлось по-тараканьи в неизвестном направлении. Так бывает всегда и везде. Но время доказало правоту директора и, сделав виток, вернуло всё на круги своя. Через два десятка лет в 1-Петропавловке в торжественной обстановке с цветами и речами открывали новый, только уже более скромный детский сад. Его обустроили на бюджетные деньги, коих когда-то не хватило.

Круг второй – карьерный

Ещё один виток жизненного пути прочертила трудовая карьера Валентина Николаевича.

Он начинал её, как большинство деревенских парней. До армии и сразу после работал трактористом: три года трудился в уборочную страду на ком-

байне. Работящий, способный паренёк отремонтировал стоящую под забором ненужным металлоломом старенькую «Ниву», а в итоге стал лучшим молодым комбайнёром области! В день Валентин намолачивал по 500 центнеров, а в сезон – по 6000 центнеров хлеба. Сегодня столько же намолачивают, но уже на современных комбайнах. Трудились тогда на уборке не от зари и до зари, а от зари и далеко за полночь. Дома комбайнёр почти не бывал, жене только приносили благодарственные письма: «Уважаемая Ольга Вениаминовна, ваш муж за смену намолотил… Спасибо Вам!»

Работал шофёром, возил директора, а параллельно учился в институте на зоотехника. Страшным выдался для сельского хозяйства год в начале 80-х – засуха и бескормица. Именно в это время он назначается бригадиром на урезской ферме. Один из бригадиров отказался, а он, наоборот, сказал: «Давайте тогда в подчинение не одну бригаду, а всю ферму». Отдали. А ведь это 800 голов скота и в подчинении 60 человек. Как в омут с головой. Но справился начинающий руководитель, набрался бесценного опыта, а в райкоме партии включили толкового молодого специалиста в свой резерв. И в 1987 году, в 30 лет, его назначили директором совхоза «Рямовский», одного из самых крупных хозяйств района.

Несмотря на все трудности перестроечных и рыночных отношений, катком прошедших по сельскому хозяйству, совхоз, а затем ЗАО «Рямовское» не только выжило, но и стабильно двигалось вперёд. Молодой, энергичный, смелый в решениях, в чём-то даже жёсткий и скорый на наказание директор работал сам не покладая рук и своим подчинённым не давал застояться и расслабиться.

На перспективного руководителя вновь обратили внимание в районной администрации и предложили должность начальника управления сельского хозяйства района. Он согласился. Но уже вскоре стало понятно – не его это дело. Михайлов привык быть хозяином, привык видеть плоды своего труда, привык сам, единолично принимать самые сложные решения, а не следовать инструкциям и формулярам и быть «замом». К тому же у его преемника на посту директора «Рямовского» дела как-то резко не заладились. Хозяйство начало быстро хиреть, запутываться в долгах, поплыла дисциплина, начались задержки в зарплате. И тогда жители 1-Петропавловки, Григорьевки и Красноярки написали письмо Валентину Николаевичу с просьбой вернуться. Вернуться на любых условиях. Письмо подписали 268 человек! Фактически это все работники предприятия. Вот несколько строк из того послания:

С доярками в новом корпусе

«Уважаемый Валентин Николаевич! Мы очень обеспокоены судьбой нашего хозяйства, наших детей и внуков. За годы Вашего руководства наше хозяйство развивалось и процветало, и мы поверили, что жизнь налаживается. Вы тот человек, который не равнодушен к судьбам сельских жителей. Мы верим Вам и просим вернуться в наше хозяйство».

И бросив чиновничью должность, он снова возвратился в директорский кабинет, на собрании его выбрали единогласно. Новый старый директор не просто остановил падение хозяйства, но и стал поднимать его на всё большую и большую высоту. Наверняка сегодня есть те, кто пожалел о поставленной когда-то подписи: не всем по душе строгий, бескомпромиссный, в чём-то даже авторитарный стиль его руководства.

Но как без тени сомнений наказывает, так и, наоборот, за хорошую работу всегда поощряет. Только в этом хозяйстве комбайнёр может за безупречную и качественную работу заработать больше ста тысяч рублей. Приезжают устраиваться на работу в «Рямовское»

из соседнего Северного района, из сёл и деревень нашего района. Михайлов всем говорит одинаково: «Если хорошие люди, работящие, не пьющие – приезжайте. Если нет, то лучше и не двигайтесь с места, всё равно выгоню».

Сегодня это самое богатое хозяйство района. Современная техника, новые животноводческие помещения, высокие производственные показатели и самая большая в районе средняя зарплата среди сельхозпредприятий.

Круг третий – жизненный

В сельском хозяйстве слишком велика роль руководителя, и не везде нашлись люди, способные в сложнейших перипетиях рыночных отношений удержать сельхозпредприятия от разорения. Не повезло и малой родине Михайлова – Урезу. СПК «Урезский» обанкротился; всё: техника, скот, здания, – пошло с молотка. Что не продали, то растащили. Заброшенными остались сотни гектаров плодородных земель. Пашни, когда-то кормившие людей, постепенно зарастали быльём. И каждое такое поле оставляло в крестьянской душе Валентина Михайлова глубокий, ноющий шрам. Ведь это была его родная земля. Здесь трудились его земляки и родители, эта землица спасала их от голода в суровые военные годы и давала надежду на лучшее в тяжёлые послевоенные годы. По этим полям он бегал мальчишкой, на эту землю были пролиты его первые капли трудового пота. И мысль вернуть зарастающие поля к жизни много лет не покидала Михайлова. Не давала покоя и хозяйская жилка – столько добра пропадает. Но не хватало силёнок. Пятнадцать лет понадобилось, дабы воплотить в жизнь заветную мечту. С огромным трудом и большими затратами поля привели в порядок, распахали, засеяли.

Моя бабушка

Он снова вернулся на родину, к своим истокам, только пришёл уже на неё как хозяин, с новыми современными тракторами и комбайнами. Родная землица с лихвой отблагодарила человека – хлеб уродился богатый. Вот они, золотые колосья пшеницы с того самого поля, где пятнадцать лет рос один будыльник. Валентин Николаевич ладонью бережно приподнимает тяжёлые колоски и всё никак не решается зайти подальше в колосящуюся ниву, чтобы сфотографироваться: «Это же хлеб!».

Андрей Большаков

Барабинский район

Мой дорогой человек

Для меня моя бабушка – самая лучшая! Она добрая, понимающая, трудолюбивая и очень мудрая. Она понимает меня с полуслова, без труда угадывает моё настроение. Мне кажется, что бабушка любит меня просто необыкновенно. Наверно, её любовь сравнится с материнской, даже больше, ведь можно сказать, что бабушка – это моя вторая мама, так как она меня вырастила.

Моя бабушка позволяет мне больше свободы, но в меру, больше прощает, больше балует меня. Она верит в то, что я талантливая и обязательно добьюсь больших успехов в жизни. Мне нравится всё в моей бабушке. Она большая любительница печь блинчики, вкусненькие пирожки и оладушки. Никакая еда из магазина не сравнится с бабушкиными кулинарными шедеврами. Моя бабушка самая лучшая, потому что она всегда согревает меня своей любовью, она читает молитвы за моё благополучие.

Я люблю все её морщинки, люблю её добрый взгляд, её родные заботливые руки. Мне очень хочется, чтобы бабушка всегда улыбалась и была здорова, меньше думала о старости и как можно дольше жила со мной. Моя бабушка многому меня научила. Благодаря ей я узнала много пословиц и поговорок, много песен и стихов. Она привила мне любовь к чтению, постоянно покупает мне новые книги. Очень любит ходить за грибами и за клубникой, мастерски готовит вкусное варенье и маринует грибочки. Она очень хорошая огородница. Любит выращивать овощи, трепетно ухаживает за каждым растением, разговаривает с ними как с живыми, к осени вырастает богатый урожай, все соседи удивляются: «как будто заговорённые». Свою бабушку люблю слушать по вечерам, её рассказы о былой молодости, как работала на тяжёлой работе в перестроечное время, как почти не выплачивали зарплату, и надо было как-то кормить семью. Но она больше вспоминала о хорошем: как в молодости любила петь красивые песни после трудового дня; раньше поколение не стеснялось петь на всю улицу, наоборот – это приветствовалось в обществе. К песням меня бабушка приучила с ранних лет, наверное, я пошла в неё, опыт передался мне быстро, на данный момент я принимаю участие во многих вокальных конкурсах, занимаю первые места в муниципальных и региональных конкурсах. Раньше я хотела стать певицей, но сейчас передумала, хочу стать учителем начальных классов, учить и помогать детям.

Я свою бабушку радую своей успеваемостью в школе, принимаю участие во всех направлениях, в РДШ, выступаю в разных мероприятиях, организовываю, пою, танцую – это благодаря моей бабушке, так как она за меня переживает и интересуется моей учёбой и жизнью. Я стараюсь тоже заботиться о бабушке. Мою посуду и полы. Убираюсь в доме. Ношу тяжёлые сумки. Когда я вырасту и начну зарабатывать деньги, подарю бабушке путешествие на море. Буду покупать вкусные продукты и делать разные подарки.

Желаю бабушке, чтобы она долго жила. Чтобы у неё было весёлое настроение и крепкое здоровье. Чтобы она всегда была мудрая, счастливая и талантливая. Чтобы у неё была хорошая квартира. Я очень люблю свою бабушку.

Ксения Петрищева

Новосибирск

Прима

У моей мамы было огромное количество подружек, которые работали в самых неприхотливых местах в нашем технически сложном и очень умном городе. Была тётя Неля – буфетчица из цирка, и мы всегда имели доступ в центральную ложу для высокопоставленных гостей, другая подружка, Людмила Александровна, распоряжалась путёвками в Облсовпрофе, от неё тянулись всепроникающие нити во все самые потаённые склады и отделы, обеспечивающие жизнедеятельность миллионного города. А вот Мария Александровна Скворцова стояла чуть в сторонке от широкой дороги потребительского рынка, она была лишена материального значения, состарившаяся балерина осталась работать администратором в Новосибирском театре оперы и балета. И возможно, что именно эта бесплатная прихоть так увлекла нас и скоро мы стали завсегдатаями и театральными балетоманами. Пригласительный билет мы получали в окошечке администратора и, миновав просторный холл, фойе, назидательного и непримиримого вида дежурную с программками в руке, располагались в средней лодочке – так называли балкончик, нависающий над зрительным залом.

Любовь Гершунова

Я полюбил Оперный театр за обстановку праздника, роскошь бархатно-бордовых кресел, огромную двухтонную люстру, которая как замок распирает и тем поддерживает свод главного купола, кстати, самого большого купола

во всём необъятном Советском Союзе. Московский так называемый Большой театр с потрохами поместится в нашем Оперном.

Мы с мамой посещали только балет, несколько попыток слушать оперу увенчались полным провалом, я не понимал, как ни силился, о чём так громко поют наши оперные дивы. А вот балет – это самое моё, во-первых, в балете много девушек, во-вторых, я занимался спортивной акробатикой и мне понятны были великие труды щуплых, совершенно обезжиренных девчонок.

Скоро я влюбился. Понятно, что моей избранницей стала не соплюха из кордебалета, в котором подвизаются новички, только что окончившие хореографическое училище, и не рядовая, но уже заносчивая балерина, а солистка – красивая и лёгкая как пушинка, грациозная, страстная и удивительно лиричная – Любовь Гершунова. Правда, были и непредвиденные обстоятельства: Люба вышла замуж за артиста балета, знаменитого Анатолия Бердышева. Я его ненавидел, хотя он был красив, как бог, строен, мускулист и, невзирая на обтягивающие его ноги трико, было очевидно всем, что он достойный мужчина. Но все его вызывающие достоинства не поколебали мою любовь к Любови Гершуновой, я ходил на все спектакли с её участием. А потом, когда он уехал в командировку танцевать с Майей Плисецкой, я вообще возомнил, что он уже больше не вернётся, я успею подрасти и жениться на ней. Но то были мои юношеские фантазии троечника из 8 «В» класса 22-й школы. Бердышев всегда возвращался, а потом вовсе забрал мою возлюбленную, и они уехали гастролировать по всему Миру.

Прошли годы, прошло много лет, я стал издателем, авторитетным и маститым, как потёртый кожаный диван в холе академической библиотеки. В 2001 году нам пришла идея создать книгу «Созидатели», в которую вошли бы очерки о наиболее деятельных людях нашего города. В процессе отработки списка знаменитых и достойных горожан, вдруг мелькнула знакомая пара – Гершунова – Бердышев.

Любовь Гершунова… сердце заволновалось. Очерк о балетной паре взялась написать известный балетмейстер-режиссёр, одноклассница Гершуновой, Наталья Викторовна Соковикова. Но я всё-таки решил познакомиться с примой и наконец-то объясниться.

Любовь Васильевна встретила меня на Красном проспекте недалеко от Дома быта. Я не узнал её – маленькая, худенькая женщина, морщинистое лицо, и мне показалось, что она была немного выпивши. Меня тоже не узнают те, с кем я встречался последний раз сорок лет назад. Ничего удивительного, прошла целая жизнь.

Мы шли медленно, потом так же медленно, с трудом поднимались на этажи. Её мучила боль, страшная позвоночная боль.

– Знаешь, Коля, – она легко перешла на «ты», – диски стёрлись, суставы болят, не сплю, совсем не сплю. Всё время на обезболивающих.

В небольшой квартире нас встретил Анатолий Васильевич Бердышев, а вот его я узнал сразу – такой же красавец, стройный, широкоплечий, плотная шевелюра с проседью. Мы разместились в небольшом зале, в креслах, а Бердышев – на диванчике. Скромная обстановка, около стены старый тёмный комод с ручками-раковинами. У нас тоже был когда-то такой, но он остался в детстве. Я рассказал про книгу и попросил разрешения задать несколько вопросов.

– Любовь Васильевна, я начну с банального вопроса, как вы оказались в хореографическом училище?

– Брела по городу, смотрю написано большими буквами: «Хореографическое училище». Если есть слово «хор», значит, подумала я, поют, а я очень петь любила, и мама моя пела хорошо, я зашла и записалась.

– Отличная история! А вы? – я обратился к Анатолию Васильевичу.

– Мне было уже одиннадцать лет, мы переехали в Новосибирск, на Первомайку, из деревни Дмитриевка Алтайского края. Места в домике не хватало, жили очень тесно, мне приходилось спать со старшей сестрой на одной кровати, валетом. Она ворочалась, повернётся, а я с койки падаю. Она смеялась, говорит, если я по ночам летаю, то значит расту. Я сбежал из дому, а тут в Хореографическом училище кормят и кровать отдельная.

Разговор шёл свободный, но Бердышев больше молчал, говорила Любовь Васильевна. Я тоже по привычке был изрядно раскован и прост.

– Люба, а скажи, как на духу, в театре много женщин, а у тебя муж красавец, как ты справлялась с соперницами?

Любовь Васильевна продолжительно, будто вспоминая, посмотрела на мужа, сжала кулачок и погрозила кому-то:

– Он знает, что я с ними делала!

Я не смог сдержать смех, мне показались забавными решительность этой маленькой женщины и совершенно спокойное поведение её мужа. У него даже глаз не моргнул, он так же, полуразвалившись, сидел на диване. Я окончательно освоился и сказал:

– Люба, а я в тебя был влюблён!

– Да ну! – удивилась она, и морщинки на её лице вдруг и буквально на миг исчезли. – Придумал уже!

И я рассказал всё: и как ходил на её спектакли, как любовался ею, её красотой, лёгкостью и искренностью её танца. Она была не просто лёгкой как пушинка, она была невесомой, не Бердышев подхватывал её, а она сама летала вокруг него. Она была прекрасна, как белая и прозрачная бабочка. И при этом она сама наслаждалась своим танцем, она жила в нём, отдаваясь эмоциям полностью и до предельного конца, и умирание или воскрешение происходило на глазах зрителей, и зрители умирали и рождались вместе с нею. Казалось, что она танцует какой-то свой танец, и нет ей дела до зрителей, спектакля и режиссёра, она просто танцует, потому что ей так хочется. О, какое это было сладостное, гипнотическое очарование и какое восторженное удовольствие, и как потом аплодировал благодарный зритель, люди непроизвольно вскакивали, и грохот, и крики, огромная люстра над головою звенела хрусталём, а купол глох от оваций.

Любовь Васильевна слушала меня внимательно, даже взволнованно, странно, но объясняться в любви великой приме и уставшей больной женщине в присутствии её мужа мне было легко. Я так раскрылся и был взволнован собственным путешествием в молодость, что если бы он вызвал меня на дуэль, я сам засадил бы себе пулю в сердце.

Любовь Васильевна с 1967 по 1990 год танцевала, репетировала и опять выступала на сцене, работала и работала, истязая себя новыми нагрузками, чтобы всегда быть в форме, в высшей физической форме, которая даёт в полной мере выразить своё мироощущение в танце – именно эта вольница делала её неповторимой. Именно

за этот титанический труд – Медаль за доблестный труд и Государственная премия, и орден Трудового Красного Знамени, и звание Народной артистки России! Этой удивительной и звёздной паре рукоплескали более пятидесяти стран мира, среди которых Япония, Канада, Автралия, Франция, Бразилия…

Какое это было великое государство – Советский Союз, который подхватил послевоенных детей, накормил и помог стать кому-то великими артистами, кому-то олимпийскими чемпионами, а кому-то летописцами.

– А меня все забыли, – вдруг сказала Любовь Васильевна, – только театр Гранд-опера из Парижа до сих пор присылает поздравления с Днём рождения.

– Вы не правы, мы же книгу пишем, и там будет очерк о вас и про Анатолия Васильевича. Никто вас не забыл. Вы не правы, – я замолк в некоторой растерянности; потом попросил:

– Для книги нужны будут ваши фото, у вас есть фото?

– Открой комод, – сказала она мне.

– Какой ящик?

– Любой.

Я выдвинул самый нижний, он битком был заполнен чёрно-белыми фото. Я открыл следующий, а потом ещё один – они все были забиты фотографиями, старыми, выцветшими, с поломанными и оторванными уголками. Я выбрал всего три фото и вернул их Любе уже вместе с двухтомной книгой «Созидатели» в 2003 году. А ещё через три года Гершунова Любовь Васильевна умерла. Она прожила всего пятьдесят девять лет.

Она не права, мы её не забыли, как не забыли и Анатолия Васильевича Бердышева, который умер в 2015 году и похоронен рядом с женой на Заельцовском кладбище.

Мир вам, великие труженики, не пожалевшие себя, ради только одного нашего удовольствия прикоснуться к прекрасному, полюбить это прекрасное и попытаться рассказать будущим поколениям о тех, кто научил нас видеть и творить красоту.

Николай Александров

Сузунский район

Мужчины

Без сомнения, для каждых родителей их сын самый лучший, умный и красивый. Совсем, казалось бы, недавно они не спали по ночам, носили его, тогда ещё маленького, на руках. Потом помогали постигать азы и премудрости жизни, когда он ходил в детский сад, потом в школу. Будили по утрам, заставляли умываться, вовремя кушать, помогали, где-то заставляли принимать те или иные решения, обували и одевали его.

И вот приходит то время, когда он всё будет делать сам, в том числе принимать решения и нести за них ответственность.

Армия – это непременный атрибут государства. Армии отводится роль организованной защитной силы. И армия, так же, как и любая организационная структура, имеет свои особенности и традиции.

А какие традиции нашей армии следует хранить и приумножать прежде всего? Какой была наша армия 40, 20 лет назад, какая она сейчас? От чего необходимо избавиться в армии, чтобы она всегда была сильной и любимой народом? На эти вопросы отвечают мужчины нашего села.

Суворов Виктор Николаевич (1957 года рождения; годы службы: 1975–1978):

«В мои школьные годы патриотическое воспитание в нашей стране было поставлено очень хорошо. Каждый юноша стремился отслужить в армии. Когда парня по какой-либо причине не брали в армию, он тяжело переживал. Тогда молодёжь была воспитана в духе преданности Родине, понимала, что надо её защищать. Тогда и армия наша была высоко дисциплинированная. Парни в армию шли добровольно. Это говорит о том, что они чувствовали ответственность за нашу Родину.

Мой старший брат Владимир служил в городе Северодвинске на атомной подводной лодке. Когда он вернулся со службы, я очень ему завидовал. Красивая форма, мужская выправка,

морская походка, в моих глазах – это был идеал мужика. Пришло и моё время идти в армию. Видно, я так сильно этого желал, что попал в морские части пограничных войск Краснознамённого Тихоокеанского пограничного округа в городе Петропавловск-Камчатский. Все три года нёс службу на Краснознамённом пограничном сторожевом корабле «Дзержинский» (при СССР было всего два корабля, которые имели звание Краснознамённых). И тут я узнал таинство посвящения моряков. Первым делом ты должен выпить из плафона забортную воду. Конечно, солёная, противная, не вкусная, но что за моряк, который не знает вкус Тихого океана. А вот когда ты на полном ходу при качке поцелуешь кувалду, считай, всё страшное осталось позади. Так же у моряков есть хорошая традиция – это полное отсутствие дедовщины. Всё-таки кругом вода, и каждый должен знать, что рядом есть надёжное плечо».

Я узнала также, что Виктор Николаевич три раза на гарнизоне принимал участие в майских парадах. Имеет награды: отличник пограничных войск 2-й степени; отличник ВМФ; лучший по профессии – машинист трюмный. Демобилизовался в звании старшины второй статьи и должности командира отделения.

Следующий мой собеседник – Хаткевич Владимир (1977 года рождения), который служил в артиллерийских войсках 228-го мотострелкового полка, находившегося в Новосибирске (годы службы: 1994–1996):

«В 1991 году распался Советский Союз. Распад сопровождался развалом всех государственных учреждений. И только армия продолжала делать свое «государево дело», несмотря ни на что. Конечно, армия была поставлена в тяжелейшие условия: резко сократилось финансирование вооруженных сил. Чем должен заниматься солдат в армии? Боевой подготовкой. Чтобы заниматься боевой подготовкой, нужны деньги. И большие. Таких денег для армии не было. А если солдат не занимается своим прямым делом, то он занимается чем попало. Упала дисциплина. Армия в эти годы не жила, а существовала.

Суворов В.Н. (первый слева) 1976 год

В моё время в армию шли из-под палки. В основном, парни уклонялись от службы. Помню, командировали нас на военные учения в Казахские степи. А там жара +40 в тени. Форма у нас была – трусы и кепка. В такой форме мы даже ходили на построения. И всё же, я не жалею, что служил в этой армии, пусть нищей, но родной. Именно моё поколение пыталось сохранить великие традиции нашей Родины, потому что должно же быть у России будущее. Ведь армия отстояла Россию. Наша страна не распалась на отдельные карликовые государства, не была завоевана сильными мировыми державами. Считаю, что военно-патриотическую работу надо возрождать. И в школы военное дело надо вернуть в полном объёме, как это было раньше. На этой основе и можно будет возрождать лучшие традиции нашей армии».

А какая армия сейчас? Что-то изменилось? Да и стоит ли в неё ходить? На эти вопросы мне отвечает Акст Дмитрий (1997 года рождения):

«Служил я в Нижнем Новгороде в мотострелковых войсках в разведывательном батальоне общевойсковой разведки с мая 2015 года по май 2016. Должность у меня – оператор-гранатомётчик. Считаю, что армия – это самое лучшее место для размышлений о своей прошлой жизни. Только попав туда, ты начинаешь ценить то, чего раньше не замечал. В воинскую часть стремится попасть далеко не каждый юноша. Однако люди, знающие традиции военной службы не понаслышке, пользу-

ются большим уважением в обществе. Я отношусь к категории тех мужчин, которые служили в армии, потому что сами этого захотели, а не из-за того, что в военкомате заставили. Все началось с листа бумаги. Там мне было сказано явиться в указанное число в военкомат для прохождения медицинской комиссии. После обследования вернулся в военкомат, отдал заключение о состоянии своего здоровья и пошёл служить.

Служба – что же это такое? Первые три недели мы жили как в сказке. Именно спустя это время должна была состояться присяга. С этого момента начинается настоящая служба в армии. После присяги наша жизнь не сильно ухудшилась. Просто спустя два месяца все солдаты начали уставать от ежедневной однообразной работы и друг от друга. Спасали письма и звонки домой. В отличие от многих сослуживцев мне повезло больше всех, потому что у меня не было невесты. Дома меня ждали два любимых человека – это моя жена Катя и сынишка Артёмка.

Акст Дмитрий, 2015 год.

Я отслужил в армии и нисколько не жалею об этом. Она помогла мне пересмотреть свои жизненные ценности, посмотреть на мир другими глазами. Моему сыну Артёму сейчас 6 лет. Когда ему исполнится 18, то я обязательно отправлю его служить, чтобы армия научила его тому, чему она научила меня. А основная задача родителей за время службы – морально помогать сыну, поддерживая его в своих письмах и телефонных переговорах».

Поговорив с мужчинами, которые служили в разное время, в разных войсках, я сделала выводы: нужно снимать об армии кинофильмы, выпускать новые книги, не стесняться писать о подвигах. Нам надо вернуться к воспитанию молодёжи в духе преданности Родине на лучших примерах армейской жизни. Ведь армия – это лучшая традиция нашей Родины.

Наталья Вернер

Тогучинский район

Педагогическая династия Коноваловых

Четыре поколения педагогов в нашем роду… Наверное, это немало. А началась династия учителей семьи в далёком военном 1943 году 20 августа с Коноваловой Валентины Александровны. Родилась моя бабушка 27 сентября 1926 года. Семнадцатилетней девчонкой начала она свою трудовую деятельность учителем в Барсучинской начальной школе Новосибирской области, где проработала до 26 августа 1952 года. Сложно было работать и учиться, но она закончила заочно Новосибирское педагогическое училище. С 10 ноября 1952 года до 25 августа 1969 года бабушка трудилась в школах № 2 и № 5 города Тогучина. А с 1969 года до выхода на пенсию работала в новосибирской школе № 159.

Эстафету приняли родные племянники, дети её брата: Тамара Яковлевна Пестунова, Зоя Яковлевна Перелыгина, Валентина Яковлевна Кудрявцева и Александр Яковлевич Коновалов.

Со слов моей тёти Валентины Яковлевны, она и её сестры одна за другой закончили Болотнинское педагогическое училище. Этого очень хотела их мама, Анастасия Георгиевна Коновалова. Валентина Яковлевна уже позднее училась заочно и получила высшее образование в Новосибирском государственном педагогическом институте.

Три сестры с любовью передавали свои знания детям, работая учителями начальных классов в школах родного Тогучина.

Коновалов Александр Яковлевич работал преподавателем в Тогучинском ДОСААФ, мастером производственного обучения в Тогучинском СПТУ, затем трудился в Тогучинском межрайонном аграрном лицее. Его супруга Нина Петровна влилась в династию Коноваловых из династии педагогов Мендруль, а их дочь Евгения окончила Новосибирский государственный педагогический институт и стала учителем математики. Впоследствии в молодой учительнице заметили организаторский талант, требовательность, строгость, справедливость и назначили заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Сегодня она директор новосибирской школы № 156 с углублённым изучением предметов художественно-эстетического цикла. Женя – уже представитель третьего поколения педагогов династии Коноваловых.

Старший брат Коновалов Виталий Яковлевич, мой отец, хотя и не имел педагогического образования, но отношение к педагогической деятельности тоже имел. Он обучал сотрудников как мастер на производстве. Мы, обе его дочери, пошли по стопам своих тётушек.

Моя сестра, Коновалова Татьяна Витальевна, и я, Престинская Галина Витальевна, получили высшее образование в НГПИ. Татьяна стала преподавателем математики, а я – учителем начальных классов.

Свою трудовую деятельность сестра начала в селе Шубкино Тогучинского района, где проработала с 1986 по 1989 год. Затем она 20 лет трудилась в Тогучинской средней школе № 2, немного в школе № 3, на сегодняшний день она преподаёт математику и астрономию в Тогучинском политехническом колледже.

Я с 1993 года начала свою трудовую деятельность учителем начальных классов в Тогучинской средней школе № 2, где с удовольствием проработала десять замечательных лет. В 2003 году я продолжила работу заместителем директора по УВР в Тогучинском Центре развития творчества детства и юношества. В 2007 году мне предложили возглавить Тогучинскую школу для детей с ограниченными возможностями здоровья, в 2014 году перевели директором Тогучинской средней школы № 1, где я работаю и по сегодняшний день.

Валентина Александровна Коновалова – родоначальница нашей педагогической династии

Мой супруг, бывший военный, с 2012 года стал преподавателем физической культуры в Тогучинской школе для детей с ОВЗ, видимо, «заразившись» от меня желанием преподавать свои знания, умения и опыт детям.

Престинская Алёна Николаевна, старшая наша дочь, тоже решила пойти по стопам своих родителей. Первое её образование не имеет никакого отношения к педагогике. Позднее, получив высшее педагогическое образование, в 2020 году она стала педагогом дополнительного образования и методистом в Тогучинском Центре развития творчества. Алёна – уже представитель четвертого поколения династии.

Дочь Тамары Яковлевны Пестуновой, Марина Андреевна Кирьянова, работает учителем русского языка и литературы в Тогучинской средней школы № 3 после окончания Новосибирского государственного педагогического института. А дочь другой тёти, Зои Яковлевны Перелыгиной, Попова Наталья Валерьевна начинала работать учителем начальных классов в Тогучинской начальной школе, затем попробовала себя в предпринимательской деятельности, но желание работать с детьми победило. Она успешно работает воспитателем в Тогучинском детском саду № 2.

Максим Попов

Каждый из нашей учительской династии Коноваловых не случаен в профессии учителей. Ведь все мы росли в атмосфере, где обсуждались школьные дела. Проверка тетрадей, подготовка к урокам, чтение книг, изготовление наглядности своими руками… Возможно, это и способствовало развитию интереса к будущей профессии. О нашей династии семьи Коноваловых можно сказать много замечательных слов, потому что все они: бабушка, тётушки, дядя и сёстры, – люди большого сердца, огромного таланта и трудолюбия, высоких моральных качеств. Каждый представитель нашей династии – по-своему интересный человек и прекрасный педагог. Всех нас объединяет профессионализм, стремление к творчеству, строгая требовательность к себе и желание быть полезными обществу. Многие из представителей династии – сегодня лидеры на педагогическом поприще, внесли значительный вклад в развитие образования Новосибирской области.

Я думаю, что это не предел, и наши дети, внуки подхватят «высоко поднятое знамя» и с радостью будут сеять «разумное, доброе, вечное».

Галина Престинская

Новосибирск

Как у космонавтов

В далёком 2006 году от Сибирского политехнического техникума меня направили на производственную практику в «Горводоканал» в ГК-1 на второй участок. Пятнадцать лет назад я вошёл именно в этот кабинет, где сидел начальник второго участка и где теперь сижу я. Тогда я даже подумать не мог, что буду здесь работать и стану начальником участка.

Но это случится потом, а в те дни практики мне поначалу было страшновато, мне предстояло влиться в трудовой коллектив, первый раз в жизни моими товарищами должны были стать не учащиеся – мои ровесники, а рабочие люди, мужики взрослые, самостоятельные и крепкие. Меня удивило, что все в бригаде общаются на равных, по

именам, старше ты или опытнее – не важно, все равны.

И начальник цеха понравился, тогда участок возглавлял Пётр Кузьмич Лоза, он мне напомнил героя из фильма «Любить по-русски», сыгранного актёром Евгением Матвеевым, – такой же деловой, решительный. Звонит, помню, кому-то и договаривается, мол, ты мне краску дашь насосы покрасить, звонит другому: кисточки давай – всё решал. Понравился мне начальник, хороший человек.

После практики предложили остаться, я продлил договор и продолжил работать слесарем АВР – это аварийно-восстановительные работы. И перешёл на участок по большим коллекторам.

Был у нас фургон специальный, переделанный из ПАЗика, мы в нём, как в штабе, ездили по участку, а занимались внутренним обследованием коллекторов диаметром два и два с половиной метра, чистили протоки. А попал я в бригаду Григория Анатольевича Гладышева – очень работящий человек, многому меня научил. Шли годы, я уже закончил учёбу в техникуме, факультет ВВ – водоснабжение и водоотведение. И после техникума попал уже на седьмой участок, которым руководил Конопелько Евгений Борисович – тоже деловой, организованный. А мне и хотелось попасть на участок по большим коллекторам, так и случилось. Я оказался в брига-

де по устранению аварийных засоров на сетях канализации, и график удобный – сутки через двое. Меня назначили мастером. Начал работать, а как наработать опыт? Нужно самому брать и делать.

Если ты будешь только слушать бригадира, который знает, что делать, или водителя, который знает, куда ехать, то ты ничего не запомнишь, ничему не научишься. Если сам не купишь карту и не выучишь названия улиц, и не попробуешь руками своё дело – грош тебе цена. А неучёного подстерегают всякие опасности. У меня пару таких случаев было: ночь, зима, приехали на Авиастроителей, 1/3, около пятиэтажки полный колодец воды, открылись, слесарь с багром остался – щупает трубу в колодце, а мы пошли искать следующий колодец. Нашли пустой, возвращаемся назад, а ещё издали видим, что слесаря нету, мы бегом. Подбежали, возле колодца стоит багор, а от слесаря только голова торчит из воды, он за край траншеи держится. А получилось, что вода подмыла, и земля около колодца провалилась, хорошо, что слесарь успел оттолкнуться и за край траншеи схватиться. Мы его вытащили, место провала огородили.

И такой случай не единственным был. Помню, на улице Новосибирской приехали на засор. Идём спокойно, лето, день, всё видно и ясно, подходим к люку, крышка на месте, закрыта, рядом лужица маленькая, Вибишев подходит к колодцу, наступает ногой в эту лужу и проваливается по шею, мы его успели за загривок схватить и вытащить. Пока мы барахтались, крышка люка вместе с основанием набок завалилась. Достали товарища, все вымокли и вымазались, огородили место потопа и переодеваться поехали.

Учился я в политехническом вместе с супругой, после учёбы привёл её в «Горводоканал», и устроилась она в тот же цех ГК-1, и проработали мы вместе с нею рядом почти шестнадцать лет. Недавно уволилась, буквально в этом году. И я не всё время в цехе работал. Когда поженились, о детях задумались, надо и квартиру, и обстановку, и многое, без чего жить семье нельзя. А денег-то немного, вот и ринулся я в грузоперевозки, полтора года ездил по городам и чужим весям. В 2013 году у нас в стране случился очередной кризис, бизнес рухнул, и вернулся я в свой родной ГК-1. А Пётр Кузьмич Лоза к тому времени уже ушёл. И определил меня Конопелько Евгений Борисович на седьмой участок больших коллекторов подменным мастером в бригаду Гладышева Григория Анатольевича, у которого когда-то я учился и уму-разуму набирался.

А Гладышев Григорий Анатольевич – человек с характером! Имеет своё мнение и умеет его отстоять, пашет до последнего, до победного конца, всегда работает на качество. Если что не так, всем мозги вынесет. Я это к чему рассказываю – когда я попал к нему в бригаду, меня спрашивают: как ты будешь с ним работать? Тебе доплачивать будут или молоко выдавать за вредность? А я им объясняю, что у меня с ним прекрасные отношения и работать мне с ним комфортно. А занимались мы делом серьёзным – всеми аварийными ситуациями, то есть все раскопки, все порывы были наши. На седьмом участке работает коллектив более опытный, разряды у всех 5–6, люди, которые на опыте, их отправляют на самые сложные аварии. Гладышев Григорий Анатольевич – большой мастер – это династия, у него отец и дед работали здесь, в «Горводоканале», он и сына сюда привёл, тот сейчас бригадиром на его участке работает.

Работы по устранению повреждения на водоводе по ул. Советской, 2009 г.

Мы занимаемся внутренним обследованием коллекторов. Например, есть участок протяжённостью в два с поло-

виной километра трубопровода диаметром 1840 мм по улице Московской и до Краеведческого музея. Работают сразу три бригады. Первая – провожает, вторая – встречает, а третья идёт по трубопроводу. На глубине под землёй всякое бывает, у нас есть тунельный самоспасатель – это такой, образно говоря, термос небольшой, литровый, в котором химические реагенты, при вскрытии они начинают вырабатывать кислород, и у тебя есть сорок минут, чтобы подышать в случае загазованности или отсутствия кислорода. То есть можно вскрыть его, он одноразовый, подышать. В коллекторе на глубине ощущение не как на подводной лодке, хоть ты и в трубе, а как в космосе, только ещё тяжелее – кругом пустота и звёзд нету.

Помню, Конопелько Евгений Борисович нас инструктирует, ставит задачу, и мы идём обследовать внутреннее строение трубопровода. Инструктаж получили, расписались, а дальше сами за себя отвечаете, всё – вперёд и прямо в коллектор. Связь с внешним миром есть, но только в камерах, где смотровые люки, а в коллектор волны мобильной связи не проникают, так что всё по-взрослому. Хорошо если труба высотой два метра – идёшь в полный рост, а если полтора метра – то в три погибели, скрюченным, а если меньше, то уже, как говорят, на карачках ползёшь.

Конкурс «Лучший по профессии»

Идём мы с Григорием Анатольевичем, смотрим за трубой, записываем дефекты в блокнотик, а на мозг сигнализатор давит, пищит, сообщает, что уровень кислорода падает, и ты думаешь: возвращаться обратно эти 400 метров или всё-таки тут 50 метров осталось, и мы ещё чуть-чуть потерпим и дотянем. А на нас защитные костюмы, которые не «дышат», и очень тяжело идти, весь мокрый, несколько килограммов за раз теряешь, пока пройдёшь заданные метры. Кроме тяжести самого пути, нехватки кислорода, отсутствия звёзд, ещё крысы, которые кидаются на тебя. Григорий Анатольевич всегда шёл первым, отпинывался, а я за ним плёлся.

Вот так мы работаем, но кроме производственных всяких ситуаций ещё и мужики сами шутят. Помню, устранили засор на Новосибирске-Главном, всех посадил в будку ГАЗика, вроде все сели, вроде все взрослые мужики, я сел в кабину, поехали. Едем, вдруг звонит диспетчер, а мы полгорода уже проехали:

– Максим, где твоя бригада?

– Как где? – отвечаю диспетчеру Нине Михайловне. – В будке сидит. Где ж ей быть?

– Остановись, посмотри.

Останавливаюсь, смотрю, а будка пуста. Они, значит, все вылезли и остались на адресе. Я обратно за ними еду и спрашиваю Каргаполова:

– Саня, что за дела?

– Да мы в туалет пошли…

– Все разом? Или один пошёл, а другие держать?

Лехвар мне потом рассказал, что такая история не первый раз случилась. Виктор работал в Пашино и бригаду там забыл, а телефонов ещё не было, приехал в цех, а бригады нет, пришлось возвращаться на адрес.

Потом нам предложили участвовать в конкурсе «Лучший по профессии», сложилась бригада: Гладышев Григорий Анатольевич, его сын, я, Конопелько Евгений Борисович – началь-

ник участка и Чуркин Сергей Николаевич – начальник цеха. Мы выигрывали не раз. Также Гладышев Григорий Анатольевич от Городецкого получал всякие награды, медали. Было за что его уважать. Руки у него такие здоровые, больше моих. Хотя он ростом метр шестьдесят всего, но из-за того что он очень много работал руками, у него руки просто огромные, порой на складе дают перчатки, а они ему на руки не налазят. А он ещё и рыбак. Живёт на Владимировской, вот она – Обь, лодка. Он на Оби и дом себе построил. Лес таскали с Оби, с лесоперевалки, работящий такой, рукастый мужик, работал всегда до победного. По стечению обстоятельств подорвал здоровье, тогда ему пришлось перейти на другой вид работы.

Я считаю, что наша работа очень тяжёлая: постоянно в воде, мороз – не мороз в тех же болотниках стоять в воде – простываешь, у Гладышева сколько раз голос пропадал, а он всё равно на работе. И устраняли аварию, несмотря на непогоду, теми средствами, которые у нас были, но в ватниках в траншее с водой особо не поплаваешь. Помню, дюкер вскрывали под мостом улицы Кирова, уже ближе к вечеру. Сварщик отверстие режет в трубе под давлением – от неё столб воды десять метров. Он режет, вырезает квадрат, но как не режь, по воде же газом сильно не прорежешь, он черепушку наметил, сколько смог, вода хлещет до самого моста, но нам надо вскрыть прорез, чтобы вода пошла из трубы, чтобы она освободилась, потом откачать воду, только тогда можно сделать переключение. Лезем вскрывать, берём кувалду и начинаем по намеченному сварщиком квадрату долбить, чтобы черепушку сбить. Я Григорию Анатольевичу говорю:

– Пойдём, переоденемся, гидрашки оденем.

– Да что тут, делов-то на пять минут, – отвечает.

А у нас всегда так – на пять минут. Ладно, хорошо, и пошёл он лупить по черепушке – бац, бац, а ничего не получается, пробить не может, весь мокрый, вода же хлещет. Пошёл я за ним тоже – бац, бац – не получилось. Смотрю Григорий Анатольевич переоделся в гидраш, залез на эту труб, билбил, чуть-чуть приоткрылась, но мало, устал, думаю, надо менять. Пошёл выбивать эту черепушку, да поскользнулся на трубе, а кругом вода. Короче, вынырнул я, вытащили меня, сижу весь мокрый до нитки. Григорий Анатольевич, он половчее будет меня, у него телосложение, как у Джеки Чана, залез на эту трубу, долбил, пока черепушку не сбил, да тоже поскользнулся на трубе, но изловчился на островок отпрыгнуть, перевернулся и сухой вышел из ситуации.

А потом домой. Дома хорошо, жена и две девочки. У нас, как у космонавтов – девочки. Старшей Женечке восемь лет, а младшей Настеньке – шесть.

Максим Попов

Татарский район

У памяти не может быть предела

«Горячие точки» планеты… Сколько со времён Второй мировой войны их появилось! Афганистан, Нагорный Карабах, Абхазия, Чечня…

Мы не имеем права забывать войну в Чечне. На ней оборвалась жизнь многих тысяч сыновей нашего народа. Не забудут эту войну те, кто там воевал, те, кто лицом к лицу столкнулся со смертью.

Евгений Владимирович Смелых родился 17 апреля 1970 года в селе Константиновка Татарского района Новосибирской области. В 1971 году семья переехала в деревню Орловка. В 1987 году окончил Орловскую среднюю школу, до армии работал в совхозе. С 1988 года по 1992 год проходил службу в десантных войсках в городе Чите. Имеет знаки воинского отличия. Вернувшись домой после службы в армии, Евгений работал водителем в АОЗТ «Орловское».

В 1992 году Евгений Владимирович поступил на службу в Татарский линейный отдел милиции станции Татарская. Несколько раз направлялся в «горячие точки», проходил службу в Северной Осетии (1994 г.), дважды – в Чечне. Награждён медалью «За отли-

Смелых Евгений

чие в охране общественного порядка», а также знаком «Отличник милиции» III степени.

С 1997 года по 1999 год работал в Татарском ГОВД участковым инспектором. С марта 1999 года работал в УВД г. Новый Уренгой. В том же году был направлен в третью командировку в Чечню.

20 апреля 2002 года в четыре часа сорок минут утра провожали двадцать добровольцев милицейского взвода у здания УВД в Чечню под Грозный. Отобраны они были из сорока пяти кандидатов по результатам предварительной медкомиссии и психологического тестирования на способность солдата находиться в экстремальных условиях. Задачей сводного отряда УВД г. Новый Уренгой была охрана райвоенкомата в станице Шелковская. Но начало трагическим событиям понедельника 15 июля было положено неподалёку – около дома № 17 по улице Озёрная и станичного рынка.

На передвижном посту ППСМ РОВД сотрудниками милиции был остановлен автомобиль ВАЗ-2106 для проверки документов. В ответ из автомобиля раздались выстрелы, после чего пассажиры «шестёрки» укрылись на прямоугольном участке. На подмогу были вызваны сотрудники милиции РОВД Шелковского района, Нового Уренгоя, Татарстана, Краснодарского края и сотрудники ФСБ Шелковского района. Ближе всего к месту событий находился райвоенкомат, где и дислоцировался новоуренгойский ОМ, манёвренная группа которого в составе семи человек прибыла первой, обеспечив подход остальных групп и эвакуацию мирного населения с территории рынка.

Сотрудники ФСБП были обстреляны из автоматического оружия при проведении «зачистки», двое из них были ранены. Ближе всех к этому месту находились новоуренгойские милиционеры.

Евгений Смелых прикрывал эвакуацию раненых, из автомата АК-74 с расстояния 5–7 метров вёл огонь по укрывшемуся боевику. Расстреляв магазин, прапорщик предпринял попытку сменить его, но выскочивший из укрытия боевик с криком «Аллах Акбар» в упор расстрелял Евгения Смелых из автомата, а затем перенёс огонь на его коллег.

При этом он был сам ранен в ногу снайпером Краснодарского ОМОНа, находившимся за озером, на расстоянии 150 метров от места событий. Прикрывая товарища, старший сержант милиции Евгений Пасютин открыл огонь по боевику и уничтожил его.

Под огневым прикрытием старшего прапорщика Романа Окунева предприняли попытку эвакуировать смертельно раненого Евгения Смелых. При этом милиционеры подверглись нападению другого боевика, укрывшегося на дереве. Осколками самодельного взрывного устройства сослуживцы были ранены. Роман Окунев – легко, Евгений Пасютин, как выяснилось в дальнейшем, смертельно. Они сделали всё, что могли, всё, что полагается в таких случаях настоящим солдатам на настоящей войне…

Евгений Смелых погиб при исполнении служебного долга в Чечне 15 июля 2002 года.

Из воспоминаний Ольги Ивановны Смелых, вдовы погибшего: «Евгений влюбился в меня ещё в школе. Но я была старше его на три года и не обращала никакого внимания на его неуклюжие ухаживания. Жизнь снова свела нас уже взрослыми людьми. Я к тому времени уже стала мамой: у меня подрастал сын Костя. С улыбкой вспоминаю, как Женя приходил к нам в

Смелых Евгений на боевом задании

дом и сразу начинал играть с Костей, как блестели у мальчишки глазёнки, как они оба с нетерпением ждали следующей встречи… За три года Женя стал для нас настоящим другом, и я сдалась: мы стали жить одной семьёй. Когда родился Серёжка, Женя был очень рад и горд, что теперь у него два сына…

На счету у Евгения было уже пять серьёзных командировок в «горячие точки», когда он сообщил мне, что едет в шестую. Его не должны были отправить, он поехал добровольно, объясняя, что «не может отправить пацанов на верную смерть, ведь они, как щенята – дури много, а толку мало». У Евгения перед командировкой было какое-то нехорошее предчувствие. Потом специально звонил из Чечни, сказал, что положил деньги на книжку, объяснил, где она лежит. Вроде бы мелочь, но мне стало как-то тревожно…

15 июля был день рождения нашего общего друга, но я почему-то в этот день не нашла в себе желания и сил позвонить и поздравить его. Весь день металась, не могла найти себе места, так и уснула – на маленьком диванчике перед телевизором. Мне приснился Женя. Сон был беспокойным и непонятным. Меня разбудил телефонный звонок. Я слушала незнакомый голос, не чувствуя ногами холодного пола, не говоря ни слова, пытаясь постичь непостижимое: Женьки больше нет… Положила трубку, посмотрела на спящего Серёжку, на его голую пятку, торчащую из-под одеяла. Тогда я подумала: «Вот, сынок, ты ещё спишь, а твоя жизнь уже круто перевернулась». В эти трудные дни Костя, старший сын, пытался поддержать меня, а Серёжка никак не хотел верить, говорил, что вылечит папу и больше никогда-никогда не пустит его на войну…»

Ольга Ивановна преподает историю. Все разговоры о поступлении Кости в военное училище встретили яростный отпор. У обоих сыновей много друзей. «Это они в отца. Дружба была главным в жизни Жени, он мог поделиться последней рубахой, наш дом всегда был полон друзей. И когда я вдруг подмечаю в своих мальчишках какую-то Женькину черту, мне становится тепло, как будто он по-прежнему рядом…»

За проявленное мужество прапорщик милиции Смелых Евгений Владимирович Указом Президента Российской Федерации № 83 от 27.01.2003 награждён орденом Мужества, посмертно.

Похоронен Евгений Владимирович в родном селе Орловка. В день похорон все жители села, сослуживцы, друзья, родные собрались на кладбище.

Отданы последние почести…

Ты с честью выполнил свой долг.

Долг живых – помнить о погибших.

Необъявленная война… Это часть исторического прошлого. А из любого урока истории, особенно полученного такой дорогой ценой, при желании можно сделать полезные выводы. Главное, чтобы это желание возникло у тех, кто сейчас разжигает конфликты в «горячих точках» планеты. Я очень надеюсь, что нашему поколению не придётся участвовать в таких войнах, а политикам хватит воли и разума решать конфликты мирным путём. Когда-нибудь, я верю, мы вступим в эпоху мира и согласия, навсегда освободившись от ужасов войны.

Наталья Самоличенко

Здвинский район

Уголок России – отчий дом

«Уголок России – отчий дом…»

Как только я слышу слова этой песни, то сразу же вспоминаю посёлок Высокая Грива, мою малую родину: место, где я родилась и провела лучшие годы жизни – беззаботное детство.

К сожалению, посёлка этого уже давно нет на карте Здвинского района, но память о нём жива в сердцах тех, кто там родился, трудился, любил.

Это место можно сравнить с райским уголком: всего одна улица, но – какая!

Бревенчатые, в основном пятистенные дома, глядящие на улицу не менее чем шестью окнами, посредине наезженная колёсами телег дорога, а по обеим её сторонам – травка-муравка, по которой мы бегали наперегонки, не боясь пораниться: не валялось тогда на земле ни стёкол, ни проволоки, ни гвоз-

Семья Васильченко

дей. А через дорогу от нашего дома находилось озеро по прозванию Волчье, где водились золотистые караси и где мы, ребятишки, с удовольствием купались.

Сразу же за огородами с картошкой, разделёнными только межой и ограниченными сзади канавой, начинался лес, а вокруг него – поляны с душистой земляникой. До сих пор помню запах этой ягоды, засушенной мамой на капустном листе в русской печи.

Жили бедно, но дружно. Никогда не забыть мне семью Экгардт, четырёх милых подружек, с которыми мы играли в бабки, в мячик, сделанный папой из мочевого пузыря быка, да в куклы, сшитые старшими сёстрами из лоскутков.

А зимние долгие вечера! О них стоит особо сказать. Ведь в пору моего раннего детства в селе не было электричества, поэтому дома освещались керосиновыми лампами. Каждый вечер к нам приходила уже упомянутая мною семья Экгардт: шесть человек. Взрослые играли в карты и щелкали семечки, а мы, восемь детишек, забирались на полати и оттуда следили за игрой, рассказывали сказки, стихи, пели песни. И не было нам тесно и скучно.

Тополь, что рос когда-то у магазина

Наш отец, Дмитрий Кузьмич, был мастер на все руки: и строитель, и печник, и пимокат, и охотник. Под стать ему были и остальные мужчины села, поэтому им не составило большого труда установить столбы, протянуть провода, чтобы в домах загорелись электрические лампочки. Как сейчас вижу это чудо! И пусть свет горел только до двенадцати часов ночи, все были счастливы.

А кино! Его мы ждали, как волшебства. Все: и стар, и мал, с табуретками в руках, спешили зимой в клуб или контору, а летом – на ток, где в помещении амбара для зерна демонстрировали фильм. Плата за вход – куриное яйцо.

В Новый Год на память приходят те праздники из детства, когда вместо сосны или ели наряжали обыкновенную берёзку, украшая её цепочками, сделанными из полосок раскрашенных газет, склеенных сваренной в мундире картошкой. Сколько радости, веселья испытывали мы тогда!

Нельзя не вспомнить и дорогу из Нижнего Чулыма до Высокой Гривы.

Дорога на Высокую Гриву сегодня

Это – 15 км, которые чаще всего преодолевались на повозке, запряжённой лошадью, управлял ею Олейник, дядя Андрей. Он был и почтальон, и хлебовоз, и «таксист» в одном лице. А зимой – на тракторных санях, в тулупе.

Замёрз – соскакивай и бегом, грейся.

Очень жаль, что дорожка эта заколодела, заболотило её – трудно теперь добраться до милых бугорочков, особенно в дождливое лето. А душа просится… Хочется посидеть на холмике, что остался от родного дома, построенного руками родителей, увидеть

дерево, посаженное мною когда-то под бабушкиным окном, просто пройтись бывшей деревенской улицей и, может быть, нечаянно встретить кого-нибудь из земляков.

Возможно, это связано с возрастом, не знаю, но мне всё чаще и чаще стала сниться моя деревенька. Я вижу дома, людей которые снова там живут и трудятся. Сердце рвется из груди от удовольствия видеть все это. Но, увы, это только сон. Просыпаюсь со слезами на глазах.

Белой завистью завидую я бывшим нашим соседям из Доволенского района, жителям посёлка Золотая Нива. Они вот уже несколько лет подряд собираются в День Светлой Троицы на своей родине, причём приезжают люди издалека: из Краснодара, Волгограда и собирались приехать даже из Германии!

И я хочу обратиться к тем, кто помнит и любит Высокую Гриву: давайте попробуем и мы собраться в этот же день в этом святом для многих месте.

Помянем уже ушедших в мир иной и порадуемся за ныне здравствующих.

Наталья Неучёсова (Рыжикова)

Новосибирск

Прорваться в будущее

МУП города Новосибирска «Горводоканал» – крупнейшее предприятие водохозяйственной отрасли, являющееся лидером природоохранной деятельности в России, неоднократный победитель во Всероссийском конкурсе «Лучшее предприятие в сфере ЖКХ». Сегодня это современный, высокооснащённый, стабильно работающий технологический комплекс с коллективом профессионалов, успешно решающий все стоящие перед ним задачи по жизнеобеспечению города.

А ведь четверть века назад предприятие было в состоянии разрухи, как и вся страна. Сегодня трудно по-настоящему понять, какой путь проделал «Горводоканал» за более чем 25 лет в статусе муниципального предприятия. Для этого надо, во-первых, понимать условия 90-х, в которых городское

Строительство в п. Кудряшовский, 1997 г.

хозяйство практически оказалось предоставлено само себе, когда автономное управление и фраза «берите суверенитета, сколько сможете» были руководящей идеей государства.

Шёл 1996 год – хаос, закрывающиеся заводы, долги по зарплате, невыплаты пенсий, пустые полки в магазинах. Время – сложнейшее, экономика – непонятная, во всех сферах – отсутствие рублёвых расчётов, бартерные схемы. Предприятие лихорадило, и была угроза дестабилизации. Начались интриги, деление на своих-чужих. Коллектив разваливался. Основа жизнеобеспечения города оказалась в «переходном периоде»: сначала из предприятия советской формации – в арендное предприятие, а потом из арендного – в муниципальное унитарное. Трёх переходных «арендных» лет хватило, чтобы коммунальное предприятие превратилось в сомнительную структуру. Поэтому в марте 1996 года мэр Новосибирска принял решение о создании Муниципального унитарного предприятия города Новосибирска «Горводоканал».

Предложение возглавить «Горводоканал» возникло неожиданно. Я работал начальником Управления капитального строительства мэрии. Строил городские объекты водоснабжения и канализации. И буквально за одну ночь мне предстояло принять решение. Я принял одно из важнейших решений в своей жизни. Передо мной ставилась задача объединить коллектив и спасти предприятие от дальнейшего развала. Предстояло не просто научиться

Ю.Н. Похил, В.Ф. Городецкий, С.Л. Тимофеев на ГНС, 2006 г.

работать в новой форме собственности, предстояло изменить мышление и форму управления. Муниципальный, значит – городской. Всё, с точки зрения смыслов, встало на свои места, но одними смыслами и формами предприятие не перезапустишь.

Форму собственности поменяли, а опыта работать в условиях рынка не было. Люди на предприятии остались те же, а экономические инструменты другие – рыночные. Все противоречия нужно было срочно убрать, поменять ментальность, создать условия для системного и плодотворного труда. И помнить, что работа «Горводоканала» – это не услуга, а жизнеобеспечение города.

В то время аварийные ситуации случались не только на сетях, но и на других объектах, ответственных за бесперебойную подачу воды в город. Электрооборудование на большинстве объектов морально устарело и имело высокий процент износа. Отключения воды были частым явлением, а сроки восстановления её подачи оставляли желать лучшего. Требовались кардинальная реконструкция предприятия, модернизация всей системы водоснабжения и водоотведения огромного города, от этого зависело и зависит бесперебойное снабжение населения питьевой водой и экологическая безопасность.

Состояние централизованной системы водоснабжения и водоотведения в крупном городе – это показатель уровня развития территории. Ведь мы все «завязаны» на одну реку. На один бассейн. Из неё берём, в неё и возвращаем. И от качества работы водоканала зависит и состояние реки, и качество питьевой воды, поступающей в водопроводную сеть. «Горводоканал» – непрерывный и неделимый технологический комплекс.

Все проблемы на тот момент были из разряда глобальных. Но прежде чем двигаться вперёд, надо было правильно поставить цели и задачи. Например, одной из главных задач было создание экономических условий, формирование тарифной политики; необходимо было донести до власти, что водоканал – ключевое предприятие и требует особого внимания. Убедить, что водоканал – это огромный инженерный комплекс, который обеспечивает не только комфортную жизнь людей, но ещё и отвечает за их здоровье. И эта работа была очень сложной – ходить и обивать пороги, стучаться в закрытые двери, доказывать, ссориться, мириться и, главное, добиваться цели – обеспечения бесперебойной работы предприятия.

С другой стороны, необходимо было удержать и систему, и людей. Как может система удержаться? Либо с помощью инвестиций, либо внутренних резервов. А у нас не было ни того, ни другого. Нам нужно рассчитаться за электроэнергию, в структуре затрат предприятия она составляла более 30 процентов, купить реагенты, поддерживать обменный фонд – подшипники, насосы, электротехническую продукцию. Денег нет, один сплошной бартер. Наши снабженцы и финансисты тогда творили чудеса, обращая тонны сахара, которым с нами могли рассчитаться, в тонны хлора, необходимого при производстве питьевой воды. Бы-

Водозабор насосно-фильтровальной станции №5

вали ситуации, когда летом хлора оставалось лишь на сутки. Ладно, когда зима, когда нет внешних воздействий по загрязнению. А летом другой температурный режим, другая ситуация по качеству воды в источнике. Не потому, что мы не рассчитались, а потому, что вагоны поставщика не выпускает железная дорога, которой не заплатили. Мы были вынуждены из Кемерова возить хлор на грузовиках. Город не знал и спал спокойно, а мы знали и выкручивались, как могли.

Первые годы, что называется, «зубами» держали предприятие. Решали первоочередные вопросы: выдача заработной платы, оплата налогов, текущие эксплуатационные расходы, которые сегодня уже трудностей не представляют, а тогда это были краеугольные проблемы. Вот, например, поменять арматуру – магистральные задвижки больших диаметров. Для этого надо было останавливать подачу воды в нескольких районах. Длинную водопроводную сеть за пять минут не перезапустишь. Мы на длительное время отключали целые зоны водоснабжения, чтобы сделать систему управляемой, тем самым повысить надёжность её работы. Затем стали менять оборудование на станциях водоподготовки, где самым слабым звеном была энергетика. Постепенно проводилась мощная модернизация энергетического хозяйства предприятия: ремонт и замена электродвигателей, внедрение частотно-регулируемых электроприводов, замена маслянных выключателей на вакуумные. Станции становились жизнеспособными. Те же проблемы решались и на объектах канализации.

В 1997 году после изучения ситуации на предприятии были созданы расширенные технические советы, в которых принимали участие не только инженеры водоканала, но и проектировщики, специалисты Роспотребнадзора и других организаций. Стояла главная задача – не оставить город без воды. Совместное участие позволило выработать направления становления предприятия.

Инженерный состав предприятия разработал перечень первоочередных мероприятий на 1998–1999 гг., повышающих надёжность работы систем водоснабжения и канализации Новосибирска. Это был проект со списком различных мероприятий не только по строительству и ремонту объектов, но и по их проектированию, приобретению оборудования. Например, была запланирована реконструкция около 23 км и 10 км сетей водопровода и канализации соответственно. Одновременно разрабатывались мероприятия по энергоресурсосбережению, которые впоследствии вошли в городские и областные программы по энергоэффек-

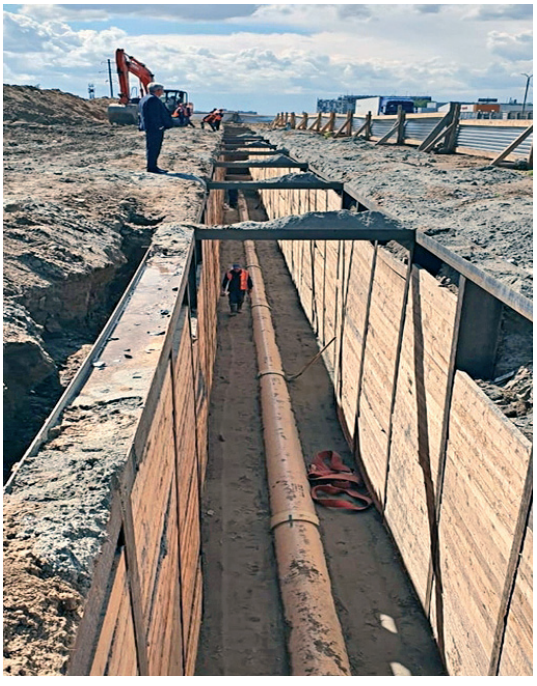
тивности и энергобезопасности. Таким образом, первый шаг к созданию стратегии деятельности предприятия на ближайшее время был сделан.

В 2000 году на основе заключения городской комиссии по оценке технического состояния объектов предприятия был разработан перечень приоритетных направлений перспективного развития водопроводно-канализационного хозяйства г. Новосибирска на 2000–2010 годы, утверждённый мэрией города Новосибирска. Документ сочетался с концепцией Федеральной целевой программы «Обеспечение населения России питьевой водой», принятой постановлением Правительства РФ от 6 марта 1998 г. № 292.

Грандиозный по своему наполнению проект содержал более 120 пунктов, распределённых по годам реализации по всему водохозяйственному комплексу. Например, внедрение новых технологических решений при подготовке питьевой воды, соответствующей нормативным требованиям качества, очистке сточных вод и обработке осадков; сокращение удельного водопотребления; прекращение сброса неочищенных сточных вод в водные объекты; сокращение потерь воды; строительство новых водопроводных сооружений; реконструкция и оснащение химических

Исследование газовой коррозии коллектора по ул. Московская

лабораторий современными приборами, производственных цехов новой современной техникой и механизмами; внедрение автоматизации технических процессов; строительство водоводов, коллекторов, сетей водопровода и канализации согласно генеральному плану развития г. Новосибирска; совершенствование структуры предприятия и многие другие вопросы.



Укладка коллектора по ул. Гусинобродское шоссе

Стоит отметить, что ежегодно составлялись планы развития с корректировкой перечня направлений. Кроме того, впоследствии этот программный документ был принят за основу при разработке инвестиционной программы «Развитие систем водоснабжения и водоотведения города Новосибирска» на 2007–2013 годы, в которую были заложены источники финансирования, позволяющие её реализовать.

С ключевой задачей – обеспечением высокого качества и бесперебойности подаваемой воды и обеспечением экологической безопасности сегодня предприятие справляется на отлично. Новосибирская питьевая вода, взятая в любой точке города, отвечает самым строгим стандартам, требованиям и

нормативам. Для решения этой задачи коллектив «Горводоканала» провёл огромную работу по модернизации производственных мощностей.

С середины 2000-х годов постоянно внедряются новые технологии, повышающие эффективность и надёжность производства. Внедрена система автоматизации всех технологических процессов, создана и оснащена новейшим оборудованием служба диагностики предприятия, центральная химико-бактериологическая лаборатория водопровода постоянно пополняется новейшими приборами для контроля качества питьевой воды.

Из реализованных масштабных проектов наиболее значимыми являются следующие.

– Реконструкция водозаборных сооружений обеих насосно-фильтровальных станций, в том числе уникальная реконструкция водозабора НФС-5, с применением погружных насосов, позволяющая обеспечить бесперебойный забор воды при понижающемся её уровне в Оби.

– Строительство и ввод в эксплуатацию нового блока НФС-1 производительностью 100 тысяч кубических метров в сутки, обеспечивающий перспективу развития городской застройки на период до 2030 года в соответствии с Генпланом г. Новосибирска.

– Введение комплексов ультрафиолетового обеззараживания на НФС-1 и НФС-5 мощностью 350 и 600 тысяч кубических метров в сутки. Это позволило в совокупности с введённым в 2016 году в эксплуатацию блоком ультрафиолетового обеззараживания стоков на очистных сооружениях канализации стать Новосибирску первым в стране городом-миллионником, полностью замкнувшим цикл обработки воды ультрафиолетом как перед подачей её населению, так и после очистки стоков.

– Масштабное строительство дюкерного перехода через реку Обь протяжённостью 1,25 км для транспортировки канализационных стоков с правобережья Новосибирска на левый берег, где расположены очистные сооружения канализации. Работы были выполнены в кратчайшие сроки, и впервые для такого строительства в России использовалась труба диаметром 1400 мм из высокопрочного полиэтилена.

– Строительство и реконструкция сотен километров магистральных сетей водоснабжения и водоотведения перспективной комплексной жилой застройки верхней зоны в Калининском районе, Южно-Чемского жилмассива, Северного и Южного направлений развития Новосибирска, строительство водовода жилого района «Чистая слобода».

– Строительство и реконструкция десятков канализационных насосных станций, например, полная реконструкция КНС № 17, строительство КНС № 7А производительностью 130 тысяч кубометров в сутки с системой коллекторов.

Работы по устранению повреждения на водоводе Д400 мм по ул. Советской, 2009 г.

Важную природоохранную функцию выполняют очистные сооружения канализации Новосибирска, которые по мощности занимают третье место в России и принимают сточные воды со всего города – от Пашино до Академгородка, а также Бердска, Оби, посёлков Кольцово и Краснообск, плюс пригородные зоны отдыха в объёме 500 тысяч кубических метров в сутки.

В связи с постоянным ужесточением требований к сбросу очищенных сточных вод в водоёмы на предприятии постоянно ведётся крупномасштабная модернизация и реконструкция всего комплекса транспортировки и очистки стоков: обновление оборудования на главной насосной станции, строительство второго блока второй очереди очистных сооружений канализации, реконструкция аэротенков и отстойников, замена оборудования для

На открытии музея Горводоканала, 2009 г.

обезвоживания осадка, строительство площадок депонирования осадка.

В результате повышения эффективности работы очистных сооружений канализации обеспечена гарантия экологической и санитарной безопасности Новосибирской агломерации и всех прилегающих территорий.

Сложно перечислить все объекты, построенные и модернизированные за прошедший период, все мероприятия, проведённые коллективом предприятия за эти годы. Их тысячи, они разные по масштабам и сложности выполнения.

В последние же годы, наряду с плановой работой по дальнейшему развитию муниципального предприятия, масштабной модернизацией оборудования и техники, городское предприятие «шагнуло» за пределы Новосибирска, став поставщиком чистой питьевой воды для жителей сельских территорий в рамках Новосибирской агломерации.

Не менее важной задачей в тот момент было сохранить коллектив, специалистов, тех, кто владеет технологиями. Построить новые взаимоотношения, объединить разрозненные подразделения одной общей целью, создать зависимость друг от друга. Мы научились работать слаженно, чтобы исключить появление слабого звена. Нам это удалось, потому что для всего коллектива была сформулирована одна командная цель – обеспечение населения города качественной водой бесперебойно и в необходимом количестве.

Структура предприятия такова, что собрать всех людей и познакомить практически невозможно. Левый берег, правый берег, слесари, электромонтёры, механики и многие другие. Первое, что мы сделали, провели спартакиаду среди работников водоканала. На первую спартакиаду в 1997 году люди приехали кто в чём. Времена были тяжёлые, не было экипировки и правильного инвентаря. Ехали не на автомобилях и красивых автобусах. Ехали в рабочих фургонах и не стеснялись этого. И первый блин не получился комом.

Людям помимо работы нужно было общение, надо, чтобы люди видели друг друга. Круглогодичная общественная культурно-спортивная жизнь предприятия себя оправдала, объединив коллектив. Благодаря этому мы не только сохранили всех специалистов, но и обеспечили приток новых работников, в первую очередь, молодёжи. И это была серьёзная победа. Так мы обрели уверенность не только в себе, но и в будущем.

Мы и дальше стали развивать это направление социальной общественной жизни, и следующее, что было сделано – это возрождение института наставничества, общение с ветеранами. Это позволило нам создать коллектив, о котором можно только мечтать.

Наши люди умеют общаться, они аккуратны. Они понимают, как работать в системе взаимной ответственности и уважения. На предприятии заметен, значим и уважаем труд каждого работника. Мы не были такими, но стали. Мы – одна трудовая семья. Мы дорожим друг другом. Мы люди высокого уровня профессионализма, мы люди нашего общего дома – Новосибирска, мы люди с чувством высокой гражданской ответственности.

Новосибирск – один из городов с хорошей, молниеносной историей и перспективой. А водопровод в таких городах не должен быть слабее, чем сам город. Меняется город, меняется водопровод. При этом у нас есть понимание, что не город «Горводоканалу» закладывает перспективу, а «Горводоканал» должен создавать перспективу городу. Предприятие должно чувствовать развитие города.

Система водоснабжения и водоотведения на территории города отлажена и под контролем. Сегодня «Горводоканал» уже эксплуатирует сети водоснабжения и водоотведения в городе Обь, посёлках Тулинский, Краснообск, Мичуринский, Приобский, Новолуговое и Кольцово. Система водоотведения принимает сточные воды городов Бердск, Обь, посёлков Краснообск и Кольцово, а также подключённых к данной системе населённых пунктов Тулинский, Криводановка, Кудряшовский, Новолуговое, Элитный, Мичуринский. Продолжаем «осваиваивать» территории Новосибирского района: Барышевский и Каменский сельсоветы.

Наша работа все прошедшие двадцать пять лет с того дня, когда предприятие стало муниципальным унитарным предприятием, была направлена на повышение качества водоснабжения и водоотведения, а значит, на улучшение общего уровня жизни горожан. Перед нами стояла сложнейшая задача: прорваться в будущее, и мы это сделали достойно и без потерь.

Юрий Похил

Кыштовский район

Исчезающие деревни. Старый Майзас

Это замечательно, что рядом с тобой живут неравнодушные люди. Так Ирина Викторовна Чурилина с теплотой и любовью рассказывает о своей малой родине.

«Мы живём в огромном по площади государстве. У нас есть духовные и материальные ценности, у нас есть люди, имена и фамилии которых на слуху. Но есть люди, которые живут далеко от шумных городов и магистралей, живут в маленьких деревушках. Об одной из немногих мне и хочется рассказать.

С каждым годом многие населённые пункты исчезают с географической карты, но не исчезнут из памяти людской, пока мы будем об этом помнить…

Это замечательное село расположено на высоком, красивом месте. В период наводнения две реки – Тара и Майзас, сливаясь, затопляют село и отрезают его от внешнего мира. И получается, что деревня расположена как на островке.

Первые переселенцы, которые облюбовали это место, наверно, никогда об этом не пожалели. Места богаты рыбой, ягодами, дичью. Но известно, что время не стоит на месте. Происходили изменения в мире, в стране и, конечно, они не могли не затронуть и эту маленькую частичку большой страны. Революции, войны – все эти события прошлись по судьбам этих людей. Всё менялось со временем в лучшую сторону, до определённого момента…

Из воспоминаний бывшего председателя колхоза «Заветы Ильича» Григория Сидоровича Гурьева:

«Я был руководителем хозяйства с 1963 по 1985 г. До 1973 года село Старый Майзас относилось к совхозу в Заливино. По решению Райкома и Райисполкома, по совместному согласию граждан села и колхозников с 3 мая 1973 года село вошло в состав колхоза «Заветы Ильича». На тот момент селяне имели 1003 гектара пашни, медпункт, клуб (перестроенный на месте бывшей церкви, а недалеко от неё была расположена и своя мельница на реке Майзас), магазин, начальная школа. И перед правлением колхоза встали следующие задачи: сделать дорогу от Верх-Майзаса до Старого Майзаса, построить мост через реку Майзас, обеспечить трудоспособное население работой.

Огород у Татьяны

Саша Синицын

И работа закипела. Купили три гусеничных трактора, чуть позже колёсный МТЗ-80. Отремонтировали старое помещение под коровник и к зиме поставили сто двадцать стельных нетелей. Наметили построить откормочный комплекс. И построили, на двести шестьдесят голов! Пустующее здание приспособили под свинарник. Было сто голов, в том числе из них двадцать свиноматок. Приобрели грузовой автомобиль, построили гараж, кузницу, склады. Для руководства бригадой избрали бригадира А. К. Кучковского, учётчиком Л. И. Попову».

Григорий Сидорович с теплотой и глубоким уважением вспоминает тружеников этой деревни. Работа спорилась, уже в следующем году продали государству двести шестьдесят центнеров мяса, постепенно увеличивали надои молока. Сеяли пшеницу, овёс, кукурузу, подсолнечник, занимались заготовкой сена. И даже для дополнительных покосов осушали болота, и это было сделано на площади сто восемьдесят гектаров! Люди хотели и умели работать. Деревня жила своими планами, надеждами. Создавались семьи, рождались дети. Был организован подвоз детей до верх-майзасской восьмилетней школы. Но наступили перестроечные времена. Очень много хозяйств стали убыточными. Не избежала такой участи и наша деревня.

На тот момент в хозяйстве колхоза «Заветы Ильича было тысяча пятьсот голов крупного рогатого скота, из них пятьсот десять дойных коров. Произошли кадровые изменения. С 1985 года до начала девяностых сменилось семь руководителей хозяйства. Люди стали искать лучшие условия для жизни, уезжать с насиженных мест. Забивались на мясо коровы, разбирались мастерские, склады, фермы, не гудели трактора и машины, не бежали на дойку доярки, опустели и заросли пашни. Если в 1973 году в Старом Майзасе было двадцать девять дворов, то на март 2017 – всего два. Жизнь замерла. Что делать?

А как же живёт деревня сейчас, в XXI веке?

В настоящее время в деревне проживает всего четыре человека. Много это или мало, не нам судить. Многие их осуждают, что они живут в такой глухомани одни. Но это их выбор, это их право. Кто же эти люди, благодаря которым деревня существует, в которой ещё теплится жизнь? Хочется особенно рассказать о двух женщинах из этого села.

Молодые, красивые, полные сил Татьяна Синицына и Елена Калинина. Татьяна вышла замуж за местного парня и привязалась к этому месту всей своей душой, родила четверых любящих и неравнодушных детей. А Лена – из местных, замечательная мама двух сыновей. Если сказать, что эти женщины очень много работают, значит, вообще ничего не сказать. У них очень большое хозяйство: лошади, коровы, свиньи, куры. На полученный доход от продажи им необходимо продержаться до следующего закола.

Почти всё лето, в зависимости от погодных условий, они заготавливают корма. А какие они хозяюшки! При всей загруженности они успевают сделать заготовки из грибов, ягод – из всего того, что есть в лесу. А ещё они рукодельницы, занимаются вязанием, шитьём. Пользуются интернетом, находят интересные идеи для рукоделия. Сейчас научились вязать мягкие игрушки крючком. А ещё радуют глаз цветы, которые они с любовью выращивают. А растения своей красотой благодарят девчат за их жизнелюбие, открытость, за их веру в лучшее будущее.

Они не «опускают руки», не нашли «утешение в рюмке», как это часто бывает. А может, у них климат особенный? Все, кто их знает, восхищаются и поражаются их жизнелюбием, оптимизмом, жизнерадостностью и заряжаются от них любовью. Пока есть такие люди, наши маленькие деревни будут жить!»

Ирина Кириенко

Новосибирск

Золотой гвоздь

1.

Идет война с бандеровскими нацистами. О героях, совершающих сейчас подвиги, мы узнаем позже, к сожалению, таков закон войны – сначала мы знакомимся с предателями, дезертирами и трусами.

Существуют две истины, которые все знают, которые никто не оспаривает, но которыми люди почему-то пренебрегают.

Первая: История повторяется.

Вторая: История никого и ничему не учит.

И появляется желание достучаться, докричаться до сознания людей, потому что на моей любимой Украине, где покоится прах моей матушки, и откуда спасаясь, бежала моя родная сестра с семьёй, бросив всё, сейчас льётся кровь. А начну я свой рассказ с короткой аналогии.

Во второй половине шестнадцатого века жил казак Ермак Тимофеевич, служил кашеваром, отчего, по мнению некоторых исследователей, и имя своё получил – Армак, то есть «котёл». Будучи человеком энергичным, не глупым и честолюбивым сменил род своей деятельности и, сколотив шайку головорезов, начал промышлять разбоем на просторах великой и богатой на купцов Волги. Когда слава о разбойничьей шайке привлекла внимание властей, Ермак со своей «дружиной» бежал на Каму, где продолжил грабить мирное население.

По стечению обстоятельств из Центральной Азии (территория Узбекистана) в Сибирь пришёл хан Кучум и после четырнадцатилетней войны в 7063 году от Сотворения Мира (в 1555 году по новому стилю) подчинил себе Сибирское царство, жестоко расправившись с царём сибирским Адыгером.

Собственно, в те века племена Центральной, Восточной Азии и европейские рыцари с их безумными и жестокими крестовыми походами мало чем отличались друг от друга, они жили разбоем и грабежом, редко мылись и были крайне жестоки.

Для хана Кучума сибирские племена были этнически чуждыми, потому он не скупился на кровь. Алчность не имеет границ и не видит краев, с 1572 по 1582 годы хан Кучум провёл несколько разрушительных набегов на территорию Русского царства, осо-

Василий Суриков, «Покорение Сибири Ермаком»

бенно досталось пермским вотчинам Строгановых. Кучумовичи уничтожили русские поселения, расположенные на берегах рек Камы, Чусовой, Косьвы, Сылвы, а Соликамск сожгли дотла, вырезав всех жителей. Остроумные Строгановы после появления ермаковской шайки быстро сообразили и в 1581 году пригласили атамана Ермака для защиты своих земель, и свершилось чудо: буйная и разрушительная сила шайки Ермака Тимофеевича встала на защиту русских рубежей.

Николай Каразин. «Въезд плененного Кучумова семейства в Москву. 1599 г.»

Ермак заставил Кучума скрываться от возмездия по всей Сибири, гонимый не только казаками и отрядами русских стрельцов, но и местными племенами сибирских татар, которые не простили хану Кучуму его жестокости и насильственного навязывания мусульманской веры. Погиб Ермак в бою в 1585 году. Но не было покою уже Кучуму, смерть настигла жестокого хана по одной версии в городище, которое находилось в центре современного Новосибирска, а по другой версии, он скрылся на кедровом острове средь непроходимых болот, на севере современного Болотнинского района и называется этот остров у местных жителей и по сей день островом Кучума.

Удивительно, но люди забыли разбойнику Ермаку его бесчинства на Волге и Каме, простили загубленные души, только лишь за то, что он, именно Ермак Тимофеевич, забил тот драгоценный Золотой гвоздь в гроб Золотой Орды, четыре столетия не дававшей спокойной и мирной жизни ни Русскому царству, ни иным коренным племенам и народам Сибири.

2.

Я помню новогоднее обращение Ельцина к народу, когда он объявил о том, что уходит с поста президента России. Последние слова этого обращения: «Берегите Россию», – видимо, понимал, что привёл страну своей политикой «берите суверенитета сколько хотите» к такому краю, за которым начинается развал и разорение. Владимира Владимировича Путина во власть привёл Ельцин как преемника и продолжателя либеральных реформ, пообещав своим хозяевам из США, что Путин не создаст им особых проблем, мол, с ним можно договориться.

Мы стали свидетелями титанических усилий, которые потребовались тогда ещё молодому Президенту Путину, чтобы сохранить разваливающуюся на части страну. Мы помним об этом с благодарностью и почтением. Но помним и безумный развал промышленности и сельского хозяйства, образования, насильственное введение ЕГЭ, развал энергосистемы, железной дороги, приватизацию природных богатств и монополий, уничтожение лучшей в мире бесплатной медицины, и помним, и знаем окружение Президента, которое состоит из «непуганых» воров, которые получили невидимую и неведомую доселе защиту власти.

Скажу откровенно, последние годы я уже не ждал ничего хорошего от Президента. Его невнятные отрежиссированные прямые линии, ежегодные обращения, майские указы, не имеющие реального воплощения в жизни и никоим образом не влияющие на жизнь ни страны, ни народа, а также «пенсионная реформа», бездарная «борьба» с биологической диверсией под названием «Ковид-19», надуманные и сфабрикованные дела против неугодных в итоге привели правящую «элитку» к необходимости фальсифицировать выборы на всех уровнях. Последние «демократические» выборы окончательно убедили меня в неспособности Президента совершить нечто важное для

России. Над страной установился мрак, который не позволял понять, что впереди – день или ночь; наступило время всеобщего уныния.

24 февраля 2022 года началась «Спецоперация на Украине», война с «нациками», потомками не выловленных бандеровцев ещё в годы Великой Отечественной войны. Да, конечно, нужно было раньше начинать эту работу, да, нужно было зачистить молодую бандеровскую поросль, пока она ещё не окрепла. Да, мы все знали, что на Украине есть лагеря, где обучаются будущие боевики украинских нацистов, на наших глазах глумились над могилами наших солдат, памятниками, живыми ветеранами Великой Отечественной войны и простыми людьми, заставляя их прыгать и как просьбу о пощаде кричать: «Кто не скачет, тот москаль!»

Потом жгли людей в Одессе, живьём, средь бела дня, на глазах у притихшей России, циничной Европы и равнодушной Америки. Потом стреляли в Киеве в ОМОН, потом бомбили Донецк и Луганск. Восемь лет гибли мирные люди, а мы терпели, затаившись у телевизоров, и пытались разговаривать с фашистами и даже задобрить их кредитами и низкими ценами на газ. А в это время переименовывались города и улицы, устраивались фашистские факельные шествия, промывались мозги молодёжи Украины и России. Людей из так называемых «самопровозглашённых» республик Донецка и Луганска убивали только за то, что они не согласились с государственным переворотом на Украине в 2014 году, а мы – русские и россияне – согласились с таким же переворотом в 1991 году в Москве!

Идёт спецоперация на Украине, идёт война не с Украиной и украинцами, идёт война с фашистами и не только украинскими, а опять со всей Европой, и теми, кто исповедует свою «избранность» в США.

Каждая капля крови русского солдата – это моя капля крови, каждая капля украинского солдата – это капля моего Рода, каждая капля бандеровской крови – это капля дикого зверя, приговорённого к смерти ещё моим отцом-победителем.

Наши предки правы уже потому, что они создали то, чем владеем мы, а те, кому стыдно быть в нашей семье, пусть идут прочь – это люди без прошлого, а значит, и без будущего.

Когда Гитлер напал на СССР, подавляющее большинство «белых» эмигрантов, бежавших после революции за границу, и украинец батька Махно в том же числе, организовали сбор средств для Красной Армии. Вот пример истинного патриотизма и любви к Родине. В миг смертельной опасности были забыты все красные и белые цвета – всё слетело, как пыль, как тлен, как мусор прошедшего времени, а осталась одна любовь к Отечеству.

Источник: http://kremlin.ru

Трудно нам будет, потому что дали вырастить «нациков», дали заморочить людям головы, дали возможность врагам России завалить Украину оружием. Но спецоперация была нужна, фашисты понимают только силу, боятся только силу, и их место в могиле. И Путин сегодня выполняет ту обязанность, которую на него возложил народ. И я верю и знаю, что пройдут годы, забудут Владимиру Владимировичу его ошибки, слабости и просчёты, а помнить будут только про тот Золотой гвоздь, который он вобьёт в гроб бандеровской нечисти уже навсегда.

Максим Сафронов

Болотнинский район

Погоня

Мой вороной конь, которого я полюбил за безупречный дегтярный отлив, ступил на хлипкий мостик через речку Болотную. Сегодня солнце припекало особенно нежно, кажется, что ещё совсем недавно было весеннее равноденствие, но обильное тепло, будто прорвав ледяную плотину, хлынуло в древний Бор, растопило стужу сугробов, развеселило округу юркими ручьями, похожими на проворных змей, которые, переливаясь на солнце серебром чешуи, устремились к своей мамке – речке Болотной. Изумрудная зелень на открытых косогорах дохнула ароматной свежестью и поманила сизый взгляд моего скакуна. Вороной ступал осторожно, но уверенно, лоснящиеся бока подрагивали бугристыми мышцами, в них закипала и бурлила безудержная сила, готовая вырваться наружу в неистовом и безупречном скаку.

– Сейчас поиграем, – пообещал я Вороному и погладил его горячую шею.

За высоким сухим камышом начиналась родниковая пойма, уходящая в царство сосновых великанов. На поляне, окружённой соснами, отдыхал небольшой отряд иуштинцев-разведчиков томского князца Таяна. Моё появление для них стало полной неожиданностью. И я, издав соколиный клёкот, ударил Вороного по бокам. Он будто ждал этого и молнией взлетел по тропе вглубь царственного Бора. Южный косогор был уже чист, но в тени леса ещё местами хранился снег, а на открытых для солнца полянах лоснилась грязь. Как я и рассчитывал, отряд кинулся мне вдогонку. Люблю эти игры, но я всё-таки берёг Вороного – лёд под грязным снегом мог повредить ногу скакуна. Сонный лес наполнился топотом и воинственным гиканьем всадников. Скоро началась холмистая местность, я свернул в укрытие. А мимо меня в предвкушении лёгкой добычи сломя голову промчалась незадачливая ватага.

Я вышел из укрытия и повернул обратно, я ехал неспешно, понимая, что сейчас мои преследователи ищут вдруг исчезнувший след Вороного. Я вернулся на место стоянки, распряг коня и отпустил на вольный берег пощипать молодой травы. Костёр прогорел, мясо томилось, и я подкинул несколько коряг в угли, и только потом уселся на любимое место под сосной – на корневище великана.

Скоро послышались шаги печального отряда, их было пять всадников. Они обступили меня. Я встал, приложил руку к груди, поклонился и сказал:

– Приветствую вас, доблестные воины Таяна!

Всадники молча спешились. Подозрительно оглядели меня.

– Ты уже понял, что смерть настигла тебя? – разозлённый бесплодной погоней, спросил один из них.

– Сегодня не день моей смерти… – но я не успел договорить.

– Врёшь, рус! – ко мне кинулся ещё совсем юноша, почти мальчик. Он замахнулся, чтобы посечь меня саблей, и закричал:

– Сдохни, собака!

Я отступил в сторону, юноша промахнулся и, влекомый необузданным порывом, угодил в разгоревшийся костёр, над которым кипела шурпа.

– Здравствуй, Байгул, ты обещал, что меня будет чтить твой род. Но твой внук только что пытался меня убить. Я – Арефа. Ты меня не узнал, а я сразу узнал след на твоей шее от стрелы хана Кучума.

– Ты – Арефа?!

– Да, – я склонил голову, – твой спаситель и друг!

– Ипташлар! – Байгул поднял руку вверх, привлекая внимание своих друзей. – Я рассказывал вам о своём чудесном исцелении, прошу принять Арефу как друга нашего рода.

Он обнял меня и задал вопрос, который сейчас мучал всех его друзей:

– Дорогой друг, зачем ты заставил нас гоняться за тобой по лесу?

– Я спасал вас.

– Спасал? От кого?!

– От вашего легкомыслия. Когда в следующий раз вы вновь отправитесь в

разведку, то выставленный вами дозор спасёт ваши жизни.

– Бабау! Почему ты веришь этому человеку? – вскричал юноша, сжимая пораненную огнём руку.

Я повернулся к молодому человеку:

– Ты молод и горяч! Убивать человека только за то, что тебе понравился его конь, – это преступление перед Богом. Но только умный человек способен осознать свой глупый поступок, и только войско с безупречной дисциплиной имеет надежду на победу, и только люди, научившиеся ценить чужую жизнь, будут жить вечно.

Юноша удивлённо посмотрел на меня и, смутившись, отошёл прочь.

– Арефа подарил мне жизнь, когда я уже потерял её. Уйди прочь! – гортанным криком приказал Байгул юноше и повернулся ко мне. – Прости его, достопочтенный Арефа, присядь с нами, и отведай нашей пищи.

– Почту за честь, – ответил я, достал из походного мешка деревянную чашку, ложку и лепёшку, сдобренную молодой зеленью. Мне как гостю первому налили шурпу. Я оставил пищу остывать, а сам спустился к речке, сорвал несколько пучков лесного чеснока и мясисто-зелёные листья окопника. Я положил сочный чеснок и лепёшку на общий стол.

– Байгул, верни юношу, – попросил я.

– Он наказан.

– Но тебя просит твой гость.

– Кубаш! – позвал дед. – Арефа простил тебя.

– Юноша, возьми шурпу и приди ко мне. Да перестань дуться, покажи свою рану.

Юноша закатал рукав камзола, на запястье обозначился крупный волдырь от ожога. Когда юноша падал, то задел казан, и немного горячей жирной пищи выплеснулось ему на запястье.

– Это особая трава, – я подал ему лист окопника, – разжуй хорошо и приложи зелёную кашицу к ране, как только боль пройдёт, садись кушать. Вот тебе ещё один лист, его разжуёшь и приложишь вечером. Рану не замотывай, пусть дышит – закрытый ожог гниёт.

Шурпа получилась отменная, молодые воины ещё бегали к реке за чесноком, немного ожили, прошло напряжение и обида на меня.

– Арефий, – осмелился спросить молодой воин, – а с чего ты взял, что Кубаш решил убить тебя из-за твоего Вороного?

– Настоящий иуштинец любит красивых лошадей. Вы не стали стрелять по мне из луков, потому что каждый из вас уже представил себя на моём скакуне.

– Откуда знаешь? – удивился Кубаш. Он был так чистосердечен и искренен в своем удивлении, что дружный хохот потряс поляну.

– Я давно живу, юноша, уже много веков, я много знаю, но ещё больше видел.

– Арефий, – осмелели и прочие воины, – зачем так долго живёшь?

– Поверьте, долгая жизнь – тяжёлая ноша, но я должен понять и потом рассказать, как можно людям стать счастливыми. Таков мой удел, такова моя судьба.

– Ты знаешь, как стать богатым?

– Не называй богатую добычу счастьем. Пока люди не хотят становиться счастливыми, и произойдёт это очень не скоро.

– Но ведь это случится?! – обрадовался Кубаш.

– Да, юноша, обязательно, но прежде человек совершит много зла, прежде чем поймёт, что счастье – это не богатая добыча, а богатая любовью душа – матери, отца, близких людей и тех, кого ты никогда не видел.

– Но что же такое счастье, если не богатства всего мира? И что толку с моей доброты в бою? И справедливость лишает тебя достатка!

– Я открою тебе ещё одну тайну: зло никогда долго не держит победу, а злой человек не бывает богат. Сейчас тебе это трудно понять, потому что кругом иные примеры, но запомни, что настоящее счастье – это когда, встретив хорошего человека, ты захочешь ему подарить то, что тебе дорого.

– Мудрёно говоришь, нам не понять, – вслух сказал свою мысль Байгул.

– Скоро поймёшь, – пообещал я, – уже сегодня.

– Ладно, мудрый Арефа, – Байгул хитро улыбнулся, будто задумал какой подвох. – Допустим, я встретил хорошего человека и подарил ему то, что мне дорого. Но я сделал только одного человека счастливым, а кто сделает счастливыми всех людей? А кто сделает счастливым меня?

– Мужчины – настоящие герои.

– Как Чингисхан? – обрадовался Кубаш.

– Нет, как Бог.

– Но человек не может стать Богом.

– Напротив, друзья мои: человек должен стать Богом и уподобиться Богу в сотворении справедливого и прекрасного мира.

– А женщины?

– Счастье женщин зависит от мужчин.

– Ты что-то говоришь не то, уважаемый мудрец, – засмеялся один из воинов. – Но где мне увидеть Бога, чтобы походить на Него?

Бог вокруг тебя. Земля тебя кормит, трава лечит, красота – утешает, вода в реке дает влагу, огонь согревает, ветер освежает твоё лицо, Солнце и Луна освещают твой путь, птица услаждает твой слух, что ты сделал для того, чтобы получить для себя это счастье? Так и ты отдавай, как Бог отдаёт, отдавай, что можешь отдать, и береги то, что имеешь.

– Но чтобы мои боги были милостивы ко мне, я приношу им жертву.

– Жертву ты приносишь шаману, не надо его путать с Богом, а твоя жертва Богу – любовь к людям. Что ты дал Богу, чтобы родиться и видеть своих любимых людей и окружающий мир. Будь как Бог, дари любовь, и мир будет прекрасен.

– Но кругом враги! Они готовы забрать у тебя и женщин, и скот, и землю, на которой ты живёшь!

– Защищай свою любовь, будь настоящим мужчиной и тогда твои жёны и дети будут тоже счастливы.

Я встал и, поклонившись, приложил руку к груди:

– Мне пора, друзья. На прощание скажу, что во владения славного князца Таяна скоро не придёт враг. Телеуты только что прогнали чёрных калмыков и залечивают раны. На западе появился отряд русов и хан Кучум теперь занят войною с ними. До первых морозов в ваших улусах будет мир.

Я позвал Вороного. Мой верный скакун подошёл ко мне, ткнулся в плечо, из его лилового глаза выкатилась слеза.

– Твой конь плачет? – удивились воины.

– Да, мой конь плачет перед разлукой. Кубаш, у тебя не очень молодая кобыла, но ведь и я не молод, и если ты не будешь против, осчастливь старика, прими от меня Вороного, а мне отдай свою лошадь.

Кубаш, онемевший, стоял и смотрел то на Вороного, то на меня, не в силах произнести ни слова, не веря своему счастью. Он молча принял от меня поводок и оглянулся на своего деда.

– Спасибо, Арефа, – склонил голову старый воин Байгул, – я понял, что такое счастье.

– И что ты понял, мудрый Байгул?

– Счастье – это когда ты успел встретить Бога на земле и увидеть Его среди простых людей.

Николай Александров

Вместо послесловия

Дорогие мои авторы и читатели!

С чувством глубочайшего удовлетворения констатирую факт выхода третьего тома Народной Летописи Новосибирской области, посвященной 85-летнему юбилею нашей дважды орденоносной области. Мы с вами славно потрудились и реализовали уникальный проект, который не имеет аналогов и который уже стал примером для многих исследователей истории Родного края. Мы щедро и бескорыстно делимся своим опытом, понимая, что познание истории и есть основа воспитания патриотов России. Мы не только изучаем историю родного края, мы её исследуем, собираем и, главное, учимся относиться к ней с уважением, благодарностью и любовью.

В работе над трёхтомником приняли участие все муниципальные образования нашей области, подавляющее большинство школ области и города. Наш проект реально стал народным, посудите сами, на сайт Летописи поступило несколько тысяч статей более чем тысячи авторов. Авторами книжного варианта Летописи стали 645 авторов, среди которых около половины — учащиеся школ.

Отлично поработали Болотнинский, Баганский, Карасукский, Куйбышевский, Тогучинский, Колыванский, Северный, Барабинский, Черепановский и многие другие районы, но особую благодарность хочется высказать авторам, статьи которых были опубликованы во всех трёх томах Летописи, — это Лариса Коноплёва из Маслянинского района, Светлана Мингалёва из Баганского района, Раиса Гришко из Северного района и Тамара Хомченко из Болотнинского района.

Потрудились и наши партнёры: сельские и городские краеведческие районные и школьные музеи, муниципальные библиотеки города и области, архивы районов и городов области, общественные организации юных следопытов, ветеранов войны и труда. Особая благодарность Музею города Новосибирска им. Ю. В. Кондратюка, Государственному архиву Новосибирской области, Новосибирской государственной областной научной библиотеке и, конечно же, нашим многочисленным спонсорам, без которых наши книги не смогли бы увидеть свет.

Работая над Летописью, мы думали о будущем, на века остаются наши труды от сердца, от души и от любви к тем, кто идёт за нами. Они должны знать честную и правдивую историю, объективную и ответственную, какой и является наша Народная Летопись Новосибирской области.

Но жизнь продолжается, а значит, нас ждут новые высокие результаты и счастливое будущее.

Министр образования Новосибирской области

С. В. Федорчук

Авторы «Народная летопись Новосибирской области. Книга 3»

Акилина Раиса
Александров Николай
Александрова Софья
Алексеев Николай
Алексеева Татьяна
Алемазова Валентина
Анна Садовская
Антонов Аркадий
Аргольд Елизавета
Архипов Александр
Астров Николай
Афанасьева Татьяна
Баязитова Дана
Белобородова Алёна
Белоусов Геннадий
Бирюков Алексей
Большаков Андрей
Бондарева Алина
Бондарь Надежда
Боцман Ольга
Букреев Вячеслав
Бурдыко Анжелика
Буторина Евгения
Вазетдинова Агдалия
Васильев Валерий
Васильева Раиса
Васильева (Нехаенко) Надежда
Вернер Наталья
Воликова Дарья
Голодяев Константин
Горобченко Елена
Грибовский Владимир
Григорьева Инна
Гришко Раиса
Громыко (Лаврова) Людмила
Гутова Анастасия
Дарья Никитина
Дегтярев Владимир
Дед Арефа
Долматов Игорь
Дорошина Галина
Дулин Дмитрий
Егорова Нина
Еланцев Николай
Еркина Дарья
Ермолич Людмила
Заворин Роман
Заика Светлана
Зиневич Лариса
Ильина Ольга
Иноземцева Наталья
Исенова Алия
Истомин Данила
Кажаев Вячеслав
Казаринов Андрей
Кайгородов Геннадий
Каширская Елизавета
Келина Ирина
Кемелева Галина
Кимис Марина
Кириенко Ирина
Ковалёва Лидия
Колесникова Татьяна
Коноплёва Лариса
Косарева Ирина
Котляров Артём
Кривушева Ольга
Кривушева (Доме) Анюта
Крохалева Светлана
Кузьмина Раиса
Кузьминых Н.
Кушнарева Тамара
Кушнерова Надежда
Лазарева Ирина
Левин Леонид
Лиманова Анастасия
Лобанов Константин
Ложеницына Светлана
Ломакина В.
Макаров Андрей
Мингалёв Артём
Мингалёва Светлана
Некрестова Галина
Неучесова (Рыжикова) Наталья
Никитин Николай
Осечкова Ирина
Павлушкин Сергей
Парфёнов Александр
«Патриот»
Петрищева Ксения
Питерин Станислав
Плахотич Татьяна
Попов Максим
Похил Юрий
Престинская Галина
Примаченко Мария
Пухальский Григорий
Родин Павел
Роенко Юлия
Рыбальченко Елена
Рябинина Лариса
Самоличенко Наталья
Сафонов Максим
Свиридова Татьяна
Семёнова Людмила
Семьянова Наталья
Сиваковская Светлана
Синиченко Надежда
Смага Ольга
Смирнова Марина
Снежко Виктор
Степанов Евгений
Степанова Ольга
Степанова Татьяна
Сухих М.
Терентьев Евгений
Тисканова Надежда
Тихонов Сергей
Ударцев Степан
Фёдорова Ольга
Филатова Лариса
Филипчук Людмила
Филичева Ольга
Фоменко Анна
Храмушкин Владимир
Цыплаков Иван
Черни Ольга
Чупринская Галина
Щукин Михаил
Эллерт Евгения
Юнг Александра

Содержание

Владимир Ламин. Народная летопись – союз поколений ... 4
Гонец ... 6
Бор ... 7
Хан Али ... 8
Мой заповедный уголок ... 12
Следы прошлого ... 13
Городище ... 15
Бараба ... 19
Последний бой хана Кучума ... 21
Озеро Круглое ... 23
Озеро Сартлан ... 26
Путешествие в прошлое ... 26
Озеро надежды ... 28
Волшебное зеркало ... 29
Ермак и Кучум ... 31
Сказка на ночь ... 33
Нажитое место ... 36
«За труды на пользу города…» ... 42
Зачинатель кинодела ... 47
Дамба ... 53
Столыпин ... 55
Дикость ... 58
Судьба Стефана Завадовского ... 60
Первый ... 65
Бараба глубинная ... 72
Русская изба и прочая утварь ... 75
Путешествие ... 76
История села Травное ... 81
Живая вода ... 83
Горохов ... 92
История Московско-Сибирского тракта ... 97
Помнят изылинцы мастера ... 100
Пастух и гармонист ... 101
Острожный ... 102
Столичный ... 104
По улице в прошлое ... 106
Самовольные переселенцы ... 108
История села Варваровка ... 110
История села Рогалёво ... 113
Лён в селе Балман ... 115
Прялка – неизменная спутница крестьянской жизни ... 117
Село Булатово – одно из самых первых ... 119
Моя малая Родина ... 123
И скорбь, и вера в победу добра над злом ... 127
Гражданская война. Применение авиации в Западной Сибири ... 132
История будущего ... 135
От героев былых времен… ... 142
Ячейка большевиков ... 145
История села Сарыбалык ... 147
Матрос Тихон Сорокин ... 152
Первые шаги ... 153
Эхо далёкой войны ... 155
Увековечены ваши имена ... 158
Противостояние ... 161
Рождение деревни ... 163
Гутовская трагедия ... 165
Народное сопротивление ... 167
Колчаковцы ... 169
Погиб за власть Советов. Николай Захаров ... 171
Моё мнение ... 173
Земляк, похожий на монаха Пересвета ... 174
Он был талантливым человеком ... 175
Он был постоянно скептиком… ... 176
Гурково: деревня-семья ... 177
Наукоград: как всё начиналось ... 180
Судьба городского сада ... 182
История колхоза в лицах… ... 186
Заметки о Родине ... 192
Судоверфь в Тогучине ... 196
Танчик — деревенька из одной улицы ... 198
Комсомольцы ... 200
Учебные запасные полки в годы Великой Отечественной войны на территории бердских лесов ... 204
Отважный шофёр ... 206
Командир взвода ... 208
Гармонь была как сто дивизий ... 210
Не забывай ... 215
Фронтовые письма ... 217
Парад Победы ... 219
Вечные сокровища сердца ... 221
Радость Победы, горечь утрат ... 223
Подвиг длиною в жизнь ... 229
След бронепоезда ... 232
Танкист Иванов ... 235
Воспоминания рядового ... 236
Ванька ... 238
Малокрасноярка на войне ... 240
Б. Н. Брысиков, П. Н. Брысиков ... 243
У каждого своя дорога памяти ... 244
Жизнь в тылу ... 247
И тыл был фронтом ... 251
Памятник в посёлке Комсомольский ... 252
Бегство Катаин ... 254
Девушка с Большой земли ... 255
Слово русское ... 255
Поделюсь умением быть счастливой ... 258
Коренной ... 260
«Вега» ... 268
Красный директор ... 274
Большое сердце ... 279
Дивный человек ... 282
Заглотыш ... 288

Времён связующая нить 291
Знаток лесов и трав 296
Секунда на подвиг 300
Клоун 302
Сердечных дел мастер 307
Целеустремлённый человек 311
Пимики 312
Всё остается детям 317
Моё детство в старом Бердске 321
По звёздной дороге 323
Дом на улице Ленина 329
Дар вести за собой 333
Золотые руки 336
Сапёр Сергей Оснач 338
Наш микрорайон 340
Точка кипения 342
Я – деревенский! 347
По следам детской памяти 350
Земляк 352
Свою судьбу она сделала сама 360
Те заводские проходные… 363
Старый Бердск 369
Солдаты необъявленной войны 372
«Золото» семьи Новиковых 376
Майловский сад 377
Али 379
Возникновение села Дубровка 387
Место старта! 388
Шлюзы 394
Мой дедушка 400
Маслянинский краевед 401
Магия поля 406
Яркий свет таланта 406
Сельская учительница 411
У попа сдачи не бывает 414
Школьный музей 415
Арт-ракурс или образ
любимого города 417
Аномалия 419
Урок английского 423
Я – папа 425
Долгая и счастливая жизнь 426
Есть такая обязанность 427
Я не помню своего отца 430
Кабачок 430
Письмо Гитлеру 432
Круги судьбы 437
Мой дорогой человек 440
Прима 441
Мужчины 444
Педагогическая династия
Коноваловых 446
Как у космонавтов 448
У памяти не может быть предела 451
Уголок России – отчий дом 453
Прорваться в будущее 455
Исчезающие деревни.
Старый Майзас 461
Золотой гвоздь 463
Погоня 466

НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ.
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ.
КНИГА 3

Краеведческая художественно-публицистическая хроника
Исторические статьи

Главный редактор-составитель
Н. Александров

Редакторы:
В. Васильев, Е. Васильева, В. Кирпиченко

Обложка *Е. Васильева*
Дизайн-верстка *О. Вялкова*
Корректор *Е. Михайлова*

Подписано к печати 12.07.2022. Формат 84x108 1/16.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Деал»,
г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел. (383) 3-340-270.